А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

ЦУСИМА

А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

ЦУСИМА

КНИГА ВТОРАЯ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1984

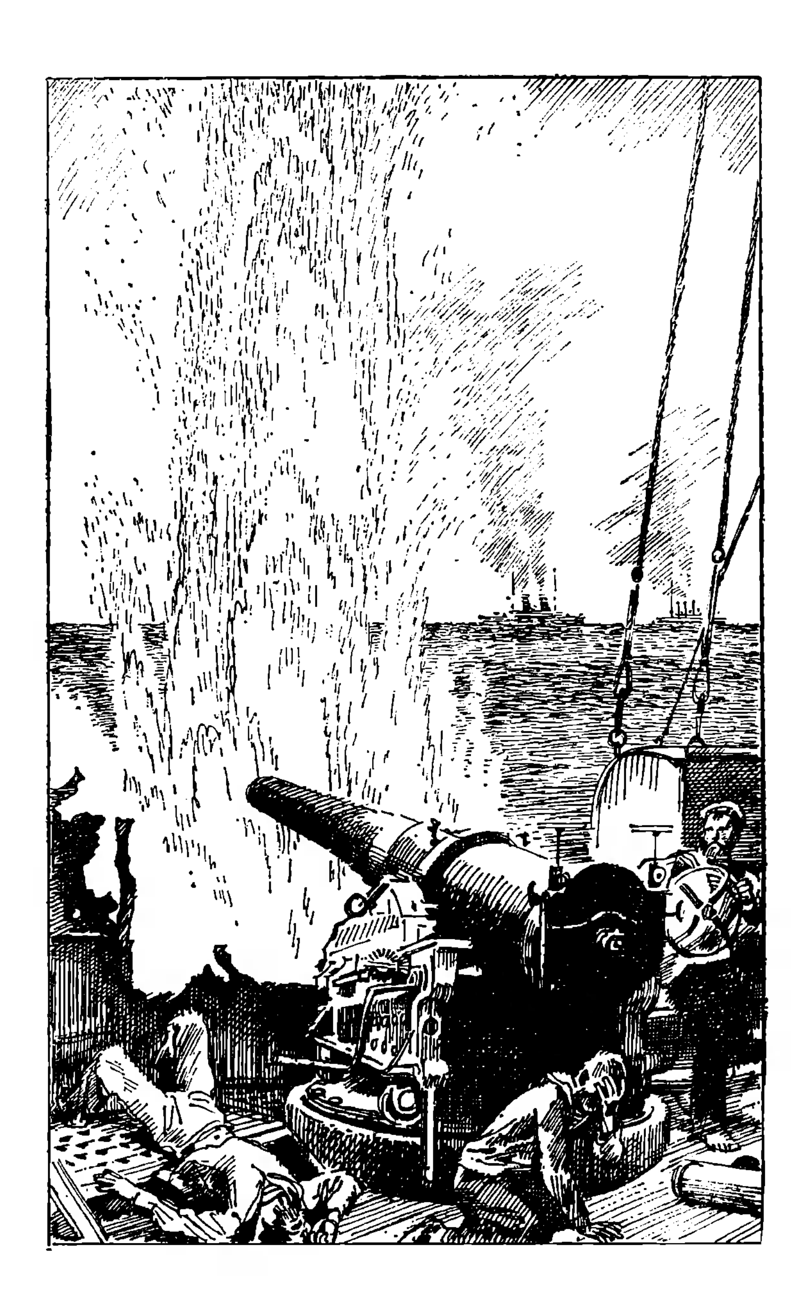
84 Р 7
Н 73

Иллюстрации
А. З. Иткина

Текст печатается по изданию: Новиков-Прибой А. С. Цусима.— М.: Художественная литература, 1952.

Н $\frac{4702010200-730}{080(02)-84}$ 730—84 84 Р 7

БОЙ

Часть первая

ПОД ПЕРВЫМ УДАРОМ

«Никто не думал, чтобы поражение русского флота оказалось таким беспощадным разгромом».

«Перед нами не только военное поражение, а полный крах самодержавия».

(Ленин. «Разгром», т. 8).

1. ПРОТИВНИК НА ГОРИЗОНТЕ

На «Орле» отбили две склянки. Гул судового колокола не успел еще замереть, как раздалась знакомая, тысячу раз мною слышанная мелодия утренней побудки. Это на верхней палубе играл горнист. Его щеки вздувались, глаза неестественно пучились, когда он выводил длинные минорные звуки сигнала. Сейчас же на палубах залились дудки капралов и старшин, послышались окрики:

— Вставай! Койки вязать!

— Живо вставай!

— Протирай очи!

— Шевелись всеми суставами!

Те, что спали, на этот раз торопливо вскакивали со своих мест. В эту тревожную ночь немногие из матросов пользовались подвесными койками, большинство провели ее, прикорнув где попало. Никто не раздевался. Быстро бежали к умывальникам, чтобы наскоро освежиться холодной забортной водою. Утро проходило, как обычно: завтракали, убирали палубы и другие помещения.

Дул зюйд-вест на четыре балла. Над волнующимся морем подстерегающе висела серая мгла. Медленно поднималось багровое солнце, словно распухшее от напряжения.

Эскадра, разделенная на две колонны, шла девятиузловым ходом по курсу норд-ост 50°, направляясь в Цусимский пролив. Строй ее был тот же, что и накануне. Правую колонну возглавлял броненосец «Суво-

ров» под флагом вице-адмирала Рожественского, левую — броненосец «Николай I» под флагом контр-адмирала Небогатова. Впереди строем клина двигались разведочные крейсеры: «Светлана», «Алмаз» и «Урал».

В начале шестого наши сигнальщики и мичман Щербачев, вооруженные биноклями и подзорными трубами, заметили справа пароход, быстро сближавшийся с нами. Подойдя кабельтовых на сорок, он лег на параллельный нам курс. Но так шел он лишь несколько минут и, повернув вправо, скрылся в утренней мгле. Ход он имел не менее шестнадцати узлов. Флага его не могли опознать, но своим поведением он сразу наводил на подозрение,— несомненно, это был японский разведчик. Надо было бы немедленно послать ему вдогонку два быстроходных крейсера. Потопили бы они его или нет, но по крайней мере выяснили бы чрезвычайно важный вопрос: открыты мы противником или все еще находимся в неизвестности? А в соответствии с этим должна была бы определиться и линия поведения эскадры. Но адмирал Рожественский не предпринял никаких мер против загадочного судна [19].

Около семи часов с правой стороны, дымя двумя трубами, показался еще один корабль, шедший сближающимся курсом. Когда расстояние до него уменьшилось до пятидесяти кабельтовых, то в нем опознали легкий неприятельский крейсер «Идзуми». Целый час он шел с нами одним курсом, как бы дразня нас. Конечно, не напрасно он оставался у нас на виду. Это сказывалось на нашей радиостанции, нервно воспринимавшей непонятный для нас шифр. То были донесения адмиралу Того, извещавшие его, из каких судов состоит наша эскадра, где мы находимся, с какой скоростью и каким курсом идем, как построена наша эскадра. Адмирал Рожественский сигналом приказал судам правой колонны навести орудия правого борта и кормовых башен на «Идзуми». Но тем только и ограничились, что взяли его на прицел. А наши быстроходные крейсеры и на этот раз ничего не предприняли.

На баке слышался разговор:

— Что же это герой «Гулльского инцидента»

смотрит там и не приказывает открыть огонь по японцу?

— Да, хоть небольшой крейсер, а все же лучше, чем рыбацкие лайбы.

— Ничего вы не понимаете. Начни стрелять — японцы на других судах перепугаются и разбегутся. С кем тогда сражаться? И ордена не за что будет получить.

Эскадра продолжала идти вперед тем же строем.

На верхней палубе я встретил инженера Васильева, передвигающегося при помощи костылей. Мы остановились около борта, против офицерского люка. Вокруг нас никого не было. Он заговорил со мною:

— Как и надо было ожидать, нам не удалось проскочить мимо японцев незамеченными. Значит, скоро предстоит сражение. А раз так, то зачем же мы продолжаем вести с собою транспорты? Пока не поздно, их можно отослать в какой-нибудь нейтральный порт. Сделать это легко. Прежде всего нужно отогнать японский крейсер. А тем временем транспорты воспользуются мглистой погодой и скроются в морской дали, ничем не рискуя. От такого маневра будет тройная польза: во-первых, уцелеют транспорты, во-вторых, наши крейсеры, освобожденные от несения охраны ненужного в бою обоза, могут принять более активное участие в предстоящем сражении, в-третьих, эскадренный ход наших боевых судов увеличится с девяти до двенадцати узлов.

— Очевидно, Рожественский верит в свою победу,— сказал я.

— Такая глупая вера, не основанная на здравой логике и цифрах, нужна только попам, а не командующему эскадрой.

Во время похода эскадры я неоднократно слышал вольные рассуждения Васильева о морской тактике и стратегии. И каждый раз он удивлял меня своими неопровержимыми доказательствами, критикуя боевые задачи эскадры. От него я научился думать иначе. Иногда передо мною возникал вопрос: что было бы, если бы вместо Рожественского эскадрой командовал этот молодой человек? И мне казалось, что он не наделал бы таких глупостей. Правда, Васильев был

только корабельным инженером, но при его огромных военных способностях быстро разбираться во всякой обстановке это никого не должно смущать. Во Франции после Великой революции необыкновенные военные дарования проявили простолюдины: сын бочара — Ней, конюх — Жан-Ланн, трактирный слуга — Мюрат, полуграмотный рядовой — Лефевр, сын простого виноторговца — Массена, рядовой солдат — Бернадот и другие скромные люди «из низов». Крупные таланты в военном искусстве выдвинули этих храбрых молодых парней в маршалы Франции. С помощью таких мастеров побед военный гений Наполеона удивлял мир блестящими успехами на полях битв. Военными талантами и отвагой этих помощников из народа сам Наполеон восхищался, уделив им яркие и прочувствованные строки своих воспоминаний. Память уводила меня в глубь морской истории, черпая из нее еще более поразительные факты. Первую по времени книгу «Морская тактика» в 1697 году во Франции написал не адмирал, а судовой поп — иезуит Павел Гост. Характерно, что к военно-морскому делу он прямого отношения не имел и, плавая на кораблях, только исполнял свои обязанности священника. Однако никто из адмиралов не мог до него с такой глубиной составить знаменитые правила маневрирования флотов и ведения морского боя. Эта книга стала учебником на многие годы: старые адмиралы, как школьники, учились по ней воевать на море. При размышлении о наших морских авторитетах мне невольно вспомнился еще один потрясающий пример. Во второй половине XVIII века англичане тридцать лет подряд терпели неудачи на море и не знали толком — почему? Это до крайности взволновало общественное мнение Англии. Моряков обвиняли в трусости. Некоторые адмиралы пошли под суд и были расстреляны. А действительная причина неудач так и не была установлена знатоками военно-морского дела. Ее открыл как раз посторонний мирный человек, далекий от флота,— шотландский мелкий чиновник Джон Клерк. Ни моряком, ни военным он не был и, что больше всего удивительно, никогда раньше не плавал на кораблях. Но сложилось так, что сухопутный незаметный чиновник, видевший корабли только

с берега, дал Англии ключ к завоеванию морей. Чтобы спасти военную честь родины, этот Джон Клерк в порыве оскорбленного патриотизма фанатично начал искать причины: почему английские корабли не побеждают? Для изучения морского дела он не поехал на море, а сел за стол и, как в игре в шахматы, стал расставлять кораблики и затем вычерчивать схемы на бумаге, постигая законы, методы и приемы морского боя, построения судов в боевой порядок и т. д. К счастью, он не был заражен профессиональной рутиной, на его здравый смысл не давили общепризнанные морские теории, высокие чины, традиции, заветы и заповеди стратегов и тактиков морского боя. Отрешившись от проторенных путей, Клерк впервые посмотрел на морское дело проницательными глазами постороннего человека. Свежесть необычного восприятия и природный талант привели его к великому открытию, что английские моряки имели ложное представление о морской тактике: обязательно сражаться с противником в одной кильватерной колонне, корабль против корабля. И у Джона Клерка, который был свободен от предвзятых идей, явилась дерзкая мысль — написать произведение о новой морской тактике. Обвинение английских моряков в трусости Клерк отрицал, но зато мудрствующих адмиралов он уличил в невежестве. Он рекомендовал не стесняться ломать свой кильватерный строй, сам по себе не имеющий никакого значения, и делить эскадру на отдельные отряды. Одни из этих отрядов, смело вклинившись в строй противника, нападают на его отрезанную часть, другие тем временем препятствуют противнику оказать помощь атакованным судам. В таких случаях неприятель не может отказаться от боя без риска потерять часть своих кораблей. Клерк убеждал не бояться, если даже бой превратится в общую свалку,— выгода будет на стороне того, кто это сделает первый, сделает сознательно, по расчету, внезапно. От такой внезапности противник теряется и, заражаясь паникой, приходит в беспорядок. Словом, дезорганизовать противника, нарушить его органическую цельность, смешать строй — вот путь к победе. С появлением в свет выдающейся книги Джона Клерка англичане круто изменили методы и приемы веде-

ния морских сражений. Руководствуясь ею, они одержали ряд блестящих морских побед — при Доминике, Сен-Винценте и Трафальгаре.

Но все эти размышления были в прошлом, а сейчас меня занимало другое. Я сказал Васильеву:

— Вы негодуете на адмирала за его промахи. Но ведь вы сами не раз внушали мне мысль: чем хуже будут наши дела на войне, тем больше выигрывает от этого революция. Не так ли?

Васильев сурово сдвинул черные брови.

— Совершенно верно. И я не думаю отказываться от своих слов. Если японцы разгромят вторую эскадру, последнюю надежду нашей империи, то это будет поважнее, чем разорвать бомбой какого-нибудь министра или даже великого князя. Поражение войск — это крах всей государственной системы. Уже теперь сами защитники власти перестают верить в эту власть. А с другой стороны, надвигается страшная сила разгневанных народных масс. Конечно, несмотря ни на что, правители никогда сами не уходят от власти. Они всегда ждут, пока их не зарежут их же верноподданные,— ждут революции. Все это для меня ясно. Но в то же время я не могу без боли в сердце думать о гибели наших кораблей, населенных живыми людьми. Такая двойственность...

Из офицерского люка показалось юное лицо мичмана Воробейчика.

— Да, японцы усиленно следят за нами,— сказал Васильев и потащился к кормовому мостику, сердито стуча костылями о деревянный настил палубы.

По распоряжению адмирала разведочный отряд переместился в тыл эскадры: «Светлана» вступила в кильватер транспортам, а «Урал» и «Алмаз» расположились по сторонам ее. Крейсеры «Жемчуг» и «Изумруд», державшиеся справа и слева, снаружи колонн, теперь выдвинулись немного вперед. Плавучие госпитали шли позади хвостовых судов.

Семь с половиной месяцев люди мучительно ждали: придет один особенный день развязки. И вот этот день наступил. Как обычно, в восемь часов под звон судового колокола взвился на гафеле кормовой андреевский флаг. К этому мы привыкли. Но сегодня в честь коронования царя и царицы одновременно за-

плескались в сыром и порывистом воздухе еще два таких же флага на стеньгах обеих мачт. Эти же флаги имели значение и боевых.

Настроение экипажа сверх обыкновения было приподнятое. Слышался оживленный говор. Некоторые, забравшись в укромный уголок, играли в шашки, другие читали книги. В одной группе деловито спорили о том, может ли человек за один присест съесть пятнадцать фунтов черного хлеба. Страшно было подумать о том, что этим людям сегодня предстоит участвовать в сражении, в котором, быть может, многие найдут себе смерть. Они как будто нарочно рисовались друг перед другом своим равнодушием к опасности: слишком уже надоела такая монотонная жизнь. Около восьми месяцев мы проплавали в чужих морях, редко съезжая на берег, выполняя непосильные работы, перенося голод, испытывая изнуряющую тропическую жару, валяясь в грязи.

Кроме того, со дня отплытия из Либавы нас не переставали пугать нападениями со стороны японцев. Слухи указывали, что они подстерегают нас всюду. В особенности усилилась тревога после Мадагаскара, а еще больше — после аннамских вод. Каждую ночь мы проводили в ожидании минных атак. Теперь все это кончилось и приближалась развязка.

В десятом часу слева, впереди траверза, на расстоянии около шести кабельтовых показалось уже четыре неприятельских корабля. Один из них был двухтрубный, а остальные — однотрубные. С нашего переднего мостика долго всматривались в них, прежде чем определили их названия: «Хасидате», «Мацусима», «Ицукусима» и «Чин-Иен» (двухтрубный). Это были броненосцы второго класса, старые, с малым ходом, водоизмещением от четырех до семи тысяч тонн. На наших судах пробили боевую тревогу. Орудия левого борта и двенадцатидюймовых носовых башен были направлены на отряд противника. Многие из нас предполагали, что наши быстроходные броненосцы первого отряда и «Ослябя» из второго отряда, а также наиболее сильные крейсеры «Олег» и «Аврора» немедленно бросятся на японцев. Пока подоспели бы их главные силы, эти четыре корабля были бы разбиты. Но адмирал Рожественский опять

воздержался от решительных действий. И неприятельские броненосцы удалились от нас настолько, что едва стали видны.

Сейчас же на смену им появились с той же левой стороны еще четыре легких и быстроходных крейсера. В них опознали: «Читозе», «Касаги», «Нийтака» и «Отава». Теперь не было никакого сомнения, что роковой час приближается. К нам подтягивались неприятельские силы. Четыре крейсера, как и предыдущие суда, пошли с нами одним курсом, понемногу сближаясь с эскадрой. На них также лежала обязанность извещать своего командующего о движении нашего флота. А наше командование, как и раньше, не думало помешать этому.

На вспомогательном крейсере «Урал» был усовершенствованный аппарат беспроволочного телеграфа, способный принимать и отправлять телеграммы на расстояние до семисот миль. С помощью такого аппарата можно было перебить донесения японских крейсеров. Почему бы нам не воспользоваться этим? С «Урала» по семафору просили на это разрешения у Рожественского. Но он ответил:

— Не мешайте японцам телеграфировать.

На «Урале» вынуждены были отказаться от своего весьма разумного намерения.

Чтобы так пренебрегать противником, нужно было иметь очень большую уверенность в превосходстве своих сил. А этой уверенности ни у кого из нас не было. Чем же объяснить целый ряд нелепых поступков Рожественского? Изменой? Нет. По своему внутреннему патриотическому чувству он был неподкупным начальником. Но чрезвычайная заносчивость, доводящая его до ослепления, мешала ему мыслить и правильно руководить подчиненными. Так было и в данном случае. Как мог, например, осмелиться командир всего лишь вспомогательного крейсера, какой-то капитан 2-го ранга, напоминать ему, командующему эскадрой, вице-адмиралу Рожественскому, что нужно в том или другом случае делать? Это было равносильно оскорблению [20].

В одном нельзя было ему отказать — это в лакейской преданности царедворца. На горизонте уже собирались грозные тучи неприятельских сил, а он пом-

нил только то, что сегодня — величайший праздник, день коронования их императорских величеств. Об этом он заботливо оповестил эскадру сигналом со своего корабля.

На нашем «Орле» засвистали дудки, раздались, как всегда, зычные голоса вахтенных унтер-офицеров:

— На молебен!

— Бегай на молебен!

Матросов согнали в жилую палубу. Там перед иконами сборной церкви уже стоял в полном облачении судовой священник отец Паисий. Рыжая нерасчесанная борода его смялась, как трава, по которой прошло стадо, рыхлое лицо с потускневшими серыми глазами выражало растерянность. Торопливо произносил он слова молитв, думая, очевидно, совершенно о другом. Кисло, словно выполняя нудную обязанность, стояли на молитве матросы. Одни — неподвижно, другие, крестясь, помахивали рукою так, как будто отбивались от назойливых мух. В заключение пропели вразброд многолетие царю и с руганью разошлись.

К этому времени эскадра перестроилась по-новому. Первый и второй броненосные отряды, увеличив ход, обогнали левую колонну и приняли ее себе в кильватер. Транспорты держались справа, у хвоста эскадры, вне боевой линии, под прикрытием крейсеров. Там же находились и пять миноносцев второго отряда. «Владимиру Мономаху» было приказано перейти на правую сторону транспортов для защиты их от «Идзуми». Легкие крейсеры «Жемчуг» и «Изумруд», исполняющие роль репетичных судов, тоже перешли направо и вместе с четырьмя миноносцами первого отряда держались недалеко от кильватерной колонны новейших броненосцев. Таким образом, наш походный строй изменился в боевой.

До этого мы целых два часа шли походным строем на виду у неприятельских разведочных судов. И никто из нас не знал, где находится противник со своими главными силами. Он мог быть далеко, мог быть и близко. Предположим, что он внезапно вынырнул бы из мглы, ограничивающей видимость горизонта на пять-шесть миль. А такое расстояние, судя по артурским сражениям, было почти доступно для японской

артиллерии. Что нам оставалось бы делать? Перестраиваться под огнем противника из походного порядка в боевой? Но только что проделанный нами опыт показал, что на такое перестроение потребовалось не меньше часа. Японцы же с момента появления на горизонте за каких-нибудь двадцать минут сблизились бы с нами настолько, что могли бы стрелять без промаха. При таком положении наша эскадра сразу попала бы под разгром.

Четыре неприятельских крейсера продолжали идти слева, на виду у нас. Расстояние до них уменьшилось до сорока кабельтовых. Эти крейсеры все время находились под прицелом наших орудий. Многие волновались, почему командующий не отдает приказа открыть огонь. Вдруг с броненосца «Орел», из левой средней шестидюймовой башни, раздался выстрел, сделанный нечаянно наводчиком. Все вздрогнули. Снаряд с гулом полетел по назначению и упал недалеко от носа второго японского корабля. На других судах, поняв наш выстрел за начало сражения, открыли огонь. Противник стал отстреливаться. Его снаряды ложились отлично. К нашему удивлению, они разрывались от падения в море и вместе с фонтаном воды поднимали клубы черного дыма. Очевидно, такие снаряды предназначались специально для пристрелки.

Однако, не располагая пока достаточными силами, японцы вынуждены были отступить и круто повернули влево. Бой длился около десяти минут, без единого попадания с той и другой стороны. На «Суворове» подняли сигнал:

«Не бросать даром снаряды»[21].

На броненосце «Орел» многие торжествовали, видя в этом чуть ли не полную победу.

Старший боцман Саем, только что вышедший на верхнюю палубу, смеялся над противником:

— Нет, япошки, это, видно, не с Артурской эскадрой сражаться!

Мичман Воробейчик одобрительно закивал головою и, в свою очередь, вставил:

— Только бы вот не напороться на подводные мины, а в артиллерийском сражении мы им устроим горячую баню!

Младший боцман Воеводин осторожно возразил:

— На такой большой глубине и ширине едва ли можно расставить мины. А что касается артиллерии, они, ваше благородие, тоже ловко стреляют.

Мичман Воробейчик рассердился:

— Боцман, укороти свой язык на полдюйма!

Воеводин, сдерживая себя, задвигал скулами.

На «Суворове» подняли сигнал:

«Команда имеет время обедать повахтенно».

Мы выпили по получарке рому и приступили к обеду. Ели на своих постах. После обеда команде разрешили отдохнуть.

Некоторые матросы относились к предстоящему бою с таким равнодушием, как будто это их совсем не касалось.

— А теперь можно и всхрапнуть,— сказал фельдфебель Мурзин и отправился отдыхать на рундуки жилой палубы.

— А я пойду дочитывать «Мещан»,— промолвил гальванер Козырев и полез на марс фок-мачты.

Туда же забрались комендоры Кильянов, Храмченко и Коткин. Первый слушал чтение, а остальные двое занялись игрою в шашки.

Я поднялся на поперечный мостик и стал наблюдать за неприятельскими крейсерами. «Идзуми» справа и четыре судна слева держались теперь на таком расстоянии, что силуэты их едва были заметны. Мы шли курсом норд-ост 50°, приближаясь к проливу, с левой стороны которого скрывается остров Цусима, а с правой — Япония. Скоро, вероятно, появится на горизонте со своей эскадрой адмирал Того, вызванный по радио разведкой. Несомненно, получив сведения о русских, он сосредоточивает теперь главные морские силы в Цусимском проливе. В таком случае, почему бы нам не выделить несколько быстроходных кораблей и не бросить их против неприятельских разведчиков? Пусть они вступят с ними в бой. Японцы еще недостаточно сильны, чтобы не отступить перед русскими. А тем временем эскадра наша, освободившись от транспортов, повернет влево, в Корейский пролив. Мглистая погода, ограничивая видимость до шести миль, очень помогла бы такому маневру. Конечно, противник все равно разыщет и догонит нас,

но пока он это сделает, мы, развив ход до двенадцати узлов, успеем пройти узкий пролив и будем далеко в Японском море. А что делали бы дальше наши оставшиеся быстроходные корабли? Отступили бы с боем, когда к японским разведчикам подошла бы помощь,— отступили или в том направлении, куда ушла эскадра, или в Тихий океан и потом каким-нибудь другим проливом самостоятельно пробились бы во Владивосток. Может быть, из такого маневра ничего не вышло бы, но одно для меня было ясно, что эскадра не должна двигаться вперед с такой пассивностью.

Ко мне подошел Вася-Дрозд и заговорил:

— Я эту ночь совсем не спал.

В походе он очень осунулся. Тонкие и длинные ноги его, казалось, еще более вытянулись. Получилось впечатление, что он стоит передо мною на ходулях. С бледного лица смотрели на меня беспокойные глаза с кровяными жилками на белках.

— Боялся минных атак? — спросил я.

— Да нет. Другое было в голове. Попался мне в руки журнал какой-то без начала и конца. А в нем напечатана большая статья насчет самообразования. Замечательная статья! Оказывается, нужно знать, что читать и как читать. Достаточно на это дело тратить каких-нибудь три часа в сутки, но только умеючи. И знаешь, какая может быть польза? Года через три станешь таким образованным, вроде как кончишь высшее учебное заведение. Правда это или нет?

— Приблизительно так,— подбодрил я его.

— В сутки я всегда сумею урвать для себя три часа.

Вася-Дрозд улыбнулся и мечтательно добавил:

— Эх, кабы в тюрьму попасть, в одиночное заключение! Там, говорят, политическим можно ничего не делать, а только читай себе книги, какие нравятся. Я бы в один год поумнел пуда на два. После службы обязательно что-нибудь сотворю. Будущей осенью в запас иду.

— До осени прожить надо. Посмотри, вон они идут,— показал я на японские крейсеры.

— Я уже думал об этом и песенку сочинил. Вот какие слова:

Над башнями небо синеет...
Что ждет нас в далеком краю?
И сердце в груди цепенеет
За жизнь молодую мою.

Быть может, погибнуть придется
В далеких восточных водах.
Чье сердце на смерть отзовется,
И месть в чьих проснется сердцах?

За наши бесплодные муки,
За жертвы судьбы роковой...

— Дальше надо бы что-нибудь насчет революции, а вот не выходит. Потом я эту песню все-таки закончу. Заново все переделаю.

В судовой колокол пробили восемь склянок — полдень. С новой сменой вахты на «Орле» управление кораблем перешло в боевую рубку. Мы в это время находились против южной оконечности острова Цусима. По сигналу командующего эскадра легла на новый курс: норд-ост 23°, взяв направление прямо на Владивосток.

Инженер Васильев стоял на кормовом мостике, куда забрался при помощи матросов, и в последний раз мрачно обозревал эскадру. Наша армада растянулась так, что концевые корабли терялись в серой мгле. Трудно было представить, глядя на нее, что такую силу можно уничтожить.

2. ВСТРЕЧА С ГЛАВНЫМИ СИЛАМИ

Набежавший туман на некоторое время скрыл от нас японские разведочные суда. Командующий, желая, очевидно, воспользоваться этим, начал перестраивать свои линейные корабли в какой-то новый порядок. Зачем, для какой цели — никто не знал.

По сигналу командующего первый и второй броненосные отряды должны были, увеличив ход до одиннадцати узлов, повернуть последовательно вправо на восемь румбов. Приказ этот выполнялся так: сначала повернул вправо под прямым углом флагманский корабль, а затем, дойдя до места его поворота, то же самое проделали «Александр», «Бородино» и «Орел».

Иначе говоря, все эти корабли, выполняя поворот последовательно, шли по струе головного. В это время снова показались из мглы японские разведчики. Чтобы не обнаружить перед ними своего замысла, Рожественский первый свой приказ в отношении второго отряда отменил, и этот отряд по-прежнему следовал кильватерной колонной. Многие из офицеров полагали, что четыре лучших броненосца будут посредством поворота «все вдруг» влево развернуты в строй фронта. Но этого не случилось. Когда эти корабли с остальной частью эскадры образовали прямой угол, командующий отдал приказ:

«Первому броненосному отряду повернуть последовательно на восемь румбов влево».

Произошла путаница. «Александр» пошел в кильватер «Суворову», а «Бородино», не поняв сигнала, сделал поворот влево одновременно с флагманским кораблем. Заколебался на некоторое время и «Орел», сбитый с толку предыдущим броненосцем. В нашей боевой рубке началась горячка. Командир судна капитан 1-го ранга Юнг крикнул старшему штурману лейтенанту Саткевичу:

— Вы ошиблись! Сигнал, вероятно, был — повернуть вдруг.

Точный и аккуратный по службе, лейтенант Саткевич отвечал уверенно:

— Этого не может быть. Сигнал разбирал я лично и сигнальный старшина Зефиров.

Командир, не удовлетворившись таким объяснением, распорядился:

— Лейтенант Славинский, проверьте!

Вахтенный начальник Славинский, всегда уравновешенный и неторопливый, на этот раз быстро посмотрел в сигнальную книгу и доложил:

— Ошибки нет. Сигнал был — повернуть последовательно. «Бородино» путает.

Прочитал то же самое и вахтенный офицер мичман Щербачев.

Командир успокоился, тем более, что и «Бородино», переложив руля, покатился за «Александром».

В конце концов первый отряд выстроился в кильватерную колонну. Эта колонна, выдвинувшись вперед и образовав уступ, шла отдельно от остальной

части эскадры параллельным с нею курсом[22]. Опять эскадра оказалась в двух колоннах, из которых правую вел «Суворов», левую — «Ослябя». Расстояние между этими двумя параллельными колоннами было тринадцать кабельтовых[23].

В 1 час 20 минут пополудни на «Орле», где с разрешения начальства многие матросы спали, прогремела команда:

— Вставай! Чай пить!

Для команды чай заваривался прямо в самоварах. Их было на броненосце несколько штук, огромных, блестевших красной медью. С чайниками в руках подбегали матросы. Однако на этот раз не всем пришлось попить чаю.

Через пять минут справа по носу смутно начали вырисовываться на горизонте главные силы неприятельского флота. Число их кораблей все увеличивалось. И все они шли кильватерным строем наперерез нашему курсу.

Кончено. Не имея преимуществ в скорости хода, мы никуда уже не можем от них скрыться. Этим-то и отличается морское сражение от сухопутного. На суше можно затеряться за горами, в лесах. В море все открыто и, насколько хватает глаз, расстилается только водная равнина. К тому же на суше командующий не видит самого боя, а имеет о нем представление лишь по донесениям младших начальников. Здесь же все происходит у него на виду, он непосредственно наблюдает за боевыми действиями. Там начальник, чем выше занимает положение, тем меньше подвергается опасности, командуя военными силами из глубокого тыла. Здесь же во время сражения все, без различия звания и занимаемого положения, подвергаются одинаковой опасности. Флагманский корабль рискует еще больше: на его мачтах развевается адмиральский флаг, как будто нарочно для того, чтобы привлечь огонь противника. При гибели корабля, когда нельзя будет спустить шлюпок и когда каждый человек, спасаясь, должен будет рассчитывать исключительно на свою ловкость, физическую силу и на умение плавать,— молодой матрос имеет даже больше шансов остаться живым, чем престарелый командир судна или адмирал.

Из-за облаков на несколько минут выглянуло солнце, осветив морской простор. Неприятельские корабли приближались. Наши офицеры старались определить их типы. Кто-то, указывая на головного, удивленно воскликнул:

— Смотрите: броненосец «Микаса»!

— Не может быть. «Микаса» давно считается погибшим.

— Значит, воскрес, если он здесь.

Головным действительно оказался «Микаса» под флагом адмирала Того. За ним следовали броненосцы «Сикисима», «Фудзи», «Асахи» и броненосные крейсеры «Кассуга» и «Ниссин». Вслед за этими кораблями выступили еще шесть броненосных крейсеров: «Идзумо» под флагом адмирала Камимура, «Якумо», «Асама», «Адзума», «Токива» и «Ивате».

На баке, тревожно всматриваясь в неприятельские корабли, скопились группы матросов. Некоторые из них, соблюдая старые морские традиции, побывали перед смертью в бане и переоделись в чистое белье. Таких убежденных, что на том свете они должны предстать перед богом, как на адмиральском смотру, было немного. В одной из групп находился и кочегар Бакланов в грязном рабочем платье. Что чувствовал он, глядя на приближающиеся корабли противника?

Священник Паисий, облаченный в ризу, с крестом в одной руке, с волосяной кистью в другой, торопливо обходил верхнюю палубу. Его сопровождал, неся чашу со святой водой, матрос, исполнявший на судне обязанности дьячка. Около каждой башни они оба останавливались, и священник наскоро кропил башню святой водой, а потом, бормоча слова молитвы, крестом благословлял дула орудий.

Кочегар Бакланов, оглянувшись и увидев Паисия, сказал:

— Смотрите-ка, ребята, наш рыжий клоп колдовством занялся. Но только, по-моему, он зря старается. Сейчас начнется кормежка рыб человеческим мясом. А милосердный бог будет смотреть и радоваться, как христолюбивые воины захлебываются в море.

Послышались раздраженные голоса:

— Замолчи ты, требуха проклятая!

— Законопатить бы ему рот паклей, он не будет зубоскалить.

Некоторые матросы рассмеялись.

Пробили еще раз боевую тревогу. Все заняли свои места. Наступила тишина. Жизнь на корабле как будто замерла. Работали лишь помпы, чтобы предохранить судно от пожаров; из шлангов с треском били сверкающие струи, обильно поливая палубу. А шлюпки еще с утра были наполнены водою.

По боевому расписанию я должен находиться в операционно-перевязочном пункте, расположенном с правого борта, на нижней палубе, у главного сходного трапа со спардека. Когда я спустился туда, там уже находились оба врача, два фельдшера, санитары, а также прикомандированные обер-аудитор и инженер Васильев, считавшийся инвалидом. Следом за мною прибыл и священник Паисий, успевший уже снять с себя ризу. Я был назначен в распоряжение врачей.

Довольно просторное помещение было выкрашено белой эмалевой краской. Каждый раз, когда били боевую тревогу, я спускался сюда. Во время нашего пребывания в тропиках здесь работать было невозможно, так как находившееся под нижней палубой отделение главных машин поднимало температуру в операционном пункте до шестидесяти градусов по Реомюру. Теперь же, в более холодной климатической полосе, температура здесь значительно понизилась. Были еще неудобства: спуск с батарейной палубы в операционный пункт проходил по узкому и очень неудобному для переноски раненых трапу. Зато сам коридор был широк, он далеко вытянулся вдоль судна, кончаясь к носу тупиком, а к корме — машинной мастерской. Этот железный переулок, расположенный в недрах броненосца, в случае надобности мог служить добавочным помещением для людей, выбывших из строя. Операционный пункт, устроенный в таком месте, имел то преимущество, что был изолирован от других отделений и хорошо защищен от неприятельских снарядов: сверху — двухдюймовой броневой батарейной палубой, с бортов — тяжелой броней.

За время пути медицинский персонал, руководимый старшим врачом Макаровым, не переставал гото-

вить перевязочные материалы. Одних только индивидуальных пакетов имелось в запасе полторы тысячи. Каждый такой пакет, состоявший из бинта в сажень длиною и куска марли, завертывался в парафиновую бумагу и укладывался в особый ящик. Эти ящики, заклеенные, со знаком Красного Креста, были распределены по всем мостикам, в боевой рубке, в башнях, в казематах и в других помещениях. Как пользоваться индивидуальным пакетом — этому команда была обучена заранее. Для транспортирования раненых приготовили пятьдесят пар носилок, сделанных из парусины и бамбуковых палок. На каждой паре носилок был приспособлен для ног парусиновый карман, чтобы при спуске по трапу раненый не сползал вниз. Носильщики распределялись по разным местам корабля, находясь под броневой защитой, а несколько человек из них остались при операционном пункте. Здесь же были запасены чаны и анкерки с пресной водой.

На этой же нижней палубе, за переборкой, в районе машинной мастерской, расположился трюмно-пожарный дивизион. Его возглавляли мичман Карпов и трюмный инженер-механик Румс. Последний за несколько минут до этого перешел в центральный пост, откуда ему будет удобнее получать распоряжения командира. Этим людям предстояло выполнять самую ответственную работу: тушить пожары, исправлять повреждения, заделывать пробоины и устранять крен.

Мне еще раз хотелось посмотреть, что делается снаружи. Я незаметно выскользнул из операционного пункта и поднялся на верхнюю палубу.

Неприятельская эскадра пересекла наш курс справа налево и стала склоняться навстречу нам, как бы намереваясь вступить с нами в бой на контргалсах. За линейными кораблями показались еще те легкие крейсеры, с которыми мы уже имели перестрелку утром. Казалось, неприятельская эскадра двигалась при помощи одного общего механизма. Она делала не более пятнадцати-шестнадцати узлов, но так как мы шли навстречу ей, то быстро сокращалось расстояние и создавалось впечатление, что вся эта масса боевых судов, дымя многочисленными трубами, несется по морю со страшной быстротой.

Бросалось в глаза, что все неприятельские корабли, как и раньше появлявшиеся разведочные суда, были выкрашены в серо-оливковый цвет и потому великолепно сливались с поверхностью моря, тогда как наши корабли были черные с желтыми трубами. Словно нарочно сделали их такими, чтобы они как можно отчетливее выделялись на серой морской глади. Даже и в этом мы оказались непредусмотрительными.

Командующий эскадрой адмирал Рожественский, быть может, никогда так не раскаивался в своей ошибке, как на этот раз. Зачем он за полчаса до этого из общей линии судов выделил четыре новейших броненосца первого отряда и построил из них с правой стороны отдельную колонну? Во главе шел флагманский «Суворов», за ним следовали «Александр III», «Бородино» и «Орел». Левую колонну возглавлял броненосец «Ослябя». Такой строй оказался для нас невыгодным. Адмирал Рожественский решил принять к себе в кильватер вторую линию судов, но для этого нужно было ему продвинуться влево на тринадцать кабельтовых. Времени для размышления оставалось слишком мало. В 1 час 40 минут «Суворов» повернул на четыре румба влево. За ним начали последовательно поворачиваться остальные три броненосца первого отряда. Но это перестроение, совершаемое вблизи неприятеля, на его глазах, только привело эскадру в полное замешательство.

Первый отряд, направляясь по диагонали на линию левой колонны, увеличил в сравнении с последней ход только на два узла. Однако с такой скоростью нельзя было успеть своевременно продвинуться вперед и занять свое место во главе эскадры. Только «Суворову» и «Александру III» удалось достигнуть намеченной цели. Но, придя на линию левой колонны и повернув на прежний курс норд-ост 23°, они сейчас же сбавили ход и не подумали о том, что за ними следуют еще два броненосца — «Бородино» и «Орел». Последние, чтобы не налезть на передние корабли, тоже уменьшили ход до девяти узлов. Начался кавардак: второй и третий отряды, не предупрежденные командующим заблаговременно об уменьшении хода, продолжали напирать; «Бородино» и «Орел», не ус-

певшие занять своего места в кильватерной колонне, оказались под страхом остаться вне строя. Тогда, чтобы пропустить их вперед, броненосец «Ослябя», возглавлявший левую колонну, сначала вынужден был уменьшить ход до самого малого, а потом, боясь столкновения с «Орлом», совсем застопорил машину и в знак этого поднял черные шары на нижнем рее своей фок-мачты. Что оставалось делать остальным кораблям, шедшим за «Ослябей»? Они уменьшили ход и выходили из строя — одни вправо, другие влево. Эскадра частично смешалась, скучилась, представляя собой грандиозную мишень.

В это время неприятельский броненосец «Микаса», ведший свою эскадру, находился приблизительно на траверзе «Орла» на расстоянии около сорока кабельтовых. Некоторые наши офицеры полагали, что японцы, расходясь с нами контркурсами, хотят напасть на наш арьергард. Но «Микаса» неожиданно повернул в нашу сторону, а затем, продолжая описывать циркуляцию, лег почти на обратный курс и пошел с нами в одном направлении. Следуя движению флагманского корабля, начали последовательный поворот и другие неприятельские суда. Выходило это у них неплохо. Однако в этом маневре заключался большой риск. Кильватерный строй неприятельской эскадры, образовав петлю, на время сдвоился.

Казалось, Рожественскому единственный раз улыбнулась судьба. Представилась возможность хоть отчасти смыть свои позорные ошибки. Мы не умели стрелять с дальней дистанции, как это неоднократно подтверждалось практическими опытами. Передние суда противника находились от нас в тридцати двух кабельтовых, что было для нас тоже слишком далеко. Но японская эскадра описывала петлю в течение пятнадцати минут. За это время наши четыре лучших броненосца первого отряда и «Ослябя» из второго отряда, если бы со всей стремительностью ринулись строем фронта на голову противника, успели бы приблизиться к нему почти вплотную: как говорится, на пистолетный выстрел. В каком чрезвычайно скверном положении оказался бы адмирал Того! Раз начатый им маневр не мог быть прекращен, пока не был бы доведен до конца. В противном случае его эскадра

сбилась бы в кучу. При этом его кораблям, находившимся на задней линии петли, нельзя было бы стрелять через переднюю. На наших же четырех лучших броненосцах башенная артиллерия была расположена так, что давала возможность развить сильный носовой огонь. Тут-то бы и сказалась вся разрушительная сила наших бронебойных снарядов. Короче говоря, если уж мы пустились в авантюру, идя с негодными средствами завоевывать Японское море, то нужно было бы применить в отношении противника и соответствующую тактику и, нарушая всякие правила, устроить бой в виде свалки.

Но этого не случилось. Рожественский был неспособен на такие решительные действия. Он продолжал пассивно вести свою эскадру дальше[24].

3. ПЕРВАЯ КРОВЬ

Наверху грохотали тяжелые башенные орудия, резко и отрывисто рвали воздух 75-миллиметровые пушки. От выстрелов содрогался весь корпус броненосца, выбрасывавший левым бортом снаряды в неприятеля. По-видимому, бой разгорался во всю мощь, решая участь одной из воюющих сторон.

Внизу, в самом операционном пункте было тихо. Ярко горели электрические лампочки. Нарядившись в белые халаты, торжественно, словно на смотру, стояли врачи, фельдшера, санитары, ожидая жертв войны. Около выходной двери, в сторонке от нее, сидел на табуретке инженер Васильев, вытянув недолеченную ногу с прибинтованным к ней лубком и держа в руках костыли. Он поглядывал на стоявшего поодаль священника Паисия, словно любуясь его епитрахилью, переливающейся золотом и малиновыми цветами, его дарохранительницей, повешенной на груди, его огненно-рыжей бородой, окаймлявшей рыхлое и бледное лицо. В беспечной позе, заложив руки назад, привалился к переборке обер-аудитор Добровольский. Младший врач Авроров, небольшого роста полнеющий блондин, скрестив руки на груди и склонив голову, о чем-то задумался. Быть может, в мыслях, далеких от этого помещения, он где-то беседует с дорогими для

него лицами. Рядом с ним, пощипывая рукой каштановую бородку, стоял старший врач Макаров, высокий, худой, с удлиненным матовым лицом. И хотя давно все было приготовлено для приема раненых, он привычным взором окидывал свое владение: шкафы со стеклянными полками, большие и малые банки, бутылки и пузыречки с разными лекарствами и растворами, раскрытые никелированные коробки со стерилизованным перевязочным материалом, набор хирургических инструментов. Все было на месте: морфий, камфара, эфир, валерианка, нашатырный спирт, мазь от ожогов, раствор соды, йодоформ, хлороформ, иглы с шелком, положенные в раствор карболовой кислоты, волосяные кисточки, горячая вода, тазы с мылом и щеткой для мытья рук, эмалированные сточные ведра,— как будто все эти предметы выставлены для продажи и вот-вот нахлынут покупатели. Люди молчали, но у всех, несмотря на разницу в выражении лиц, в глубине души было одно и то же — напряженное ожидание чего-то страшного. Однако ничего страшного не было. Отсвечивая электричеством, блестели эмалевой белизной стены и потолок помещения. Слева, если взглянуть от двери, стоял операционный стол, накрытый чистой простыней. Я смотрел на него и думал кто будет корчиться на нем в болезненных судорогах? В чье тело будут вонзаться эти сверкающие хирургические инструменты?

Освежая воздух, гудели около борта вдувные и вытяжные вентиляторы, гудели настойчиво и монотонно, словно шмели.

Мы почувствовали, что в броненосец попали снаряды — один, другой. Все переглянулись. Но раненые не появлялись. Что же это значило? Я заметил и у себя и у других постепенное исчезновение страха. Люди начали обмениваться незначительными фразами и улыбаться друг другу. Не верилось, что наверху шло настоящее сражение. Казалось, что мы участвуем лишь в маневрах со стрельбой, которые через час благополучно закончатся,— так неоднократно бывало раньше. И все почему-то обрадовались, когда первым пришел на перевязку кок Воронин. По расписанию он находился у трапа запасного адмиральского помещения и должен был помогать раненым спускаться вниз.

— Ну, что с тобой, голубчик? — ласково обратился к нему старший врач.

Кок по движению губ врача догадался, что его о чем-то спрашивают, и заорал в ответ:

— Я ничего не слышу, ваше высокоблагородие! Оглушило меня. Разорвался снаряд, и я полетел от одного борта к другому. Думал — аминь мне, а вот живой оказался.

Все с любопытством потянулись к нему, а он, подняв руку, показывал лишь один палец с небольшой царапиной.

Воронин, получив медицинскую помощь, ушел на свое место. Такое ничтожное поранение как-то не вязалось с громовыми выстрелами тяжелой артиллерии. И в операционном пункте, не зная о ходе сражения, люди повеселели еще больше. Японцы уже не казались такими грозными, как мы о них думали раньше, а наш корабль достаточно был защищен броней, чтобы сохранить свою живучесть и сберечь от гибели девятьсот человек.

Но скоро начали появляться раненые, сразу по нескольку человек. Одних доставляли на носилках, другие приходили или приползали сами. В большинстве своем это были строевые офицеры, квартирмейстеры, комендоры, орудийная прислуга, дальномерщики, сигнальщики, барабанщики — все те, кто находился на верхних частях корабля. Передо мною прошел ряд знакомых лиц. Вот прибежал матрос Суворов с мелкими осколками в спине и правой ноге, с кровавой раной в предплечье и ступне. Из офицеров первым принесли на носилках мичмана Туманова, который командовал левой 75-миллиметровой батареей. Его ранило осколком в спину. Он торопливо сообщил:

— Орудие номер шесть вышло из строя. Двое при нем убиты. Командование батареей я передал мичману Сакеллари. Он тоже ранен, но остался в строю.

— А как вообще наши дела? — спросил старший врач.

Мичман Туманов махнул рукой и застонал.

Сигнальщик Куценко, явившись, сморщил лицо, как будто собирался чихнуть, — у него была прошиблена переносица. Матрос Карнизов, показывая врачу разорванный пах, оскалил зубы и странно задергал

головой, на которой виднелась борозда, словно проведенная медвежьим когтем. У барабанщика квартирмейстера Волкова одно плечо с раздробленной ключицей опустилось ниже другого и беспомощно повисла рука. Дальномерщик Захваткин, согнувшись, закрыл руками лицо,— у него один глаз был поврежден, а другой вытек. Нетерпеливо шаркал ногой комендор Толбенников. Ему ожгло голову, плечи и руки. Носильщики то и дело доставляли раненых с распоротыми животами, с переломанными костями, с пробитыми черепами. Некоторые настолько обгорели, что нельзя было их узнать, и все они, облизанные огненными языками, теперь жаловались, дрожа, как в лихорадке.

— Холодно... зябко...

Раненых, получивших временную медицинскую помощь, укладывали тут же, на палубе, на разложенные матрацы.

Как всегда бывает в массе людей, среди нее находились и храбрые и трусы. Одни, несмотря на тяжелые ранения, после оказанной им помощи порывались снова уйти наверх, чтобы занять свое место в бою. Врачи удерживали их насильно. Другие, с маленькими царапинами, старались застрять в операционном пункте или скрыться в глубине судна.

Как морская война отличается от сухопутной, так и медицинская помощь раненым на корабле имеет свои особенности. Прежде всего, об эвакуации пострадавших не может быть и речи. Им придется оставаться здесь до прибытия судна в свой или чужой порт. Броненосец, пока не потерял способности управляться, не может выйти из боевой колонны для передачи раненых. Этим самым он только нарушил бы общий строй эскадры и ослабил бы на некоторое время ее силу. К нему во время боя не может приблизиться и госпитальное судно для снятия людей, выбывших из строя, потому что оно рискует от одного снаряда пойти ко дну со всем своим населением. Значит, здесь, в этом помещении, и раненые, и медицинский персонал, и все остальные люди одинаково разделяют судьбу своего корабля. Была разница и в самом характере нанесенных ран. У нас, в отличие от сухопутного боя, не дырявили людей винтовоч-

ными пулями, не рубили шашками, не прокалывали штыками, не мяли лошадиными копытами. Если на суше страдали лишь частично от артиллерийского огня, то на корабле подвергались увечью исключительно от разрывающихся снарядов. Поэтому к нам обращались люди за медицинской помощью с ожогами или с такими ранами, которые причинялись осколками с острыми, режущими краями, нарушающими целость тканей на большом пространстве. Затем, в сухопутном сражении, даже на передовых перевязочных пунктах, медицинский персонал, занимаясь своим делом, не испытывает тех неудобств, какие достаются на долю судовых врачей. Там — надежная земля, здесь — качаются стены, уходит из-под ног палуба, а при крутом повороте судна появляется такой угрожающий крен, что холодеет на душе, и все это происходит с такой неожиданностью, какую нельзя предусмотреть.

Не обращая внимания на эти тяжелые условия, оба врача с исключительной энергией выполняли свои обязанности. Легко раненных перевязывали фельдшера, а в иных случаях и санитары. Сильно изувеченные обязательно проходили через руки Макарова и Авророва.

— На операционный стол! — слышались их распоряжения.

Морское сражение не тянется долго, а беспорядок, сопровождающий бой, может скверно повлиять на успех операции. Поэтому серьезные операции, как и настоящее лечение, откладывались до более благоприятного времени, когда перестанут грохотать пушки и противники разойдутся в разные стороны. Кроме того, пострадавшие прибывали в таком количестве, что врачи все равно не успевали разбираться в деталях телесных повреждений. Они ограничивались лишь поверхностным осмотром ран, кровотечения и определением того, насколько нарушена костно-суставная система. И сейчас же применяли неотложные лечебные меры.

То и дело слышался повелительный голос Макарова:

— Тампонировать рану!.. Руку в лубок!.. Этому впрыснуть два шприца морфия!..

Фельдшера и санитары метались от одного раненого к другому, накладывая повязки или жгуты. Мои обязанности были просты: я сменял загрязненные простыни, подавал что-нибудь врачам или поил жаждущих. Оба врача были заняты теми, которым повреждения грозили смертью. Корабль, помимо качки, часто дергался от залповых выстрелов своей тяжелой артиллерии и от разрывов неприятельских снарядов. В такие моменты хирургический нож врача, освежая рану, проникал в человеческое мясо глубже, чем следует, а ножницы, вместо того чтобы только обрезать ткани, потерявшие жизнеспособность, вонзались и в живой организм.

Священник Паисий тут же исповедывал и причащал тяжело раненных, уложенных на разостланные по палубе матрацы. Перед изувеченным человеком он становился на колени и, сгорбившись, ласково приказывал:

— Кайся в своих грехах!

Если матрос находился в бессознательном состоянии и не мог отвечать на вопросы, священник все равно накрывал его епитрахилью и отпускал ему грехи, а потом дрожащей рукой, расплескивая причастие, совал умирающему ложечку в рот.

Человек с раздробленным затылком бился в агонии.

— Причащается раб божий...

Отец Паисий, спохватившись, спросил:

— Как звать-то его?

Кто-то ответил:

— Фамилия — Костылев, а имя — неизвестно.

Один из санитаров посоветовал:

— Гальванер, батюшка, он. Так прямо и скажите, гальванер Костылев. На том свете разберутся.

Священник таращил глаза на того, кто подал такой совет, а потом машинально произнес:

— Причащается раб божий гальванер Костылев.

В операционный пункт прибывали люди с разных боевых участков броненосца, и мы узнавали от них и от носильщиков, что творится наверху и в каком положении находится наша эскадра. Сведения были неутешительные. На «Суворове», «Александре III»

и «Ослябе» возникли пожары. Начались разрушения и на нашем корабле.

На операционный стол был положен матрос Котлиб Том. У него левая нога в колене была раздроблена и держалась только на сухожильях. Оказалось, что, прежде чем его подобрали носильщики, он долго полз из носового каземата до середины судна, оставляя за собою кровавый след. Теперь он лежал неподвижно, посеревший, как труп, с полным безразличием к тому, что над ним проделывали. Ему распороли штанину, оголили ногу до паха и положили на нее резиновый жгут. Когда отхватили сухожилья, старший врач Макаров приказал мне:

— Новиков, убери!

Я взял с операционного стола сапог с торчащей из него кровавой костью и, не зная, что с ним делать, оставил его у себя в руках. Мое внимание было поглощено дальнейшей операцией над Котлибом. Оставшуюся часть ноги обтерли эфиром и смазали йодистой настойкой. Рукава у старшего врача были засучены по самые локти. Засверкал хирургический нож в его правой руке. Словно в бреду, я видел, как отделяли кожу с жировым слоем и как резали мясо наискосок, обнажая обломанную кость. Потом по ней заскрежетала специальная пила. На кость загнули оставленный запас мяса, натянули на нее кожу и начали штопать иглой с шелковой ниткой. Я продолжал держать сапог с куском отрезанной ноги. Меня прошибло холодной испариной и сильно тошнило. Старший врач, работая, не замечал, что висок у него испачкан кровью и в каштановой бородке блестят крупные капли пота. Он увидел меня и рассердился:

— Что же ты держишь в руках сапог?

— А куда же мне его? — в свою очередь спросил я, едва соображая.

— Брось под стол.

Я исполнил приказание, бросил сапог под стол, но звука при его падении не расслышал.

Через комингс перешагнул в операционный пункт дальномерщик Селинов и часто заморгал, ослепленный ярким светом электричества.

— Броненосец «Ослябя» перевернулся! — прокричал он с каким-то визгом.

Вздрагивал, дергаясь, броненосец. В операционном пункте оборвался говор, прекратились стоны, и все уставились на дальномерщика, принесшего страшную весть. А у него прыгали окровавленные губы и дико блуждал взгляд, кого-то разыскивая.

— Ты что болтаешь! Как перевернулся? — подавленно спросил старший врач.

— Вверх килем, ваше высокоблагородие!

— Вздор!! Этого не может быть!

— Я сам видел. Сначала горел, потом накренился, потом сразу повалился.

Вслед за дальномерщиком пришли носильщики и подтвердили его сообщение.

— Броненосец уже затонул,— добавили они.

Застонали раненые. Кто-то в углу громко зарыдал. Священник Паисий, подняв глаза к потолку, часто закрестился. Старший врач пощипал окровавленной рукой бородку, младший — молча покачал головою, и снова они занялись ранеными.

Я почувствовал, что сейчас свалюсь, и, не отдавая себе отчета, торопливо полез наверх.

4. КАРАВАН СМЕРТИ

Бой шел на параллельных курсах. Главные силы противника состояли из четырех броненосцев и восьми броненосных крейсеров. С ними шли еще два быстроходных авизо — «Тацута» и «Чихая». Но они не имели боевого значения и лишь исполняли роль посыльных судов, держась за левой стороной колонны вне досягаемости наших снарядов,— первый на траверзе «Микаса», второй на траверзе «Идзумо». Против японцев мы выставили двенадцать броненосцев. Расстояние между враждебными эскадрами было около тридцати кабельтовых.

Над морем, прилипая к встрепанным волнам, тянулись полосы дыма и мглы. Под напором ветра эти полосы разрывались в клочья, и тогда на сером фоне неба смутно обозначались неприятельские корабли. Держась кильватерного строя, они шли друг за другом и, как разъяренные фантастические чудовища, выдыхали в нашу сторону молнии. Тем же от-

вечали им и наши броненосцы. Это сражались главные силы, решая тяжбу двух столкнувшихся империй. А позади, справа от курса, шел бой между крейсерами. От орудийных выстрелов, то далеких, то совсем близких, стоял такой грохот, как будто небо превратилось в железный свод, по которому били стопудовые молоты. Сотни снарядов, которых не видишь, но полеты которых ощущаешь всем своим существом, с вибрирующим гулом пронизывали воздух, описывая траектории встречными курсами. Вокруг наших судов, в особенности передних, падал тяжеловесный град металла. Японские снаряды разрывались даже от удара о воду. Металось, вскипая, море, и над его поверхностью на мгновение с ревом вырастали грандиозные фонтаны, смешанные с черно-бурым дымом и красным пламенем. Некогда было опомниться в этом сплошном сотрясении воздуха, корабля, человеческих нервов...

Неприятельские корабли представляли собой однородный состав эскадры. У них не было большой разницы в скорости, в артиллерийском вооружении. У нас же только четыре новейших броненосца были одинаковы, но и они, поставленные в общую колонну с разнотипными и устарелыми судами, как бы сравнялись с худшими из них. Во время сражения этот недочет сказался в полной мере. Мы имели ход девять узлов, японцы — пятнадцать и больше. А в соответствии с этими данными определилась и тактика противника. Неприятельская боевая колонна все время выдвигалась вперед нашей настолько, что ее шестой или седьмой корабль находился на траверзе «Суворова». Это давало ей возможность обрушивать сосредоточенный огонь на наши передние броненосцы. Очевидно, адмирал Того хотел сначала уничтожить ядро русской эскадры, а потом уже начать расправу с остальными судами. Мы не могли так поступить. Малый ход нашей эскадры ставил нас в подчиненное положение. Расстояние до японского головного корабля было настолько велико, что даже «Суворов» имел немного шансов на попадания. Для каждого же последующего нашего мателота это расстояние все возрастало. Кроме того, неприятельская боевая колонна стремилась резать курс нашей эскад-

ры, отжимая ее голову вправо. Благодаря такому маневру адмирал Того ставил свой флагманский корабль в положение наименьшей опасности, прикрываясь от снарядов нашими же передними броненосцами, «Орел» шел четвертым номером, но и для его кормовой артиллерии «Микаса» находился вне угла обстрела. Что же говорить о наших концевых судах? Для них он был совсем недосягаем.

А между тем был приказ адмирала Рожественского — бить по неприятельскому головному кораблю. И многие наши командиры, не решаясь на самостоятельные действия, старались не нарушать боевого приказа своего командующего. Но в этом заключалась величайшая их ошибка. Снаряды с задних наших судов падали, не долетая до намеченной цели. Лучше было-бы стрелять в те корабли, которые находились на наших траверзах.

В боевой рубке «Орла» об этом догадались спустя полчаса после начала боя. Старший артиллерист лейтенант Шамшев, обращаясь к командиру судна, заявил:

— Для «Микаса» наши снаряды мало действительны.

— Да, мы стреляем впустую,— согласился капитан 1-го ранга Юнг, всматриваясь через прорезь рубки в неприятельские корабли.

— Разрешите перенести огонь на крейсер «Ивате»?

— Другого нам ничего не остается.

Крейсер «Ивате», своим внешним видом напоминавший нашу «Аврору», находился к нам ближе всех.

Загремела команда в центральный пост, а оттуда по тем башням, какие могли стрелять на левый борт:

— Бить по неприятельскому судну типа «Аврора»!

Скоро в крейсер «Ивате» начались попадания. В одной из башен произошло недоразумение. Человек, стоявший на передаче, долго не мог уяснить распоряжения начальства и все переспрашивал:

— Зачем же стрелять в «Аврору», ежели это — наше судно?

Ему несколько раз повторяли одну и ту же фразу и наконец крикнули с матерной руганью:

— Остолоп! Слушай ухом, а не брюхом!

Пока эта башня была занята подобным разговором, крейсер «Ивате» переместился. Он вышел из кильватерного строя и, описав коордонат, увеличил расстояние. К таким же приемам прибегали и другие японские корабли, когда в них начинали попадать наши снаряды.

Японцы применяли против нас фугасные снаряды, начиненные чрезвычайно сильным взрывчатым веществом. Это были как бы летающие мины. Для них увеличение расстояния имело лишь то значение, что терялась меткость стрельбы. Но от этого нисколько не уменьшалось их разрушительное действие. Правда, попадая в корабль, они не пробивали броневого пояса, но зато уничтожали все верхние надстройки, ломали приборы, производили пожары, выводили из строя орудия и личный состав.

А мы стреляли по неприятелю бронебойными снарядами с затяжными воспламенительными трубками. Такие снаряды были приспособлены специально для разрушения брони. Но прежде чем разорваться, они должны были впиться в броню и пробить ее на какую-то глубину. Значит, мы могли бы поражать противника с более близких дистанций. Чем больше возрастало расстояние до него, тем меньше действия производили наши снаряды,— они либо отскакивали от брони, как орехи от стены, либо раскалывались на несколько частей. Судя по «Авроре», в которую во время «Гулльского инцидента» мы сами закатили несколько снарядов, большинство из них совсем не разрывалось, даже и в тех случаях, когда они пробивали борт неприятельского корабля. Мало того, сравнивая орудийные вспышки той и другой стороны, можно было сразу заметить, что японцы стреляли интенсивнее нас по крайней мере раза в два. И было несомненно, что наша эскадра, страдая от ударов противника, сама причиняла ему мало вреда.

Понимал ли это Рожественский? И если понимал, то почему он не мешал действиям противника? Почему он не маневрировал? Вся наша забота свелась к тому, чтобы, не нападая на противника, всячески уклоняться от боя. Поэтому наши передние суда постепенно сворачивали вправо. Это был наихудший способ самозащиты. Около трех часов эскадра, оста-

вив прежний курс норд-ост 23°, склонилась совсем на ост, как бы направляясь к берегам Японии.

Броненосец «Суворов», объятый пламенем, вышел из строя вправо. «Александр» бросился было за ним, но тут же сообразил, что флагманский корабль не может больше руководить эскадрой, и сам повел ее дальше. Второй флагманский корабль, «Ослябя», исчез с поверхности моря. Положение наше все ухудшалось. Контр-адмирал Небогатов со своим третьим отрядом шел позади. За ним, еще дальше, командуя крейсерами, находился контр-адмирал Энквист. Значит, шесть передних наших броненосцев, входивших в состав первого и второго отрядов, остались без руководителя. Командование эскадрой было нарушено.

При встрече с главными неприятельскими силами мы упустили инициативу в бою. Ни один из оставшихся флагманов уже не пытался сделать смелый маневр и напасть на японцев. Да и трудно было это осуществить, имея эскадренный ход не больше девяти узлов. Сказано было — прорываться во Владивосток. Эта общая директива, по-видимому, крепко засела в головах командиров и младших флагманов, и они добросовестно старались выполнить ее. Для чего? Какой смысл был в том, когда мы уже наглядно убедились, что во Владивосток не можем прорваться? А если бы часть эскадры и достигла своей цели, то могла ли она изменить ход военных событий в нашу пользу? Не лучше ли было бы для нас уходить на юг, на простор Тихого океана? Само собой разумеется, что японцы не оставили бы нас без преследования. Но самое простое соображение говорило за то, что нам ничего не оставалось, как пробиваться в обратную сторону. Это необходимо нужно было сделать хотя бы для того, чтобы оторваться от противника, безнаказанно уничтожающего нашу эскадру. Трудно сказать, какое решение вынесло бы наше командование в дальнейшем, если бы удалось нам затеряться в пространстве: снова ли идти во Владивосток, разоружиться ли в нейтральных портах, или же удирать восвояси. Одно было ясно, что избранный нами путь мимо Цусимы оказался столь же безнадежным, как безнадежно пробивать головой каменную стену.

Невзирая на угрозу явной гибели, передние наши суда все-таки делали судорожные попытки осуществить приказ адмирала Рожественского. Это было геройство, граничащее с безумием. Неприятельская линия кораблей слишком выдвинулась вперед. Наша эскадра, возглавляемая «Александром», хотела, воспользовавшись этим, проскочить под кормой противника и направиться на север. Но адмирал Того, по-видимому, догадался о нашем намерении и сейчас же предпринял против нас контрманевр. Шесть кораблей первого его отряда сделали поворот «все вдруг» на восемь румбов влево и начали было уходить от нас строем фронта. Однако через несколько минут таким же поворотом еще раз влево он снова поставил свои суда в кильватерную колонну и лег на обратный курс. «Ниссин» оказался головным, а «Микаса» шел в хвосте. Адмирал Камимура со своим отрядом не последовал примеру командующего и, оставляя его по левому борту, разошелся с ним контргалсами. Почему? Потому что он заметил, что русская эскадра опять склонилась на ост. И его второй отряд не переставал держать наши передние суда под жарким огнем артиллерии.

В это время много было попаданий в броненосец «Орел». А еще больше разрывалось снарядов вокруг судна. Рябило в глазах от поднимающихся столбов воды. Казалось, море встало стеной, чтобы преградить нам дальнейший путь. Клубы темного дыма, вспышки огня, вихрь снарядных осколков и водяных брызг — все смешалось вместе.

Маневр у японцев вышел удачным. Но дальнейшее поведение адмирала Того вызвало сомнение. Когда он убедился, что русские суда не пошли на север, ему следовало бы немедленно повернуть обратно. Он этого не сделал. Он, прекратив стрельбу, скрылся во мгле и на время потерял русскую эскадру. Адмирал Камимура, из отряда которого еще раньше выбыл крейсер «Асама», остался перед нашими силами с пятью кораблями. К его счастью, мы не имели более быстрого эскадренного хода и надлежащей боевой подготовки. Будь у нас поставлено дело иначе, эта часть японского флота была бы немедленно уничтожена.

Адмирал Камимура преследовал нас каких-нибудь пятнадцать минут. Очевидно, он понял рискованность своего положения и, сделав последовательный поворот на шестнадцать румбов влево, направился в ту сторону, куда ушли японские суда первого отряда. В результате и второй отряд потерял нашу эскадру, склонившуюся почти совсем на зюйд[25].

Бой оборвался.

Надолго ли наступила для нас передышка?

А что за это время делали наши крейсеры? Они ни разу не подошли на помощь к главным своим силам, а занимались лишь тем, что защищали ненужный нам обоз — транспорты. Инженер Васильев оказался прав. Эти крейсеры ослабили действия артиллерии броненосцев на шестьдесят с лишком орудий среднего калибра.

Не принимали участия в бою и все девять наших миноносцев. Они держались на отлете, вне сферы действия неприятельского огня. Им было поручено следить за флагманскими кораблями и в случае надобности спасать адмиралов. Таким образом, наши миноносцы по распоряжению Рожественского были превращены из боевых единиц в спасательные суда.

Бой еще не кончился, но ни у кого уже не было сомнения, что участь эскадры была решена. Флагманский броненосец «Ослябя» утонул, другой флагманский корабль — «Суворов» — вышел из строя и где-то путался в стороне. Выходили на короткое время из строя «Александр» и «Бородино», и на них возникали пожары. Большие повреждения получил броненосец «Орел». Выяснилось теперь, что японцы имели перед нами превосходство в скорости хода, в умении маневрировать, в качестве снарядов, в быстроте и меткости стрельбы. Они захватили инициативу в бою. Они диктовали нам дистанцию огня, время и место столкновения. Они выбирали параллельные и встречные курсы. Они нажимали на нашу голову и направляли курс нашей эскадры в желательную им сторону. Правда, и у них главные силы убавились на один броненосный крейсер, но все равно мы были разбиты и физически и еще больше — морально. Это произошло за какой-нибудь час от начала сражения. Наша эскадра превратилась в плавучий караван смерти.

5. «ОРЕЛ» В ОГНЕ

За первый период боя броненосец «Орел» получил значительные повреждения.

Два крупных снаряда, пролетев через орудийные порты, разорвались один за другим в носовом каземате. Командир батареи мичман Шупинский, которому осколком пробило лоб, взмахнул руками и свалился мертвым. Рядом с ним были убиты три матроса. Остальные же были ранены и тоже вышли из строя. Оба 75-миллиметровых орудия левого борта были исковерканы. Осколки от снарядов, проникнув через дверь продольной переборки, вывели из строя еще такое же орудие правого борта. Вслед за тем двенадцатидюймовый снаряд окончательно разгромил носовой каземат и взорвал патроны в беседках. Начался пожар. Угольная пыль, взвихренная с бимсов порывами воздуха, вместе с дымом и паром носилась внутри судна, разъедая людям глаза.

Взрывом двадцатипудового снаряда было разрушено шпилевое отделение со всеми его приспособлениями.

Носовой двенадцатидюймовой башней командовал лейтенант Павлинов. Возвышаясь над орудиями, он сидел на посту управления, просунув голову в круглое отверстие, сделанное в башенной крыше. Это отверстие было защищено стальным колпаком, похожим на шляпу. Три прорези в колпаке — одна впереди, а две по сторонам — давали возможность командиру видеть поле сражения. Башня работала исправно, мягко и бесшумно поворачиваясь вправо или влево. Под железным настилом платформы, скрываясь в глубине бронированного колодца, заглушенно гудели моторы. Из погребов и крюйт-камер, расположенных на самом дне судна, поднимались по элеваторам снаряды и заряды, поглощаемые зарядными камерами двух орудий. Лязгали, открываясь и закрываясь, тяжелые затворы. Через каждые две минуты, рванув воздух, раздавался залп, сопровождаемый багровой вспышкой. После выстрела орудия откатывались назад, словно сами пугались того, что сделали, а потом под действием приборов компрессора медленно возвращались на свои первоначальные места.

Неожиданно перед амбразурами ярко вспыхнуло пламя и раздался страшный грохот. Несколько человек в башне упали. Лейтенант Павлинов согнулся и долго поддерживал руками контуженную голову, словно боялся, что она у него отвалится. А когда осторожно повернулся назад, чтобы взглянуть на людей и окружающие предметы, то на его чернобровом лице изобразилось радостное удивление,— он был жив.

— Кроют нас, окаянные, почем зря, ваше благородие! — крикнул кто-то из орудийной прислуги.

Но лейтенант Павлинов ничего не слышал. Из ушей у него показалась кровь — лопнули обе барабанные перепонки. И все же, оставаясь в строю, он громко спросил:

— В порядке ли механизмы?

Правый зарядник оказался испорченным, пустили в действие левый. Электрическая подача была повреждена, и снаряды начали поступать вручную по желобам. Когда снова хотели приступить к стрельбе, раздался тревожный голос комендора Волкова:

— Смотрите, что случилось!

Дульная часть левого орудия была оторвана на порядочную длину. Но в башне не знали, что оторванный кусок стали, в полтонны весом, был заброшен на верхний носовой мостик. При этом трое матросов на мостике были убиты.

Грохоты раздавались и в других частях корабля, разрушалось железо, ломались поручни, разбивались шлюпки, на желтом фоне дымовых труб, как язвы оспы, чернели мелкие дыры. Внезапно на юте, позади кормовой двенадцатидюймовой башни, словно бумага под ударом кулака, разорвалась палуба. Из пробоины выбросилось пламя — загорелись каюты батарейной палубы. На восемьдесят первом шпангоуте, пронизав легкий борт, разорвался снаряд в каюте № 20, где жил инженер Васильев. Двери слетели с петель, железные переборки лопнули по швам. Кровать, шкаф, умывальник, книги, письменный стол с чертежами, белье, одежда — все было уничтожено.

Об этом, прибежав в операционный пункт, доложил инженеру Васильеву трюмный старшина Осип Федоров. Говорил он торопливо, приблизив свое уса-

тое и остроглазое лицо к уху начальника, и с таким загадочным видом, как будто речь шла о каких-то подпольных делах.

— Да, чертежи я напрасно не спрятал в более безопасное место,— как бы рассуждая с самим собою, сказал Васильев и сейчас же строго спросил: — Большая пробоина?

— Площадью будет около тридцати квадратных футов. Был пожар, но его потушило само море — захлестывает в пробоину. Теперь вода разливается по батарейной палубе.

— Надо немедленно заделать пробоину! — распорядился Васильев.

— Пробовали, да ничего не выходит. Ставили щиты и койки, а их сразу же выбивает волнами. Может, утихнет бой, тогда что-нибудь сообразим.

Федоров, словно вспомнив что-то, вдруг метнулся по коридору в судовую мастерскую.

Левой носовой шестидюймовой башней командовал лейтенант Славинский. Подбадривая своих подчиненных, он баском покрикивал:

— Не робей, ребята! Наши дела идут хорошо...

Вдруг где-то рядом раздался взрыв. Перед амбразурами широким парусом взвилось на мгновение пламя, озарив внутри башни все предметы. Что-то мощно треснуло, словно корабль развалился надвое. Люди, замкнутые тяжелой броней, задыхались от тошнотворных газов и в течение нескольких секунд ничего не соображали. Оказалось, что взрывом снаряда пробило нижний носовой мостик и две палубы — верхнюю и спардечную. Лейтенант Славинский, нагнувшись, вопросительно окинул взглядом внутренность башни. Все было в порядке. Но спустя несколько минут разорвался снаряд против башни, вероятно, ниже ватерлинии. Судно не пострадало, но поднятая взрывом волна вздыбилась на высоту до пятидесяти футов и рухнула на корабль. Через орудийные амбразуры, через прорези колпаков, через горловину крыши для выбрасывания гильз ворвалась в башню соленая вода. Она обдала людей с головы до ног и шумными потоками хлынула по нориям в подбашенное отделение, в бомбовый погреб, наводя панику на тех, кто находился несколькими этажами ниже.

Чье сердце не дрогнуло в этот момент там, на дне судна, от леденящей мысли, что корабль тонет!

Стрельба, на минуту прерванная, снова возобновилась.

Когда перенесли огонь на неприятельский крейсер «Ивате», лейтенант Славинский определил расстояние в тридцать кабельтовых. Но получился недолет. Тогда увеличили угол возвышения.

— Перелет! — крикнул башенный командир.

Немного уменьшили расстояние, и спустя несколько секунд после выстрела раздался радостно повышенный голос:

— Поражение! Так его! Наводи в боевую рубку! Ох!..

Лейтенант Славинский вскрикнул и слетел с командной площадки. На лбу у него багровела круглая, как печать, ссадина, один глаз запорошило, другой выбило, полное веснушчатое лицо, обливаясь кровью, болезненно передергивалось. Когда пришли носильщики, он, отправляясь с их помощью в операционный пункт, обратился к артиллерийскому квартирмейстеру Цареву:

— Командуй здесь за меня, а я отвоевал...

Позднее в эту же башню попало еще несколько снарядов. Один удар был настолько силен, что никто не мог устоять на ногах. Орудийная прислуга, разметанная силой газа, оцепенела от ужаса. На какой-то короткий промежуток времени выключилось из сознания правильное представление о событии и показалось, что башня куда-то с грохотом проваливается. Опомнившись, люди увидели разбитые циферблаты, разбросанные по железной платформе ящики с прицелами, изломанные комендорские сообщители, выскочившие из кранцев снаряды, оборванные болты и звездообразные трещины в вертикальной броне вращающейся части. Комендор Вольняков лежал на платформе без движения, широко открыв глаза. Легко раненные бросились к нему:

— Что с тобою, дружище? Ну, довольно валяться! Вставай!..

Он был мертв, хотя на нем не нашли ни одной раны.

— Башня вправо! Башня влево! — громко начал командовать квартирмейстер Царев.

Но башня, перекошенная на катках, с разбитой станиной левого орудия, оказалась непоправимо испорченной. Здесь больше нечего было делать, и люди, перевязав раны, спустились вниз.

Левая средняя шестидюймовая башня также получила повреждение. Один из снарядов попал в вертикальную броню, другой разорвался на крыше, уничтожив комендорский колпак. Человек, стоявший на подаче, свалился и закружился на четвереньках, спрашивая:

— Братцы, куда это мне попало?

На спине у него, между плеч, в лохмотьях разорванного платья расплывалось мокрое пятно. Лицо, добродушное и жалкое, быстро синело. Он опрокинулся навзничь и тут же скончался. Вместе с ним были ранены башенный старшина и один из комендоров. Дверь в башне заклинилась. Осталось из нее два выхода: либо вверх, через горловину в крыше, либо вниз, в погреба. Обвалом соседнего легкого борта была ограничена горизонтальная наводка башни.

В одной из шестидюймовых башен правого борта застрял осколок между неподвижной частью и мамеринцем. Башня перестала вращаться. Чтобы исправить ее, комендорам во главе с мичманом Воробейчиком пришлось выйти наружу через броневую дверь. Горизонтальную наводку башни восстановили. Но в это время был убит один из комендоров, а мичман Воробейчик получил рану в мякоть ноги. Он сел на палубу и, перекосив молодое и нежное, как у девушки, лицо, завопил:

— Носильщики!..

Прибежали двое матросов и уложили его на носилки. Он все время стонал и говорил, что сейчас умрет. Его торопливо понесли в операционный пункт. Но когда приблизились к люку и начали спускаться с верхней палубы по трапу, разорвался снаряд. Один из носильщиков был убит, другой — тяжело ранен. Мичман Воробейчик вскочил и теперь уже без посторонней помощи, дико взвизгивая, помчался в низ судна. На пути он столкнулся с писарем Егоровым, чуть не сшиб его с ног и полетел дальше. Метался он и в

операционном пункте, топча тяжело раненных, пока его не схватили санитары. Опускаясь на палубу, он заскулил:

— Ой, умираю!..

В башню, которой командовал мичман Воробейчик, в скором времени попал еще один снаряд крупного калибра и окончательно вывел ее из строя. Несколько человек из прислуги были ранены. Их доставили в операционный пункт, а здоровых перевели к другим орудиям.

Много раз возникали пожары, но с ними самоотверженно боролся пожарный дивизион под начальством мичмана Карпова.

Были попадания и в боевую рубку. Находившиеся там люди оставались в целости, пока не разорвался снаряд крупного калибра с левого края броневой крыши. Через прорези проникли в боевую рубку осколки, разбив дальномер, уничтожив боевые указатели и смяв переговорные трубы. Центральное управление артиллерией было нарушено, и старший артиллерист лейтенант Шамшев распорядился, чтобы орудия переходили на групповой огонь. В боевой рубке пострадали почти все. Лейтенант Вредный с небольшой поверхностной раной на левом плече ушел в перевязочный пункт. Туда же матросы отвели и младшего штурмана лейтенанта Ларионова, тяжело раненного в лоб и шею. Остальные офицеры, а также сигнальщики, рулевые, ординарцы, телефонисты, задетые в той или иной степени осколками, остались в строю. Во время похода командир судна капитан 1-го ранга Юнг, часто получавший выговоры от командующего эскадрой, проявлял большую нервность и горячность. Многие думали, что при встрече с японцами он растеряется. Вопреки ожиданиям, он держался спокойно и не покидал своего поста, несмотря на то что имел уже повязку на рассеченной голове. Он хорошо понимал, что наше дело безнадежно проиграно и что каждая секунда может стать роковой для всего экипажа. Недаром на лице командира потух обычный румянец, синие глаза налились тоской, словно он прощался с жизнью. И все же этот пожилой и опрятно одетый холостяк, не забывший побриться даже в такое утро, когда мы были открыты японцами, держал голову

прямо, как бы бросая вызов смерти. Рядом с ним стоял старший офицер капитан 2-го ранга Сидоров, озадаченно хмурил густые брови и часто вытирал носовым платком седоусое лицо, размазывая кровь. Был ранен и лейтенант Шамшев. К трем часам в боевой рубке остался невредимым лишь старший штурман лейтенант Саткевич.

В это время, в грохоте взрывов, в кровавых вспышках пламени, в огромных обрушивающихся на корабль столбах воды, никто не знал, что будет с ним через мгновение.

Боцман Воеводин, тушивший пожар в малярном помещении, направился к корме. Навстречу ему, пригибаясь, словно стараясь быть ниже ростом, быстро шагал по верхней палубе минер Вася-Дрозд. Одной рукой он прикрывал голову, будто защищая ее от пролетавших в воздухе снарядов, а другой — энергично размахивал. Куда и зачем он торопился, этот худой длинноногий мечтатель? Взглянув в ту сторону, откуда сверкали молнии неприятельских кораблей, он вдруг остановился как бы в нерешительности. В этот момент упругим толчком опрокинуло боцмана. Вскочив, Воеводин увидел, как на шканцах в клубах бурого дыма кто-то кувыркается, словно играет медвежонок. А когда ветер развеял дым, боцману показалось, что он сошел с ума. Вася-Дрозд, в одно мгновение уменьшившийся ростом в два раза, отчаянно боролся со смертью. С помутившимися глазами на искривленном лице, он вскакивал на свои короткие, оставшиеся от ног красные обрубки... потом начал кататься по расщепленной палубе... Неожиданно Вася перестал кататься. Короткое туловище его задергалось в предсмертной агонии.

Только теперь Воеводин опомнился и, сорвавшись с места, бросился прочь, к ближайшему люку.

6. 38 ВЫМПЕЛОВ БЕЗ ВЛАСТИ

С приближением главных неприятельских сил флагманский броненосец «Суворов» приготовился к сражению. Пробили боевую тревогу. Командование броненосцем и всей эскадрой перешло в боевую рубку.

Если весь корабль рассматривать как живой организм, то боевая рубка и по своей форме и по той роли, какую она должна выполнять во время боя, имеет некоторое сходство с человеческой головой. Это — цилиндрическая башня размером сажени полторы в диаметре. Она сделана из броневых плит в десять дюймов толщиной. Сверху защищена броневою грибовидною крышей. В стенах рубки, на уровне глаз стоящего человека, имеются узкие прорези, через которые можно наблюдать за всем окружающим. С задней стороны в цилиндр рубки сделан вход без дверей, а против него, на расстоянии одного шага, поставлена толстая броневая плита прямоугольной формы. Боевая рубка расположена на переднем нижнем мостике, и от нее почти до самого днища корабля вертикально идет цилиндрическая броневая труба. По ней, пользуясь скобяным трапом, можно спуститься в центральный пост. В боевой рубке находится целый ряд приборов и приспособлений для управления кораблем: машинный телеграф, штурвал, компас, штурманский столик, переговорные трубы и телефоны, соединяющиеся со всеми отделениями судна. На стенах сверкают стеклом и начищенной медью циферблаты, от которых, как нервы из головного мозга, протянулись электрические провода в башни, в казематы, в батарейную палубу к таким же циферблатам; различные стрелки на них, передвигаясь с помощью тока, показывают сигналы о начале или прекращении стрельбы, номер неприятельского судна, в какой комендоры должны стрелять, установку прицела и род снарядов, какие должны употребить в дело.

Центральный пост — это та же боевая рубка, но только находится она на несколько этажей ниже. В нем имеются те же приборы, и так же он соединен посредством телефона и переговорных труб со всеми частями корабля. Если на мостике все будет разрушено, то управление кораблем переносится в центральный пост.

Боевая рубка — это мозг корабля. А при наличии адмирала она является центром управления всей эскадры. Отсюда исходят все приказы во время боя.

В боевой рубке флагманского броненосца «Князь Суворов», за которым следовали все остальные ко-

рабли, стало до того тесно, что трудно было двигаться. Сюда вместе с адмиралом Рожественским собрались и чины его штаба: флаг-капитан капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг, два флаг-офицера, флагманские специалисты — минер, артиллерист, штурман и два личных ординарца для исполнения поручений командующего. Здесь же находились и судовые чины: командир броненосца капитан 1-го ранга Игнациус, старший артиллерист, старший штурман, ревизор и вахтенный начальник. На рулевом штурвале стояли двое рулевых, у телефонов и переговорных труб, ожидая приказания, вытянулись нижние чины, к левому дальномеру прильнул глазами дальномерщик, измеряя расстояние до неприятеля, а в проходе застыли сигнальщики и посыльные командира.

Наши боевые рубки не были усовершенствованы. Поэтому такое скопление командного состава в одном пункте корабля уже само по себе представляло чрезвычайную опасность. В бою под Порт-Артуром 28 июля 1904 года то же самое было на броненосце «Цесаревич», и этот урок уже показал, какому огромному риску подвергается эскадра при такой организации командования. Один большой снаряд, попавший в свес крыши боевой рубки, погубил на «Цесаревиче» все дело. Командующий эскадрой адмирал Витгефт и некоторые чины его штаба оказались убитыми. Флагманский корабль, никем не управляемый, привел в расстройство всю эскадру, что явилось причиной бегства судов в разные стороны и возвращения шести кораблей в Артур на явную смерть.

Но Рожественский не пожелал отступить от традиционного шаблона в организации командования огромной эскадрой. Он не захотел перенести флаг на быстроходный крейсер, а остался на броненосце во главе колонны. Между тем вопрос командования в Цусимском сражении был особенно важным для русской эскадры. Она была совершенно не подготовлена к самостоятельным действиям. Все полагались только на адмирала Рожественского, который создал исключительную централизацию управления. Перед боем он не поставил в известность о своих планах даже ближайших помощников — младших флагманов, не говоря уже о судовых командирах, которые шли за ним,

как слепые за поводырем. Он воспитал свою эскадру в убеждении, что только одна его непреклонная воля соединяет в одно целое все скопище разнотипных кораблей, входящих в состав 2-й эскадры.

Приближался час грозного испытания.

Броненосец «Суворов» шел девятиузловым ходом, погруженный в безмолвие, словно на всех его палубах, в машинах и в башнях никого не осталось в живых. И в боевой рубке говорили мало. Все находились в том напряженном ожидании, когда люди стараются сдерживать даже свое дыхание.

Адмирал, крупный и тяжелый, с проседью в круглой бородке, следил за противником, не отрываясь от бинокля. Он был слишком высок, поэтому, чтобы смотреть через прорези, ему приходилось расставлять ноги и сгибать широкую спину. Через ворот его тужурки переваливался нарост шейного мяса. По своей постоянной привычке он двигал челюстями, отчего каменное лицо его несколько оживлялось, но в то же время это еще больше внушало страх другим.

Стрелка на часах показывала сорок восемь минут второго, когда флаг-капитан Клапье-де-Колонг, этот задерганный и запуганный аристократ, робко заявил:

— Ваше превосходительство, «Микаса» поворачивает в нашу сторону.

Рожественский ответил хрипловато, словно у него пересохло во рту:

— Вижу. Делает последовательный поворот. Очевидно, хочет лечь на параллельный с нами курс.

И тут же распорядился:

— Поднять сигнал: «Бить по головному»! Сделать пристрелку из левой носовой шестидюймовой пушки!

Прошла еще одна минута, прежде чем адмирал Того сделал на своем броненосце «Микаса» полный поворот на шестнадцать румбов. Выстрел по нему раздался с тридцати двух кабельтовых. Снаряд сделал перелет. Другие наши суда тоже открыли огонь. Но эффект сосредоточения артиллерийской стрельбы сразу же получился отрицательный. Всплески снарядов разных кораблей путались друг с другом. Около «Микаса» море кипело от поднимавшихся столбов воды. Но ни один корабль не мог отличить своих

всплесков от чужих и не имел возможности корректировать свою стрельбу.

Неприятель стал отвечать двумя минутами позже. И тут же вскрылось, как велико преимущество его эскадры благодаря ее тренировке. Пристрелку вел один корабль, а затем сигналом давал дистанцию остальным. И только после этого следовал ряд залпов, давая большой процент попаданий. Вихрь снарядов покрывал цель.

Сначала «Суворов» получил удары только с броненосца «Микаса». Но по мере того как японские корабли, делая поворот, ложились на обратный параллельный курс, иначе говоря, через каждую минуту или полторы, его последовательно начали осыпать снарядами и другие суда: «Фудзи», «Сикисима», «Асахи», «Кассуга» и «Ниссин».

Скоро на броненосце «Ослябя» сосредоточили свой огонь шесть японских крейсеров, а «Суворов» стал главной мишенью их шести сильнейших броненосцев. Попадания в него походили на сплошной град стали. Снаряды были фугасные. При взрывах, разлетаясь на тысячи мелких осколков, они давали огромные огневые вспышки и клубы черного или ярко-желтого удушливого дыма. И все, что только могло гореть, даже краска на железе, немедленно воспламенялось. Залпы своих орудий, взрывы неприятельских снарядов и лязг разрушаемого железа смешались в сплошной грохот, потрясая корабль от киля до клотиков.

В боевую рубку через просветы попадали мелкие осколки, щепки, дым, брызги воды. А снаружи, заслоняя все окружающее, хаотически колебалась стена из пламени, дыма и морских смерчей. Не было никакой возможности вести правильные наблюдения. Да и никому не хотелось этого. Все, кто находился в боевой рубке, были потрясены и деморализованы неожиданным бедствием. Ужас заставил их прятаться за вертикальной стеной брони, придавил их к палубе. Только матросы стояли на своих местах — на штурвале, у дальномера, переговорных труб и телефонов. Но они и не могли поступить иначе. А из командного состава одни присели на корточки, другие опустились на колени. И сам адмирал Рожественский, этот гордый и

заносчивый человек, скрываясь от осколков, постепенно сгибался все ниже и ниже. Наконец перед огнем своего противника он вынужден был стать на колени. Он первый подал такой пример другим. Сгорбившись, втянув голову в плечи, он скорее был похож на обескураженного пассажира, чем на командующего эскадрой. Лишь изредка кто-нибудь из молодых офицеров на момент выглядывал в прорези. Многие уже имели легкие ранения. [26]

Командир Игнациус обратился к адмиралу с просьбой:

— Ваше превосходительство, неприятель, видимо, пристрелялся, поэтому разрешите изменить курс.

— Хорошо,— не задумываясь, ответил Рожественский.

В 2 часа 5 минут изменили курс на два румба вправо. Попадания сначала уменьшились, но скоро снова сделались непрерывными. Ударил шестидюймовый снаряд в броню боевой рубки. Вреда не причинил, но вызвал сотрясение. Остановились часы.

На рострах, спардеке и в кормовом адмиральском салоне вспыхнули пожары. Был вызван пожарный дивизион. Но на открытой палубе, где постоянно происходили взрывы фугасных снарядов, невозможно было находиться. Люди, осыпаемые осколками, выходили из строя, иногда поражались насмерть целыми группами, пожарные шланги перебивались. С огнем невозможно было справиться, и постепенно отдельные пожары соединялись в один общий костер, заливавший всю палубу от носового до кормового мостика.

В рубке ранило старшего судового артиллериста лейтенанта Владимирского. Левый дальномер Барра и Струда был разбит. Его заменили правым. К нему стал, пытаясь измерить расстояние до неприятеля, длинный скелетистый человек, флагманский артиллерист полковник Берсенев, но тут же свалился мертвым. У штурвала были убиты оба рулевые. На их место, пока не вызвали запасных рулевых, стали флаг-офицеры лейтенанты Свербеев и Кржижановский. Ручки штурвала были в крови.

«Суворов» снова лег на прежний курс — норд-ост 23°.

Из всех пунктов корабля сообщали в рубку неутешительные вести. Разбит перевязочный пункт в жилой палубе около сборной церкви. Раненые здесь были превращены в кровавое месиво. У левого подводного аппарата от пробоины образовалась течь. По телефону сообщили еще новость:

— В кормовую двенадцатидюймовую башню попали крупные снаряды. Произошел взрыв. Башня разрушена и не годна к действию.

Корабль лишился уже половины всей своей артиллерии.

Адмирал ранен осколком, но остался в рубке. Однако его присутствие было уже бесполезно. Он не мог командовать эскадрой.

При бешеном огне противника никто не показывался на мостике, чтобы поднять флажные сигналы: снаряды немедленно сметали людей. Кроме того, все фалы были перебиты, сигнальный ящик с флагами охвачен огнем. Рухнула срезанная снарядом грот-мачта и свалилась за борт. С фок-мачты упал нижний рей...

Адмирал, беспомощный и пассивный, оставался на своем посту, ожидая того снаряда, который снимет с него тяжесть командования.

Быть может, вспоминалось ему прошлое.

В Петербурге, на берегу Невы, стоит под золотым шпицем огромнейшее старинное здание Главного адмиралтейства. Два последних года Рожественский провел в нем, занимая должность начальника Главного морского штаба, и, поощряемый царем, чувствовал себя несокрушимым. Он был тогда только контр-адмиралом, сравнительно молодым — пятьдесят пять лет. И, однако, на зависть другим, ему удалось, перескочив через вице-адмиралов, занять такой высокий пост. Перед ним все трепетали, и он был уверен, что под его руководством русский флот процветает и крепнет, вырастая в могучую морскую силу.

А теперь, может быть, взбудораженные мысли забегают вперед, и представляется другое: совещание у морского министра. У подъезда того же здания, со стороны памятника Петру I, останавливаются лихачи с важными седоками. Это спешат на экстренное заседание высшие представители морского ведомства.

Внизу, в прихожей, их встречает и раздевает благообразный старичок-швейцар, грудь которого украшена четырьмя георгиевскими крестами и множеством медалей. Нужно подняться наверх, пройти через бильярдную и повернуть в дверь направо. Это и есть кабинет морского министра, с окнами, выходящими на Сенатскую площадь, с величественным камином, с висящими на стенах картинами, на которых изображены цари, генерал-адмиралы, морские сражения. С потолка свисает тяжелая бронзовая люстра, пол застлан ковром.

Все здесь Рожественскому знакомо. Знаком и большой из орехового дерева стол, накрытый зеленым сукном. И вот за этим столом заседают адмиралы, морской министр и другие высшие чины. Одни взволнованы и перепуганы, другие скрытно торжествующие,— они обсуждают результаты Цусимского боя. Ведь это произойдет через сутки или двое, и его имя, имя командующего Рожественского, станет злобой дня...

В рубке разбило второй дальномер. Адмирал повернул на грохот голову. Лицо его передернула судорога, как бы от острой боли. Сквозь зубы, ни к кому не обращаясь, он произнес:

— Мерзость!

Но как спасти положение? Как дать знать на другие суда, что необходима смелая инициатива с их стороны, ибо флагманский корабль уже принял на себя все снаряды, которых хватило бы на всю эскадру? Они привыкли только повиноваться, они ждут приказаний и послушно идут за адмиралом, а ему остается лишь вести их за собой, стоя на коленях в рубке.

Неприятель, пользуясь большим преимуществом хода, быстро продвигался вперед нашей колонны, охватывая ее голову и держа «Суворова» в центре дуги. В 2 часа 25 минут «Микаса» был уже впереди кабельтовых на сорок и начал резать наш курс. В бою с нашей стороны могли принять участие только пять-шесть передних кораблей. Об этом один из офицеров доложил адмиралу. Он приказал изменить курс на четыре румба вправо, чтобы развернуть нашу колонну по внутренней кривой и ввести в действие хвостовые корабли.

В тот момент, когда броненосец покатился уже вправо, снаряд большого калибра разорвался у просвета боевой рубки. В рубке часть людей была перебита, остальные ранены, в том числе и адмирал, лоб которого был рассечен осколком. Штурвал оказался заклиненным, временно на нем никого не оставалось, и корабль, как слепой, начал описывать окружность, никем не управляемый. «Суворов» вышел из строя. Трагедия «Цесаревича» повторилась и на 2-й эскадре.

Колонна пошла за следующим кораблем — «Александром III». Он попробовал идти в кильватер «Суворову», но, быстро убедившись, что тот лишился управления, вернулся на прежний курс. Ему удалось временно прикрыть от сосредоточенного огня обессилевший флагманский корабль.

Вблизи рубки начался пожар, флаг-офицер лейтенант Свербеев пошел тушить его, но был ранен в спину и отправился на перевязку. Адмирал сидел на палубе, удрученно склонив голову. Вести его в операционный пункт по открытым палубам, среди пожаров, под разрывами снарядов, не было никакой возможности. Власть его над эскадрой в тридцать восемь вымпелов кончилась. Полковник Филипповский, обливаясь кровью, начал при помощи машин управлять «Суворовым», но броненосец рыскал то вправо, то влево румбов на восемь. Получился крен на левый борт — шесть-семь градусов.

Через несколько минут ударил снаряд в рубку с носа. В воздухе закружились стружки. Адмирал еще раз был ранен в ногу. Сидевший на корточках командир судна Игнациус опрокинулся, но сейчас же вскочил на колени и, дико оглядываясь, схватился за лысую голову. Кожа на ней вскрылась конвертом, из раны заструилась кровь. Его унесли на перевязку. Флаг-офицер лейтенант Кржижановский, руки которого были исковыряны мелкими осколками, словно покрылись язвами, ушел в рулевое отделение — поставить руль прямо. Все приборы в боевой рубке были уничтожены, связь с остальными частями корабля расстроилась.

Почти одновременно разорвался снаряд на правом крыле мостика. Писарь Устинов, стоявший вблизи бо-

евой рубки в качестве ординарца, свалился и не мог уже встать: обе ноги у него были оторваны. На всем судне это был самый серьезный и смирный парень. И теперь, когда его понесли на носилках, он не кричал и не стонал от боли, а покорно улыбался, словно ему было щекотно от смертельных ран.

Около трех часов пожаром были охвачены ростры, верхняя штурманская рубка, передний мостик и каюты на ней. Внутри боевой рубки лежали неубранные трупы офицеров и матросов. В живых остались только четверо, но и те были ранены: сам адмирал Рожественский, флаг-капитан Клапье-де-Колонг, флагманский штурман Филипповский и один квартирмейстер. Им предстояла страшная участь — или задохнуться в дыму, или сгореть, так как боевая рубка, охваченная со всех сторон пламенем, напоминала теперь кастрюлю, поставленную на костер. Сообщение с мостиком было отрезано. Оставалось только одно — выйти через центральный пост. Раскидали трупы в стороны, открыли люк, и все четверо начали спускаться вниз по вертикальной трубе, уходящей в глубину судна, почти на самое его дно. Все боялись за раненого адмирала — если сорвется, то разобьется вдребезги. Но он благополучно очутился в центральном посту.

«Суворов» был обезображен до неузнаваемости. Лишившись грот-мачты, задней дымовой трубы, с уничтоженными кормовыми мостиками и рострами, охваченный огнем по всей верхней палубе, с бортами, зиявшими пробоинами, он уже более ничем не напоминал предводителя эскадры. Заволакиваемый пеленою черного дыма, с остатками фок-мачты и еле державшейся передней трубой, он издали походил теперь на силуэт японского крейсера типа «Мацусима». После попытки «Александра III» прорваться к северу под хвостом опередившего неприятеля «Суворов», бродивший вне строя по арене сражения, прорезал свою колонну и оказался между своими и японцами. Так как задние русские корабли не видели, при каких обстоятельствах он вышел из строя, то после поворота они приняли броненосец за пострадавшее японское судно и со своей стороны подвергли его обстрелу.

Управление кораблем шло из центрального поста. Там из штабных остался только один полковник Филипповский. Остальные куда-то скрылись. Ушел также и адмирал. Всеми покинутый, он некоторое время бродил в нижних отделениях судна, хромая на одну ногу и часто останавливаясь, словно в раздумье. Ему хотелось пробраться наверх, в одну из уцелевших башен, но путь туда был прегражден пламенем. Он не отдавал больше никаких распоряжений. Матросы, занятые своим делом, не обращали на него внимания. Он стал лишним на корабле и никому не нужным, словно был посторонним человеком.

Какие мысли занимали его голову теперь? Мимо него, выбиваясь из сил в борьбе с пожарами и пробоинами корабля, растерянно метались люди, которых он как будто не замечал. Но вдруг на его омертвелом лице появились признаки оживления. Он увидел у бегущего матроса ящик с красным крестом. Это спешно переносили куда-то перевязочные материалы. Адмирал жадно впился глазами в удалявшийся красный знак, словно вспомнил о чем-то важном в своей жизни. Может быть, перед ним всплыл любимый образ сестры милосердия, Наталии Михайловны. Неужели даже и в эти страшные минуты она могла вытеснить из его сознания заботы о судьбе избиваемой эскадры? Первому случайно подвернувшемуся машинисту Колотушкину упавшим голосом, почти умоляюще, он прохрипел:

— Проберись на верхнюю палубу и посмотри — не видно ли где плавучего госпиталя «Орел»?

— Есть, ваше превосходительство! — ответил Колотушкин, крайне удивленный таким приказом адмирала, и скрылся за переборкой.

Руль удалось поставить прямо, и корабль пытался следовать за эскадрой, управляясь одними машинами и держась под прикрытием своей колонны. Наступило затишье. Оставшиеся в строю офицеры и матросы пытались справиться с пожарами и восстановить на корабле некоторый порядок. Для тушения огня вызвали артиллерийскую прислугу из погребов и казематов, принесли запасные шланги из шкиперской. Началась уборка убитых, расчистка проходов по палубам, устройство времянок вместо сбитых трапов. Осмотр ар-

тиллерии показал, что в строю остались только носовая и средняя шестидюймовые башни правого борта, не принимавшие участия в бою, а также несколько трехдюймовых орудий в батарее и кормовом каземате. Дымовые трубы были разрушены, и пар садился из-за недостатка тяги. В таком истерзанном виде корабль уже не представлял никакой боевой ценности и только связывал маневрирование эскадры, которая не желала бросать своего адмирала. В это время флаг-капитан Клапье-де-Колонг, опомнившись от пережитого потрясения, метался по судну и ко всем обращался с одним и тем же вопросом:

— Где адмирал?

Это был исключительный случай в истории морских войн, чтобы флаг-капитан, или, выражаясь по-сухопутному, начальник штаба, мог потерять на судне своего командующего.

— Здесь он проходил,— говорили одни.

— Он полез куда-то наверх,— сообщали другие.

Наконец один из офицеров указал более точно:

— Адмирал находится в правой средней башне.

На исходе четвертого часа «Суворов» снова оказался между нашей и неприятельской колоннами и вторично подвергся сосредоточенному огню противника. Броненосец окончательно лишился всех труб, его пожары выбрасывали над грудой железного лома чудовищные языки пламени, напоминавшие извержение вулкана. Со стороны, с проходивших мимо него наших кораблей, нельзя было без содрогания смотреть на эту картину опустошения и смерти.

Видя беспомощное состояние корабля, неприятель решил добить его минными атаками. Из-за линейных кораблей на «Суворова» бросился дивизион миноносцев. Но израненный лев еще сохранил достаточно сил, чтобы отогнать шакалов, раньше времени явившихся за добычей. Развернувшись с помощью машин правым бортом, он встретил их огнем из оставшихся орудий и отбил атаку, показав несколько уцелевших клыков.

Давно погиб броненосец «Ослябя». А остальные десять наших линейных кораблей, уходя на юг, вели жаркую артиллерийскую дуэль с японской эскадрой.

«Суворов», наклоняясь то в одну сторону, то в другую, едва мог двигаться. От накаливания верхняя палуба на нем осела настолько, что придавила батарейную. Кочегарная команда угорела от дыма, затянутого вниз вентиляторами. Броневые плиты на бортах у ватерлинии расшатались, стыки разошлись, давая во многих отсеках течь. Но, несмотря на такое разрушение, корабль продолжал упрямо держаться на воде.

7. ДАЛЬШЕ ОТ БОРТА!

Эскадренный броненосец «Ослябя», высокобортный трехтрубный красавец, водоизмещением почти в тринадцать тысяч тонн, к моменту сражения при Цусиме считался сравнительно молодым. Он был спущен на воду в 1898 году. Новое адмиралтейство строило его в Петербурге более семи лет, столько же лет он и просуществовал на свете, пока не нашел себе могилу в далеких водах страны Восходящего солнца. Слабо и не весь защищенный броневыми плитами из стали Гарвея, он, вернее, представлял собою хороший броненосный крейсер, способный развить ход до восемнадцати узлов, но высшему начальству благоугодно было, на страх врагам, причислить его к разряду эскадренных броненосцев.

Командовал броненосцем капитан 1-го ранга Бэр. Это был пожилой холостяк, лет сорока пяти, среднего роста, с большой облысевшей головой. Широкий рот его густо зарос каштановыми посеревшими усами, над которыми, сгорбившись, важно примостился громадный нос. С подбородка, раздваиваясь, спадала длинная седая борода. В общем лицо у него было сурово-внушительным и смягчалось только бледно-голубыми глазами. Бэр любил вкусно поесть, много курил, но совершенно не пил вина. Одевался всегда франтовато и не упускал случая, как он выражался, «разделить компанию с дамами нашего круга». Высшая морская власть считала его опытным и знающим моряком. Он отлично владел английским, немецким и французским языками. Лет за шесть до Цусимы был командирован в Филадельфию наблюдать за постройкой заказанных там судов — броненосца «Ретвизан» и крейсера

«Варяг». Кроме того, Бэр имел возможность пополнить свои знания моряка, будучи военно-морским агентом во Франции.

К своим подчиненным, которых на броненосце насчитывалось до девятисот человек, командир Бэр был очень требователен и придирчив. С точки зрения отживающей военщины, помешанной на внешнем лоске, этот человек был вполне достоин похвалы. Свой корабль он держал в должном порядке, старался на все навести идеальную чистоту, не считаясь с условиями, в каких находился броненосец, и с тем, как это отзывалось на спинах команды. Каждую неделю он осматривал броненосец, заглядывая во все его отделения. Он даже спускался в кочегарку, вымытую к его приходу мылом, и в белых перчатках прикасался к переборкам, брал в руки разные предметы. Если на перчатках оставался грязный след, то начинался разнос кочегаров.

— В карцер на трое суток! — кричал командир.

А это означало, что виновника сажали в канатный ящик.

Командир мало интересовался доброкачественностью пищи, но зато он много обращал внимания на медные баки, из которых команда ела суп. Эти баки так начищались, что блестели, как церковные сосуды.

Нельзя было отказать командиру и в храбрости. Но ему не удалось привить эту храбрость своим подчиненным, завоевать их любовь и доверие. Правда, он пытался сделать и это, но вышло не совсем удачно. Однажды, задолго до сражения, он приказал собрать команду на верхней палубе и произнес речь, короткую и вразумительную:

— Братцы! Я надеюсь, что вы не пожалеете своих голов за веру, царя и отечество. Вы ведь русские матросы.

На это слабо ответили лишь унтер-офицерские голоса:

— Постараемся, ваше высокобродье.

Младшие офицеры, за небольшим исключением, рабски выполняли волю командира. Нижние чины для них были не в счет. Матросов можно было обклады-

вать, не стесняясь в выражениях: «скотина», «болван», «арестантская морда».

Все было построено на чинопочитании, на бессмысленной субординации, на показной стороне, как будто «Ослябя» шел не на войну, а на парадный смотр.

Плавание на таком корабле для матросов становилось настоящей пыткой. О своем судне они отзывались так:

— Плавучая тюрьма!

Матросы начали вредить начальникам, обманывали их, выполняли приказания из рук вон плохо, портили казенные вещи. Когда стояли у острова Мадагаскар, перерезали тали у парового катера с целью разбить его. Тогда же, стоя во фронте на верхней палубе, команда освистала старшего офицера. Это было похоже на бунт. Приезжал сам Рожественский, жестоко изругал матросов, а несколько человек, на которых показали «шкуры» как на зачинщиков, отдал под суд.

Доведенные до отчаяния, некоторые из команды проклинали свой корабль с его хозяевами и не раз высказывали свои желания:

— Хоть бы скорее отправиться на дно, под флаг адмирала Макарова.

На броненосце «Ослябя» находился командующий вторым броненосным отрядом адмирал фон Фелькерзам. Матросы называли его между собою попросту «Филька». Человек он был добродушный и любил иногда покалякать с нижними чинами, но, занятый делами штаба, не вмешивался в судовые порядки и не замечал, что творится вокруг него на корабле.

Популярностью пользовался среди команды флагманский штурман подполковник Осипов. Высокого роста, длинноногий, он, несмотря на свою старость, ходил быстрыми шагами. Голова его и худощавое, но вместе с тем красное лицо заросли густой сединой, словно покрылись клочьями морского тумана. От долгого скитания по морям и океанам выцвели голубые глаза, а большой и прямой лоб избороздили глубокие морщины. По своему характеру старик был настолько добр, что при нем офицеры стеснялись бить матросов. Все его любили и звали «Борода».

Еще дружили с матросами молодые механики, но они не могли изменить каторжного режима на судне.

Адмирал Фелькерзам в первых числах апреля захворал. По мере приближения к театру военных действий болезнь его усиливалась, и 11 мая, за три дня до боя, он скончался. О смерти его, не спуская с мачты адмиральского флага, уведомили штаб Рожественского заранее условленным сигналом:

«На броненосце поломалась шлюпбалка».

Рожественский на это ответил:

«Оставить до Владивостока».

Тело адмирала запаяли в цинковый гроб и выставили в церкви для доставки во Владивосток. Служили панихиду. Команда, бледная, стояла во фронте. Смерть адмирала накануне боя все приняли как дурное предзнаменование, обещающее ту же участь всему экипажу. Гнетущее состояние никого не покидало до самой встречи с японцами.

Офицеры и команда остальных судов, видя на «Ослябе» контр-адмиральский флаг, не подозревали о случившемся. Не знал этого и неприятель, когда открыл по броненосцу сильный огонь. Простой лоскут материи, висевший на мачте, быть может, ускорил гибель корабля.

Со смертью адмирала командование вторым броненосным отрядом было поручено капитану 1-го ранга Бэру. Но он с появлением японского флота не сделал по своему отряду ни одного распоряжения. Каждое из его судов было предоставлено самому себе.

Когда 14 мая, после перестрелки с неприятельскими разведочными крейсерами, во втором часу дня, показалась японская эскадра, на броненосце «Ослябя» пробили боевую тревогу. Все люди находились на своих местах, стояли чинно и парадно. Сам Бэр находился на мостике около боевой рубки и, глядя, как с левой стороны приближается встречным курсом японская эскадра, курил одну папиросу за другой. Он был спокоен.

Но вот здесь-то и случилось то, чего никто не ожидал от командующего 2-й эскадрой адмирала Рожественского, в боевые способности которого так слепо

верили в Петербурге. С первого же момента благодаря несуразным маневрам адмирала «Ослябя», как мы знаем, был поставлен в такое положение, что вынужден был застопорить машины, чтобы не протаранить впереди идущее судно. Противник воспользовался этим и, делая последовательный поворот на шестнадцать румбов и ложась на параллельный с нами курс, открыл по нему сильнейший огонь.

Попадания начались сразу же. Третий снаряд ударил в носовую часть броненосца и, целиком вырвав левый клюз, разворотил весь бак. Якорь вывалился за борт, а канат вытравился вниз и повис на жвакагалсовой скобе. Японцы быстро пристрелялись к стоячей мишени еще на повороте, и передние корабли передавали расстояние идущим сзади. Каждый новый корабль, делая поворот, посылал броненосцу «Ослябя» свой первый жестокий привет. Снаряды начали сыпаться градом, непрестанно разрываясь у ватерлинии, в носу. А броненосец покорно подставлял свои борта и ничего не предпринимал, чтобы выйти из-под обстрела. Когда ему представилась возможность двинуться вперед и когда внутри его заколотились все три машины в четырнадцать тысяч пятьсот индикаторных сил, а за кормой забурлили все три винта, он уже имел несколько пробоин в носовой части, не защищенной броней. По кораблю пронесся призыв:

— Трюмно-пожарный дивизион, бегом в носовую жилую палубу!

Там около первой переборки, у самой ватерлинии, разорвался снаряд крупного калибра и сделал в левом борту большую брешь. В нее хлынули потоки воды, заливая первый и второй отсеки жилой палубы. Через щели, образовавшиеся в палубе, через люк и в разбитые вентиляторные трубы вода пошла в левый носовой шестидюймовый погреб и в подбашенное отделение. От дыма и газов в этих отсеках не было видно даже горящих электрических лампочек. Пробоина была полуподводная, но вследствие хода и сильной зыби не могла быть заделана. Разлив воды по жилой палубе был остановлен второй переборкой впереди носового траверза, а в трюмах она дошла до отделения носовых динамомашин и подводных минных аппаратов. Получился диферент на нос. Кроме того, броне-

носец начал крениться на левый борт. Трюмные, руководимые инженером Успенским, работали энергично, но им лишь отчасти удалось устранить крен, искусственно затопив коридоры и патронные погреба правого борта.

Главная электрическая магистраль, перебитая снарядом, перестала давать ток, вследствие чего носовая десятидюймовая башня перестала работать. Она сделала только три выстрела. Хотя минеры и соединили перебитые концы магистрали, но было уже поздно. В башню попали два больших снаряда. Не выдержав их страшного взрыва, она соскочила с катков и перекосилась набок. Броневые плиты на ней разошлись, а дульные части десятидюймовых орудий, как два громадных сухих пня, торчали под разными углами в сторону неприятеля.

Около этой башни еще перед началом сражения на убой были поставлены два матроса — Король и Сусленко. До самой встречи с японцами они находились в карцере. Сусленко был арестован за ограбление церковной кружки, а Король — за бунт на крейсере «Нахимов». Старший офицер, поставив их здесь, приказал:

— В случае пожара будете заливать из шлангов. Никуда отсюда не уходить. Виновника пристрелю на месте.

Оба они были разорваны на куски.

Крыша с башни оказалась сорванной. По-видимому, один из снарядов разорвался в амбразуре. Внутри башни одному человеку оторвало голову, а всех остальных тяжело ранило. Послышались стоны, крики. Из башни вынесли комендора Бобкова с оторванной ногой. Лежа на носилках, по пути в операционный пункт, он, проклиная кого-то, ругался самыми отчаянными словами.

Верхний передний мостик был разбит. Там стоял дальномер, служивший для определения расстояния до неприятеля. При нем находилось несколько матросов и лейтенант Палецкий. Взрывом снаряда их разнесло в разные стороны и настолько изувечило, что никого нельзя было узнать, кроме офицера. Он лежал с растерзанной грудью, вращал обезумевшими глазами и, умирая, кричал неестественно громко:

— «Идзумо»... Крейсер «Идзумо»... тридцать пять кабельтовых... «Идзумо»... пять... тридцать...

Через минуту Палецкий был трупом.

Вскоре был разбит верхний носовой каземат шестидюймового орудия. В него попало два снаряда. Броневая плита, прикрывавшая его снаружи, сползла вниз и закрыла отверстие порта, а пушка вылетела из цапф. Затем замолчали еще две шестидюймовые пушки. Все мелкие орудия с левого борта вышли из строя за каких-нибудь двадцать минут. Бо́льшая часть прислуги при них была выбита, а остальные вместе с батарейным командиром, не находя себе дела, скрылись в броневой палубе.

Разорвался снаряд около боевой рубки. От находившегося здесь барабанщика остался безобразный обрубок без головы и без ног. Осколки от снаряда влетели через прорези внутрь рубки. Кондуктор Прокюс, стоявший у штурвала, свалился мертвым. Были тяжело ранены старший флаг-офицер лейтенант Косинский (морской писатель, автор книжек «Баковой вестник») и судовые офицеры. Некоторые из них ушли в операционный пункт и больше сюда не возвращались. Командир Бэр с бледным, обрызганным кровью лицом выскочил из рубки и, держа в руке дымящуюся папиросу, громко закричал:

— Позвать мне старшего офицера Похвиснева!

Кто-то из матросов побежал выполнять его поручение, а сам он, держа во рту папиросу, затянулся дымом и опять скрылся в боевой рубке, чтобы управлять погибающим кораблем.

В левом среднем каземате осколки попали в тележку с патронами. Взрывом здесь искрошило всю артиллерийскую прислугу, а шестидюймовую пушку привело в полную негодность. На этом борту остались только два шестидюймовых орудия, но и те позднее были парализованы большим креном судна. Таким образом, артиллерии броненосца «Ослябя» пришлось действовать очень мало, да и снаряды выбрасывались скорее на ветер, чем в цель, так как расстояние в это время никто не передавал.

Вся носовая часть судна была уже затоплена водою. Доступ к двум носовым динамомашинам оказался отрезанным. Находившимся при них людям при-

шлось, спасаясь от гибели, выбираться оттуда через носовую башню. Та же вода, служа хорошим проводником и соединив электрическую магистраль с корпусом корабля, была причиною того, что якоря двух кормовых динамомашин сгорели. В результате перестали работать турбины, служащие для выкачивания воды, остановились лебедки, поднимавшие снаряды, и отказались служить все механизмы, приводимые в движение электрическим током.

На броненосце, внизу, под защитой брони, было два перевязочно-операционных пункта: один постоянный, а другой импровизированный, сделанный на время из бани. В первом работал старший врач Васильев, а во втором — младший, Бунтинг. Всюду виднелись кровь, бледные лица, помутившиеся или лихорадочно-настороженные взгляды раненых. Вокруг операционного стола валялись ампутированные части человеческого тела. Вместе с живыми людьми лежали и мертвые. Одуряющий запах свежей крови вызывал тошноту. Слышались стоны и жалобы. Кто-то просил:

— Дайте скорее пить... Все внутренности мои горят...

Строевой унтер-офицер бредил:

— Не жалей колокола... Отбивай рынду! Видишь, какой туман...

Комендор с повязкой на выбитых глазах, сидя в углу, все спрашивал:

— Где мои глаза? Кому я слепой нужен?

На операционном столе лежал матрос и орал. Старший врач в халате, густо заалевшем от крови, рылся большим зондом в плечевой ране, выбирая из нее осколки. Число искалеченных все увеличивалось.

— Ребята, не напирайте. Мне нельзя работать,— упрашивал старший врач.

Его плохо слушали.

Каждый снаряд, попадая в броненосец, производил невообразимый грохот. Весь корпус судна содрогался, как будто с большой высоты сбрасывали на палубу сразу сотню рельсов. Раненые в такие моменты дергались и вопросительно смотрели на выход: конец или нет? Вот еще одного принесли на носилках. У него на

боку было сорвано мясо, оголились ребра, из которых одно торчало в сторону, как обломанный сук на дереве. Раненый завопил:

— Ваше высокоблагородие, помогите скорей!

— У меня полно. К младшему врачу несите.

— Там тоже много. Он к вам послал.

Броненосец сильно качнулся.

Слепой комендор вскочил и, вытянув вперед руки, крикнул:

— Тонем, братцы!

Раненые зашевелились, послышались стоны и предсмертный хрип. Но тревога оказалась ложной. Комендора с руганью усадили опять в угол. Однако крен судна на левый борт все увеличивался, и в ужасе расширялись зрачки у всех, кто находился в операционном пункте. Старший врач, невзирая на то, что минуты его были сочтены, продолжал работать на своем посту.

А наверху, не переставая, падали снаряды. По броненосцу стреляли не менее шести японских крейсеров. Море кипело вокруг. При попаданиях в ватерлинию по поясной броне, взъерошиваясь, вздымались вровень с трубами огромные столбы воды и затем обрушивались на борт, заливая верхнюю палубу и казематы. Стоны, предсмертные вопли, крики людей, искалеченных и обезумевших от ужаса, мешались с грохотом взрывов, завыванием огня и лязгом рвущегося железа. Вот артиллерия, выведенная из строя, совсем замолчала. Командир одного из плутонгов лейтенант Недермиллер отпустил орудийную прислугу, а сам, считая положение безнадежным, застрелился. Все верхние надстройки корабля были охвачены огнем. Бушевал пожар под кормовым мостиком. На спардек из-под верхней палубы валил густой дым, а через люки и пробоины вырывались крутящиеся языки пламени. Горели офицерские и адмиральские помещения. Люди пожарного дивизиона метались в облаках дыма, как призраки, но все их старания были напрасны. «Ослябя», зарывшись носом в море по самые клюзы, больше не мог отбиваться и, разбитый, изуродованный, продолжавший еще кое-как двигаться, беспомощно ждал окончательной своей гибели. Она не замедлила прийти вместе с новой, решающей

пробоиной. Снаряд в двадцать пудов попал в борт в середине судна, по ватерлинии, между левым минным аппаратом и банею. Болты, прикреплявшие броневую плиту, настолько ослабли, что от следующего удара она отвалилась, как штукатурка от старого здания. В это место попал еще один снаряд и сделал в борту целые ворота, в которые могла бы проехать карета. Внутрь корабля хлынула вода, разливаясь по скосу броневой палубы и попадая в бомбовые погреба. Для заделки пробоины вызвали трюмный дивизион с инженером Змачинским. Напрасно люди старались закрыть дыру деревянными щитами, подпирая их упорами: волна вышибала брусья, и приходилось работать по пояс в воде. Запасная угольная яма оказалась затопленной. Крен начал быстро увеличиваться.

Броненосец выкатился из строя вправо.

По всем палубам, по всем многочисленным отделениям пронеслись отчаянные выкрики:

— Броненосец опрокидывается!

— Погибаем!

— Спасайся!

В это время на мостике находились лейтенант Саблин, старший артиллерийский офицер Генке и прапорщик Болдырев. К ним вышел из рубки командир Бэр, без фуражки, с кровавой раной на лысой голове, но с папиросой в зубах. Ухватившись за тентовую стойку и широко расставив ноги, он сказал своим офицерам:

— Да, тонем, прощайте.

Потом в последний раз затянулся дымом и громко скомандовал:

— Спасайтесь! За борт! Скорее за борт!

Но время уже было упущено. Корабль стал быстро валиться на левый борт. Все уже и без приказа командира поняли, что наступил момент катастрофы. Из погребов, кочегарок, отделений минных аппаратов по шахтам и скобам полезли люди, карабкаясь, хватаясь за что попало, срываясь вниз и снова цепляясь. Каждый стремился скорее выбраться на батарейную палубу, куда вели все выходы, и оттуда рассчитывал выскочить наружу, за борт.

Из перевязочных пунктов рванулись раненые, завопили. Те, которые сами не могли двигаться, умоляли помочь им выбраться на трап, но каждый думал только о самом себе. Нельзя было терять ни одной секунды. Вода потоками шумела по нижней палубе, заполняя коридоры и заливая операционный пункт. Цепляясь друг за друга, лезли окровавленные люди по уцелевшему трапу на батарейную палубу. Отсюда удалось вырваться только тем, кто меньше пострадал от ран.

Но хуже произошло с людьми, находившимися в машинных отделениях. Выходы из них на время боя, чтобы не попадали вниз снаряды, были задраены броневыми плитами, открыть которые можно было только сверху. Назначенные для этой цели матросы от страха разбежались, бросив оставшихся внизу на произвол судьбы. Некоторые потом вернулись и, стремясь выручить товарищей, пытались поднять талями тяжелые броневые крышки, но судно уже настолько накренилось, что невозможно было работать. Машинисты вместе с механиками, бесполезно бросая дикие призывы о помощи, остались там, внизу, остались все без исключения, погребенные под броневой палубой, как под тяжелой могильной плитой.

Жуткая суматоха происходила и на верхней палубе. Одни прыгали в море, не успев захватить с собою спасательных средств, другие бросались за спасательными кругами и пробковыми нагрудниками. Люди сталкивались друг с другом, падали. Несколько смельчаков добрались до коечных сеток и начали оттуда выбрасывать утопающим койки, с помощью которых можно было держаться на воде.

На правом борту очутился священник, из монахов. Это был мужчина средних лет, сытый, тяжеловесный. С развевающимися клочьями волос на голове, с выкатившимися глазами, он напоминал человека, только что вырвавшегося из сумасшедшего дома. Видя гибель броненосца, он надрывно заголосил:

— Братья! Матросики! Я не умею плавать. Спасите меня!

Но тут же сорвался с борта, бестолково пошлепал руками по воде и скрылся под волнами.

Вокруг «Ослябі», отплывая от него, барахтались в воде люди. Но многие из экипажа, словно не решаясь расстаться с судном, все еще находились на его палубе. Это продолжалось до тех пор, пока стальной гигант окончательно не свалился на левый борт. Плоскость палубы стала вертикально. Скользя по ней, люди повалились вниз, к левому борту, а вместе с ними покатились обломки дерева, куски железа, ящики, скамейки и другие неприкрепленные предметы. Ломались руки и ноги, разбивались головы. Бедствие усугублялось еще тем, что противник не прекращал огня по броненосцу. Вокруг все время падали снаряды, калеча и убивая тех, которые уже держались на воде. Мало того, из трех колоссальных труб, лежавших горизонтально на поверхности моря, не переставал выходить густой дым, клубами расстилаясь понизу и отравляя последние минуты утопающих. От шлюпок, разбитых еще в начале боя, всплывали теперь обломки, за которые хватались люди, воздух оглашался призывами о помощи. И среди этой каши живых человеческих голов, колеблемой волнами, то в одном месте, то в другом вздымались от взрыва снарядов столбы воды.

Командир Бэр, несмотря на разгорающийся вокруг него пожар, не покидал своего мостика. Для всех стало ясно, что он решил погибнуть вместе с кораблем. Казалось, все его заботы теперь были направлены только к тому, чтобы правильно спасались его подчиненные. Держась руками за тентовую стойку, почти повиснув на ней, он командовал, стараясь перекричать вопли других:

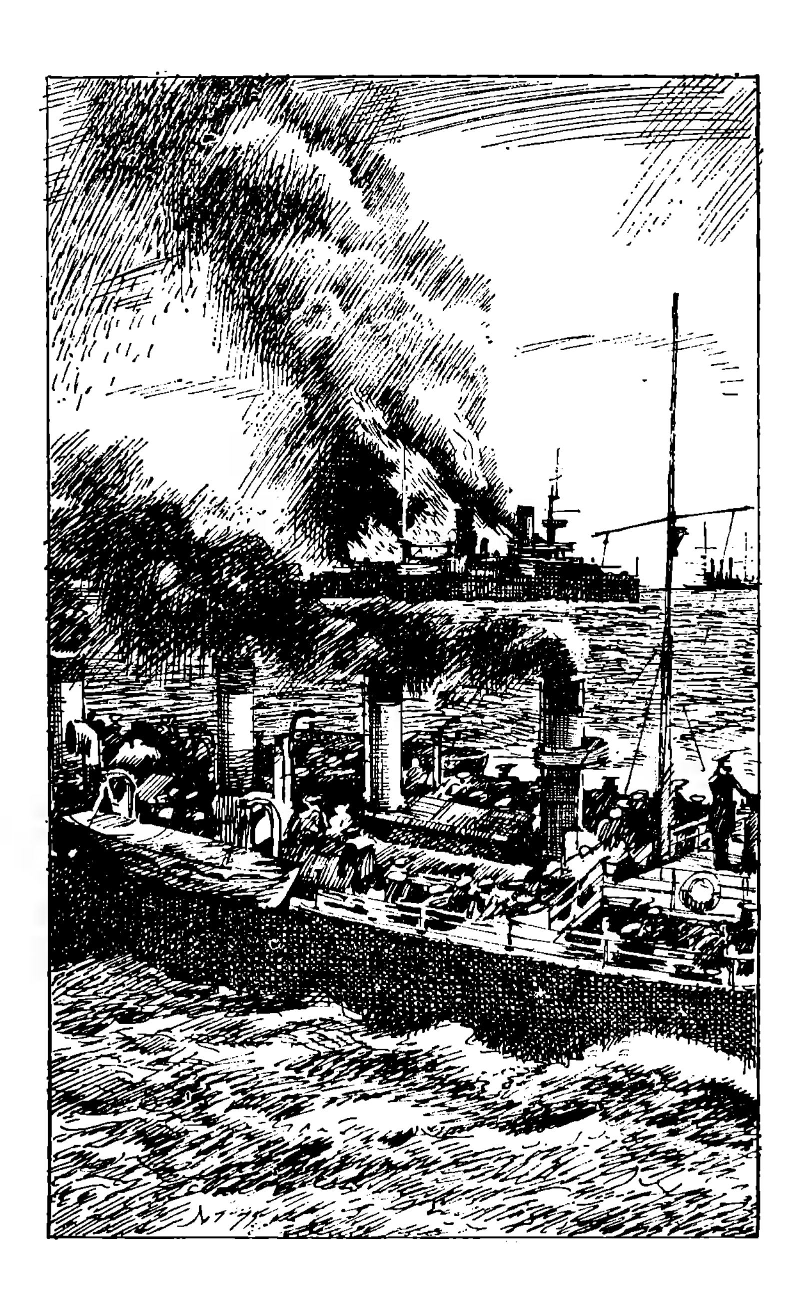
— Дальше от бортов! Черт возьми, вас затянет водоворотом! Дальше отплывайте!

В этот момент, перед лицом смерти, он был великолепен.

Броненосец перевернулся вверх килем и, задирая корму, начал погружаться в море. Гребной винт правой машины, продолжая еще работать, сначала быстро вращался в воздухе, а потом, по мере погружения судна, забурлил воду. Это были последние судороги погибающего корабля.

Из машинистов и механиков ни один не выпрыгнул за борт. Все они, в числе двухсот человек, остались

задраенными в своих отделениях. Каждый моряк может себе представить, что произошло с ними. При опрокидывании броненосца все они полетели вниз вместе с предметами, которые не были прикреплены. В жаркой тьме вопли смешались с грохотом и треском падающих тяжестей. Но одна из трех машин и после этого продолжала некоторое время работать, разрывая попадавших в нее людей на части. Водой эти закупоренные отделения наполнились не сразу. Значит, те, которые не были еще убиты, долго оставались живыми, проваливаясь в пучину до самого морского дна. И, может быть, прошел не один час, прежде чем смерть покончила с ними.

Часть вторая

НА КУРСЕ НОРД-ОСТ 23°

1. ЕСТЬ... ЛЕЙТЕНАНТ ГИРС!

Был великий пост. Протяжен и уныл звон колоколов, призывающий жителей села к покаянию. Покорные и смиренные, тянулись сельчане в свою церквушку, чтобы за свои копейки свалить с души тяжесть грехов. Но в воздухе уже чувствовалась весна. Март сломал зиму. С каждым днем теплее светило солнце, разливаясь до рези в глазах по белизне снегов. Соломенные крыши домов обрастали длинными сосульками.

В один из таких ясных и тихих дней, звеня бубенцами и колокольчиками, ворвались в наше село две тройки ямских коней. Приехал на охоту со своими егерями граф, старик Воронцов-Дашков. Для него в наших селах был обложен медведь. На второй день в помощь графу отправилось человек сто загонщиков, в числе которых находился и я, восемнадцатилетний парень. Погода испортилась: падал снег и дул, заметая следы, поземок. Мы прошли версты три полем, столько же — лесом, и наконец нас, увязавших по пояс в снегу, тихо расставили по кругу недалеко от берлоги. Под грохот холостых выстрелов егерей мы заорали на все голоса, заулюлюкали, как пьяные. Никто не жалел своей глотки — за это обещали нам по тридцать копеек на человека. Но все наши старания были напрасны: граф не убил медведя, хотя и попал в него двумя выстрелами. Раненый зверь скрылся в лесных трущобах. Воронцов-Дашков вернулся в село усталый и расстроенный. В горнице одного богатого лесопромышленника, насупив седые брови, он

молча ел ветчину, сыр, сливочное масло и пил дорогие вина. Я тогда впервые узнал, что великий пост существует только для крестьян. Не успел граф покончить с едой, как на огородах у нас появился медведь. Он легко мог бы затеряться в пространстве, особенно пользуясь тем, что поземок моментально заметал его следы. Но, обезумев от ран и пережитого ужаса, он сам пришел за смертью. За ним погнались графские егеря, и спустя некоторое время огромная туша великана, весом пудов в двадцать, уже лежала на крестьянских розвальнях.

Наша эскадра уподобилась этому медведю.

Итак, японцы, проделав свой маневр, потеряли нас за дымом и мглой. Мы в это время уходили на юг. Нам нужно было продолжать путь в том же направлении, раз выяснилось, что не можем прорваться во Владивосток. Но директива адмирала Рожественского, как незримая узда, тянула нас обратно. И наша эскадра, израненная и ошеломленная, снова повернула на север, словно нам надоела жизнь и мы сами нарочно полезли в смертную западню. Кильватерный строй судов во главе с броненосцем «Бородино» выпрямился. Теперь он вел эскадру, за ним шли: «Орел», «Сисой Великий», «Александр III», «Наварин», «Адмирал Нахимов» и третий отряд контр-адмирала Небогатова: «Николай I», «Апраксин», «Сенявин» и «Ушаков». Позади, едва видимые, следовали крейсеры с миноносцами и транспортами. На «Орле», как и на других наших судах, потушили пожар, успели справиться с некоторыми повреждениями, поставить к орудиям новых людей вместо выбывших из строя и перевязать раненых.

А через полчаса слева на горизонте показались серые фигуры японских кораблей. Они расстреливали флагманский броненосец «Суворов», и тот, без руля, маневрируя только с помощью машин, делая зигзаги, весь в огне и в клубах дыма, все еще пытался пробраться на север. Наша эскадра начала обгонять его. Противник, заметив наши главные силы, пошел к нам на сближение. У него, кроме двух авизо, опять насчитывалось двенадцать броненосных кораблей, так как крейсер «Асама», справившись с повреждениями, успел уже снова пристроиться к своей эскадре. Через

несколько минут бой возобновился с прежней силой. Японцы применяли к нам прежнюю тактику, опережая нас и нажимая на нашу голову.

В четыре часа уже на южном направлении запылал «Сисой Великий». Этот броненосец вышел из строя и, повернув назад, вскоре присоединился к крейсерскому отряду. Третьим в строю теперь оказался «Александр». Броненосец «Наварин», у которого одна из четырех труб была уничтожена, сильно отстал. В образовавшийся промежуток, заходя с левой стороны, обращенной к неприятелю, вступил отряд контр-адмирала Небогатова.

Небогатов должен был бы стать со своим флагманским кораблем во главе эскадры и управлять ею, но он не имел на это права. За четыре дня до сражения Рожественский отдал приказ (№ 243), в котором говорилось, что если головное судно выходит из строя, то эскадру ведет следующий мателот по порядку номеров. Но этот приказ во время сражения превратился в кандалы для младших флагманов: он сковал их волю, он мешал им принять то или иное решение. Все происходило так, как было предписано командующим: за выходом из строя «Суворова» эскадру повел «Александр», потом его место занял «Бородино». Получилось что-то несуразное. Каждый из ведущих броненосцев больше всего осыпался неприятельскими снарядами, и никто не мог бы сказать, уцелел ли на нем командир или хотя бы старший офицер. Таким образом, оставшиеся в живых адмиралы оказывались в подчиненном положении неизвестно у кого.

При этой встрече с японцами «Орел», занимая второе место в строю, подвергся еще более ожесточенному обстрелу, чем в первый раз. Начались попадания в него один за другим. Случалось, что от взрыва крупного снаряда огромнейший корпус корабля, содрогнувшись, на мгновение останавливался, словно осаженный удилами конь, а потом снова шел вперед, окруженный облаками дыма и колоссальными всплесками воды.

В кормовой каземат, где помещались четыре 75-миллиметровых орудия, попало несколько снарядов. Один из них — вероятно, двенадцатидюймовый — разорвался с такой силой, что броненосец так и рыск-

нул с курса в сторону. Минному квартирмейстеру Хритонюку и минеру Привалихину, находившимся в этот момент этажом ниже, под броневой палубой у рулевого мотора, показалось, что отвалилась вся корма. Они потом рассказывали:

— Мы так и решили—должно быть, мина угодила. Ждали, вот-вот начнется крен и судно пойдет ко дну. Но крена не было. Услышали только треск. Это взрывались патроны.

Минный квартирмейстер и минер поднялись в каземат и, не видя никого из живых людей, начали тушить пожар. Они сапогами черпали воду, проникавшую через пробоины.

С огнем кое-как справились. Хритонюк спустился к рулевому мотору, а минер Привалихин остался в кормовом каземате, разглядывая, что здесь произошло. Два орудия вышли из строя. Один полупортик был сорван с задраек и петель, другой — пробит. Иллюминаторы оказались без стекол. В кают-компании с левого борта зияла большая брешь вровень с батарейной палубой. Раненые, очевидно, расползлись отсюда, остались только мертвые. Приткнувшись головой к борту, застыл матрос Вацук. Недалеко от него лежали два изувеченных трупа — подшкипер Еремин и какой-то комендор, причем рука одного, словно в порыве дружбы, крепко обняла за шею другого. Но минер Привалихин не знал, что эти два человека перед смертью из-за чего-то поспорили между собою и чуть не подрались. Японский снаряд примирил их обоих. Свидетелем тому был другой матрос. Он находился в кают-компании на подаче патронов к пушкам и оказался засыпанным по пояс углем, служившим защитой бортов. Вылезая из вороха угля, он оставил в нем сапоги, но сам не имел никаких поранений. Рядом с ним командир кормового каземата прапорщик Калмыков произнес: «Прицел — тридцать!» — и куда-то исчез с такой быстротой, как исчезает молния в небе, от прапорщика остался один только погон. Один из артиллерийской прислуги вылетел в полупортик, мелькнув в воздухе распластанной птицей, и сразу исчез в волнах.

Почти одновременно пострадала немного и двенадцатидюймовая кормовая башня. Снаряд ударил

в броневую крышу около амбразур. Броня крыши треснула и опустилась вниз, ограничив угол возвышения левого орудия, после чего оно могло стрелять не дальше двадцати семи кабельтовых. При этом были легко ранены мичман Щербачев, кондуктор Расторгуев и квартирмейстер Кислов. Все они, пользуясь индивидуальными пакетами, оказали сами себе первую помощь и остались на своих местах. Навсегда кончил здесь службу лишь один комендор Биттэ, у которого было сорвано полчерепа. Разбрызганный по платформе мозг теперь попирался ногами.

Мичман Щербачев недолго командовал этой башней, а потом, как и лейтенант Славинский, слетел со своей площадки управления. Руки и ноги его разметались по железной платформе, словно ему было жарко. Матросы бросились к командиру башни и начали поднимать его. Около переносицы у него кровавилась дыра, за ухом перебит сосуд, вместо правого глаза осталось пустое углубление. Раздались восклицания:

— Кончено — убит!

— Даже не пикнул!

— Наповал убит!

Мичман Щербачев как раз в этот момент очнулся и спросил:

— Кто убит?

— Вы, ваше благородие,—ответил один из матросов.

Щербачев испуганно откинул назад голову и метнул левым уцелевшим глазом по лицам матросов.

— Как, я убит? Братцы, скажите, я уже мертвый?

— Да нет, ваше благородие, не убиты. Мы только думали, что конец вам. А теперь выходит — вы живы.

Щербачев, ощутив пальцами пустое углубление правой глазницы, горестно воскликнул:

— Пропал мой глаз!..

Через несколько минут снова загрохотали орудия. Башней теперь командовал кондуктор Расторгуев. А мичман Щербачев, привалившись к пробойнику, сидел и тяжело стонал, опуская все ниже и ниже обмотанную бинтом голову. В операционный пункт он был доставлен в бессознательном состоянии.

В бортах «Орла», не защищенных броней, число пробоин все увеличивалось. Хотя все они были над-

водные, в них захлестывали волны. Вода разливалась по батарейной палубе, попадая иногда через разбитые комингсы в нижние помещения. Пробоины с разорванными и кудрявыми железными краями, загнутыми внутрь и наружу судна, немыслимо было заделать на скорую руку. А японские снаряды не переставали разрушать корабль. При каждом ударе разлетались по судну, как брызги, тысячи раскаленных осколков, пронзая людей и предметы.

На нижнем носовом мостике с грохотом вспыхнуло такое ослепительное пламя, как будто вблизи разразилась молнией грозовая туча. В боевой рубке никто не мог устоять на ногах. Полетел кувырком и старший сигнальщик Зефиров. После он и сам не мог определить, сколько времени ему пришлось пробыть без памяти. Очнувшись, он поднял крутолобую голову, и в онемевшем мозгу первым проблеском мысли был вопрос: жив он или нет? Со лба и подбородка стекала кровь, чувствовалась боль в ноге. Зефиров осмотрелся и, увидев, что лежит на двух матросах, быстро вскочил. Поднимались на ноги и другие, наполняя боевую рубку стонами и бестолковыми выкриками. У некоторых было такое изумление на лицах, будто они еще не верили в свое спасение. Стали на свои места писарь Солнышков, раненный в губы, и сигнальщик Сайков с ободранной кожей на лбу. Дальномерщик Воловский медленно покачивал расшибленной головой, глядя себе под ноги. Строевой квартирмейстер Колесов с раздувшейся скулой оперся одной рукой на машинный телеграф и тяжело вздыхал. Старший офицер Сидоров, получивший удар по лбу, почему-то отступил в проход рубки и, силясь что-то сообразить, упорно смотрел внутрь ее. Лейтенант Шамшев хватался за живот, где у него застрял кусок металла. Боцманмат Копылов и рулевой Кудряшев заняли место у штурвала и, хотя лица обоих были в крови, старались удержать судно на курсе.

Не все поднялись на ноги. Лейтенант Саткевич был в бессознательном состоянии. Посреди рубки лежал командир Юнг с раздробленной плечевой костью и, не открывая глаз, командовал в бреду:

— Минная атака... Стрелять сегментными снарядами... Куда исчезли люди?..

Рядом с ним ворочался его вестовой Назаров: у него из раздробленного затылка вывалились кусочки мозга. Раненый что-то мычал и, сжимая и разжимая пальцы, вытягивал то одну руку, то другую, словно лез по вантам. Железный карниз, обведенный ниже прорези вокруг рубки для задерживания осколков, завернуло внутрь ее. Этим карнизом перебило до позвоночника шею одному матросу. Он судорожно обхватил ноги Назарова и, хрипя, держался за них, как за спасательный круг.

Старший офицер Сидоров наконец оправился и, вступая в права командира, распорядился:

— Немедленно вызвать носильщиков!

В боевой рубке, помогая друг другу, занялись предварительной перевязкой ран.

Трапы, ведущие на передний мостик, были сбиты. По приказанию старшего офицера укрепили штормтрапы. Это очень затрудняло спуск раненых на палубу.

Первым был доставлен в операционный пункт капитан 1-го ранга Юнг. Когда его несли, он был ранен в третий раз. Осколок величиной с грецкий орех пробил ему, как определил старший врач, печень, легкие, желудок и застрял в спине под кожей. Быстро извлеченный осколок оказался настолько горячим, что его нельзя было удержать в руках. Командир, пока ему перевязывали раны, продолжал выкрикивать в бреду:

— Право руля... Почему ход убавили?.. Передайте в машины — девяносто оборотов...

Вслед за командиром в операционный пункт были доставлены лейтенант Саткевич и матросы. Потом без посторонней помощи явился лейтенант Шамшев.

Находясь в операционном пункте, я взглянул через дверь в коридор и увидел там кочегара Бакланова. Он сделал мне знак рукою, подзывая к себе. Я вышел к нему, ожидая от него важных новостей. Меня крайне удивило, что толстые губы его на грязном, с тупым подбородком, лице растянулись в самодовольную улыбку. Он обдал меня запахом водки и заговорил на ухо:

— Ну, брат, и подвезло мне! Господские закуски такие, что сами в рот просятся. А от разных вин душа поет. Первый раз в жизни я так сладко поел и выпил.

— Где? — спросил я.

— В офицерском буфете.

Кочегар показал на свои раздувшиеся карманы и добавил:

— Я, друг, и про тебя не забыл. Пойдем в машинную мастерскую. Будешь доволен угощением.

— И тебе не стыдно заниматься обжорством в такое время, когда кругом люди умирают?

— А что такое стыд? Это не кусок от снаряда — желудок не беспокоит. У тебя вон губы дрожат, а все равно не спасешься. Так лучше навеселе спускаться на морское дно. Идем!

Я рассердился и крикнул:

— Убирайся ко всем чертям от меня!

А он, обведя взглядом изувеченных и стонущих людей, которые лежали не только в операционном пункте, но и в коридоре, подмигнул одним глазом и спросил:

— Это все будущие акробаты?

Мне был противен его цинизм, и я раздраженно ответил:

— Вася-Дрозд тоже записался в акробаты. Боцман Воеводин видел его: валяется на шканцах без ног.

Кочегар Бакланов сразу отрезвел:

— Врешь?

— Сходи и посмотри.

Он повернулся и побежал по ступеням трапа вверх. Но не прошло и десяти минут, как я снова встретился с ним в коридоре. Это был теперь другой человек, подавленный потерей друга.

— Ну, что? — спросил я.

— Он уже мертвый. Я выбросил его за борт.

Бакланов положил свою тяжелую руку на мое плечо и, волнуясь, заговорил глухо, сквозь зубы:

— Эх, какой человек погиб, друг-то наш Вася! Хотел все науки превзойти. И вот что вышло. За что отняли у него жизнь? Разве она была у него краденая?

Бакланов размазал по лицу слезы и, ссутулившись, медленно полез по трапу.

После ухода кочегара до операционного пункта долетела грозная весть о шестидюймовой башне. Как потом выяснилось, внутрь ее проник раскаленный осколок и ударил в запасный патрон. Произошел

взрыв. Воспламенились еще три таких же патрона. Один из них в этот момент находился в руках комендора второго номера Власова, заряжавшего орудие. Башня, выбросив из всех своих отверстий вместе с дымом и газами красные языки пламени, гулко ухнула, как будто издала последний утробный вздох отчаяния. Одновременно внутри круглого помещения, закрытого тяжелой броневой дверью, несколько человеческих грудей исторгнули крики ужаса. Загорелась масляная краска на стенах, изоляция на проводах, чехлы от пушек. Люди, задыхаясь газами и поджариваясь на огне, искали выхода и не находили его. Ослепленные дымом, обезумевшие, они метались в разные стороны, но расшибались о свои же орудия или о вертикальную броню, падали и катались по железной платформе. Башня бездействовала, однако в стальных ее стенах еще долго раздавались вопли, визг, рев. Эти нечеловеческие голоса были услышаны в подбашенном отделении, откуда о случившемся событии было сейчас же сообщено в центральный пост.

Огонь, проникая по нориям вниз, запалил провода и дерево. Пороховой погреб оказался под угрозой воспламенения, и только решительность находившихся там матросов спасла броненосец от взрыва.

К башне пришли носильщики и открыли дверь. Один из них громко крикнул:

— Ну, что тут у вас случилось?

В ответ послышались стоны и хрипы умирающих. Трое из артиллерийской прислуги — Власов, Финогенов и Марьин, обуглившиеся, лежали мертвыми. Квартирмейстер Волжанин и комендор Зуев едва были живы. Вместо платья на них виднелись обгорелые лохмотья.

Те патроны шестидюймовых орудий, которые взорвались и причинили столько бед, были запасными. В каждой башне их находилось по четыре штуки. Во все время пути, начиная с Ревеля, они держались наготове в кранцах, чтобы в случае внезапного появления неприятеля можно было скорее зарядить орудия. Зная, что амбразуры в наших башнях слишком велики, эти патроны при начале боя следовало бы пустить в дело первыми, но об этом никто не подумал.

Один из артиллерийских квартирмейстеров с возмущением рассказывал мне:

— Счастье наше, что взрыв произошел не в двенадцатидюймовой башне. В каждой из них держали в запасе около двадцати пудов пороха. Для чего? Ведь заряжать орудия вручную гораздо дольше, чем автоматической подачей. А у нас внизу, в подбашенном отделении, некоторые кокоры раскупорились. Порох из них рассыпался. Достаточно было попасть туда малейшей искре, чтобы он сразу же воспламенился. Где были глаза у нашего начальства? Ведь весь корабль мог бы взлететь на воздух...

Бой продолжался. Наша эскадра успела проделать столько разных поворотов и эволюций, что трудно было в них разобраться. В конце концов она опять склонилась на юг.

Броненосец «Орел» получил в свой корпус уже до сотни снарядов разных калибров. Весь левый борт выше батарейной палубы был у него в дырах. Их на скорую руку забивали койками. У многих орудийных полупортиков были разбиты цепочки. Чтобы закрыть эти полупортики, нужно было завести к ним тросовые концы. Под огнем противника, рискуя сорваться в воду, матросы вынуждены были спускаться за борт.

Японские снаряды, разрываясь, развивали такую высокую температуру, что выплавляли на толстых броневых плитах лунки, а в некоторых местах железо расплавлялось и свисало сосульками. На судне то и дело возникали пожары. Трюмно-пожарный дивизион не успевал с ними справляться. Тушили их все, кому только можно было. Даже сам старший офицер капитан 2-го ранга Сидоров, исполнявший теперь роль командира, несколько раз выбегал из боевой рубки и вместе с сигнальщиком Зефировым и горнистом Балестом боролся с огнем на мостике. С невыносимым смрадом горели свернутые в плотные коконы парусиновые койки, которые были подвязаны под свес крыши боевой рубки для защиты от осколков. Койки поливали водой, но через две-три минуты они опять начинали тлеть. Сидоров распорядился:

— Выбрасывайте койки за борт!

Позади рубки, у фок-мачты, загорелись бухты резиновых переговорных шлангов. Тут же находились

ящики с 47-миллиметровыми патронами, давшие уже несколько взрывов. Все это также полетело в море. Люди, поиграв со смертью, однако, свое дело выполнили и скрылись в боевой рубке. Матросы не пострадали, а старший офицер отделался только контузией спины.

Боцман Воеводин, проходя мимо помещения церкви, увидел пятерых матросов, стоявших перед иконами на коленях. Они молились не под звон колоколов, а под грохот орудий. Но боцман, нуждаясь в людях, крикнул на них:

— Какого черта вы собрались здесь!

Раздался взрыв, и никто из искавших у бога защиты не поднялся на ноги. Казалось, вскрикнули от боли сами разбитые иконы. Вместе с людьми поплатился своей жизнью и забредший сюда козел, купленный у туземцев. До этого взрыва он носился по всем палубам, не понимая, что творится вокруг. Снарядом у него оторвало заднюю часть спины. Он вскочил на передние ноги, замотал рогатой головой и, глядя на боцмана влажными черными глазами, жалобно заблеял.

Вблизи появился лейтенант Славинский. Выбитый глаз и рана на голове у него были забинтованы. Он шагал как-то боком, неуверенно. Заметив, что из крана пожарной трубы хлещет вода, он остановился, подумал и крикнул боцману, только что кончившему тушить пожар в церкви:

— Воеводин, закрой кран!

Воеводин бросился выполнить приказание, а Славинский через носовой люк отправился на верхнюю палубу. Но там он пробыл недолго: во время тушения пожара на шканцах его чем-то ударило по голове и сорвало с нее повязки. В операционный пункт он был доставлен без памяти.

Сверху донеслись в операционный пункт крики «ура». Мы недоумевали: в чем дело? Старший боцман Саем, спустившись вниз для перевязки легкой раны на руке, торжественно сообщил:

— Неприятель отступает, а его один подбитый броненосец отстал, еле движется и горит. Наша эскадра доканчивает его. Сейчас он пойдет ко дну.

Священник Паисий, широко перекрестившись, воскликнул:

— Господи, помоги нам поразить нашего лютого врага!

Раненые, услышав весть о погибающем японском корабле, оживились. Радостное возбуждение, какое бывает на охоте при удачном выстреле в дичь, охватило и меня. Я взглянул на своего учителя, инженера Васильева. В карих глазах его блеснул хищный огонек. А с посиневших губ одного уже умирающего матроса сорвалось:

— Братцы, значит, им тоже досталось, японцам-то? Так им и надо, проклятым!

Но вскоре выяснилось, что Саем ошибся: справа от нашей колонны, в мглистой дали, едва двигаясь, горел не японский броненосец, а наш флагманский корабль «Суворов». По нему с «Орла» сделали несколько выстрелов. В операционном пункте наступило тягостное разочарование. По адресу боцмана послышалась ругань.

В ту же минуту заметили, что броненосец «Орел» начинает крениться на правый борт. Раненые и здоровые вопросительно переглядывались между собой, но никто не понимал, что случилось с кораблем. Может быть, он уже получил подводную пробоину. Может быть, через несколько минут он, как и броненосец «Ослябя», перевернется вверх днищем. Беспокойство росло. Каждая пара глаз с тревогой посматривала на выход, и каждый человек думал лишь о том, как бы в случае гибели судна выскочить первым, а чуть опоздаешь — двери и люки будут забиты человеческими телами. Кое-кто уже начал подниматься по трапу. Некоторые что-то выкрикивали в бреду, остальные молчали, как будто прислушивались к выстрелам своих орудий и к взрывам неприятельских снарядов. Вздрагивал измученный корабль, словно пугался черной бездны моря, вздрагивали и мы все, как бы сливаясь со всеми частями судна в одно целое.

Броненосец накренился градусов до шести и, не сбавляя хода, надолго остался в таком положении. На один момент крен его еще более увеличился. Очевидно, это произошло на циркуляции. Казалось, пе-

ред нами опускается железная стена, чтобы навсегда отрезать нас от жизни.

Мне вспомнилась мать, и я, приблизившись к инженеру Васильеву, для чего-то сообщил ему:

— Моя мать умеет по-польски читать. У нее книг на польском языке томов двадцать: и молитвенники, и романы. Она знает их все почти наизусть.

Васильев удивленно поднял черные брови и, стараясь понять смысл моих слов, заговорил:

— Да? Это хорошо. А по-французски она не может читать?

— Никак нет, ваше благородие. Во Франции она не была.

Почувствовав крен, забеспокоился в боевой рубке и капитан 2-го ранга Сидоров. По переговорной трубе он сейчас же передал в центральный пост, где находились судовой ревизор лейтенант Бурнашев и трюмный инженер-механик Румс:

— Немедленно принять меры к выпрямлению корабля!

Румс поднялся наверх, чтобы выяснить причины крена. Виновниками оказались комендоры. В средней батарейной палубе скопилось много воды. Чтобы избавиться от нее, они, не спросив разрешения трюмных, самовольно открыли с правого борта непроницаемые горловины. Вода полилась в бортовой коридор и наполнила собой верхний отсек от тридцать третьего до сорок четвертого шпангоута.

К нашему счастью, крен был не на левый борт, где имелось много пробоин и где некоторые поврежденные орудийные полупортики еще не успели задраить. Броненосец мог бы, в особенности на циркуляции, зачерпнуть воду всей батарейной палубой. А это угрожало бы катастрофой.

По распоряжению Румса трюмные старшины Федоров и Зайцев затопили отсеки левого борта. Корабль выпрямился. После этого пущенные в действие помпы выкачали воду за борт.

На броненосце «Орел» было три артиллерийских офицера. Двое из них — лейтенант Шамшев и лейтенант Рюмен — выбыли из строя. Капитан 2-го ранга Сидоров приказал писарю Солнышкову:

— Вызвать в боевую рубку лейтенанта Гирса!

Во время боя Гирс командовал правой носовой шестидюймовой башней. Он был отличный специалист, однако и ему не пришло в голову израсходовать сначала запасные патроны. Когда им был получен приказ явиться в боевую рубку, неприятельские корабли резали курс нашей эскадры и били по ней продольным огнем. Правая носовая башня отвечала неприятелю с наибольшей напряженностью. Но лейтенант Гирс вынужден был передать командование унтер-офицеру, а сам, соскочив на платформу, быстро приблизился к двери, высокий, статный, с русыми бачками на энергичном лице. В тот момент, когда он начал открывать тяжелую броневую дверь, раздался взрыв запасных патронов. Здесь повторилось то же самое, что немного раньше произошло в соседней башне. Лейтенант Гирс, опаленный, без фуражки, с трудом открыл дверь и выскочил из башни, оставив в ней ползающих и стонущих людей. Случайно встретились ему носильщики. Он послал их на помощь к пострадавшим, а сам, вместо того чтобы спуститься в операционный пункт, решил выполнить боевой приказ. Но когда он начал подниматься по шторм-трапу на мостик, под ногами от разрыва снарядов загорелся пластырь, и вторично лейтенант Гирс был весь охвачен пламенем. Добравшись до боевой рубки, он остановился в ее проходе, вытянулся и, держа обгорелые руки по швам, четко, как на параде, произнес:

— Есть!

Заметив, что его, очевидно, не узнают и молча таращат на него глаза, он добавил:

— Лейтенант Гирс!

Все находившиеся в боевой рубке действительно не узнали его. На нем еще тлело изорванное платье. Череп его совершенно оголился, были опалены усы, бачки, брови и даже ресницы. Губы вздулись двумя волдырями. Кожа на голове и лице полопалась и свисала клочьями, обнажив красное мясо. Кругом грохотали выстрелы, выло небо, позади, на рострах своего судна, от взрыва с треском разлетелся паровой катер, а лейтенанту Гирсу до этого как будто не было никакого дела. Дымящийся, с широко открытыми безумными глазами, он стоял, как страшный призрак,

и настойчиво глядел на капитана 2-го ранга Сидорова, ожидая от него распоряжений.

Так продолжалось несколько секунд. Лейтенант Гирс зашатался. К нему на помощь бросились матросы и, подхватив под руки, ввели его в рубку. Опускаясь на палубу, он тяжко прохрипел:

— Пить...

2. БОЕВОЙ ДЕНЬ НА «ОРЛЕ» КОНЧИЛСЯ

В конце пятого часа артиллерийская канонада между главными силами прекратилась. За дымом и мглой противник вторично потерял нас. Наша эскадра, как и в первый период боя, постепенно сворачивая вправо, сначала склонилась на восток, а потом — на юг. В том же направлении японцы бросились разыскивать нас. А мы тем временем повернули еще вправо и пошли на запад.

Вскоре контр-адмирал Небогатов, не видя никаких распоряжений командующего эскадрой и полагая, что контр-адмирал Фелькерзам погиб вместе с «Ослябей», поднял сигнал:

«Курс норд-ост 23°».

Таким образом, за второй период боя эскадра описала полный круг.

Броненосец «Орел» во многих местах горел. По его палубам стлался дым, сваливался за борт и, гонимый ветром, несся над морем зыбучими облаками в неизвестность. Изо всех люков поднимались матросы, из башен тоже выходили люди. После того, что пришлось пережить, у всех был обезумевший вид. Каждый торопливо бросал по сторонам испуганно-пытливые взгляды, как бы спрашивая самого себя: «Что же будет дальше?» Появился наверху и кочегар Бакланов, медленно раскачивавший свое широкое туловище на коротких ногах. Встретившись со мною, он сумрачно промолвил:

— Да, натворили нам японцы бед.

Первым делом нужно было покончить с пожарами. Свободные матросы бросались на помощь пожарному дивизиону. Вместо перебитых шлангов появились но-

вые, запасные. В это время распространился слух, что горит погреб правой средней шестидюймовой башни. Из этого погреба, наполненного дымом, убежали все люди, работавшие там на подаче. Они же первые, заметавшись по судну, сообщили эту весть. И нельзя было им не поверить: снизу поднимался дым по нориям, наполняя собой башню; серыми клубами вырывался он также из открытой горловины, служившей сообщением с погребом, и распространялся по батарейной палубе как грозный предвестник приближающейся катастрофы. У многих из команды побледнели лица, округлились глаза. Начиналась паника. Послышались бестолковые выкрики:

— Надо старшему офицеру доложить!

— Трюмовых вызвать! Скорее затопить водой погреб!

— За борт! Спасаться!

Одни начали хватать спасательные пояса, другие — свернутые парусиновые койки с пробочными матрацами. Действительно, было от чего прийти в отчаяние: каждая секунда угрожала взрывом всего корабля. Не все ли равно, как умирать, но почему-то казалось, что легче погибнуть от снаряда, чем взлететь с внутренностями судна на воздух. Те из команды, которые успели вооружиться спасательными средствами, устремлялись к бортам и робко останавливались, не решаясь броситься в море. Глаза жадно всматривались в затуманенную даль, разыскивая признаки берегов, и ничего не видели, кроме суровых волн. Для спасения оставалась лишь одна надежда — это свои идущие позади корабли, но и то не было уверенности, что они остановятся и будут подбирать людей из воды. И все же, стоило бы только одному броситься за борт, как в ту же минуту посыпались бы в море и другие. И никакими силами нельзя уже было бы остановить команду, тем более, что у нас из строевых офицеров могли еще распоряжаться только трое, а остальные все находились в операционном пункте. В десять — пятнадцать минут опустел бы весь броненосец. Но тут выступил кочегар Бакланов, громко прокричав:

— Черти смоленые! Что вы волнуетесь? Я сейчас узнаю, в чем дело...

И, не медля ни секунды, он полез в горящий погреб. Многие из команды проводили Бакланова испуганными взглядами, разинув рты. Что побудило его на такой поступок? Он не был службистом и не нуждался ни в похвалах начальства, ни в будущих наградах. На корабле считали его самым отъявленным бездельником. И вместе с тем в нем было что-то твердое и властное, что возвышало его над остальными матросами. Он мечтал совершить подвиг. Так или иначе, но своим порывом избавить всех от бедствия он привлек к себе внимание людей, потерявших способность разбираться в окружающей обстановке. Развивающаяся на корабле паника, не менее опасная, чем пожар, на некоторое время прекратилась. Прошло несколько напряженных и кошмарных минут, прежде чем снова увидели Бакланова наверху. Все поразились, что он нисколько не пострадал от огня и не пытается куда-либо бежать. Отравленный дымом, он остановился, расставив толстые ноги, согнулся и, протирая корявыми руками слезящиеся глаза, тяжело закашлялся. Матросы ринулись к нему, желая скорее узнать, что творится внизу, в патронном погребе. Но на их вопросы Бакланов разразился бранью:

— Идиоты вы все! Пустые головы ваши только зря занимают место на плечах. Хотел бы я знать, откуда столько дураков на судне развелось? Вам не с японцами воевать, а с тараканами на печке...

Чем больше он ругался, тем легче у нас становилось на душе. Его речь, пересыпанную скверными словами, мы слушали с умилением, как религиозные люди слушают своего любимого проповедника. Мы были готовы стать перед этим грязным человеком на колени. Судя по его поведению, для нас стало ясно, что он принес нам избавление от смерти.

Наконец узнали, что случилось: вытяжная вентиляция испортилась и остановилась, а вдувная продолжала работать и всосала в погреб массу дыма. А оттуда наверх он уже поднимался самотеком. Начальство только что распорядилось затопить погреб водою, но теперь все были довольны, что не успели этого выполнить. Больше всех обрадовались артиллеристы. Они знали, насколько неудовлетворительно у нас была устроена система затопления погребов,

соединенных трубами групповой вентиляции. При такой системе, затопляя один погреб, мы наполнили бы водой группы погребов, и все они таким образом вышли бы из строя.

Кочегар Бакланов, уходя с палубы, заявил:

— Что-то опять захотелось поесть.

Пользуясь затишьем, люди потушили все пожары и принялись наводить порядок на судне. Верхняя палуба и мостики были завалены обломками железа, поручней, мелких пушек. Валялись куски, оторванные от шлюпок, блоки, обрывки такелажа. Все это полетело за борт. Вместо уничтоженных трапов ставили заранее приготовленные времянки. Пробоины, через которые захлестывали волны, заделывали деревянными щитами, затыкали койками, затягивали парусиновыми пластырями. Артиллеристы возились с теми орудиями, которые можно было на скорую руку исправить.

Сильный когда-то броненосец «Орел» теперь имел жалкий вид. Все верхние надстройки на нем были разрушены, средний переходной мостик сорван и скручен в кольцо. Оба якорных каната оказались перебитыми, а вырванный правый клюз унесло за борт. Грот-мачта, пронизанная снарядом на нижнем мостике, еле держалась, угрожая обрушиться на головы людей. С нее, как и с фок-мачты, раскачиваясь под ветром, жалко свисали обрывки снастей. Были также перебиты кормовые стрелы, разрушены электрические лебедки, служившие для подъема паровых катеров. Деревянный палубный настил, изборожденный и расщепленный снарядами, был в дырах, а правый срез имел такую большую пробоину, что стал недоступен для прохода. Цистерна, расположенная на носовом мостике, оказалась изрешеченной осколками, трубы, проводящие от нее пресную воду в нижние помещения, были перебиты. Люди, находившиеся в этих помещениях, при жаре в сорок с лишком градусов, остались без пресной воды. Пришлось ее брать в носовом трюме и разносить анкерами и ведрами в погреба, в машины, в кочегарки.

На броненосце имелось десять шлюпок, два паровых и два минных катера. Я посмотрел на них и вспомнил слова инженера Васильева. Еще за месяц

с лишним до боя, вернувшись с совещания корабельных инженеров, которое происходило на «Суворове», он с гневом рассказывал мне:

— Я внес предложение — удалить с боевых судов на транспорты все гребные суда и паровые катеры. Я доказывал, что в бою они будут служить только пищей для огня. Кроме того, это уменьшило бы осадку броненосца и улучшило бы его начальную остойчивость. Но командующий и его штаб отвергли мое предложение.

И теперь я убедился, что Васильев был более предусмотрителен, чем адмирал Рожественский. Ни одной шлюпки, ни одного катера не осталось у нас в целости: все превратилось в разбитый и обгорелый хлам. В случае гибели броненосца нам будет не на чем спасаться и останется лишь одно — прыгать за борт.

По некоторым элеваторам, разрушенным снарядами, патроны из погребов к 75-миллиметровым пушкам уже не подавались. Кроме того, рельсовая подача батарейной палубы во многих местах была пробита. В довершение всего у орудий крупного и среднего калибра от сильного сотрясения произошло смещение прицельных линий. Это обстоятельство особенно смутило артиллеристов: если и раньше нельзя было похвастаться меткостью нашей стрельбы, то теперь на больших дистанциях мы будем только выбрасывать снаряды в воздух.

Короче говоря, броненосец «Орел» больше чем наполовину потерял свою боевую мощь.

Передышка, случайно выпавшая на нашу долю, приближалась к концу. Справа, позади, заметили первый отряд адмирала Того. Все его шесть кораблей, не имевшие никаких признаков повреждения, шли параллельным с нами курсом, постепенно догоняя нас. На «Орле» пробили боевую тревогу. Но она прозвучала для нас, как погребальный звон колоколов. Люди неохотно, с тоскою в глазах занимали места по боевому расписанию, чтобы испытать последний час своей судьбы. А ровно в шесть часов с той и другой стороны загрохотали орудия. Сражались правым бортом, этим же бортом и принимали удары противника. Спустя полчаса догнал нас и адмирал Камимура со своими шестью броненосными крейсерами.

Опять на нашей эскадре началось избиение людей, которые в громадном большинстве своем виноваты были только тем, что родились на свет.

«Бородино», будучи головным, больше всех страдал от сосредоточенного огня противника. Но немало было попаданий и в наш корабль. Разрушался главным образом его правый борт. Иногда казалось, что в его легкую часть с грохотом вонзаются чудовищные зубы, вырывая куски железа. Наше спасение было лишь в том, что продолжали оставаться в целости бронированные борта и перекрывающая их броневая батарейная палуба. Но батарейная палуба возвышалась над поверхностью моря не больше пяти футов, тогда как волны поднимались до семи-восьми футов. Таким образом, высокобортный корабль превратился в низкобортный монитор. По батарейной палубе свободно гуляла вода, увеличивая при циркуляции крен судна до опасных пределов.

В правой главной машине находился старший инженер-механик полковник Парфенов, в левой — его помощник штабс-капитан Скляревский. За время длинного пути броненосца, от Кронштадта до Цусимы, оба они, недосыпая по ночам, много потрудились над тем, чтобы наладить механическую часть. Под их руководством, в противоположность артиллеристам и матросам других специальностей, машинная команда хорошо освоилась со своими обязанностями.

Старший инженер-механик, управляя вместе с машинистами правой машиной, стоял на своем посту, где были сосредоточены манометры, телефоны и переговорные трубы. Его засаленный китель, надетый на голое тело, распахнулся, фуражка съехала на затылок, обнажив большой лоснящийся лоб, по лицу катились крупные капли пота, оседая на бороде густой росой. Он часто вытирался чистой ветошью и озабоченно вскидывал глаза на приборы: манометры показывали давление пара в котлах, счетчики — число оборотов гребного вала. Время от времени раздавались звонки, передавая распоряжения из боевой рубки увеличить или уменьшить ход судна. Но это особенно никого не волновало. В бою ожидали более ответственного сигнала — застопорить совсем машину или дать ход назад. Подобные распоряжения от-

даются в исключительных случаях и должны выполняться четко и быстро, если хочешь еще пожить на свете. Парфенов, следя за работой механизмов, с беспокойством поглядывал на своих подчиненных. Как они будут вести себя в момент опасности? Вдруг растеряются, поддадутся панике и бросятся бежать наверх? Можно ли их тогда остановить одним лишь грозным окриком, или же придется прибегнуть к помощи револьвера?

В машинах, как и в кочегарках, шла работа корабельного тыла, но она была не менее напряженной, чем наверху. Давление пара в котлах не опускалось ниже двухсот тридцати фунтов. Два стальных сердца, сверкая при электричестве смазанными частями, работали исправно, без стука и нагревания. За ними усердно ухаживали машинисты при температуре в сорок с лишком градусов по Реомюру, наполовину голые, в одних лишь рабочих брюках. Отрезанные от внешнего мира, они не знали, что творится наверху. Можно было лишь на слух определять выстрелы своих орудий и попадания неприятельских снарядов. Здесь на глубине ниже ватерлинии, под броневой палубой, люки которой на время боя задраивались тяжелыми стальными плитами, за броневым поясом бортов, в этом мире механизмов и пара не было ни взрывов, ни раненых, ни убитых. Но от этого не уменьшалось ощущение опасности: если броненосец начнет тонуть, то из машинных отделений едва ли кто успеет выскочить.

Вдруг правая машина наполнилась дымом и газом. Люди начали задыхаться и слепнуть. К инженер-механику подлетел машинист и каким-то лающим голосом спросил:

— Погибаем, ваше высокоблагородие?

Вместо ответа Парфенов громко скомандовал:

— Выключить вдувную вентиляцию!

Воздух быстро очистился, но зато начала подниматься температура, переваливая за пятьдесят градусов. Выдерживать такую жару при напряженной работе было очень трудно. Казалось, можно было свариться в собственном соку.

Такой же случай повторился и в левой машине.

Иногда в машины, проникая по шахтам горячего

воздуха, залетали осколки. К счастью, ни один из них не попал в трущиеся части. Это вывело бы судно из строя.

В носовой кочегарке лопнула труба, идущая от котла к магистрали. Пар, с ревом вырываясь на свободу, наполнил кочегарное отделение горячим облаком. Инженер-механик Русанов и старшина Мазаев успели своевременно выключить котел. При этом никто не был ошпарен. Оставшиеся девятнадцать котлов достаточно давали энергии, чтобы обслуживать главные машины и вспомогательные механизмы.

Приближаясь к Цусимскому проливу, мы выкинули много дерева за борт. И все же во время боя не могли избавиться от пожаров. А теперь они возникали еще чаще, чем раньше. Пожарный дивизион не успевал с ними справляться. Горели чехлы, спасательные круги, переговорные резиновые шланги, изоляции паровых труб, пожарные шланги, матрацы, парусиновые обвесы коечных сеток и деревянные решетки в них, угольные мешки, перлиня, швартовы, вьюшки с пеньковым тросом, блоки, пластыри. Горели офицерские каюты с их занавесками, коврами, мебелью, шкафами. Горела верхняя палуба, в особенности в тех местах, где деревянный настил был разворочен и расщеплен снарядами. Но больше всего служили пищей для огня гребные суда с веслами, сложенными внутри них, а также паровые и минные катеры с их деревянной отделкой. Пожары причиняли очень много бедствий, разобщая части судна, мешая комендорам стрелять, постоянно угрожая пробраться в бомбовые погреба. Иногда дым, заволакивая башни, выкуривал из них прислугу, как выкуривают пчел из улья. Оптические прицелы орудий настолько закоптились, что стали бесполезны — в стекла их ничего нельзя было видеть.

А главное — пожары действовали удручающе на психику всего экипажа. Огонь на корабле — это совсем не то, что на суше. Если запылает какое-нибудь здание, то обитатели его прежде всего вытаскивают свое добро, а потом, когда этого уже нельзя делать, выбегают сами на улицу. Они стоят на твердой земле и с воплями или с мрачным безмолвием смотрят, как огонь пожирает все, что было накоплено за дол-

гое время. В дальнейшем им предстоят, может быть, нищета и голод, но нет непосредственной угрозы смерти. Другое дело — пожар на море.

Наш броненосец находился среди водной стихии, враждебной огню, и все-таки горел. Уже это одно обстоятельство в какой-то степени противоречило логике. На этот раз пламя бушевало на корабле с наибольшей силой, а внутри, в железных лабиринтах, в многочисленных закрытых отделениях находились сотни людей. Им некуда было выскочить: кругом — море и снаряды. Мало того, каждый человек вынужден был находиться на своем месте: в башнях, в погребах, в трюмах, в минных отделениях, в машинах, в кочегарках, в операционном пункте, в судовой мастерской, при орудиях, при вспомогательных механизмах, при переговорных трубах. Нельзя было прекращать работу, иначе — корабль выйдет из строя — смерть всем. Корабль и люди теперь представляли собою одно целое. Пока он не потерял свою жизнеспособность, у каждого из команды была надежда спасти собственную жизнь.

Против пожаров у нас имелось единственное средство — вода. Но она выполняла двойственную роль: защищала нас от огня и в то же время была главным нашим врагом. Растекаясь по верхней палубе, она через многочисленные дыры сбегала на нижние палубы; она, как разбойник, врывалась через пробоины бортов внутрь судна; она через разбитые комингсы и элеваторы спускалась еще ниже. Трюмные машинисты во главе с инженер-механиком Румсом не успевали ее откачивать. Корабль уже принял ее в свою утробу не менее пятисот тонн. Словом, вода, которой спасались мы от пожаров, угрожала нам холодной и мрачной могилой моря.

В операционном пункте на столе лежал тяжело раненный и слабо стонал. Старший врач Макаров, штопая ему иглой пробитый сальник, выпрямился и, повернув голову к фельдшеру, хотел, очевидно, что-то сказать ему. В это время крупный снаряд ударил в правый броневой пояс, против операционного пункта. Корабль рванулся и звучно задрожал, словно огромнейший барабан. Казалось, что сейчас развалятся все его сто шпангоутов, эти стальные ребра, скреп-

ляющие корпус судна. В операционном пункте немногие устояли на ногах. Старший врач Макаров качнулся и свалился на оперируемого пациента. Тот визгливо завопил. В тревоге подняли головы и другие раненые. Не прошло и полминуты, как раздался второй такой же удар в правый борт. Электрическое освещение погасло. Началось общее смятение. В темноте, заглушая стоны завозившихся раненых, прокричал старший врач:

— Успокойтесь, ребята! Ничего особенного не случилось. Успокойтесь!

Санитары уже зажигали заранее приготовленные свечи. В полумраке я увидел бледные лица и налившиеся ужасом глаза. У матроса с тяжелой раной в груди началась рвота; он встал на четвереньки и, хрипя, выливал содержимое своего желудка на неподвижно лежавшего своего соседа. Другой, мотая забинтованной головой, лез на переборку и царапал ногтями железо. Бредил, дергаясь на матраце, командир судна:

— Ваше превосходительство, где ваш план боя?.. Увольте со службы... Подлости я не потерплю... Ваше превосходительство...

И громко командовал:

— Вызвать наверх всех кондукторов!..

Бредили и другие раненые.

Все это было настолько непривычно для меня, что кружилась голова.

Минеры наконец исправили электрическое освещение.

Чувствуя сухость во рту, я бросился к воде и с жадностью принялся пить. Неожиданно кружка вылетела у меня из рук. В операционное помещение с шумом ворвался воздух, и в тот же миг загрохотали обломки над самым люком коридора, как будто обрушилось над нами каменное здание. Сейчас же начался крен на правый борт. Одновременно с этим наше помещение наполнилось газами и дымом. Трудно стало дышать — чад проникал в легкие и мутил сознание. Крики и вопли усиливали безумие. И никакими уговорами, никакими угрозами уже нельзя было остановить тех, которые двинулись к выходу. Паника продолжалась минуты две, пока инженер Васильев не

выключил вдувную вентиляцию, труба которой выходила на шканцы. Воздух быстро очистился.

Крен на правый борт градусов в шесть продолжал оставаться. Очевидно, броневые плиты, расшатанные в стыках ударами снарядов, дали течь. Кроме того, вода, гулявшая по батарейной палубе, слилась к одному борту. Было одно желание у всех — скорее выпрямился бы корабль.

Медицинский персонал опять занимался своим делом. Но мне эта работа казалась уже бессмысленной. Броненосец, до сих пор охранявший нас, скоро превратится для всего экипажа в железный балласт. А не все ли равно, как опускаться в морскую пучину — с перевязанными или с неперевязанными ранами?

Меня тошнило от запаха крови и лекарств. Мозг переставал воспринимать новые впечатления. Я не мог больше оставаться в операционном пункте и, ничего не соображая, полез на верхнюю палубу, усталый и безразличный к опасности. Раздался сигнал: «Отражение минной атаки». Но на самом деле вокруг никаких миноносцев не было видно. Как после выяснилось, этим сигналом старший офицер Сидоров вызывал прислугу мелкой артиллерии для тушения пожаров. Выскочило наверх человек десять. В этот момент недалеко от судна упал снаряд в море, скользнул по его поверхности, разбросал брызги и рикошетом снова поднялся на воздух, длинный и черный, как дельфин. Двадцатипудовой тяжестью он рухнул на палубу. На месте взрыва взметнулось и разлилось жидкое пламя, замкнутое расползающимся кольцом бурого дыма. Меня обдало горячей струей воздуха и опрокинуло на спину. Мне показалось, что я разлетелся на мельчайшие частицы, как пыль от порыва ветра. Это отсутствие ощущения тела почему-то удивило меня больше всего. Вскочив, я не поверил, что остался невредим, и начал ощупывать голову, грудь, ноги. Мимо меня с криком пробежали раненые. Два человека были убиты, а третий, отброшенный в мою сторону, пролежал несколько секунд неподвижно, а потом быстро, словно по команде, вскочил на одно колено и стал дико озираться. Этот матрос как будто намеревался куда-то бежать и не замечал, что из его распоротого живота, как тряпки из раскрытого чемо-

дана, вываливались внутренности. Он упал и протяжно, по-звериному заревел.

Я хотел бежать вниз, но откуда-то услышал голоса:

— «Бородино»! «Бородино»!

Появившись на верхней палубе, я первым делом обратил внимание на этот броненосец. Ведя за собой эскадру, он имел уже крен на правый борт и тоже пылал. На нем горели мостики, адмиральский салон, вырывалось пламя из орудийных полупортов, играя багровым отсветом на воде. А теперь то, что я увидел, отозвалось в груди раздирающей болью. «Бородино», не выходя из строя, быстро повалился на правый борт, сделав последний залп из кормовой двенадцатидюймовой башни.

Это случилось в 7 часов 10 минут.

Мы пропустили «Бородино» по своему правому борту и пошли дальше.

За время боя я был переполнен потрясающими впечатлениями. Но на этот раз в моем сознании образовалась пустота, словно для того, чтобы воспринять и закрепить в памяти новую страшную картину.

Во главе оказался полуразбитый «Орел», почти потерявший боевое значение. Настала пора, когда ему пришлось вести за собою остальные суда. Неприятель весь свой огонь перенес на наш броненосец.

Угасал день. На западе, приплюснутый облаками, длинной кровавой раной догорал закат. Ветер по-прежнему будоражил море, подгоняя зардевшиеся волны. До полных сумерек осталось несколько минут, но их было вполне достаточно, чтобы почувствовать себя вне жизни. Я прилип к вышедшей из строя правой носовой шестидюймовой башне и не в силах был стряхнуть с себя оцепенение. Словно кто-то другой решил за меня вопрос о выборе смерти: лучше погибнуть от снаряда на открытом месте, чем провалиться на морское дно заживо погребенным внутри броненосца.

Казалось, не со стороны неприятеля, а с разверзшегося неба падали на судно и вокруг него снаряды. «Орел» представлял собою плавучий костер. На кормовом мостике рыжие языки пламени, прыгая и кидаясь, поднимались до марса грот-мачты. Дым, под-

хваченный ветром, разлетался клочьями. Я думал о том, как это все выдерживают человеческие нервы и как броненосец продолжает еще плыть в таком смерче огня и воды.

Я вытащил из кармана брюк носовой платок и развернул его. На нем были две голубые буквы: «А. Н.», вышитые рукой матери, когда я ездил на родину в отпуск. Я ни разу не употреблял этот платок и лишь в день сражения почему-то взял его из своих вещей. Теперь, стоя у правой башни, я впервые начал вытираться им и, хотя я не был ранен, увидал на нем кровь. Это меня очень огорчило: отмоется кровь или нет?

Не было сомнения, что корабль напрягает последние свои силы. И в то же время в голове у меня крутилась пустяковая мысль: «Если выстирать платок с содой, то, пожалуй, он отмоется, но на нем может полинять голубая вышивка...» Тут передо мной, совсем близко, обдав жаром лицо, мелькнула сияющая звезда величиною с детскую голову. Это пролетел осколок с горящим на нем взрывчатым веществом и в двух саженях от меня впился в палубу. От него, извиваясь, поползли золотые змеи. Вдруг что-то смяло меня, скомкало, ослепило. Казалось, что я попал в объятия морского чудовища и, задыхаясь, полетел вместе с ним за борт. Не сразу можно было догадаться, что на меня обрушился столб воды. Под его тяжестью я покатился по палубе. А когда поднялся на ноги, то увидел, что неприятельские суда повернули от нас вправо «все вдруг» и направились в норд-остовую четверть. В последний раз, вероятно из кормовых орудий, был сделан залп уже по зареву пожара, охватившего наш корабль. За кормой у нас одновременно упало до сорока снарядов, столько же взметнулось фонтанов, вспыхнувших огненным блеском, и на этом дневной бой закончился.

3. У НАС ТРИСТА ПРОБОИН

Ночь наступила быстро.

«Николай I», на котором находился контр-адмирал Небогатов, стал обгонять наш броненосец, держа на мачтах сигнал:

«Следовать за мной. Курс норд-ост 23°».

Через несколько минут флагманский корабль вступил в голову эскадры, а наш «Орел» занял второе место в строю. За нами шли «Апраксин», «Сенявин» и другие броненосцы, уцелевшие от дневного артиллерийского боя.

В это время на смену главным неприятельским силам появилась на горизонте минная флотилия. Быстроходная, она должна была выполнять ту же роль, какую возлагают на суше на кавалерию: окончательно добить дезорганизованные и отступающие силы противника. Разбившись на небольшие отряды, миноносцы темными силуэтами двигались на нас с севера, с востока, с юга. В сравнении с броненосцами эти суденышки казались маленькими и безобидными игрушками. Море накрывало их рваными плащами волн, а они, захлебываясь водою и падая с борта на борт, стремительно приближались к нам. Но мы хорошо знали, какую разрушительную силу несут они броненосцам. Каждая удачно выпущенная с миноносца торпеда, эта стальная самодвижущаяся сигара, начиненная пятью пудами пироксилина, грозит нам неминуемой гибелью.

Началась паника. «Николай I», уклоняясь от минных атак, повернул влево. За ним пошли и остальные корабли. Но одни из них поворачивались «все вдруг», другие — «последовательно». Кильватерный строй рассыпался, и суда сбились в кучу. Но это продолжалось недолго: после того как броненосцы склонились на юг, они снова вытянулись в кильватерную колонну.

Наши крейсеры с миноносцами и транспортами, до этого следовавшие за главными силами, теперь оказались впереди нас. Наступил момент, когда они должны были бы приблизиться к броненосцам и взять их под свою защиту от минных атак. Такая же обязанность лежала и на наших миноносцах. Но случилось нечто непостижимое. Крейсеры и миноносцы тоже повернули на юг и, увеличив ход, скрылись в темноте. Невольно возникал вопрос: какими соображениями руководствовался командующий отрядом крейсеров контр-адмирал Энквист? Около броненосцев остался один лишь крейсер «Изумруд». Небогатов

приказал ему держаться на левом траверзе «Николая» и отгонять противника.

По линии колонны было передано световым сигналом распоряжение адмирала:

«Иметь ход тринадцать узлов».

Под облаками, плоско нависшими над морем, шумел ветер. В сгустившейся тьме неслись, как привидения, белые гребни волн. Броненосцы, отбиваясь от минных атак, вспыхивали багровыми проблесками, словно длинный ряд маяков. К учащенным выстрелам мелкой артиллерии присоединялись сухие стрекочущие звуки пулеметов. По временам бухали крупные орудия. Неприятельские миноносцы, едва заметные для человеческого глаза, отступали под градом наших снарядов, но скоро опять появлялись уже с другой стороны.

Четыре передних броненосца, в том числе и «Орел», на котором успели потушить пожары, шли, погруженные во мрак, без обычных наружных огней и без боевого освещения. На корме каждого корабля горел лишь один ратьеровский фонарь, огонек которого, прикрытый с боков, излучался, как из щели. Этим светом мы и руководствовались, идя в кильватер головному. Контр-адмирал Небогатов еще во время следования на Дальний Восток приучил корабли своего отряда ходить без огней. И теперь это пригодилось. Остальные наши суда, находившиеся в хвосте, беспрерывно метали лучи прожекторов.

«Орел», только теперь случайно попавший под командование Небогатова, не применял боевого освещения по другим причинам. Из шести имевшихся у нас прожекторов не осталось целым ни одного. Несмотря на принятые меры защиты от осколков, они все были уничтожены. Решили приспособить прожекторы, снятые перед боем с катеров и спрятанные внизу судна. Они немедленно были извлечены наверх. Минеры, руководимые младшим минным офицером лейтенантом Модзалевским, подали к ним летучие провода от главной динамомашины, но получился такой слабый свет, что он не оправдывал своего назначения и лишь привлекал к себе противника. К великому огорчению начальства и команды пришлось от-

казаться от боевого освещения. Но, как потом мы узнали, это было нам на пользу.

При отражении минных атак на «Орле» могла действовать лишь часть артиллерии: носовая двенадцатидюймовая башня с одним орудием (у второго орудия была оторвана дульная часть), одна правая носовая шестидюймовая башня, работавшая вручную, и четыре 47-миллиметровые пушки, расположенные на мостиках. Уцелела еще кормовая двенадцатидюймовая башня, но при ней осталось только четыре снаряда,— их берегли на тот случай, что, может быть, опять придется встретиться с линейными кораблями противника. Сохранилось также несколько 75-миллиметровых пушек, но ими нельзя было пользоваться: стоило только открыть полупорты, как в батарейную палубу немедленно начинали попадать волны. Остальные башенные и пулеметные орудия были или окончательно разрушены, или требовали значительных исправлений.

С такими средствами самозащиты «Орел» отбивался от минных атак. Но этим не ограничивалось его бедственное положение. Он имел до трехсот больших и малых пробоин. Правда, все они были надводные, но в них не переставали захлестывать волны. Кроме того, давали течь в стыках и расшатанные броневые плиты. Броненосец принял в свои внутренние помещения, как сказано, более пятисот тонн воды, и она, несмотря на все старания трюмных, продолжала угрожающе прибывать, увеличивая осадку корабля.

Становилось все очевиднее, что море засасывает его. Когда доложили об этом старшему офицеру Сидорову, он сейчас же распорядился:

— Мобилизовать всех, кого только можно, чтобы избавить судно от воды.

Это распоряжение было передано из боевой рубки по случайно уцелевшей трубе в центральный пост, а оттуда оно полетело по всем отделениям корабля.

Часть экипажа оторвали на борьбу за плавучесть корабля. Остальные люди продолжали работать каждый по своей специальности. Приступил и я к своим прямым обязанностям. Судовой ревизор лейтенант Бурнашев приказал старшему баталеру кондуктору

Пятовскому и мне заняться выдачей команде мясных консервов. Это происходило в кормовом минном отделении. Ярко горели электрические лампочки. Из разных помещений приходили матросы и выстраивались в очередь. Их было немного, и все же банки с мясом выдавали им под строгим учетом. Здесь же присутствовал и сам ревизор, пришедший из центрального поста. Бурнашев, стряхнув с толстогубого и прыщеватого лица обычное выражение лени, оживился и допрашивал каждого матроса:

— Откуда?

— Из патронного погреба левой средней башни, ваше благородие,— отвечал матрос.

— Сколько вас там?

— Двенадцать человек.

— Так, получишь три банки.

Пятовский записал, кому, в какое отделение и сколько пошло консервов, а я выдавал их.

Очередь дошла до минера Привалихина.

— На сколько?

— Для двоих, ваше благородие.

— Одну банку можно отпустить только на четыре человека. Полагается по четверти фунта мяса на каждого.

— Мы, ваше благородие, поделимся с рулевыми.

— Смотри, чтобы без обмана.

Один из машинистов, до неузнаваемости запачканный смазочным маслом и грязью, рассердился на ревизора и, отказавшись от консервов, полез по трапу наверх. С батарейной палубы донесся его голос:

— Офицером еще называется! А у самого от жадности прыщи лопаются. И ходит раскорякой, точно кранец подвесил себе между ног. Заживо сгнил. Будешь тонуть — мы тебе этих консервов во все карманы насуем, зараза проклятая!..

И хотя лейтенант Бурнашев все это слышал, он почему-то растянул толстые губы в улыбку.

— Что он, чумазый дурак, там разорался? Надрызгался, должно быть?

— Он пьян, ваше благородие, от собственного пота,— подчеркнуто процедил кто-то из матросов.

Бурнашев замолчал и недоверчиво покосился на команду.

Не было такого случая, чтобы там, где можно было получить еду, не присутствовал кочегар Бакланов. Он придвинулся к ревизору почти вплотную и, обдавая его запахом водки, насмешливо заговорил:

— Зря вы, ваше благородие, помногу выдаете им консервов. Разве можно так — целую банку на четыре человека? Они облопаются и спать захотят. А тут нужно корабль защищать. Я вот со вчерашнего дня хоть бы одну крошку съел. Нет аппетита, да и только. Все думаю, как отечество спасти...

— Перестань болтать! — перебил ревизор.— Короче говоря — сколько?

— На три кочегарки, ваше благородие, больше пяти банок не надо.

— Выдать!

Я понимал жадность бывшего крепкого мужичка, а теперь кондуктора, Пятовского. При разговорах со мною у него не раз прорывалась его заветная мечта — накопить на казенный счет деньжонок и открыть какую-нибудь торговлю. Но стремление к наживе лейтенанта Бурнашева было для меня необъяснимо. Этот богатый курский помещик дрожал над каждой банкой консервов и проявлял величайшую скаредность в то время, когда наверху беспрестанно бухали орудия и когда каждая секунда угрожала нам взрывом от неприятельской торпеды.

Под каким-то предлогом я ушел из минного отделения и поднялся на батарейную палубу.

На батарейной палубе, чтобы уменьшить для противника видимость судна, горели лишь синие электрические лампочки. Было полусумрачно. Броненосец качался. Плескаясь, вспыхивала холодным блеском вода. Иногда она с шумом скатывалась к тому борту, на какой кренилось судно. Шлепая по ней ногами, я бродил с одного места на другое. Все здесь стало непривычным для глаза, как будто я попал на чужой корабль: и оставшиеся обломки от некоторых 75-миллиметровых пушек, и разгромленные перегородки офицерских кают, и элеваторы с вырванными боками, и хлюпающие дыры в бортах. В слабом синем свете с трудом узнавались встречающиеся офицеры и матросы, тревожно-торопливые, с бледно-землистыми лицами, с провалившимися глазами. В первую минуту

мне показалось, что я нахожусь среди оживших мертвецов. Это впечатление усиливалось при виде неубранных трупов убитых матросов и мичмана Шупинского,— они перекатывались вместе с водой, сталкивались между собой, повертывались головами то в одну сторону, то в другую.

Если наверху люди были заняты главным образом отражением минных атак, то здесь часть экипажа всю свою энергию расходовала на борьбу за остойчивость корабля. Мичман Карпов со своим пожарным дивизионом, трюмный инженер-механик Румс с лучшими слесарями и трюмными машинистами, боцманы с плотниками и строевыми матросами заделывали пробоины. Некоторые дыры были небольшие, с кулак величиною. Но дыр было много, и все вместе они пропускали значительное количество воды. Их забивали деревянными клиньями или втулками с промасленной паклей. Сложнее обстояло дело с большими пробоинами. Никто не знал, что кондукторская кают-компания была наполнена водой, удерживаемой лишь тринадцатой переборкой. Когда в ней отдирали дверь, то через комингс, пугая людей, хлынули в сторону кормы шумные потоки. Кто-то нервно взвизгнул. Некоторые из матросов, полагая, что затоплена вся носовая часть судна, бросились бежать. Но их остановил своим окриком фельдфебель Мурзин:

— Куда вы, кроличьи души? Назад!

Дыры в этой кают-компании начали забивать матрацами и койками, потом накладывали на них доски, зажимая их упорами.

Но больших пробоин было немало и в других частях корабля. В каюте лейтенанта Ларионова был вырван кусок борта размером пять на шесть футов. К счастью, отверстие было ровное, с гладкими краями, словно вырезанное ножницами, и это дало возможность быстро его заделать. Зато не так легко было справиться с пробоиной на сотом шпангоуте. Двенадцатидюймовый снаряд так закудрявил ее края, что сколоченный деревянный щит никак не могли плотно приладить к борту. Плотники снова переделывали щит. Слесаря, стуча кувалдами, старались выпрямить загнутые края отверстия. Все было бесполезно. Мичман Карпов распорядился:

— Тащи сюда одеяла и маты. Быстро!

И только после того как щит подбили с одной стороны одеялами и матами, он остановил приток воды.

Но больше всего чувствовалась угроза моря со стороны пробоины в кают-компании. Здесь не было электрического освещения. Пользовались только аккумуляторными лампочками, да и то изредка, чтобы не привлечь светом противника. Выполняя указания трюмного инженера Румса, работали впотьмах, на ощупь, находясь по пояс в воде.

Слышались разнобойные голоса:

— Плечом поддерживай доски!

— Упоры давай!

— Что ты мне тычешь койкой в лицо?

— Одеяла подкладывай!

— О дьяволы, ногу придавили!

В руке инженера Румса загоралась на несколько секунд аккумуляторная лампочка. В ее свете видны были согнутые спины и натуженные лица тех, кто старался удержать временное сооружение перед пробоиной высотой в человеческий рост. Казалось, еще немного усилий, и задание будет выполнено. Но тяжелые волны били снаружи, вышибали все приспособления защиты и опрокидывали людей. Чужое море тоже будто мстило нам. Но матросы не хотели сдаться без боя. Они падали, захлебываясь, и снова поднимались для борьбы с водою, ставшей теперь главным нашим врагом.

Инженер Румс крикнул:

— Ничего, ребята, у нас так не выйдет! Попробуем применить другой способ.

Работа началась с наружной стороны борта. Решено было наложить на рану корабля парусиновый пластырь, закрепив его края за леерные стойки и за полки сетевого заграждения. Пока возились с этим делом, волны не переставали бить людей, угрожая совсем смыть их в море. Однако цель была достигнута — доступ воды внутрь судна уменьшился по крайней мере на две трети.

Таким же способом справились и с другой громадной пробоиной на семьдесят первом шпангоуте.

Пятьдесят человек в это время были заняты устранением воды с батарейной палубы. В полумраке матросы сгоняли ее вниз, к помпам и турбинам, другие черпали ее ведрами, банками из-под масла и выливали за борт через мусорные рукава. Не переставали действовать и брандспойты. Несмотря на все принятые меры, вода лишь чуть-чуть начала убывать. А может быть, это только казалось так, потому что слишком велико было у нас желание скорее избавиться от нее.

Этой партией матросов руководил боцман Воеводин. На этот раз его покинуло обычное спокойствие. Возбужденный, в фуражке, съехавшей на затылок, он метался от одного человека к другому и, заглушая свой собственный страх, кричал неестественно громко:

— Проворнее, ребята, работай! Лучше на берегу пить водку и обнимать баб, чем опускаться на морское дно или погибать в зубах акулы...

Из операционного пункта поднялся на батарейную палубу инженер Васильев, поддерживаемый трюмным старшиной Осипом Федоровым. Васильеву, очевидно, самому хотелось посмотреть, что здесь делается, и помочь людям своими указаниями. Но когда он, шагая при помощи костылей, попробовал приблизиться к правому борту, броненосец случайно накренился в эту же сторону. Одновременно с гулом хлынула к правому борту вода, залив Васильеву ноги выше колен. Он вернулся назад и в этот момент встретился со мною.

— А, и вы здесь!

— Так точно, ваше благородие.

Поблизости стучали кувалды, лязгало железо. Это очищали элеватор, чтобы восстановить по нему подачу 75-миллиметровых патронов из погреба.

Мы остановились перед люком в машинную мастерскую.

Васильев, оглянувшись, покачал головою и сказал:

— Мы держимся чудом. Броненосец может в любой момент пойти ко дну.

— Это как же так? — спросил я, удивленно глядя на Васильева.

— Очень просто. Два часа тому назад я разговаривал с трюмным инженером Румсом, и мы пришли

к неутешительному выводу. Сообразите сами. Кочегары сжигали только тот уголь, что находится внизу, у них под руками. От артиллеристов мы узнали, что израсходовано из погребов около четырехсот тонн снарядов и зарядов. По батарейной палубе гуляет более двухсот тонн воды. Вы представляете себе, насколько переместился на корабле центр тяжести? Броненосец может выдержать крен не больше восьми градусов. Один только лишний градус — и броненосец перевернется вверх килем.

От сообщения инженера на меня повеяло таким ужасом, как будто к моему затылку приставили дуло заряженного револьвера.

Осип Федоров ушел от нас помогать своим трюмным машинистам. Я проводил Васильева в машинную мастерскую. Жалуясь на головную боль, он улегся на токарный верстак и попросил меня подложить что-нибудь под голову. Я принес ему свой бушлат.

— Может быть, ваше благородие, вы подниметесь на верхнюю палубу? Я помогу вам.

Васильев грустно улыбнулся, сузив от яркого электрического света зрачки.

— Зачем? Если наш «Орел» пойдет ко дну, то и здоровые едва ли спасутся. А мне, по-видимому, погибать. Лучше останусь здесь, чтобы сразу, без мучений, расстаться с белым светом. Я на все смотрю трезво. Восемь градусов — наш предельный крен. А эту предельную цифру легко можно превысить при крутом повороте судна. Я просил Румса предупредить об этом старшего офицера. Кроме того, я и от себя послал ему записку.

Я поднялся наверх один. Тьма была настолько густой и плотной, что, казалось, давила плечи. Пространство шумело ветром и всплесками моря. Вокруг мачт бились обрывки снастей, и где-то жалобно звенел оторванный лист железа. Постепенно мои глаза стали разбирать предметы. Я осторожно пробирался к носовому мостику и, чтобы не провалиться в какую-нибудь пробоину, ощупывал ногой каждый аршин палубы. Часто приходилось отступать назад и обходить опасные места. Под ногами, там, где от снарядов была прогнута палуба, хлюпала вода, доходившая почти до колен.

Внезапно до меня донесся из-за борта отчаянный крик:

— Спасите!.. Погибаю!.. Братцы, спасите!..

Кто это кричал: офицер или матрос? И как он попал в море? Сорвался ли с борта «Николая I», шедшего впереди нас, или случайно остался в живых с какого-нибудь уже погибшего корабля? Об этом знало только море. Наш броненосец, не останавливаясь, шел дальше. Он и не мог заняться спасением одного человека, когда вопрос стоял о сохранении жизней всего экипажа. Взывавший о помощи голос, надрываясь, быстро уносился за корму и становился все глуше, словно погружался в бездну. Я с дрожью подумал: «Может быть, и нам придется так барахтаться в морской пучине. Сколько теперь людей, разбросанных волнами в разные стороны, держалось на воде, доживая последние минуты...»

С трудом я добрался до носового мостика. Справа от боевой рубки, привалившись к ее броне, стоял человек и через бинокль всматривался в ночную тьму. Это оказался старший сигнальщик Зефиров.

— Как дела, Василий Павлович?

— Пока идем без остановки.

— Куда? Восвояси или в нейтральный порт?

— Хватился! Еще с девяти часов «Николай» повернул на прежний курс норд-ост двадцать три градуса. Пробираемся во Владивосток.

Мне казалось, что и контр-адмирал Небогатов допустил величайшую ошибку. Он не мог не сознавать, что мы разбиты, разбиты безнадежно. А раз так, то он, как и всякий другой военачальник, при таких условиях должен был заботиться лишь о том, чтобы сохранить для будущего времени остатки вверенных ему сил. Конечно, нечего было и думать о возвращении в Балтийское море: оно слишком далеко. Но у нас была другая возможность выйти из создавшегося положения: завернуть в ближайший нейтральный порт Китая и там разоружиться. Адмирал Небогатов этого не сделал, несмотря на то, что командовал теперь остатками эскадры самостоятельно и мог посвоему решать вопросы тактики и стратегии. Он слепо подчинился субординации и, выполняя приказ Рожественского, повел уцелевшие суда во Владивосток.

Для чего они там будут нужны, когда этот порт уже потерял для нас всякое значение? И где была гарантия, что мы снова не будем встречены японцами в их море? Это была наша третья попытка прорваться через опасный двор противника к своей далекой земле, не имея никаких шансов на успех. Невольно складывалось впечатление, как будто нас, измученных и обескураженных, толкала к гибели чужая злая воля.

Зефиров сообщил мне еще новость:

— Мы чуть свой крейсер «Изумруд» не пустили ко дну. Приблизился он к нам с левой стороны. Наши приняли его за неприятеля и давай по нем жарить. Четыре выстрела сделали. К счастью, не попали в него. А то больше не пришлось бы ему плавать.

Я случайно оглянулся назад. В этот момент далеко от нас, позади левого траверза, море взметнуло багровое пламя, и мы услышали отдаленный рокочущий грохот.

— Что это значит? — спросил я у Зефирова.

— Вероятно, какое-нибудь судно взорвали миной,— ответил он озябшим голосом.

В воображении возникла страшная картина тонущего судна с барахтающимися людьми, пожираемыми волнами. Чье оно, это судно: японское или наше? Но эти далекие и невидимые жертвы войны заполняли лишь часть моего воображения. Главное же мое внимание было приковано к своему кораблю: не прозевали бы и у нас приближения противника. По краям мостика расположились сигнальщики, оглядывая ночной горизонт; около двух уцелевших 47-миллиметровых пушек находились комендоры. На крыше двенадцатидюймовой башни возвышалась крупная фигура лейтенанта Павлинова, который забрался туда, чтобы лучше следить за японскими миноносцами. Временами по его зычному приказу эта башня, а также и носовая правая шестидюймовая поворачивались своими жерлами в ту сторону, где замечался подозрительный силуэт судна.

Я заглянул в боевую рубку. Из начальства находились там четверо. Из них только младший минный офицер лейтенант Модзалевский остался невредим, все же остальные были ранены. Лейтенант Шамшев,

согнувшись, сидел на палубе и слабо стонал. Старший офицер Сидоров, изнемогая, привалил забинтованную голову к вертикальной броне рубки. Лейтенант Модзалевский и мичман Саккелари следили через прорези за «Николаем I», на корме которого, как путеводная звезда, излучался лишь один кильватерный огонь. У штурвала стоял боцманмат Копылов, плотный и смуглый сибиряк с небольшими жесткими усами. Это был лучший рулевой, знавший все тонкости своей специальности и великолепно освоивший все капризы судна при тех или иных поворотах. Он низко опустил голову, как бы пряча от других свое лицо, оцарапанное мелкими осколками. Кисть правой руки была обмотана ветошью — ему оторвало два пальца. С раннего утра, как только появились японские разведчики, он занял свой пост и, хотя потерял много крови от ран, бессменно стоял перед компасом, словно притянутый к нему магнитом. В рубке находились еще двое — сигнальщик Шемякин и кондуктор Казинец.

— «Адмирал» поворачивает влево! — крикнул мичман Саккелари.

Старший офицер сразу выпрямился и скомандовал:

— Не отставать!

И, повернувшись к Копылову, добавил:

— Осторожно клади руля!

— Есть, осторожно клади руля,— угрюмо ответил Копылов.

«Орел» покатился влево и в то же время начал крениться на правый борт, в наружную сторону циркуляции. С верхней и батарейной палуб донесся до боевой рубки зловещий гул воды. Неприятельским огнем еще в дневном бою были уничтожены все кренометры, но и без них чувствовалось, что корабль дошел до последней черты своей остойчивости. Свалившись набок, он дрожал всеми частями железного корпуса. В рубке, зная о восьмиградусной предельности крена, все молчали, и, вероятно, всем, как и мне, казалось, что наступил момент ожидаемой катастрофы. Так продолжалось до тех пор, пока броненосец, постепенно поднимаясь, не встал прямо.

— Молодчина «Орел»! — облегченно вздохнул старший офицер.

Минут через пятнадцать, когда начали ложиться на прежний курс норд-ост 23°, опять повторилось то же самое.

Контр-адмирал Небогатов проделывал такие повороты, очевидно для того, чтобы затруднить действия неприятельских миноносцев. При этом каждый раз мы теряли флагманский корабль. «Николай I» поворачивался почти на пятке, а мы, чтобы не допустить большого крена своего судна, вынуждены были описывать циркуляцию с большим радиусом. Сверкавший перед нами огонек ратьеровского фонаря на время исчезал. Мы рисковали совсем разойтись с флагманским кораблем. Но в этих случаях всегда выручал старший сигнальщик Зефиров. Для его больших серых глаз как будто совсем не существовало тьмы — он все видел. Благодаря его указаниям снова находили флагманское судно.

— Меня сильно знобит,— пожаловался старший офицер Сидоров.

Мичман Саккелари посоветовал ему:

— Вам необходимо спуститься в операционный пункт.

Сидоров что-то хотел сказать, но его перебил чей-то нервный выкрик с мостика:

— Миноносец! Миноносец!

Впереди справа сверкнул огонек.

Моментально забухали орудия.

— Мина! Мина! — завопил чей-то голос.

Я выскочил на правое крыло мостика и застыл на месте. Было видно, как выпущенная неприятелем торпеда, оставляя на поверхности моря фосфорический блеск, неслась наперерез нашего курса. Гибель казалась неизбежной. Все были бессильны что-либо предпринять. В висках отдавались удары сердца, словно отсчитывая секунды жуткого ожидания. Сознание заполнилось одним лишь вопросом: пройдет ли торпеда мимо борта, или внезапно корабль будет потрясен до последней переборки и быстро начнет погружаться в могилу моря? По-видимому, наш час еще не пробил — торпеда прочертила свой сияющий путь перед самым носом броненосца. Люди вернулись к жизни.

Старший офицер крепко выругался, а потом, словно спохватившись, воскликнул:

— Господи, прости мою душу окаянную!

Сигнальщик Зефиров промолвил:

— Вот подлая, чуть не задела.

И, сорвав с головы фуражку, начал колотить ее о свои колени, словно стряхивая с нее пыль.

Слова и фразы других офицеров и матросов звучали странно и нелепо, как будто произносились во сне.

Бешеные атаки минных судов прекратились только после полуночи. В продолжение почти шести часов люди должны были выдерживать предельное для человеческой психики напряжение. Наконец измученные моряки могли вздохнуть спокойнее,— японцы, по-видимому, потеряли нас окончательно.

Около боевой рубки неожиданно появился кочегар Бакланов. Я пробрался с ним на кормовой мостик, где мы решили провести остаток ночи. Здесь находилось несколько человек из команды, и каждый имел в запасе либо койку, либо спасательный круг. Мы тоже разыскали две койки, а потом, усевшись рядом, привалились к грот-мачте. Над горизонтом всплывал узкий обрезок луны. Кругом стало светлее. Словно возлюбленную, держал я в объятьях свернутую коконом койку и прижимал к себе. Набитая пробкой, она в случае катастрофы может заменить мне спасательный круг. Сквозь дрему слышался говор Бакланова:

— Сколько церквей, сколько монастырей вымаливают у бога для нас победу! Сотни тысяч попов и монахов поднимают свои очи к небу. А что толку? Вероятно, у бога уши шерстью заросли — не слышит он. Эх, остаться бы живым! Уж я кое-кому докажу, сколько стоит игла с ниткой...

Ночь медленно тянулась к рассвету. Но в памяти осталась еще одна картина, которая не забудется до конца моих дней. Я находился тогда на переднем мостике. Немного впереди правого траверза, в одном кабельтове от нас, наметился в темноте небольшой силуэт какого-то судна. С одного из кораблей, шедших за нами, его озарили лучом прожектора. Это оказался японский миноносец. Будучи подбитым, он выпускал пар и стоял на одном месте, беспомощный и обреченный. На его открытом мостике виднелся ко-

мандир. Он стоял на одном колене, а на другое оперся локтем и, покуривая, смотрел на проходившие наши суда. Сзади грянул выстрел из крупного орудия какого-то корабля. Фугасный снаряд ослепительно вспыхнул в самом центре миноносца. Открыли по нему огонь и с нашего «Орла», но это было уже лишним. Там, где находился миноносец, клубилось лишь облако пара и дыма. Огненный зрачок прожектора закрылся. Все погрузилось в непроницаемую тьму. Но еще долго я не мог избавиться от потрясающего впечатления мгновенной гибели судна. И хотя мысль подсказывала, что уничтожен противник, но сердце сжималось от зрелища смерти, поглотившей в одну секунду несколько десятков жизней.

4. НАС ОКРУЖАЕТ НЕПРИЯТЕЛЬ

Я экстерном держу экзамен за среднее учебное заведение. По всем вопросам мои ответы вполне удовлетворительны. Осуществляется моя заветная мечта, и уже мерещится физико-математический факультет Московского университета. Я буду студентом, а потом — ученым. Какое это счастье для человека, вышедшего из низов глухой и дикой деревни. Но моя радость преждевременна: я проваливаюсь по математике, проваливаюсь с таким стыдом, какого не испытывал ни один ученик. Учитель, седенький и сморщенный старичок с поперечными погонами на плечах, долго смотрит на меня уничтожающим взглядом, а потом, издеваясь, говорит:

— Напрасно, молодой человек, вы только время отнимаете у других. Вы — круглый невежда. Я даже сомневаюсь, что вы знаете таблицу умножения. Ну скажите, сколько будет — семью восемь?

Математику я всегда любил, к экзамену готовился упорно и долго. А тут не могу ответить на такой простой вопрос. Что со мной случилось? Хохочет весь класс. Стоя у доски, я смущенно оглядываюсь. Передо мною изувеченные люди — со сломанными руками, с раздробленными лицами, есть даже без головы. Но как они могут смеяться? Вместо человека какой-то кровавый обрубок катится к моим ногам. Вот около

меня появляется мать и, заслоняя меня от страшного зрелища, ласково говорит:

— Ничего, сынок, не сокрушайся. Поступишь монахом в монастырь...

Быстро тает ее заплаканное лицо. Остаются лишь одни глаза, но и те, увеличиваясь, сливаются в сплошную голубизну. Нет, это уже не глаза, а небо, чистое и ясное, и в нем, извиваясь, летают черные змеи, готовые опуститься на меня...

Я дернулся и окончательно проснулся, когда увидел над собою исковерканную осколками грот-мачту с колыхающимися вокруг нее обрывками снастей. Парусиновая койка выпала из моих рук. Рядом сидел кочегар Бакланов. Широкая улыбка расколола его закопченное лицо с крупным подбородком.

Он говорил:

— Ну и чудила ты! Бормочешь что-то, а разобрать ничего нельзя. Я думал: неужели парень умишком рехнулся?

Над мерно вздымающейся зыбью вод широко распростерлось небо. Ветер почти совсем стих. Грудь жадно вдыхала свежий морской воздух, разливавшийся по телу, как целебный напиток. Всходило солнце, и я, уцелевший от вчерашней бойни, смотрел в синеющую даль с таким восторгом, как будто снова родился к жизни.

— Идем завтракать,— предложил Бакланов.

Мы начали спускаться с кормового мостика на палубу. Я знал, что корабль наш сильно пострадал, но я не представлял себе, что он имеет такой безнадежный вид. Все вокруг было обезображено взрывами, обгорело, превращено в сплав чугуна и стали, завалено кучами бесформенных обломков. Но главные его механизмы продолжали действовать. Он дымил двумя дырявыми трубами и шел исправно, держа в кильватер «Николая I», на траверзе которого находился крейсер «Изумруд». За нами следовали «Апраксин» и «Сенявин». Куда же, однако, девались остальные наши броненосцы: «Наварин», «Сисой Великий», «Ушаков» и броненосный крейсер «Адмирал Нахимов»? Что с ними произошло? Погибли ли они от минных атак, или отстали от нас?

Матросы, прокопченные и усталые, уныло осматривали горизонт, как бы ища ответа на мучительные вопросы. Кругом, насколько хватал глаз, не было видно ни одного дымка, ни одного признака чьих-либо судов. Под утренним небом сыто поблескивало море, равнодушное к горестям подневольных людей.

За завтраком ели консервы с сухарями. Немного «заправившись», я решил обежать некоторые отделения, чтобы узнать, в каком состоянии находится наше судно. Дойдет ли оно до Владивостока и какими средствами будем защищаться в случае нападения противника?

За минувшую ночь немало людской силы было потрачено на то, чтобы навести на судне хоть какой-нибудь порядок.

Очистили проходы от ненужного хлама, без чего нельзя было проникнуть из одного отделения в другое. Вместо разбитых железных трапов поставили стремянки или подвесили шторм-трапы. Кое-где успели починить перебитые водопроводные трубы. В бортах корпуса заделали пробоины, с палуб убрали воду. Корабль, освободившись от лишней тяжести, уменьшил свою осадку на два фута. Остойчивость его значительно увеличилась. Но мы не могли не сознавать, что если поднимется буря, то нам не видать Владивостока. Все эти временные сооружения по заделке пробоин моментально будут уничтожены ударом волн. Раны «Орла» снова раскроются, снова он начнет захлебываться водою, и тогда уж никакие человеческие усилия не спасут его от гибели.

Еще безотраднее стало, когда я поговорил с артиллеристами. Правда, некоторые орудия удалось к утру исправить. Из пятидесяти восьми пушек только половина окончательно вышла из строя, а остальные могли стрелять. На первый взгляд это служило каким-то утешением. Но в действительности утешаться было нечем.

Прежде всего у всех уцелевших орудий сместились прицелы, и на корабле не осталось ни дальномеров, ни приборов управления огнем. А выбрасывать снаряды при таких условиях так же будет бесполезно, как бесполезно во время драки производить грохот хлопушками. Одни башни поворачивались вруч-

ную, другие лишились электрической подачи снарядов. У некоторых пушек уменьшился угол возвышения, и они стали ненужными для стрельбы с дальних дистанций. Многие элеваторы в батарейной палубе были разрушены. Боевых припасов осталась в погребах лишь пятая часть.

Мало того, эти остатки припасов были распределены по судну неравномерно: там, где уцелели пушки, не было снарядов, а где имелись снаряды, не действовали пушки. Кормовая двенадцатидюймовая башня располагала всего только четырьмя снарядами. Один комендор этой башни сказал:

— В случае чего бухнем четыре раза, а потом садись и закуривай.

Короче говоря, броненосец сохранил не больше десяти процентов своей боевой мощи. Он способен будет защищаться только от крейсера 2-го ранга.

На верхней палубе со мною встретился боцман Воеводин, направлявшийся в боевую рубку. Усталый и осунувшийся, с воспаленными глазами, он удивленно посмотрел на меня и заговорил:

— Как будто прорвались. Во всяком случае, пока идем благополучно. Знаешь, чего еще нам не хватает? Я, как и всякий моряк, ненавижу туман, но теперь он был бы нам кстати — густой такой, непроглядный. В нем наши корабли затерялись бы, как иголка в молоке.

— Да, это было бы для нас спасением.

Но тумана не было. Широко раздвинулся горизонт, прозрачный, с хорошей видимостью.

— А может быть, и так дойдем до Владивостока? — спросил я.

— Возможно,— ответил боцман, удаляясь от меня.

Мирно вздыхало море, как бы дразня нас иллюзией счастья...

А несколько минут спустя позади левого траверза, далеко на горизонте, показался дымок. Он вырастал так медленно, словно там разжигали костер. За первым дымком заметили второй, третий. Весть об этом облетела все отделения броненосца. Люди сразу забеспокоились. А когда обрисовались очертания пяти военных кораблей, то перед каждым из нас встал

лишь один мучительный вопрос: свои это приближаются к нам или чужие?

— Братцы, да ведь это наши суда, ей-богу, наши! — радостно воскликнул молодой матрос.

— Конечно, наши,— согласились с ним и другие.— Вон «Нахимов», «Аврора» идут, за ними тащится «Александр III».

— «Александр», говорят, вчера утонул.

— Ну, значит, «Суворов» будет.

— А трубы у него откуда взялись? Разве, как грибы после дождя, выросли за ночь!

— Нет, товарищи, вы все обознались! — крикнул гальванер Козырев, только что спустившийся на палубу из боевой рубки.— Сейчас я смотрел в подзорную трубу. Это неприятель к нам приближается.

Глаза матросов впились в Козырева с такой ненавистью, как будто он стал лиходеем для команды, и раздались угрожающие выкрики:

— Брось трепаться!

— Башку оторвем!

Я побежал в машинную мастерскую, чтобы сообщить новость инженеру Васильеву. Его там не было. Я направился в операционный пункт. Доктора меняли повязки раненым офицерам и матросам, а те стонали от боли или бредили. Заботливо гудел вентилятор, очищая в помещении воздух, пропитанный лекарствами и запахом крови. В углу на табуретке, опираясь на костыль, понуро сидел Васильев и дремал. Я взял его за локоть.

— На горизонте появились японские корабли.

Мне показалось, что я сказал тихо, но те раненые, которые лежали ближе к Васильеву, вдруг зашевелились, поднимая в тревоге головы.

— Что такое? Какие корабли?

— Несколько дымков показалось вдали, а чьи суда, пока неизвестно,— ответил за меня Васильев таким спокойным голосом, словно сообщил о каком-то пустяке, и попросил меня проводить его в машинную мастерскую.

Мы оставили раненых в неведении, и, пока шли, он говорил:

— Значит, опять мы попали под надзор противника. Скверное наше положение, очень скверное.

А главное — ничего не придумаешь, чтобы избавиться от настигающего нас бедствия. В прошлую ночь я не мог сомкнуть глаз. Мозг точно чадом пропитан. Устал. Сейчас лягу и усну так, что не проснусь даже и в том случае, если корабль будет тонуть.

— Я постараюсь в случае катастрофы вытащить вас наверх. Мы с вами заранее выпрыгнем за борт.

— Спасибо за добрый порыв, но для меня он будет бесполезным.

Я убежал на верхнюю палубу.

На мостике около боевой рубки стояли старший офицер Сидоров, лейтенанты Модзалевский и Павлинов и мичман Саккелари, разглядывая в бинокли японские корабли. Они шли параллельным с нами курсом. Наши офицеры и сигнальщики старались определить типы судов. Это были легкие, быстроходные крейсеры: «Сума», «Чиода», «Акицусима», «Идзуми». Особняком от них держались еще два каких-то крейсера. Расстояние до неприятеля было более шестидесяти кабельтовых.

На «Николае I» был поднят сигнал: «Боевая тревога», а потом адмирал Небогатов приказал своему отряду повернуть «всем вдруг» на восемь румбов влево. Наши суда пошли строем фронта на сближение с противником, чтобы сразиться с ним, пока не подоспела к нему помощь. Но он понял наш маневр и немедленно отступил, пользуясь огромнейшим преимуществом в ходе. Наш отряд снова лег на прежний курс норд-ост 23°.

Японцы были недостаточно сильны, чтобы задержать нас. В сознании слабо воскресла надежда на спасение. Но сейчас же наступило еще более гнетущее разочарование: показались дымки впереди левого траверза. По распоряжению адмирала Небогатова к ним помчался на разведку крейсер «Изумруд». Минут через тридцать, которые показались нам невероятно длинными, он, вернувшись, донес, что приближается новый отряд неприятельских крейсеров. По-видимому, японцы, сообщаясь беспроволочным телеграфом, стягивали вокруг нас свои силы. И действительно, вскоре заметили еще шесть судов по направлению на левую раковину. Участь наша была предрешена.

С мостика было отдано распоряжение:

— Команде пить вино и обедать!

Матросы с мрачным видом выпивали свою чарку и жевали сухари с консервами.

Тем временем начали вырисовываться неприятельские суда впереди правого траверза.

После обеда было приказано похоронить убитых. Изуродованные трупы давно уже собрали на ют, разложили в два ряда и накрыли флагами. Боцман Воеводин пошел за священником.

— Ну, боцман, как я буду служить там, коли сейчас стрелять начнут? — плаксиво прогнусавил священник Паисий, когда узнал, зачем его приглашают наверх.

— Ничего, батюшка, не бойтесь.

— Нет уж, ради бога, оставь меня. Я лучше внизу отпою покойников. Заочно я... ну как это... в два раза больше помолюсь за них. А если останусь жив, то и в монастыре буду поминать их.

— Да вы, батюшка, напрасно беспокоитесь. Ведь это к нам наши корабли приближаются.

— Да ну? Вот оно что! В таком случае пойдем. Надо отпеть покойников. Без этого нельзя и хоронить. Ведь они... ну как это... за веру православную умерли.

На юте священник Паисий, отпевая на скорую руку покойников, подозрительно посматривал на японские корабли, грозно окружавшие нас с трех сторон. Он, не знавший своей эскадры, никак не мог понять, что происходит. Взлохмаченные рыжие волосы запламенели на солнце, оттеняя его дряблое лицо. Путаясь, он бормотал погребальные молитвы. Человек тридцать матросов, слушая священника, угрюмо поглядывали то на приближающегося противника, то на своих убитых товарищей. Среди трупов лежали оторванные руки и ноги, неизвестно кому принадлежащие. Кто-то из комендоров принес оторванную кисть чьей-то руки и бросил ее в общую кучу покойников. У изголовья их стояло ведро с песком, чтобы перед тем как выбросить трупы в море, предать их земле. Из кадила струился синий дымок, распространяя запах ладана. Казалось, что вместе с убитыми отпевают и нас, живых, ожидающих огненных взрывов.

Я ушел на шканцы и присоединился к группе матросов.

Неприятель продолжал окружать нас своим флотом, состоявшим из двадцати семи боевых судов, не считая миноносцев. В числе их были и те двенадцать броненосцев и броненосных крейсеров, которые представляли собою главные силы и с которыми мы сражались накануне. Как эти корабли, так и все остальные поражали нас своим парадным видом. Мы не замечали на них ни снесенных мачт, ни поваленных труб, ни разбитых мостиков. Японцы, разгромив нашу 2-ю эскадру, сами, по-видимому, мало пострадали. И теперь, как на смотр, вышли они в полном составе, сжимая нас железным кольцом смерти. На нас, случайно уцелевших от вчерашнего боя, нашло какое-то оцепенение. Угнетенная мысль отказывалась что-либо понять в этом событии. Матросы, доискиваясь причин поражения, спорили между собою.

Один артиллерийский квартирмейстер, размахивая руками, возбужденно кричал:

— Разве мы вчера не стреляли в японцев? Мы разбросали в них почти все боевые припасы. Наши погреба опустели. Как же так получилось, что японские корабли остались невредимы?

На артиллеристов все смотрели со злобой, словно они были виноваты в нашем бедствии, и упрекали:

— Вы, лопоухие черти, стреляли и по щитам при Мадагаскаре. Бухали четыре дня. А что толку? Вытащили из воды свой щит, а на нем ни одной царапины.

Старший боцман кондуктор Саем объяснил это по-другому:

— Как видно по всему, братцы, мы вчера сражались с английской эскадрой. А японцы тем временем скрывались за островом Цусима. И только сегодня явились перед нами, чтобы доконать нас.

— Скорее всего, так оно и было,— поддакнул артиллерийский квартирмейстер.— Я сам видел, как тонул четырехтрубный корабль. А у японцев, как сказывают офицеры, таких не было. Значит, с англичанами сражались.

Кочегар Бакланов похлопал по плечу артиллерийского квартирмейстера и спросил:

— Послушай, друг, ты хорошо помнишь, чем заряжали орудия? Может быть, вместо снарядов вы вкладывали в них резиновые шары?

— Убирайся ты ко всем чертям! — рассердился артиллерист.

Гальванер Штарев, вздохнув, промолвил:

— Да, выходит так, как будто мы только салютовали японцам.

Кто-то из матросов прохрипел озлобленно:

— Петербургские воротилы нас нарочно послали на убой.

Я смотрел на японский флот и думал: что̀ мы могли противопоставить ему? Жалкие остатки разбитой эскадры: «Николай I», корабль с устарелой артиллерией, стреляющей дымным порохом, неспособный даже докинуть своих снарядов до противника; «Орел», новейший, но весь избитый, превращенный в руины, да еще с большой убылью самых необходимых в бою людей; два броненосца береговой обороны — «Апраксин» и «Сенявин», каждый по четыре тысячи пятьсот тонн водоизмещением,— такие два броненосца, для которых достаточно одного хорошего крейсера, чтобы уничтожить их; наконец, крейсер 2-го ранга «Изумруд», опасный только для миноносца, но не для крупного судна. Пять кораблей против всего японского флота — это было чудовищное неравенство сил.

Что произойдет у нас, когда вступим в бой? Если начнут обрушиваться на наш броненосец удары тяжелых снарядов, то от одного только сотрясения корпуса вылетят все втулки и клинья из пробоин, разрушатся прикрывающие их щиты, а от осколков загорятся парусиновые пластыри. Нам не выдержать и десяти минут сражения. «Орел» может перевернуться внезапно. Но пусть даже заранее скомандуют: «Спасаться!» — чтобы подняться снизу наверх по стремянкам и шторм-трапам, потребуется много времени, а его не будет при гибели корабля. Почти весь экипаж останется в железной западне. У нас не осталось в целости ни одной шлюпки, ни одного парового катера. Большинство коек, спасательных кругов и пробочных поясов обгорело и было выброшено за борт. Умеющих плавать было в команде не больше одной трети, остальные же и минуты не смогут про-

держаться на воде, несмотря на то, что некоторые прослужили во флоте по семи лет. Начальство, занятое парадами и внешним блеском, не позаботилось заранее научить своих подчиненных такому простому делу, как плавание, хотя и знало, что многие из них, попавшие во флот из центральных губерний, видели до службы воду только в колодцах.

Раздалась боевая тревога. Матросы вздрогнули, но на некоторое время остались на месте, словно не поверили своим ушам. Потом медленно и нехотя, бледные, начали расходиться по боевому расписанию.

Священник уронил кадило и моментально скрылся внизу. Для окончания обрядности не было больше времени. Полуотпетых покойников начали быстро выбрасывать за борт, как выбрасывали до этого ненужный хлам с корабля.

Я продолжал стоять, словно окаменелый. Неужели наступил конец? Весь наш длинный и тяжелый путь был похоронной процессией. Вчера на наших глазах броненосцы, как черные гробы, опускались в колыхающуюся могилу. Сегодня наступила наша очередь. Через несколько минут исчезнут для меня навсегда и ласковая голубизна неба, и сияние солнца, и блеск водной равнины, и все, все.

«Началось!..» — охнул каждый про себя, когда раздались первые удары неприятельских орудий.

Я направился к ближайшему люку, ощущая в себе непомерную тяжесть. А когда начал спускаться по стремянке вниз, то услышал крики, заставившие меня вернуться обратно.

На корабле что-то произошло.

5. ТЯГОСТНАЯ ГЛАВА

Во время сражения 14 мая японцы старались в первую очередь уничтожить наши лучшие броненосцы и мало обращали внимания на «Николая I». По нему стреляли как бы между прочим. И все же он с самого начала боя получил от двух снарядов большую пробоину под левой носовой шестидюймовой пушкой. Эта пробоина, оказавшаяся одним краем ниже ватерлинии, причиняла много хлопот: сколько ни

заделывали ее койками и чемоданами, вода продолжала прибывать и залила подшкиперское отделение. Позднее попало еще несколько снарядов. Вышло из строя одно двенадцатидюймовое орудие. Были пробиты осколками минные и паровые катеры и приведены в негодность шлюпки, за исключением шестерки и одной двойки. Немного пострадал и личный состав: нашли убитыми лейтенанта Мирбаха и несколько нижних чинов, выбыли из строя командир судна капитан 1-го ранга Смирнов и человек двадцать матросов.

«Николай» стрелял довольно исправно, когда расстояние до неприятельских кораблей не превышало дальнобойности его орудий. Для своей устарелой артиллерии он пользовался дымным порохом, и это затрудняло дело. После нескольких выстрелов броненосец застилался своим же дымом. Противник становился невидим. Орудия замолкали, пока не рассеивался дым. Однако и при таких условиях «Николай» успел расстрелять тысячу четыреста пятьдесят шесть снарядов только крупного и среднего калибра. Его погреба с боевыми припасами так же опустели, как и на других наших кораблях.

Контр-адмирал Небогатов командовал не только своим отрядом, но и взял на себя, когда выбыл из строя раненый командир Смирнов, управление судном. В белом кителе, плотно облегавшем его располневшее тело, в необыкновенно широких черных брюках, он походил скорее на добродушного купца, чем на военного человека. Но вместе с тем все офицеры чувствовали над собою его власть, и никто из них не посмел бы не выполнить того или иного его приказания. В бою он подавал пример другим своей храбростью и часто выходил из боевой рубки на мостик, чтобы лучше разглядеть, что происходит кругом. Неплохой моряк, академик, он не мог не понимать, что кампания наша проиграна, однако ничем не выдавал своего волнения. Его лицо, одутловатое, словно распухшее, в седой заостренной бороде, в запудренных пятнах экземы, было внешне спокойно. Только изредка поблескивал в руках морской бинокль, приставляемый к большим, немного навыкате глазам.

Адмирал жаловался своим штабным:

— Я не получаю ни одного распоряжения со стороны командующего эскадрой. И не знаю, жив ли он. По старшинству его должен был бы заменить адмирал Фелькерзам. Но, может быть, и этот погиб вместе с броненосцем «Ослябя»? Такое неведение связывает меня по рукам и ногам. Кто же все-таки командует эскадрой?

— Не исключена возможность, ваше превосходительство, что эскадрой командует какой-нибудь мичман,— сказал флаг-капитан Кросс, подергивая по своей постоянной привычке небрежно свисающие усы.

Небогатов продолжал:

— Мы как будто попали в заколдованный круг. Толчемся в нем и никак не можем выйти из пролива. Дело идет уже к вечеру. Если нас застанет здесь ночь, то очень будет плохо от минных атак.

И, приняв решение, распорядился:

— Поднять сигнал: «Курс норд-ост двадцать три градуса»!

Приказ, как мы знаем, немедленно был выполнен сигнальщиками. За ними наблюдал младший флаг-офицер лейтенант Северин, худое и безусое лицо которого выражало усердие забитого морского чиновника. Как человек точный, он подождал на мостике несколько минут, а потом, войдя в боевую рубку, доложил:

— Ваше превосходительство, сигнал отрепетовали только суда нашего отряда. Но, по-видимому, поняли сигнал и передние мателоты — «Бородино» и «Орел». Они тоже начинают склоняться на север.

В это время, заметив что-то, быстро выскочил из боевой рубки старший флаг-офицер лейтенант Сергеев, но скоро вернулся обратно. Рыжий, румяный, оплывающий жирком, он бросил на адмирала бегающий взгляд и отчеканил:

— Только что прошел по борту один из наших миноносцев. К сожалению, надписи на нем я не успел прочитать. С него передали голосом, что адмирал Рожественский приказал вам идти во Владивосток[27].

Небогатов, выслушав, кивнул седой головой.

— Вот и отлично. Значит, я правильно распорядился относительно сигнала. Теперь по крайней мере выяснилось, что я могу распоряжаться.

Не терял он самообладания и ночью, когда начались минные атаки. Был случай, когда выпущенная неприятелем мина шла на «Николая». У всех находившихся в рубке замерло сердце. Небогатов сам скомандовал, громко выкрикнув:

— Право на борт!

Броненосец круто повернул влево, оставляя мину за кормой.

Адмирал, оглядываясь на хвостовые корабли, возмущался:

— Почему они так неистово светят прожекторами? Ведь этим самым они выдают свое местонахождение и привлекают неприятельские миноносцы. В такую темную ночь ничего не стоит скрыться от противника. Вы посмотрите, в двух кабельтовых едва можно разглядеть судно.

Но каким способом запретить судам второго отряда пользоваться боевыми фонарями? Беспроволочный телеграф на «Николае» испортился, а отдавать какие-либо распоряжения световым семафором было невозможно без того, чтобы не обнаружить себя. Хотелось скорее скрыться от миноносцев. Небогатов даже запретил стрелять по ним, чтобы вспышками артиллерийского огня не привлекать их внимания. Он всецело положился на бдительность «Изумруда», с успехом отгонявшего противника.

Досадно было, что при броненосцах находился только один крейсер. И возникали опасения за участь «Сисоя Великого», «Наварина» и «Нахимова». Ночью без огней они не привыкли держаться друг за другом, а потому могли отстать. Кроме того, оставалось неизвестным, насколько благополучно удалось им отбиться от минных атак. Может быть, какой-нибудь корабль уже давно пошел ко дну.

Прекратились минные атаки. Стало тихо. Небогатов не ложился спать и вступал по временам в разговор со своим штабом.

— Отряд наших крейсеров ушел на юг. Но я думаю, что адмирал Энквист в конце концов опять повернет за нами. Иначе это было бы преступлением с его стороны. Мне почему-то думается, что мы с ним встретимся на рассвете. Должны обнаружиться и на-

ши миноносцы. Из девяти миноносцев в дневном бою, кажется, ни один не пострадал.

— И я держусь такого же мнения, ваше превосходительство,— говоря немного в нос, подтвердил флаг-капитан.

— Вот с транспортами, ваше превосходительство, горе,— всегда дипломатичный, осторожно вставил старший флаг-офицер Сергеев.— Имея тихий ход, они едва ли поспеют за нами. Им будет плохо.

Небогатов на это ответил:

— Я не знаю, какие инструкции дал Рожественский командирам транспортов на случай поражения эскадры. Несомненно, они отстали. Но им лучше всего пробираться к Владивостоку врассыпную, держась корейского берега.

Помолчал немного и снова заговорил, как бы про себя:

— Это еще не велика беда, что наша колонна частично разъединится. Курс был дан всем кораблям, а к Владивостоку путь один. Поэтому они не могут разойтись далеко. Утром с помощью «Изумруда» их удастся собрать.

Офицеры соглашались с ним. Всем хотелось, чтобы вышло именно так: наши разрозненные силы снова соединятся, а противник на время поглупеет и не обнаружит их. Но этим только успокаивали самих себя: навряд ли японцы оставят без преследования остатки нашей разбитой эскадры. В распоряжении адмирала Того имелись десятки миноносцев, легких и вспомогательных крейсеров. Они, словно стая гончих, бросятся во все стороны хорошо изученного моря на розыски русских. При таких условиях нельзя было рассчитывать на возможность проскочить мимо японцев незамеченными. Адмирал Небогатов сам облегчал им задачу, направляясь во Владивосток кратчайшим путем.

С нетерпением ждали рассвета, а когда он наступил, то увидели, что от эскадры осталось только пять кораблей. Жадно оглядывали горизонт, надеясь увидеть своих отставших товарищей, но встретились снова с противником. И по мере того как увеличивалось число его кораблей, настроение адмирала падало. Если вчера всей эскадрой не могли нанести вреда

противнику, то можно ли сегодня сражаться с ним? Да он и не подойдет на расстояние наших выстрелов. Значит, он будет громить русские военные корабли, словно пассажирские пароходы, совершенно безнаказанно.

Адмирал, нервничая, то выходил на мостик, то возвращался в боевую рубку. Он пристально всматривался в очертания появлявшихся на горизонте кораблей. Никаких сомнений не было, что его окружают японцы. Но он как будто не доверял своим бесцветным глазам и много раз обращался к помощникам:

— Посмотрите хорошенько, не приближаются ли свои с какой-нибудь стороны?

Повторялся безнадежно один и тот же ответ:

— Никак нет, ваше превосходительство, всё неприятельские корабли.

Небогатов наконец замолчал и, нахлобучив на глаза фуражку с большим флотским козырьком, поник седою головой. Он знал, что все взоры обращены к нему, ожидая от него спасения. Но что он должен сказать своим подчиненным, какое отдать распоряжение, чтобы избавить их от бессмысленного истребления? Ничего. Если бы он держался ближе к берегу, то можно было бы разбить или взорвать свои корабли и вплавь добраться до суши. Но поблизости не было даже полоски земли. И, может быть, он как начальник впервые по-настоящему почувствовал на себе всю страшную ответственность за свои действия. Какое огромное преимущество в жизни давали ему адмиральский чин, блестящий мундир, ордена! А теперь, когда он мысленно уже заглядывал в черную бездну небытия, все стало мучительно постылым. Он сгорбил спину и натужил лицо, как будто красовавшиеся на его золотых плечах черные орлы превратились в двухпудовые гири.

— Да, промазали мы, — ни к кому не обращаясь, промолвил адмирал.

В девять часов к нему приблизился флаг-капитан Кросс и тихо сказал:

— Командир просил передать вам, что нам ничего не остается, как только сдаться.

Это слышали сигнальщики и рулевой и насторожились.

Адмирал вздрогнул всем своим грузным туловищем.

— Ну, это еще посмотрим.

Если бы мнение о сдаче исходило не от командира, а от Кросса, то адмирал, может быть, и не придал бы этому большого значения. Флаг-капитан отлично знал иностранные языки, складно писал доклады на любую тему, красиво играл на скрипке, с успехом покорял женщин. Способный, он принадлежал к тем баловням судьбы, которым жизнь дается очень легко. Отсюда выработалось у него и несерьезное отношение ко всему и большое самомнение. Все это было известно адмиралу. Но в данном случае Кросс был ни при чем — он являлся только передатчиком чужой идеи. Совсем по-иному относился адмирал к командиру судна капитану 1-го ранга Смирнову. Это был богатый и образованный моряк, спокойный и рассудительный. Он имел большие связи не только во флоте, но и в дворцовых сферах. С ним нельзя было не считаться. И если этот карьерист решился внести такое предложение, значит, действительно другого выхода нет и остается только сдаться.

Небогатов, тяжело дыша, в упор посмотрел в худое лицо флаг-капитана, удлиненное темной бородкой.

— А вы как думаете?

Кросс, не смущаясь, ответил:

— Я полагаю, что командир прав.

В такой ответственный момент только немедленный арест командира и флаг-капитана мог бы удержать адмирала от заманчивого соблазна. Но решительность не была проявлена, и отрава, брошенная в сознание, возымела свое действие. Воля начальника отряда ослабла и заколебалась. Закружились беспомощные мысли, как травинки в речном водовороте. Мерещилось мрачное будущее: позор сдавшегося адмирала, железная решетка тюрьмы, военный суд, может быть, смертная казнь. В то же время всем своим существом он протестовал против того, чтобы так глупо погружаться на морское дно или быть разорванным в клочья. А это произойдет, как только японцы откроют огонь,—через десять минут. В поисках оправдания перед родиной адмирал как будто раздвоился и заспорил сам с собой. Во имя чего погибать?

Он обязан выполнить свой долг. На этих бронированных корытах, именуемых боевыми кораблями? Наконец лазейка нашлась, и сердце адмирала закипало обидой против тех главных воротил российского строя, которые послали людей не на войну, а на убой. Если сам он как начальник до некоторой степени виновен в создании этого нелепого флота и должен явиться искупительной жертвой, то при чем же здесь матросы? Они виноваты только в том, что носят военную форму. Нет, он не допустит, чтобы две с половиной тысячи людей ни за что ни про что утопить в море. Общественное мнение будет на его стороне. И новая человеколюбивая идея, красивая, как синь василькового сорняка среди ржи, заполнила седую голову адмирала. Эта идея вытеснила из его сознания главное, что он находится на военном корабле, а не в доме милосердия, и что он командующий, а не какой-нибудь духобор или толстовец, размышляющий о непротивлении злу. На его лице выступили багровые пятна. Он энергично повернулся к флаг-капитану Кроссу и прохрипел:

— Немедленно вызвать командира в боевую рубку!

— Есть.

Пока рассыльный бегал за командиром, в боевой рубке решалась судьба отряда. Сначала обменялись мнениями штабные чины, а потом и судовые офицеры, находившиеся здесь же и на мостике. Возражений против сдачи не было.

Флаг-капитан Кросс сейчас же разыскал книгу международного свода и, заглянув в нужную страницу, бросился к ящику с флагами. Он сам набрал трехфлажный сигнал: «ШЖД», означавший — «сдача», «сдаюсь». Сигнал был немедленно пристопорен к фалу, и оставалось только поднять его на мачту.

В боевую рубку вошел командир судна капитан 1-го ранга Смирнов, высокий, статный, с карими глазами, внимательно смотревшими из-под густых, словно нарисованных бровей. Несмотря на полученную вчера рану, он держал забинтованную голову барственно прямо. Под пушистыми усами резко очерчивался большой, с толстыми и сочными губами рот, без слов говоривший, что его обладатель создан как буд-

то только для того, чтобы повелевать и наслаждаться жизнью. Но обычно румяное лицо за ночь побледнело, а струившаяся с него широким потоком светлорусая борода спуталась и, частично попав под бинт, потеряла свой прежний внушительный вид.

Адмирал, увидев командира, обратился к нему:

— Владимир Васильевич, что нам делать?

Смирнов, не задумываясь, убежденно ответил:

— Вчера мы свой долг выполнили. Больше не имеем сил сражаться. Мое мнение — нужно сдаться.

И, жалуясь на головную боль, он ушел.

Дальнейшие действия на броненосце «Николай I» развивались с поразительной быстротой. Зазвенели телефоны, бросились по разным отделениям рассыльные и даже, вопреки судовым правилам, засвистали дудки капралов, призывая господ офицеров на передний мостик. Это по распоряжению адмирала созывался военный совет. Сам он, окруженный своим штабом, вышел из боевой рубки на мостик. Офицеры не успели еще собраться на совет, а уже на ноке фор-марсарея кем-то был поднят сигнал о сдаче. Торопливо, с растерянными лицами бежали к адмиралу офицеры. Не дожидаясь появления остальных, он поставил перед ними вопрос:

— Я хочу, господа офицеры, сдать броненосец. В этом я вижу единственное средство спасти вас и команду. Как вы думаете?

Что сражаться не было никакого смысла, на этом сходились почти все. Но против сдачи некоторые возражали. Согласно военно-морскому уставу, обратились с вопросом относительно сдачи к самому младшему офицеру. Все обернулись к высокому статному человеку, на груди которого красовался университетский значок. Это был прапорщик Шамие. Юрист по образованию, призванный на службу лишь на время войны, он оказался более храбрым воином, чем другие из кадровых офицеров, и энергично заявил:

— Если нельзя драться, то нужно кингстоны открыть и топиться.

— Взорвать броненосец и спасаться,— скромно отозвался мичман Волковицкий, почтительный не только к начальству, но и к старшим товарищам по службе.

Приблизительно то же самое сказал и старший офицер капитан 2-го ранга Ведерников.

Но те, кто стоял за сдачу, начали приводить убийственные доводы:

— Все орудия неприятельского флота наведены на «Николая» как на флагманский корабль. Японцы взорвут и потопят его раньше, чем мы соберемся это сделать. Потопят вместе с людьми.

— Вы говорите — надо спасаться. На чем? Шлюпки и катеры разбиты. Койки приспособлены на защиту небронированных частей судна и крепко снайтовлены. Из сорока спасательных кругов тридцать никуда не годятся. Нас даже не могли снабдить хорошими спасательными средствами.

— А разве японцы не будут подбирать нас? — спросил старший офицер Ведерников.

— Возможно, что и будут, но только тогда, когда уничтожат весь наш отряд.

С марса фок-мачты, где стоял дальномер, раздался звонкий голос мичмана Дыбовского:

— До неприятеля шестьдесят кабельтовых!

На мостике появился флагманский артиллерист капитан 2-го ранга Курош, темнокожий, как мулат, с черной курчавой бородкой на сухом, жестком лице. Со вчерашнего дня этот воин запил и до утра не расставался с бутылками. Накрахмаленный воротничок на нем измялся. Шатаясь, Курош протолкался ближе к адмиралу и, размахивая руками, заорал:

— Сражаться до последней капли крови! Сейчас я прикажу своим молодцам открыть огонь. Я из японцев яичницу сделаю!..

Адмирал приказал:

— Уберите с моих глаз эту пьяную личность!

Офицеры оттолкнули Куроша назад. Он ругал их матерными словами. Матросы подхватили его под руки и увели вниз.

Еще раз пришел командир и снова подтвердил свое прежнее мнение.

На мостике стоял галдеж. Кто-то из офицеров плакал. Другие приводили разные аргументы для оправдания самих себя.

— За эту войну наши войска только и делали,

что сдавались. Вспомните Ляоян, Порт-Артур, Мукден. Ко многим сдачам прибавится еще одна.

Адмирал повернулся к старшему артиллеристу лейтенанту Пеликану, выделявшемуся среди офицеров своей крупной и сытой фигурой:

— На таком расстоянии мы можем стрелять?

— Бесполезно, ваше превосходительство. Наши снаряды не достанут до неприятеля.

Адмирал вдруг потерял самообладание, чего с ним никогда не бывало. Из бесцветных глаз брызнули слезы. Он сорвал с головы фуражку и, словно в ней заключалось все зло, бросил ее себе под ноги и начал топтать.

Со стороны неприятеля раздался пристрелочный выстрел, направленный в левый борт «Николая». Офицеры начали разбегаться по своим местам, согласно боевому расписанию. Небогатов вошел в боевую рубку. Флаг-офицеры докладывали ему, что все наши суда отрепетовали сигнал о сдаче, а он, не слушая своих помощников, кричал:

— Японцы, очевидно, не разобрали нашего сигнала. Поднять белый флаг! Быстро! Через пять минут будут уничтожены все мачты.

Но белого флага на броненосце не было. Пришлось заменить его принесенной из каюты простыней. Однако и она, подтянутая к рею фок-мачты, не остановила неприятельских выстрелов. Вокруг броненосца начали подниматься фонтаны. Над головою слышался гул пролетавших снарядов, словно где-то в воздухе был железнодорожный мост, по которому беспрерывно проносились курьерские поезда. Раздался взрыв около боевой рубки. Осколками ранило флагманского штурмана подполковника Феодотьева. Вся боевая рубка наполнилась черными удушливыми газами. Из темноты, как с того света, хриплыми выкриками командовал адмирал:

— Передайте, чтобы наши орудия не отвечали! Спустить наш флаг! Поднять японский! Стоп машина!

Пока выполнялись эти приказы, броненосец получил еще несколько ударов. Снарядом разворотило ему нос. Якорь, сорвавшись с места, бухнулся в море. Появились пробоины с левого борта.

«Николай I», застопорив машины, остановился, и в знак этого на нем вместо уничтоженных накануне шаров подтянули к рею ведро. Японцы прекратили стрельбу. Стало необыкновенно тихо. Остановились и другие наши броненосцы, повернув носами кто вправо, кто влево. На каждом из них, как и на «Николае», развевался уже флаг Восходящего солнца.

Иначе поступил только «Изумруд». Это был небольшой трехмачтовый и трехтрубный крейсер, изящный и стремительный, как птица. Он тоже отрепетовал было сигнал о сдаче, но, спохватившись, быстро его спустил. С правой стороны между отрядами неприятельских судов оставался большой промежуток. В этот промежуток, дав полный ход, и направился «Изумруд». Глубоко врезываясь форштевнем в поверхность моря, он вздувал вокруг своего корпуса белопенные волны, поднимавшиеся почти до верхней палубы. Из его труб вываливали три потока дыма и, круто сваливаясь назад, сливались в одну гриву. Расширяясь, она тянулась за кормой. Японцы, очевидно, не поняли его замысла и не сразу приняли против него меры. А когда выделили в погоню за ним два крейсера, было уже поздно. Неприятельские снаряды едва долетали до него. А он, имея преимущество в ходе, все увеличивал расстояние между собою и своими преследователями. Со сдавшихся судов с замиранием сердца следили за ним, пока он не скрылся в солнечной дали. Его хвалили на все лады, им восторгались. Он действительно проявил героизм, вырвавшись из круга японского флота.

На «Николае» по распоряжению Небогатова была собрана на шканцах команда. Стоя на продольном мостике, он произнес краткую речь. Несмотря на блеск солнечных лучей, игравших в серебре конусообразной бороды, в золоте погон с черными орлами, в эмали двух крестов св. Владимира, адмирал поеживался. Обрисовав причины, заставившие его сдаться, он в заключение, волнуясь, сказал:

— Братцы, я уже пожил на свете. Мне не страшно умирать. Но я не хотел вас губить, молодых. Весь позор я принимаю на себя: пусть меня судят. Я готов пойти на смертную казнь.

И, сгорбившись, пошел на передний мостик.

На броненосце продолжалась суматоха. Уничтожали шифры, секретные документы, сигнальные книги. Одни из офицеров говорили, что нужно портить орудия, механизмы и выбрасывать за борт разные приборы, другие запрещали это делать. Часть команды была занята своими вещами, а некоторые уже добрались до водки. Кое-где начали появляться пьяные.

Из операционного пункта поднялся на верхнюю палубу машинный квартирмейстер Василий Федорович Бабушкин. Это он двадцать три дня тому назад соединил 2-ю и 3-ю эскадры. Но у него тогда раскрылись незажившие раны, полученные им в Порт-Артуре. Попав на броненосец «Николай I», Бабушкин серьезно заболел и пролежал в лазарете до самого сражения. В бою он был бесполезным. Накануне, с появлением на горизонте главных неприятельских сил, его перевели в машинное отделение, где он просидел до позднего вечера. Но и там, в глубине судна, он не переставал дрожать от страсти во что бы то ни стало победить японцев. И когда ему говорили, что такой-то наш броненосец перевернулся, он упрямо твердил:

— Нет! Это, должно быть, погиб «Микаса».

И он один, как безумец, начинал кричать «ура».

Ему даже трудно было стоять на ногах. Но он не мог, узнав о сдаче четырех броненосцев, оставаться дольше внизу и появился среди команды, огромный, худой, обросший черной бородой, в нательной рубахе и черных брюках. Опираясь дрожащими руками на костыли, он остановился и взглянул в сторону кормы,— там на гафеле развевался японский флаг. То же самое он увидел и на других броненосцах. Судорога передернула его лицо с крупными чертами, брови вросли в переносицу, как два черных корня. Задыхаясь, он крикнул срывающимся басом:

— Братцы! Как же это так получается? Я защищал первую эскадру. А начальство приказало потопить ее. Потопили суда на таком мелком месте, что японцы теперь, вероятно, уже подняли их. Я стал биться за порт-артурскую крепость, живота своего не жалеючи. Получил в сражении сразу восемнадцать ран от осколков разорвавшегося снаряда. Можно сказать, побывал на том свете. А начальство сда-

ло Порт-Артур японцам. В Сингапуре я назвался охотником на эскадру Небогатова. А ее также сдали в плен. Да что же это такое творится?

Кто-то из матросов сказал:

— Небогатов пожалел нас.

Бабушкин возразил:

— Жалеть нужно родину, а не солдат и матросов. Адмирал — не сестра милосердия.

Некоторые из команды смеялись над ним:

— Брось, Вася, надрываться. Иди-ка лучше в лазарет и отдохни.

Бабушкин, стуча костылями, загремел:

— Россия опозорена, а вы мне спать предлагаете?!

— Вся эта война была позорная, а мы-то тут при чем? Не мы ее начинали.

— Сражаться надо, а вы хохочете!

— За что? За лапти? Таких дураков больше нет!

Бабушкин заскрежетал зубами и, шатаясь, двинулся к люку.

— Пойду в машину и сам открою кингстоны! Сейчас же броненосец пущу ко дну!

— Попробуй только — моментально полетишь за борт!

Бабушкин понял, что его намерение неосуществимо. Возбуждение богатыря сразу угасло. Ослабевший, он тихо побрел в лазарет, ворча:

— Если бы я знал это, я бы не пошел с вами. Ваш адмирал — трус. Под видом матросов он самого себя спасает...[28].

К борту «Николая» пристал неприятельский миноносец. С него поднялся на палубу броненосца флаг-офицер, посланный адмиралом Того, и передал Небогатову приглашение прибыть к командующему японским флотом для переговоров. В присутствии противника на корабле русские офицеры чувствовали себя растерянными. Одни из них, подавленные событием, угрюмо молчали. На других сдача в плен меньше отразилась. Они храбрились и, пока Небогатов со своим штабом, по требованию адмирала Того, готовился к отъезду, пробовали заговаривать по-английски с японским офицером. Он держался чрезвычайно корректно, как будто и не был завоевате-

лем. Обменялись с ним мнениями насчет погоды, находя ее скверной. Кто-то из русских офицеров пожаловался, какой трудный поход был для 2-й эскадры. Японец посочувствовал русским морякам, а потом заявил, что они прекрасно сражались, и это прозвучало иронией. Лейтенант, молодой легкомысленный человек, обращаясь к нему, весело сказал:

— Я ни разу не был в вашей стране. Мне очень хочется посмотреть, как вы живете.

— Мы рады видеть вас у себя,— улыбаясь, ответил японский офицер.

— Всю жизнь мечтал встретить ваших гейш. Особенно кстати будет теперь,— ужасно соскучились. Вы поймете: ведь восемь месяцев мы провели в плавании.

— О, это у нас сколько угодно и в большом выборе.

Противник посмотрел на русских офицеров. Некоторые из них опустили головы. А прапорщик Шамие покраснел и демонстративно ушел вниз. Стиснув зубы, он быстро прохаживался взад и вперед по офицерскому коридору с таким видом, как будто ему лично нанесли тяжелое оскорбление. К едкой боли, вызванной сдачей в плен кораблей, присоединилось еще чувство ненависти и раздражения распущенностью и низостью сослуживца. Прапорщик нервно сдергивал с головы фуражку и снова надевал ее, как будто она мешала ему думать. Вскоре с ним встретился в коридоре лейтенант, хотел что-то сказать и сразу осекся. Страшный, невменяемый вид Шамие согнал с его лица веселую улыбку. Он в испуге остановился, услышав грозный задыхающийся голос:

— На корме русского броненосца висит японский флаг, а вы уже о девочках думаете?

От громкой пощечины у лейтенанта качнулась в сторону голова. Боясь еще удара, он молча закрыл руками лицо и весь съежился. Прапорщик Шамие без оглядки пошел от него прочь.

Через несколько минут Небогатов и чины его штаба, за исключением пьяного Куроша, направились на миноносце к флагманскому броненосцу «Микаса» [29].

6. ПЕРЕД ВРАГАМИ ГЕРОЙ, А НА СВОБОДЕ РАСТЕРЯЛСЯ

Остзейский край насыщал царский флот немалым количеством разных баронов. Были среди них хорошие и плохие, умные и глупые. Но все они, как правило, зарекомендовали себя во флоте большими формалистами. Когда-то их предки участвовали в крестовых походах. Они гордились этим и ко всем русским офицерам, а тем более к матросам, относились с нескрываемым презрением. Царское правительство, однако, дорожило ими. Ведь никто так не подавлял всякое стремление к свободе, к критике морских порядков, как эти буквоеды законов и циркуляров.

Командир крейсера «Изумруд» капитан 2-го ранга барон Ферзен также был выходцем из Остзейского края, но он считался лучше своих сородичей. Он снисходил до частных разговоров даже с мичманами и матросами. При этом на его круглом и краснощеком лице с рыжевато-белобрысыми бакенбардами, поднимающимися от усов к вискам, играла вежливая, тысячи раз репетированная улыбка. Каждого своего собеседника он обвораживал мягким голосом. Но он становился другим, начиная командовать. Голубые глаза его холодно поблескивали, словно превращались в эмалевые. В повелительных окриках появлялась особая зычность. Самоуверенный, он не допускал никаких возражений со стороны своих офицеров.

Плохую помощь оказывал ему старший офицер Паттон-Фантон-де-Верайон. Этот небольшого роста толстяк больше занимался выпивкой в кают-компании, чем судовыми делами. Глупый и самолюбивый, он придирался к матросам из-за всякой мелочи и кричал тонким, резким голосом, всячески издеваясь над ними. Команда не любила его и дала ему кличку — Ватай-Ватай.

Командир и старший офицер не ладили между собою, потому что были в одних чинах — оба капитанами второго ранга.

В бою 14 мая «Изумруд» сражался с противником хорошо. Под руководством артиллерийского офицера лейтенанта Васильева его орудия исправно

стреляли. А в тех случаях, когда крейсеру угрожал неприятельский огонь, он умело передвигался на безопасное место. Командир Ферзен во время боя находился на мостике и отдавал разумные распоряжения. Никто не замечал в нем какой-либо растерянности. Так же держались и его подчиненные.

Вечером крейсер вышел из боя почти без повреждений. Два снаряда пробили углы верхней палубы. Еще один снаряд перебил тросы на грот-мачте, откуда упал фонарь. Из личного состава никто не был убит, только четыре человека получили ранения.

Ночь для «Изумруда» была тревожная. Никто не спал. Крейсер охранял флагманский броненосец «Николай I», рискуя погибнуть от неприятельских минных атак и снарядов своих судов.

На второй день, когда адмирал Небогатов поднял сигнал о сдаче, командир Ферзен приказал на скорую руку собрать офицеров и команду. Во время похода эскадры он обычно прогуливался по верхней палубе на своих несгибающихся ногах, сгорбившись и понуря голову. Теперь он преобразился. Вся его фигура выпрямилась, из-под густых бровей твердо смотрели на подчиненных голубые глаза. Все, ожидая от него слова, замерли. Командир громко отчеканивал:

— Господа офицеры, а также и вы, братцы-матросы! Послушайте меня. Я решил прорваться, пока японские суда не преградили нам путь. У противника нет ни одного корабля, который сравнился бы по быстроходности с нашим крейсером. Попробуем! Если не удастся уйти от врага, то лучше погибнуть с честью в бою, чем позорно сдаваться в плен. Как вы на это смотрите?

Он как будто спрашивал совета у своих подчиненных, но все понимали, что это было приказом. Офицеры и матросы с уважением смотрели в строгие глаза командира. Кочегар Галкин, весельчак и повеса, неожиданно для всех выкрикнул:

— Правильно вы сказали, ваше высокоблагородие!

И все остальные одобрили решение командира.

Он обратился к нижнепалубной команде:

— Кочегары и машинисты! От вас зависит наше спасение. Я надеюсь, что судно разовьет предельный ход.

И сейчас же распорядился:

— Все по своим местам!

Как только «Изумруд» ринулся на прорыв сквозь блокаду, на нем заработал беспроволочный телеграф, перебивая самой усиленной искрой переговоры японцев. Чтобы облегчить крейсер, командир решил пожертвовать правым якорем вместе с канатом. Последовало распоряжение расклепать канат. Две тысячи пудов железа, с грохотом свалившись за борт, исчезли в пучине моря.

В боевой рубке стрелка машинного телеграфа стояла против слов: «Полный вперед!» Казалось, крейсер напрягал последние силы, дрожа всем своим изящным корпусом. Все, кто находился наверху, видели, что неприятельские снаряды уже не долетают до него, и с любовью смотрели на своего отважного командира. В их представлении сейчас его коренастая фигура, напоминающая норвежского шкипера, была овеяна ореолом романтики водных просторов и поэзии увлекательных приключений на море. Ведь только в фантазии, только в грезах мог представиться такой случай, какой выпал на долю «Изумруда»,— он вырвался из кольца неприятельской эскадры на свободу. И командир Ферзен твердо вел его опять на родину. Это были упоительные минуты как для самого начальника, так и для его подчиненных,— минуты сознания правильно принятого решения в боевой обстановке. Но главный герой ничем не выдавал своего торжества, и это еще больше возвеличивало его в глазах команды. Заложив руки за спину, он прохаживался теперь по мостику, спокойный и уверенный, словно вышел на судне в обычный мирный рейс. Он только один раз через переговорную трубу спросил машинное отделение:

— Как держится пар?

Ему ответили:

— Давление двести пятьдесят фунтов.

Машинные и кочегарные отделения, несмотря на беспрерывное действие вентиляторов, наполнились невыносимым жаром, Людям трудно было дышать.

Мокрые от пота, они работали в одних только брюках — наполовину голые. Теперь их не нужно было ни понукать, ни упрашивать. Они сами понимали свою ответстбенность и вкладывали в дело все, что могли. Строевые матросы, назначенные в помощь кочегарам, подносили уголь из запасных ям. Чаще обычного открывались огненные пасти топок, глотая топливо, подбрасываемое кочегарами. Как-то по-особенному, словно захлебываясь, гудели поддувала. От сильного давления пара дрожали и шипели верхние пароприемные коллекторы. За перегородками, в других отделениях, голоса людей заглушались яростным движением машин.

Командир Ферзен, находясь на мостике, по-прежнему не терял своего душевного равновесия. Его подчиненные работали отлично. Он хорошо знал свой корабль. Предельная скорость, какую дал «Изумруд» на испытаниях, была двадцать четыре узла. Но теперь, казалось, он превысил эту норму и, поглощая пространство, летел вперед, как птица, вырвавшаяся из западни. Гнавшиеся за ним неприятельские суда, отставая, исчезли за горизонтом.

Это было во втором часу дня. Впереди сияло свободное море. «Изумруд», взявший сначала курс на зюйд-ост, постепенно склонился на норд-ост.

Но тут с командиром Ферзеном случилось что-то необъяснимое. Он начал терять самообладание, словно надломился от непомерной тяжести. В его глазах появилась тревога. Он беспокойно оглядывал горизонт. Не было видно ни одного дымка. Но все мрачнее становилось лицо командира. В пятом часу, узнав, что запасы угля ограничены, он распорядился убавить ход до двадцати узлов.

Через несколько минут произошла авария в четвертой кочегарке. Те, кто находился ближе к ней, услышали такой сильный треск, словно взорвался снаряд. Это лопнула паровая магистраль, питавшая все кормовые вспомогательные механизмы и рулевую машину. Из образовавшегося отверстия с ревом повалил пар, наполняя помещение горячей влагой. Четыре кочегара, спасаясь от бедствия, повалились на железный настил.

На судне поднялась паника. Офицеры и матросы спешили к четвертой кочегарке и останавливались перед грапом, как перед пропастью. Снизу, волнуясь, поднимались клубы серого пара. Никто не знал, что делать. Не мог помочь этому и прибежавший сюда на несгибающихся ногах барон Ферзен. Он только ахал и хватал себя за голову. Кто-то из офицеров подсказал ему, что прежде всего необходимо выключить рулевую машину и перейти на ручной штурвал. Сейчас же это было сделано. Крейсер шел вперед пятнадцатиузловым ходом.

Явился кочегар Гемакин и, не спрашивая разрешения командира, начал кричать на матросов:

— Что же вы стоите? Скорее давайте мне несколько рабочих платьев. Я их надену на себя. Приготовьте мешки, чтобы окутать мне лицо и голову. Дельфины! Козлы! Поворачивайтесь скорее!

Несколько человек сорвались с места. Вскоре было доставлено Гемакину все, что он требовал. Он быстро напяливал на себя спецовки. Командир не спускал с него глаз, словно хотел запомнить всякую мелочь в действиях этого человека. Спустя минуты две Гемакин, с окутанной мешками головой, в парусиновых рукавицах, облитый холодной водою, кубарем свалился по трапу вниз. Его примеру последовал один из машинистов, захватив с собою необходимые инструменты. Через полчаса авария была ликвидирована.

Два героя и четыре кочегара, находившихся внизу, отделались легкими ожогами.

Казалось бы, что жизнь на «Изумруде» должна пойти нормальным порядком. Но барон Ферзен не переставал нервничать. Наступила ночь. Корабль одиноко пробирался сквозь тьму во Владивосток. Командир не ложился ни на одну минуту. Не спали и его подчиненные. После полуночи один из сигнальщиков заявил, что впереди слева мелькают огни. Быть может, ему только показалось это, потому что никто их больше не видел. Однако командир немедленно приказал сменить курс вправо. Так шли часа полтора и опять легли на прежний курс.

Чем дальше уходил «Изумруд» от опасности, тем больше командир терял самообладание. К вечеру

следующего дня, то есть 16 мая, он превратился в издергавшегося неврастеника. Когда противник был на виду, он знал, что нужно было предпринять. Но теперь зияющая пустота моря, казалось, пугала его больше, чем неприятельские корабли. Люди с изумлением вглядывались в него и не верили своим глазам: по мостику метался не прежний волевой командир, а жалкий трус, случайно нарядившийся в капитанскую форму. Прошлой ночью он никак не мог дождаться дня, а теперь ему хотелось, чтобы скорее наступила тьма. Ему все мерещилось, что сейчас он будет настигнут неприятельскими судами. До Владивостока с избытком хватило бы угля, но, по приказанию командира, ломали на судне дерево и жгли в топках. Он начал вмешиваться в дела штурмана, лейтенанта Полушкина, утверждая, что курс им взят неверно. Полушкин, кончивший академию, прекрасно знал свою специальность, но он был тихий и застенчивый человек. Сквозь пенсне он удивленно смотрел на взъерошенного командира, не смея возражать ему. Вблизи родных берегов своим непонятным страхом командир Ферзен заразил сначала офицеров, а потом и всю команду. Все стали ждать смертного часа. Кончилось это тем, что «Изумруд» проскочил мимо Владивостока и направился в бухту св. Владимира. Командир Ферзен, как бы оправдываясь перед своими офицерами, бормотал, что для крейсера это будет лучше. Подходы к Владивостоку, вероятно, минированы. Если бы направились в этот порт, то могли бы взлететь на воздух от русской же мины. Была и еще одна опасность — туда скорее всего направились японские корабли, чтобы перехватить путь «Изумруду». Так или иначе, но крейсеру, при недостаче угля, предстояло пройти лишних сто восемьдесят миль.

Это была первая ошибка.

К бухте св. Владимира приблизились ночью 17 мая. Командир вдруг решил перейти в залив св. Ольги. Но здесь почему-то он нашел стоянку неудобной. А может быть, на него повлияло сообщение боцманмата Смирнова, только что рассказавшего ему, как до войны в этот залив нередко заходили японские корабли. Командир замотал головою, словно

изгоняя из своего воображения страшные призраки, и снова направил крейсер в бухту св. Владимира. Было темно. Перед людьми стояла задача найти себе временный приют в этой дикой и малознакомой местности. Если бы командир сохранил спокойствие духа, то он, вероятно, не рискнул бы входить в такую бухту сейчас же. Тихая погода давала возможность «Изумруду» продержаться в море до утра. О присутствии японцев здесь не могло быть и речи. Не настолько они были невежественны, чтобы разыскивать крейсер, ушедший за двое суток неизвестно куда. Это было бы так же нелепо, как нелепо разыскивать блоху, исчезнувшую в копне сена. Однако командир, потерявший перспективу действия и трезвость ума, торопился скорее скрыться в бухте.

Вход в бухту был довольно широк. Но командир почему-то приказал направить судно не посредине пролива, а около левого берега. Крейсер шел пятнадцатиузловым ходом. Слева, совсем близко, обрисовался в темноте мыс Орехова. Матросы на верхней палубе обрадовались, увидев родную землю. Кончались их мытарства. Мечта превратилась в явь. Лотовый правого борта выкрикнул:

— Глубина десять сажен!

Вслед за ним лотовый левого борта возвестил:

— Глубина четыре сажени!

Только что успели повернуть ручку машинного телеграфа на «тихий ход», как «Изумруд» дрогнул от толчка и заскрежетал всем своим железным днищем. Люди попадали. Многие думали, что под ними взорвалась мина. Крейсер сразу остановился, беспомощно накренился на правый борт под углом 40—45° и, казалось, готов был свалиться совсем. Во всех его отделениях внезапно оборвался говор людей. В зловещей тишине барон Ферзен завопил:

— Полный назад! Полный назад!

Но сколько машины ни работали, крейсер, севший на каменную гряду мыса Орехова, не двигался с места. Пробовали заводить верп, но и это не помогло: крейсер сидел плотно, словно был прикован к мели.

Это была вторая ошибка.

Особой беды еще не было в том, что крейсер сел на камни, тем более, что течи в его днище нигде не

обнаружили. Можно было бы дождаться следующего прилива воды, чтобы сняться с камней; можно было бы разгрузить судно и таким образом избавиться от аварии; наконец можно было бы вызвать по телеграфу помощь из Владивостока, а крейсер приготовить к взрыву, на случай появления противника. Но барон Ферзен, на круглом лице которого дрожали белобрысые бакенбарды, дал иное распоряжение, выкрикивая:

— Японцы находятся где-нибудь поблизости! Каждую минуту они могут накрыть нас! Я не хочу, чтобы «Изумруд» достался им! Немедленно все части его привести в негодность и приготовить судно ко взрыву!

На крейсере поднялась необычайная суматоха. Все, что можно было расклепать и снять, полетело за борт, а то, что не тонуло и поддавалось огню, жгли в топках. В бухте утопили все мелкие пушки, замки с более крупных орудий и часть пулеметов. Разбивали молотками вспомогательные механизмы, компасы, штурвалы, приборы управления огнем. Барон Ферзен считал себя добросовестным человеком и не хотел, чтобы какое-нибудь добро попало в руки японцам. Он даже потерял голос и с пеной на губах только хрипел, подгоняя своих подчиненных в их разрушительной работе. А те, словно во время пожара, бегали по трапам снизу наверх, сверху вниз, бестолково метались по разным отделениям. Железный корпус судна стонал от грохота и человеческих выкриков. Такого аврала «Изумруд» не испытывал со дня своего рождения. Если бы на это посмотреть со стороны, то непременно пришлось бы сделать заключение, что у всего экипажа острый психоз.

Наступило тихое майское утро. Над горизонтом медленно всплывало солнце, лаская загорелые лица моряков. Теперь люди были заняты другой работой: на шлюпках спешно свозили с корабля винтовки, оставшиеся пулеметы, продукты, посуду для еды, походную кухню, свои вещи. Люди, изнуренные постоянной тревогой за свою жизнь, казалось, не замечали лучезарного великолепия весны на морском берегу. Некоторые, наваливаясь на весла, настороженно поглядывали в сторону Тихого океана. Но их привле-

кала не красота искрящейся водной равнины (похоже, что она была усыпана солнечной пылью), а паническая тревога: не видно ли дымков неприятельских кораблей?

На «Изумруде» остались только несколько человек: старший офицер Паттон-Фантон-де-Верайон, боцман Куликов, минные квартирмейстеры Тейбе и Григорьев и радиотелеграфист Собешкин. Им было поручено приготовить крейсер к взрыву. А остальные офицеры и матросы находились уже на берегу, за версту от судна. Во главе с бароном Ферзеном они забрались на гору и, построившись во фронт, стали ждать.

Широко распростерлось, обдавая теплом, голубое небо, ослепительно сияли, уходя до самого горизонта, воды океана. В солнечных лучах зеленели кудрявые вершины сопок. Это еще больше угнетало людей, подавленных тяжестью противоречивых переживаний: с одной стороны — родная земля в весеннем наряде, с другой — такой порочный конец после героического подвига. Только теперь сознание моряков как будто стало проясняться, и они с глубокой скорбью всматривались в знакомые очертания корабля, приговоренного к уничтожению.

На вершине другой горы, ближе к «Изумруду», появился красный флаг, означавший: «бикфордов шнур подожжен». Напряжение моряков нарастало. Бледные, с пепельными губами, они имели такой вид, как будто сами были обречены к расстрелу.

Раздался взрыв в носовом патронном погребе. Поднялся столб дыма. Когда он рассеялся, люди увидели свой корабль, как казалось издали, целым и невредимым. Следующим взрывом оторвало всю корму. Громадное пламя, разбрасывая в разные стороны куски железа и обломки дерева, высоко подняло к небу черное облако. Раскатистым эхом откликнулись горы. Содрогнулись моряки, словно лишились не судна, а близкого друга, не раз спасавшего их жизни. Три с половиной сотни пар человеческих глаз смотрели туда, где вместо красавца «Изумруда» чадил на камнях изуродованный железный скелет корабля. На нем догорали остатки деревянных частей. Он все еще продолжал осыпать бухту стальным дож-

дем крупных и мелких осколков. Это рвались снаряды, до которых добирался огонь. Полчаса длилась похоронная канонада, и потом наступила такая тишина, как будто оцепенели и люди и вся природа.

Это была третья ошибка.

Началась сухопутная жизнь. Изумрудовцы передвинулись ближе к складу вещей. Барон Ферзен, не смея взглянуть в глаза своим подчиненным, объявил:

— Команде можно обедать и отдыхать.

И сам ушел, якобы приискать место для лагеря.

За горою, чтобы воображаемые японцы не увидели с моря дым, запылали костры. На ее вершине часовые следили за морским горизонтом. Пока кок Диденко приготовлял в походной кухне обед, усталые и осиротелые моряки, как лунатики, бродили по берегу бухты.

Обед прошел без обычных шуток и смеха.

Ночью над затихшим лагерем небо загорелось звездами. Вблизи опушки леса, прямо на земле, всхрапывая и посвистывая носами, раскинулись человеческие тела. Это был первый сон со дня Цусимского боя, первый отдых людей, переживших смертный побег из плена, последний ночной аврал и бессмысленную катастрофу крейсера. Так продолжалось до двух часов ночи, когда весь лагерь внезапно был поднят на ноги. Это внесли переполох часовые. Они прибежали с горы и, задыхаясь от волнения, сообщили страшную новость:

— В бухту вошли два японских миноносца. А у входа в бухту остановились два крейсера. Все это мы видели собственными глазами. Японцы хотят высаживать десант.

В лагере никто и не подумал встретить неприятельский десант ружейным и пулеметным огнем. У каждого было лишь одно желание — бежать скорее отсюда. Старший офицер, выстраивая команду фронтом, отдавал распоряжения тихо, почти шепотом. Матросам было разрешено взять только винтовки с патронами и по две банки консервов, оставив все остальные вещи на берегу бухты. Стараясь не шуметь, колонны людей направились к заливу св. Ольги. На пути нашли барона Ферзена, который на

ночь приютился в китайской фанзе. Разбуженный, он выскочил наружу и дрожащим голосом заговорил:

— Мои предположения оправдались. Я был уверен, что японцы найдут нас. Поэтому-то я и торопился скорее взорвать крейсер.

Взяли проводниками китайцев и пошли дальше, подгоняемые страхом. С рассветом изумрудовцы взошли на высокую гору, откуда долго рассматривали бухту и море. К удивлению всех, не только в бухте, но и дальше, на всем водном пространстве, не оказалось ни военных кораблей, ни дымков. Барон Ферзен смущенно объяснил:

— Должно быть, японцы успели уйти.

Кочегар Кабелецкий буркнул:

— Скорее всего, они во сне представились нашим часовым.

Лейтенант Романов добавил:

— Обычная галлюцинация перепуганных людей, а нам и в голову не пришло проверить их сообщения.

К вечеру, пробираясь охотничьими тропами, изумрудовцы пришли в село Киевлянка, расположенное близ залива св. Ольги. Через несколько дней сюда же были перевезены их вещи и продукты. Здесь моряки прожили более трех недель. У многих сложилось впечатление, что барон Ферзен по каким-то соображениям нарочно задерживается в этом селе[30]. От владивостокского коменданта генерала Казбека было получено телеграммой предписание — закупать скот и гнать его до ближайшей железнодорожной станции. Командир поручил это дело боцману Куликову. Тот с радостью взялся за такую выгодную для него операцию.

От безделья не только команда, но и офицеры постепенно разлагались. Среди них только один человек не поддавался распущенности — прапорщик по механической части Шандренко. Он держался уединенно, мало с кем разговаривал, и никто не подозревал, что этот упрямый украинец ведет дневник. Но если бы кто из офицеров заглянул в эту маленькую в коричневом переплете, сильно потрепанную книжечку, то пришел бы в негодование и задохнулся бы от ярости, читая страшные строки о себе[31].

Вот что прапорщик Шандренко писал от 21 мая:

«Удивительно то, что теперь выискивают некоторые господа оправдание относительно взрыва крейсера. Дело дошло теперь до того, что хотят все свалить на машину: якобы потому и во Владивосток не попали. А ведь это наглая ложь. И я громко заявил протест, на что старший офицер заметил, что необходимо всем показывать одинаково. Но я с этим не согласен, буду говорить, что было!..»

От 22 мая:

«Если, бог даст, возвратимся мы все благополучно на родину, то вранья будет по горло. А истина опять будет неизвестна для России. Я хочу сказать, что тунеядцы и бездельники опять возьмут безнаказанно все выдающиеся места и снова поведут Россию к разорению и гибели. Печально и жутко!..»

От 30 мая:

«Мы чувствуем, что командир боится идти во Владивосток, боится попасть на батареи и выжидает здесь — авось мир будет заключен. Мне так противно все это, что если бы я мог уйти, то ушел бы как можно скорее от этих кровопийц нашей родины. О, как я ненавижу их! Все до того подлы, что считают поступок с крейсером «Изумруд» вполне правильным и даже себя вполне в герои зачисляют. Об орденах Георгия мечтают».

Наконец 9 июня изумрудовцы двинулись в далекий путь. Шли пешком, гнали с собою около двухсот голов рогатого скота. Раньше дикая природа Приморья привлекала красотой зеленых долин и лесистых сопок. Но теперь ходьба по этим бездорожным местам оказалась чрезвычайно изнурительной. Крутизна подъемов на горы, быстрые речки, болотные топи часто создавали для путешественников с трудом преодолеваемые препятствия. Но идти было нужно. Деревни попадались редко. Ночевали под открытым небом. Не всегда можно было достать подводы для раненых и больных. Здоровые попеременно несли их на самодельных носилках. Менялась погода, то обжигая людей зноем, то поливая дождем. Многие из команды, будучи еще на корабле, поизносили свою обувь. Этим пришлось отмерять пространство в лаптях и босиком. Некоторые матросы не успели второпях захватить с судна собственные вещи

и оделись в зипуны или пиджаки, купленные у крестьян. В общем, вся эта ватага воинов напоминала французов, бежавших в 1812 году из России.

Барон Ферзен, словно стараясь забыть о погибшем крейсере, разговаривал только о скотине. С какой-то непомерной жадностью фермера он в каждом селении увеличивал ее численность. По-видимому, это успокаивало его совесть. Недели через три стадо разрослось до пятисот голов.

Стадо ревело, прося корму. Шедшие впереди горнисты, по распоряжению начальства, играли сигнал на привал. Для этого выбирали травянистые луга с речкой. Часть людей пасла скотину, а остальные, раскинувшись табором, отдыхали. И снова изумрудовцы поднимались в поход. Теперь они шли без всякого строя, разбившись на кучки и вытянувшись длинной вереницей. Дорога вела через горные перекаты, обходила стремнины, спускалась вниз, извивалась вдоль речек, увеличивая расстояние. По сторонам виднелись мрачные ущелья. Для свежего глаза непривычны были таежные дебри. От нанятых проводников моряки узнавали о лесных породах. Среди могучих тополей, мелколистных кленов, коренастых и приземистых лип, остроконечных пихт и елей попадались корейские кедры с тупыми, словно срезанными, вершинами. По южным склонам гор разместились монгольский дуб и черная береза. Ближе к речкам, на влажных лощинах, нашли себе приют ольшаник с темно-зеленой и липкой листвой, высокоствольный тальник. Под крупными кронами деревьев заполнили землю всевозможные кустарники: пахнущий смолою багульник, маньчжурская лещина, колючий чубышник, душистый жасмин, а там, где был доступ солнечным лучам, обильно произрастал виноград. В лесных зарослях, окутанных вьющимися актинидиями и лимонником, можно было проходить только звериными тропами.

Люди страдали от обилия комара, а еще больше от сибирского гнуса. Эта мелкая мошкара тучами носилась в воздухе, облепляя лица, попадая в рот, в ноздри, в глаза. Скотину, помимо того, донимали слепни и овод. Спасаясь от них, она бросалась в чащу леса. Матросы с руганью гонялись за животны-

ми, обдирая одежду и тело о колючки чубышника. Лейтенант Романов, помогавший пастухам, с горечью признавался им:

— Никогда в жизни я не думал, что придется мне быть в роли загонщика скота.

Радиотелеграфист Собешкин никак не мог забыть о самосуде, учиненном моряками над «Изумрудом».

— Когда я стал поджигать бикфордов шнур, так у меня руки дрожали. Мне казалось, что вместе с начальством и я совершаю преступление.

Кочегар Кабелецкий возмущался:

— Надо бы нам тогда арестовать командира, а крейсер попытаться самим снять с камней.

Другие ему возражали:

— Ну и пошли бы все в тюрьму.

Дисциплина в отряде падала. Она и не могла долго держаться. Сорок два дня длился этот обидный поход. Как бесприютные бродяги, матросы шли, проклиная свою долю, злые и отчаянные, с дерзкими мыслями. Начинался разлад между начальством и командой. Матросы ложились и вставали уже без переклички. Офицеры чувствовали перед ними страх и старались держаться около караула, вооруженного винтовками.

На железнодорожной станции Океанская опустели все дома. Жители, старые и малые, высыпали на широкую улицу, обсаженную тополями. Еще издали они увидели длинное облако пыли, пронизанное лучами предвечернего солнца. Казалось, что это приближается к станции какая-то грозная сила. Но вскоре представилось небывалое зрелище. Шагая напоследок в ногу, показались моряки, оборванные, одетые в странные наряды, до женских кацавеек включительно. Одни были босы, другие кое-как обмотали себе ноги сырыми бычьими шкурами, а сверху — веревками. Из-за мозолей немало воинов было хромых. За ними с тоскливым ревом двигалось огромнейшее стадо рогатого скота. Известно, насколько быки и коровы не любят длительного путешествия, а от надоедливых насекомых они нервничают и раздражаются. При виде деревни они бегом бросаются в нее, надеясь найти там отдых и покой.

Так было и здесь. Вступая в поселок при станции Океанская, многочисленный гурт ринулся врассыпную — к домам. Голоса людей смешались с мычаньем скотины. Это кричали матросы, исполнявшие роль пастухов. С дубинами или арапниками, надрываясь от ругани, они преграждали путь разбегающимся животным и теснили их в общую массу обреченных голов. Местные жители, прочитав на фуражках надпись «Изумруд», посмеивались:

— Должно быть, надоело им плавать.

— Да, корабль на скотину променяли.

На станции Океанская скотина была сдана генералу Шушинскому. Барон Ферзен получил от него благодарность. Мучения для моряков кончились. Они могли отдыхать, уносясь дальше уже на поезде. Во Владивосток изумрудовцы прибыли ночью. Начальство местного гарнизона, словно в насмешку, встретило их с музыкой, как настоящих героев.

Новые впечатления нахлынули на людей, но эти впечатления не могли заглушить того, что произошло в бухте св. Владимира. Навсегда врезались в их память пустынные берега бухты и гулкие взрывы, превратившие «Изумруд» в бесформенную, дымящуюся развалину. Мертвый, он далеко остался позади на камнях, никому из его команды уже не нужный. Но следующие поколения моряков, заплывая в бухту и глядя на торчащий из воды изуродованный остов крейсера, еще долго будут говорить о том, до какого безумия может довести паника на войне.

7. ЛЮДИ БОЕВЫХ ТРАДИЦИЙ

Броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков», поврежденный накануне в дневном бою, ночью отстал от отряда Небогатова и шел самостоятельно во Владивосток. У его штурвала стоял широколицый и усатый рулевой, стараясь не сбиться с курса — норд-ост 23°. Корабль проходил мимо острова Дажелет, где утром русский флот попал в западню. Весть об этом еще не дошла до «Ушакова», и ему предстояла неизбежная встреча с японцами. Но можно

было заранее сказать, что его участь не будет похожа на участь кораблей небогатовского отряда. На этом броненосце были люди иных взглядов на военный долг, вдохновляемые своим командиром. Сказывалось на них влияние и еще одного человека, который сам отсутствовал, но великое имя его было для лучших моряков олицетворением мужества и славы русского оружия.

В конце апреля выдался ясный день. Спокойно зыбились воды океанских просторов с лучезарными далями. Обливаемый лучами тропического солнца, соблюдая кильватерный строй, легко и плавно покачивался военный корабль. Низкобортный, однотипный с «Сенявиным» и «Апраксиным», он особенно выделялся двумя высокими трубами, извергавшими толстые клубы дыма; завитки его, поднимаясь в лазурную высь, таяли и напоминали морякам легкие облачка далекой родины.

Это был броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков».

По мостику тяжелой и уверенной поступью прохаживался, покуривая папиросу, высокий и плечистый пожилой моряк. Его полнокровное лицо с раздвоенным подбородком, с большими рыжими усами было спокойно. Во всей могучей фигуре моряка, в его осанке и решительных движениях было что-то властное и покоряющее. Среди своих людей он славился как настоящий герой моря, мужественный, с большими страстями. А глядя на него со стороны, можно было подумать, что это прохаживается после удачной добычи типичный корсар. Эта роль на сцене подошла бы ему по внешности без всякого грима. Но таким он только казался. На самом же деле это был замечательный командир судна — капитан 1-го ранга Владимир Николаевич Миклуха-Маклай, родной брат знаменитого русского путешественника и первого исследователя островов Микронезии.

Всех хорошо знавших его удивляло, что этот способный и образованный моряк командует не лучшим новейшим кораблем, а всего только маленьким броненосцем береговой обороны.

Миклуха-Маклай во всяком деле проявлял страстность. Это был незаурядный человек. Правда, не-

хоженых путей в новые земли он не открыл, как его брат, но много плавал на разных кораблях и считался опытным моряком.

У него были большие знания и по военно-морской истории. Он не домогался повышения на службе. Его не прельщал даже адмиральский чин, который он мог бы получить, задержавшись в тылу. Миклуха стремился скорее попасть на войну. Особенно ему хотелось сразиться с японцами. Ненависть к ним осталась у него с молодости. Он хорошо их знал, долгое время плавая командиром на пароходе Добровольного флота «Владивосток» у берегов Японии.

Он впервые попал на корабль, когда был еще гимназистом. Море увлекало Миклуху, и он поступил в Морской кадетский корпус. Там он примкнул к передовой молодежи и состоял членом тайного «Китоловного общества», распространявшего запрещенную литературу. Об этом узнало Третье отделение, произвело у Миклухи обыск, и до окончания Морского корпуса он находился под подозрением. Но и впоследствии он продолжал поддерживать связь с лейтенантом Сухановым и другими революционерами-моряками и хранил у себя на квартире нелегальную литературу.

С молодости Миклуха отличался храбростью. Служа во время турецкой войны на пароходе, превращенном в крейсер, он однажды днем, стоя на вахте, заметил на горизонте турецкий броненосец. Не спросив разрешения командира, он изменил курс и пошел прямо навстречу противнику. Оба судна начали быстро сближаться. В это время вышел на палубу командир. Он немедленно отправил Миклуху под арест, а сам повернул корабль на обратный курс.

Родом Миклуха происходил из запорожских казаков. В детстве он был очень драчлив, не спускал обид мальчикам старше себя и часто приходил домой сам избитый и изодранный. Вспыльчивостью он отличался и в старшем возрасте. Однажды в приморском городе Николаеве у него произошло столкновение с одним офицером, оскорбившим его жену. Офицер был чином старше Миклухи. Но, несмотря на это, он по своей горячности не утерпел и дал

оскорбителю оплеуху, зная наперед, что за такой поступок ему грозит военный суд. А физически он был очень силен: крестился двухпудовой гирей и в шутку не раз, ухватившись руками за заднее колесо, останавливал одноконную повозку. Он часто подшучивал так над кучерами. Кучер, не зная в чем дело, понукал, стегал кнутом лошадь и ругался на нее — повозка не двигалась, сдерживаемая Миклухой. Можно представить, какой тяжелый удар получил его противник. Но Миклуха избег военного суда. По телеграфу он попросил свою мать, проживавшую в Петербурге, подать задним числом на «высочайшее имя» прошение об его отставке. Отставка была принята, и он судился как штатский человек. Дело кончилось разбирательством у мирового судьи. Миклуха отделался штрафом в двадцать пять рублей. Но оскорбивший его жену офицер, получивший оплеуху, вынужден был, по решению товарищеского суда, тоже выйти в отставку.

В отставке Миклуха прослужил несколько лет сперва старшим офицером, потом командиром корабля Добровольного флота на Дальнем Востоке. Он не обольщался получением больших окладов жалованья. Призвание опять влекло его в военный флот. В 1882 году он вернулся в Петербург и, снова поступив на военно-морскую службу, плавал на миноносцах в Черном море.

И здесь он скоро проявил себя смелым моряком. Об этом свидетельствует хотя бы такой случай. В Севастопольской бухте стояло боевое судно особой конструкции, построенное по проекту адмирала Попова. Оно было круглое, как колесо, и быстро повертывалось, что повышало боевые качества этой плавучей батареи. Броненосец назывался «Адмирал Попов». Он имел очень низкие борта и передвигался медленно, как черепаха. Командиры боялись выходить на нем в море, думая, что он сразу затонет в случае шторма. Каждый из них, узнав, что будет приказ о перевозке этого странного судна из Севастополя в Николаев для достройки, заранее под разными предлогами списывался с него на берег. И только Миклуха-Маклай, когда был назначен на него командиром, не испугался выполнить приказ.

С тех пор прошло много лет, но годы не очень изменили характер Миклухи-Маклая. Он остался таким же горячим и бесстрашным. Нового в нем замечалось только то, что он стал больше нервничать. Вероятно, на него действовала спешность посылки 3-й эскадры, ее неподготовленность. Иногда он впадал в такое раздражение, когда, казалось, не в силах был сдержать себя. В такие минуты за время плавания на броненосце «Ушаков» от него не раз попадало провинившимся в чем-нибудь матросам. Случалось, что он ткнет в лицо матросу культяпой правой рукой (пальцы у него были оторваны случайным выстрелом из охотничьего ружья) и тут же сконфузится, и тем дело кончалось. Хотя Миклуха и делал это в запальчивости сам, но он не позволял так поступать своим офицерам. Он даже преследовал тех из них, которые плохо относились к нижним чинам. Миклуха пользовался большим уважением всей команды и офицеров,— те и другие верили в него, как в лучшего боевого командира. Броненосец под его руководством был вполне подготовлен к встрече с противником.

Прохаживаясь под тентом по мостику, Миклуха выкуривал одну папиросу за другой и изредка останавливался, задумчиво глядя сквозь очки вперед. Там шли корабли. На флагманском броненосце, где находился адмирал Небогатов, поднимались и спускались сигнальные флаги. Лучистое тропическое солнце немилосердно накаляло горячим зноем верхнюю палубу.

На мостик поднимался, медленно передвигая толстые ноги, старший офицер капитан 2-го ранга Мусатов, полнотелый блондин, среднего роста, с небольшой гладко расчесанной бородкой. Ходил он вразвалку, как селезень, и при виде его матросы издали подшучивали: «баркас плывет». Приблизившись к командиру, Мусатов вытянулся перед ним, приложил руку к козырьку и заговорил:

— Владимир Николаевич! Офицеры с радостью узнали, что мы скоро соединимся с эскадрой Рожественского. Вдобавок некоторые повышены в чинах. В честь этих событий мы решили устроить празднич-

ный обед с шампанским, и мне поручено просить вас сегодня в кают-компанию.

— Благодарю вас, Александр Александрович. С удовольствием приду разделить с вами компанию за столом. Момент вышел самый подходящий для этого. Кстати, нам нужно будет поговорить кой о чем.

На баке группа матросов убирала палубу. От природы угрюмый и сосредоточенный человек, квартирмейстер Василий Прокопович молча наблюдал за ними. Около людей, похрюкивая, разгуливал пестрый боров. Матросы избаловали его сахаром, поэтому он всегда ходил за ними, выпрашивая подачки. И сейчас он не отставал от них, изнывая от жары. Прокопович долго смотрел на борова хозяйским глазом и распорядился облить его водой. Один из матросов вооружился шлангом. С треском забила прохладная струя, под которую боров с удовольствием подставлял бока.

— Сюда... Калган, скорей... Только тебя не хватало,— крикнул один из матросов.

Каштановая дворняжка, любимица всей команды, виляя лихо закорюченным на спину пушистым хвостом, обежала людей, обнюхивая каждого из них и осторожно сторонясь лужи воды на палубе. Облитый боров пошел в сторону кормы, но ему преградил дорогу Калган. В игривой позе он остановился перед ним, с любопытством разглядывая тяжелую, неповоротливую тушу животного. Без всякой злобы, словно только для порядка, собака раза два тявкнула на борова, а тот на это тряхнул длинными ушами, попятился назад и уставился на нее маленькими и сонными, в белых ресницах, глазами. В загородке, прося корма, повизгивали еще две свиньи. Они принадлежали к китайской породе и отличались злобностью. Поэтому на палубу их не выпускали. Оставив в покое борова, Калган подбежал и к ним, носом потянул в себя воздух, но тут же замотал головой от запаха свиного навоза и расчихался. Точно обходя свои владения, Калган направился к большой деревянной клетке с утками. Они встретили его беспокойным кряканьем. А он, потешно повернув голову набок, долго вглядывался в них, как бы дожидаясь,

когда они замолкнут. Но утки, надрываясь, крякали часто и по-весеннему неуемно. Калган с подскоком громко тявкнул на них, словно приказал им не шуметь, и побежал дальше по палубе.

На баке, тихо разговаривая между собою, появились минно-артиллерийский содержатель — квартирмейстер Илья Воробьев и боцман Григорий Митрюков. Вдруг Воробьев разразился таким смехом, что сотрясалась вся его здоровенная фигура. Он вынул из кармана лист почтовой бумаги и, повернув к боцману смуглое, с крупными чертами лицо, заговорил:

— Ты не веришь, что у Звягина столько же ума в голове, сколько у нищего денег в кармане. А я удивляюсь, как это такого человека в кондукторы произвели. Вот полюбуйся, какими делами занимается мой непосредственный начальник. Сегодня утром я в арсенале убирался. Смотрю — под клеенкой письмо. Слушай, что Звягин пишет жене.

Прокопович, а за ним и матросы обернулись к разговаривавшим и прислушались. А Воробьев, широко улыбаясь, начал читать:

«Милая Маруся. Бриллиант мой чистой воды. Пишу тебе из далеких стран. Плывем уже мимо Китая. Много насмотрелся я на невиданных людей и земель. Я ведь теперь дослужился до больших чинов и стал вроде как армейский полковник. И такое же большое получаю жалованье. Мне от всех почет. Много стало у меня подчиненных. Но есть у меня Воробьев — противный человек. Я его скоро выгоню. И вестового дали мне. Он мне чистит ботинки и одежду. А я его бью и все по морде...»

Боцман, русый плотный человек, с выдающейся вперед грудью, откинулся назад и громким хохотом прервал чтение, приговаривая и давясь от приступов смеха:

— Ах, хвастунишка. Трус несчастный. Вот распотешил, пьянчужка, как балаганщик на ярмарке.

Все смеялись, кроме Прокоповича, который мрачно протянул:

— Полковник, лыком шитый.

— Мы теперь разыграем его высокоблагородие,— добавил Воробьев.

Засвистала дудка, и раздалась команда:

— Вино наверх.

Матросы разбежались на обед. Воробьев и Митрюков направились к корме. На шкафуте они встретили кондуктора Звягина. Это был невысокий тщедушный человек с острым, как птичий клюв, носом. Он шел развинченной походкой и намеревался прошмыгнуть мимо, но Воробьев остановил его, протянул руку с письмом и с нарочитой почтительностью сказал:

— Не знаю, как вас теперь величать, но не вы ли случайно обронили это?

Звягин, беря бумагу, со злобой посмотрел на Воробьева. Губы самозванного полковника задрожали, и на щеках выступили красноватые пятна. Он прошипел:

— Пакостник отверженный.

И быстро засеменил к люку под хохот боцмана и Воробьева.

В кают-компании буфетчик Егор Сорокин и вестовые заканчивали приготовления к торжественному обеду. Это помещение, расположенное в кормовой части корабля, было светлое и занимало место во всю ширину броненосца. Световой люк на потолке и иллюминаторы по бортам были открыты: в них проникали лучи тропического солнца, играя светотенями на белой эмали стен и переборок. Длинный стол, обращенный концами к бортам, был накрыт чистой скатертью и тесно заставлен посудой, бутылками, стаканами, бокалами и рюмками. Отражение солнца сверкало на хрустале и стекле разноцветными блестками. С правого борта черным глянцем отсвечивало пианино, а с левого стоял диван. К носовой переборке были прикреплены полубуфет с мраморной доской, уставленной закусками, и книжный шкаф. В сторону кормы у переборки, отделявшей кают-компанию от командирской каюты, ничего не стояло. Ее украшал только один большой портрет. Из широкой рамы красного дерева строго глядели умные глаза старика в военно-морской форме павловских времен. На полотне масляными красками был изображен по пояс знаменитый русский флотоводец — адмирал Ф. Ф. Ушаков, славное имя которого носил броненосец. С левого плеча адмирала спускалась на правый бок широкая красная муаровая лента ордена Александра

Невского, грудь его была в крестах, звездах и орденах — самых высших знаках отличия за боевые заслуги перед родиной, в руках он держал подзорную трубу. Больше всего в портрете поражало живое и мужественное выражение лица этого замечательного человека, непревзойденного в свое время стратега и тактика морских войн. Моряки знали еще одну удивительную особенность этого великолепного портрета: откуда ни зайди, хоть справа, хоть слева, глаза Ушакова всегда были обращены на зрителя.

И сейчас, когда офицеры собирались в кают-компанию на обед, каждого из них, входившего в дверь, адмирал как будто встречал пристальным взглядом. По традиции неписаного этикета люди рассаживались на определенные свои места: в конце стола — старший офицер, справа от него — командир, слева — старшие специалисты, а дальше — младшие офицеры. Все были в чистых белых кителях.

Обед был приготовлен из свежего мяса и домашней птицы, что не часто случалось в походе. Настроение у всех было приподнятое. Люди радовались, что скоро встретятся с эскадрой Рожественского. Раньше они предполагали, что им, пяти небогатовским кораблям, придется самостоятельно пробиваться во Владивосток. В который уже раз опять на разные лады обсуждали предстоящую встречу с японцами. Но в речах теперь было больше бодрости и уверенности в победе, после того как стало известно, что эскадры скоро соединятся. Другие не скрывали трудностей, доказывая, что японский флот встретит их у своих берегов и что он в два раза сильнее русской эскадры.

Командир Миклуха-Маклай, обычно скупой на слова, сегодня как-то особенно повеселел и разговорился. Памятливый и начитанный, он мог, когда был в ударе, обворожить интересной беседой. Обращаясь ко всем присутствующим, командир с воодушевлением заговорил:

— Господа, поздравляю вас с новыми известиями. И не будем сейчас спорить о том, кто кого сильнее или слабее. Будем помнить одно — мы, военные моряки, солдаты. Наша задача — сражаться, до конца защищать честь своей родины и, если потребуется, умереть. Но все вы знаете, что представляет наша

эскадра и как она снаряжалась. В помощь второй эскадре нас послали под давлением общественного мнения. И наш корабль, которым я имею честь командовать, никогда не предназначался в столь дальнее плавание. Но все равно — сражаться мы будем. За этим идем. А в истории морских войн — об этом я именно сегодня хочу напомнить — было множество примеров, когда количественно слабейшие били сильнейших.

Миклуха молча посмотрел на висевший в кают-компании портрет Ф. Ф. Ушакова и взволнованно продолжал, играя густыми медно-красными бровями:

— Господа, в чем же секрет таких побед? Взгляните, как пристально смотрит на нас сейчас Федор Федорович. Всем нам нужно брать пример с этого замечательного человека. Каждый из нас будет храбрым в бою, чтобы иметь честь прямо, без смущения глядеть ему в глаза. Сколько раз и с каким блистательным успехом Федор Федорович в боях командовал русскими эскадрами. При каждой встрече русской эскадры с турецкой полумесяц падал перед андреевским флагом. Военный гений Федора Федоровича приводил турок в трепет. При нем Россия была полной хозяйкой всего Черного моря. А потом международная политика сложилась так, что самому Ушакову пришлось защищать турок. Он вдребезги растрепал в Средиземном море французов. Русские корабли под его началом брали подряд их приморские города.

Миклуха-Маклай встал с поднятым стаканом. Все присутствующие за столом последовали его примеру. Указывая на портрет адмирала на стене, командир вместо тоста сказал:

— Господа, дадим же здесь Федору Федоровичу честное слово русских воинов, что при встрече с японцами будем биться до последней возможности. Эта боевая встреча в худшем случае будет несчастной, но во всяком случае славной для нас и достойной высокой чести того имени, которое носит наш корабль.

Чокнувшись, люди выпили и уселись за еду.

В продолжение обеда разговор об Ушакове возобновлялся несколько раз. С увлечением то командир, то офицеры вспоминали вычитанные из книг разные

случаи из жизни и деятельности адмирала. Они наперебой приводили примеры замечательных подвигов его эскадры в Средиземном море, в Италии, Греции, на берегах Ионического и Адриатического морей, где русские моряки являлись избавителями народов от иноземного ига.

Боевая биография Ушакова действительно была незаурядна.

Федор Федорович Ушаков родился в 1745 году. На родине, в Темниковском уезде Тамбовской губернии, от родителей ему досталось наследство в 19 ревизских душ. Помещик он был захудалый. Но Россию он любил очень и своими победами прославил ее на морях. Это был самостоятельный адмирал, создатель русской морской тактики. В войнах с турками на Черном море и с французами на Средиземном море он одержал ряд блестящих побед. Турки прозвали его — «Ушак-паша». А турчанки его именем припугивали балующихся детей.

Крепость на острове Корфу в Средиземном море всегда считалась неприступной. И только перед русскими моряками 20 февраля 1799 года она не могла устоять. Это была одна из самых громких побед русского флота, окончательно утвердившая во всем мире имя Ушакова как великого флотоводца. В тот момент другой великий, но сухопутный русский полководец, Суворов, действовал в Северной Италии против французов. Узнав о победе Ушакова, он сказал так: «Жалею, что при взятии Корфу не был хотя бы мичманом...» О своих действиях на море Ушаков всегда писал Суворову. Однажды, передавая пакет от Ушакова Суворову, немецкий офицер назвал адмирала «господин адмирал фон Ушаков». В гневе Суворов крикнул на немца: «Возьми себе слово «фон» и передавай его кому хочешь, только не мне. А победителя турецкого флота и потрясшего Дарданеллы называй по-русски: «Федор Федорович Ушаков».

И английский адмирал Нельсон тогда же писал Ушакову: «От всей души поздравляю ваше превосходительство со взятием Корфу и могу уверить вас, что слава оружия верного союзника столько же дорога мне, как и слава моего государя...» Едва ли он искренне восхищался победами Ушакова, потому что,

как союзник России в войне с Францией, Нельсон нисколько не помог русскому флоту. В 1799 году два флотоводца встретились в Палермо. Нельсон твердо рассчитывал, что Ушаков расшаркается перед ним и станет покорным орудием в интересах Англии. Но самоуверенный англичанин обманулся в своих ожиданиях. Случилось другое: от природы умный, самостоятельный, русский адмирал не уронил достоинства России и ревниво оберегал интересы своей родины. Разочарованный Нельсон в письме к леди Гамильтон отзывался об Ушакове, что он держит себя очень высоко и что под его вежливой наружностью скрывается медведь. Ушаков был единственным соперником по славе с знаменитым Нельсоном. Но в старой России Ушаков не пользовался такой широкой известностью, как Нельсон в Англии. В Англии каждый школьник знает своего адмирала. А у нас, кроме морских офицеров, мало кто знал о народном герое — Ушакове. Одна или две книги — вот и все, что было написано о нем.

Цари не очень ценили Ушакова. Им не нравилась его самостоятельность, поэтому Ушаков не подошел ко двору. Из него не вышел «лукавый царедворец». Так и вынужден был он, шестидесяти двух лет, полный сил, уйти в отставку и уехать к себе в тамбовскую деревню, где и умер в 1817 году.

Незаслуженно забытый в царской России, русский адмирал был любимым героем в Греции. От острова Итака ему была преподнесена выбитая медаль, на которой Ушаков был изображен в доспехах древнегреческого воина с надписью: «Одиссей». На другой медали, полученной им от греков, вокруг его портрета было написано: «Знаменитый почитаемый Федор Федорович Ушаков, главный русский флотоводец»; на обороте значилось: «Кефалония всех Ионических островов спасителю».

В Италии Ушаков прославился не только военной доблестью, но и мудрой политикой. Итальянцы были восхищены героизмом русских моряков. Десанты Ушакова 3 июня 1799 года взяли Неаполь, а в ноябре того же года участвовали в занятии Рима. Это было огромное торжество русского оружия. Впечатлительные южане, освобожденные от французов,

с любопытством разглядывали северных мужественных воинов и приветствовали их криками восторга.

Боевая жизнь адмирала навсегда останется гордостью русских моряков. Под его командованием русский флот был непобедим, а потери в людях были баснословно ничтожны. Достаточно сказать, что в продолжение всего похода 1799 года, когда эскадра Ушакова одержала много громких побед на Средиземном море, она потеряла только четыреста человек. И самое замечательное было то, что из пятидесяти трех боевых кампаний на море, сделанных Ушаковым за всю жизнь, в сорока трех он командовал непосредственно сам и ни одного сражения не проиграл.

Все это было хорошо известно офицерам броненосца «Ушаков». Во время похода среди них не раз поднимался разговор о знаменитом адмирале. Ни на одном корабле он не пользовался такой любовью, как здесь. Это была заслуга командира. При каждом удобном случае Миклуха прививал своим офицерам военные идеи и боевые традиции непобедимого флотоводца. Такие беседы об Ушакове всем очень нравились. Они как будто отвечали тем мыслям, сомнениям и вопросам, которые занимали людей в долгом походе.

В этом же духе воспитывалась и вся команда броненосца.

К концу обеда в кают-компании все были особенно веселы. Буфетчик Егор Сорокин и вестовые уже разносили черный кофе, но разговор об Ушакове не прекращался. Возбужденный речами и раскрасневшийся от вина, старший офицер Мусатов громко заговорил, перебивая шум голосов:

— Господа, мне особенно врезался в память такой характерный штрих из жизни Ушакова. Даже в пылу сражения его не покидало не только мужество, но и чувство юмора. В 1791 году, отправляясь из Константинополя в поход, адмирал Саид Али дал султану клятву — привести пленником Ушакова. Молва об этом дошла до русского адмирала. Рассердившийся Федор Федорович в сражении у мыса Калиакрии 31 июля нарочно стремился захватить корабль с адмиралом Саид Али. Обрезая в бою корму турецкого

адмиральского судна, Ушаков с юта громко закричал: «Саид бездельник! Я отучу тебя давать такие обещания». Действительно, господа, в этом сражении турецкий флот был наголову разбит. Особенно пострадал адмиральский корабль Саид Али. И только ночь спасла бахвала от плена.

Громкий смех и аплодисменты покрыли этот рассказ Мусатова. Все были возбуждены и веселы. Улыбался и командир. Казалось, люди забыли все невыносимые трудности далекого похода и давней разлуки с родиной, словно этот обед происходил не в открытом море на военном корабле, идущем навстречу неприятелю, а в морском собрании в Кронштадте.

Миклуха встал, поблагодарил офицеров за гостеприимство и вышел. За ним начали расходиться и остальные. Один из офицеров, порядочно захмелевший, задержался в дверях, посмотрел на портрет Ушакова и, качая головой, сказал:

— Все это правильно, но кто ведет нашу эскадру?

И, горько улыбнувшись, он вышел в коридор.

В кают-компании остались хозяйничать вестовые и буфетчик Егор Сорокин. Они с удовольствием допивали остатки вина на столе и доедали закуски. Сорокин сильно захмелел. Пошатываясь, он с привычной ловкостью убирал бутылки и гремел посудой, мурлыкая что-то вполголоса себе под нос. Ноги буфетчика подкашивались, его сильно качало. Вдруг он остановился перед портретом Ушакова. Вспомнил, что тут говорилось о нем, и с поднятым стаканом вина обратился к портрету:

— Ваше превосходительство... Осмелюсь и я выпить... Господин адмирал... Не смотрите на меня так строго. Я человек маленький. Ответственность у меня небольшая. Пока под моей командой только бутылки. А в бою посмотрим — и мне дело найдется... За вечный ваш покой, Федор Федорович, и за здоровье нашего орла... Владимир Николаевич у нас вам под стать. Лихой командир. Ну, плывем...

Запрокинув назад голову, Сорокин опорожнил стакан. Не устояв на месте, он качнулся, натыкаясь на вестовых; те, отступив, громко захохотали. А Сорокин, уставившись на них остекленевшими глазами, начальственным тоном зыкнул:

— Плакать нужно, а вы, неучи, гогочете. Такого боевого адмирала больше нет, как Федор Федорович...

— А что же, по-твоему, Рожественский... не боевой?..— спросил один из вестовых.

Ему, вместо Сорокина, ответил другой вестовой:

— Возразить нечего... Чересчур боевой, да только не с того боку... Нашего брата матроса он много поколошматил...

Все дружно и громко засмеялись, но вдруг сразу стихли. Лица их стали серьезными. Они насторожились. За дверью кают-компании послышались шаги. Собеседники засуетились вокруг неубранных столов.

8. «УШАКОВ» В ДЕЙСТВИИ

Недели через три — 14 мая — при встрече с главными силами противника броненосец «Адмирал Ушаков», вступая в бой, шел концевым в небогатовском отряде. Офицеры и команда занимали свои места по боевому расписанию. В боевой рубке было тесно от людей. Здесь, кроме командира, находились его ближайшие помощники: штурман, артиллерист, минер, а из команды — рулевой, рассыльные и другие матросы у телефонов и переговорных труб. Миклуха прильнул к прорези рубки. Эскадры сближались. Того неожиданно повернул влево, делая петлю, Рожественский хотя и открыл огонь, но не использовал ошибочный маневр противника для решительного наступления. Миклуха ждал адмиральского сигнала об атаке, но его не было. Откинувшись от прорези, он схватился за голову и взволнованно воскликнул:

— Боже мой! Что он делает? Нужно броситься строем фронта. Опять нам Вафангоу...

Командир тоскливо взглянул на своих помощников, как будто искал у них подтверждения своему сравнению. Но они молчали. Теперь и для них было ясно, что Рожественский упустил самый выгодный момент для атаки. Миклуха отвернулся и приставил бинокль к глазам.

Люди на «Ушакове» самоотверженно исполняли свои обязанности. Никогда корабль не жил такой на-

пряженной жизнью, как в эти часы. Грозно вращались броневые башни, задирая высоко вверх стволы десятидюймовых орудий, искавших живую цель на горизонте. Выстрелы их были размеренны, сильны и оглушительны. Слабее, но чаще, словно торопясь, палили 120-миллиметровые пушки. От залпов содрогался весь корпус броненосца. Все были в движении, все действия людей и механизмов настолько были согласованы между собой, точно корабль представлял собою единый живой организм.

Сражение разгоралось. Броненосец «Адмирал Ушаков» вместе с другими кораблями беспрерывно стрелял по неприятелю. Пальба его орудий, не умолкая, вливалась в общий грохот. Казалось, что над морем разразилась небывалая гроза: орудийные залпы, близкие и далекие, раскатываются как удары грома, а сами воды раскалываются и гремят металлом, и в воздухе упруго дрожат и ревут какие-то гигантские стальные струны.

Все внимание офицеров, наблюдавших из рубки за боем, было направлено в левую сторону, где, обгоняя русскую эскадру, вытянулась в обхват колонна неприятельских кораблей. На одном из них вспыхнул пожар, окутывая его черным дымом. Миклуха радостно отметил:

— Великолепно!

Были попадания русских снарядов и в другие корабли. Это поднимало у всех боевое настроение. Но вдруг из груди сигнальщика вырвался сдавленный возглас, похожий на стон:

— «Ослябя» тонет...

Все обернулись вправо и увидели, как большой корабль сперва лег на левый борт, потом быстро перевернулся и затонул. К месту гибели под сильным огнем неприятеля подходили миноносцы для спасения людей. Вскоре вышел из строя флагманский броненосец «Суворов», на котором держал свой флаг адмирал Рожественский. Эскадра лишилась главного командования. Ее повел броненосец «Александр III». Но под действием неприятельского огня кильватерный строй русских кораблей стал часто нарушаться. Они вылезали из боевой линии то вправо, то влево. Чтобы избежать столкновения с каким-нибудь впереди

идущим судном, Миклуха, насупив медно-красные брови, четко приказывал:

— Право на борт.

Через полминуты раздавалась другая команда:

— Лево руля.

Иногда приходилось стопорить машины.

Миклуха проворчал:

— Идем каким-то стадом.

И тут же, словно отвечая на свои мысли, добавил:

— Хорошо Наполеон выразился...

Офицеры вопросительно оглянулись на командира, но не дождались от него окончания фразы. Может быть, наблюдая за сражением, он вспомнил изречение великого полководца, гласившее, что армия без главы — ничто. И действительно, положение эскадры становилось все тяжелее. Неприятельские снаряды стали чаще перелетать и через броненосец «Ушаков», издавая угрожающий рокот. Офицеры и матросы бросали взгляды на командира. Но в бою он был более спокоен, чем во все время похода, и хладнокровно отдавал распоряжения. Однажды, когда противник оказался с правого борта, Миклуха спросил:

— Почему башни молчат?

— Задержка с определением расстояния,— ответил старший артиллерист лейтенант Дмитриев.

— А батарея?

— Тоже.

— Так поторопите же дальномерщиков.

С крыши штурманской рубки, где был установлен дальномер, послышался зычный голос:

— До неприятеля сорок кабельтовых.

Сотрясая воздух, полыхнули огнем из своих орудий две башни. Четыре водяных столба поднялись вдали от одного из неприятельских кораблей. В рубке послышались замечания:

— Направление хорошее, но получился большой недолет.

Командир ничем не выдавал своего волнения, и только на его рыжеусом лице как будто сильнее стягивались узлы мускулов.

В это же время в батарейной палубе правого борта действовала одна только 120-миллиметровая пуш-

ка. Другая замолчала. В рубке не знали, что там случилось.

Правой батареей командовал мичман Дитлов, высокий темно-русый молодой человек. Сознавая всю важность и ответственность своей роли на корабле, он торопил комендоров быстрее заряжать орудия, а сам, приставив бинокль к глазам, наблюдал за падением снарядов. Вдруг он оглянулся в сторону одной пушки и крикнул:

— Почему нет выстрела?

— Гильза помята, снаряд не доходит,— ответил комендор, стараясь дослать его руками.

Дитлов приказал:

— Чего ковыряетесь? Дослать затвором!

Этот разговор услышал минно-артиллерийский содержатель Илья Воробьев, только что поднявшийся на палубу из крюйт-камеры. Он обратился к мичману:

— Нельзя так делать, ваше благородие. Снаряд может еще больше заклиниться, или несчастье произойдет. На одном корабле так двенадцать человек убило.

Дитлов сначала опешил, а потом крикнул:

— Молчать! Не разговаривать! Исполнять мои приказания!

Комендоры в нерешительности застыли около пушки. Нельзя было не исполнить приказания начальника, и в то же время им угрожала бессмысленная смерть. Воробьев спокойно заявил:

— Ваше благородие, мы сейчас достанем специальные клещи и мигом вытащим застрявший патрон.

В пылу запальчивости мичман сам бросился к затвору, но ему преградил дорогу Воробьев и в свою очередь повысил голос:

— Вы можете застрелить меня на месте, но я вас не допущу до пушки.

Взгляды их встретились. Воробьев стоял, здоровенный и непоколебимый, как броня корабля. Мичман как будто понял свою ошибку, но все же крикнул:

— Запомни, Воробьев: после боя ты пойдешь под суд.

И, отступив, направился к другой пушке.

Через несколько минут ручным экстрактором вытащили патрон из орудия, и оно снова загрохотало выстрелами. Уже более двух часов длился бой русских с главными силами японцев. «Ушаков», успевший выпустить сотни снарядов, оставался невредимым. Но вот «Александр III» с креном вышел из строя. Японская эскадра, решив скорее с ним покончить, сосредоточила на нем усиленный огонь. Мимо него русские корабли проходили дальше. Как раз в этот момент «Ушаков» выравнялся с ним и, имея его на левом траверзе, а на правом — японскую эскадру, стал случайной мишенью для противника. Снаряды, направленные в «Александра III», не долетели до него, но зато вокруг «Ушакова» стало взметываться множество водяных столбов. За несколько минут на корабле оказались повреждения и человеческие жертвы.

Первый снаряд крупного калибра попал в носовое отделение. Пробив у пятнадцатого шпангоута правый борт у ватерлинии, он сделал дыру в три фута диаметром. Осколками от него были перебиты паровая труба, идущая к шпилевой машине, и пожарная труба. Хозяин трюмных отсеков, его подручный и двое матросов остались на месте мертвыми. Четверо из команды были ранены, но они, получив в операционном пункте медицинскую помощь, вернулись на свои места. Под руководством трюмного механика поручика Джелепова матросы заделали пробоину. Влившаяся через нее вода была спущена в канатные ящики и выкачана турбинами. Хуже обстояло дело со второй пробоиной, полученной в носовом гальюнном отделении. На ходу и во время разгара боя ее не могли заделать. Пришлось задраить дверь непроницаемой переборки на десятом шпангоуте. Все это отделение наполнилось водою. Корабль осел носом и даже при полном числе оборотов машин сбавил ход, точно охромел. При этом он стал плохо слушаться руля, как будто выходил из повиновения человеческой воле.

Пожарная магистраль, перебитая снарядом в двух местах, не имела по всей своей длине ни одного разделителя. Поэтому она вышла из строя, лишив корабль главного средства борьбы с пожарами. К сча-

стью, пока машинист Максимов и слесаря исправляли ее, никакого огня на корабле не возникало.

Третий снаряд, разорвавшись, образовал глубокую выбоину в кормовой башне и повредил палубу. При этом второй раз был ранен младший боцман Григорий Митрюков, но он в операционном пункте не остался и продолжал исполнять свои обязанности.

В дневном бою больше никаких попаданий в броненосец не было.

С наступлением сумерек адмирал Небогатов поднял на «Николае» сигнал: «Следовать за мной — курс норд-ост 23°». Уцелевшие после боя корабли начали выстраиваться в кильватер флагманскому броненосцу. Эскадра прибавила ход, но «Ушаков» от пробоины зарывался носом в море и стал постепенно отставать. В это время с ужасом заметили, как из темноты на него слева катится корабль.

— Что вы делаете? Куда вас несет? — закричали на корме «Ушакова».

На том корабле тоже послышались тревожные голоса.

Корабли могли столкнуться.

— Полный вперед! — громко скомандовал на мостике Миклуха-Маклай.

Угрожавший тараном корабль оказался броненосцем «Сенявин». Он проскользнул мимо кормы «Ушакова» в каких-нибудь пятнадцати футах. Корабли благополучно разошлись.

Эта опасность миновала, но надвигалась другая. Начались минные атаки. По приказу командира, из орудий не стреляли, прожекторы не светили. Только темнота могла быть верной защитой. С «Ушакова» разглядели, как несколько миноносцев шли мимо, не замечая его. Они спешили к полоскам света на горизонте, привлеченные прожекторами других русских судов. Комендоры у заряженных орудий напряженно вглядывались в темноту, которую вдали прорезали голубые лучи прожекторов. Доносились отдаленные глухие выстрелы с кораблей, отражавших минные атаки. Но шедший без огней «Ушаков» молчал — молчал даже тогда, когда недалеко от его кормы вынырнули три японских миноносца и, уходя, скрылись с глаз. Люди пережили тревожные минуты. На мости-

ке Миклуха-Маклай по этому поводу вспомнил приказ Небогатова и сказал:

— Полная темнота — лучшая защита от миноносцев. Адмирал прав. Ведь они чуть не протаранили нас, полунощные разбойники.

На палубе никогда не унывавший в походе прирожденный весельчак матрос Сельг радостно воскликнул:

— Значит, живем, братцы!

Даже лейтенант Гезехус, всегда замкнутый, не говоривший с командой ни доброго, ни худого слова, не вытерпел и, теребя неряшливую бородку, заговорил с комендорами:

— Японцы приблизились к нам чуть ли не на револьверный выстрел. Они, вероятно, приняли наш броненосец за свой корабль. А, может быть, стремясь к судам, которые светят прожекторами, они не заметили нас. Во всяком случае, под покровом ночи мы идем, как под шапкой-невидимкой.

И в других частях корабля чудом уцелевшие люди обменивались впечатлениями о минувшей пока опасности.

К полуночи минные атаки прекратились. Ветер стал слабеть. Редели облака, и в прорывы их проглядывали звезды.

На мостике, следя за темным горизонтом, стоял командир Миклуха-Маклай. Около него находились офицеры и матросы. Они не спали более суток, провели бой и теперь, усталые, с неимоверным усилием боролись со сном. Сюда пришел старший офицер Мусатов. Он обратился к командиру:

— Где мы находимся, Владимир Николаевич?

— Я тоже думаю об этом. Курс держим верный, а где находимся — пока неизвестно.

Командир повернулся к дремавшему старшему артиллеристу лейтенанту Дмитриеву:

— Помните, Николай Николаевич, без моего приказа ни огня, ни света не открывать. Пока можете соснуть, а я пойду в штурманскую.

— Есть,— ответил старший артиллерист, вытягиваясь перед командиром.

Подбитый броненосец «Ушаков» одиноко шел в ночную неизвестность. Его руководящим центром

стала теперь штурманская рубка. Здесь шла напряженная работа по определению места нахождения корабля. Над картой склонился мужчина среднего роста. Несмотря на все переживания во время боя и беспокойной ночи, вид его, как обычно, был опрятен. Аккуратно причесанные темные волосы оттеняли белизну его полного лица. Он имел такой озабоченный вид, точно готовился к экзамену в Морской корпус и, не теряя присутствия духа, старался разрешить трудную задачу. Это был передовой офицер, любимец команды, старший штурман лейтенант Максимов.

Дверь в рубку отворилась, и на пороге показался командир. Его приход не удивил штурманов, понимавших, что от них сейчас ждут решения ответственной задачи. Не отрываясь от своей работы, Максимов повернул лицо к вошедшему. Из-под нахмуренных бровей командира сверкнул знакомый голубой блеск умных глаз. Для подчиненных в них теплилась дружеская ласка, соединенная с неумолимой требовательностью выполнения долга. Миклуха подошел к развернутой на столе карте и нагнулся. Показывая на нее обрубками пальцев куцей правой руки, он негромко сказал:

— Как бы нам все-таки определиться.

— Очевидно, только звезды нам это подскажут,— ответил старший штурман Максимов, направляясь к выходу вместе со своим помошником.

— Только помните, господа звездочеты, каждая минута нам дорога, но в то же время не сделайте ошибки в наблюдении,— дал им наказ Миклуха.

Командир остался в рубке. Его клонило ко сну. Может быть, борясь с дремой, он вспоминал рассказы своего старшего брата, знаменитого русского путешественника, не раз попадавшего в очень тяжелое положение среди дикарей. Но брату везло, и всегда он как-то выпутывался из самых затруднительных и безнадежных обстоятельств. Повезет ли также и ему, командиру продырявленного корабля? Миклуха подпер голову рукою и закрыл глаза.

В это время в носовой башне шла своя жизнь. К дежурившим комендорам пришли минно-артиллерийский содержатель Илья Воробьев и ординарец старшего артиллериста комендор Чернов. Беседуя

между собою, они не стеснялись присутствием здесь командира башни лейтенанта Тыртова. Этот офицер, родственник управляющего Морским министерством, пользовался на корабле всеобщим уважением, как справедливый человек. Матросы любили его еще за то, что он больше, чем другие офицеры, рассказывал им о жизни и боевых подвигах адмирала Ушакова.

Воробьев потрепал по плечу Чернова и заговорил:

— Эх, Ваня, друг любезный! Хоть ты и хвалишься своим старшим артиллеристом, а на поверку выходит совсем другое. Помнишь, как на Крите твой Дмитриев сменял Гаврилова. Где только у него глаза тогда были! Пушки-то никудышные подсунул ему Гаврилов. Наши башни ремонтировались в пути. Комиссия принимала их от Обуховского завода тоже в пути, и всё нашли как будто в порядке. А кто-то все-таки тут руки погрел. Артиллерийский лейтенант Гаврилов после приема пушек тотчас списался по болезни. Я, конечно, не доктор, но только его болезнь показалась мне подозрительной. Медицина такой не знает. Не золотая ли у него была болезнь? Вот тут и дал маху твой Дмитриев, а за него теперь нам приходится отделываться своими боками. Для дальней стрельбы орудия не имеют нужного угла возвышения. Башенные механизмы еле держатся на «честном слове» приемочной комиссии. А главная беда — уже разошлись кольца, которые снаружи скрепляют орудие. От этого наша главная артиллерия еще вчера отслужила свою службу. С виду поглядеть — грозные пушки, а много из них уже не постреляешь. И вреда от них неприятелю будет не больше, чем воронам от чучела на огороде. Скажите, пожалуйста, что мы после этого теперь будем делать при встрече с японцами?

Чернов, не допускавший мысли о том, что его начальник мог ошибаться, отмахнулся рукой от рассказчика:

— Не городи чепуху. Пушки как пушки и еще как постреляют.

Но комендоры, перебив Чернова, поддержали Воробьева. Послышались подтверждения:

— Нет, Воробьев прав, вчера пушки уже расстрелялись.

— Звон-то будет, а какой толк?

Длинная фигура спящего заворочалась. Разговор замолк. Собеседники оглянулись в сторону Тыртова, который, на секунду открыв заспанные голубые глаза, медленно повернулся лицом к стене.

Воробьев, помолчав, сжал кулаки и, стиснув зубы, заговорил так сердито, как будто неприятель находился у него перед глазами:

— Досадно. Какой боевой командир у нас, а драться нечем. Такому бы командиру да хороший броненосец! Или хоть бы настоящие дальнобойные пушки были. Вот тогда японцам мы пришили бы языки к пяткам. А сейчас плетемся по морю малым ходом, как спутанная лошадь. Так обидно, что сердце на части...

Не договорив, Воробьев, а за ним и его слушатели обернулись к двери. В башню вошел боцман Митрюков. Он обвел взглядом всех сидевших, молча подошел к спящему Тыртову и тронул его за плечо:

— Ваше благородие, командир в штурманской рубке вас ждет на совет.

Обращаясь к Чернову, боцман сказал:

— А ты скорей разыщи лейтенанта Дмитриева. Туда же и его зовут.

Лейтенант Тыртов встал, одернул китель и, пригнувшись, исчез за дверью. За ним вышли из башни боцман Воробьев и Чернов.

В штурманской будке командиру уже докладывали о местонахождении корабля. Слушая штурманов, Миклуха шевелил рыжими пучками бровей и пристально оглядывал входивших старших судовых офицеров, как бы проверяя на глаз готовность каждого из них на предстоящие подвиги и испытания. Кончив разговор со штурманами, Миклуха выпрямил свою сутуловатую фигуру, поправил очки и обратился к собравшимся:

— Мы находимся сейчас, господа, вот здесь.

Офицеры придвинулись к карте. Большой палец куцей руки командира показывал на карте местонахождение корабля.

— Нос броненосца затоплен,— продолжал Миклуха.— Больше десяти узлов броненосец дать не может. Наша эскадра впереди. Полагаю держать курс тот же: норд-ост 23°. Нам важно теперь одно — прошмыг-

нуть до рассвета мимо противника. Свою эскадру нам догнать не удастся. Но все равно — мы и одни будем прорываться во Владивосток. Вот и все. А ваше мнение, господа?

Командиру никто не возражал. Не было и других мнений. Так и решили на военном совете: идти тем же курсом до рассвета.

Из штурманской рубки командир перешел на мостик. Разошлись и офицеры по своим местам. Смертельная усталость после дневного боя и беспрерывной вахты валила моряков с ног: ложились кто где попало, но спали чутко и тревожно. Главное — всех беспокоила полная неизвестность: никто не знал, что принесет им следующий день.

9. ТРАГЕДИЯ ОТ НЕДОЛЕТОВ

Настало 15 мая. Утро было тихое, море слегка зыбилось. «Ушаков», зарываясь носом, шел прежним курсом. Солнце, оторвавшись от поверхности моря, повисло над горизонтом.

Справа по носу, дымя, показались четыре судна. Силуэты их едва намечались в дымке утренней мглы. На «Ушакове» все были уверены, что это идут свои корабли, и взяли курс на них. Но напрасно машины броненосца делали полное число оборотов — расстояние до неизвестного отряда не сокращалось. Вскоре и слева, немного впереди траверза, по лучезарному горизонту протянулись дымовые дорожки. Это шли на пересечку «Ушакову» пять кораблей. Не сразу узнали в них старые японские броненосцы. Командир приказал изменить курс на ост. Первый и второй отряды постепенно начали скрываться. Но каждому русскому моряку стало ясно, что незамеченным пройти не удалось. Беспокойство еще больше усилилось, когда позади справа обозначились рангоуты двух судов — маленького и большого. Надвигаясь ближе, они становились выше, словно вырастали из воды. Потом обозначились контуры кораблей. На мостике уже определили, что это идут разведочный крейсер «Читозе» и какой-то миноносец. Миклуха-Маклай, не спускавший с них глаз, распорядился:

— Пробить боевую тревогу.

Под аккомпанемент высоких и отрывистых звуков горна рассыпалась частая барабанная дробь. Люди, находившиеся на верхней палубе, ринулись в разные стороны к своим местам. Пес Калган взвизгнул и поджав хвост, юркнул по трапу вниз, в жилые помещения. Боевая тревога всегда его пугала. Но теперь получалось впечатление, как будто и он побежал занимать свое место по боевому расписанию.

Освещенный лучами солнца, боевой андреевский флаг развевался уже не на гафеле, который накануне был сбит осколками, а на правом ноке грот-реи. У него стоял по боевому расписанию часовой — строевой квартирмейстер Василий Прокопович. От канонады он еще во вчерашнем дневном бою совершенно оглох на оба уха, но утром снова был уже на своем посту.

На крыше штурманской рубки, где были приспособлены дальномеры, опять, как и вчера в бою, вместе с сигнальщиками находились офицеры: мичманы Сипягин и Транзе. Первый был высок, тонок и белобрыс, с мальчишеским лицом. Он походил на гимназиста, увлеченного морской романтикой и сбежавшего из родительского дома в поисках приключений. Второй был ниже его ростом, головастый и задумчивый шатен, в пенсне. Они должны были стоять у дальномера посменно. Но еще вчера между ними произошел спор за честь, кому быть первым в бою под неприятельскими снарядами. Один не хотел уступить другому, и они оба стали вместе на боевую вахту. Под огнем противника они пробыли до поздней ночи. Сегодня с утра их опять увидели вместе.

Дальномерная работа Сипягина и Транзе уже началась. До неприятеля определили сорок кабельтовых. Комендоры навели орудия на «Читозе». Но вдруг этот японский крейсер вместе с миноносцем развернулся крутым поворотом и, удаляясь, направился в сторону видневшихся раньше японских кораблей. На «Ушакове» сыграли отбой. Командир единственным большим пальцем правой руки осадил фуражку на затылок и громко скомандовал:

— Право руля!

Броненосец повернул на север. На некоторое время горизонт был чист. Вдруг на мостике все замолкли и насторожились: откуда-то издалека слабо доносились глухие раскаты выстрелов. В сторону орудийной пальбы были направлены бинокли, но сияющая поверхность моря была по-прежнему пуста. Миклуха, повернувшись к старшему штурману Максимову, сказал:

— Вот когда наши встретились с японцами. Надо идти на помощь. Определите точнее направление.

Острый взгляд Миклухи впился в морскую даль. Туда же смотрели офицеры и сигнальщики. Скоро все смолкло, но они еще долго слушали и молчали.

— Непонятно, что произошло,— удивленно пожимая плечами, промолвил командир.

— Да, бой не мог так скоро кончиться,— согласился Максимов.

Эта короткая стрельба, происходившая между небогатовским отрядом и японцами, так и осталась загадкой для всех на «Ушакове».

— Теперь, пожалуй, команде можно обедать,— сказал с облегчением командир и закурил папиросу.

Как и в обычное время, вынесли наверх вино. За обедом матросы, собравшиеся из разных отделений корабля, спешили обменяться впечатлениями о пережитых напряженных минутах ожидания боя. Но сейчас «Ушакову» пока ничего не угрожало. Тревожное настроение команды сменилось общим оживлением. Почуяв запах съестного, Калган снова появился на палубе. Казалось, что он тоже понял настроение людей. Калган весело обегал матросские столы. Ему, как общему любимцу, каждый уделял из своей порции куски консервного мяса. Машинист Максимов подманил собаку к себе и, угощая ее, сказал:

— Не бойся, Калган, японцы ушли. Тварь, а понимает, что такое боевая тревога. Не любит стрельбы.

Спокойствие длилось недолго. Опять люди с тревогой стали следить за горизонтом. А там то в одном, то в другом месте начали показываться неприятельские корабли, как будто со всех сторон ими обрастало море. Повороты «Ушакова» участились. Теперь на нем многие с тоской вспоминали прошедшую

ночь. Сейчас только тьма могла бы спасти подбитый корабль. А до другой ночи было далеко.

В четвертом часу дня рассмотрели справа по носу шесть больших кораблей, шедших кильватерным строем. Видимость была отличная. Они все явственней выделялись над прозрачным горизонтом. А сигнальщики с марса кричали:

— Наши — «Аврора», «Олег»...

На мостике офицеры уговаривали Миклуху догнать их, полагая, что это русский отряд крейсеров.

— Не может быть. Наши все равно нас догонят. Повернуть на обратный курс,— приказал командир.

«Ушаков» сделал поворот, ложась на юг, и над морем заклубилась гигантская петля дыма.

Командир сказал правду. Сомнения рассеялись, когда два корабля отделились от отряда в сторону «Ушакова». Неизбежность боя была очевидна.

Миклуха по-прежнему был спокоен. Не замечалось ни одной дрогнувшей нотки в его голосе, никакой суетливости в его движениях и жестах. Первым делом он приказал позвать на мостик минного офицера. С безупречной военной выправкой, стройной походкой к нему подошел красавец-брюнет лейтенант Жданов, опрятно одетый в морскую форму, как будто только сейчас изготовленную в петербургском магазине. С матового лица с тонкими изнеженными чертами, не мигая, уставились на командира глубокие карие глаза. По обыкновению Миклуха не сразу заговорил, пронизывая его своим пытливым взглядом из-под нависших бровей, точно он хотел вдоволь налюбоваться статной фигурой и лицом Жданова:

— Борис Константинович, вам ясно, с кем мы будем сейчас иметь дело? Два первоклассных броненосных крейсера идут взять нас живьем, как подранка. На всякий случай приказываю приготовить корабль к взрыву. Все. Потом приходите на совет.

— Есть, Владимир Николаевич. Докладываю: в моей каюте уже готовы провода из крюйт-камеры и бомбовых погребов. Заложен динамит и под котлами.

Затем командир обратился к старшему офицеру Мусатову:

— А вы, Александр Александрович, распорядитесь приготовиться к бою. На корабле оставить одни пробковые матрацы, а все горючее — за борт.

Через некоторое время на мостике начали появляться один за другим офицеры из разных отделений корабля. Они докладывали командиру о выполнении его приказа. Миклуха задержал пришедших и приказал всех остальных офицеров позвать на военный совет. Собравшиеся смотрели на командира с молчаливым удивлением — так он был спокоен и тверд. Подчиненным импонировали его стойкость и непоколебимость в эти ответственные минуты. С уверенностью он отдавал распоряжения, входя во все мелочи обороны броненосца.

На совете Миклуха кратко описал боевую обстановку и предложил офицерам высказать свои мнения. Начиная с самого младшего чина, все офицеры твердо говорили об одном — драться, пока хватит сил и снарядов. Миклуха, убеждаясь в готовности каждого умереть на посту, светлел в лице. Его нахмуренные толстые брови поднимались рыжими полукругами, морщины разглаживались. Он был доволен. Все высказывания были проникнуты преданностью родине и долгу. Его беседы о героическом прошлом русских моряков, его система воспитания на боевых традициях адмирала Ушакова не пропали даром. Люди были готовы на подвиг.

Миклуха выпрямился и, вытянув куцую правую руку вверх, к развевающемуся андреевскому боевому флагу, воскликнул:

— Умрем, но русский флаг на броненосце не опозорим. Будем драться по-ушаковски. По местам, господа!

На корабле вновь раздалась короткая дробь-тревога.

Было около четырех часов дня. «Ушаков» свернул на запад. Но два крейсера продолжали за ним гнаться. Теперь они оказались на правой его раковине. Дым от них стлался низко над морем, что бывает при очень сильном ходе. Дальномерщики определили расстояние — до противника было сто кабельтовых. Но оно постепенно сокращалось. Неприятельские корабли заходили на параллельный курс и приближа-

лись к правому траверзу «Ушакова». Уже можно было различить, что первым шел «Ивате» под флагом контр-адмирала и сзади «Якумо».

Это были два первоклассных бронированных крейсера с ходом в двадцать узлов и общим водоизмещением в 19 700 тонн. Их восемь восьмидюймовых орудий и двадцать восемь шестидюймовых могли стрелять на семьдесят пять кабельтовых. «Ушаков» имел только 4126 тонн водоизмещения и десять узлов хода. Он мог противопоставить неприятелю четыре десятидюймовых и четыре 120-миллиметровых орудия. Первые предельно стреляли только на шестьдесят три, вторые — на пятьдесят кабельтовых. Противник был сильнее почти в пять раз. В официальных документах «Ушаков» числился под рубрикой «броненосец береговой обороны», но матросы корабли такого типа в шутку называли «броненосцы, берегами охраняемые».

Мачты «Ивате» запестрели множеством флагов по международному своду. «Ушаков» ответил сигналом: «Разбираем». Через несколько минут штурман Максимов доложил командиру:

— Сигнал пока разобран до половины: «Советуем сдать ваш корабль...»

Японцы не допускали мысли, что такой маленький русский броненосец будет с ними сражаться. Но они ошибались, не подозревая, что на этот раз они встретились с особенным кораблем. Люди его жили боевыми традициями знаменитого флотоводца Ушакова. И сам командир Миклуха был его последователем. Отвечая на доклад Максимова, он промолвил:

— Ну, а продолжение сигнала и разбирать нечего.

И, повернувшись к старшему артиллеристу, он добавил:

— Открыть по неприятелю огонь!

Миклуха сказал это так спокойно, точно приказал окатить палубу водой.

С «Ушакова» всем правым бортом дали залп по «Ивате» — головному адмиральскому кораблю. Взметнувшиеся водяные столбы показали, что получились большие недолеты. Противник ответил ураганным огнем. Но японцы никак не могли пристреляться: в течение десяти минут ни одного снаряда в «Ушакова»

не попало. Миклуха скомандовал идти прямо на неприятеля. В это время на «Ушакове» испортился механизм гидравлической горизонтальной наводки в носовой башне. Она успела сделать только четыре выстрела. Командир этой башни лейтенант Тыртов распорядился вращать ее вручную. Это была очень трудная работа, но все же башня изредка продолжала стрелять.

На «Ушакове» раздались один за другим страшные взрывы и начались пожары. Командиру доложили, что снарядом разбито правое носовое 120-миллиметровое орудие, взорвались три беседки с патронами, правая сторона батареи разрушена. Началась борьба с пожаром.

Это был единственный момент, когда и ушаковские снаряды долетали до противника.

— «Ивате» горит! — раздалось на мостике.

— Молодцы комендоры,— помедлив, сказал Миклуха, не отрывая глаз от флагманского корабля неприятеля, который на несколько минут был объят пламенем.

В последующие моменты боя неприятель держался вне выстрелов «Ушакова».

Командиру продолжали докладывать о новых повреждениях: восьмидюймовый снаряд пробил борт у ватерлинии под носовой башней. Было еще несколько мелких пробоин в борту. Вдруг в боевой рубке все покачнулось, и весь корабль затрясся от взрыва огромной силы. Снаряд попал в борт под кают-компанией, разворотив в нем большое отверстие. «Ушаков» начал заметно крениться на правый борт.

Ни один корабль из 2-й эскадры не попадал в такое трагическое положение, в каком оказался «Ушаков». Все люди на нем находились на своих местах, все выполняли свой долг, готовые умереть на боевом посту. Но никакая отвага не могла уже спасти броненосец. Бой для него свелся к тому, что быстроходные неприятельские крейсеры, держась вне досягаемости русских снарядов, расстреливали его совершенно безнаказанно. А «Ушаков» не мог ни уйти от них, ни приблизиться к ним. Он уподобился человеку, привязанному к столбу на расстрел. Для одинокого и подбитого корабля таким столбом служило прост-

ранство, а веревками — тихий ход. Но как гордый человек, умирая за свои идеи, не просит пощады у тех, кто приговорил его к смерти, так и «Ушаков», обреченный на гибель, был непреклонен перед своим врагом.

Миклуха-Маклай, наблюдая бой, все это отлично сознавал. Вся его массивная фигура, наклонившись вперед и согнув в локтях руки, приняла такую боевую позу, точно он приготовился сам броситься на врага. Подергав большие рыжие усы, он прохрипел в сторону своих помощников, как бы отвечая на их невысказанные мысли:

— Будь у нас большая скорость — я бы пошел на таран. Мы погибли бы, но и противник вместе с нами пошел бы на дно...

В боевую рубку поступали сведения о новых бедствиях. Люди крепились и не покидали своего боевого поста. Многие уже были убиты. Судовые врачи не успевали оказывать помощь раненым. Помимо больших пробоин в корпусе, были повреждения по всему правому борту. Не успели окончательно справиться с пожаром в передней части судна, как запылала кают-компания. В жилой палубе загорелись рундуки с матросскими вещами и бортовая обшивка. Всюду клубился дым, и казалось, что огнем охвачен весь корабль. Но ничто не могло сломить мужества моряков. Они исполняли свои обязанности с таким упорством, точно среди них присутствовал сам великий флотоводец, имя которого носил броненосец. Наконец носовая башня совсем замолчала. Кормовая продолжала стрелять, но крен судна на правый борт значительно уменьшил угол возвышения ее орудий. Пальба из единственной 120-миллиметровой пушки правого борта стала бессмысленной — снаряды ее падали на полпути. Боевая способность корабля была исчерпана.

Это больше, чем кто-либо другой, учитывал командир. Он знал, что жизнь разбитого броненосца угасает с каждой минутой. Миклуха куцей рукой потер лоб, потом сделал ею резкий жест, словно что-то решительно отбросил. Только теперь судорога боли исказила его лицо. Но это продолжалось лишь одно мгновенье. Словно желая убедиться в стойкости при-

сутствующих в рубке людей, он внимательно посмотрел на них сквозь очки голубыми глазами и сдержанно, как будто решался пустяковый вопрос, сказал:

— Пора кончать. Застопорить машины! Прекратить стрельбу! Затопить корабль!

Распоряжение командира было передано по всем отделениям броненосца. Спустя минуту-другую орудия замолчали и судно остановилось, все больше и больше кренясь на правый борт и беспомощно покачиваясь на морской зыби. Через пробоины и открытые кингстоны с ревом врывалось во внутренние помещения море. Трюмные машинисты начали заполнять водою бомбовые погреба. Циркуляционные помпы были взорваны. Теперь уже никакая сила не могла спасти корабль.

Командир отдал последний приказ:

— Команде спасаться!

Оба неприятельских крейсера продолжали стрелять по «Ушакову».

Его верхняя палуба стала быстро заполняться матросами. Все шлюпки были разбиты. Поэтому люди с поспешностью хватали матрацы, набитые накрошенной пробкой, спасательные пояса и круги. Одни сразу бросались за борт, другие медлили, словно не решаясь на последний шаг. У дальномеров на штурманской рубке задерживались мичманы Сипягин и Транзе вместе с сигнальщиками. Находясь совершенно открыто, они каким-то чудом уцелели от неприятельских снарядов и бессменно простояли на своем боевом посту. Старший артиллерист Дмитриев, увидев их, крикнул:

— Вы больше там не нужны. Скорее спускайтесь вниз — спасаться!

Один за другим они начали сбегать по трапу. В этот момент разорвался снаряд у основания боевой рубки. Сигнальщик Демьян Плаксин, спускавшийся последним, кровавой массой свалился на мостик.

«Ушаков» с креном на правый борт медленно погружался в волны. На правом ноке его грот-реи, приводя в ярость врага своею непокорностью, все еще развевался боевой андреевский флаг. Под ним, как и накануне, с самого утра стоял часовым квартирмей-

стер Василий Прокопович. Боцман Митрюков кричал ему:

— Вася, спасайся!

Но он, оглохший на оба уха, ничего не слышал. Тогда боцман, показывая на борт, махнул ему рукой. Молнией сверкнул взрыв снаряда. Прокопович свалился на своем посту мертвый. Митрюков, словно подхваченный ветром, бросился в море.

Одна китайская свинья была убита, другая тяжело ранена. Свою боль она выражала надрывным визгом. А боров уцелел и, похрюкивая, прохаживался по палубе среди оставшихся людей. Голодный с утра, он настойчиво требовал корма. В птичьей клетке один угол был разрушен. Из нее с кряканьем вылезали утки. На палубе появился и пес Калган. До этого его видели в жилой палубе. Выстрелы очень нервировали его. Он как будто чувствовал, что где-то находится незримый враг, и заливался громким лаем. А сейчас он суетился среди людей и с тревогой заглядывал то на их лица, то на тех, кто уже находился за бортом. Ему никогда не приходилось видеть свой корабль и команду в таком необычном состоянии.

Только после того, как броненосец ничем уже не мог угрожать японским крейсерам, они стали к нему приближаться.

Вокруг «Ушакова» продолжали падать снаряды. На мостике, заложив руки назад, стоял Миклуха. В солнечных лучах пламенели его рыжие усы. Он не торопился спасаться и не выказывал ни страха, ни тревоги, как будто корабль не тонул, а все еще шел вперед. Вестовой принес спасательный пояс и положил его у ног командира, но тот не обратил на него никакого внимания. Рядом с Миклухой находились штурман Максимов и артиллерист Дмитриев. К ним подошел старший офицер Мусатов и доложил командиру:

— Корабль затопляется. Почти вся команда на воде со спасательными средствами. Раненых выносят наверх. Для них приготовлены спасательные круги. Прощайте, господа!

Мусатов пожал всем руки и направился к корме. Через минуту он уже был на спардеке, у правого

борта. Держась одной рукой за шлюпбалку, Мусатов другой указывал, как лучше привязывать раненых к спасательным кругам. В этот момент с ростров сорвался горевший баркас. Голова Мусатова, придавленная к шлюпбалке, была расплющена. Смерть наступила мгновенно.

На шканцах минно-артиллерийский содержатель Илья Воробьев, снимая рубашку, обратился к раздевавшемуся лейтенанту Тыртову:

— Ваше благородие, куда лучше прыгать? В ту сторону, куда корабль валится, или в противоположную?

— Голубчик, сам не знаю, первый раз в жизни приходится. Сейчас испытаем,— ответил тот и бросился в воду с левого борта. За ним последовал и Воробьев.

Броненосец «Ушаков» перевернулся вверх килем. Но с минуту он еще держался на поверхности моря. Из его днища, обросшего ракушками, как рыбьей чешуей, через открытые клапаны кингстонов били высокие фонтаны воды. Внутри опрокинутого корабля раздался глухой взрыв, тяжелый, похожий на вздох. После этого корма броненосца, содрогнувшись, стала быстро погружаться, и над водой торчал только один таран. А через несколько секунд «Ушаков» совсем скрылся под водою. Море кишело людьми. С ними мешались бревна, разбитые шлюпки, деревянные обломки, столы, решетки, реи, ящики, анкеры, доски. Кругом слышались вопли, страдания раненых, ругань, проклятия и крики. По временам их заглушали взрывы снарядов. Качаясь на волнах, разведенных зюйдовым ветром, моряки не знали, куда плыть. До берега было слишком далеко — ни один пловец не мог бы его достигнуть. А два видневшихся на горизонте неприятельских крейсера не только не предпринимали никаких мер к спасению людей, но даже и теперь не прекращали по ним стрельбу. Такая озлобленная жестокость была вызвана, очевидно, тем, что японцы обманулись в своих надеждах: «Ушаков», представлявший собою ничтожную боевую силу, все-таки в плен им не сдался. За это японцы мстили героям, терпевшим бедствие на морских волнах. Среди пловцов то в одном месте, то в другом поднимались столбы

воды. Что-то гулко шлепнулось около минно-артиллерийского содержателя Воробьева. В ту же секунду, оглушенный ревом, он был подброшен водяным вихрем вверх. Первое впечатление было такое, что его разорвало на части. Он уже больше ничего не чувствовал и не сознавал. Очнувшись, Воробьев с трудом приходил в себя. Долго ему никак не верилось, что он остался невредим. Только в ногах ощущалась сильная ломота, как будто кто вывернул их, разорвал суставы. Рядом с ним, опираясь на спасательный круг, плавал священник Иона. Его искаженное лицо в черной лохматой бороде, с выкатившимися темными глазами, казалось окаменелым. Повернувшись в сторону противника, он почти бессознательно размашистым жестом благословлял большим золотым крестом морское пространство. Выходило так, точно он загораживался им, как щитом, от действия неприятельских снарядов. Но они все равно несли смерть. Недалеко от Воробьева за большой спасательный круг держалось около тридцати человек. Неприятельский снаряд угодил в его центр. Пламя, дым, кровь, вода, руки и ноги — все перемешалось и взметнулось вверх огромным столбом. Потом поверхность моря на том месте окрасилась в розоватый цвет, и на ней плавали только куски разорванного круга.

Это был последний неприятельский выстрел. Канонада стихла. Слышнее стали крики людей. И что было особенно удивительно — раздавались голоса уток. Истомленные неволей в тесной клетке на корабле, эти птицы, очутившись на просторе, крякали с какой-то особенной радостью, не подходящей к этим жутким минутам гибели людей. Вода, приносившая всем страдания и мучения, была для уток родной стихией. Вместе с людьми на воде оказался и Калган. Ему было страшно, и, по-видимому, он не понимал того, что произошло. Он жалобно скулил и метался от одного человека к другому, не зная, куда и за кем плыть. Люди сочувствовали мучениям собаки, но ничем не могли помочь любимому соплавателю. Другое четвероногое существо, очутившееся на воде, приводило людей в ужас. С того момента, как затонул корабль, крупный боров не отставал от моряков. На воде у него было одно стремление — на что-нибудь опе-

реться. Как взбешенный, ничего перед собой не разбирая, он карабкался на деревянные обломки, но они тонули под его тяжестью. Соскользнув с них, боров тут же взбирался и на людей, подминая их под себя. Вынырнув из-под свиной туши, люди в страхе отфыркивались, а боров опять лез то на одного, то на другого человека. Трудно было отбиваться от него. В последних усилиях он подплыл к своей очередной жертве, но подвернувшийся на этот раз человек спасался на барабане. Отгребаясь одной рукой, матрос выхватил из-под себя барабан, высоко поднял его и с руганью начал колотить им по свиному рылу. Раздавались глухие удары. При виде этой картины кто-то крикнул:

— Так его и надо, жирного черта! Японцам помогает нас топить!

Из группы людей, в испуге отплывавших от борова, отделился здоровенный рыжий матрос Петр Барышников. Саженными бросками он ринулся на помощь человеку, изнемогавшему в борьбе с обезумевшим животным. Богатырскими руками Барышников подмял под себя борова и сел на него верхом. Под всадником боров наконец захлебнулся.

Два матроса поддерживали раненого Миклуху, плававшего в спасательном поясе. По старой, освященной веками традиции, командир оставил корабль последним. Словно не желая расстаться с тонущим броненосцем, он долго еще стоял на мостике, когда все люди уже были на воде. Не спеша закрепив на себе спасательный пояс, он все еще медлил покинуть свой корабль, с которым у него было связано столько переживаний со времени выхода из Либавы. Командир, держась за поручни, молча оглядывал море, усеянное людьми. Можно было подумать, что он наблюдает обычное купанье команды. Но его, надо полагать, волновали другие мысли. Он свой маленький броненосец береговой обороны, предназначавшийся для операций на внутренних морях, благополучно провел по чрезвычайно длинному пути через три океана. Он с беззаветной любовью вкладывал энергию и всю свою страстную душу в дело организации судовой службы, а она, при порочном руководстве верхов, требовала от него нечеловеческих усилий, чтобы по-

ставить ее на должную высоту. Он сплотил вокруг себя своих подчиненных, поднял среди них дисциплину, мобилизовал их волю на стойкое сопротивление противнику, явно превосходившему числом и качеством боевых единиц флота. Словом, он сделал все, чтобы победить. И, однако, использовав все боевые возможности людей и орудий, теперь он один очутился на разбитом и тонущем корабле. Для настоящего моряка и волевого командира это было такое крушение надежд, от которого могло содрогнуться любое закаленное сердце. Но в этом поражении виноват был не он, а те, кто не обеспечил его надежными боевыми средствами. Много он, вероятно, передумал в эти трагические минуты, стоя на мостике и держась за поручни, словно прикованный к ним. И только в самый последний момент, когда корабль, качнувшись, повалился на борт, Миклуха-Маклай вспомнил, что ему нужно спасаться. Перескочив за поручни мостика, он взмахнул руками и, словно в дружеские объятия, бросился в прозрачные воды моря, с которыми за много лет плавания ему пришлось так крепко сродниться. Здесь раненный в плечо осколком, командир постепенно изнемогал, а через некоторое время матросы, поддерживавшие его, заметили, что у него беспомощно свешивается голова. Он слабо проговорил:

— Оставьте меня. Спасайтесь сами. Мне все равно погибать...

И командир закрыл глаза. Больше он ничего не говорил. Но матросы еще долго плавали около него и оставили командира только тогда, когда он совсем окоченел.

А кругом, выбиваясь из сил и дрожа от холода, люди прощались друг с другом, молились богу, проклинали свою судьбу. Сильные и крепкие моряки, легко держась на воде, помогали спасаться товарищам и передавали им более надежные средства для плавания. Некоторые неунывающие люди даже и в эти страшные минуты сохраняли присутствие духа, шутили, смеялись над своим бедственным положением. Один из матросов плавал с папироской за ухом.

— Братцы, нет ли у кого спички закурить? — спрашивал он матросов с такой мольбой, как будто от этого зависело его спасение.

Из воды вдруг высунулись босые ноги. Сгибаясь в коленях, они дрыгали, как будто делали гимнастические упражнения. Первым подплыл к ним машинист Григорий Скопов. Он без труда выправил потерявшего равновесие человека. Это оказался опрокинувшийся вниз головой кочегар Семен Минеев, у которого спасательный нагрудник был подвязан слишком низко. Вместе они поплыли дальше.

Только через два часа подошли два японских крейсера: «Ивате» и «Якумо». Спустив шлюпки, они приступили к спасанию людей. К этому времени пловцов разнесло волнами в разные стороны, далеко от места затопления «Ушакова». Пока подбирали из воды людей, стемнело. Последних пловцов, еле живых и окоченевших, искали уже лучами прожекторов. Этим несчастным в темноте было тяжелее, чем на броненосце в боях. Там снаряд мог пролететь и мимо, а здесь они уже захлебывались в холодной пучине моря. Каждому хотелось, чтобы именно на него скорей упал луч прожектора, а луч скользил по сторонам, оставляя многих незамеченными. Ужасала мысль, что они не попадут на шлюпку. А это означало — Смерть.

Спасание закончилось в полной темноте около девяти часов вечера. Из четырехсот сорока двух человек всего экипажа «Ушакова» на оба крейсера попало живыми триста тридцать девять человек. Среди них не было доблестного командира. Он остался в море и умер, как герой.

Спасшийся штурман Максимов записал себе на память:

«Японское море. Широта — 37° северная и долгота — 133° 30′ восточная от Гринвича».

Это и есть точное обозначение места затопления броненосца «Адмирал Ушаков», достойно носившего имя великого флотоводца.

10. Я РАССТАЮСЬ С «ОРЛОМ»

Командующий броненосцем «Орел» капитан 2-го ранга Сидоров, перед тем как пробить боевую тревогу, обратился к офицерам, находившимся около него:

— Ну где же нам сражаться против всего японского флота? Наш броненосец весь разбит, артиллерия вышла из строя, снарядов нет. Придется, видно, умирать...

На это обиженно ответил мичман Саккелари:

— Я вам час тому назад говорил: пересадить офицеров и команду на «Изумруд», а броненосец свой утопить. В этом был единственный выход из создавшегося положения. Но вы не обратили внимания на мое предложение.

По распоряжению Сидорова пробили боевую тревогу.

В это время старший сигнальщик Зефиров доложил:

— Ваше высокоблагородие, на «Николае» поднят сигнал по международному своду.

— Какой? — спросил Сидоров.

Справились по книге свода сигналов и ответили:

— «Сдался».

Сидоров раскрыл рот и на несколько минут как будто онемел. По-видимому, то, что он услышал, с трудом усваивалось его помутившимся сознанием. Он с таким напряженным вниманием рассматривал то Зефирова, то офицеров, словно впервые решил изучить лица этих людей. Потом тряхнул забинтованной головой и промолвил:

— Не может этого быть!

Еще раз проверили сигналы — сомнений не было.

Сидоров согнулся, схватился за голову и спросил самого себя:

— Ну, Константин Леопольдович, что ты теперь будешь делать?

И, никого не стесняясь, громко зарыдал, беспомощный, как покинутый ребенок.

Снова доложили ему, что на «Николае», по которому неприятель открыл огонь, поднят белый флаг.

Сидоров выпрямился и пощупал сначала на одном плече, потом на другом двухпросветные золотые погоны, потемневшие от дыма и копоти.

— Раз адмирал сдается, то и мы должны так же поступить. Отрепетовать сигнал! Белый флаг поднять!

Послышались слабые протесты со стороны некоторых офицеров. Здесь так же, как и на «Николае», одни предлагали взорвать броненосец, другие — открыть кингстоны и потопить его. Но кто-то вспомнил о раненых: как быть с ними? Ведь их насчитывалось около ста человек, среди них были офицеры и сам командир! Оправдание для того, чтобы ничего не делать с броненосцем, было найдено, и перед растерянным начальством сразу уменьшилась тяжесть ответственности.

На грот-мачте не осталось ни одного фала, с помощью которого можно было бы отрепетовать сигнал о сдаче.

Из подшкиперского отделения были принесены запасные фалы и блочки. Сигнальщики стали налаживать приспособления для подъема флагов. Кто-то побежал в кают-компанию за салфеткой. Сигнал о сдаче не был еще поднят, а на корабле уже перекатывалась из одного отсека в другой ошеломляющая весть:

— Сдаемся в плен!

— Неужели?

— Да, да, сдаемся. Сейчас сигнальщик говорил. Он понес салфетку на мостик. Поднимут ее вместо белого флага.

На корабле начался переполох. Люди бросали свои посты и лезли наверх. Вдруг шестидюймовая башня левого борта, не подозревая того, что делается на мостике, начала пристрелку по неприятелю. Но после двух выстрелов из боевой рубки поступило распоряжение не открывать огня. Кроме того, посланный с мостика ординарец, рыжий, конопатый матрос, обегал каждую башню, способную к действию, и неистово орал:

— Не стрелять! Кончилось сражение!

Застопорили машины, и броненосец остановился, грузно покачиваясь на мертвой зыби. «Орел» во всем следовал движениям других судов. Но когда на них заменили андреевский флаг японским, Сидоров решительно заявил:

— Нет у меня японского флага!

Один из офицеров, остробородый, с густыми усами брюнет, волнуясь, заявил:

— Я полагаю, что если уж решили сдаться, то нужно быть последовательными до конца и самим поднять неприятельский флаг. Ведь все равно это сделают японцы, когда явятся к нам на корабль. Но они поднимут свой флаг с церемонией, с криками «банзай», может быть, даже с музыкой. Зачем же давать врагу возможность лишний раз поглумиться над нами?

С доводами его согласились все офицеры и сам Сидоров. Во время боя, согласно морскому уставу, андреевский флаг, поднятый на гафеле, строго охраняется часовым, как знамя в полку,— он ни на одну минуту не должен спускаться без личного распоряжения командира. Но у нас часовой, поставленный на этот пост, строевой квартирмейстер Заозеров, накануне был ранен, а другого назначить забыли. И сигнальщики сдернули никем не охраняемый флаг, словно ничего не стоящую тряпку, и заменили его японским.

Броненосец «Орел» не принадлежал уж больше Российской империи.

Я промчался в машинную мастерскую, чтобы сообщить инженеру Васильеву о новом событии. Расположившись на токарном станке, он крепко спал. Я схватил его за плечи и, обращаясь к нему без «благородия», крикнул:

— Владимир Полиевктович!

Он вскочил с такой поспешностью, как будто его подбросило электрическим током. Я задыхался от волнения и ничего не мог сразу сказать ему. А он, очевидно догадываясь, что произошло что-то необычайное, торопливо спрашивал:

— Я сквозь сон слышал стрельбу. Почему же замолчали наши орудия? Почему нет грохота от неприятельских снарядов? И что за крики доносятся? Может быть, мы уже тонем?

В нескольких словах я сообщил ему о сдаче в плен.

Пораженный, он широко открыл карие глаза, словно услышал о чуде. Замасленная рабочая куртка, надетая на ночную рубашку, распахнулась. Он быстро начал застегиваться и, сурово сдвинув черные густые брови, заговорил:

— Все кончилось. Российский императорский флот разгромлен. Японцы стали полными хозяевами моря. Сдача четырех броненосцев явилась логическим завершением всей нашей несуразной кампании. На мачтах висит салфетка, на гафеле — неприятельский флаг Восходящего солнца. Более жестокий удар для самодержавия трудно придумать.

Васильев попросил меня помочь ему выбраться наверх. Возбужденный, я схватил его в охапку и почти бегом начал подниматься по уцелевшему кормовому трапу.

Лейтенант Вредный, легко раненный, со вчерашнего дня не выходил из операционного пункта и только теперь появился на верхней палубе. Увидев инженера Васильева, он завопил:

— Владимир Полиевктович! Да что же это у нас натворили? Без боя решили сдаться...

Японский флот, окружив четыре наших броненосца, приближался к нам очень осторожно. Кольцо его кораблей постепенно суживалось. На мачтах то и дело поднимались какие-то сигналы.

На броненосце «Орел» росло смятение. Те из экипажа, кто не находился на мостике, не знали, что будет дальше. Одни говорили, что корабль будут топить, другие опровергали это.

Из центрального поста поднялся на мостик ревизор, лейтенант Бурнашев. Он спросил у Сидорова:

— Как прикажете поступить с судовой кассой? Кроме того, у меня хранятся секретные бумаги и шифры.

Сидоров распорядился:

— Секретные бумаги и шифры сжечь в топке, а деньги раздать офицерам и команде.

Но ревизор заявил:

— Принять раздачу казенных денег я на себя не могу. По-моему, лучше утопить их.

Сидоров согласился с ним, и решено было выдать только офицерам по десять фунтов стерлингов на первые надобности в плену.

Обычно флегматичный и неповоротливый, ревизор вдруг оживился. Через несколько минут он уже был в первой кочегарке. Принесенные им пакеты в одно мгновение превратились в пепел. С таким же провор-

ством Бурнашев спустился в центральный пост, куда на время боя был поставлен денежный сундук. Там, внизу, кроме часовых, находились еще несколько человек из команды. Ревизор, не призывая разводящего, сам отстранил часового и раскрыл сундук. В судовой кассе было более семидесяти тысяч рублей русскими и английскими деньгами, не считая экономических и окрасочных сумм, лежавших в особой шкатулке. Здесь же находились и личные деньги командира и матросов, сданные на хранение. Ревизор торопливо сортировал деньги по мешочкам, отделяя золото от серебра и меди. Руки его дрожали, с мясистого и прыщеватого лица катились капли пота. Пачки с крупными кредитками он совал себе за пазуху. Матросы поняли, в чем дело, и обратились к нему с просьбой, чтобы он с ними поделился добычей. Ревизор поднял голову и сказал:

— Хорошо, ребята, я вам дам понемногу денег, но только об этом никому ни слова. За это мне может влететь от начальства. А если в команде узнают, что я наградил вас, то от такой оравы тогда не отобьешься.

Матросы получили деньги неравномерно — начиная от ста рублей и выше. На долю рулевого Жирнова, который помогал ревизору выбрасывать деньги за борт, досталось тысяча двести двадцать пять рублей. Но больше всего пришлось ревизору поделиться с подоспевшим старшим баталером Пятовским.

В результате за борт полетела только мелочь, а остальная сумма, за вычетом розданных, осталась у ревизора. Он успел ухватить не менее пятидесяти тысяч рублей. И все же этому богатому орловскому помещику такая сумма казалась мала. Он забрал себе и пакет с деньгами, принадлежавший лично командиру. А в это время командир Юнг мучился от смертельных ран и не подозревал, что его ограбил свой же офицер [32].

Среди команды началась деморализация. Многие из матросов перестали слушаться своих офицеров. Командующий броненосцем Сидоров, заметив это, приказал мне уничтожить ром. Я со своим юнгой спустился в глубину судна, в ахтерлюк. У нас имелось в запасе двести пятьдесят ведер неразведенного вось-

мидесятиградусного рома и более ста ведер сорокаградусного. Мы его выпустили из цистерны на палубу, застланную линолеумом, а с палубы по особым сточным трубам он стекал в трюм. Когда данное мне задание было уже закончено, в ахтерлюк прибежали матросы, любители выпивки. Они набросились на меня с матерной бранью:

— Зачем ты такое добро уничтожил? За это пришить тебя на месте, и больше никаких!

— Начальство приказало.

— Нет у нас больше начальства.

Кое-кто из матросов, став на колени, начали схлебывать оставшиеся на линолеуме лужицы душистой влаги. Один полез в горловину цистерны и сразу задохнулся там. Его вытащили оттуда мертвым. Больше мне не было надобности оставаться в ахтерлюке. Я перешел в отделение для сухих продуктов, где у меня была спрятана под гречневой крупой связка рукописей: дневники, путевые заметки, наброски для будущих произведений из морской жизни. Я вытащил эту связку и, немного поколебавшись, решил ее сжечь, чтобы она не досталась японцам. Для этого пришлось мне подняться в камбуз. Когда мои тетради запылали в топке, то я почувствовал такую боль, словно часть моей души корчилась на огне. Меня успокаивало лишь одно: то, что мною написано, я никогда не забываю.

После этого я стал свободен от всяких обязанностей и лишь ходил по кораблю, наблюдая, что делают другие.

Экипаж корабля никак не мог прийти в нормальное состояние и продолжал волноваться. Оставшиеся здоровыми около восьмисот человек перестали представлять собою организованную силу, подчиненную единой воле командира. Военные люди быстро превращались в дикую толпу. Одни горевали, другие радовались дарованной жизни. Слышались бестолковые выкрики, матерная ругань, злые шутки. Метались взад и вперед те, которые не верили в свое спасение. Словом, как и во всякой толпе, каждый человек действовал по-своему.

Со стороны начальников отдавались самые противоречивые распоряжения:

— Ломай приборы! Выбрасывай за борт все, что можно!

— Нельзя этого делать! Броненосец больше не принадлежит нам. Японцы расстреляют нас за это.

Мичман Карпов, горячий и порывистый человек, с монгольскими чертами лица, то возмущался, то жаловался офицерам:

— Какой позор!

Его успокаивали:

— Мы спасаем команду и раненых.

Он резко обрывал своих коллег:

— Мы пришли сюда не спасаться, а воевать! Спасаются только в монастырях!

Для него это событие было действительно тяжелым горем. Никто не рисковал так жизнью в бою, как этот молодой офицер. Борясь с пожарами, он носился по судну с каким-то диким упоением, выбегал на открытые места, осыпаемые раскаленными осколками. Он принадлежал к тем немногим героям, которые думали, что можно еще поправить дело, обреченное на гибель всей государственной системой.

Один из офицеров, сокрушаясь о дальнейшей своей судьбе, в отчаянии выкрикивал:

— Пропало наше дворянство!

Ему ответил торжествующий и ухмыляющийся кочегар Бакланов:

— Да, ваше благородие, полезли в волки, а зубы-то оказались телячьи.

Боцман Саем попробовал снискать себе сочувствие среди команды:

— Ведь это что же такое! Сколько лет служил верой и правдой, а теперь сдают меня в плен.

Но вместо сочувствия услышал злые насмешки:

— Зря, господин боцман, усердствовали. Придется вам другую должность приискивать.

— Ничего, боцман, не тужите. За двадцать лет службы вы так наловчились избивать матросов, что теперь это вам пригодится. Вас сразу примут вышибалой в любой публичный дом.

В команде упорно держался слух, что корабль взорвут или утопят. Поэтому многие вооружались спасательными средствами. Другие, боясь, что японцы будут отбирать вещи, переодевались в «первый срок», чтобы на себе сохранить новенькие брюки и фланелевую рубаху. Десятки матросов стояли на срезах,

приготовившись при первой тревоге прыгнуть за борт. Более трусливые среди них разделись догола и держали перед собой в охапке свое платье и сапоги.

Случайно проходивший лейтенант Павлинов, увидев такое зрелище, начал уговаривать матросов:

— Бросьте, ребята, готовиться к спасению. Судно топить не будем. Сейчас явятся к нам японцы. А вы в таком виде предстанете перед ними! Ведь они смеяться будут над вами.

В настроении матросов произошел перелом. Теперь трудно было бы заставить их сражаться.

То же самое случилось и с офицерами. Это ясно выявилось на переднем мостике, где сосредоточилось большинство из начальствующих лиц. Одни из них угрюмо молчали, другие продолжали ворчать, недовольные поступком капитана 2-го ранга Сидорова. Больше всех возмущался сдачей находившийся здесь же лейтенант Вредный, поглядывая на рулевых и сигнальщиков, будущих свидетелей судебного процесса. Когда он начал говорить, какие меры можно было бы принять, чтобы броненосец не достался японцам, пришло известие, что кормовая двенадцатидюймовая башня хочет открыть огонь по неприятелю. На мостике все офицеры страшно забеспокоились, а лейтенант Вредный, дрожа, завопил:

— Как же это можно стрелять? Да они там с ума сошли! Японцы потопят нас в одну минуту. А я раненый, я не могу спасаться...

По распоряжению командующего броненосцем лейтенант Павлинов сбегал на корму и, вернувшись на мостик, доложил:

— В башне никто и не помышляет о стрельбе. Сидят там комендоры, жуют консервы и, кажется, выпивают что-то. Из орудий, заряженных еще с ночи, я приказал выбросить полузаряды за борт.

На корабле то в одном месте, то в другом начали раздаваться пьяные голоса. Откуда команда добывала себе выпивку? Оказалось, что о роме, спущенном мною в трюм, прежде всего пронюхали трюмные машинисты, а потом узнали об этом судовые машинисты, кочегары и другие матросы. И все начали бегать в трюм с ведрами, с большими медными чайниками. Правда, ром оказался там загрязненным, с мусором,

с блестками смазочного масла, но это не останавливало матросов. Сейчас же его очищали через вату, добываемую от санитаров.

Команда пьянела с каждой минутой и становилась все развязнее. Офицеры притихли, чувствуя, что кончилась их власть. Они не возмущались даже в том случае, если какой-нибудь нижний чин, разговаривая с ними, держал папиросу в зубах.

Машинист Цунаев, или, как его звали матросы, «Чугунный человек», встретился в батарейной палубе с лейтенантом Вредным и заявил:

— Должок хочу вам заплатить, ваше благородие.

— Я что-то не помню за тобой долга.

— Зато я хорошо помню, ваше благородие. Это было месяца три тому назад. Вы тогда ни за что ни про что засадили меня в карцер.

Лейтенант Вредный сразу изменился в лице, дрогнув острой рыжей бородкой, и не успел слова сказать, как покатился по палубе. Это произошло с такой быстротой, что никто из окружающих и не заметил, куда он получил удар. Цунаев, сжав кулаки, тяжелые, как свинец, хищно изогнул свой громадный и угловатый корпус и хотел было еще раз броситься на офицера, но его схватил кочегар Бакланов:

— Во-первых, лежачих не бьют, во-вторых, стыдно нападать на раненого человека. И вообще не стоит безобразничать. В Петербурге — вот где, если хочешь, покажи свою удаль.

— Да какой он раненый? Это же известный притворщик!

— Об этом может судить только врач.

Пока кочегар и машинист спорили между собою, лейтенант Вредный, вскочив, убежал в каюту. Цунаев разразился бранью против своего друга, а тот, как ни в чем не бывало, ухмыляясь, мирно заговорил:

— Будет тебе сердиться. Ты лучше ответь мне на вопрос: что такое хвост и прохвост? Хвост есть хвост, а вот прохвост — непонятно. Это то, что под хвостом, что ли, находится?

Матросы расхохотались, смяк и Цунаев.

В офицерском винном погребе сломали замок. Там много было разных сортов вин. Все это пошло по чемоданам команды.

Сидоров, глядя с мостика на матросов, вздыхал:

— Хоть бы скорее японцы явились. А то бог знает, до чего может дойти наш пьяный корабль.

Контр-адмирал Небогатов вернулся на свой броненосец и потребовал к себе командиров судов своего отряда. Вскоре к борту «Орла» пристал японский катер. На нем уже находились командир «Сенявина» капитан 1-го ранга Григорьев и командир «Апраксина» капитан 1-го ранга Лишин. Захватив с собою Сидорова, катер направился к «Николаю».

С мостика увидели, что к нам приближается японский миноносец. На «Орле» заканчивалось уничтожение секретных документов. В батарейной палубе появился тяжело раненный младший штурман Ларионов. Его трудно было узнать: тужурка залита кровью, с одного погона сорвана лейтенантская звездочка, левая рука на перевязи, голова и лицо забинтованы, открыт только правый глаз. Ларионов не мог сам передвигаться. Два матроса вели его под руки, а перед ним, словно на похоронах, торжественно шагал сигнальщик, неся в руках завернутые в подвесную парусиновую койку исторический и вахтенный журналы, морские карты и сигнальные книги. В койку положили несколько 75-миллиметровых снарядов, и узел бултыхнулся через орудийный пост в море. Это произошло в тот момент, когда неприятельский миноносец пристал к корме «Орла».

Японские матросы, вооруженные винтовками, быстро высаживались на палубу броненосца. Их было около ста человек. Вместе с ними прибыли четыре офицера, из которых капитан-лейтенант Накагава, как самый старший, был назначен командовать «Орлом». Через минуту-другую, по указанию своего начальства, японские матросы рассыпались по всему кораблю, взяв под охрану уцелевшие башни, минные отделения, бомбовые погреба, крюйт-камеры, динамо-машины и другие места. Часть их невооруженной команды спустилась в машины и кочегарки.

Наши матросы, не стесняясь присутствием японцев, продолжали кутить. На корме полуразрушенного минного катера находились машинные квартирмейстеры Громов и Никулин, машинист Цунаев и какой-то

кочегар. Перед ними стояли банки с мясными консервами и ведро с ромом. С катера доносились голоса:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

Наш пес Вторник, который пропутешествовал с нами от Ревеля до Цусимы, никак не мог примириться с пребыванием японцев на судне. Он сразу увидел, что у них лица были иные, чем у русских моряков. А больше всего ему, вероятно, не нравился непривычный для собачьего чутья новый запах восточно-азиатских людей. Правда, он не кусал их — в его характере не было того, чтобы бросаться на людей. Но он, подняв бурую шерсть и оскалив зубы, лаял на них с такой яростью, точно они были его личными врагами. И никто не мог заставить Вторника замолчать. С верхней палубы его прогоняли в батарейную, но он и там не унимался. Всюду, где только встречались ему японцы, он захлебывался от лая, словно задался целью выжить их с корабля.

Часа в два вернулся на броненосец Сидоров. Мы уже стояли во фронте на верхней палубе. Приблизительно две трети нашей команды японцы решили отправить на свой броненосец «Асахи». К нам были присоединены офицеры: старший инженер-механик Парфенов, трюмный инженер Румс, лейтенанты Модзалевский и Саткевич, мичманы Саккелари и Карпов и обер-аудитор Добровольский.

Сидоров объявил условия сдачи:

— Господа офицеры, ваше оружие, собственное имущество и деньги вы сохраняете при себе. Затем вам предоставлено право вернуться к себе на родину, если дадите подписку, что не будете участвовать в этой войне. Команда также может взять свои собственные вещи и деньги...

Японцы больше не дали говорить Сидорову и немедленно усадили его в свой паровой катер. Вслед за ним спустились и остальные намеченные офицеры. Потом началась посадка на баркасы нашей команды. Желая посмотреть японский броненосец, я умышленно попал в число отъезжающих. На шканцах, опираясь на костыли, стоял инженер Васильев. Я бросился к нему проститься. Пожимая мою руку, он наказывал мне:

— Берегите себя для более важной работы. Предстоят грандиозные события. Помните, что с сегодняшнего числа в истории Российской империи начинается новая глава...

Рядом с Васильевым стоял священник Паисий, недоуменно поглядывая на японцев. К нему приблизился кочегар Бакланов и, обнажив голову, сказал нарочито отчетливо и громко:

— Прощай, козел в сарафане!

Под взрыв матросского хохота священник растерянно заморгал.

С парусиновыми чемоданами, набитыми больше книгами, чем вещами, я спустился на баркас. Когда мы тронулись, буксируемые паровым катером, я в последний раз оглянулся на свой корабль. На мгновение в памяти почему-то всплыл эпизод из далекого детства. Мне было пять лет. Под жаркими лучами послеобеденного солнца мать жала в поле рожь. А я один, играя в войну, носился с криками по сжатой полосе. В руках у меня была палка, заменявшая ружье, пику, пушку. Воображаемые турки падали под моими ударами, как стебли ржи под серпом матери. Крестец снопов представлялся мне неприятельской крепостью. Я напал на крепость и, споткнувшись о борозду, со всего размаху ткнулся лицом в колючий огузок снопа. Из губ полилась кровь, острой болью заныл левый глаз. Я с плачем кинулся к матери, а она, испуганная, прижала меня к своей груди и заговорила укоризненно-ласковым голосом:

— Ах, Алеша, Алеша! Непутевый мой сынок. Молиться надо, а ты воевать вздумал. От этого люди счастливые не бывают.

С тех пор прошло двадцать два года. За это время я много пережил, много видел и вычитал из книг, и теперь, мысленно пробегая прошлое, я вспомнил изречение одного философа: «Человек до сорока лет представляет собою текст, а после сорока — комментарий к этому тексту». До этого возраста мне еще далеко. И если философ прав, то за время плавания на «Орле», а в особенности за последние полтора суток, когда я вместе с другими дышал воздухом разрушения и смерти, текст моей души увеличился до колоссальных размеров...

Броненосец слегка покачивался на мертвой зыби. Краска на нем обгорела, зашелушилась. Вчера он был черным, сегодня стал пепельным, словно поседел в бою.

Когда броненосец «Орел» сдался в плен, тяжело раненного командира Николая Викторовича Юнга перенесли из операционного пункта в заразный изолятор. Это небольшое удлиненное помещение с одним иллюминатором уцелело в бою. Несмотря на множество возникавших пожаров, на судне, здесь переборки и потолок по-прежнему блестели белой эмалевой краской. В головах единственной железной койки, укрепленной вдоль борта, стоял небольшой столик, в ногах — стул.

Командир, с пробитым желудком и печенью, с раздробленным плечом и с неглубокими ранами на голове, находился в безнадежном состоянии и, лежа на койке, бредил. По просьбе наших офицеров к дверям изолятора был поставлен японский часовой, охранявший вход туда главным образом от неприятельской команды. Это было сделано для того, чтобы Юнг не догадался о сдаче его судна в плен. Мучительно долго он боролся со смертью, наполняя изолятор то стонами, то выкриками. Около него неотлучно находился вновь назначенный вестовой Максим Яковлев, вместо убитого Назарова, и по временам приходил к нему старший судовой врач Макаров.

Только на следующий день, 16 мая, к вечеру Юнг начал приходить в сознание.

Вестовой Яковлев, человек малограмотный и недалекий, после рассказывал о нем:

— Только что опомнился командир, а тут, как на грех, в дверь заглянули японцы. «Это, спрашивает, что за люди у нас?» Пришлось сказать: «Сдались мы, ваше высокоблагородие». А он поднялся повыше на подушку и как заплачет! Потом начал мне объяснять насчет какого-то земского собора: «Кончается, говорит, позорная война, и я, говорит, кончаюсь. А ты, Максим, может быть, будешь заседать в земском соборе». Вижу — все лицо командира в слезах. Жалко мне его. Все-таки он был хороший человек. А про себя думаю: опять начал умом путаться. Как же это я

буду заседать вместе с земскими начальниками, да еще в соборе? У нас в селе один только земский начальник, да и от того спасения нет. Сущий живодер. Если в поле едет, за версту от него сворачивай. Иначе — расшибет. Поговорил со мною командир и опять заплакал. Потом наказывает мне позвать доктора...

Разговаривая с вестовым, Юнг имел, конечно, в виду не земских начальников. В молодости своей, будучи мичманом, Юнг принимал участие в революционном движении. В восьмидесятых годах начались аресты во флоте. Его спасло от тюрьмы только то, что он в это время находился в кругосветном плавании.

Но почему же он теперь, умирая, вдруг вздумал просвещать своего вестового? Очевидно, командиру хотелось хоть чем-нибудь вознаградить себя перед смертью. Эскадра была разгромлена, а судно, которое он так храбро защищал, сдалось в плен. Для Юнга осталось одно: вернуться к прежним, быть может давно забытым, идеалам.

Старший врач Макаров, посетив его, сейчас же направился в судовой лазарет. Там вместе с другими ранеными офицерами находился и младший штурман лейтенант Ларионов. Старший врач обратился к нему с просьбой:

— Вот что, Леонид Васильевич, командир узнал от вестового, что мы сдались. Я старался опровергнуть это, но он не верит мне. Просит вас зайти к нему. Успокойте его. Он сейчас находится в полном сознании.

Два матроса повели Ларионова к заразному изолятору, а внутрь он вошел один.

Юнг, весь забинтованный, находился в полусидячем положении. Черты его потемневшего лица заострились. Правая рука была в лубке и прикрыта простыней, левая откинулась и дрожала. Он пристально взглянул голубыми глазами на Ларионова и твердым голосом спросил:

— Леонид, где мы?

Нельзя было лгать другу покойного отца, лгать человеку, так много для него сделавшему. Ведь Ларионов вырос на его глазах. Командир вне службы обращался с ним на «ты», как со своим близким. Юнг

только потому и позвал его, чтобы узнать всю правду. Но правда иногда жжет хуже, чем раскаленное железо. Зачем же увеличивать страдания умирающего человека? С другой стороны, он мог узнать об истинном положении корабля не только от вестового. И что скажет командир на явную ложь, если он собственными глазами уже видел японцев?

Ларионов, поколебавшись, ответил:

— Мы идем во Владивосток. Осталось сто пятьдесят миль.

— А почему имеем такой тихий ход?

— Что-то «Ушаков» отстает.

— Леонид, ты не врешь?

Ларионов, ощущая спазмы в горле, с трудом проговорил:

— Когда же я врал вам, Николай Викторович?

И чтобы скрыть свое смущение, штурман нагнулся и взял командира за руку. Она была холодная, как у мертвеца, но все еще продолжала дрожать. Смерть заканчивала свое дело.

Командир знал, что и старший врач Макаров и штурман Ларионов обманывают его, но делают это исключительно из любви к нему. Он не стал изобличать близкого ему человека во лжи. Наоборот, он как будто поверил в то, что ему говорили, и примиренным голосом попросил:

— Дай мне покурить.

Юнг торопливо затянулся раза три папиросой, и она выпала из его дрожащей руки. Агония продолжалась недолго. Он застонал и, словно что-то отрицая, потряс головой. Из его груди вырвался такой глубокий вздох, какой бывает у человека, сбросившего с плеч непомерную тяжесть, и в последний раз он устало потянулся. Лицо с русой бородкой, угасая, становилось все строже и суровее. Голубые глаза, до этого момента блуждавшие, неподвижно уставились на белый потолок, с напряжением всматриваясь в одну точку, словно хотели разгадать какую-то тайну.

Штурман Ларионов согнулся и, подергивая плечами, вышел из изолятора.

В сдаче корабля командир Юнг никакого участия не принимал. Поэтому наши офицеры решили похоронить его в море. Японцы согласились.

На следующий день утром мертвое тело, зашитое в парусину, покрытое андреевским флагом, с привязанным к ногам грузом, было приготовлено к погребению. Оно лежало на доске, у самого борта юта. На сломанном гафеле развевался приспущенный флаг Восходящего солнца. После отпевания два матроса приподняли один конец доски. Японцы взяли на караул. Под звуки барабана, игравшего поход, под выстрелы ружей мертвое тело командира скользнуло за борт.

Спустя полчаса японский офицер вручил Ларионову, как единственному штурману, оставшемуся на броненосце, небольшой квадратный кусочек картона. На нем была выписка из вахтенного журнала. Выписка указывала место похорон командира:

«Широта 35° 56' 13" северная.
Долгота 135° 10' восточная».

11. НА ЯПОНСКОМ БРОНЕНОСЦЕ «АСАХИ»

Японский паровой катер вел на буксире три больших баркаса. На одном из них, переполненном русскими матросами, сидел я и близкие мои товарищи. Сначала все молчали и настороженно посматривали на видневшийся впереди броненосец «Асахи». Нас, находившихся теперь во власти противника, переправляли на новое местожительство. Что будет с нами дальше? Боцман Воеводин согнулся, словно решал про себя какую-то сложную задачу. Гальванер Голубев настойчиво шевелил белесыми бровями. Кочегар Бакланов, щурясь, загадочно улыбался своим мыслям.

Кто-то со вздохом промолвил:

— Отвоевали.

Сейчас же откликнулся другой голос:

— Да, маялись, маялись, а за что?

Гальванер Козырев, тряхнув головою, весело сказал:

— Слава тебе, господи: и чужой крови не проливал, и своей ни капли не потерял. Подвезло, словно от злой тещи избавился. Теперь бы домой письмецо настрочить.

Рулевой квартирмейстер серьезно пробасил:

— Они тебе, японцы-то, настрочат шомполами ниже поясницы.

Все взглянули на него испуганно.

— Пожалуй, и вправду что-нибудь сотворят с нами?

Послышались еще голоса:

— Если бы стали только пороть... А вот как начнут всех нас на реях вешать, как рыбу для провяливания, тогда запоем Лазаря.

— Они не постесняются и с живых кожу содрать. Ведь азиаты! Что они понимают?

— Да, не понимают! — рассердился боцман Воеводин.— Только наша эскадра уничтожена, а у них нетронутая осталась.

Кочегар Бакланов, иронически улыбаясь, посоветовал ему:

— Не мешай, боцман, покудахтать им перед смертью.

Под безоблачным небом сияло море, слегка подернутое лиловой дымкой. Неприятельские корабли обменивались какими-то сигналами. Позади нас скользили катеры и шлюпки. Это японцы развозили по своим судам пленных с «Сенявина», «Апраксина» и «Николая».

Буксировавший нас паровой катер, сделав крутой поворот, стал приближаться к броненосцу «Асахи». Мы смотрели на него с тревожным любопытством. Покрытый шаровой краской, весь одетый стальною броней, он густо дымил обеими трубами. Его многочисленные орудия, накануне громившие нашу эскадру, сегодня угрожающе молчали.

Холодок пробегал по спине, когда мы, подойдя к трапу, стали подниматься на верхнюю палубу. Как японцы отнесутся к нам? Но они встретили бывших своих врагов, улыбаясь и приговаривая:

— О, рюськкий, рюськкий...

Наших офицеров отвели в каюты, а матросов разместили в носовых кубриках.

Матросы осмелели и, приступая к обеду, извлекали из своих чемоданов бутылки разных форм, наполненные дорогими сортами вин. Все это было добыто из офицерского погреба броненосца «Орел». Выпивали

большими кружками херес, марсалу, портвейн, мадеру, шампанское, всевозможные ликеры. Настроение быстро поднималось. Носовой кубрик, где я обедал, становился все шумливее. В дверях стояли два японских часовых, с любопытством посматривая на русских матросов. Кто-то из наших крикнул:

— Ребята, надо и японцев угостить!

Такое предложение было одобрено всеми.

Часовым налили по кружке ликера. Они долго отказывались пить, что-то говоря на своем языке и отрицательно качая головой. Но их уговаривали:

— Да вы только отведайте. Ведь это господский напиток. Вы, поди, сроду не пили такого вина.

Один часовой взял кружку и приложился к ней. Может быть, он только хотел попробовать вкус вина, но губы его точно прилипли к кружке и, не отрываясь, потягивали густой, сладкий и душистый восьмидесятиградусный напиток. После этого столько же выпил и другой часовой. А минут через десять они оба сидели с русскими матросами, весело улыбаясь, словно никогда не были врагами.

Вопрос, который обсуждался утром на «Орле», всплыл снова: с кем же все-таки мы сражались вчера?

— С английской эскадрой,— уверяли одни.

— С японской,— уверяли другие.

— Слепые, что ли, вы? Разве не видели, что на японских орудиях даже краска не обгорела? После такой длительной стрельбы она не могла бы сохраниться.

— Это ничего не значит. Просто краска их прочная. Но могло быть и другое: они свои орудия снова выкрасили.

— Да куда же мы все снаряды расстреляли?

— В море места хватит.

Я попробовал разъяснить, что разбили нас японцы, а не англичане. Не только целая эскадра, но и один корабль другой державы не мог бы участвовать в Цусимском сражении без того, чтобы об этом потом не узнали. А это привело бы к новым международным осложнениям.

Кочегар Бакланов перебил меня:

— Довольно! Надоело жевать один и тот же вопрос. Японцы победили нас своей техникой и умением

владеть этой техникой. Это ясно. Вот если бы та и другая сторона были вооружены только оглоблями, то японцам ни за что не устоять бы против нас. Народ мелкий, малосильный. Но все это чепуха. У меня есть более важный вопрос.

— Ну-ка, друг, учуди.

— Бывает у царя и царицы расстройство желудка или нет?

Бакланову ответили смехом.

Несколько пьяных голосов пели песню, известную на 2-й эскадре:

Мы у Скагена стояли,
Чуть «Ермак» не расстреляли,
И, боясь японских ков,
Разгромили рыбаков...

Заголосил и японский часовой какую-то свою, непонятную нам песню. Бронзоволицый и скуластый, он прищурил черные глаза и, качаясь корпусом, страстно визжал. Другой часовой, низенький, худой, черноголовый, скалил зубы и, порывисто жестикулируя тонкими руками, что-то хотел доказать русским матросам. Пьяный машинист Семенов останавливал его, бормоча:

— Обожди. Теперь я тебе скажу. Слушай: за что мы с тобой воевали? За господ, да? Ты старался победить русских, можно сказать, рисковал своей жизнью, а дадут тебе за это, скажем, тысячу рублей, чтобы ты свое хозяйство улучшил? Нет. Кукиш с бобовым маслом ты получишь от своих господ, и больше ничего. Вот ты убил бы меня. А у меня осталось дома двое детей. Что им пришлось бы делать? Побираться.

Машинист Семенов тряхнул японца за плечо:

— А у тебя сколько детей?

Японец что-то сказал на своем языке, а Семенов сейчас же подхватил:

— Ну, вот видишь, у тебя трое ребят. Убил бы я тебя, им тоже пришлось бы нищими стать. Вот оно, брат, какое дело. Зря мы с тобой воевали, по глупости. А если нужно землю делить, то давай это сделаем без господ. Эх, скажу я тебе, как другу, настоящее русское слово. Такого слова ты никогда не слыхал. Постой, я тебе скажу... Фу, черт возьми, забыл! Давай лучше поцелуемся...

Семенов, обняв японца, крепко поцеловал его и окончательно растрогался. По его грязному лицу покатились слезы. Он вынул карманные часы и сунул их японцу:

— Возьми, друг. Это тебе на память от машиниста Семенова.

Японец, разглядывая часы, не понимал, зачем их дали ему.

— Да не крути ты их. Варшавские часы. За двенадцать с полтиной я их выписывал.

Машинист положил подарок в карман японцу. Только после этого тот догадался, в чем дело, и оскалил белые зубы. В свою очередь, он подарил Семенову черепаховый портсигар с изображением дракона.

Японцам пришлось сидеть с нами недолго. В кубрик вошел не то караульный начальник, не то просто унтер-офицер и арестовал их обоих. Уходя от нас под конвоем других часовых, они оглядывались и кричали нам:

— Рюський... рюський...

Я подумал: в словах пьяного машиниста была глубокая правда. Зачем ему и японскому матросу понадобилась война? Какие выгоды извлекут из нее рабочие и крестьяне того и другого государства? Я вспомнил, как однажды на ярмарке мне пришлось увидеть за двугривенный петушиные бои. Приученные к драке, петухи сражались с яростью: били друг друга шпорами, долбили клювами в гребень, в голову, в глаза. Что же получили за это изувеченные и окровавленные петухи? Ничего. Они старались, а хозяйская касса разбухала от денег.

То же самое, но в бóльших размерах и еще ужаснее, происходит с людьми, участниками империалистических войн. В барышах остаются не те, которые, рискуя головой, непосредственно сражаются на поле брани. Поймет ли когда-нибудь трудящееся человечество всего мира эту простую истину? И скоро ли направит свое оружие в другую сторону — против поджигателей войны?..

Вечером японские корабли и сдавшиеся русские броненосцы тронулись в путь. От японцев мы узнали, что направляемся в Сасебо. Но на следующий день броненосец «Асахи» и крейсер «Асама» почему-то

отстали от своей эскадры и повели под конвоем «Орел» отдельно в порт Майдзуру. У нас сейчас же явилось предположение: что-нибудь случилось с нашим судном. Впоследствии выяснилось, что мы не ошиблись.

12. НЕОЖИДАННАЯ ДОБЛЕСТЬ

Японское командование, наводя на сдавшемся броненосце «Орел» свой порядок, отобрало тяжело раненных русских офицеров и сосредоточило их в судовом лазарете. Помещение это было небольшое, с шестью опрятными койками. Для всех офицеров их не хватало. Поэтому пятеро из них разместились на матрацах, положенных на мокрую палубу.

Наступила ночь на 16 мая. Броненосец шел своим ходом, распахивая воды чужого моря. Изувеченный корпус корабля, вздрагивая, скрежетал железом, как будто протестовал против того насилья, какое совершили над ним. Электрическая проводка в лазарет была перебита. Он освещался масляным фонарем, подвешенным на переборку у двери. Было сумрачно. Фонарь слегка покачивался. На стенах, блестевших эмалью риволина, ползали тени, и этому бестелесному движению их, казалось, не будет конца. Звуки судовой жизни доносились сюда слабо. Раненые офицеры временами стонали, бредили. Некоторые из них просили пить. Другой внезапно вскакивал, очумело оглядывался и снова валился на свое место. Иногда среди них наступала такая тишина, точно все они уже умерли.

В один из таких моментов беззвучно приоткрылась железная дверь лазарета. Перешагнув через комингс, тихо, как тень, вошел в помещение человек в промасленном рабочем платье и такой же промасленной фуражке, сдвинутой на затылок. Он остановился около двери и, словно проверяя раненых, молча переводил взгляд с одного из них на другого. Рябоватое лицо его было измождено, но серые глаза горели какой-то решимостью. Это был трюмный старшина Осип Федоров. Охрипшим, как и у многих людей его специальности, голосом он сказал:

— Я хочу потопить броненосец. Можно?

Эта мысль созрела у него давно. Ему хотелось, чтобы и офицеры оправдали ее. Но они молчали. Федоров, озираясь, забеспокоился, что получит не тот ответ, какой ему нужно. Взгляд его остановился на койке, на которой зашевелилось одеяло, и длинный человек, лежавший врастяжку лицом к борту, не оборачиваясь и не поднимая головы, глухо и хрипло, как последний вздох, протянул:

— Топи.

Трюмный старшина не видел его лица, но ему показалось, что это слово, судя по голосу и фигуре, произнес штурман лейтенант Ларионов. Соглашались ли другие офицеры с таким решением или спали и ничего не слышали, но они не возражали. Федоров, уходя, осторожно закрыл за собою дверь.

Прошло четверть часа. В лазарете кто-то начал громко бредить. Проснулись и другие офицеры. Опять начались стоны. А один из раненых приподнял голову и, оглядываясь, сказал:

— Броненосец как будто начинает крениться. Вы замечаете это, господа?

— Да, по-моему, тоже,— подтвердил другой.

Стоны прекратились. Некоторое время длилось молчание, словно все к чему-то прислушивались. Машины работали, но корабль не выпрямлялся. Один из раненых уселся на койке.

— С «Орлом» что-то неладно.

— Может быть, уже тонем?

— Лучше сразу погибнуть, чем так мучиться от ран.

— Ну уж нет. Кому жизнь надоела — пусть прыгает за борт.

Беспокойство зарождалось и в других отделениях корабля. Русские матросы, что бодрствовали, будили спящих своих товарищей и сообщали им тревожную новость. А те, проснувшись, бестолково таращили глаза. У всех было такое ощущение, какое бывает у людей, ожидающих смертельного удара. То же самое было и с японцами. Не зная, что случилось с броненосцем, они вопросительно оглядывались, потом в испуге перебрасывались какими-то словами. Переполоха среди них еще не было, но в кочегарках, в ма-

шинных отделениях и в других местах корабля уже прекращалась работа. Некоторые японцы стояли, как в столбняке. По-видимому, они надеялись, что броненосец выпрямится, но крен его упорно увеличивался, а с мостика почему-то не отдавалось никаких распоряжений.

И никто не подозревал, что это Осип Федоров осуществлял свой замысел. В левых отсеках он открыл клапаны затопления и ушел на верхнюю палубу. Он не видел, что делается внизу, в трюме, но ясно представлял себе, как броненосец захлебывается соленой водой. Нужно было пять-шесть градусов крена, и море сомнет сопротивление корабля: он опрокинется вверх килем. Федоров с нетерпением ждал этого момента, переживая страшную внутреннюю борьбу. Он был пораженцем и весь поход на Дальний Восток занимался революционной пропагандой. Он не имел ни фабрик, ни заводов, ни земли, не имел чинов и не занимал высокого положения. Это был типичный бедняк, пролетарий. Почему же он решился на такой поступок? Толчок своим мозгам Осип Федоров получил неожиданно для самого себя: это случилось еще днем. Русские матросы столпились на верхней палубе, с мрачным любопытством разглядывая, как снарядом разворотило камбуз. Группа японских матросов, настроенных очень весело, подошла к пленным, и между ними завязался разговор. Сперва объяснялись каждый на своем языке, пустив в ход мимику и жесты. Русские старались понять, о чем лопочут их недавние враги. Осипу Федорову, находившемуся здесь же, казалось, что японцы хотят завести мирную и дружескую беседу. Но ему пришлось в этом скоро разочароваться. Вперед выступил японский унтер-офицер, маленький и вертлявый человек, с плоским, как доска, лицом. От него с удивлением вдруг услышали правильную русскую речь. Сощурив черные глаза, он говорил:

— Слышал я, что с другими нациями вы когда-то храбро сражались. А против нас, японцев, вы никуда не годитесь. Сразу сдали нам четыре броненосца.

— Это не мы, а наш адмирал сдал,— ответил один из пленных.

— Будь у нас другой командующий, ни один японец не вступил бы на палубу русского корабля,— задорно добавил другой.

Унтер-офицер, покосившись на русских, продолжал:

— Духу у вас не хватает против Японии. Мы оказались сильнее вас. Накололись вы на японские штыки. А на море и вовсе никто и никогда нас не победит. Знайте это.

Пленные, постепенно раздражаясь, отвечали:

— На ваше счастье у нас высшее начальство подгадило. А русский народ — это совсем другое...

После каждой реплики русских унтер-офицер что-то объяснял своим по-японски. Точно ли он переводил, или выдумывал что-нибудь, пленные не знали. Но японцы, слушая его, ехидно улыбались, показывая кривые зубы. Наконец, желая, чтобы его сразу понимали свои и пленные, он заносчиво и наставительно, как на уроке словесности, заговорил, перемешивая русские и японские слова:

— Япония маленькая, но умна — сакасий. Россия большая, но... как это называется? Глупа — бакарасий. Мы ее всю можем разгромить — хогеки-суру...

— А это посмотрим,— с обидой возразили хвастуну пленные.— По-вашему, Россия — бакарасий. Это баковый карась, что ли? Наполеон не вам чета, да и тот зубы себе обломал об этого карася. А вы и подавно...

Победители, выслушав перевод своего унтера, разразились хохотом, злорадно повторяя между собой:

— Рося бакарасий... Бакарасий... Хогеки-суру... Рося...

Русские матросы нахмурились, опустили головы. Больше всех был задет Осип Федоров. Сам он не произнес ни слова, но, видя насмешки врагов над Россией, закипел такой ненавистью, как будто публично оскорбили его родную мать. Он повернул голову в сторону кормы: там, на гафеле, вместо андреевского флага развевался флаг Восходящего солнца. У него от обиды зарябило в глазах. Ощущая судороги на лице, он еле сдерживал себя, чтобы не броситься на японского унтера. Вот тогда-то и зародилась у него мысль: хотя бы ценою своей жизни, но вырвать тро-

фей из рук противника. С этой мыслью, сверлящей мозг, он мрачно бродил по кораблю до самой полуночи.

А теперь, когда корабль, задыхаясь от воды, валился уже на борт, Федоров вдруг вспомнил, что здесь находятся не одни только японцы. Две трети нашей команды они перевели на свои суда, но на «Орле» еще осталось около трехсот человек. Японцы едва ли будут спасать русских, которые спят и не знают, что гибнут от руки своего товарища. И сам он не избежит общей участи. До слез ему стало жалко своих, особенно раненых. Его так и подмывало закричать:

— Спасайтесь! Броненосец тонет! Это я виноват!..

И тут же словно кто со стороны поставил перед ним вопрос:

«А как же японцы? Будут торжествовать?»

Нет, он никак не может примириться, чтобы родной корабль находился в руках врага. Для этого им все сделано. Федоров достал кусок брезента, завернулся в него и улегся около двенадцатидюймовой башни. Легче было бы вместе с этой палубой, не просыпаясь, провалиться на морское дно. Заснуть, однако, он не мог. В его разгоряченной голове сменялись мысли, противоречащие одна другой. Он был доволен, что крен корабля с каждой минутой увеличивается, в то же время в воображении рисовалась жуткая картина гибели своих людей. Его лихорадило. Вдруг до него донеслись необычные звуки. Сквозь брезент Федоров расслышал, что на верхней палубе все пришло в стремительное движение. Казалось, корабль задрожал от топота множества ног — люди торопливо разбегались по разным направлениям. Свистки боцманских дудок смешались с гортанными выкриками на непонятном языке. Эти выкрики срывались на каких-то высоких визгливых нотах. Можно было подумать, что на палубе происходит резня. Смятение усиливалось, шум нарастал. Для Федорова все это было сигналом того, что дело его не пропало даром. Он решил про себя:

— Началось...

Больше он не думал о своих товарищах. Его горячее сердце ликовало, что он напоследок отомстил

японцам за их насмешки над русскими, за позор Цусимы, за потопленные корабли и команды. От волнения в груди ощущались напряженные толчки, отдававшиеся в висках, как удары маятника. Приближалось то мгновение, когда уже никто не избавит корабль от катастрофы. Федоров соображал, что времени для жизни у него осталось меньше, чем потребовалось бы на то, чтобы выкурить папиросу.

Но вскоре все стихло, и эта тишина странно обеспокоила его. А главное — броненосец перестал крениться. Федоров, откинув брезент, выглянул и все понял: люди спустились в трюмы. Подавленный отчаянием, он прохрипел:

— Догадались...

Для Федорова наступил такой момент, какие редко бывают у людей. Его пугало не приближение смерти, что было бы вполне естественно, а возвращение жизни. И это случилось уже после того, как он окончательно и бесповоротно приготовился погибнуть вместе с кораблем.

Его мучил вопрос: каким образом японцы узнали причину крена? Скорее всего, на руках у японцев были чертежи «Орла», добытые еще раньше через шпионов. Так или иначе, но меры были приняты: корабль начал выпрямляться. Значит, японцы пустили воду в правые отсеки. А дальше им остается только осушить эти отсеки водоотливными средствами, и авария будет окончательно устранена. Не хватало каких-нибудь двух градусов, и «Орел», опрокидываясь, сам зарылся бы навсегда в водяную могилу. При этой мысли о неосуществленном подвиге Федоров задрожал от ярости и, чтобы не завыть исступленно, крепко стиснул зубами кусок просоленного брезента.

13. ПРАВДА, КОТОРОЙ НЕ ХОТЕЛОСЬ ВЕРИТЬ

Меня все время интересовал вопрос: в чем же заключалось преимущество японцев? Что они маневрировали лучше нашего и, пользуясь быстрым ходом, занимали для своей эскадры наиболее выгодное положение, что они метко стреляли и что снаряды их хотя и не пробивали брони, но сжигали русские суда и производили потрясающее впечатление на психику

людей,— об этом мы как очевидцы узнали 14 мая во время генерального сражения. А еще что?

Я осматривал броненосец «Асахи». На нем не было той излишней роскоши, которая обременяла наши суда, ослабляя их боевое значение. У японцев все было устроено просто, без всяких затей, без деревянных надстроек на верхней палубе. Поэтому во время боевой тревоги на броненосце не нужно было ничего ни убирать, ни складывать, ни прятать, а это давало возможность ускорить изготовление его к бою. За счет уменьшения офицерских кают он увеличил свою артиллерию двумя шестидюймовыми орудиями. Бросалось в глаза особое устройство боевой рубки: прорези ее, в противоположность нашим, были узки и лучше обеспечивали безопасность находившихся в ней людей и сохранность приборов. Каждая орудийная башня, каждый каземат имели свой дальномер. Орудийные амбразуры так хорошо были защищены, что внутрь башни не мог проникнуть даже маленький осколок.

Вместе с товарищами я три дня прожил на броненосце «Асахи». Конечно, многое из того, что я наблюдал, было бы для меня непонятным, если бы не помогли некоторые японские матросы, говорившие по-русски. В особенности сблизился с нами один из них, комендор-наводчик. До военной службы он много лет жил в русских городах, работал в прачечных. Назовем его условно Ятсуда.

У нас на «Орле» команда делилась на две вахты, вахта — на два отделения. Каждое такое отделение представляло собою роту, возглавляемую обязательно строевым офицером. Наша рота составлялась из матросов разных специальностей. Поэтому у нас ротный командир не знал в лицо многих из своих подчиненных, если они не принадлежали к числу строевых. Обязанности его сводились лишь к выдаче им жалованья. Не так обстояло дело на японском корабле. Там каждая часть команды определенной специальности образует собою роту, и во главе ее стоит соответствующий специалист из офицеров: инженер-механик, штурман, минный офицер, артиллерийский офицер, даже врач. Такое подразделение команды дает возможность ротному командиру следить не только

за вверенной ему материальной частью, но и за исполнением подчиненными своих обязанностей. Он должен знать личные качества каждого из них, давать им оценку и продвигать по службе наиболее прилежных, развитых и способных матросов.

Как-то вечером мне удалось еще кое-что узнать о японском флоте. Командир «Асахи» капитан 1-го ранга Номото только что обошел судовые отделения. С заходом солнца потушили на корабле все внешние огни. И хотя японцам никто теперь не угрожал, все их орудия были наготове: у каждого из них дежурила прислуга. В 7 часов 30 минут раздали койки. Матросы, не занятые вахтой, стали свободны и могли заниматься своими личными делами.

На баке, вокруг кадки с тлеющим фитилем, от которого можно было прикуривать, расположились японские и русские матросы. Здесь же находился и я вместе с боцманом Воеводиным и кочегаром Баклановым. Пахло морем. На лице ощущалось легкое дыхание ветра. На горизонте, угасая, пенился закат. Золотисто отсвечивало море. Против меня сидел на корточках комендор-наводчик Ятсуда и, покуривая маленькую медную трубку «чези», вмещавшую в себя табаку лишь на две-три затяжки, загадочно прикрыл ресницами свои черные восточные глаза. Разговорились с ним о военной службе. Он крайне был удивлен, когда узнал от нас, что русские моряки обычно находятся в плавании не больше четырех месяцев, а остальное время года живут на берегу в казармах.

— Нет, у нас не так,— заговорил Ятсуда.— Мы постоянно живем на кораблях и плаваем почти круглый год. Мы проходим большую практику.

Боцман Воеводин спросил:

— А кого берут у вас во флот?

Оказалось, что на японских кораблях лишь половина команды отбывает службу по воинской повинности, находясь во флоте четыре года и в запасе восемь лет. Остальные были добровольцами. Срок действительной службы для них установлен восемь лет и четыре года в запасе. Охотнее всего идут во флот те, которые и до военной службы находились либо в каботажном плавании, либо на рыбных промыслах. Из добровольцев вырабатываются лучшие специалисты,

В японском флоте лучших наводчиков всячески стараются оставить на сверхсрочной службе, привлекая их приличным жалованьем: от них главным образом зависит успех артиллерийского боя. Самых выдающихся комендоров они собрали со всего флота и распределили их по кораблям главных сил. Поэтому броненосцы и броненосные крейсеры противника лучше стреляют, чем его подсобные суда. А у нас даже на новейших кораблях 2-й эскадры, которые должны были иметь решающее значение в бою, орудия обслуживались новобранцами и запасными. Русское морское командование не догадалось заменить их наиболее опытными комендорами Черноморского флота, который тогда далеко оставался в стороне от театра военных действий. Ведь одно только это мероприятие могло бы значительно ослабить успех противника.

Но от Ятсуда же узнали мы и другое, что нас особенно поразило. В японскую армию и во флот не так уж все охотно рвутся, как это казалось со стороны. Некоторые потомки самураев пускаются на всевозможные хитрости, лишь бы уклониться от военной службы. Страх перед войной заставляет их калечить себя. Конечно, за такие поступки, если они вскрываются, закон строго карает виновных. Но все-таки симулянты не переводятся. Иногда солдаты прибегают к анекдотическим средствам, чтобы искусственно заболеть и одурачить военных врачей. Существует, например, поверье, что для этого будто бы достаточно съесть хвост ехидны, сваренной в ее крови.

— Вы как хороший наводчик, вероятно, останетесь на сверхсрочной службе,— сказал я, обращаясь к Ятсуда.

— Не останусь. Надоело служить. Я опять хочу поехать в Россию.

— Зачем?

— Я изобрел новый способ крахмалить воротнички. Секрет. Мне будут платить хорошие деньги.

Я смотрел на него и думал: может быть, от его удачного выстрела погиб какой-нибудь наш корабль с сотнями людей. А теперь передо мною сидел маленький человек, выкуривал свою «чези» и снова ее набивал табаком,— сидел с невинной улыбкой на плоском лице. Темные глаза задумчиво устремились в меркну-

щую даль. Он жил своей мечтой, не имевшей никакого отношения к войне.

Поздним утром 17 мая командир «Асахи» капитан 1-го ранга Номото вызвал к себе в каюту боцмана Воеводина. В каюте он был встречен словами:

— Здравствуйте, боцман.

Воеводин, услышав русскую речь, удивленно посмотрел на командира, спокойно сидевшего за письменным столом, и не сразу ответил:

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие.

— Ну, как вы чувствуете себя у нас на корабле? — спросил командир, подбирая русские слова.

— Хорошо.

— Пищей довольны?

— Так точно, ваше высокоблагородие. Одно только плохо — ложек нет. А палочками мы не привыкли действовать. Приходится кушать рис горстью.

Номото, не сводя с боцмана щупающего взгляда, сдержанно заулыбался.

— Ничего не поделаешь. Мы не знали, что русские попадут к нам в плен. На берегу дадим вам ложки.

Боцман почувствовал себя уязвленным. Номото начал осведомляться у него, сколько человек было на «Орле» убито, сколько ранено. Полагая, что сейчас последуют расспросы о более секретных делах, Воеводин насторожился. Но тот ограничился только этим и сам сообщил:

— Сегодня вашего командира Юнга похоронили в море.

— Он был смертельно ранен, ваше высокоблагородие.

— Хороший был командир?

— Отличный. Команда очень любила его.

Номото, опустив глаза, на минуту задумался, словно что-то вспоминая, и тихо промолвил:

— Да, я знал Юнга. Хороший был человек. Очень жаль, что он погиб.

— Осмелюсь доложить вам, ваше высокоблагородие, что если бы наш командир Юнг не был смертельно ранен, то вам все равно не удалось бы с ним встретиться.

— Почему?

— Судя по его характеру, он не сдался бы вам

в плен. Он утопил бы свой броненосец и сам погиб бы вместе с ним. Решительный был человек.

Наступило неловкое молчание.

Пожилое лицо Номото сразу стало строгим. Косясь, он жестко посмотрел на боцмана, словно кот, у которого хотят отнять пойманную им жертву, и сухо приказал:

— Идите.

— Есть.

Воеводин свой разговор с Номото сейчас же передал мне. И мы долго ломали голову над тем, откуда японский командир знает Юнга. Я слышал от своих офицеров, что Юнг был женат на японке и даже имел от нее сына. Не на этой ли почве наш командир познакомился с Номото? [33]

Когда показались японские берега, к нам подошел наводчик Ятсуда и, улыбаясь, ошарашил нас новостью:

— Ваш адмирал Рожественский попал в плен. Штаб его тоже в плену.

Мы впились в японца глазами:

— Как, при каких обстоятельствах?

Но Ятсуда вместо ответа сказал:

— Теперь скоро кончится война.

Он не стал с нами больше разговаривать, и, сославшись на то, что ему некогда, убежал в нижнее помещение корабля.

Эта новость моментально облетела русских матросов, но никто ей не поверил. Возбужденно загалдели:

— Брешет азиат!

— Что Рожественский был дураком — мы все знаем. Но чтобы такой свирепый человек в плен сдался — никогда не поверю этому.

— Да если бы ему пришлось тонуть, так все равно он угрожал бы адмиралу Того кулаком.

— Не командующий, а угар. Рожественского японцы могли взять только мертвым.

В полдень, перед тем как войти в военный порт Майдзуру, нас, пленных, согнали в носовые кубрики, и вскоре мы услышали грохот отданного якоря. Перед нами открывались страницы новой жизни. Но все это, как и сдача кораблей, случилось только потому, что адмирал Небогатов подчинился приказу командующего эскадрой и пошел по курсу норд-ост 23° [34].

Часть третья

ГЛАВНАЯ ОПОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

1. ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ НИЧТОЖЕСТВО

Миноносцы «Бедовый» и «Буйный» издали походили друг на друга, как два близнеца,— оба черные, четырехтрубные, водоизмещением в триста пятьдесят тонн каждый. В день сражения, 14 мая, судьба столкнула их вместе, но перепутала их роли. А это привело к тому, что драма, разыгравшаяся в водах Японского моря, переплелась под конец с фарсом.

Командовал «Бедовым» капитан 2-го ранга Николай Васильевич Баранов. Ему не хватало до пятидесяти лет лишь одного года, но благодаря своему цветущему здоровью он выглядел гораздо моложе. Это был офицер гвардейского экипажа с лихой военной выправкой. Большая атласная борода, раздвоенная книзу, вьющиеся откинутые назад волосы, круглые глаза, покатый лоб, упрямо раздувающиеся ноздри,— все это великолепно гармонировало с его высоким ростом и широкими плечами. При встречах с высшим начальством редко кто мог отдать рапорт так умело и так картинно. Глядя на него со стороны, нельзя было усомниться в решимости его характера: да, такой командир не растеряется ни при каких обстоятельствах!

Адмирал Рожественский был о нем самого высокого мнения. Под руководством такого командира «Бедовый» всегда щеголял «фартовым», внешне-смотровым видом и неизменно удостаивался похвал начальника эскадры. Этот миноносец вместе с командиром ставился постоянно в особый пример остальным миноносцам. Недаром «Бедовый» был прикомандирован к флагманскому кораблю «Князь Суворов» для по-

сыльной службы; кроме того, приказом по эскадре он получил назначение — во время сражения с японцами следить за флагманским броненосцем и в случае его выхода из строя спасти с него адмирала и штаб.

Но те, кто знал Баранова ближе, кто служил под его началом, расценивали его совсем по-иному.

Морского училища Баранов не окончил, а был произведен в мичманы из юнкеров флота уже в солидном возрасте. Он не имел специальных знаний. Пушки, мины и разные сложные приборы на корабле были для него магией. Для того чтобы иметь возможность взять в командование миноносец «Бедовый», он, будучи в чине капитана 2-го ранга, целую зиму брал уроки штурманского дела у полковника Филипповского. Он не читал книг и не знал даже имен русских классиков; на всякое чтение смотрел как на вредную для офицеров революционную заразу.

Баранов был человек богатый: имел собственный каменный дом в центре Петербурга и дачу в Сестрорецке. Однако, несмотря на большие личные средства, скупость его не знала границ. На якорной стоянке миноносца в Порт-Саиде офицеры дюжинами покупали белые кители с брюками, платя за пару только пять франков. Баранов, находя такую цену слишком дорогой, ничего не купил. Зато он приобрел двадцать тысяч отвратительных абиссинских папирос, которые стоили четыре франка за тысячу. В походе через тропики он из экономии ходил в черном платье. Это был прирожденный маклак, который торговался со всеми из-за грошей. Для всех его подчиненных самым неприятным делом было — денежные расчеты с ним. Он мог целыми часами оспаривать какую-нибудь копейку и вгонял в пот матросов. Если кто-либо забывал взять от него расписку, выданную под аванс, то она погашалась вторично. Таким образом с мичмана Л. он дважды получил двадцать пять рублей. Однажды Баранов отказался дать денег на стол, заявив лейтенанту В., что таковые он уже уплатил, и, не смущаясь, не моргнув глазами, начал уверять:

— Неужели вы забыли? Ведь я же отлично помню, как было дело. Вы сидели вот здесь, а я там. Вы еще сказали при этом: какие новенькие деньги, даже жалко их тратить...

Около острова Крит произошел случай, надолго оставшийся в памяти офицеров и матросов. «Бедовый» тогда ходил в паре с миноносцем «Безупречный». Единственная шлюпка с этого миноносца, шедшая по рейду, вследствие перегруженности опрокинулась, и люди начали тонуть. С «Безупречного» обратились к Баранову за помощью, но он категорически отказался спустить свою шлюпку. Погибло девять человек. Это всех возмутило. А мичман Л., вопреки дисциплине, заявил своему командиру:

— Вы нарушили товарищескую морскую этику. Меня поражает сухость и черствость вашей души. Я скажу вам больше: я вас не считаю порядочным человеком.

Баранов на это только пожал плечами и высокомерно отвернулся.

На миноносце он вставал в двенадцать часов дня. Судовые офицеры не получали от него никаких указаний ни в отношении судовых работ, ни в отношении расписаний и производства учений. За полтора года «Бедовый» лишь один раз произвел учебно-боевую стрельбу на Бизертском озере — артиллерийскую и минную. Поэтому как боевая единица миноносец никуда не годился. Но Баранова это ничуть не смущало. Выходя на палубу, он зычно кричал на своих подчиненных:

— Я требую, чтобы мое судно блестело, как царская яхта!

Он был на редкость ленив, ничего не делал и все-таки сокрушенно жаловался в кают-компании своим же офицерам:

— Я один, помощников у меня нет.

Управлял кораблем Баранов плохо. Швартовка миноносца длилась у него минут двадцать — тридцать. Морского глазомера у него не было вовсе.

Чем же все-таки интересовался этот тупой и ограниченный человек? Карьерой, самой простой наживой и, как это ни странно, разными изобретениями. Он что-то выдумывал и чем-то хотел удивить мир. Разговорами на тему об изобретениях он изводил своих офицеров.

Однажды он вдохновенно сказал:

— Я верю, что люди со временем изобретут прибор для брачного сожительства на расстоянии.

На «Бедовом» не было ни одного человека, который относился бы к своему командиру без затаенной ненависти.

Офицеры о нем отзывались:

— Ему бы только командовать портовым буксиром, а не боевым кораблем.

— А я не дождусь того времени, когда избавлюсь из-под власти этого мошенника, позорящего офицерский мундир.

Еще хуже жилось матросам. Для них был создан каторжный режим. Обладавший большой физической силой, Баранов избивал их до крови; под ударами его кулака многие валились на палубу. Жаловаться было некуда и некому, и только между собой делились они горечью своей жизни:

— Разве это — его высокоблагородие? Нет! Это — его высокоподлородие!

— Адмиральский подхалим. Только скажи ему Рожественский, что, мол, щетки нет, сапоги нечем вычистить, так Баранов сейчас же бросится к нему в ноги и своей бородой вычистит ему сапоги.

Вообще это был человек жестокий, нечестный, без принципов, без чувства долга, лишенный даже намека на какое-либо благородство. Как же все-таки этот офицер держался во флоте? Как терпела его та среда, в которой он вращался? Каким образом он мог плавать целых два года в качестве старшего офицера на царской яхте «Полярная звезда»? Но такие офицеры не редки были во флоте. Поэтому Баранова не только не гнали из морского ведомства, но, наоборот, награждали: он имел пять русских и семь иностранных орденов, в том числе один японский — орден Восходящего солнца.

На броненосце «Александр III» плавал его сын, мичман Баранов, высокий и худощавый юноша, со стыдливым румянцем на безусом лице, с наивно-ясными глазами. Для него, только что вырвавшегося из желтых стен морского кадетского корпуса, жизнь была расцвечена в яркие краски заманчивых надежд. Но при встрече с отцом он становился грустным. Од-

нажды, завтракая в кают-компании миноносца, он обратился к офицерам с вопросом:

— За что здесь так не любят моего отца?

Офицеры переглянулись между собой, но ничего не сказали.

«Бедовый» с Барановым-отцом благополучно добрался до Цусимского пролива. Адмирал Рожественский за все это время продолжал смотреть на Баранова как на образцового командира. И только 14 мая, в день сражения с японцами, командующему пришлось жестоко разочароваться в своем любимце.

Флагманский броненосец «Князь Суворов», находясь во главе эскадры, выстроившейся в боевую кильватерную колонну, первый открыл стрельбу по неприятелю левым бортом. Но сейчас же сам подвергся ураганному огню противника. В это время, согласно боевому приказу, миноносец «Бедовый» вместе с репетичным крейсером «Жемчуг» находился на правом траверзе флагманского корабля, в четырех кабельтовых от него.

Пока не угрожала опасность, Баранов стоял на мостике, гордо держа голову и бросая по сторонам орлиные взгляды. Пятибалльный ветер играл его атласной бородой, рассыпая русые волосы по широким плечам или сдувая их в сторону. Но первый же столб воды, вздыбившийся недалеко от борта миноносца, заставил командира съежиться. Подняв плечи до самых ушей, он направил «Бедового» дальше от эскадры, туда, куда не долетали неприятельские снаряды.

Погибал броненосец «Ослябя» — первая жертва Цусимского боя. В этот момент «Бедовый» случайно проходил близко от него. Было видно, как с броненосца люди прыгали в море. Вместо того чтобы оказать им помощь, Баранов развернул свой миноносец и полным ходом направил его прочь от «Осляби». Такой поступок вызвал протест со стороны офицеров и нижних чинов. На миноносце послышался глухой ропот. А некоторые, не утерпев, начали громко выкрикивать:

— Почему не спасаем погибающих?

— А если с нами так случится?

— Врагам, и то оказывают помощь...

На этот раз Баранов не посмел не послушать своих подчиненных. Пришлось повернуть миноносец об-

ратно. Но было уже поздно: «Ослябя» исчез с поверхности, и людей с него подбирали другие миноносцы — «Буйный» и «Бравый», которые, несмотря на то, что были от гибнущего корабля дальше, чем «Бедовый», появились на месте раньше него. Правда, несколько человек все-таки можно было выловить, но неприятель открыл огонь по миноносцам, и «Бедовый», не долго раздумывая, отошел опять в безопасную сторону. На него не подобрали ни одного человека. Но это мало тревожило Баранова. Он даже как будто обрадовался и, желая успокоить других, заговорил:

— Как жаль, что мы опоздали! Впрочем, набрать таких мокрых и грязных гостей — для нас не очень большое удовольствие. Они бы выжили нас из помещений.

Позднее вышел из строя броненосец «Александр III». Баранов, умышленно считая его за «Суворова», направил «Бедового» к нему. Сблизившись с ним настолько, что можно было переговариваться, командир миноносца начал кричать:

— На «Александре»! Можно ли вызвать мичмана Баранова? Передайте ему, что его хочет видеть отец.

Ему никто ничего не ответил. Броненосец, изрешеченный, с развороченными внутренностями, с разбитыми верхними частями, был весь в огне. Люди тушили пожар.

Баранов приказал переспросить о судьбе своего сына по семафору. И на этот раз ответа не получил. Вокруг начали падать снаряды. На «Бедовом» раздались недовольные голоса:

— С «Осляби» никого не спасли, а тут зря рискуем жизнью.

Миноносец полным ходом направился к вспомогательным крейсерам. Впервые командир предстал перед подчиненными таким удрученным. Он как-то сразу потерял твердость, обмяк, круглые глаза покраснели. Безнадежно он оглядывался назад, на пылающий броненосец, где остался его родной сын, обреченный на смерть.

За все время дневного боя «Бедовый» ни одного раза не подошел к флагманскому кораблю. Он не сделал ни одного выстрела, не выпустил ни одной мины, зато и сам не получил никаких повреждений.

Вечером «Бедовый» вместе с миноносцем «Грозный» присоединился к крейсеру «Дмитрий Донской» и пошел за ним. Наступила ночь. Вблизи и где-то далеко слышались раскаты орудийных выстрелов. Строчили пространство пулеметы, резали тьму световые полосы прожекторов. Три судна двигались вместе. «Бедовый» держался на правой раковине крейсера. Командир Баранов наказывал своим подчиненным:

— Как свой глаз, берегите «Донского». Не отставать от него. Это наш защитник.

Неожиданно в трех-четырех кабельтовых смутно обрисовался силуэт какого-то корабля, открывшего огонь по миноносцу.

Баранов завопил:

— Боже мой, да что же это такое делается?!

Это оказался крейсер «Владимир Мономах», принявший свои миноносцы за неприятельские. Однако все обошлось благополучно.

Когда опасность миновала, командир Баранов, успокоившись, начал покрикивать на мостике:

— Ближе, ближе держитесь к «Донскому», чтобы он не спутал нас с японцами!

Остальная часть ночи прошла без приключений.

2. «БУЙНЫЙ» СПАСАЕТ ФЛАГМАНА

Полную противоположность Баранову представлял собою командир «Буйного» капитан 2-го ранга Николай Николаевич Коломейцев, моряк тридцати восьми лет, высокого роста, статный, стремительно бегающий по палубе. Если бы кто-нибудь вздумал проставить приметы его лица в паспорте, то он написал бы так: худощавый блондин, проницательно-серые глаза, задумчивый лоб, прямой тонкий нос, маленький рот с плотно сжатыми губами, закрученные кверху усики, бородка плоской кисточкой. Но под этой обычной для многих офицеров внешностью скрывались непоколебимая сила воли, смелость и находчивость.

Начитанный и образованный, он знал несколько иностранных языков. Ему не раз приходилось бывать

в заграничных плаваниях. Перед войной он командовал ледоколом «Ермак» и показал себя отличным капитаном.

Некоторые из офицеров знали такой случай из прошлой жизни Коломейцева.

В 1900 году Академией наук была организована экспедиция под начальством барона Толя для исследования Новосибирских островов в Ледовитом океане. В июне экспедиция отправилась из Петербурга на яхте «Заря», держа направление вокруг Норвегии на Мурман. А через три месяца, пройдя Югорским Шаром, яхта уже вступила в Карское море. Плавание продолжалось, пока не достигли Таймырского полуострова. Здесь в одной из бухт, недалеко от мыса Челюскина, затираемая льдами «Заря» остановилась на зимовку.

В числе членов экспедиции находился и лейтенант Коломейцев. Сначала он помогал барону Толю, разъезжая на собаках по берегу, производить научные наблюдения. Потом между ними произошла из-за чего-то ссора. Разрыв углубился, совместная жизнь становилась несносной. Возможность примирения исключалась: и тот и другой были самолюбивы.

Тогда лейтенант Коломейцев решил покинуть яхту «Заря», подговорив на это еще одного человека — казака Расторгуева. Но перед ними стал грозный вопрос: куда идти? Первая деревня Гальчиха в несколько дворов, расположенная на берегу Енисея, находилась за девятьсот километров. На таком длинном пути можно было встретить и снежные заносы, и горы, и провалы, и другие неожиданные препятствия. Свирепствовала зима с жесточайшими морозами. Над огромнейшей пустыней, не знавшей никого, кроме голодных зверей, висела трехмесячная полярная ночь. Временами угрюмая тьма наполнялась многоголосым воем пурги, от которой можно было спастись, лишь зарывшись в сугроб. Но Коломейцев был непоколебим и от своего решения не отступил: он ушел вместе с Расторгуевым. Оставшиеся на зимовке члены экспедиции считали лейтенанта и его спутника безумцами, которые сами себя обрекали на гибель. Поэтому очень обрадовались, когда через двое суток снова увидели их на борту «Зари». Барон Толь торжествовал. Но

напрасно! Коломейцев вернулся на яхту только потому, что забыл... иголки к примусу! В течение нескольких часов он отдыхал, после чего опять вместе с казаком отправился в далекий путь. На этот раз оба благополучно достигли Гальчихи.

На «Буйном» Коломейцев завел строгую, но разумную дисциплину. Прежде всего он требовал от своих подчиненных знания морского дела, умелого обращения с механизмами, меткости минной и артиллерийской стрельбы и четкости в исполнении его распоряжений. Боевая подготовка на его миноносце всегда стояла на должной высоте.

Командир Коломейцев был человек независимый, он не любил пресмыкаться перед высшими чинами. За это-то его и не выносил командующий эскадрой. Миноносец «Буйный» весь поход служил мишенью для издевательств адмирала Рожественского. Приказы отдавались в таком духе: «Как всегда, миноносец «Буйный» выделялся своим буйным видом и портил колонну...»

Во время стоянки на Мадагаскаре Коломейцев внезапно заболел желтой лихорадкой. Он сдал командование своему помощнику и отправился на госпитальный корабль, так как на миноносце не было ни врача, ни лазарета. О своей болезни он немедленно сообщил в штаб. По этому поводу появился приказ адмирала, в котором говорилось: «Командир «Буйного» позорно дезертировал с миноносца, бросив его на произвол судьбы...» Между тем Коломейцев лежал больной с сорокаградусной температурой.

И вот в Цусимском бою, когда потребовалась действительная отвага, а не бутафория, случай как бы нарочно сопоставил этих двух командиров — Баранова и Коломейцева.

Как только «Ослябя» вышел из строя, «Буйный» полным ходом направился к нему. Броненосец скоро утонул. На месте его гибели этот миноносец оказался раньше всех. Он остановился среди гущи людей, барахтающихся в волнах. Коломейцев, стоя на мостике, командовал резким голосом:

— Вельбот спустить! Приготовить концы для спасания!

Его офицеры и матросы знали, что нужно делать, и началась энергичная, без лишней суеты работа. Кругом, в волнах, под обстрелом неприятеля, гибли многие жизни. На миноносец доносились вопли о спасении. За борт то и дело выбрасывались концы, за которые судорожно хватались руки утопающих. А дальних ослябцев подбирал единственный вельбот с двумя гребцами, ловко управляемый мичманом Храбро-Василевским.

Подоспел миноносец «Бравый» и тоже занялся спасанием людей.

«Буйный» заполнялся живым грузом. С ослябцев, смачивая палубу, ручьями стекала вода. Спасенные жались друг к другу, дрожа и пугливо озираясь, словно не веря, что попали на другое судно. Среди них было несколько строевых офицеров и флагманский штурман, подполковник Осипов, раненный в голову.

Эскадра уходила дальше. Японские крейсеры теснившие наш арьергард, приближаясь, открыли жестокий огонь по спасающим миноносцам. Больше задерживаться здесь нельзя было. Командир Коломейцев, приложив рупор к губам, громко крикнул:

— На вельботе! Немедленно к борту!

В это время, уже уходя, «Бравый» потерял фок-мачту.

«Буйный», двигаясь среди плавающих обломков, изуродовал себе правый винт. На левый же винт намотался стальной трос и, подтянув кусок ослябского грот-рея к днищу, застопорил машину. Инженер-механик поручик Даниленко с проворством акробата выскочил из машины на корму и, заглянув за борт, сразу понял, в чем дело. Нужно было иметь очень крепкие нервы, чтобы не содрогнуться при этом и не потерять разума: миноносец как бы очутился в кандалах и обрекался на уничтожение со всем своим населением. Размышлять было некогда. По приказанию механика машина дала несколько оборотов назад. Трос ослаб, матросы зацепили его крючком и, вытащив на палубу, перерубили. Теперь машина могла работать свободно.

Вельбот подошел под тали. С него приняли спасенных. Но поднимать его было некогда — пришлось с ним расстаться.

«Буйный», развернувшись и стреляя по неприятелю, дал полный ход вперед, вдогонку за эскадрой. За кормой его слышались отчаянные крики четырех человек, которых не успели подобрать. Но он не мог больше рисковать собою и спасенными людьми. Их было на борту уже двести четыре человека.

Несколько меньше спас «Бравый».

А все остальные ослябцы, более пятисот человек, были уже под водою.

И еще остался один — адмирал Фелькерзам в своем запаянном цинковом гробу. Но при опрокидывании броненосца гроб всплыл на поверхность моря. За него некоторое время, спасаясь от смерти, держался какой-то матрос. Он был подобран миноносцем. А гроб с мертвецом продолжал плавать, одиноко качаясь на волнах, будто покойный адмирал решил до конца лично присутствовать при разгроме нашей эскадры.

Коломейцев следовал на своем миноносце в хвосте крейсеров, когда на правом крамболе, далеко от эскадры, показался какой-то горящий броненосец. Он был без труб, без мачт, но, по-видимому, еще двигался, держа направление на зюйд. При юго-западном ветре дым от пожара, разлохмачиваясь, загнулся громадной черной гривой на левый борт и корму.

— Неужели это «Суворов»? — спросил Коломейцев с дрожью в голосе.

Бинокли направились в сторону горящего броненосца.

— Похоже на то,— ответил мичман Храбро-Василевский.

— Но почему же нет около него «Бедового»?

— Вблизи броненосца держится еще одно судно, кажется, «Камчатка».

«Буйный» повернул на сближение с ними. Туда же, показавшись от зюйд-оста, направились неприятельские броненосные крейсеры. Миноносцу предстояло опаснейшее испытание.

Командир Коломейцев еще долго не мог опознать в плавающей и дымящейся развалине своего прежнего флагманского корабля. И только подойдя ближе, понял, что перед ним «Суворов». Мысль, что там, на одиноком корабле, уже покинутом эскадрой, среди пламени, груды стальных обломков и трупов, еще на-

ходится командующий эскадрой, пронизала мозг. Пренебрегая всякой опасностью, полным ходом и на виду открывших огонь неприятельских крейсеров «Буйный» понесся к этому броневому остову, стараясь его бортом прикрыться от неприятеля. Уже можно было различить сохранившуюся шестидюймовую башню на правом срезе корабля. Из-за башни появилась человеческая фигура и начала семафорить руками: «Примите адмирала».

«Суворов» теперь стоял с застопоренными машинами. Только громоздкий стальной корпус сохранил свою прежнюю форму, а все остальное зияло проломами, бугрилось рваным железом. Краска на борту обгорела. Кормовая двенадцатидюймовая башня была взорвана, и броневая крыша с нее сброшена на ют. Остальные башни, заклиненные и поврежденные, безмолвствовали. Из них под разными углами возвышения торчали орудия с оторванными стволами. Бездействовала и артиллерия батарейной палубы. К довершению всего на «Суворове» буйствовал огонь, разрушая уцелевшие остатки корабля.

«Буйный» приблизился к броненосцу настолько, что можно было переговариваться голосом. Прапорщик Курсель, стоявший на срезе у шестидюймовой башни, кричал, обращаясь к командиру миноносца:

— У нас все шлюпки разбиты! «Бедовый» не подходил совсем! Адмирал ранен! Надо его во что бы то ни стало взять на миноносец!

В ответ раздался пронзительный голос Коломейцева:

— Хорошо! Но у меня тоже нет шлюпки — я свой вельбот оставил, когда спасал ослябскую команду! Придется пристать к броненосцу вплотную!

Задача предстояла чрезвычайно трудная. С подветренной стороны было меньше зыби, но зато здесь из отверстий и проломов корабля, как из окон пылающего здания, вырывались языки огня и густые клубы дыма. Кроме того, этот левый борт обстреливался неприятелем. Пристать здесь было немыслимо. Пришлось выбрать для этого наветренный правый борт.

Под гул неприятельских снарядов раздался властный приказ командира Коломейцева:

— Поставить команду по борту с койками и пользоваться ими, как кранцами!

«Буйный» быстро пристал к броненосцу и, застопорив машину, пришвартовался к его борту. Однако не обошлось без аварии: суворовский «выстрел», за который на стоянках обыкновенно привязывают шлюпки, немного откинувшись, задел за 47-миллиметровую пушку на миноносце и свернул тумбу. Этот «выстрел» немедленно обрубили.

Прапорщик Курсель сообщил:

— Адмирал находится в правой средней башне. Сейчас его принесут.

Но проходили тягостные минуты, а командующего все еще не приносили. Оказалось, что в средней башне заклинилась дверь. Ее немного приоткрыли. Матросы могли проходить свободно, но в узкое отверстие невозможно было протащить грузное тело адмирала. Бились с ним долго, занося его то головою вперед, то ногами, ворочая с боку на бок и склоняя над ним потные лица. За ноги его держал машинист Александр Колотушкин, за плечи — штабной писарь Матизен, и за спину поддерживали двое комендоров. Нижние чины теперь обращались с ним самым бесцеремонным образом, словно это был тюк с дешевым товаром, а не командующий эскадрой. Он тяжко стонал:

— Ой, больно, больно! Осторожнее...

Наконец его силой выдернули из башни. Адмирал потерял сознание.

Пока возились с ним, «Буйный» терпеливо ждал, находясь сам в чрезвычайной опасности. Он сильно качался на зыби, рискуя разбить свой тонкий корпус о тяжелый борт броненосца. Поблизости падали снаряды и, взрываясь, поднимали столбы воды. Командир Коломейцев ясно понимал, что, решившись спасти адмирала со штабом, он взял на себя страшную ответственность. Каждое мгновение можно было ждать, что его маленькое судно провалится в пучину со всем экипажем и с ослябской командой, уже побывавшей в море и хватившей соленой воды. В поднимающихся волнах моря, в пожаре флагманского корабля, в громовом грохоте неприятельской артиллерии и во взрывах снарядов дышала сама смерть. Пронизываемый сталью воздух колебался и гулко вибрировал, словно

в нем протянулись толстые, туго натянутые струны. При каждом полете снаряда ослябцы, находившиеся на верхней палубе миноносца, приседали, прикрывали голову руками, дрожали. Бледные лица с выпученными глазами были бессмысленны. Но командир Коломейцев, этот высокий человек с бородкой, похожей на плоскую кисточку, внешне был спокоен. Он выпрямился, как часовой на посту. Брови пружинами подтянулись к переносице. Его распоряжения были повелительны и коротки, как взмахи сабли.

Недалеко от «Суворова» качалась пловучая мастерская «Камчатка», прозванная Рожественским «Грязной прачкой». В нее попал снаряд около трубы, подняв черный столб дыма. Труба свалилась.

Из пылающих развалин броненосца наконец показалась группа офицеров и несколько человек команды. Адмирала несли на руках. Это уже был не начальник, не властный и бесноватый самодур, перед которым трепетала вся эскадра. Теперь он производил жалкое впечатление: все платье изорвано, покрыто грязью и копотью, одна нога в ботинке, а другая обернута матросской форменкой, голова перевязана полотенцем, лицо запачкано сажей и кровью, часть бороды обгорела. Поверженный в прах, адмирал больше не вызывал к себе прежней ненависти. Нужно было с ним спешить. Уловив момент, когда палуба миноносца, поднятая зыбью, сравнялась со срезом броненосца, Рожественского перебросили на руки команды «Буйного». Адмирал устало открыл черные глаза и, блуждая ими, вдруг удивленно расширил зрачки: на него, не то сожалея, не то торжествуя, в упор, с какой-то загадочной настойчивостью смотрел ненавистный ему человек, а теперь спаситель, капитан 2-го ранга Коломейцев. Это продолжалось несколько секунд. Лицо адмирала дрогнуло, разбухшие веки тяжело опустились. Командующего унесли в каюту командира.

Вслед за ним перебрались на миноносец и чины его штаба: флаг-капитан капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг, флагманский штурман полковник Филипповский, заведующий военно-морским отделом капитан 2-го ранга Семенов, минный офицер лейтенант Леонтьев, флаг-офицеры Кржижановский и мичман

Демчинский, юнкер Максимов. Кроме того, успели прыгнуть на миноносец четырнадцать человек из суворовской команды, матросы разных специальностей: боцман, писарь, сигнальщик, кочегар, машинист, ординарец и другие.

В их числе оказался и вестовой адмирала — Петр Пучков.

Клапье-де-Колонг обратился к прапорщику Курселю, стоявшему на срезе:

— А вы не хотите?

— Нет, я останусь на броненосце до конца! — твердо заявил тот.

Отказались перебраться на миноносец и еще два офицера — лейтенанты Богданов и Вырубов. На предложение флаг-капитана оставить броненосец они ничего не ответили, как будто не расслышали слов, обращенных к ним. Богданов скрылся в глубине пылающего судна, а Вырубов остался на срезе. Осталась и команда, состоявшая из девятисот человек (часть из них была убита и ранена). И те из живых, которые видели всю эту операцию, с тревогой смотрели на бегство высшего начальства: пришлет ли оно какой-нибудь корабль к гибнущему «Суворову», чтобы снять с него людей?

До сих пор «Буйный» прикрывался от неприятеля корпусом броненосца. Но как ему отвалить от наветренного борта при такой зыби? Он дал задний ход и стал разворачиваться.

Когда борта обоих судов отделились друг от друга, на «Буйный» решил перебраться еще один матрос. До этого момента он колебался, оставаться ли ему на «Суворове» или спасаться. Но осколок, разорвавший на нем фланелевую рубаху, рассеял его сомнения. Небольшой и худощавый, он с легкостью белки перемахнул саженное расстояние и, цепко ухватившись за поручни миноносца, поднялся на его палубу. В нем узнали минера Жильцова. Прыгнувший по примеру Жильцова следующий матрос промахнулся и, не попав на уходивший миноносец, с криком поплыл за ним.

По «Буйному» противник открыл убийственный огонь. Снаряд, разорвавшись около борта, пробил осколком носовую часть миноносца выше ватерлинии.

На юте был убит наповал спасенный с «Осляби» квартирмейстер Шувалов.

На «Суворове» мало осталось офицеров в строю. Почти все они были ранены и убиты. Прапорщик Курсель постоял немного и, понурив голову, направился к корме, в свой каземат, где уцелела лишь одна трехдюймовая пушка. Лейтенант Вырубов продолжал стоять на срезе и, размахивая фуражкой, что-то кричал вслед удалявшемуся миноносцу. Пересевшие на «Буйный» суворовцы в последний раз пристально смотрели на свой корабль. Вдруг перед их глазами вместо Вырубова в воздухе развернулся красный зонтик. Через секунду на срезе броненосца уже ничего не было видно: от разорвавшегося снаряда человек молниеносно исчез, как вспыхнувший порошок магния.

«Буйный» дал полный ход вперед, стараясь скорее выйти из сферы огня. Через час он нагнал наш крейсерский отряд. По распоряжению Клапье-де-Колонга на миноносце подняли сигнал: «Адмирал передает командование адмиралу Небогатову». Вслед за этим было поручено миноносцу «Безупречному» приблизиться к флагманскому судну «Николай I» и сообщить Небогатову, что он вступает в командование всей эскадрой.

За все время боя это было второе и последнее распоряжение Рожественского.

Фельдшер Кудинов оказал ему первую медицинскую помощь. Рожественский имел несколько ранений: под правой лопаткой, в правом бедре, в левой пятке и на лбу. Из всех ран самой серьезной была последняя. Но адмирал находился в полном сознании. К нему приходили в каюту командир миноносца и офицеры штаба. Он расспрашивал их о впечатлениях сражения и сам вставлял свои замечания. Насчет курса он сказал:

— Надо идти во Владивосток.

«Буйный» шел вместе с крейсерами «Светлана», «Владимир Мономах», «Изумруд» и «Дмитрий Донской». Ночью эти крейсеры разошлись в разные стороны. Он остался в компании «Донского» и двух миноносцев. Позднее он и от них начал отставать.

Под покровом ночи, покачиваясь на зыби, «Буйный» в одиночестве, без огней двигался вперед тихим

ходом. Но все сильнее сказывалась его непригодность к дальнейшему плаванию. В машине лопнул теплый ящик, котлы приходилось питать забортной водой. Один котел совсем засорился, и его выключили. Стучала машина. Уголь был на исходе. Таким образом мечта достигнуть Владивостока сменилась полной безнадежностью. С другой стороны, японцы продолжали преследовать остатки нашей эскадры. Опасность отодвинулась только на время.

Было далеко за полночь, когда командир миноносца решил посоветоваться со штабом. Для этого он спустился в кают-компанию и, разбудив спавших там Клапье-де-Колонга и Филипповского, рассказал им, в каком положении находится «Буйный». В заключение он добавил:

— Остается только одно — пристать к какому-нибудь берегу, высадить адмирала и остальных людей, а потом взорвать миноносец.

Казалось, только того и ждали чины штаба.

Полковник Филипповский сейчас же внес предложение:

— По-моему, ради спасения адмирала, при встрече с японцами в бой не следует вступать совсем, а поднять белый флаг и начать с японцами переговоры.

С ним согласился капитан 2-го ранга Семенов и добавил:

— Тем более, что миноносец совершенно утратил свое боевое значение и не представляет собою никакой ценности. Он загружен ранеными и полузахлебнувшимися людьми. Если на нем поднять флаг Красного креста, то это будет госпитальное судно.

— Да, но такой вопрос мы не можем решить без самого адмирала,— вставил Клапье-де-Колонг.

А командир Коломейцев категорически заявил:

— Во всяком случае, я настаиваю на том, чтобы обо всем доложить адмиралу.

Филипповский, Клапье-де-Колонг и командир миноносца пошли к Рожественскому, лежавшему в отдельной каюте. Коломейцев взял его за руку. Адмирал открыл глаза. Тогда Филипповский доложил ему

о положении миноносца и о необходимости в случае встречи с японцами сдаться в плен.

И грозный адмирал, выслушав его, на этот раз смиренно ответил:

— Не стесняйтесь моим присутствием и поступайте так, как будто меня совсем нет на миноносце.

Штабные чины поняли его. И с этого момента среди них началось оживление. Командир Коломейцев ушел наверх узнать мнение своих офицеров, а в кают-компании совещались, спорили. Но все сводилось к тому, как уберечь жизнь адмирала, а вместе с ним, значит, уберечь и свои головы. Оставалось уговорить командира Коломейцева. Он требовал от штабных письменного протокола. А как можно было выдать ему такой документ? Он считался храбрым командиром; он, помимо всего, мог затаить злобу против адмирала и штаба за несправедливые нападки на него, и ничего не будет удивительного, если он арестует их всех, ибо начальство, замыслившее сдать судно противнику, перестает быть начальством. Увидав судового офицера, низкорослого толстяка лейтенанта Вурма, штабные чины приказали ему достать простыню, а потом послали его с нею на мостик к командиру.

— Это что значит? — строго спросил Коломейцев.

— Штаб распорядился, если встретимся с японцами, поднять простыню вместо белого флага,— объяснил лейтенант Вурм.

Командир рассердился и закричал:

— Что за трагикомедия? Я — командир русского военного судна, и вдруг повезу своего адмирала в плен! Этого никогда не будет!

Он выхватил из рук лейтенанта Вурма простыню и выбросил ее за борт. А потом добавил:

— Идите вниз и спросите у них письменный протокол, тогда посмотрим, что нужно делать.

Когда лейтенант Вурм спустился в кают-компанию, то все штабные чины уже спали, а может быть, только притворялись спящими. Он разбудил их и передал им поручение командира. Они выслушали его, но ничего на это не сказали.

А что стало с брошенной эскадрой? Теперь этот вопрос никого больше не интересовал. Никто также

не вспомнил и о «Суворове». На броненосце остались сотни живых людей. Быть может, они надеялись, что штаб позаботится о них и сделает распоряжение снять экипаж с погибающего флагманского корабля на другое судно. Но штаб, занятый собою, своим бегством, об этом забыл.

А между тем «Суворов» подвергся страшной участи. В конце дневного боя, после семи часов вечера, с японской стороны появились миноносцы и, как стаи гончих, набросились на некогда могучего, а теперь умирающего зверя. Но и в эту минуту он издал предсмертное рыкание. В кормовом каземате засверкали вспышки выстрелов последнего трехдюймового орудия. Там на своем посту оставался верный кораблю прапорщик Курсель. Только зайдя с носу и выйдя из-под обстрела кормового каземата, японцы смогли выпустить свои мины почти в упор. Три или четыре удара одновременно получил и без того истерзанный броненосец, на момент высоко выбросил пламя и, окутавшись облаками черного и желтого дыма, быстро затонул.

Спасенных не было.

А в пяти кабельтовых от «Суворова» через несколько минут сложила свою голову и «Камчатка». Она пыталась защитить свой флагманский корабль, имея у себя на борту всего лишь четыре маленьких 47-миллиметровых пушки. Большой снаряд разорвался в ее носовой части, и она стремительно последовала на дно за броненосцем.

С «Камчатки», на которой плавали преимущественно вольнонаемные рабочие, мало осталось свидетелей...

3. КРЕЙСЕР «ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ» В ВЕРНЫХ РУКАХ

Двухтрубный крейсер «Дмитрий Донской», водоизмещением в шесть тысяч двести тонн, с двумя машинами системы компаунд, работающими на один вал, был спущен на воду в 1885 году. В молодости он мог развивать ход до семнадцати узлов. По правилам германского флота, срок службы для крейсеров считается двадцать лет. В Цусимский пролив он при-

был именно в таком возрасте. Это был уже старик, с изношенными механизмами, с пониженным ходом, не превышающим тринадцати узлов. Только артиллерия на нем была заменена новой. Несмотря на боевое перевооружение, в глазах адмирала Рожественского это судно способно было нести лишь караульную службу в гавани или на рейде и поэтому носило особую кличку — «Брандвахта».

Согласно приказу командующего «Дмитрий Донской» вместе с другими крейсерами должен был во время боя охранять транспорты. Возложенные на него обязанности он выполнял в дневном бою 14 мая довольно добросовестно. Шесть пушек его 6-дюймовых и шесть 120-миллиметровых при каждом удобном случае подбавляли и свои голоса в общий артиллерийский рев эскадры.

В начале боя на «Донском» что-то случилось с рулевой машиной: отказалась работать. На мостик немедленно был вызван старший офицер капитан 2-го ранга Блохин. Командир судна капитан 1-го ранга Иван Николаевич Лебедев, обращаясь к нему, заговорил своим обычным мягким голосом:

— Вот в чем дело, Константин Платонович. У нас почему-то скисла рулевая машина. Немедленно идите на задний мостик и оттуда будете управлять крейсером.

— Есть! — подбросив правую руку к козырьку, почтительно ответил старший офицер.

Блохин сошел на палубу и тяжелой походкой, покачиваясь, направился к корме. Ручной штурвал под его руководством быстро был приведен в действие. На заднем мостике старший офицер остался надолго.

По временам большелобая голова его медленно поворачивалась, охватывая поле сражения оценивающим взглядом холодных серых глаз.

Его коренастая фигура осела и еще крепче сбилась к сорока трем годам. Круглое и загорелое лицо его поросло русой бородой, которой парикмахерские ножницы придали форму лопаты. Широкий, толстый нос уверенно покоился над его белобрысыми пушистыми усами.

Сам исполнительный и точный, Блохин требовал того же и от своих подчиненных. Он кончил Морскую

академию и считался хорошим математиком. До назначения его на должность старшего офицера он служил воспитателем в морском корпусе, где преподавал астрономию, морскую съемку и математику. Кадеты побаивались его за строгость. Читая лекции, он держался с такой уверенностью, что ему дали прозвище: «Несокрушимый апломб». Корабль свой держал в порядке и чистоте, насколько позволяли условия плавания. В кают-компании любил попьянствовать с офицерами, но на верхней палубе в отношениях с ними был очень требователен. У него была страсть к спорам. Целыми часами он доказывал минным и артиллерийским офицерам, что они неправильно воспитывают своих специалистов. Команда, зажатая им в железные тиски дисциплины, боялась его. А он, обладая прекрасной памятью, знал всех матросов на судне не только по фамилиям, но и по личным свойствам каждого из них. Характер у него был спокойный, но твердый и решительный в нужный момент.

Командир Лебедев, который был лет на двенадцать старше своего помощника, представлял собою другой тип. Высокий, тощий, с бородкой клином, с проседью на висках, с постоянным беспокойством в черных глазах, над которыми раскинулись реющие брови, он не любил большой официальности и относился ко всем проще и задушевнее. Будучи хорошим капитаном, он терпеть не мог выслуживаться перед высшими чинами и знал себе цену. Такому человеку трудно было ужиться в морском ведомстве, где, несмотря на внешний блеск, всякий свежий ум плесневел в рутине. И Лебедев не выдержал — бросил службу во флоте и уехал за границу. Он был тогда только лейтенантом. Нелегко ему было и на чужбине. В погоне за средствами к существованию ему приходилось браться за первое попавшееся дело. Несколько месяцев он работал грузчиком в Гаврском порту, испытывая на себе всю тяжесть физического труда. Этот неприглядный период его жизни скрашивала лишь молодая жена, которую он взял из бедной французской семьи. От нее он имел двух детей. Через несколько лет, гонимый бедностью, он вернулся в Россию и опять поступил во флот. Русско-японская война застала его в чине капитана 1-го ранга.

Командовал он крейсером «Дмитрий Донской» лучше, чем многие командиры, но Рожественский не любил его. Во время похода на Дальний Восток малейший промах Лебедева командующий эскадрой раздувал в целое преступление и, раздражаясь, кричал своим флаг-офицерам:

— Поднимите сигнал с выговором этому вонючему либералу!

Получая несправедливые выговоры и разносы, Лебедев не оставался в долгу. Пусть заочно, лишь в присутствии своих офицеров, но он изредка вспоминал адмирала:

— Да, ничего не поделаешь: на каждом плече у него по два орла. Но ведь всем известно, что эти птицы любят садиться на падаль.

Спустя каких-нибудь полчаса после начала сражения с японцами Лебедев уже понимал, что дело безнадежно проиграно. Он неоднократно выходил из боевой рубки и, стоя открыто на переднем мостике, мог хорошо наблюдать за ходом событий. Давно уже горел флагманский корабль «Суворов», затем запылал «Александр III», а броненосец «Ослябя» опрокинулся. Наша эскадра сражалась неумело, маневрировала постыдно плохо. Но больше всего его возмущали транспорты, которые плелись за эскадрой без всякого строя, несуразной кучей. Обращаясь к своим офицерам, он показывал на транспорты и кричал:

— Ведь это не военные корабли, а сброд, толпа плавучих посудин! Вы только посмотрите! Они скучились, точно в гавани. За каким чертом взял их с собой командующий? Для охраны их сколько крейсеров пришлось оттянуть от главных сил!

Неприятельские второстепенные корабли, видя заманчивую цель, все больше и настойчивее нажимали на наш арьергард, появляясь то с одной его стороны, то с другой. Под их натиском транспорты бросались в интервалы между своими крейсерами, прорезывая их строй кильватерной колонны. В моменты таких перестроений наши суда попадали под угрозу столкновений друг с другом. «Донской», перекладывая руль то направо, то налево и маневрируя, вынужден был постоянно крутиться, стопорить машину, иногда даже давать ход назад. От стрельбы, производимой на цир-

куляции крейсера, японцы нисколько не страдали, нанося в то же время большой вред нашим судам.

Командир все это видел и понимал, что здесь, в далеких водах Японского моря, вблизи острова Цусима, бесповоротно рушатся последние надежды России. Он был храбрый человек, но никакой отвагой уже нельзя было спасти безнадежного положения. И, надвигаясь на глаза, хмурились его реющие брови.

Блохин неотлучно находился на заднем мостике, стоял твердо и неподвижно, словно вдолбленный в настил палубы. Долг службы для него был прежде всего. Он не покидал своего поста до тех пор, пока не исправили рулевую машину.

«Дмитрий Донской» успел за день разбросать из своих пушек полторы тысячи снарядов. Но противник мало обращал на него внимания, сосредоточивая огонь на более новых кораблях. На нем возник только один пожар, который удалось тут же потушить; раненых было человек восемь.

К ночи остатки разбитой эскадры, как мы знаем, очутились в разных местах небольшими отрядами. Некоторые суда, потеряв своих флагманов, блуждали в одиночестве, не зная, куда идти. В таком же положении оказался и «Дмитрий Донской». Сгущалась тьма. Он переживал тревожную ночь, отбиваясь от минных атак. На него, бросившись от своих миноносцев, чуть не налетел крейсер «Владимир Мономах». Оба эти корабля так приблизились друг к другу, что на «Донском» едва успели положить руль «лево на борт», и только этим маневром спаслись от катастрофы. Неразбериха, сопровождаемая нервным артиллерийским огнем, продолжалась долгое время. То и дело раздавались отчаянные выкрики:

— Миноносец справа!

— Миноносец слева!

— Силуэт на правом крамболе!

Огненные вспышки, орудийный грохот и гул снарядов насыщали тьму безумием.

Только к полуночи, закрыв огни, крейсер вышел из сферы боя.

На переднем мостике Лебедев созвал военный совет и поставил перед ним вопрос:

— Куда теперь нам идти?

И тут же, не дожидаясь ответа, добавил по обыкновению своим быстрым говором:

— Мы должны бы находиться в отряде крейсеров Энквиста. Но адмирал, пользуясь преимуществом хода таких новейших судов, как «Олег», «Аврора» и «Жемчуг», ушел от нас, скрылся в зюйд-вестовой четверти. Мы пытались за ним гнаться. Не наша вина, если мы на своем старике от него отстали. А искать его, мне кажется, было бы бесполезно.

— Идем во Владивосток! — раздались голоса офицеров.

— Иного пути нам нет! — подхватили другие.

На этом предложении, поговорив немного, остановились все.

В первом часу ночи взяли высоту Полярной звезды. Вычисления показали, что крейсер находится на сорок пять миль севернее Корейского пролива. Значит, «Дмитрий Донской» вышел уже в широкую часть Японского моря, держа курс теперь норд-ост 23°. Одно лишь беспокоило многих — за кормою двигались три миноносца, и не было уверенности, что это свои. Во всяком случае, за ними следили, держа наготове пушки. Медленно проходила ночь, напряженная, угрожающая неожиданными бедствиями. Где-то в пространстве несколько раз пытались переговариваться по беспроволочному телеграфу японцы. Но сейчас же станция крейсера, впутываясь в их разговор, сбивала их, и те замолкали.

Наступающий рассвет пробудил у всех надежду на лучший исход. Миноносцы, державшиеся за кормой, оказались русскими. Их было два: «Бедовый» и «Грозный». С мостика и палубы смотрели назад, на эти дымившие маленькие суда, с такой любовью, словно они были родные дети крейсера.

Остроглазый и суетливый сигнальщик, обрадовавшись, докладывал старшему офицеру:

— Они самые, ваше высокоблагородие. Я их ночью еще признал. Выходит — напрасно сомневались.

Блохин сдвинул фуражку на затылок, обнажив большой лоб, и по своей постоянной привычке произнес:

— Н-да!

Потом поморщил мясистый нос и, повернувшись к командиру, заговорил, растягивая фразы:

— Я все-таки утверждаю, Иван Николаевич, что за нами ночью шли три корабля, а теперь осталось только два. Куда, однако, исчез третий?

Командир быстро ответил:

— Это меня мало интересует. Важно то, что противника пока нигде не видно. Может быть, доберемся до Владивостока.

С востока, со стороны японских островов, ширился и разливался рассвет. Небо было спокойное. Тихо зыбилось море, розовея на гребнях. Вдали на горизонте увидели еле заметный дымок. Чей это шел корабль? Вскоре «Бедовый» семафором передал на крейсер депешу, полученную им по беспроволочному телеграфу: «Уменьшить ход для присоединения «Буйного» и снятия адмирала».

4. ШТАБ МЕЧТАЕТ О ПЛЕНЕ

Накануне вечером, когда адмирал Рожественский находился уже на «Буйном», Баранов получил приказ разыскать флагманский корабль и снять с него штаб. Это означало, что нужно спасти остальных членов штаба, оставшихся на погибающем корабле. Но Баранов такой приказ понял по-другому, полагая, что с «Суворова» никого еще не сняли. Конечно, «Бедовый» не нашел флагманского корабля и все крутился около легких крейсеров, стараясь держаться подальше от поля сражения. И вдруг теперь, 15 мая утром, получилась такая загадочная телеграмма — снять адмирала. А главное, в ней ничего не говорилось, какого адмирала: Рожественского или Небогатова? А может быть, Фелькерзама? От такой неожиданности командир «Бедового» только крякнул. Что будет, если это окажется сам командующий? И на какое судно он захочет пересесть? Баранов забегал по мостику, засуетился, восклицая:

— Вот тебе раз! Вот так сюрприз! Хорошо было бы, если бы это оказался Небогатов или Фелькерзам. Ну, а как тот? О нет, нет! Дай бог, чтобы это был другой адмирал, но только не Рожественский!..

Крейсер «Дмитрий Донской» и миноносцы «Бедовый» и «Грозный» постепенно сближались с «Буйным».

В это время командир Коломейцев спустился в свою каюту к адмиралу:

— Ваше превосходительство, разрешите доложить вам, что на вверенном мне миноносце машина повреждена, котлы, питавшиеся забортной водой, обросли солью, уголь на исходе. При таких условиях я ни до какого нашего порта дойти не могу. А потому я решил предложить вам, не пожелаете ли вы перейти на «Донской»?

Адмирал, слушая командира, отвел черные глаза в сторону, словно боялся встретиться с его взглядом, и тихо спросил:

— При нем ведь есть и миноносцы?

— Так точно, ваше превосходительство,— «Бедовый» и «Грозный»,— отчеканил Коломейцев.

Адмирал что-то соображал и не сразу промолвил.

— Нет, я лучше перейду на «Бедовый», если, конечно, на нем все исправно и достаточно имеется угля.

— Есть!

Коломейцев вышел из каюты и поднялся на мостик.

С «Буйного», когда подошли к «Бедовому» совсем близко, спросили голосом:

— Сколько у вас имеется угля и какой можете развить ход?

На мостике «Бедового» появился вызванный инженер-механик Ильютович. Это был невзрачный человек, низенький, коренастый, с большим носом, с темно-рыжими усами, свисающими вниз, как две сосульки. Обыкновенно он быстро сходился с людьми, любил побалагурить, играя при этом легкомысленными глазами. Но теперь он был мрачен и, разговаривая с ненавистным командиром, смотрел вниз, словно заинтересовался его начищенными ботинками. Баранов, посоветовавшись с ним, зычно крикнул на «Буйный»:

— Угля имею сорок девять тонн! Для экономического хода хватит его на двое суток! Могу дать и полный ход — двадцать пять узлов!

С «Буйного» снова спросили:

— Во сколько времени можете достигнуть Владивостока?

— В полтора суток,— ответил Баранов.

Такие же вопросы задавали и «Грозному» и также получили удовлетворительные ответы. Но штабные чины во главе с адмиралом почему-то все-таки решили пересесть на миноносец «Бедовый». Все четыре судна стояли с застопоренными машинами, покачиваясь на мертвой зыби. Крейсер «Донской» получил по семафору приказ спустить шлюпки. Баркас и гребной катер моментально очутились на воде. Катер пристал к правому борту «Буйного» для снятия адмирала и его помощников. Но прошел целый час, прежде чем вынесли командующего наверх. Тем временем баркас, приставая к противоположному борту, занялся переправой на крейсер ослябской команды, сильно переполнившей миноносец.

Баранов все время находился на мостике своего миноносца и взволнованно приставлял к глазам бинокль. Вид у командира был крайне растерянный. В девять часов катер под взмахами весел начал приближаться к борту «Бедового». Теперь никаких сомнений не было: перевозили самого Рожественского, который лежал на носилках. Его трудно было бы узнать, но вместе с ним находились чины его штаба: флаг-капитан капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг, флагманский штурман полковник Филипповский — тот и другой с повязками на голове; заведующий военно-морским отделом капитан 2-го ранга Семенов, старший флаг-офицер лейтенант Кржижановский и другие. Баранов, спустившись с мостика, помчался к трапу с такой поспешностью, как будто за ним гнались с ножом. Лицо его то бледнело, то покрывалось красными пятнами, а губы, силясь что-то сказать, судорожно кривились. Он ясно отдавал себе отчет: если раньше Рожественский ему покровительствовал, то вчерашняя его проделка едва ли будет прощена. Ведь он так изменнически покинул своего командующего и считал его уже мертвым. А на самом деле адмирал оказался жив и смотрит с носилок прямо на него в упор сверлящим черным глазом.

Гребцы пошабашили, крючковые зацепились за трап. Мичман Гернет, управлявший катером, обратился к адмиралу:

— Ваше превосходительство, не будет ли каких приказаний на «Донской»?

На это Рожественский ответил твердо и решительно:

— Идти во Владивосток.

Выскочивший на палубу лейтенант Леонтьев сказал команде, приготовившейся принять носилки:

— Осторожнее, братцы, ведь это адмирал!

Баранов расправил свою атласную бороду на две половины и, набрав полную грудь воздуха, весь вытянулся. Правая рука его, поднятая к козырьку фуражки, вздрагивала, глаза налились животным страхом. Однако опасения его оказались напрасными. В другое время, при других условиях, несмотря на свою изнеможенность от ран, адмирал, конечно, разгромил бы такого командира, который не выполнил боевого приказа. Но в данный момент это не входило в его расчеты. Очутившись на палубе, Рожественский прямо с носилок протянул руку командиру и ласково сказал:

— Как нас раскатали!

Умиленный такой неожиданной милостью, Баранов начал целовать руки своего начальника, расстилаясь перед ним льстивым говором:

— Да, да, ваше превосходительство, раскатали. Но я до безумия рад, ваше превосходительство, что хоть вы остались живы...

Тут же стояли матросы, хмуро поглядывая на адмирала. Всего лишь сутки назад, если бы он прибыл на палубу миноносца, все пришли бы в состояние того оцепенения, какое бывает при виде сумасшедшего, вооруженного топором. А теперь, после сражения, он, убежавший от остатков разбитой эскадры, сразу превратился в ничтожество. Его рассматривали с любопытством и в то же время с огорчением, словно удивляясь, как до сих пор они могли идти за таким бездарным командующим.

Адмирал поздоровался с командой, и на его приветствие вяло и разнобойно, как будто люди разучились отвечать высшему начальству, раздались голоса:

— Здравия желаем, ваше ...гитество!

Рожественского снесли на ют, сняли с носилок и усадили на парусиновую койку. А когда начали спу-

скать по узкому трапу вниз, Баранов закричал на матросов, желавших оказать помощь:

— Не сметь! Не сметь прикасаться к его превосходительству! Я сам спущу его превосходительство.

Внизу, на палубе, адмирал встал на ноги и, поддерживаемый командиром, вошел в его каюту и улегся на койку.

С «Донского» немедленно был вызван младший врач Тржемеский для ухода за Рожественским.

«Бедовый» пошел на север, подняв сигнал: «Грозный», следовать за мной!» Но командир этого миноносца капитан 2-го ранга Андржиевский не подчинился сигналу, считая Баранова младше себя. Сейчас же был поднят второй сигнал: «Грозный», что случилось?» Андржиевский ответил: «Ничего». Но все-таки дал ход вперед и, приблизившись к «Бедовому», спросил по семафору: «Какие и от кого имею приказания?» Ему по семафору же ответили: «Адмирал Рожественский на миноносце, ранен, большинство штаба также. Идем во Владивосток, если хватит угля, в противном случае — в Посьет. Идите так, чтобы ваш дым не попадал на нас». Только после таких переговоров «Грозный» вступил в кильватер «Бедовому» и держался от него на почтительном расстоянии.

«Донской» и «Буйный» остались на месте. С миноносца продолжали перевозить ослябцев на крейсер. Но скоро пришлось отказаться от этой операции: на горизонте заметили подозрительные дымки. «Донской» поднял шлюпки, дал ход вперед и, сопровождаемый «Буйным», направился к северу.

Два наших миноносца, ушедших вперед, едва были видны. За ними нельзя было поспеть.

С появлением штаба на «Бедовом» сейчас же кто-то спросил:

— Имеется ли на миноносце белый флаг?

Впоследствии так и не выяснили, кто первый произнес эту фразу. Командир Баранов приписывал ее флагманскому штурману, мичман О'Бриен-де-Ласси — флаг-капитану, а сигнальщик Михайленко и вестовой Балахонцев — самому Рожественскому. Возможно, что все трое, занятые одной и той же мыслью, поставили один и тот же вопрос в разное время.

Баранов и Филипповский встретились как два старых знакомых: ученик и учитель. Ведь первый когда-то брал у второго уроки штурманского дела. На мостике миноносца между ними произошел разговор относительно белого флага. Тут же находился мичман О'Бриен-де-Ласси, юноша лет двадцати, изящно сложенный, с девичьи-нежным лицом, с аристократическими манерами. Этот офицер плохо знал морское дело. Но он был богат и происходил, по его словам, из ирландского королевского рода.

Командир, услышав о белом флаге, сначала не понимал, в чем тут дело, но полковник Филипповский объяснил ему:

— Будучи еще на «Буйном», штаб решил в случае встречи с японцами сдаться без боя, чтобы сохранить жизнь адмирала.

— Ах, вот как! — воскликнул Баранов и, нежно погладив обеими руками по атласной бороде, приятно заулыбался, как будто получил весть о повышении его в следующий чин.

Белого флага на миноносце не оказалось. Мичман О'Бриен-де-Ласси предложил заменить таковой салфеткой или простыней. Но командир Баранов отверг и то и другое, авторитетно заявив:

— Лучше всего подойдет для этой цели скатерть.

О'Бриен-де-Ласси принял такое решение с легкостью беззаботного юноши и, молодо сияя голубыми глазами из-за густых ресниц, сейчас же приказал сигнальщику Сибиреву:

— Сбегай в кают-компанию, возьми там белую скатерть и приготовь из нее парламентерский флаг.

— Неужели будем сдаваться, ваше благородие? — удивленно спросил сигнальщик.

Мичман улыбнулся пунцовыми губами.

— Адмирал приказал приготовить на всякий случай.

Вскоре слух о приготовлениях к сдаче миноносца проник в команду. Матросы волновались, спорили между собою: одни верили таким слухам, другие — нет. Боцман Чудаков, стройный и порывистый парень с русыми усами, показывая крепкие кулаки, угрожал:

— Я морду разобью за подобные разговоры!

Ему посоветовали:

— Прочисти хорошенько уши и сходи на командирский мостик.

Некоторые из команды резонно ставили вопрос:

— Кому же будем сдаваться, если неприятеля совсем даже не видать?

И правда, на первый взгляд казалось, что все шло ладно, горизонт был чист и свободен. Наивные люди могли думать, что таким образом они достигнут конечной цели. Но они не знали, что наверху, на командирском мостике, были приняты все меры к тому, чтобы встретиться с японцами. Флагманский штурман, полковник Филипповский, провел по морской карте черту вблизи острова Дажелет, оставляя его справа. Таким курсом должны были идти оба миноносца. Мичман Демчинский высказал свое предположение:

— На этом острове может оказаться сигнальная станция. Нас заметят японцы и пошлют за нами погоню.

И робко добавил:

— Не уклониться ли нам больше в сторону от острова?

Полковник Филипповский недовольно нахмурил брови и возразил:

— Если идти иначе, то у нас не хватит угля. Поэтому я выбираю кратчайший путь.

Мичман Демчинский вынужден был согласиться с ним:

— Да, этого обстоятельства я не принял во внимание.

Штабные чины и командир, посоветовавшись между собою, продолжали действовать в определенном направлении. Прежде всего призвали судового механика Ильютовича и, расспросив его, какой будет самый экономический ход, приказали прекратить пары в двух котлах. А затем, вместо того чтобы скорее удалиться из неприятельской зоны, удрать от грозящей опасности, в машину было отдано новое распоряжение — убавить ход до двенадцати узлов.

Видимо, адмиралу и его штабным чинам очень не хотелось попасть во Владивосток. Об этой скрытой мысли их догадывался исполняющий обязанности минного офицера лейтенант Вечеслов и очень волновался. Это был любимый командою начальник, пере-

довой человек, талантливый начинающий беллетрист. Ни к одному офицеру командир не относился с такой ненавистью, как к Вечеслову за его человеческое отношение к матросам и частые беседы с ними на темы, стоящие вне военно-служебных интересов. Широкоплечий, чуть повыше среднего роста, с крупными чертами лица в здоровом загаре, он теперь бродил по миноносцу с таким видом, как будто потерял в своей жизни что-то самое драгоценное. Прислушиваясь к разговору штабных, он сам расспрашивал их: что заставило адмирала перейти на «Бедовый»? От них он узнал, что «Буйный» был неисправен и не имел угля. Но почему же они не избрали для себя миноносец «Грозный»? На последний вопрос ни Филипповский, ни Клапье-де-Колонг, ни другие не могли ответить откровенно. Вечеслов, встретившись с механиком Ильютовичем, намекнул ему о своих догадках:

— Меня удивляет одно обстоятельство. Наш командир изменил Рожественскому самым наглейшим образом. Он ни разу не подошел к флагманскому кораблю. Об этом адмирал не мог не знать. И все-таки, как я слышал от штабных, он сам пожелал пересесть именно на «Бедовый». Что это значит?

Ильютович сумрачно ответил:

— А это значит, что Баранов для задуманной цели оказался самый подходящий командир. Но мы с вами, по-видимому, влипнем в нехорошую историю. И вся беда наша в том, что мы ничего не можем поделать.

Они увидели машиниста самостоятельного управления Попова, стоявшего около них, и прекратили разговор.

До обеда ничего не изменилось. Оба миноносца продолжали продвигаться вперед двенадцатиузловым ходом, держа курс норд-ост 23°. Горизонт по-прежнему был чист. Японцы точно провалились — ни одного признака их близкого присутствия. Лейтенанты Кржижановский и Леонтьев от непривычного плавания на миноносце страдали морской болезнью. Остальные разошлись спать. Здоровье адмирала не вызывало никаких опасений: по сообщению доктора, температура у него была тридцать семь с половиной.

После полудня лейтенант Вечеслов вступил на вахту. До трех часов он тоскливо стоял на мостике, пока сигнальщик не доложил ему, что за кормою показались дымки. Вахтенный начальник сейчас же распорядился сообщить об этом командиру. На «Бедовом» все пришло в движение. Штабные чины и судовые офицеры спешили на мостик. Бинокли и подзорные трубы были направлены туда, откуда, как два небольших облака, приближались дымки, постепенно вырастая. Какую тайну скрывала даль? Пока никто не мог ее разгадать.

5. КОМАНДА «БУЙНОГО» ПЕРЕБИРАЕТСЯ НА КРЕЙСЕР

«Дмитрий Донской» и «Буйный» шли вместе во Владивосток. Миноносец держался на левом траверзе своего попутчика в пяти кабельтовых. Потом стал отставать от крейсера. Машина на «Буйном», разладившись, грохотала всеми своими частями, пар начал падать. Машинная команда выбивалась из последних сил, чтобы держать сто тридцать оборотов вместо трехсот пятидесяти.

Командир Коломейцев, всегда подтянутый и стройный, теперь стоял на мостике согнувшись, подавленный бременем безотрадных дум. За пережитые сутки, без сна, в беспрерывной напряженности, точеное лицо его потеряло свежесть, осунулось, тонкий нос заострился. От всего видимого пространства, залитого солнечным блеском, от моря, плавно зыбившегося под полуденным небом, веяло тишиной и миром, но душа была в смятении. Серые глаза впивались в уходящий крейсер. Что делать дальше? Остаться в море на одиноком миноносце, который превратился в инвалида,— это значит обречь себя и всех своих подчиненных на бесплодную жертву. Нет, надо принять решительные меры. Командир вызвал на мостик инженер-механика поручика Даниленко и, подавляя внутреннее волнение, заговорил сухо, тоном властного начальника:

— Думаете ли вы, поручик, что при таком состоянии механизмов, даже имея достаточно угля, мы можем дойти до Владивостока? Для ясности я поставлю

вопрос иначе: стоит ли нам задерживать «Донского» для принятия угля, или это будет бесцельная проволочка времени? Я прошу вас дать мне на это точный ответ.

Даниленко, неумытый, потный, с чумазым лицом, в засаленной куртке, утомленно посмотрел на командира.

— Сомневаюсь, господин капитан второго ранга, чтобы машина без переборки движущихся частей выдержала. Что же касается котлов, то они уже начали сдавать. Один из них, номер четвертый, пришлось вывести, так как он сильно потек по швам парового коллектора.

Получив такой ответ, командир немедленно распорядился созвать военный совет. На нем участвовали все офицеры — свои и ослябские. После недолгих обсуждений пришли к единогласному решению, сурово гласившему в своей заключительной части, что всем людям нужно переправиться на «Донской», а миноносец, чтобы он не достался неприятелю, следует пустить ко дну.

Минуты две спустя хлестнул всех отрывистый выкрик командира:

— Поднять сигнал: «Терплю бедствие!»

Под грустные взоры офицеров и команды два флага: «З. Б.», развертываясь на тонком фале, понеслись вверх, к вершине фок-мачты. В этих цветных полотнищах, реющих в синем воздухе, был приговор миноносцу, последний безмолвный призыв к удалявшемуся спутнику. Все молчали... Командир нервно щипал русую бородку. Лицо его стало неподвижным и жестким.

«Донской» повернул обратно и, постепенно уменьшая ход, остановился. «Буйный» пристал к его борту. После коротких переговоров Коломейцева с капитаном 1-го ранга Лебедевым началась переправа людей с миноносца на крейсер.

Это произошло в начале двенадцатого часа.

Миноносец опустел. На нем остались только три человека: командир Коломейцев, лейтенант Вурм и кондуктор Тюлькин. Они должны были приготовить его к взрыву. Крейсер спустил катер, чтобы потом взять этих людей обратно к себе на борт, и отошел

на некоторое расстояние. Но взрыв не удался. Тогда, чтобы не терять времени, решили потопить миноносец снарядами.

Командир со своими помощниками перебрался на «Донской». Комендоры зарядили шестидюймовое орудие. Оба корабля стояли неподвижно, на полтора кабельтовых друг от друга. Раздался первый выстрел. Мимо! Второй и третий раз рявкнула пушка. «Буйный» продолжал оставаться целым и невредимым.

Среди команды слышался говор:

— Эх, горе-комендоры!

— Ведь плевком можно достать, а из орудия не попадают!

— Да, словно кто заколдовал миноносец.

— Глаза, что ли, косые у комендоров?

Командир Лебедев, наблюдавший с мостика за стрельбой, чувствовал себя неловко, нервничал и, наконец, когда промахнулись четвертый и пятый раз, сердито воскликнул:

— Безобразие! Позор! Какое-то проклятие висит над нашим флотом! Все это — результат того, что мы занимались не тем, чем нужно.

Старший офицер Блохин пояснил:

— Я неоднократно спорил с нашими специалистами, доказывал им, что они неправильно обучают свою команду...

Командир перебил его:

— Дело не в отдельных специалистах. Надо смотреть глубже. Вся организация службы в нашем флоте ни к черту не годится.

Шестым и седьмым выстрелом задели миноносец и только восьмым попали основательно в его носовую часть. «Буйный» медленно стал погружаться носом, а потом вдруг стал «на-попá», винтами кверху, и с поднятыми кормовым и стеньговым флагами быстро ушел в воду. Получилось впечатление, будто он, не желая больше мучиться, нарочно нырнул ко дну [35].

После генерального сражения эта стрельба по миноносцу как-то сразу открыла многим глаза. Незначительный случай вскрывал всю сущность нашего отсталого флота, где люди занимались больше парадами, а не боевой подготовкой. Белым днем мы не мог-

ли попасть с одного выстрела в предмет, находившийся на таком близком расстоянии и стоявший неподвижно. Таковы были артиллеристы из школы, созданной Рожественским, из школы, на которой этот адмирал сделал себе блестящую карьеру. Как же можно было ночью разбивать и топить японские миноносцы, развивавшие ход до двадцати пяти узлов, или наносить вред их крупным кораблям, проходившим мимо в сорока кабельтовых? Мы даром разбрасывали снаряды.

«Дмитрий Донской», оставшись один, снова тронулся на север. Если бы он не провозился так долго с «Бедовым» и «Буйным», потратив на них за две остановки около пяти часов времени, то, может быть, ему и удалось бы ускользнуть от неприятеля. Но эта вынужденная задержка решила его участь поиному.

Еще с утра на горизонте показались неприятельские миноносцы, которые, однако, скоро скрылись. Надо было полагать, что они вызовут погоню за русским крейсером. Но «Донскому» ничего не оставалось, как продолжать свое плавание. Солнце снижалось с полуденной высоты. На крейсере давно все пообедали и отдохнули. Кончалось и чаепитие. В судовой колокол пробили четыре склянки. Впереди, на два румба левее курса, открылся гористый и почти недоступный для судов остров Дажелет, от которого до Владивостока около четырехсот миль. Кругом ничего подозрительного не было. На корабле водворилась та умиротворенность, которую никому не хотелось нарушать. Даже приказания, исходившие со стороны начальствующих лиц, отдавались тихим и ласковым голосом. Казалось, люди на время забыли о прежней своей розни и теперь представляли одну дружную семью, объединенную общим желанием — скорее пристать к родному берегу. Среди матросов затаенная мечта прорывалась в отдельных фразах:

— Если до ночи не встретимся с японцами, то можно сказать — остались живы и невредимы.

— Эх, только бы попасть на родину! Упаду на землю, обниму ее и расцелую, как мать родную!

А двумя часами позже у многих заныло сердце.

Справа заметили несколько дымков. Сейчас же мичман Вилькен полез на фор-стеньгу, где была прикреплена бочка для наблюдателя. Неизвестные суда приближались. На «Донском» вся верхняя палуба заполнилась людьми. Офицеры с мостика нетерпеливо обращались к наблюдателю, поднимая лица вверх и спрашивая:

— Ну, как там, что видно?

— Похоже на наши корабли.

— Может быть, это отряд Энквиста?

— Ничего определенного нельзя сказать.

На дальнейшие вопросы продолжали еще некоторое время получать сбивчивые ответы, пока, наконец, не услышали с фор-стеньги выкрик, тревожно-торопливый:

— Японские, японские суда!..

Эти слова произнес мичман Вилькен по-мальчишески визгливо, но они прозвучали на корабле, как эхо приближающейся грозы. По всей палубе зашевелились люди, глухо загудел сдержанный говор. Некоторые матросы с недоумением переглядывались, как бы молча спрашивая: чья судьба решится в первую очередь. Ослябская команда, побывавшая уже в воде, зябко вздрагивала.

Командир Лебедев, отойдя на крыло мостика, запрокинул голову и, вытянув тощую шею, крикнул наблюдателю сиплым, словно с перепоя, голосом:

— Мичман Вилькен! Неужели это японские суда? А вы в этом уверены?

— Да, да, уверен! Точно могу сказать: четыре крейсера и три миноносца!

По распоряжению командира изменили курс влево, но неприятельские суда уже заметили «Донского» и, повернув «все вдруг», погнались за ним. Скоро на левой раковине заметили еще два трехтрубных крейсера. Дали знать в машину, чтобы развивали самый большой ход. Машинная команда и механики, понимая всю серьезность положения, старались без всякого понукания. В топки подливали масло, усиливая этим горение и лучше удерживая пар на должной высоте. К сожалению, двойной котел № 5, испортившийся еще накануне вчерашнего боя, бездействовал. «Донской» лишь на короткое время мог увеличить

ход, но скоро начал сдавать. Расстояние между ним и неприятельскими судами хотя медленно, но все же уменьшалось. Неизбежность боя была для всех очевидна.

На мостике еще раз собрали совет. Нужно было торопиться; поэтому присутствовало на нем немного лиц: сам командир Лебедев, капитан 2-го ранга Блохин, лейтенанты Старк, Гирс, Дурново и спасенный с «Ослябя» флагманский штурман подполковник Осипов. Был поставлен вопрос: как при данных условиях должен будет поступить «Донской»? Некоторые офицеры отвечали на это неопределенно:

— Едва ли мы сможем причинить хоть какой-нибудь вред противнику, у которого шесть крейсеров и несколько миноносцев.

— Придется сражаться, если не можем поступить иначе.

И угрюмо посматривали на командира, ожидая от него спасения.

Откровеннее всех был подполковник Осипов. Большая сивая борода его взлохматилась, на лбу, как длинные гусеницы, зашевелились глубокие морщины. Он заметался по мостику, округляя голубые глаза и с жаром выкрикивал:

— Я полагаю — нам нельзя сражаться с такими превосходными силами противника! По своему безумию это было бы равносильно тому, как если бы мы вздумали зубами перегрызть якорный канат. В самом деле — на что нам надеяться? Сегодня, чтобы потопить свой миноносец, пришлось выпустить в него восемь снарядов на таком близком расстоянии. Разве это не показательный факт нашей беспомощности? Вчера все видели, как японцы громили нашу эскадру, которая находилась в гораздо лучших условиях. Неужели изношенный и хилый «Донской» может оказать врагу серьезное сопротивление? Нас утопят в какие-нибудь десять минут. Кто же имеет право взять на себя страшную ответственность за те восемьсот жизней, которые находятся на борту крейсера?..

Командир не дослушал его до конца и, подойдя к старшему офицеру, шепнул на ухо:

— По моему мнению, совет надо распустить.

Блохин сейчас же сурово распорядился:

— Прошу господ офицеров лишних с мостика удалиться и приготовиться занять свои места, когда будет пробита боевая тревога.

Лебедев, приказав направить судно на Дажелет, сообщил остальным о своем решении:

— Если исход неравного боя будет для нас роковым, то я разобью крейсер о прибрежные скалы.

6. ФЛАГМАН НЕ ОПРАВДАЛ ЦАРСКИХ НАДЕЖД

«Бедовый» и «Грозный», не прибавляя хода, продолжали свой путь тем же курсом. Неизвестные суда, гнавшиеся за ними, шли гораздо стремительнее их. Справа впереди обрисовался остров Дажелет. На мостике «Бедового» офицеры, разговаривая, обменивались мнениями:

— Это догоняют нас какие-нибудь наши отставшие крейсера.

— Ну да! Отбились вчера от эскадры и теперь торопятся.

— Никаких сомнений в этом нет. В пользу такого предположения говорит тот факт, что они идут с нами одним курсом.

Лейтенант Вечеслов угрюмо заметил:

— А вдруг окажутся японские?

Но его сейчас же опровергнул полковник Филипповский:

— Японские попарно не ходят, а всегда вчетвером.

Лейтенант Вечеслов не унимался:

— Надо бы на всякий случай развести пары и в остальных двух котлах.

Но против этого возразил командир:

— Зачем же это делать раньше времени? Подождем, выясним, чьи это суда. Если окажутся наши крейсера, тем лучше будет для нас. А развести пары мы всегда успеем.

К адмиралу спускались Клапье-де-Колонг и Баранов и о чем-то с ним беседовали.

За кормою определились два одномачтовых судна. Немного погодя можно было точно сказать, что го-

нятся миноносцы. Передний из них был трехтрубный, а задний — четырехтрубный.

С «Грозного» было передано по семафору: «Миноносцы неприятельские».

На «Бедовом» и на этот раз машина работала только под двумя котлами. Инженер-механик по своему почину увеличил ход.

Приближался ответственный момент. Чины штаба и командир миноносца забеспокоились. Как им замаскировать перед другими свое намерение? И началась какая-то нелепая игра. Вызвали на мостик инженер-механика Ильютовича и приказали ему:

— Разводите пары в остальных котлах!

Но через две минуты флаг-капитан Клапье-де-Колонг это распоряжение отменил.

Командир Баранов вызвал кочегарного старшину Воробьева и начал допрашивать его:

— Через сколько времени можно будет развести пары в остальных двух котлах?

— Минут через сорок, ваше высокоблагородие.

— Почему так долго? Ведь вода в них горячая?

— Никак нет. Успела остыть.

Командир придумал новый вопрос:

— А сколько у нас угля?

— Угля у нас еще много, ваше высокоблагородие. Хватит нам вполне.

— А ты сходи в угольные ямы и узнай. Да хорошенько сообрази. Потом доложишь мне. Слышишь?

— Есть! — ответил Воробьев и, озадаченный таким распоряжением командира, отправился в угольные ямы.

На палубе, перед тем как спускаться в люк, он увидел машиниста Попова и, кивнув головою на мостик, забормотал:

— Они там наводят тень на ясный день. Говорили бы прямо: не хотим, мол, больше сражаться. А мне эта война и подавно не нужна.

— Я уже давно заметил, как они поджимают хвосты,— промолвил Попов.— Но это будет номер, если мы без боя сдадимся! Ахнет вся Россия, когда узнает обо всем.

Тем временем по распоряжению начальства сигнальщики приготовили белый парламентерский флаг

(скатерть) и флаг Красного Креста, пристопорив их к фалам.

На мостике между командиром и штабными чинами шел разговор, торопливый, с оттенком растерянности.

— Наш «Бедовый» — только госпитальное судно,— говорил Баранов, оглядывая всех с таким выражением на бородатом лице, как бы прося у них еще раз подтверждения этой нелепой мысли.

— Да, да, совершенно верно,— вторил ему полковник Филипповский, сутулясь и кивая головой, обмотанной бинтом.

Он был спокойнее других, но почему-то часто срывал с толстого носа пенсне, наскоро протирал платочком стекла и опять приставлял их к темно-карим, немного навыкате глазам.

— Конечно, на нем столько раненых! — соглашался флаг-капитан Клапье-де-Колонг, недовольно хмуря черные густые брови.

— А главное, сам командующий эскадрой вышел из строя,— заявил флагманский минер лейтенант Леонтьев.

В их суждениях были и лицемерие и ложь, но они продолжали приводить всякие доказательства в пользу выдвинутого положения, словно хотели убедить и друг друга и самих себя в своей правоте. И никто на это не возразил, что согласно международному праву госпитальное судно, в противоположность боевым кораблям, должно иметь особую окраску и другие отличительные знаки. Об этом заранее сообщают противнику. А в данном случае боевой миноносец считали за госпитальное судно только на основании того, что на нем находилось несколько человек раненых. С такой логикой можно было бы любой крейсер, любой броненосец поставить под защиту Красного Креста — на каких судах наших не было раненых?

А между тем неприятель не ждал... Имея ход почти в два раза быстрее, чем «Бедовый», он с каждой минутой приближался. Теперь уже невооруженным глазом можно было видеть, что гонятся японские миноносцы.

На мостик еще раз был вызван инженер-механик Ильютович.

— Владимир Владимирович, во сколько времени будут готовы пары? — спросил командир.

— Через полчаса,— ответил Ильютович.

Флаг-капитан Клапье-де-Колонг сказал:

— Разводите же скорее пары!

Ильютович пошел было, но его снова окликнули:

— Нет, постойте. Не надо!

Инженер-механик стал боком к начальству и, повернув к нему лишь голову, вдруг сбычился. Бронзовое лицо его, черноглазое, с ястребиным носом, шевеля свисающими усами, вздулось и помрачнело. Он уставился на Клапье-де-Колонга угрожающим взглядом и, выдержав небольшую паузу, громко крикнул:

— Как — не надо?

— Хорошо, разводите,— чуть слышно пролепетал флаг-капитан.

На юте безучастно стояли флаг-офицер лейтенант Кржижановский, врач Тржемеский и волонтер Максимов. Потом из кают-компании вылез наверх капитан 2-го ранга Семенов и, хромая на правую ногу, заковылял по направлению к мостику. Этот маленький и круглый человек, или, как его прозвали моряки, «Ходячий пузырь», был самый ловкий и хитрый офицер во флоте. Из всякого пакостного дела он мог выйти сухим, как гусь из воды. Кают-компания на миноносце была так мала, а говорили в ней офицеры так много о подготовляемой сдаче судна, что нельзя было их не услышать. Все это было ему известно. Но тогда он молчал. И разве не ему принадлежала идея, возникшая еще на «Буйном», превратить боевой корабль в госпитальное судно? А теперь, когда замыслы его коллег по штабу и самого адмирала осуществлялись на практике и когда у обеих мачт уже стояли сигнальщики с приготовленными флагами, он обращался к каждому встречному человеку и возмущенно кричал:

— Что такое? Почему не даем полного хода?

То же самое Семенов повторял, приблизившись к мостику, и потрясал руками, как актер, желая обратить на себя внимание. Таким образом его невиновность в сдаче в плен была обеспечена. Назад, к кор-

ме, не смущаясь своим штаб-офицерским чином, он пополз на четвереньках, как бы совсем изнемогая, и скрылся в кают-компании[36].

«Грозный» догнал «Бедового» и, зайдя на его правый траверз, спросил по семафору:

— Что будем делать?

— Сколько можете дать ходу? — в свою очередь спросил «Бедовый».

— Двадцать три узла.

— Идите во Владивосток.

— Почему уходить, а не принять бой?

На последний вопрос «Грозный» не дождался ответа.

Японские миноносцы приблизились на расстояние выстрела. «Грозный», пробив боевую тревогу, начал развивать полный ход. На «Бедовом» комендоры, не дожидаясь распоряжения начальства, разошлись по орудиям. Но сейчас же залилась дудка, и вслед за ней раздался голос боцмана Чудакова:

— Чехлы с орудий не снимать!

С мостика спустились на палубу штабные чины. Лейтенант Леонтьев, бегая от одной пушки к другой, начал кричать на комендоров:

— Не сметь этого делать! Ни одного выстрела! Разве вы не понимаете, что мы спасаем жизнь адмирала?

— Как же это так, ваше благородие? Японцы потопят нас, как щенят...

— Не имеют права: наш миноносец — госпитальное судно.

Полковник Филипповский уговаривал матросов более ласково:

— Братцы, мы спасаем адмирала, а он для России стоит дороже, чем миноносец.

Клапье-де-Колонг добавил:

— Миноносец — пустяк: можно новый построить, а вот адмирала такого не найдешь.

В это время хотели было поднять флаги, но флаг-капитан, спохватившись, послал лейтенанта Леонтьева доложить адмиралу. Сопровождаемый мичманом Цвет-Колядинским, Леонтьев побежал вниз и, скоро вернувшись, сообщил:

— Адмирал согласился.

Моментально взвились: на фок-матче — белый флаг (скатерть), на грот-мачте — флаг Красного Креста. Затем подняли сигнал: «Имею раненых».

«Грозный» уходил под полными парами. За ним погнался двухтрубный миноносец «Кагеро». Между ними завязалась перестрелка. Другой японский миноносец, «Сазанами», четырехтрубный, открыл огонь по «Бедовому». Это произошло в 3 часа 25 минут по левую сторону острова Дажелет, в пяти-шести милях от него. Неприятельские снаряды падали возле миноносца, делая недолет или перелет. На мостике «Бедового» все всполошились. Мичман О'Бриен-де-Ласси побежал в кочегарку сжечь сигнальные книги, карты и секретные документы. Баранов приказал застопорить машину, поднять шары до места, а потом скомандовал:

— Кормовой флаг спустить!

Лейтенант Леонтьев и сигнальщик Тончук бросились на ют, и андреевский флаг, висевший на флагштоке, моментально исчез.

Баранов спрятался за котельный кожух и, присев на корточки, закричал:

— Проклятье! Зачем они стреляют, косоглазые варвары?! Разве не видят наших флагов?!

Потом бросился к сигнальному флагу и начал давать сиренные гудки, как бы прося пощады у противника.

«Грозный», отбиваясь от «Кагеро», уходил все дальше и дальше.

«Сазанами», наконец, замолчал. Он приближался к «Бедовому» очень осторожно.

Инженер-механик Ильютович, приказав в машине приготовить ручники у клинкетов холодильника, явился к флаг-капитану и сказал:

— Разрешите утопить миноносец. Через десять минут он будет на дне.

Клапье-де-Колонг ухватился за голову:

— Что вы говорите?! Разве вы хотите утопить адмирала? Доктор сказал, что его нельзя трогать.

Спустя некоторое время к «Бедовому» пристала японская шлюпка. В этот момент почти весь экипаж миноносца находился на верхней палубе. Командир Баранов, разгладив атласную бороду, стоял у трапа,

впереди всех, вытянувшись, словно на смотру. Японский офицер, как потом узнали,— командир миноносца «Сазанами» капитан-лейтенант Айба, поднявшись на палубу, вдруг выхватил тесак из ножен. Первое впечатление было, что он, оголтевший от счастья, сейчас начнет рубить головы пленникам, поэтому многие вздрогнули, другие в ужасе раскрыли глаза. Но он пробежал мимо людей, направляясь к радиорубке, и прежде всего перерезал провода. А тем временем японские матросы кинулись на корму и подняли на флагштоке флаг Восходящего солнца. После этого капитан-лейтенант Айба приказал всем собраться во фронт и объявил на английском языке:

— Командир здесь я!

Штабные офицеры стали ему объяснять, почему сдался «Бедовый». Тут же находился и капитан 2-го ранга Семенов. Ему почему-то сразу стало легче: он стоял прямо, приободрившись, и даже пытался разговаривать с противником на японском языке. Капитан-лейтенант Айба слушал и много раз переспрашивал наших офицеров. Каково же было его удивление, когда он узнал, что вместе с судовыми офицерами попался к нему в плен и сам командующий эскадрой вице-адмирал генерал-адъютант Рожественский со своим штабом. Маленький и юркий, похожий на подростка, японский офицер оскалил редкие зубы и, радуясь, втянул в себя воздух с таким шумом, словно схлебнул с блюдца горячий чай. На его желтом аккуратно выбритом лице с черными раскосыми глазами появилось выражение и торжества и растерянности, как будто случилось нечто такое, чего он не мог представить даже в своей фантазии. Он закивал головою и, задыхаясь, сказал:

— Я возьму адмирала с собою на миноносец «Сазанами».

Штабные офицеры начали уговаривать его:

— Мы все просим оставить адмирала на «Бедовом». Он тяжело ранен. Он умрет, если вы его возьмете.

Согласились на том, что вместо адмирала на «Сазанами» переправятся четыре судовых офицера в качестве заложников.

— А где лежит ваш адмирал? — осведомился японский офицер.

— Он в командирской каюте. Но врач говорит, что его нельзя беспокоить.

— О нет, нет, я не буду беспокоить адмирала. Я только взгляну на него.

Японский офицер быстро засеменил к кормовому люку и спустился по трапу вниз. С волнением открыл указанную дверь. Адмирал, лежа на койке, устало посмотрел на незнакомое лицо, не выразив ни удивления, ни беспокойства. Молча встретились их взгляды. Дверь тихо закрылась. Капитан-лейтенант Айба, торжествуя, осторожно зашагал от каюты на цыпочках, словно охотник, внезапно открывший крупную добычу.

Через несколько минут Рожественский, узнав от флаг-капитана, что четырех судовых офицеров берут на японский миноносец в качестве заложников, приказал призвать их к нему. Когда они пришли в каюту, он сидел на койке, свесив ноги, в одной ночной рубашке, поникший, с мертвенно-бледным лицом и обгорелой бородой. Забинтованная голова его медленно поднялась и слабо закачалась, черные глаза налились слезами. Скривив рот, он обрывающимся голосом произнес:

— Бедные, бедные вы мои...

Жестокий, бессердечный, никогда не знавший жалости к другим, адмирал вдруг заплакал. Это было так же невероятно, как было бы невероятно увидеть плачущим матерого волка среди маленьких собачек, на которых раньше он наводил только ужас. Офицеры смотрели на своего начальника молча. Прощаясь с ними, он каждого из них расцеловал.

Вскоре японская шлюпка направилась к «Сазанами», увозя своего офицера и четырех заложников.

7. МОЛОДАЯ ОТВАГА СТАРОГО КРЕЙСЕРА

Японские суда продолжали гнаться за «Донским». Теперь выяснилось, что первый удар обрушится на него со стороны левых двух крейсеров,— они сближались с ним быстрее, чем правые. Смертельная

угроза, нависшая над преследуемым кораблем, все усиливалась. Только тьма могла бы дать ему возможность избежать страшных бедствий, но пока она наступит — будет уже поздно.

Прошлую ночь люди с нетерпением ждали желанного рассвета, а теперь враждебно косились на солнце, которое скатывалось к горизонту так медленно, словно оно находилось в союзе с японцами.

Командир Лебедев послал минного офицера в минный погреб, чтобы он на всякий случай приготовил корабль к взрыву.

Две сотни ослябской команды с их офицерами погнали в жилую палубу. Они знали, что может произойти при гибели населенного корабля; они, случайно уцелевшие, пережили ужас и на «Буйном», когда под огнем неприятеля спасали с флагманского броненосца адмирала с его штабом. За что, за чьи преступления их подвергают еще раз жесточайшим пыткам? Бледные и посеревшие, еле передвигая одеревеневшие, как у ревматиков, ноги и часто оглядываясь, без надежды в застывших глазах, они спускались по трапам вниз, в отведенное им помещение, как в мертвецкую.

Старший офицер Блохин обошел своей неуклюже-тяжелой походкой палубы, отдавая последние распоряжения о приготовлении корабля к бою, и вернулся на мостик. В это время два крейсера слева — «Отава» и «Нийтака» — приблизились кабельтовых на сорок и открыли огонь по «Донскому». Это было в половине седьмого, как раз в тот момент, когда закатывалось солнце. Там, на далекой родине, оно теперь светило с полуденной высоты, разливая горячий блеск на весеннюю землю, принося людям радость. А здесь, в этих чужих водах — о, скорее бы догорели его последние лучи, заливающие крейсер багровым светом!

Командир Лебедев, не обращая внимания на стрельбу противника, привалился к поручням мостика, согнулся над ними и о чем-то задумался.

— Иван Николаевич, разрешите пробить боевую тревогу? — сумрачно глядя в согнутую спину своего начальника, промолвил старший офицер.

Командир не пошевельнулся и молчал, как будто ничего не слышал.

Блохин удивленно пожал широкими плечами, поправил флотскую фуражку на голове и еще раз обратился к нему, заговорив более громко и уже официальным тоном:

— Господин капитан первого ранга, разрешите пробить боевую тревогу?

Командир повернулся на зов и выпрямился. Лицо у него было бледное, заплаканное. Слезы, застрявшие на усах и бороде, загорелись от заката, как рубины. Он пожал руку своему помощнику и сказал:

— Если со мною что-нибудь случится, позаботьтесь о моих двух маленьких девочках...

Больше он ничего не сказал. На несколько минут, захваченный воспоминаниями о далекой семье, этот храбрый человек перестал быть военным командиром. Это был просто страдающий отец, оторванный от любимых детей и обреченный, как и тысячи других жизней, на жертву преступно затеянной войне.

По распоряжению старшего офицера заголосил горнист, загремел барабанщик, подгоняя людей к местам, назначенным по боевому расписанию. На всех трех мачтах взвились стеньговые флаги. «Донской» загремел орудиями левого борта. До острова Дажелет оставалось приблизительно миль двадцать.

Японцы скоро пристрелялись и начали накрывать цель. Раздались взрывы на верхней палубе, появились разрушения в надстройках. То в одном месте, то в другом вспыхивали пожары, но с ними успешно справлялись.

«Донской», по распоряжению командира, часто менял курс в ту или другую сторону. Благодаря такому маневру японцы сбивались с пристрелки, действие их огня уменьшалось. Но через некоторое время подоспели еще четыре корабля, которые находились справа, и, несмотря на большое расстояние, тоже открыли по нашему крейсеру стрельбу. Как после узнали, это был отряд адмирала Уриу, состоявший из крейсеров «Нанива», «Токачихо», «Акаси» и «Цусима». Таким образом, «Донской» очутился под перекрестным огнем. Положение его сразу ухудшилось.

разрушение корабля пошло быстрее, число убитых и раненых увеличивалось. Постепенно одна за другой, выходя из строя, замолкали пушки.

Никакая храбрость не могла уже спасти крейсер от гибели. Единственный был выход, да и то слабый — это скорее достигнуть острова. Облитый заревом заката, Дажелет, надвигаясь, вырастал и ширился, как будто морское дно начало выпирать его из своих недр. До него было более десяти миль, но казалось, что он возвышается над поверхностью воды рядом, очаровывая людей своим величественным спокойствием, обещая им жизнь, избавление от мук. Но что произойдет с экипажем, когда корабль со всего разбега ударится о прибрежные скалы? На чью долю выпадет счастливый жребий спасения? Что бы ни случилось, командир Лебедев тверд в своем прежнем решении. Вместе с другими офицерами и матросами он стоял в боевой рубке, высокий, тощий, с блуждающими огоньками в сухих глазах, весь охваченный какой-то зловещей торжественностью, как человек, который сделал важное открытие. Он придумал великолепный маневр — прежде всего нужно попасть в теневую полосу, далеко протянувшуюся от острова к востоку: там ночь наступит быстрее, чем в другом месте, и если он успеет добраться туда, то сразу же лишит японцев меткости стрельбы. А потом это судно круто повернет влево, к гранитным скалам, чтобы у подножия их покончить расчеты с жизнью и разбитой развалиной погрузиться в пучину.

В боевой распорядок вносила большой кавардак ослябская команда, которую трудно было держать в повиновении. Не успевшая еще оправиться от вчерашней катастрофы, она была совершенно деморализована и представляла собою полусумасшедшую толпу. Первый же снаряд, попавший в офицерскую каюту с левого борта, вызвал в жилой палубе панику. Люди ахнули, шарахнулись от места взрыва в носовую часть судна. Вместо того чтобы начать тушить возникший пожар, они с дикими воплями бросились к выходным трапам. Ослябцев начали загонять обратно, пуская в ход кулаки и обливая водой из шлангов пожарных помп. Но несколько человек из

них все же прорвались на верхнюю палубу. Сначала они заметались по ней, как одержимые, а потом один за другим выбросились в море, вскипающее от взрыва снарядов,— выбросились на явную смерть.

Капитан 2-го ранга Коломейцев и на чужом судне не оставался без дела. Он сам напросился помогать трюмно-пожарному дивизиону. Загорелись шестидюймовые патроны. Костер полыхал ярким пламенем, разбрасывая по сторонам латунные осколки. Унтер-офицер, стоявший с пипкой от шланга, свалился мертвым. Тогда Коломейцев схватил пипку и направил тугую струю воды на огонь. Бывший командир «Буйного» работал до тех пор, пока сам не получил осколка в бок навылет. Не отставали от командира и его матросы, заменяя выбывающих из строя людей.

Старший офицер находился на палубе, когда к нему подлетел один из матросов и, захлебываясь словами, доложил:

— Ваше высокоблагородие... вас командир просит.

Блохин немедленно поднялся на мостик и, заглянув в исковерканную и полуразрушенную рубку, на мгновение остолбенел. Вся палуба в ней блестела свежей кровью. Лейтенант Дурново, привалившись к стенке, сидел неподвижно, согнутый, словно о чем-то задумался, но у него с фуражкой был снесен череп и жутко розовел застывающий мозг. Рулевой квартирмейстер Поляков свернулся калачиком у нактоуза. Лейтенант Гирс валялся с распоротым животом. Над этими мертвецами, стиснув от боли зубы, возвышался один лишь командир Лебедев, едва удерживаясь за ручки штурвала. У него оказалась сквозная рана в бедре с переломом кости. Кроме того, все его тело было поранено мелкими осколками. Он стоял на одной ноге и пытался удержать крейсер на курсе, сам не подозревая того, что рулевой привод разбит и что судно неуклонно катится вправо. Увидев старшего офицера, он удивленно поднял реющие брови и промолвил посиневшими губами:

— Сдаю командование...

— Я сейчас распоряжусь, чтобы перенесли вас, Иван Николаевич, в перевязочный пункт.

— Не надо. Я здесь останусь. Старайтесь скорее попасть в тень острова. Судно не сдавайте. Лучше разбейте его...

Старший офицер уложил Лебедева среди мертвецов в рубке, на палубу, смоченную кровью, и, повернувшись, приказал ординарцу вызвать доктора, а потом, не теряя ни минуты времени, спустился вниз. Управление кораблем, как и накануне, опять пришлось перенести на задний мостик, пользуясь для этого ручным штурвалом.

Прежде чем судно поставили на прежний курс, оно описало большую циркуляцию. Это дало возможность правым четырем крейсерам сразу приблизиться к нему.

Потухала заря. Японцы, усиливая огонь, торопились засветло покончить с «Донским». Теперь стреляли по нему с двадцати пяти кабельтовых. Он отстреливался обоими бортами, но неприятельские снаряды разламывали его, рвали железо, портили приборы, дырявили корпус, калечили и уничтожали людей.

Блохин, командуя судном, стоял, нахлобучив фуражку, на заднем мостике, тяжелый и застывший, как монумент. Серые немигающие глаза его отвердели, пристально вглядываясь вперед, в теневую полосу острова. Казалось, он собрал всю силу воли в один тугой узел, чтобы выдержать эти последние минуты, решающие судьбу. Рулевой, что-то крикнув, показал ему направо. Он повернул голову и увидел, как японский крейсер «Нанива», накренившись, вышел из строя. Вскоре возник пожар на крейсере «Отава», что шел слева.

В это время на мостике появился младший боцман с тревожным сообщением:

— Ваше высокоблагородие! Ослябская команда сбесилась совсем. Офицеры ихние тоже. Бунтуют все. Никак не справиться с ними. Могут бед натворить.

Блохин, не глядя на него, распорядился:

— Усилить стражу над люками! Ни одного человека не выпускать из жилой палубы! Передай мичману Сенявскому и прапорщику Августовскому, что я приказываю им заняться этим делом.

— Есть!

В жилую палубу давно уже был послан священник Добровольский. На его обязанности лежало успокаивать людей. Широкий, чернобородый, с серебряным крестом на выпуклой груди, он сам пугливо озирался, видя вокруг себя не воображаемый, а действительный ад, населенный сумасшедшими существами, стенающими призраками и полный орудийным грохотом. Священник что-то бормотал о «христолюбивом воинстве», но его никто не слушал. Вокруг лазарета, превращенного в операционный пункт, где работал старший врач Герцог с фельдшерами, росла толпа раненых. Одни из них стояли, ожидая помощи, другие лежали, корчась от боли. Своим рваным и кровавым мясом, своими поломанными костями и ожогами, своими стонами и жалобами они только усиливали панику ослябцев. А тут еще разорвались от неприятельского огня снаряды в беседке, только что поднятой из носового погреба наверх, и двенадцать человек свалились в жилую палубу трупами.

Одно дело быть под обстрелом, имея в руках оружие или находясь при механизмах, способствующих обороне. Тут можно на время забыться, увлечься и, возбуждаясь, даже ринуться на какой-нибудь подвиг. Совсем в другом положении находилась ослябская команда, безоружная, насильно загнанная в закрытое, но слабо бронированное помещение. Что этим людям оставалось делать? Только ждать, чтобы повторились вчерашние жуткие события? Но это было сверх их сил.

На корабле рвалось железо, полыхал огонь. Внизу, на маленькой площадке, ограниченной бортами и непроницаемыми переборками, отделенной от суши просторами моря, ослябцы то ложились на палубу, то вскакивали, метались взад и вперед, кружились, как слепые, и несуразно размахивали руками, кому-то угрожая. Кто-то плакал, кто-то проклинал... Один сигнальщик с пеной на губах бился в эпилепсии. Комендор с красной нашивкой на рукаве, без фуражки, извивался на палубе и, держа в одной руке свернутую парусиновую койку, а другой — размахивая, словно выгребая на воде, громко орал:

— Спасите!.. Тону!.. Спасите!..

Тут же на рундуке сидел матрос, из виска которого сочилась кровь, и он, бормоча, то раздевался догола, то снова одевался с торопливой озабоченностью. Некоторые спрятались по углам и, дрожа, молча ждали провала в бездну. Часть матросов, возглавляемая подполковником Осиповым и другими офицерами, напирала на трап, стремилась выскочить через форлюк, выкрикивая на разные голоса:

— Почему нас держат здесь, как арестантов?

— Нас нарочно хотят утопить!

— Надо белый флаг поднять!

С диким лицом, тряся сивой бородой, больше всех волновался подполковник Осипов и, обращаясь к мичману Сенявскому и прапорщику Августовскому, хрипел:

— Я топиться второй раз не хочу! Я сам — штаб-офицер! Меня никто не смеет здесь задерживать!..

Но Сенявский и Августовский, стоявшие на страже у люка, были неумолимы. Им помогали удерживать толпу судовые матросы.

Разорвался большой снаряд в жилой палубе и совершенно уничтожил кондукторскую кают-компанию. Против нее, в правом борту, открылся зияющий пролом в две квадратных сажени. Этим взрывом человек шесть из ослябской команды было убито и около десяти — ранено. Священник Добровольский стал на колени и закрыл руками лицо, словно хотел спрятаться от смерти. Но он сейчас же был смят ногами ошалелой толпы. Бурный поток человеческих тел, колыхаясь, с животным ревом направился к форлюку. Стоявшая около него стража была смята в одно мгновение. Паникой заразились и матросы своего крейсера, находившиеся в бомбовых погребах, и тоже полезли наверх. Те, кто успел выбраться из жилой палубы, очумело, с искаженными лицами бегали по судну, не зная, где искать спасения. Некоторые забрались на ростры. Прапорщик запаса Мамонтов спрятался в шкафчике, в котором обыкновенно хранились снаряды для первых выстрелов 47-миллиметровой кормовой пушки.

Это был редкий случай, когда обе стороны казались правы: бунтующие и усмиряющие. Ослябцы не

могли больше выдерживать нарастающего ужаса: напряжение человеческих нервов имеет свой предел. Но и командующий состав не мог допустить бунта во время сражения, да еще на корабле, который и без того изнемогал в неравном бою. Блохин, сойдя с мостика, немедленно мобилизовал офицеров, кондукторов и унтеров. Среди происходившего вокруг безумия он начал распоряжаться с тем удивительным каменным спокойствием, каким владеют смелые укротители зверей. И началось усмирение толпы под грохот своих пушек, под взрывы снарядов, в дыму и пламени разгорающихся пожаров. Били по лицу чем попало не только ослябских матросов, но и их офицеров. В них опять направили из шлангов сильные струи воды, в них стреляли из револьверов. Все это походило скорее на бред, на кошмарный сон, чем на действительность. К счастью для Блохина, из жилой палубы успела вырваться только часть людей, а остальные застряли в люках, забив их своими телами. Так или иначе, но порядок на крейсере был наведен [37].

«Донской», весь избитый, с просачивающейся в трюмы водою, с креном в пять градусов, продолжал свой тяжкий путь. На нем мало осталось пушек, но он упорно отбивался от японцев. Передняя труба на нем была вся продырявлена осколками, а задняя оказалась развороченной снизу доверху. Тяга упала, ход уменьшился, но крейсер, словно обеспокоенный своею собственной судьбой, продолжал двигаться вперед, унося на себе трупы, кровь и боль, отчание и надежды всех, кто топтал его палубы. Избавление было в том, что японцы не поняли его маневра и вовремя не преградили ему дорогу,— он вошел в теневую полосу. Сразу стало темно. Артиллерийский бой прекратился. С успехом были отбиты минные атаки, причем на одном миноносце сбита дымовая труба. Быстро наступила ночь.

«Донскому», которому удалось скрыться от врага, теперь не было надобности разбиваться о гранитные скалы. Он бросил якорь недалеко от восточной стороны Дажелета. Немедленно спустили случайно уцелевшие шлюпки — баркас № 2 и шестерку — и приступили к высадке экипажа на берег. Прежде всего

постарались избавиться от ослябцев, продолжавших вносить на судне смятение. С ними вместе отправили командира Лебедева[38]. Потом стали перевозить раненых, которых было более ста человек. Пользуясь носилками, койками и матрацами, их переносили на шлюпки в полной темноте. Они стонали и охали. К их боли присоединяла свою боль никому не нужная раненая свинья, давая о себе знать надрывным визгом откуда-то с палубы, окутанной мраком. Человек тридцать, воспользовавшись разбитым погребом, перепились. Они вели себя шумно и, никого не стесняясь, проклинали войну. Некоторых из них связали; другие, которым море теперь было нипочем, бросились за борт и, горланя, вплавь добирались до берега.

К рассвету на крейсере остались только убитые. Снова появились японские суда. Но «Дмитрий Донской», отведенный за полторы мили в море, покоился на глубоком дне с открытыми кингстонами. Японцам достались в плен только люди.

8. САСЕБО ВМЕСТО ВЛАДИВОСТОКА

«Грозный» нанес повреждения неприятельскому миноносцу и, отбившись от него, продолжал в одиночестве удаляться на север. Ему тоже пришлось пострадать. Один снаряд попал в борт около ватерлинии, сделал пробоину во втором командном помещении, разбил паровую трубу и убил строевого квартирмейстера Федорова. Пробоину немедленно заделали. Другим снарядом снесло прожектор. Два человека при этом поплатились жизнью: мичман Дофельт и подшкипер Рядов. Командиру Андржиевскому ранило обе руки, ноги и голову.

Ночью «Грозный» шел с закрытыми огнями. Больше никто уже не преследовал его. На второй день, 16 мая, далеко за полдень, вышел весь уголь. Стали бросать в топки деревянные вещи, разные поделки, паруса, собранную в ямах угольную пыль и лили смазочное масло,— жгли все, что только могло гореть. Таким образом, хотя с трудом, но к вечеру добрались до острова Аскольд и, сделав по беспрово-

лочному телеграфу позывные в свой порт, бросили якорь. Утром 17 мая, когда из Владивостока доставили уголь, миноносец перешел в Золотой Рог.

Так же мог поступить и «Бедовый», но ни адмирал, ни чины его штаба почему-то не захотели попасть в отечественные воды. С того места, где он сдался, «Сазанами» взял его на буксир и повел в Японию, как водят на аркане животных. Так двигались до ночи.

Волнения на «Бедовом» улеглись. Людям нечего стало делать, все заботы сразу отпали,— ведь они теперь были только пленниками. Матросы собирались в жилой палубе и мирно обсуждали недавнее событие. Больше всего интересовал всех вопрос: почему это начальству так хотелось сдаться в плен?

Толковали по-разному, пока не высказал свои соображения машинист самостоятельного управления Попов. Все воззрились на этого высокого и худого парня с матовой бледностью на вытянутом лице, со спокойной осенней грустью в карих глазах. Начитанный и по природе умный, всегда трезвый, он пользовался среди команды большим авторитетом. Все замолчали, когда услышали его глуховатый голос:

— Неужели, братцы, вы не догадываетесь, какая тут махинация произошла? Допустим, что «Бедовый» наш пришел бы во Владивосток. А дальше что? Собралось бы на наш миноносец все высшее начальство: и капитаны всех рангов, и адмиралы, и генералы. Каково смотреть им в глаза? И каждый из них начал бы обращаться к Рожественскому: «Ваше превосходительство, а где ваша эскадра?» А он и сам не знает где, потому что бросил ее и убежал с поля сражения. Пошло бы тут шушуканье: вон он, скажут, каков национальный герой! Но главное еще не это. Какую телеграмму он должен был бы составить царю? «Ваше императорское величество, я со своим штабом благополучно прибыл на миноносце «Бедовый» во Владивосток; где находятся остальные вверенные мне суда — пока о них мне ничего не известно». Рожественский — человек гордый и считал себя умнее всех на свете. Но японский адмирал Того взял да и размагнитил его. Удавиться можно от сты-

да! Вот он и решил ко многим своим преступлениям прибавить еще одно: сдаться в плен.

— Правильно подпущено! — крикнул кочегар Воробьев.

С предположениями машиниста согласились и другие матросы. Попов добавил:

— И вот теперь нашего адмирала, чинов его штаба, судовых офицеров и нас, грешных, японцы везут в свое отечество, как поросят в клетке.

Кто-то со злобой сплюнул, кто-то сильно выругался.

Из судового командного состава остался на «Бедовом» только командир, дав честное слово японскому офицеру, что он не причинит миноносцу никакого вреда. В кают-компании собрались все офицеры. У них шли свои разговоры:

— Слава богу, кончились наши мучения.

— Посмотрим, какова Япония.

Флаг-капитан впал в уныние:

— Так-то оно так, но что будет, когда вернемся в Россию?

Мичман Демчинский тоже вздохнул:

— Да, предстоят нам большие неприятности.

Лейтенант Леонтьев, кокетничая красивыми зубами, возразил:

— Чепуха! Мы спасали жизнь командующего эскадрой. А потом — подумаешь, какое значение имеет для России потеря одного миноносца, когда вся наша эскадра разгромлена!

Его поддержал полковник Филипповский:

— Будучи на «Суворове», мы честно сражались. Мы делали все, что от нас зависело. А если нас обвинят, то вместе с нами должны будут сесть на скамью подсудимых и те, которые сейчас находятся в Петербурге под золотым шпицем Адмиралтейства. Зачем они послали такой сброд на войну?

Бодрее всех держался командир Баранов, горячо доказывая другим:

— Собственно говоря, миноносца я не сдавал. С того момента, как только на нем был поднят флаг Красного креста, он стал госпитальным судном. Но японцы поступили с ним неправильно — взяли и секвестровали его. О, если бы я не был связан присут-

ствием раненого адмирала, я бы показал противнику, как со мною сталкиваться! Один японский миноносец я потопил бы минами, а другой — артиллерией...

В кают-компанию вбежал матрос и, обращаясь к командиру, крикнул:

— Ваше высокоблагородие, буксир оборвался!

Командир, вытягивая шею, переспросил:

— А может быть, кто из матросов перерубил его?

— Никак нет, сам оборвался. И японский миноносец куда-то ушел. Совсем даже не видать его.

Люди, сидевшие за столом в кают-компании, застыли на месте, словно услышали не то, что сообщил им матрос, а нечто более страшное — трюмы наполнились водою или вспыхнул пожар в бомбовых погребах. Но через минуту офицеры уже выскакивали из-за стола, бросались к трапу и быстро бежали по верхней палубе к мостику. Все были охвачены отчаянием: победители ушли от пленников! Каждый предлагал свой совет:

— Надо прожекторы открыть!

— Нет, лучше ракеты пустить!

— Давайте скорее сиреной гудки!

Но переполох оказался лишним: в темноте увидели силуэт «Сазанами». Он приближался к «Бедовому», чтобы снова взять его на буксир. Офицеры могли опять спуститься в кают-компанию и спокойно разговаривать.

Этой ночью от зыби еще несколько раз лопался буксир. Поэтому японцы сняли с «Бедового» часть команды и, переправив ее на свой миноносец, заменили ее своими матросами. Заложники были возвращены обратно. После этого русскому миноносцу предоставили идти собственными силами, приказав держаться в кильватер победителю.

Днем 16 мая встретились с японским крейсером «Акаси». Он взял «Бедового» на буксир и, сопровождаемый «Сазанами», пошел дальше.

Адмирал Рожественский продолжал лежать на койке в командирской каюте. Лицо его осунулось, потемнело, глаза ввалились, как у мертвеца. Целыми часами он ни с кем не разговаривал, пребывая

в сурово-молчаливом одиночестве, словно погруженный в свои черные, как морская пучина, думы. Но иногда, дернувшись, он вдруг вскакивал и, свесив ноги с койки, начинал скрежетать зубами. В такие минуты вестовой Балахонцев, ухаживавший за ним вместе с доктором, пугался его. Растрепанный, оскаленный, с повязкой на голове, с остановившимся, как у безумца, взором, весь напряженный, он словно намеревался куда-то ринуться и действительно был страшен. Какие мысли возникали в его потрясенном мозгу? Быть может, ему представлялись страшные утопленники? У острова Цусима тысячи погибло их по его вине. А может быть, в памяти еще сохранилось то особое совещание, которое состоялось в Петергофском дворце 10 августа 1904 года под председательством самого царя. Да, именно тогда был сделан им величайший и непоправимый промах. Рожественский был слишком самоуверен и считал себя гениальным, но недооценил способностей противника. В совещании принимали участие высшие чины: два великих князя — Алексей Александрович и Александр Михайлович, управляющий морским министерством генерал-адъютант Авелан, военный министр генерал-адъютант Сахаров, министр иностранных дел граф Ламсдорф и командующий 2-й эскадрой, тогда еще контр-адмирал, Рожественский. Был поставлен вопрос: своевременно ли посылать 2-ю эскадру на Дальний Восток? Командующий высказался за немедленную отправку эскадры на войну. Но он встретил со стороны некоторых членов совещания веские возражения. Они доказывали, что, после того как 1-я эскадра 28 июля сделала неудачную попытку прорваться из Порт-Артура сквозь японскую блокаду, обстановка там сильно изменилась. Прежде чем Рожественский прибудет туда, крепость наша неминуемо падет, а вместе с нею погибнут и все имеющиеся там наши корабли. Значит, 2-я эскадра должна будет рассчитывать только на свои силы. А в таком составе она была слишком слаба, чтобы разбить противника и овладеть Японским морем. Да и где найдет командующий для нее базу? При таких условиях 2-я эскадра будет обречена на уничтожение. Целесообразнее было бы оставить ее на зиму

в Балтийском море, заняться боевой ее подготовкой, усилить ее достраивающимися судами и, может быть, покупными — и уже весной послать ее как грозную силу, которая решит участь войны.

Но Рожественский, несмотря на такие возражения, упорно стоял на своем — за немедленное отправление эскадры в дальневосточные воды. Он горячо и уверенно доказывал, что разобьет японцев. С ним согласился Авелан, а потом на его сторону склонился и царь. На этом заседании, быть может, особенно живо встал перед царем незабываемый драматический эпизод из его путешествия в молодости на Восток. Тогда Япония встретила наследника русского престола негостеприимно: какой-то самурай-фанатик ударил высокого гостя саблей по голове. Это покушение было тягчайшим оскорблением царской особы в стране Восходящего солнца. И теперь русскому императору, по-видимому, хотелось как можно скорее рассчитаться с микадо.

Несколько месяцев спустя сказались результаты особого совещания: над эскадрой свершилась поистине египетская казнь, а тот, кому Россия вверила свою судьбу и на кого вся армия возлагала надежды, сам на миноносце «Бедовый» сдался в плен. Еще недавно, 26 апреля, когда присоединились к нам небогатовские корабли, в приказе № 229 он провозгласил громкие слова: «Господь укрепил дух наш, помог одолеть тяготы похода, доселе беспримерного. Господь укрепит и десницу нашу, благословит исполнить завет государев и кровью смыть горький стыд родины...» Но вышло иначе: автор этого приказа как будто забыл о своем обещании и только больше усилил «стыд родины».

Как мог дойти до этого сам начальник эскадры генерал-адъютант вице-адмирал Рожественский? Он был тщеславен, и это тщеславие, как микроб, подточило его, подготовило ему гибель, заставив его броситься в дальневосточную авантюру. Принадлежа уже к свите его величества, он хотел подняться еще выше, мечтал уже о лаврах победителя, а действительность свалила его как ничтожество и заклеймила позором. Что скажет теперь о нем царь, которого он так обесславил? Как начнут трепать его имя все

газеты, которые заранее возносили его как национального героя? Какой ненавистью ответит ему вся страна и за бессмысленную гибель эскадры и за напрасные жертвы?

Да, тут было о чем задуматься. Казалось бы, такому заносчивому и с таким болезненным самолюбием адмиралу ничего не оставалось другого, как разбить голову о железную переборку. Но этого он не сделал... Гордость и унижение уживались в нем вместе. И это обнаружилось только перед лицом врага, как обнажается во время отлива дно морской отмели. Он валился на койку и, вздыхая, лежал на ней, мутный и притихший [39].

Утром 17 мая прибыли в японский порт Сасебо.

Еще издали увидели там свои броненосцы: «Император Николай I», «Адмирал Сенявин» и «Генерал-адмирал Апраксин». На них развевались флаги Восходящего солнца. Баранов, кивнув в их сторону головою, весело заявил:

— Стало быть, не мы одни сдались.

Потом он был занят только своими чемоданами, набитыми казенным добром. Их было у него двенадцать штук, но этого количества ему не хватало. Пришлось еще добавить четыре: два больших и два маленьких. Затем он захватил судовую кассу в шесть тысяч фунтов стерлингов. Из такой большой суммы он ничего не хотел дать не только матросам, но и офицерам. Клапье-де-Колонг, узнав об этом, вежливо сказал Баранову:

— Я предлагаю вам выдать офицерам по двадцать фунтов заимообразно. В России они вернут вам эти деньги.

Баранов вспылил и, хотя «Бедовый» находился под японским флагом, неожиданно отрезал:

— Здесь я командир! И никто не имеет права делать мне указаний. Я за все отвечаю.

Но потом почему-то раздумал и выдал каждому офицеру по двадцать фунтов.

Настроение у Баранова, подогретое наживой, было отличное. Синевой пламенели круглые глаза. Как всегда, тщательно была расчесана холеная борода. Казалось, в ней нет ни одного лишнего волоса. Покидая свой миноносец, он похлопал ладонью по его

трубе, словно вещий Олег своего коня. и ласково промолвил:

— Прощай, родной!

Японцы, когда-то наградив Баранова орденом Восходящего солнца 4-й степени, словно наперед знали, что он отплатит им за это с благодарностью.

Вспомнил ли он в это время о своем сыне? Ведь тот, мичман Баранов, высокий худощавый юноша, остался на погибающем корабле «Александр III» без надежды на спасение. При одной только мысли об этом должно было бы содрогнуться отцовское сердце.

9. МЫ ВСЕ УМРЕМ, НО НЕ СДАДИМСЯ

В августе 1904 года, перед отходом 2-й эскадры из Кронштадта, в блестящей кают-компании броненосца «Александр III» жены и родственники офицеров и отборная штатская публика собрались на прощальный банкет. Проводы были торжественные. То и дело над роскошно сервированным столом, уставленным батареей бутылок, яствами и цветами, поднимались бокалы шампанского с тостами во славу русского оружия. Горячи были напутственные речи гостей, пожелания победы над врагом и счастливого возвращения на родину. И в самый разгар шумных оваций неожиданно раздались мрачные слова. Восторженной публике ответил командир броненосца «Александр III» капитан 1-го ранга Бухвостов.

— Вы смотрите и думаете, как тут все хорошо устроено. А я вам скажу, что тут совсем не все хорошо. Вы желаете нам победы. Нечего и говорить, как мы ее желаем. Но победы не будет!.. За одно я ручаюсь: мы все умрем, но не сдадимся...

Бухвостов кончил. В кают-компании стало тихо, как в морге.

Нарядная аудитория была ошеломлена. Мало того, что речь была траурная, но больше всего удручало присутствовавших то, что такую заупокойную русскому флоту произнес один из лучших морских командиров — кандидат в адмиралы. Не того ждали от Бухвостова, который недавно отпраздновал двух-

сотлетие Преображенского полка как потомок первого солдата-гвардейца.

Слова командира оказались пророческими. Но они прозвучали не на всю страну, которая ничего не знала о неподготовленности своего флота, а только в тесных стенах кают-компании.

Но вернемся к 14 мая.

За «Суворовым» последующим мателотом был «Александр III». Флагманский корабль с самого начала боя подвергся таким повреждениям, что ему трудно было оправиться. Он вышел из строя.

Эскадра, никем не управляемая, была предоставлена самой себе.

И вот тогда-то на смену «Суворову» явился броненосец «Александр III», с именем которого навсегда останутся связанными наиболее жуткие воспоминания об ужасах Цусимы. После того как эскадра лишилась адмирала, он стал во главе боевой колонны и повел ее дальше. На этот броненосец обрушился весь огонь двенадцати японских кораблей. А он, приняв на себя всю тяжесть артиллерийского удара, ценою своей гибели спасал остальные наши суда. В безвыходной обстановке сражения он иногда даже проявлял инициативу, на какую только был способен, не раз прикрывал собою «Суворова» и пытался прорваться на север под хвостом неприятельской колонны. Однажды ему удалось воспользоваться туманом и временно вывести эскадру из-под огня. В продолжение нескольких часов он с выдающимся мужеством вел бой против подавляющих сил врага.

К вечеру это была уже не война, а бойня.

Броненосец «Александр III», как и другие корабли, не выдержал, наконец, неприятельского натиска. В шесть часов, сильно накренившись, он вышел из строя. Вид у него в это время был ужасный. С массою пробоин в бортах, с разрушенными верхними надстройками, он весь окутался черным дымом. Из проломов, из кучи разбитых частей вырывались фонтаны огня. Казалось, что огонь вот-вот доберется до бомбовых погребов и крюйт-камер и корабль взлетит на воздух. Но броненосец через некоторое время оправился и, слабо отстреливаясь, снова вступил

в боевую колонну. Это была последняя попытка оказать врагу сопротивление.

Что происходило во время боя на его мостиках, в боевой рубке, в башнях и на палубах? Кто же именно был тем фактическим командующим, который так талантливо маневрировал в железных тисках японцев? Был ли это командир корабля капитан 1-го ранга Бухвостов, его старший офицер Племянников или под конец последний уцелевший в строю младший из мичманов? А может быть, когда никого из офицеров не осталось, корабль, а за ним и всю эскадру вел старший боцман или простой рулевой? Это навсегда останется тайной.

Но поведение этого гордого корабля в самом ужасном морском бою, какой только знает история, у многих будет вызывать удивление.

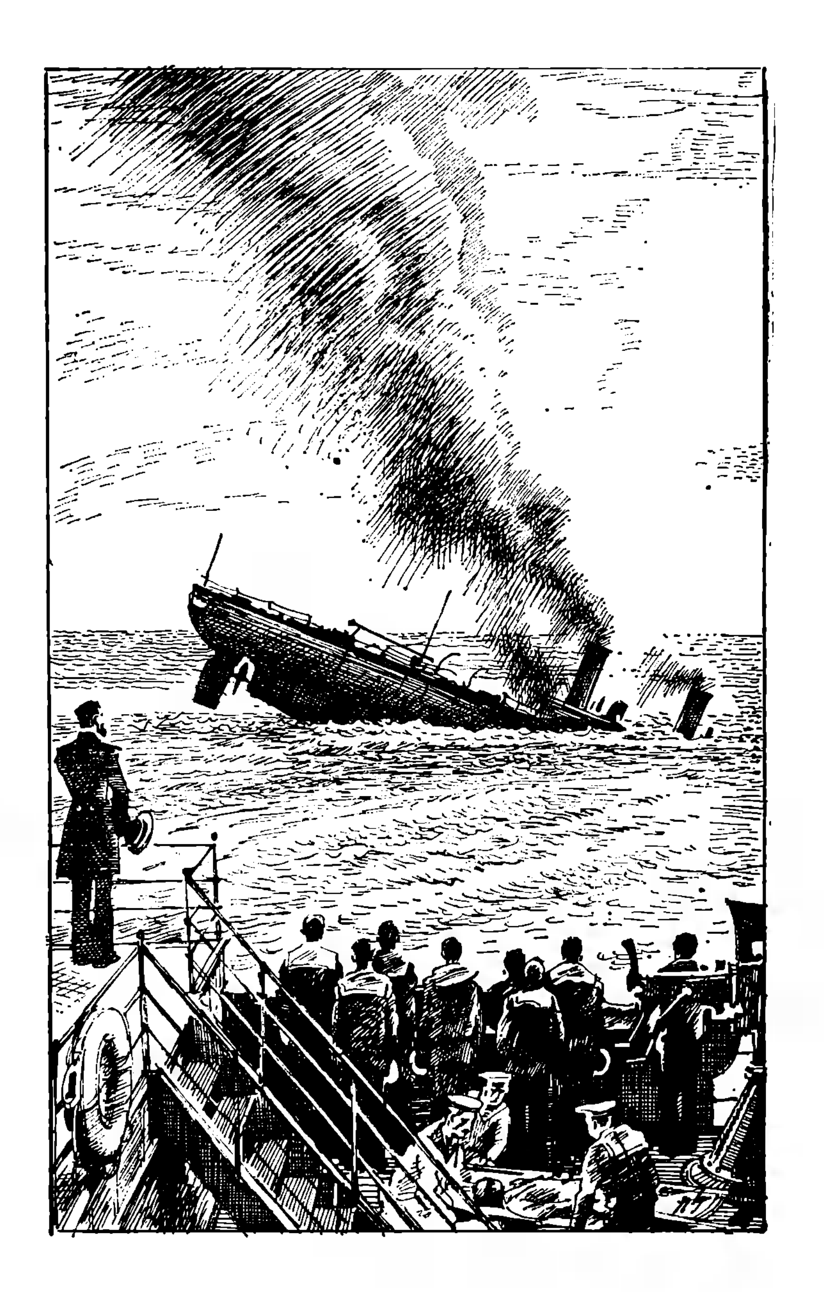
Броненосец, вступив снова в строй, переместился уже в середину колонны, а свое почетное головное место уступил однотипному собрату «Бородино». Здесь, на новом месте, «Александр III» продержался еще каких-нибудь двадцать — тридцать минут. Достаточно было ему подвергнуться еще нескольким ударам крупнокалиберных снарядов, чтобы окончательно лишиться последних сил. На этот раз он выкатился влево. Очевидно, у него испортился рулевой привод, руль остался положенным на борт. От циркуляции получился сильный крен. Вода, разливаясь внутри броненосца, хлынула к накренившемуся борту, и сразу все было кончено...

С крейсеров «Адмирал Нахимов» и «Владимир Мономах», следовавших за броненосцем, видели, как он повалился набок, словно подрубленный дуб. Многие из его экипажа посыпались в море, другие, по мере того как переворачивалось судно, ползли по его днищу к килю. Потом он сразу перевернулся и около двух минут продолжал плавать в таком положении. К его огромному днищу, поросшему водорослями, прилипли люди. Полагая, что он еще долго будет так держаться на поверхности моря, на него полезли и те, которые уже барахтались в волнах. Издали казалось, что это плывет морское чудовище, распустив пряди водорослей и показывая рыжий

хребет киля. Ползающие на нем люди были похожи на крабов.

Оставшиеся корабли, сражаясь с противником, шли дальше.

Свободно гулял ветер, уносясь в новые края. Там, где был «Александр III», катились крупные волны, качая на своих хребтах всплывшие обломки дерева, немые признаки страшной драмы. И никто и никогда не расскажет, какие муки пережили люди на этом броненосце: из девятисот человек его экипажа не осталось в живых ни одного.

Часть четвертая

ОСКОЛКИ ЭСКАДРЫ

1. К ЧЕМУ ПРИВОДИТ ОПЛОШНОСТЬ

В ночь на 6 мая 1905 года, когда 2-я эскадра проходила между островом Формоза и Филиппинами, на горизонте обозначились контуры неизвестного корабля. Он шел без огней. Посланный к нему крейсер «Олег» выяснил, что это направляется в Японию с контрабандным грузом английский пароход «Ольдгамия». На второй день русская команда, набранная с разных кораблей 2-й эскадры, заменила англичан, которые были перевезены на наши транспорты. Начальствующий же состав «Ольдгамии» попал на плавучий госпиталь «Орел». Командир «Орла» капитан 2-го ранга Лохматов и главный врач Мультановский, принимая пленников, переглядывались между собою и пожимали плечами, но ничего не могли поделать против распоряжения адмирала Рожественского. Оба они понимали, что с этого момента плавучий госпиталь был поставлен под угрозу японцев.

Русские матросы в числе тридцати семи человек, очутившись на борту чужого корабля, вначале чувствовали себя стеснительно и не знали, чем заняться. Их наскоро распределили в разные отделения по специальности. Боцман Гоцка, человек широкой кости, с круглым, слегка тронутым оспой лицом, любитель шутить при всяких обстоятельствах, весело понукал:

— Что вы, ребята, скисли? Щавелем, что ли, объелись? Или кораблей не видели? Живо принимайтесь за работу! Хозяева здесь теперь мы.

Матросы с трудом справлялись с незнакомыми для них механизмами. Особенно долго не налаживалась работа в машинном отделении. Туда вызвали прапорщика по механической части Зайончковского. Нетвердой, развинченной походкой он подошел к механизмам, с недоумением посмотрел на непонятные ему английские надписи и, постояв в нерешительности, махнул рукой:

— Вы уж тут сами как-нибудь разбирайтесь!

Машинист Кучеренко, бросив взгляд на удалявшегося прапорщика, буркнул:

— Тоже офицер! А насчет английского языка ничего не смекает. Давайте вертеть сами.

Машинисты долго приглядывались к разным приборам главной паровой машины. Наконец догадались, как управлять ею. Но аппарат по опреснению воды не скоро смогли привести в действие. Кучеренко неотступно возился с ним, как ребенок с непонятной игрушкой, и все-таки добился своего. Показывая кочегарам пущенный аппарат, он радостно воскликнул:

— Пошла Марфа за Якова! Вода будет!

А тем временем прапорщик Потапов, прибывший на «Ольдгамию» раньше других офицеров, распоряжался на палубе. Этот малорослый блондин мелкими шажками сновал по палубе и, прищуривая маленькие глазки, не без удивления останавливался перед сложными судовыми приспособлениями. Затем он приказал команде грузить уголь с транспорта «Курония».

В разгаре этих работ на капитанский мостик к Потапову поднялись два прапорщика: впереди высокий черноглазый человек с хмурым лицом, за ним полнотелый улыбающийся блондин, пониже ростом.

Потапов, обращаясь к первому, отрапортовал:

— Русская команда распределена по специальности. Уголь грузим в ямы, но лучше было бы грузить на палубу. Погода свежеет. Боюсь, помешает она нам.

— Одобряю,— сказал черноглазый офицер и повеселел.

Это был вновь назначенный командир «Ольдгамии» прапорщик по морской части Трегубов, только что прибывший с флагманского броненосца «Князь Суворов». Его полнотелый спутник, сделав шаг вперед, представился Потапову:

— Прапорщик Лейман. Прибыл с броненосца «Александр Третий». С сего числа имею удовольствие быть вашим соплавателем. Назначен сюда старшим офицером.

Для русских моряков началась новая жизнь на чужом корабле.

Через два дня «Ольдгамия», отделившись от эскадры, пошла своим курсом на Владивосток. Больше она не встречалась с русскими кораблями.

Прошла ночь. Утром, после побудки, командир «Ольдгамии» прапорщик Трегубов приказал собрать команду на ют. При пасмурном небе дул очень свежий встречный ветер, заглушая слова начатой речи. Командиру пришлось повысить голос до выкрика. Стоявшим сзади матросам показалось даже, что он кого-то ругает. А один из них, Леконцев, спросил своего соседа:

— На кого это наш «горбач» так разорался?

Трегубов выкрикивал:

— Наша эскадра пошла через Корейский пролив во Владивосток. Туда же направляемся и мы. Но наш путь иной: вокруг Японии Тихим океаном в Охотское море. Мы должны в целости доставить этот пароход к своим берегам. Постарайтесь, ребята, в работе и зорко следите за горизонтом. Помимо наград за отвагу, вы получите еще и призовые деньги за привод судна с контрабандой...

Командир ушел, ют опустел.

Трое суток свирепствовал шторм, доходящий до десяти баллов. Шумели волны, вырастая в белопенные бугры. Молнии с треском и грохотом рвали черные тучи. На океан обрушивались ливни дождя. Казалось, все небо задымилось от вспышек огня, но кто-то незримый сейчас же заливал их из гигантских шлангов, густо разбрызгивая струи воды. И среди этой разбушевавшейся стихии, качаясь и черпая бортами волны, шла одинокая «Ольдгамия». Больше всех мучились кочегары, работая в закупоренной

и душной преисподней. Многие из них, страдая морской болезнью, выбывали из строя. Они заменялись верхнепалубными матросами.

После полуночи 15 мая прошли мимо острова Аога. Погода улучшилась, ветер стих. На корабле наступило успокоение. Определили девиацию на все тридцать два румба. Матросы, отдыхая, разговаривали больше всего о 2-й эскадре и по-разному гадали о ней. Но никто из них не знал, что в этот день осколки ее, окруженные превосходящими силами противника, выдерживают второй день боя. Машинист Кучеренко, уверенный в себе человек, рассказывал своим товарищам:

— На броненосце «Александр Третий» нас несколько человек было сверх комплекта. Я сам напросился на «Ольдгамию». Уж очень мне хотелось узнать, какие устройства на английском судне.

Строевой матрос Леконцев, низкорослый плотный парень, жаловался:

— А я, когда узнал, что меня назначили на пароход, решил остаться на броненосце. Обращаюсь к начальству с просьбой — ни в какую. Я опять свое — хочу, мол, сражаться. А мне — по физиономии. Кровь изо рта и носа...

Рулевой Шматков передернул узкими плечами и, согнув свою высокую и худую фигуру, сбалагурил:

— Вот оно и выходит, как будто ты на войне побывал.

Два дня стояла хорошая погода. Командир Трегубов перестал следить за горизонтом и занялся другими делами. Сутулясь, он корпел над отобранными у англичан документами.

— Не верю я английскому капитану,— говорил он прапорщику Лейману.— Обманывает он. Груз, конечно, шел в Японию, а не в Гонконг. Сто пятьдесят тысяч деревянных ящиков, а в каждом ящике по две пудовых железных банки с керосином. Я думаю, что ящиков у них будет поменьше. А под ними, вероятно, скрыт военный груз — орудия или снаряды...

Обыскивая каюту бывшего английского капитана, командир заглянул за шкаф и очень обрадовался: нашелся документ, подтверждающий его подозрения.

Груз действительно был адресован в Японию. У Трегубова в этот день было хорошее настроение. Проходя по верхней палубе, неубранной и грязной, он только поморщился, но кричать на матросов, как обычно, не стал. Зато на следующий день, 16 мая, командир разошелся с утра. Сутуля свою высокую фигуру, он медленно обходил верхнюю палубу и сердито вскидывал черные блестящие глаза на сопровождавших его прапорщиков — малорослого Потапова и полнотелого Леймана.

— Смотреть противно, в какую навозную закуту превратили корабль. Удивляюсь вам, господа. Как будто вы никогда в жизни не служили на судах. Прошу вас немедленно заняться чистотой и наведением порядка.

Навстречу офицерам попался боцман Гоцка. На него и вылился весь гнев командира. Но тот нисколько не смутился и, весело глядя в лицо Трегубова, заговорил:

— Осмелюсь доложить, ваше благородие, после шторма команда только что пришла в себя. Завтра же все будет в порядке. А во Владивосток «Ольдгамия» придет выкрашенной и чистенькой, как именинница.

Командир пригрозил боцману взысканием, если он не подтянет команду.

— Есть, ваше благородие!

Но и после этого упрямый боцман продолжал все делать по-своему. У него были свои расчеты — не мучить преждевременно матросов. Их энергия и силы могут пригодиться для более ответственных моментов, какие в дальнем плавании неожиданно выпадают на долю моряков.

На следующий день, прежде чем свистать команду на уборку, боцман появился на мостике. Но офицерам было не до него. Прислушиваясь к их разговору, он понял, что авралу не бывать.

Лейман, показывая на море, обратился к командиру:

— Андрей Сергеевич! Что-то температура воды начала резко падать, и цвет ее на глазах меняется. А посмотрите, как заволакивается горизонт.

Трегубов окинул взглядом свинцовую муть начинающего волноваться моря и, повернувшись к своему помощнику, поспешно заговорил:

— Вот, вот, я этого ждал. Значит, мы находимся недалеко от Курильских островов. Течение проливов сказывается. Это и есть то, о чем предупреждал меня флагманский штурман полковник Филипповский.

Командир перевел взгляд на прапорщика Потапова:

— Теперь внимательнее следите за изменением цвета воды и чаще измеряйте температуру. Старайтесь иметь обсервацию. По счислению мы будем выбирать пролив Фриза или Буссоли.

Старший офицер Лейман увидел боцмана и, сойдя с ним на палубу, приветливо заговорил:

— Вот что, голубчик. Предупреди, чтобы все люди были на своих местах. Накажи впередсмотрящему — пусть не зевает. Приближаемся к проливам. Погода портится, всем будет жарко.

На мостике остались Трегубов, Потапов и рулевой Рекстен. Они с тревогой смотрели на надвигающуюся с горизонта мутную завесу. Туман, наплывая, сокращал видимость, дневной свет заметно тускнел. Вода из синеватой становилась мутно-свинцовой, температура ее упала до шести градусов по Реомюру.

Ночью тревога среди людей усилилась: нашел густой туман, и стало еще холоднее, как будто корабль приближался к границам Заполярья. Офицеры не спали. Утром 19 мая они собрались на мостике и с удивлением разглядывали друг друга. Бессонные лица их были землисто-бледны, веки припухли, и глаза стали какими-то слюдяными, бесцветными, словно выеденными за ночь туманом.

Старший офицер стоял перед командиром на расстоянии протянутой руки и все-таки плохо его видел. Он говорил:

— Вот мы и в полосе вечных туманов, Андрей Сергеевич. Теперь пойдем без обсервации. Для определения своего места мы можем руководствоваться только компасом, лагом, принимая в расчет еще местное течение. Сейчас же надо решить, каким проливом мы пойдем — Фриза или Буссоли?

Командир надвинулся всей своей высокой фигурой на Леймана, чтобы лучше его разглядеть в тумане, и сказал:

— Полковник Филипповский наказывал: куда ближе, туда и идите. А нам сейчас по счислению пролив Фриза ближе, чем Буссоли. И ошибки будет меньше. Распорядитесь взять курс на два градуса правее.

Прошла еще ночь. В четыре часа утра по счислению корабль должен был находиться на широте 42°58′ нордовой и долготе 149°32′ остовой. Командир Трегубов был уверен, что приблизился к проливу Фриза между островами Уруп и Итуруп Курильской гряды. Он распорядился лечь на курс норд-вест 17°. Туман густел. Людям с мостика ничего не было видно вокруг, кроме серой волнующейся мглы. Носовая и кормовая части корабля, окутанные туманом, пропали с глаз, словно растаяли. Казалось, что от всего судна остался только один мостик с тремя людьми, и плывет он с ними в таинственную неизвестность. Командир, старший офицер и рулевой походили теперь больше на воздухоплавателей, чем на моряков, как будто находились они не на мостике, а в гондоле воздушного шара, пробивающегося высоко над морем сквозь толщу густых облаков. Командир то поднимался на цыпочках, как это бывает с человеком, который ловчится взглянуть из-за простенка, то приседал на корточки, стараясь хоть что-нибудь разглядеть впереди, но серая, заволакивающая пелена была непроницаема. Такого густого и постоянного тумана нельзя больше встретить нигде на всем земном шаре. Это феноменальное явление природы объясняется тем, что у Курильской гряды сталкиваются два течения: теплое со стороны Японии, холодное со стороны Охотского моря.

Если бы посмотреть на пароход со стороны, то он показался бы блуждающим призраком. В этом месиве водяных паров не было видно людей и не слышались их голоса. На верхней палубе было мертво.

Командир, желая проверить, находится ли впередсмотрящий на своем посту, завопил, словно от боли, на отчаянно высокой ноте:

— На баке!

— Есть на баке, ваше благородие! — глухо послышалось в ответ с носовой палубы.

— Не зевать! Зорко смотреть вперед!

— Стараюсь, ваше благородие! А только ничего разглядеть невозможно. Такой густой туман, точно в мыльную пену окунулись.

Впередсмотрящий матрос находился на самом носу судна, но казалось, что он перекликается с командиром из бездны.

Временами, чтобы по глубине определить свое место, стопорили машину и бросали дип-лот, выпуская его до ста сажен. Морское дно осталось недосягаемым. И лишь около восьми часов утра достали глубину — пятьдесят сажен. Уменьшили ход до малого. Начали давать свистки в надежде услышать эхо от берегов. Со стороны левого крамбола послышался отзвук, точно откликнулось другое судно. Это означало, что в этом направлении находится какая-то скала, отражающая звук свистков. Командир приказал взять курс правее на шесть градусов. Дал опять свистки, и эхо стало отходить к левому траверзу. Но странно было, что вместе с этим начали уменьшаться глубина и зыбь. Подул ветер, однако тумана он разогнать не мог. Только на короткое время в разрыве мглы показалось тусклое светящееся пятно вместо солнца. В этот момент моряки увидели над кораблем буревестников и чаек. Они реяли низко, а это служило признаком близости берегов. Но так продолжалось недолго. Снова накатился вал тумана, и совсем пропала какая-либо видимость. На мостике, где сошлись три строевых прапорщика, с каждой минутой нарастала тревога. Их очень беспокоили свистки своего парохода — вдруг услышат японцы, которые, наверное, блокируют проливы. Лучше бы пройти бесшумно, но, с другой стороны, была опасность налететь на скалы. Свистки продолжались, и эхо на них откликалось уже со всех сторон. Было такое впечатление, как будто «Ольдгамия» окружена неприятельскими судами. Офицеры нервничали.

Но вот от лотовых стали доноситься на мостик утешительные возгласы о результатах промера глубины моря:

— Шестьдесят!

— Восемьдесят!

Командир снял фуражку, погладил самого себя по темно-русым волосам, как гладят мальчика по голове за хорошее поведение или сообразительность, и набожно перекрестился. Обернувшись к повеселевшим офицерам, он спокойно, с облегченным вздохом, промолвил:

— Слава тебе господи. Кажется, проскочили в Охотское море.

Он надел фуражку и уверенным голосом скомандовал в машину:

— Полный вперед!

Сильнее заработали машины, и оживились люди на мостике. А старший офицер Лейман, стоящий с командиром, даже пошутил:

— Ну вот, Андрей Сергеевич, как хорошо все кончилось! Выходит, что зря волновались. Не так страшен черт, как его малюют.

Но тут, резко перебивая шутки Леймана, раздался тревожный возглас впередсмотрящего:

— По носу слышу буруны! Сильно шумит!

От этих слов люди на мостике оцепенели, затем командир, разражаясь руганью, приказал дать полный ход назад и положить лево руля. Пока этот приказ выполнялся, пароход продолжал идти вперед — навстречу своей гибели. Как ни густ был туман, но и офицеры с мостика могли теперь разглядеть пенящиеся буруны. Явственно доносились шумные всплески волн, бившихся в камнях. И тут же люди пошатнулись от толчка, судно заскрежетало днищем, проползая по шершавому каменистому грунту, и остановилось.

— Полный назад! — продолжал кричать командир в машину.

Но корабль, накренившись на правый борт и приподняв нос, не повиновался воле людей. После некоторого замешательства, во время которого люди беспомощно метались по судну, были приняты меры для спасения «Ольдгамии».

Для осадки кормы начали наполнять балластную цистерну водой и для облегчения носа — выкидывать за борт деревянные ящики с керосиновыми банками. В сторону кормы завезли два верпа — в тридцать и

восемьдесят пудов, потом их выбирали лебедкой, и одновременно работала машина, давая полный задний ход. Но «Ольдгамия» не двигалась с места.

К полудню туман поредел. Слева обозначились скалы, покрытые снегом, возвышаясь перед судном, точно белые чудовища. Некоторые вершины гор достигали высоты более версты над уровнем моря. Подножия утесов заросли кустарником. Людям хотелось скорей освободить корабль из этой мрачной западни, и они без понукания старательно работали. В этом тяжелом аврале бок о бок с матросами трудились и офицеры и даже сам командир. Была надежда, что в четыре часа вечера полный прилив воды приподнимет судно и его легче будет снять с мели.

Но надежда эта не оправдалась. Во всю силу заработала машина. От напряжения корабль дрожал бортами, словно сам сознавал весь ужас своего положения и стремился сорваться с зацепы. Не помог и прилив. Люди поужинали, немного отдохнули и опять взялись за работу. Она не прекращалась до полуночи. Было уже выброшено за борт около пятнадцати тысяч ящиков. Они разбивались о камни, и освобожденные от укупорки белые жестяные банки с керосином плясали на бурунах. А через борта продолжали еще лететь в воду ящики. Моряки до того с ними измотались, что уже двоим не под силу было поднять один ящик. Пришлось аврал прекратить. Выпили по чарке рому, и все, не раздеваясь, разлеглись где попало и крепко заснули.

В эту ночь остовой зыбью закинуло корму «Ольдгамии» ближе к берегу. Подводной частью корабль толкался о камни. Люди снова принялись за спасение судна, облегчая все четыре трюма от груза. К четырем часам вечера с большим трудом завезли становой якорь. Заработала лебедка, машине дали задний ход. Но якорь сползал, а если и забирал грунт, но рвались перлиня. «Ольдгамия» точно присохла к морскому дну. С наступающей темнотой увеличилась зыбь. Днище корабля где-то проломилось, и в льялах показалась вода. Помпы не успевали ее откачивать. Она начала заливать кочегарные отделения и главную машину. Во избежание взрыва командир распорядился выпустить пары из котлов. Оставаться на судне

было опасно. Спустили две четырехвесельные шлюпки и два спасательных бота. Люди, захватив с собою самое необходимое, перебрались на них. Но куда и как можно было пристать ночью и в такую скверную погоду? Боты и шлюпки поставили между берегом и кораблем, закрепились за его борт и стали ждать утра. Здесь, под защитой корпуса корабля, меньше было ветра и зыби. И все же морякам было не до сна. Летели на них брызги и давил мрак, густой и непроницаемый, как черная стена. За другим бортом, словно страдая от бессонницы, ворочался и тяжко охал океан. А со стороны берега доносился рокот разбивающегося о камни прибоя. Чудилось, что кто-то, необыкновенно сильный, обезумев от ярости, пытается опрокинуть скалы в глубину вод.

Оба бота стояли рядом, но с того и другого люди не видели друг друга. Только слышались изредка их голоса, усиленные, чтобы перекричать бурный мрак. Чей-то бас прохрипел:

— Эй, на боте! Как поживаете?

С другого бота ответили:

— Живем, хлеб жуем и думаем о горячих пирогах.

Послышался знакомый голос машиниста Кучеренко:

— Днем и то ничего не разберешь. Такие густые туманы, как будто они сошлись сюда со всех сторон. А сейчас, точно в сырое чертово логово попали.

— Вот и вспомнишь свой корабль, как родной дом,— вставил матрос Леконцев.

Забрезжил рассвет, мутный и пасмурный, но туман заметно рассеивался. И вдруг с палубы корабля раздалось протяжное пение петуха, оставленного там на ночь в клетке вместе с курицей. Ни высокие широты севера, ни влияние природных стихий не могли нарушить инстинктивных повадок этой чуткой домашней птицы. Неутомимые летуны — чайки снизились к воде и закружились с криками у самого бота, как бы желая разглядеть голосистого певуна, быть может впервые услышанного ими в этих диких местах. А петух еще несколько раз повторил свой задорный салют туманному утру на море. Пение петуха напомнило людям о далекой родине, вызвало прилив сил и жажду

жизни, за которую им еще предстояла трудная борьба. Они быстро начали подниматься на палубу.

«Ольдгамия» за ночь прогнулась серединой корпуса. У командира сложилось впечатление, что она может разломиться пополам. Он торопил боцмана. Доски, консервы, котлы, разная посуда, мука, ящики с галетами, клетка с петухом и курицей и все, что могло пригодиться для временной жизни на новом месте, старались унести с собой на берег. Два бота и шлюпка долго искали удобного пристанища и остановились за километр от корабля, но и здесь подойти к берегу мешали отмели и камни. Матросы по пояс сходили в воду и, окатываемые бурунами и прибоем, тащили захваченное добро на себе. Только к полудню закончилась переправа на неизвестный остров.

Командир и три матроса остались на судне. Трегубов приказал Кузьменко и Кошелеву зажечь керосин в двух трюмах на корме, а Леконцев, как самый смелый и расторопный человек, то же самое должен был сделать в двух носовых трюмах. Эти люди рисковали своей жизнью. Под ними находилось около трехсот тысяч пудов горючего груза. Матросы разошлись. Прошло несколько минут. Не видя признаков поджога, командир от нетерпения громко закричал:

— Скоро ли? Море, что ли, поджигаете?

Наконец все четыре люка задымились. Матросы прибежали к штормтрапу. Они посторонились, чтобы пропустить командира, но тот, подтолкнув их вперед, последним спустился в ожидавшую шлюпку. Едва она успела отчалить от бота, как внутри судна что-то с грохотом загудело. В ту же секунду над кораблем, как парус, встала красная высокая стена и от порыва ветра повалилась вниз. Пламя, вытянувшись, метнулось к шлюпке. Казалось, огненный удав хлестнул хвостом сидящих в ней людей. Их обдало жаром, опалив брови и усы.

— Навались! — во всю силу легких скомандовал командир гребцам.

В следующее мгновение ветер подхватил пламя вверх, и шлюпка вышла из опасности. С каждой секундой огонь на судне бушевал яростнее, и даже хлынувший ливень не мог подавить силу пожара. В его свете дождь походил на низвергавшиеся с неба струи

расплавленного серебра. Взрывы керосиновых банок усилились, и это было похоже на то, как будто незримый противник стрелял в «Ольдгамию».

Моряки зажили береговой жизнью.

Первую ночь провели, греясь у костра и прикрываясь от дождя брезентами. И все же люди успели отдохнуть, собраться с силами. Рано утром, словно по команде, поднялся весь отряд в сорок один человек. Проголодавшись, первым делом принялись за завтрак: ели мясные и овощные консервы и пили чай. Только теперь можно было оглядеться кругом. Куда их занесло? Природа поражала своей суровостью: отвесные утесы, изрезанные берега, скалистые горы в снегу, мелкие кустарники в долинах, буруны среди камней, мглистые дали океана. Неумолчно шумели соленые воды, разбиваясь о рифы. Тучами носились чайки разных пород, то замолкая, то вдруг издавая такие дребезжаще-визгливые выкрики, словно среди пернатого царства произошло какое-то необычайное событие. Но больше всего удивляло людей скопище тысяч каких-то птиц на отвесной скале маленького острова. Эти птицы сидели молча, копошились, некоторые из них по-утиному ковыляли к краю каменной стены и, падая, расправляли крылья. Но на воде они легко плавали и ловко ныряли. Необычайное зрелище представлял собою берег моря против лагеря — весь он был загроможден грудами ящиков и белых жестяных банок с керосином, досками и разными деревянными вещами. Все это было выброшено как балласт во время разгрузочного аврала и затем волнами прибито к острову. На берегу валялись и мертвые птицы с опаленными перьями. Очевидно, ночью они попадали в пламя пожара и, задыхаясь, падали в воду. «Ольдгамия» все еще продолжала гореть, поднимая огненные языки до ста футов высотой, и от нее расплывались клубы черного дыма, смешиваясь с туманом и как бы образуя грозовые тучи, нависшие над морем.

По распоряжению командира матросы принялись за оборудование лагеря. Доски и брезенты, снятые с парохода, пошли на постройку палаток. Приступив к работе, люди обнаружили, что они захватили с собою из кочегарки лопаты, но топор и пилу из плотницкой

второпях взять никто не догадался. Эти инструменты пришлось заменить ножами, что значительно затрудняло дело. Однако к вечеру на диком месте лагерь принял благоустроенный вид: стояли недалеко друг от друга две палатки, одну из них — офицерскую — назвали «кают-компанией», а другую — матросскую — «кубриком»; вырытая под продуктовый склад яма называлась по-корабельному — «ахтерлюком»; сделанное в пригорке углубление с отверстием для дымохода гордо именовалось «камбузом». Главное богатство лагеря заключалось в огромном запасе топлива: с берега натаскали множество ящиков и банок с керосином — пригодятся для разжигания костров.

Командир и здесь поддерживал порядок и дисциплину. По утрам старший офицер Лейман выстраивал команду во фронт. Трегубов выходил из палатки, принимал рапорт от своего помощника и важно, как на судне, здоровался с матросами. Некоторые из них слышали, как он наказывал своему помощнику:

— Прошу вас держать нижних чинов в строгости. Я ни при каких обстоятельствах не допущу распущенности. Если кто нарушает дисциплину — доложите мне. Я найду меры воздействия на виновных.

Старший офицер Лейман слабо возражал:

— По-моему, команда у нас отличная. И, мне кажется, нет надобности подтягивать ее. Вы сами видели, как матросы работали во время аварии «Ольдгамии». Здесь все стараются для себя.

— Я не говорю, что матросы у нас плохи, но они хороши, пока держишь над ними кулак наготове. Нужно, чтобы каждый из них на каждом шагу чувствовал власть офицера, как чувствует лошадь узду своего хозяина.

Три дня стоял туман. За это время люди ничего не предпринимали и только пили, ели и спали. Посменно, днем и ночью, дежурил часовой, охраняя покой лагеря и следя за мутным горизонтом — не появится ли какое-нибудь судно. Петух, привязанный на длинном шнурке к колышку, встречал каждый рассвет голосистым пением. Это доставляло тоскующим морякам большую радость. Но наступило такое утро, когда никто не услышал его голоса. Оказалось, что ночью он был похищен лисою. Ей тоже отомстили матро-

сы — унесли у нее лисенят. Три ночи подряд она приходила к лагерю и тихим лаем и повизгиванием манила своих детей из человеческого плена.

Офицеры продолжали гадать, куда они попали. Командир уверял, что «Ольдгамия» наткнулась на остров Итуруп. Но каково было его удивление, когда 25 мая рассеялся туман и по солнцу удалось, наконец, определить свое место: широта 45°55′ нордовая и долгота 150° остовая. А это означало, что они попали на более северный остров — Уруп, отделяющийся от предполагаемого проливом Фриза. Командир объяснил своим офицерам:

— Значит, вот в чем была наша ошибка. Согласно направлениям флагманского штурмана, я принимал в расчет течение на вест-зюйд-вест. А его здесь совсем не оказалось. Вот почему мы врезались в середину острова Уруп.

Прапорщик Потапов возразил:

— Да, но тот же флагманский штурман предупреждал нас быть как можно осторожнее у Курильской гряды. Мы не должны были входить в пролив, пока точно не определили своего местонахождения. В противном случае нам нужно было дождаться рассеивания тумана. Сами мы оплошность сделали...

Трегубов вспыхнул и хотел ответить на это резкостью, но сдержался.

Люди отдыхали еще три дня, и, наконец, собрав офицеров и команду, командир объявил:

— На шлюпках нам рискованно добираться до Сахалина. Надо что-то придумать другое. По карте в десяти милях от нас будет маленький порт Товано. Если там окажется какое-нибудь судно, то мы или наймем его, или захватим вооруженной силой. Найдутся охотники в разведку?

Первым назвался машинист Кучеренко, вторым — матрос Леконцев, а за ними еще десять человек. Их разделили на два равных отряда. Один из них, под командой прапорщика Леймана, направился на север, другой, возглавляемый самим командиром, пошел на юг. Провизии с собой взяли на неделю, вооружились винтовками и револьверами.

Трудности похода начались сразу: никаких дорог и даже троп нигде не оказалось. Приходилось то про-

биваться сквозь колючий кустарник, то взбираться по обрывистым скалам, то спускаться в ущелья и переходить горные речки по пояс в воде. За два дня одолели не больше семи миль. Это расстояние было очень мало в сравнении с окружностью острова, длина которого составляла пятьсот с лишком миль. Выбившись из сил, обе партии вернулись обратно, не принеся никаких утешительных сведений. Уруп, по-видимому, был необитаем.

Перед моряками встал вопрос: как быть дальше? По расчетам, провизии у них хватит только на два месяца. За это время здесь может не появиться ни одного судна. И тогда им будет угрожать голодная смерть. Оставалось лишь одно — пусть какой-нибудь бот доберется с частью людей до Сахалина и даст знать об остальных. Командир приказал матросам искать подходящие деревья для сооружения мачт. Вдали от лагеря были найдены два толстых бревна, прибитые к берегу морем. Сырые, они были настолько тяжелы, что их с трудом приволокли ближе к лагерю. Из них нужно было сделать две мачты — по одной на каждый бот. Сначала решили оборудовать один бот. Без топора, без пилы, без рубанка, с одними только кухонными и карманными ножами принялись за работу. Строгали и резали толстое бревно, превращая его в шлюпочную мачту определенной длины и в руку толщиной. В стороны отлетали лишь тоненькие стружечки. Особенно долго приходилось задерживаться, если под руку попадался сучок, твердый, словно кость. Машинист Кучеренко, сидя верхом на бревне и работая, ворчал на стоящего рядом боцмана Гоцку:

— Хороший ты у нас начальник, а вот забыл все-таки самое главное — топор и пилу. Теперь ковыряйся с этим делом. Это все равно, что гору языком слизывать.

Боцман оправдывался:

— Не то на уме у меня было. Командир меня затыркал. Спешка, суматоха. А впрочем, не унывай, ребята. Бобры только зубами действуют, да и то с деревьями чудеса делают. А у вас — ножи.

Лагерь принял вид импровизированной судостроительной верфи. Тех матросов, которые уставали, боцман сейчас же заменял другими. Работа ни на одну

минуту не прекращалась. И все же дело медленно двигалось вперед. К вечеру люди с удивлением увидели, что бревно мало убавилось в своей толщине.

В то время, когда часть команды была занята выделкой мачты, другая распарывала широкие шлюпочные чехлы. Из них ворсой, раскрученной из пенькового каната, шили паруса. Из этой же ворсы вили шкоты.

Наконец через четыре дня бот номер первый был оснащен для дальнего плавания. Все население лагеря, обрадованное окончанием работ, вышло на берег. Ветер надул самодельные паруса, и окрыленное суденышко плавно вышло в море на испытание. Оно прошло мимо «Ольдгамии», которая еще продолжала гореть, и вернулось к берегу. Командир, убедившись, что их работа не пропала даром, тут же назначил своего помощника, прапорщика Леймана, начальником первой партии в составе десяти матросов. Отплывающие вооружились, запаслись пресной водой и провизией на две недели. Условились, что командир будет ждать на острове от Леймана вестей в течение пятнадцати — двадцати дней.

За ночь туманная погода сменилась на ясную. Утром 4 июня все вышли на берег провожать бот. Прощаясь с Лейманом, командир сказал:

— Постарайтесь захватить какую-нибудь встречную японскую шхуну. Тогда мы сможем все сразу сняться с острова. Если в пути никто не попадется, то спешите на Сахалин и скорее за нами судно присылайте. Ну, желаю вам попутного ветра.

Командир был серьезен. Пожимая руку своему помощнику, он строго, по-начальнически смотрел на него черными глазами. Прапорщик Лейман улыбался, точно ему предстояло только прогуляться в море.

Бот дрогнул, когда легкий ветерок надул его паруса, и направился к проливу Буссоли. В лагере осталось еще тридцать человек. Все они стояли и смотрели на удалявшихся своих товарищей, переживая смешанное чувство: и зависть к тем, кто скоро будет на родине, и боязнь за них, что они могут погибнуть в волнах, и пробуждающуюся надежду, что только от них можно ждать помощь. И люди не расходились до тех пор, пока бот не скрылся совсем.

На острове Уруп несколько дней отдыхали. Любознательные слонялись по берегу, присматриваясь к диким местам. Еще раз организовалась партия для розысков жилья на острове, но и она вернулась ни с чем. От нее только узнали, что в трех милях от лагеря имеется речка, поразившая обилием рыбы. Матросы часто стали ходить туда и все придумывали, как бы воспользоваться водяной живностью. У них не было ни удочек, ни сетей. Выручил всех матрос Леконцев. У него в чемодане случайно сохранились сетки, которыми на вахте кочегары вытирают пот. Из этих сеток был им тайно связан сачок, по бокам которого он надвязал две простыни. Получился почти бредень. Когда Леконцев объявил во всеуслышание, что он наверняка поймает рыбу, ему не поверили и его осмеяли. Командир, усмехаясь, заявил:

— Если хоть одну штуку поймаешь, дарю тебе бутылку рома.

Леконцев пригласил с собою трех товарищей и ушел на рыбную ловлю.

Часа через четыре рыбаки вернулись, встреченные радостными восклицаниями. Рыбы было притащено около двух с половиной пудов, и какой рыбы! Здесь была форель и семга. Это было очень кстати: запасы провизии убавлялись с каждым днем, а пополнить их было неоткуда. Все благодарили Леконцева за изобретательность. И сам командир дивился, но слово свое сдержал — охотно выдал ему бутылку рома. Уха была жирная и вкусная. Часть рыбы была зарыта в снег, сохранившийся в лощинах. С этого дня рыбные запасы в природном холодильнике лагеря не выводились.

По распоряжению командира начали вооружать второй бот. Опять посменно одними ножами матросы выстругивали из бревна мачту. У них уже в этом был кое-какой опыт. На этот раз прочнее и лучше сшили паруса и скрутили из ворсы шкоты. И когда работа подходила к концу, у боцмана вышло столкновение с командиром. Гоцка уверенным тоном доказывал, что бот в таком виде не годится для дальнего плавания — при сильной волне он может развалиться. Нужно под киль пропустить стальной трос и закрепить его вокруг мачты. Таким образом, и бот будет более надежным, и мачта прочнее будет держаться. Трегу-

бов возражал, что эти меры увеличат трение и убавят ход. Долго спорили, горячились. Боцман все-таки поступил по-своему. А на следующий день группа матросов в уступе горы копала землянку. Но никто из них не мог догадаться — для чего она вдруг потребовалась командиру. Это стало ясно для всех, когда в эту землянку, как в карцер, был заключен боцман Гоцка. У ее входа стоял часовой. Арест боцмана произвел на команду угнетающее впечатление. Вечером у костра машинист Кучеренко, разговаривая с товарищами, возмущался несправедливостью командира.

— Ведь вот что обидно — человек дело советовал. Можно сказать, о жизни своего же начальника заботился. А он на чужой земле — под арест его. Ну, там, скажем, в Петербурге, веками каменные тюрьмы понастроены. Власть имущих, понятно, подмывает выискивать жильцов за эти решетки. А здесь зачем тюрьму делать? Ведь и без того мы находимся дальше, чем сам Сахалин, куда каторжан ссылают. И вообще неизвестно, будем ли мы живы.

— Да, нам и так здесь хуже, чем в тюрьме,— проговорил кто-то хмуро.

Кучеренко, подумав, добавил:

— Неужели люди нигде и никогда не могут обойтись без тюрьмы? И всего-то нас тут три десятка. А если бы двое остались на острове — значит, опять один для другого устроил бы тюрьму?

Прошло две недели с того дня, как расстались с первым ботом, а из России не было никакой помощи и никаких вестей. В лагере всех тревожил вопрос — что с ним случилось? Либо он попал к японцам в плен, либо погиб в море. Командир решил сам испытать счастье и отправиться в рискованный рейс. Он знал, что в боте будет тесно, и все-таки взял с собою тринадцать матросов. В его расчеты входило, чтобы оставшихся было как можно меньше, иначе на двух остающихся маленьких шлюпках они, если понадобится, не смогут даже перебраться с одного острова на другой. Вечер прошел в сборах к отплытию. На борт погрузили провизию, анкерок и банки из-под керосина, налитые пресной водой, запаслись компасом, хронометром, секстантом и биноклем. Кроме того, взяли четыре винтовки и пять револьверов. Выпущенный на

свободу боцман хлопотал около бота, стараясь так уложить разные предметы, чтобы они не мешали работать гребцам.

До поздней ночи в офицерской палатке были слышны возбужденные голоса. Это спорили между собой командир Трегубов и прапорщик Потапов. Оказалось, Потапов был недоволен командирским предписанием. В нем говорилось, что начальником лагеря на берегу остается прапорщик по механической части Зайончковский — по старшинству лет, а Потапову вручалось командование на море, как более опытному судоводителю.

С раннего утра 22 июня началась посадка на бот.

В это время разгоряченный прапорщик Потапов догнал командира на берегу и вручил ему бумагу. Трегубов на ходу молча прочитал ее, сел на бот и оттуда, махая бумагой, резко выкрикивал:

— Это вам, прапорщик Потапов, так не пройдет. Ваш возмутительный рапорт я представлю в Петербург в главный штаб.

— Я этого только и хочу — там нас рассудят,— ответил Потапов и, отвернувшись, зашагал к лагерю [40].

Вслед боту неслись с берега прощальные приветствия, а он, подгоняемый легким ветерком, под парусами направился вдоль острова к югу. Командир надеялся через пролив Фриза пройти в Охотское море. Все четырнадцать соплавателей почувствовали облегчение. Давно уже не было такого веселого настроения. Другими глазами и без грусти они в последний раз посмотрели на то место, где так печально оборвался их рейс и где было пережито столько горьких минут. «Ольдгамия» оставалась в прежнем положении, но уже обглоданная пожаром и представляющая собою обезображенный скелет. Капитанский мостик, штурманская рубка и другие верхние надстройки, раньше блестевшие эмалевой краской, превратились в груду обгорелого железа с торчащими мачтами и трубами. Подожженная месяц тому назад, она все еще дымилась, огонь еще находил горючее в огромных трюмах этого океанского парохода.

Серые тучи, как бы оседая, ниже опустились над океаном. Ветер слабел. Бот сложил свои парусиновые

крылья, но продолжал двигаться вперед. Восемь гребцов, сгибая спины, старательно наваливались на весла. Матросы отсидели ноги, согнутые в тесноте, но все были бодры. Ведь с каждым взмахом весел укорачивался путь, ведущий этих людей к цели. Так гребли моряки до позднего вечера, пока не попалась удобная бухточка, куда они и завернули.

Не выходя на берег, они ночевали в боте и по очереди дежурили, чтобы не вынесло их в море. На рассвете проснулись, позавтракали и тронулись дальше в путь. Утро было туманное, безветренное, с проливным дождем. Бот под веслами медленно подвигался вперед и, боясь пройти мимо пролива, держался ближе к берегу.

В полдень заметили, что высокий горный кряж острова Урун становился все ниже, потом скат его обрывался мысом. Дальше начинался пролив Фриза.

— Нобунотс,— сообщил командир название этого мыса по лоции.— Тут на милю тянется подводный каменистый риф. Не будем сразу сворачивать в пролив, гребите прямо на противоположный берег острова Итуруп.

Справа внимание всех привлекла своим четким рисунком отдельно возвышающаяся скала. К северо-западу, за милю от мыса, в проливе она стояла, как на постаменте. Своей причудливой формой она напоминала огромный макет старинного корабля. Казалось, не природа, а искусная рука скульптора высекла из каменной глыбы и корпус его, и высокие надутые ветром паруса над ним. Вероятно, такое сходство этой скалы с кораблем поразило воображение первого увидевшего ее мореплавателя, и за ней навсегда сохранилось и вошло в лоцию самое подходящее название — «парус».

Пролив имел около тридцати миль ширины. На его просторе сразу изменилась погода: подул норд-вестовый ветер,— он заметно усиливался и свежел. Моряки обрадовались ему и поставили паруса. Идти стало легче. С моря клоками сгоняло туман.

Вдруг с левого борта возник сильный шум, распознать причину которого сразу не могли даже опытные моряки. Он приближался со стороны океана.

— Не поймешь что!

— Неужели японский катер?

Эти испуганные возгласы заглушил громким выкриком сидевший на носу матрос Кошелев:

— Кит! Прямо на нас прет!

Из тумана на бот надвигалась черная лоснящаяся груда длиной в большую баржу, спереди над ней веером высоко хлестал шумный фонтан брызг.

— Держи вправо! — скомандовал Трегубов рулевому.

Близость морского чудовища, в сравнении с которым бот казался игрушкой, устрашила людей. Некоторые схватились за винтовки, но стрелять не пришлось. Кит сделал крутой поворот влево, взметнув мощным хвостом. Высокий вал захлестнул бот, обдав людей холодной соленой водой. Некоторые ахнули не то от испуга, не то от изумления, но все сразу почувствовали, что холод доходит до колен. Бот наполнился водой до банок. Все бросились вычерпывать воду, кто чем попало: чайниками, кружками.

Кит скрылся в туманной дали океана, а бот, повернувшись от кита вправо, оказался на своем курсе и продолжал путь вдоль пролива Фриза. Показалась северо-восточная оконечность острова Итуруп. Командир сразу узнал ее по высокому и обрывистому мысу с тремя приметными сосками горных утесов, обозначенных в лоции.

Ветер свежел и, достигнув пяти баллов, развел крупную зыбь. Чем больше бот углублялся в пролив, тем труднее становилось плавание. Приходилось лавировать в бурлящей толчее среди быстрин и водоворотов. Боясь, как бы ветром не сломало мачту, убавили площадь паруса, но вместе с тем, чтобы не уменьшился ход бота, матросы опять заработали на веслах. К вечеру кое-как преодолели пролив и вышли в Охотское море. Но в этой отчаянной борьбе бот был искалечен: толчеей и зыбью его так расшатало, что он по пазам дал течь. Да и сверху, через борта, его захлестывало волнами. Вода поднялась выше колен. Матросы беспрерывно ее отливали, но она все прибывала. Часть команды укачалась и ничего не могла делать.

Боцман Гоцка остался на острове Уруп, но теперь о нем вспоминали с благодарностью.

— Молодец боцман,— заставил тросом скрепить бот. Без этого наше суденышко развалилось бы, как старое корыто,— первым заговорил машинист Кучеренко.

Леконцев, оглянувшись на командира, углубившегося в морскую карту, поддакнул:

— Да, если бы не трос,— давно бы нам быть на дне моря.

Командир как будто не слышал этих разговоров. По-видимому, он и сам теперь сознавал, что боцман был прав, и, оторвавшись от карты, взглянул вперед. Перед ним, волнуясь, грозно расстилалось Охотское море с мглистыми далями. Пускаться в большое плавание на протекающем боте было рискованно. Вода в нем, прибывая, скоро может соединиться с уровнем моря, и тогда — всем конец. Трегубов, обращаясь к команде, мирно заговорил:

— Смотрел сейчас по карте. На всем северном берегу острова Итуруп нет ни одного заливчика, где бы можно нам было укрыться от ветра и отдохнуть. Да и бот нужно починить. Попробуем в Кунаширском заливе свое счастье. За это время погода, может быть, улучшится.

Обратно по проливу бот понесся почти с попутным ветром. Весла были уже не нужны. У людей теперь была одна забота — борьба с течью. Кроме Леконцева и Кучеренко, воду начали отливать еще двое: рулевой Рекстен и матрос Кошелев. Так плыли около двух часов. Северо-восточную оконечность острова Итуруп огибали уже в темноте. Здесь расположена удобная Медвежья бухта, где можно было переночевать. Но, приближаясь к ней, моряки заметили сверкающий огонь на берегу. Несомненно, это были японские рыбаки. Чтобы не попасть в плен, бот прошел дальше и скрылся за выступом скалы. Защищенный от ветра, он остановился. Командир приказал направить его ближе к берегу, но подойти к нему не удалось — мешали подводные камни. Всю эту тихую и темную ночь по очереди отливали воду. С рассветом 24 июня все принялись за ремонт бота, законопачивая пазы лоскутами от одежды, сигнальными флажками и носовыми платками.

К восьми часам утра борьба за плавучесть судна была окончена — течь прекратилась. Люди принялись завтракать. Вдруг с северо-востока набежал шквал, надул парус, бот выбрался из-за прикрытия скалы и направился на юг вдоль острова Итуруп. Течи больше не было. Это утешало людей. Весь день стояла хорошая погода. Люди могли отдохнуть и восстановить силы. Но вечером ветер совершенно стих, и моряки опять взялись за весла. Бот пошел тише.

Ночью наплыл густой туман. Перемежаясь с дождем, он не прекращался еще два дня, которые, без ветра, были очень мучительными для людей. Расстояние более ста миль вдоль острова Итуруп было пройдено. Они поравнялись с юго-восточным мысом этого острова, обрывавшегося скалистой возвышенностью. Здесь начинался вход в северный Кунаширский пролив. Моряки сперва обрадовались, но тут же с ужасом увидели, что течением пролива их относит в океан. Для них это означало гибель. Люди напрягали последние усилия, но желанный пролив от них удалялся: течение было значительно быстрее, чем ход бота. Догадались стороной подойти к прежнему месту, но при попытке войти в пролив их опять подхватило тем же течением и понесло на восток. Так повторялось несколько раз. Они, как люди, карабкающиеся по крутому подъему ледяной горы, скользя, катились вниз. Измученным гребцам ничего больше не оставалось, как переночевать под берегом острова.

Утро 27 июня принесло несчастным скитальцам облегчение: подул южный ветер. Они обогнули мыс и при попутном ветре, преодолевая течение, вошли в северный Кунаширский пролив. Слева, на северном берегу острова Кунашир, вблизи которого они держались, возвышалась величественная гора. Она имела форму двух срезанных сопок, выходящих одна из другой, и напоминала собою искусственный обелиск.

— Это известный пик Антония, высотой более семи тысяч футов, — пояснил командир, глядя на карту.

Матрос, сидевший сложа руки под парусом, ответил ему:

— Вот гора! Как настоящий памятник!

— Смотрите — маяк перед ней торчит, как спичка перед телеграфным столбом,— сказал его сосед, указывая рукой на шестиугольную белую башню.

Сидевший на носу впередсмотрящий матрос Леконцев негромко вскрикнул:

— На берегу вижу сигналы флажками. Нас заметили японцы.

— Это, вероятно, их телеграфный пост,— заметил командир.

При этих словах все люди, как по команде, пригнулись на сиденьях, а бот, как бы выполняя их желание, продолжал идти своим путем. Но почему-то погони за ними не было. Очевидно, японцам и в голову не могла прийти мысль, что русские могут очутиться в таком глубоком их тылу, в необжитой, суровой местности.

Опасность встречи с японцами миновала. Бот, подгоняемый попутным ветром и течением, мчался по волнам, как на гоночных соревнованиях. Всех удивило — почему при входе в пролив течение было в обратную сторону, а теперь, словно смилостивившись над моряками, оно несло их вперед.

— Как на тройке скачем по ухабам! — воскликнул кто-то на носу, а голос с кормы ему ответил:

— Так мы через два дня будем на Сахалине чай пить.

Скоро маяк остался позади едва заметной белой вышкой, и только огромный пик Антония, упиравшийся в небо, все еще хорошо был виден издали. Проходя мимо северного берега острова Кунашир, моряки смотрели на голые отроги трех горных кряжей, на лесистые ущелья между ними и долины.

Идя под парусами, люди отдыхали и, развлекаясь открывающимися новыми видами, начали забывать о перенесенных испытаниях трудного пути, но невзгоды как будто подстерегали их каждый раз внезапно. Началось странное явление — ветер постепенно слабел, а зыбь все больше увеличивалась. На середине пути в воздухе наступило полное затишье, паруса повисли, как тряпки, а бот совсем остановился. Но кругом, на всем пространстве пролива между островами, вода бурлила, как кипяток в кастрюле на жарком огне. Здесь не было правильного чередования волн, какие

обычно ходят по морю. Короткие и круглые, как будто выталкиваемые снизу, они дыбились на высоту до двадцати пяти футов и, как лохматые великаны, с яростью обрушивались друг на друга, дробясь и обдавая людей солеными брызгами.

Все это происходило оттого, что здесь сталкивались два противоположных течения: одно — холодное — с Охотского моря, другое — теплое — со стороны Великого океана. Таким образом, океан и море вели здесь вековечную борьбу. Много морей уже поглотил Великий океан и еще хотел поглотить одно, но оно отгородилось от него Курильской грядой. В этом сражении море выдвинуло против океана острова, точно неприступные крепости, а проливы между ними были ареной ожесточенной схватки. Утлый бот с русскими моряками попал здесь в спор стихий и на себе ощущал бушующую войну течений, напиравших друг на друга с двух сторон — от моря и океана. Он повертывался, крутился, плясал на волнах, но не двигался с места, как будто стоял на приколе.

— Опять мы в мертвом пространстве! — с досадой сказал командир.

Моряки поняли, что дело их плохо, и начали усиленно грести. Однако они не могли на веслах справиться с напором воды, чтобы направить бот по своему пути: он болтался, как чурка в проруби. Многих из команды это приводило в отчаяние, они не знали, что делать, как не знали и того, долго ли будут находиться в таком положении. Была угроза, что бот может развалиться. Часть людей отливала воду, другие поправляли те места в пазах, где ослабла конопатка.

Прошло несколько часов.

— Вся наша надежда на ветер, — упавшим голосом сказал Трегубов, мрачно оглядывая уставшую команду.

Дремавший полулежа рулевой Рекстен открыл карие глаза, сунул в рот указательный палец правой руки и потом поднял его высоко кверху над собой. На мокром пальце его ощутился холодок от легкого дуновения южного ветерка, который иначе никак нельзя было почувствовать. Он сказал:

— Ага! Скоро тронемся, ваше благородие. Пока чуть-чуть веет попутный зюйд. Наверное, разойдется.

От употребления соленых консервов всем очень хотелось пить, но вдоволь пресной воды не выдавалось. Люди принимались курить, торопили матроса Леконцева скорее разогревать чайник на его самодельной железной печурке, устроенной в носовой части на камнях. От разожженных углей потянуло дымком, запах его был приятен морякам, он напоминал мирную домашнюю жизнь на далекой родине.

— Самоваром запахло! — вздохнув, сказал кто-то.— Теперь бы целый самовар один выпил за присест.

— Придется ли нам вообще попить чаю дома?..— ответил другой голос.

Слабый южный ветерок стал чувствительным для всех. На мачте поспешно подняли парус. А когда поспел чайник и Леконцев стал торжественно разливать чай по кружкам, вдруг налетел сильный шквал, ударил в парус и резко качнул бот в сторону. Сшибленный с ног толчком, Леконцев повис за бортом, только сжатые в тесноте ноги удержали его от падения в воду. Но чайник с кипятком вырвался из его рук, упал за борт и утонул. Матросы разразились руганью. Всем было жаль драгоценной воды, каждая капля которой была на счету.

— Не ругаться, а радоваться надо. Ветер — спаситель нашей жизни,— оправдывался обиженный Леконцев, неудачно выполнявший роль кока.

Как ни велика была неприятность потерять чайник с кипятком, но причина, вызвавшая ее, одновременно доставила людям и радость: паруса под ветром и вдобавок к ним весла теперь преодолевали встречное течение, и бот продолжал путь по проливу.

Вечером бот поравнялся с крайним мысом острова Кунашир, и перед людьми открылся широкий простор Охотского моря. Командир достал карманные часы, взглянул на них — стрелка показывала цифру семь. Он приказал повернуть к берегу, чтобы запастись пресной водой,— она была уже на исходе. Но через некоторое время стало ясно видно, как высоко вздымался морской прибой, ударяясь о крутые каменные обрывы острова.

— К берегу, знать, не подступиться — разобьемся. Потерпим, ребята, до Сахалина. Экономнее будем обращаться с водою. А пока воспользуемся попутным ветром.

В голосе командира прозвучало сожаление.

В море бот пошел под одними парусами. Ветер разгуливался, а через три часа плавания достиг шести баллов. Волны, усиливаясь, вкатывались через борт. Ночью люди не гребли, но устали больше, непрерывно отливая воду.

Утром, оглядываясь, они с удивлением заметили, как недалеко от них были берега. Вершины гор издали казались еще выше, чем они были вблизи. А с левого борта заманчиво и близко виднелась большая земля. Командир узнал, что это был остров Иезо с удобными бухтами, где можно укрыться и запастись пресной водой. Но подойти к нему, густо населенному японцами, означало верный плен.

Бот шел дальше. Берега скрывались с глаз. Впервые люди очутились в открытом море. И для них, обессиленных уже раньше, медленно зачередовались дни и ночи, без сна и отдыха, то обнадеживающие, то угрожающие. Жизнь на боте, у которого не была окончательно устранена течь, зависела от капризов погоды, а она постоянно менялась. Когда окутывал море густой туман, плавание продолжалось вслепую, и не было возможности определить свое место. Ветер, меняя направление, иногда как бы сочувствовал несчастным скитальцам и гнал их по курсу, а иногда как бы становился поперек дороги и не пускал их вперед. В особенности им досталось в нордовый шторм. Обдавая ледяной стужей, он отбросил их назад на десятки миль. Всем казалось, что наступил конец. Эта мысль особенно пугала моряков, потому что им ничего не было известно о первой партии, отправившейся на Сахалин, и они считали ее погибшей. Они тоже ждали такой же участи. Но бот каким-то чудом пока уцелел, и окоченевшие на нем люди все еще копошились, находясь по пояс в воде и не переставая отливать ее за борт. Не было покоя и во время затишья — приходилось грести. В тесноте нельзя было ни прилечь, ни вытянуть одеревеневших ног. Даже в те редкие часы, когда можно было бы соснуть, лю-

ди сидели и, скорчившись, только дремали. С тех пор, как они оставили остров Уруп, на них ни разу не просохла волглая одежда, и они мокли в соленой воде, как в рассоле. Тела их сморщились, посинели.

Команда угрюмо молчала. А если кто начинал говорить, то другие не сразу поддерживали его, словно не понимая, о чем идет речь. В словах проскальзывали мысли об иной жизни, чем на этом жутком боте.

— Тот, кто останется из нас жив, никогда не забудет о наших приключениях,— словно сквозь сон пробормотал Кошелев.

Через минуту заговорил Леконцев:

— А у меня на родине теперь весна в разгаре: сирень цветет, соловьи поют.

— Эх, поваляться бы на душистой травке, под горячим солнцем,— мечтал вслух Кошелев.

— А ну вас к лешему с такими разговорами! — рассердился Кучеренко.

Минут десять длилось молчание, и снова подал голос Леконцев:

— Чуяло мое сердце — плохо будет. Как мне не хотелось расставаться с броненосцем!

Слова Леконцева напомнили людям об эскадре. Всех занимал вопрос: что стало с ней? Никто не думал о победе над японцами, но все были уверены, что большинство русских кораблей стоит уже во Владивостоке. И опять мысль возвращалась к берегу:

— Наши товарищи, наверно, в городе погуливают или в трактире чайком забавляются.

— А у кого возлюбленные есть — тем еще лучше.

— А у нас пресной воды вдосталь нет.

— Нам хоть бы часика три в тепле полежать, руки и ноги расправить, отдохнуть...

Кучеренко, стараясь отвлечь команду от тяжелых дум, заговорил о другом:

— Знал я одного барина. Большой офицерский чин имел. Богатство у него за год не сосчитать. И простяга был на редкость. Когда варили для него яйца в скорлупе, то он брал только яйца, а бульон от них отдавал своему вестовому. Вот какие бывают добрые господа.

Некоторые матросы устало улыбнулись на слова Кучеренко.

В другое время и в другом месте за такие речи командир подверг бы матроса наказанию. Но теперь он только взглянул на Кучеренко и ничего не сказал. Быть может, он иначе стал расценивать своих подчиненных, которые во время этого тяжелого плавания проявили подлинное мужество. Нельзя было не уважать людей, отважно боровшихся со смертью. От нее отделяли их только тонкие дощечки, но она все-таки проникала в бот через щели, она лезла через борта зеленой шипящей массой волн, обдавая тела холодом. В данном случае шутка, хотя и ядовитая, не прозвучала для Трегубова дерзостью. Вероятно, он сделал вывод, что эти люди, неутомимо боровшиеся с препятствиями на пути к родине, точно так же доблестно вели бы себя и в боевой обстановке.

С каждым днем положение команды ухудшалось. Истощались последние силы. А кругом ничего не было видно, кроме мутного неба и колыхающейся поверхности моря. Напрасно взоры, устремленные вперед, искали землю. Остров Сахалин, служивший местом ссылки за тяжкие преступления, а сейчас манивший этих моряков, как желанный приют, не показывался, словно навсегда исчез в бесконечном водном пространстве. Холодом, греблей, жаждой, недоеданием, бессонницей, постоянным отливанием воды из бота, ожиданием гибели в волнах люди были доведены до исступленного отчаяния. Они потеряли представление о времени и, очнувшись от забытья, не знали, какая часть дня проходит перед ними — вечер, утро или полдень. Некоторые из них начинали бредить.

Командир не работал, но и у него был вид замученного насмерть человека. Он ел и пил наравне с командой, нисколько не увеличивая себе порции, а спал меньше других, боясь сбиться с курса. Похудевшее лицо его посерело, обросло черной щетиной, глаза потеряли прежний блеск и потускнели, словно налились мутной водой. С трудом открывая отяжелевшие веки, он подбадривал своих подчиненных, доказывая, что скоро покажется на горизонте Сахалин.

И бот, даже при затихшей погоде, под одними только веслами, хоть медленно, но двигался вперед.

Лунной ночью 1 июля люди заметили черноту на горизонте. Это была земля. Неясный вид ее возвра-

щал людей к жизни. Бот подходил ближе, и командир пояснил:

— Вот и Сахалин. Узнаю мыс Анива. Корсаковск за ним недалеко. Надо взять левее. Обойдем его, и мы — дома.

Бот начал под парусами огибать два высоких утеса, разделенных отлогим ущельем. От этого мыс вдавался в море седлом. Когда он оказался на правом траверзе, командир приказал повернуть вправо и направиться в глубь залива. Свежий встречный ветер не унимался, и бот, лавируя, очень медленно шел вперед. Это шатание из стороны в сторону увеличивало расстояние до Корсаковского поста в несколько раз. Люди видели берега родины, они казались такими близкими, но только около шести часов вечера 3 июля бот под веслами приблизился к мысу Эндум. Отсюда было видно, что на рейде стоят суда. Все были уверены, что тут могут быть только русские корабли. Надеждой загорелись глаза — не напрасно люди перенесли столько мучений и страданий. Мечтами они были уже на берегу, но командир вернул их к действительности, громко выкрикнув:

— Табань! Назад! Вижу японские флаги! Корабли не наши.

Матросы с тревогой молча всматривались в корабли, на которых уже можно было различить японские флаги.

Повернув обратно, бот пошел в сторону вдоль берега — подальше от Корсаковского поста, и приткнулся на отмели против Савиновой пади. С кормы поднялся командир Трегубов. Сделав шаг от борта, он упал в воду и растянулся на ней лягушкой. От долгого неподвижного сидения его ноги свело судорогой. Помочь подняться ему было некому, матросы были еще слабее его от непосильной работы. По мелкой воде от бота до берега большая часть людей ползла на четвереньках, некоторые пробовали брести вброд, но и они скоро валились с ног. За двенадцать дней плавания на боте в неподвижности и тесноте у них распухли ноги.

В момент их высадки на берегу никого не было видно. Но через несколько минут от поселка в четыре избы к ним направился человек.

— Сейчас от него узнаем, почему тут очутились японские корабли,— сказал командир, вставая, и тут же зашатался, беспомощно опускаясь опять на землю.

Высадившаяся команда с удивлением рассматривала приближавшегося к ним человека в странном одеянии. Особенно поражало всех птичье оперение этого высокого кудлатого и горбоносого старика. На нем были портки из птичьих шкурок, на ногах — бахилы из горла морских львов. Быстрой и легкой походкой он шел к морякам, глядя на них черными глазами, игривый блеск которых очень оживлял его бородатое лицо типичного южанина.

— Черкес, наверное. Как его сюда занесло? — проговорил тихо матрос Кучеренко.

Старик ласково поздоровался с командой, улыбнулся и поспешно, с кавказским акцентом, заговорил:

— Видал, как выпалзывали на берег. Гадал, гадал, думаю, так и есть. Наши матросы, раненые. Конечно, под Цусимой искалечены. Полтора месяца прошло, а вы все плыли. Как это оттуда на лодке вы могли сюда добраться? Удивительно.

— О какой Цусиме вы говорите? — спросил командир.

— А как же! Вы же в Цусимском бою были? Говорят, ужасное дело было!

— С нами хуже боя получилось. Еле выжили. А ты, дедушка, скорей скажи нам, не слыхал ли что-нибудь о нашей эскадре?

Этот вопрос мучил команду во время всего пути. И сейчас, ожидая ответа, моряки напряженно уставились на старика. А он настороженно оглядывал незнакомых ему людей. Очень подозрительна была их худоба — кожа да кости в морской форме. По тому, как некоторые из них таращили на него лихорадочно блестевшие глаза, а другие замерли в застывших позах с мертвенно бледными, изможденными, грязными и обросшими щетиной лицами — они могли показаться ему безумцами. Но тут же, как бы что-то соображая, старик покачал седой головой и заговорил:

— Эх, да вы, видать, ничего не знаете. А ведь большой морской бой был при Цусиме. Наши разбиты. Два адмирала — Рожественский и Небогатов — в плену. Только три корабля дошли до Владивостока.

Народу-то нашего сколько погибло! Сперва никто не верил. Потом уже в газетах прочли.

Эта страшная весть ошеломила моряков. Они долго молчали, не в силах выговорить слова от потрясения. Оправившись от первого впечатления, моряки начали расспрашивать о подробностях боя.

Вторым, не менее сильным ударом для них было сообщение старика о занятии японцами неделю тому назад Сахалина.

О себе старик рассказал, что он — грузин, политический ссыльный. С молодости он отбывал на Сахалине долголетнюю каторгу. Остался здесь поселенцем.

Командир объявил команде о своем намерении немедленно покинуть оккупированную неприятелем территорию и направиться во Владивосток. Но от старика узнали, что японцы отобрали у жителей продукты и запастись ими в путь здесь невозможно. Это обстоятельство, а также жалкий вид измученной и больной команды вынудили его отказаться от своего решения. Тогда Трегубов распорядился выбросить из бота винтовки, револьверы, а деньги и документы сам зарыл в землю.

Настроение команды упало. Нечеловеческие и необычайные трудности претерпели люди, стремясь на родину, но вместо этого попали прямо в плен. От чего так долго, с таким упорством бежали, к тому и пришли.

Впоследствии они узнали, что и первую шлюпку постигла та же участь. А оставшиеся на Урупе моряки были сняты японским судном.

Разными путями, но все три партии русских моряков все же попали в плен.

Еще до своей гибели «Ольдгамия» повлекла за собой потерю русского судна. В начале боя, 14 мая, плавучий госпиталь «Орел», державшийся вдали от эскадры, был неожиданно обстрелян японцами. Но и этим дело не ограничилось. Враги не посчитались с тем, что на нем развевался флаг Красного Креста. Вскоре к нему приблизился японский вспомогательный крейсер «Маншю-Мару» с поднятым сигналом: «Остановиться». Около тридцати японских матросов

во главе со строевым офицером появились на борту «Орла». Без команды, как будто у них заранее были распределены все роли, они быстро заняли все отделения корабля.

При переговорах командира «Орла» капитана 2-го ранга Лохматова и главного врача статского советника Мультановского с японским офицером присутствовал бывший капитан «Ольдгамии» со своими помощниками. Англичане не скрывали своего удовольствия при виде вооруженных японцев. Пошептавшись с английским капитаном, японский офицер объявил командиру Лохматову по-английски:

— Мне все ясно. Под красным флагом вы с врачами занимаетесь военными операциями. На борту у вас военнопленные. Мы забираем ваш так называемый госпиталь как военный приз. Командую здесь теперь я.

На скуластом лице офицера концы черных косых бровей поднялись еще выше к вискам, как острые крылья стрижа. Японец бесстрастно обвел всех глазами и поднялся по трапу на мостик. В ходовой рубке по его приказанию от штурвала был отстранен русский рулевой, а на его место стал японец. Офицер что-то скороговоркой скомандовал ему. Госпиталь «Орел», забурлив винтами воду, повернул в сторону Японии. Противник уводил его с места боя, не дав ему возможности оказывать медицинскую помощь раненым русским морякам.

Главный врач Мультановский считался опытным хирургом. В своем операционном пункте он работал с особым вдохновением. А в обычной жизни, вне медицинских занятий, этот апатичный толстяк как будто ничем не интересовался и ко всему относился равнодушно. Но сейчас его круглое лицо стало багровым, точно ему нанесли личное оскорбление. Враждебно взглянув на Лохматова, словно и тот был в чем-то виноват, он сквозь зубы процедил:

— Пленных на госпитальное судно сажают! Придумала же голова нашего адмирала. И вот вам результаты.

Капитан 2-го ранга Лохматов, высокий и поджарый человек, был из тех командиров, которые прекрасно управляют кораблем без всякого шума и сує-

ты. Бóльшую часть своей жизни он провел в море, плавая на судах Добровольного флота. Любое несчастье он переживал молча. И теперь на его продолговатом, с тонкими чертами лице, обрамленном раздвоенной рыжей бородкой, в его больших серых глазах, смягченных сеткой морщинок вокруг них, нельзя было усмотреть ни тревоги, ни беспокойства. Не выпуская изо рта папиросы, он только махнул рукой и, высоко держа голову, ровной походкой направился в свою каюту. Это означало, что дело бесповоротно проиграно и поправить его невозможно.

— Скажите, Яков Яковлевич, неужели японцы такие бессовестные, что возьмут наш «Орел»? — волнуясь, обратилась старшая сестра милосердия Сиверс к Мультановскому.

Зная о близости этой сестры к Рожественскому, он замедлил с ответом, словно забыл слова, а потом, криво улыбаясь, выпалил:

— Нет. Они, вероятно, хотят устроить для нас банкет. И отпустят на все четыре стороны. А вы при встрече можете за это поблагодарить своего адмирала [41].

2. НЕОБХОДИМАЯ ГЛАВА

В состав 2-й эскадры входили корабли, которые не принимали непосредственного участия в Цусимском бою. Но они совершили длинный путь вместе с ними и затем выполняли особое задание. Было четыре таких корабля: «Рион», «Кубань», «Днепр» и «Терек». Раньше они были пассажирскими пароходами, а в начале войны морское ведомство вооружило их. Самый маленький из пароходов представлял собою железную громаду в 9 460 тонн водоизмещением, а наибольший — в 12 500 тонн. На каждом поставили от четырнадцати до двадцати двух орудий, пулеметы, дальномеры, прожекторы. Снабдили суда пироксилиновыми патронами для подрывных работ, оборудовали на них бомбовые погреба и радиорубки. Много было всяких переделок, чтобы приспособить пароходы для военных целей. А когда все было готово, их включили в категорию крейсеров 2-го ранга. Они обладали хорошим ходом — в девятнадцать узлов. И еще у них было од-

но достоинство — они могли брать большой запас топлива и более двух месяцев находиться в плавании, не заходя в порт. Но личный состав судов находился не на должной высоте. Морское ведомство не дало на них боевых моряков: большинство офицеров было из Добровольного флота, а команды — из запасных матросов, не обученных и не знакомых с новейшими приборами.

За несколько дней до Цусимского боя командиры этих кораблей получили от командующего Рожественского секретные пакеты с инструкциями. Каждое из четырех судов, отделившись от эскадры, направилось своим путем, чтобы действовать в указанном районе, и они уже ни разу друг с другом не встречались. Всем им было предписано ловить военную контрабанду, направлявшуюся в Японию. Предполагалось, что, выполняя такое задание, они вместе с тем произведут внушительную военную демонстрацию в тыловых водах у берегов противника. Такая диверсия русских судов может отвлечь внимание и разъединить его главные морские силы, сосредоточенные в Корейском проливе для встречи нашей 2-й эскадры. Высшее командование было уверено, что крейсеры в этой войне с Японией сыграют очень важную роль.

А что же в действительности они сделали?

«Рион» крейсировал на водных путях Шанхай — Квельпарт — Нагасаки. Ему сразу же повезло — 13 мая в восемь часов вечера он встретил норвежский пароход «Транзит». Имелись сведения, что груз парохода состоит из пороха и ружей, а документы фальшивые — на керосин в Гонконг. Освещенный прожектором и получивший предупредительный выстрел, «Транзит» остановился. Подошли к нему почти вплотную. Сначала хотели было осмотреть его, но потом командир капитан 2-го ранга Троян раздумал и ограничился только тем, что спросил в рупор:

— Откуда?

— Из Артура. Пустой.

— Хорошо. До свидания.

«Транзит» был отпущен.

А командир зашагал по мостику.

На следующий день встретились еще с одним судном. При осмотре это оказался тоже норвежский па-

роход, который шел из Америки в Таку с полным грузом леса. Документы были все в порядке. Дружески распрощались и с этим пароходом.

С рассветом 15 мая «Рион» взял направление к острову Росс и шел малым ходом, зигзагами. Погода была ясная. За целый день не видели на горизонте ни одного дымка. И только к вечеру задержали германский пароход «Тетартос». На нем оказался железнодорожный груз японского происхождения. Этот груз сопровождали семь человек японцев-сдатчиков. Сомнений никаких не было — контрабанда.

Призовая комиссия решила потопить пароход «Тетартос». Но командир, руководствуясь какой-то смутной инструкцией министерства иностранных дел, долго не соглашался с решением комиссии. Офицерам пришлось горячо убеждать его. Наконец он распорядился посадить на пароход свой конвой и лечь на зюйд-вест 71°, чтобы подальше отойти от берега в море. Утром застопорили машины. С парохода свезли на крейсер личный судовой состав. На «Тетартосе» открыли кингстоны, но он долго не тонул. Позднее сделали в него три выстрела с расстояния в пять кабельтовых. Все три снаряда попали в цель, но ни один из них не разорвался. Пароход продолжал держаться на воде и лишь в половине первого часа медленно пошел ко дну.

«Рион», проблуждав дня четыре в тумане, наткнулся на английский пароход «Силурнум». Это случилось в тридцати милях от Сидельных островов. Капитан парохода встретил русского офицера на палубе, поздоровался с ним и сразу же решил ошарашить его:

— Очень грустные и тяжелые новости имею для вас.

От него узнали, что 2-я эскадра разбита. Это подтверждалось и шанхайскими газетами, полученными от капитана. Очевидно, капитан рассчитывал, что эти сенсации отвлекут внимание русских от осмотра его парохода, но этого не случилось. На корабле обнаружили сто тридцать кип хлопка, который был выброшен за борт.

Известия о гибели эскадры потрясли весь экипаж. О дальнейшей операции никто уже не думал. Перед

людьми стоял вопрос: куда идти, чтобы запастись углем на обратный путь в Россию? Пошли в Батавию, где людей с «Тетартоса» свезли на берег и начали погрузку угля. Здесь с «Риона» дезертировали тридцать шесть матросов. Голландцы не разрешили стоять в гавани больше двадцати четырех часов. «Рион» снялся с якоря и направился в Рас-Гафуну.

Четырнадцать дней качались на волнах Индийского океана. 17 июня показались берега Африки. Впереди возвышался обрывистый мыс Рас-Гафун. Здесь, далеко от театра военных действий, в вахтенном журнале «Риона» была занесена запись о случае, которым впоследствии гордился экипаж.

Было одиннадцать часов утра 17 июня, когда с мостика «Риона» офицеры заметили странную картину. Около берега, повернувшись к нему лагом, с креном на левый борт стоял на одном месте пароход. На нем развевались какие-то флаги. Командир повернул «Рион» прямо на пароход. Приблизившись к нему на расстояние полутора миль, увидели французский флаг и сигнал: «Терплю бедствие». Через борта накренившегося парохода хлестали волны. Командир крейсера капитан 2-го ранга Троян отлично понимал, что во время муссона, дувшего в сторону берега, невозможно было в таком открытом месте стать на якорь. И только исключительные обстоятельства заставили пароход это сделать. Крутая зыбь подергивала канат якоря. С «Риона» спустили вельбот. Это тоже было рискованно. Как потом выяснилось, все французские шлюпки, спущенные на воду, были перевернуты волнами, и пассажиров доставляли к берегу туземцы на своих лодках. Все же прапорщик Нечаев пошел на вельботе к бедствующему пароходу и через час вернулся на крейсер. Поручение командира было выполнено: на крейсер доставили помощника капитана французского парохода «Шадок». От француза узнали, что их пароход сел на камни два дня тому назад. Снять его с мели было нельзя. Пассажиры, переправленные на туземных лодках на сушу, расположились там лагерем в восьми милях от берега. Их было шестьсот восемнадцать человек. Среди них находились женщины, дети и больные. Туда с крейсера были посланы на шлюпках два офицера

и шестьдесят человек команды. Они захватили с собою семь пар носилок. Пассажиры и экипаж парохода с трудом добирались по песку, в жару, до берега. Команда «Риона» помогала нести детей и больных на носилках. Восемь миль шли полсуток. Находясь уже на крейсере, французы, обобранные туземцами-сомалийцами, восторженно отзывались о благородном подвиге русских моряков. Спасенные собрали для команды несколько сот франков. Но командир денег не взял и выразил от имени французов благодарность команде.

«Рион», оставив Рас-Гафун, взял курс на Аден. На пути у него вышел весь уголь, в топках начали жечь дерево. «Рион» еле добрался до порта.

В Адене он сдал спасенных людей на два иностранных парохода и более основательно запасся топливом.

Дальнейшее плавание крейсера проходило без приключений.

16 июля «Рион» отдал якорь на кронштадтском рейде.

«Днепр» должен был оперировать в Восточно-Китайском море. Отделившись от эскадры, он проводил свои транспорты до Шанхая. Тут же командир крейсера капитан 2-го ранга Скальский созвал военный совет, на котором тщательно разработал план операции. Но на второй день, к удивлению офицеров, командир изменил этот план и взял курс на Филиппинские острова. По-видимому, ему хотелось быть подальше от Японии. Крейсер, не заходя в порт, остановился прямо в море, у северных островов Филиппинского архипелага. Но чем же заняться здесь, чтобы провести время? Начали скоблить и подкрашивать борта, словно «Днепр» готовился к торжественному параду. На это ушло два дня. А дальше уже неудобно было стоять на одном месте с застопоренными машинами и, ничего не предпринимая, покачиваться на морской зыби.

«Днепр» направился к Гонконгу. На четвертый день крейсерства — 15 мая — на этом пути попалось ему первое паровое судно. Удивительно было встретить так далеко в море от острова Седдельс речной

английский пароход «Самсон». Он был осмотрен и отпущен. На следующий день у «Днепра» была очень счастливая встреча. Команда его уже целый месяц плавала не куря, а остановленный «Днепром» австрийский пароход «Нипон» снабдил их табаком. В тот же день были остановлены еще два парохода, на которых вместо контрабанды нашли старые газеты, но из них ничего нельзя было узнать о судьбе русской эскадры. Что стало с ней? Этот вопрос мучил русских моряков и придавал им больше азарта в крейсерстве. Сигнальщики и вахтенные день и ночь следили за горизонтом, в надежде перехватить если не контрабанду, то хоть новости об эскадре. Одиноко бродил «Днепр» два дня среди моря, не заметив ничего на своем пути. Моряки томились неизвестностью о положении дел на войне. Вдруг 19 мая корабль оживился. Все кругом зашевелилось, зашумело, забегали люди, зазвенели телефоны. На параллели острова Калаян сигнальщики увидели первый дымок за шестьдесят часов хода. Скоро с мостика рассмотрели уже и рангоут, удалявшийся в пролив между островами Люцоном и Бабуян.

— Полный вперед,— раздалась команда в машину.

«Днепр» начал погоню. Через два часа он был уже близко к беглецу под германским флагом. Простым глазом прочли надпись: «Принц Сигизмунд». С «Днепра» был сделан холостой выстрел, другой, но пароход остановился только после третьего выстрела. Члены судовой комиссии, прибывшие на него, сперва были очень разочарованы, не найдя контрабанды. Этот пароход Северо-Германского Ллойда вез груз известного поставщика 2-й эскадры, частного русского интенданта Гинзбурга. Выходило, что охота за ним пропала даром. Но дороже военного приза здесь оказались для русских моряков свежие газеты. И вот с «Сигизмунда» начали семафором передавать на «Днепр» новости из гонконгской газеты «Южно-Китайская утренняя почта» от 17 мая:

— Четыре корабля с Небогатовым в плену. Одиннадцать русских кораблей потоплены в Цусимском бою.

Отпустив пароход, все офицеры во главе с командиром Скальским собрались в кают-компании. Прапорщик Людэ, знаток английского языка, вслух читал газету. Оживленно обсуждались результаты боя. Сведения были еще туманны и неясны, но всех потрясли газетные новости. Задумчивы и грустны стали поникшие лица моряков. Среди молчания раздался торжественный, приподнятый голос командира.

— Война проиграна. Участь наша решена, господа! Что мы теперь представляем собою одни в чужом море и без поддержки военного флота? Мы теперь корсары. Значит, эскадры не существует больше, и нам пора кончать. Надо уходить обратно!

В этот же день, после обеда, когда в судовой колокол пробили восемь склянок, на горизонте показался пароход, шедший встречным курсом. По распоряжению вахтенного начальника прапорщика Куницкого рассыльный побежал доложить об этом командиру.

— Ну что? — спросил Куницкий, когда рассыльный вернулся обратно.

— Он сидит у себя в каюте и только сказал — «хорошо».

— И больше ничего?

— Больше ничего.

— Иди еще раз и спроси, надо ли задержать пароход?

Второй раз вернулся рассыльный и с обидой в голосе заявил:

— Он выругался и сказал, чтобы я убирался к черту под лохматый хвост.

На мостик пришли старший офицер Компанионов и лейтенант Шварц. Всех возмущало поведение командира. Пароход приблизился и, находясь уже на траверзе крейсера, не поднял даже своего флага. Тогда старший офицер сам отправился к командиру и, высказав свои подозрения относительно парохода, спросил:

— Как поступить с ним?

Командир рассердился:

— Мне надоели подобные вопросы. Вот вам мое решение: до Сайгона мы не будем останавливать ни одного судна. Прошу больше меня не беспокоить.

Старший офицер пожал плечами и ушел.

Более решительно поступил лейтенант Шварц. Он спустился в музыкальный салон, отделявшийся от командирской каюты дощатой переборкой, и нарочно стал громко кричать:

— Это не командир, а враг своей родины. Такого человека немедленно нужно арестовать...

Слова Шварца, по-видимому, сильно повлияли на командира. Бледный и встрепанный, с обезумевшими глазами, как бывает с человеком во время пожара, он прибежал на мостик и приказал повернуть крейсер за пароходом. Но пароход развил большой ход и был уже далеко. К счастью, тут же подвернулось другое коммерческое английское судно — «Сент-Кильда». Командир точно переродился и властно отдал приказ:

— Задержать этот пароход!

На нем оказалась военная контрабанда в четыре тысячи тон: рис, хлопок и жмыхи. Призовая комиссия вынесла решение потопить его и, направившись от берегов подальше в море, приказала ему следовать за крейсером. На второй день утром свезли с него людей к себе на борт, а на нем, в машинном и кочегарном отделениях, заложили подрывные патроны. Но из них только один взорвался. Пароход «Сент-Кильда» не тонул. Пришлось прибегнуть к помощи артиллерии. И хотя до цели было не менее четырех кабельтовых, командир предупредил старшего артиллериста:

— Стреляйте только в носовую часть. Избави бог, если взорвутся котлы или заложенные там подрывные патроны. Тогда и нам достанется.

Получив шестнадцать снарядов, пароход «Сент-Кильда» носом, точно захотел нырнуть, пошел ко дну.

После потопления парохода «Сент-Кильда» в течение нескольких дней подряд кают-компания крейсера «Днепр» представляла собою необычное для военного корабля зрелище. На длинном столе, на диванах, на буфете и просто на палубе этого просторного помещения всюду были разложены запечатанные пакеты, посылки и конверты. Адресованные в Японию, они были различной формы и величины с разноцветными почтовыми марками стран мира. Офицеры, свободные от вахт, с утра до вечера несколько дней возились с этой корреспонденцией, ею были набиты семьдесят восемь парусиновых опечатанных мешков и деревян-

ный ящик, снятые с «Сент-Кильды». В эти дни кают-компания походила на почтамт, где роль директора играл старший офицер лейтенант Компанионов, а в ролях усердных почтовых чиновников выступали мичманы и прапорщики. Осмотренные парусиновые мешки старательно штемпелевались судовой печатью. Молодые мичманы и прапорщики с интересом разглядывали невиданные рисунки почтовых марок разных стран и часто обращались к вахтенному офицеру прапорщику Людэ, плававшему на английских кораблях и хорошо знавшему английский язык. Вся почта состояла главным образом из частной корреспонденции. Несколько пакетов было адресовано особам японского правительства. Частные письма не вскрывались и обратно укладывались в мешки. Но вот мичман Логинов извлек из мешка два объемистых заказных пакета, посмотрел на незнакомый язык адресов. Недоумевая, он поднес пакеты к главному почтмейстеру — старшему офицеру Компанионову:

— Леонид Федорович! А как поступить с этими трофеями?!

Тот подозвал в качестве переводчика прапорщика Людэ и, указывая на пакеты, сказал с улыбкой:

— Рудольф Людвигович! Прочтите, пожалуйста, кто и кому тут расписался на целый роман. У меня есть подозрения, что автор неспроста трудился.

Людэ повертел в руках тяжелые пакеты и громко во всеуслышание провозгласил, с напускной важностью:

— Военному министру маркизу Ямагата-сан. Токио.

— Это уже становится интересно,— хватаясь за пакеты, сказал старший офицер. С видом заправского почтмейстера он взвешивал на руках пакеты, как будто хотел определить ценность их содержимого.

Все офицеры отвернулись от своих мешков и писем и потянулись со всех сторон к Компанионову. Они с любопытством разглядывали загадочные пакеты. Через несколько минут в дверях кают-компании появился командир крейсера капитан 2-го ранга Скальский, вызванный специально для того, чтобы решить участь такого необыкновенного почтового отправления. Комингс он перешагнул, а дальше ему ступать

ногой было некуда: палуба была завалена грудами этой эпистолярной литературы. Командир с удивленным лицом ахнул от изумления:

— У всего света появилась почему-то охота писать японцам. Надолго ли еще у вас хватит работы, господа почтмейстеры?

— Иван Грацианович! Это все заурядная писанина, а вот судьба одного особо плодовитого писателя находится сейчас в наших руках. Нам придется лишить удовольствия военного министра Японии. Смотрите, — показывая на пакеты, ответил старший офицер.

— Распотрошите эти экспонаты,— приказал командир.

Офицеры начали шелестеть бумажными свертками, вынимая из пузатых пакетов рукописи, карты, планы. Ими, как салфетками, был закрыт весь длинный стол кают-компании. Все смотрели на Людэ. А тот бегло перелистал толстые рукописи и равнодушно положил их обратно, не сказав ни слова. Они были испещрены таинственными знаками японских иероглифов. Его внимание привлекли английские надписи, и он, склонившись над столом, громко возвестил:

— Карта топографии Северной Индии и Афганистана.

— График движения воинских поездов по железным дорогам Индии.

— А это — карта расположения в Индии английских и туземных войск в мирное время.

Послышались возгласы и восклицания удивленных офицеров.

— Теперь понятно, почему капитан Джонес принял эти пакеты без документов и расписки,— заключил старший офицер.

Командир внимательно разглядывал каждый документ в отдельности. Среди непонятного текста японских рукописей попадались отдельные планы горных мест Индии с какими-то пометками, разобрать которые не мог никто из присутствующих. Командир положил обратно бумаги и широко развел руками:

— Вот беда, мы не знаем, что тут написано про эти карты на японском языке. Наверно, это важно

для военных стратегов и политиков. Одно ясно — это тонкая работа японского военного агента в Индии.

Старший офицер, усмехаясь, добавил:

— «Интеллидженс-сервис» на этот раз здорово зевнул.

Командир приказал отложить и опечатать эти пакеты японской контрразведки и, направляясь к двери, наказал:

— Изъять эти пакеты из почты и беречь отдельно. Думаю, что наши дипломаты и Главный штаб нам скажут спасибо за этот добычливый улов.

На этом вся деятельность «Днепра» закончилась. Прямым сообщением он направился в Россию. Заходил только в Джибути, чтобы пополнить запасы угля. В половине июля он прибыл в Кронштадт.

«Тереку» было предписано занять район, расположенный в ста — двухстах милях к юго-востоку от острова Сикок. Через этот район пролегают пути пароходов, идущих из Южно-Китайского моря на Кобе или Иокогаму. Спустя несколько суток крейсер одиноко бродил в тихоокеанских водах, выполняя те же задания, какие были возложены и на его собратьев.

Из четырех крейсеров «Терек» был вооружен артиллерией слабее всех: два 120-миллиметровых орудия системы Канэ и двенадцать американских 76- и 57-миллиметровых скорострелок. Снабжены они были не оптическими, а простыми, устаревшими и отчасти даже поломанными прицелами. Не внушали доверия и доморощенные таблицы стрельбы, поспешно составленные флагманским артиллеристом, что называется, на глазок, без проверки на практике. Подача патронов, оборудованная либавским портом, была ручная, самая примитивная. Как нарочно, словно выполняя чью-то злую волю, крейсер укомплектовали комендорами, призванными из запаса флота. Раньше им не приходилось даже видеть пушки Канэ, а теперь они не успели пройти курса учебных стрельб. Деревянные надстройки, обилие кают с мягкой мебелью, коврами, занавесками и вообще масса такого материала, что может дать пищу огню, при недостатке противопожарных средств, еще больше снижали боеспособность «Терека». Все это не могло способствовать подъему духа личного состава, раздираемого, кроме всего,

классовой рознью. Правда, люди не трусили, но душевное состояние их было таково, что лучше не встречаться с противником.

И все же «Терек» старался выполнить свое задание. Сигнальщики, находясь на мостике, зорко следили за горизонтом. У заряженных пушек день и ночь дежурили комендоры и офицеры. Сам командир, вахтенные начальники, штурманы более или менее добросовестно несли свои обязанности.

С первого же дня крейсерства «Тереку» начали встречаться иностранные коммерческие суда. В зависимости от того, какой национальности они были и куда держали курс, одни из них осматривались, другие нет. Так проходил день за днем, и в продолжение недели осмотрели около двух десятков пароходов. Из них ни одного не оказалось с контрабандой.

В облачное утро 23 мая, как обычно, в 5 часов 30 минут на «Тереке» засвистали дудки, закричали вахтенные унтер-офицеры. Корабль ожил, и начался новый день. Через полчаса после побудки команды на горизонте справа обозначился двухмачтовый пароход. Он шел встречным курсом. Командир «Терека» приказал изменить курс на норд-вест и увеличить ход, чтобы приблизиться к пароходу. Через час тот поднял английский кормовой флаг. Раздался холостой выстрел с «Терека», поднявшего сигнал «Стоп». Оба судна застопорили машины. Через пятнадцать минут на спущенном с «Терека» вельботе мичман Андреев и прапорщик Гасабов отправились осматривать пароход. В восемь часов утра вельбот вернулся вместе с капитаном английского парохода «Айкона». Сейчас же «Терек» лег на курс зюйд-ост 45°, имея впереди «Айкону», чтобы отойти в более безопасное место для осмотра. Через два часа хода корабли остановились. Мичман Андреев и прапорщик Гасабов с английским капитаном на вельботе пошли осматривать груз «Айконы». Большую часть груза в пять тысяч тонн составляли рис и пшеница, причем капитан парохода Стон заявил, что ему не известно, кому именно адресован этот груз, идущий в японские порты Кобе и Иокогаму. Судовая комиссия на «Тереке» признала грузы «Айконы» военной контрабандой. Разгрузить пароход вблизи японских берегов и при свежей пого-

де было невозможно, поэтому было решено затопить пароход. Командир Панферов утвердил решение комиссии, и в два часа дня началась перевозка экипажа и вещей с парохода. В 5 часов 23 минуты пароход был взорван двумя подрывными патронами. Они были заложены в машинном отделении подрывной партией под командой мичмана Андреева. Погрузившись кормой, пароход все еще оставался на воде. Командир Панферов долго и терпеливо ждал, когда же, наконец, потонет «Айкона». Беспокойный взгляд его бегающих черных глаз беспрерывно переводился то на упрямый пароход, как будто не желающий уходить на дно, то на стоявших на мостике офицеров. Видимо, он начинал волноваться. Вдруг он сорвался с места и с порывистыми жестами, размахивая руками, обратился к артиллерийскому офицеру лейтенанту Случевскому:

— Владимир Владимирович, что же это такое? Так мы и будем здесь стоять дожидаться, пока заявятся сюда японцы и утопят нас раньше этого англичанина. Разрядите по нему орудия — все-таки практика будет для комендоров.

— А вы, Юлий Готфридович,— спросил командир своего помощника старшего офицера Шплета,— как думаете — не лучше ли нам подойти поближе к этой цели?

Оба приказания командира были выполнены. «Терек» приблизился к полузатонувшему пароходу, и вскоре загремела его артиллерия. Было сделано двадцать два выстрела из 76-, 120- и 57-миллиметровых пушек. Несмотря на подводные пробоины в носу и в корме, пароход опять не утонул, только заметно погрузился еще и носом. Крейсер, не отходя, ждал его конца. В 11 часов 30 минут ночи вахтенный начальник лейтенант Случевский, вахтенный офицер прапорщик Кочин и вахтенные нижние чины увидели на пароходе яркие взблески огня и услышали взрывы и треск палуб. На эти звуки вышел из своей каюты командир Панферов и шутя заметил артиллерийскому лейтенанту Случевскому:

— Наконец-то дошло. Вот только когда, Владимир Владимирович, долетели ваши снаряды до цели. Они у вас, знать, с заводным механизмом, как адские

бомбы, взрываются только через час после попадания. Горе-артиллерия.

— Вероятно, на пароходе было какое-то взрывчатое вещество,— ответил Случевский.

Через двадцать минут после взрыва «Айкона» скрылась под водой, а «Терек» тронулся дальше.

Верхняя палуба опустела от людей. На ней остались только вахтенные и еще, кроме них, одиноко стоял английский капитан. Этот скромный старик, морской труженик, вся жизнь которого, вероятно, была связана с водными просторами, уныло смотрел в темноту, где только что утонул его пароход. Он был так удручен и опечален, точно расстался с живым и дорогим существом.

Команда «Айконы» почти целиком состояла из чернокожих людей. Их было семьдесят три человека, а англичан только одиннадцать человек. Эти рабы двадцатого века имели жалкий вид. Очевидно, им очень плохо жилось под английским флагом. На палубу «Терека» робко поднимались полуголые люди, кое-как прикрытые цветными лохмотьями. Каждый из них нес узелок со скарбом и сушеную рыбу. По их изможденным лицам, выражавшим крайнее смущение, было видно, что они ждут для себя самого худшего на борту военного корабля. Беспокойно они оглядывали вооруженных русских матросов и офицеров, как будто старались угадать, как эти белые люди начнут сейчас их умерщвлять: застрелят или просто зарежут, как скотину. Но вот их повели на бак и поместили под тентом. Черные люди поняли, что эти белые в невиданных мундирах какие-то совсем другие люди. Они не бьют и не кричат на них, а ласково улыбаются, и некоторые даже похлопывают по худым голым плечам. Что-то непонятное им говорили эти белые, смеялись, зажимая в кулак свои носы и пальцами указывая на рыбу. Протухшая, она распространяла по кораблю отвратительный запах. Скоро черных пленников совсем оставили в покое.

Гибель корабля, на котором они плавали, как будто вовсе их не волновала. Убедившись окончательно в том, что русские моряки не собираются их убивать и не причиняют им никакого вреда, они совсем успокоились. Одни из них рылись в своем барахле, другие

с жадностью разрывали зубами сухую рыбу, точно перед этим не ели целую неделю. Лишь некоторые из них, да и то с каким-то равнодушием, посматривали в ту сторону, где на волнах недавно покачивался затонувший их корабль.

Прошло полмесяца. «Терек» без приключений и боевых тревог продолжал крейсировать. Хлопотливый день выдался для него еще 8 июня. При ясной погоде горизонт сиял той удивительной лучезарностью морского простора, которая всю жизнь неизбывно манит истых моряков вдаль. И вот в лучах солнца из-за горизонта выполз, точно диковинное чудовище, огромный пароход. Его две высокие мачты, казалось, упирались в самое небо. Вахтенный начальник мичман Иноевс заметил по часам время — было половина пятого дня — и доложил об этом командиру. «Терек» прибавил ходу и направился на курсе зюйд-вест 55° к пароходу. Через полчаса, когда расстояние между ними сократилось, на «Тереке» пробили боевую тревогу, дали холостой выстрел и просигналили остановку. Над кормой парохода взвился датский флаг. Мичман Андреев и прапорщик Гасабов на вельботе добрались до парохода и оттуда по семафору передали, что «Принцесса Мария» из Копенгагена идет в Японию. Мичман Андреев при обыске трюмных помещений обнаружил, что груз парохода в три тысячи пятьсот тонн главным образом состоял из стали и железа. Тут были вагонные рессоры, болты, гвозди, колеса. Все это могло служить для военных сооружений. На вельботе с членами судовой комиссии прибыл на «Терек» капитан парохода — датчанин Ингеманн.

Капитан Ингеманн был задержан на «Тереке» до утра. С крейсера было передано по рупору на «Принцессу Марию»: «Идти курсом истинный ост и иметь ходу 5 узлов». Корабли тронулись — «Терек» повел контрабандиста на расстрел. Началось заседание судовой комиссии, и в полночь капитану Ингеманну объявили решение, что пароход будет потоплен. Он повысил голос и начал угрожать:

— Я буду жаловаться на вас. Вы потом раскаетесь. Вы не знаете, что наш пароход принадлежит акционерной компании, членами которой состоят вдов-

ствующая императрица Мария Федоровна и великий князь Александр Михайлович.

По условиям капиталистического строя и в связи с родством датской и русской династий это вполне могло быть. Панферов был человеком нерешительным, как и командиры на других подобных кораблях. Выслушав датчанина, он заколебался. Но тут выступили офицеры:

— Капитан несет ахинею, а мы слушаем.

— А если и правду сказал, все равно его «Принцессу» мы пустим ко дну...

Команда, узнав через вестовых такую новость, заволновалась:

— Наша царица помогает в войне Японии.

— Жаль, что ее самой нет на пароходе. А то бы вместе с ней потопили судно.

Ингеманн отказался подписать протокол судовой комиссии и написал протест, который был оставлен без последствий.

Между тем «Терек» с пленным пароходом отходил все дальше в сторону от торных морских путей. Настало ясное утро 9 июня. В половине шестого часа, по сигналу с крейсера, «Принцесса Мария» остановилась. С нее начали перевозить личный состав и вещи. К полудню возвратилась последняя шлюпка. На гребном катере подпоручик Максимович отправился с подрывной партией на пароход, в трюмах которого были заложены два подрывных восемнадцатифунтовых патрона и открыты кингстоны.

Капитан Панферов, стоя на мостике, смотрел на обреченный пароход и, видимо, был доволен своей работой. В нем не замечалось обычной суетливости. Плавными движениями правой руки он оглаживал черные, с легкой проседью волосы, обрамлявшие его худое лицо, поправлял воротник, очень свободный на его тонкой шее. Смущала его только перемена погоды: скорей бы... Посмотрев на облака, которые начинали заволакивать небо, Панферов с нетерпением достал часы. Было без десяти два.

— Казнь контрабандиста затянулась на двадцать часов,— спокойно промолвил командир, обводя веселыми черными глазами своих помощников.

И в тот же момент, как бы в ответ на нетерпеливые мысли командира, пароход исчез с глаз. На его месте возникло облако густого дыма, и потом донеслись грохочущие взрывы. Сдуваемый ветром дым, как отдернутый занавес, поплыл на вест-зюйд-вест. Теперь снова увидели пароход, но он не был уже так огромен. Как бы уменьшаясь ростом, он медленно оседал носом в воду. Моряки не спускали с него глаз, а он, быстрее зарываясь носом, через несколько минут совсем исчез с поверхности моря.

Командир Панферов, обернувшись к штурманскому офицеру лейтенанту Матусевичу, сказал:

— Николай Николаевич, теперь нам — прямо в Батавию...

Штурман Матусевич, плотный брюнет, сутуловато склонившийся над картой, сделал характерный для него быстрый поворот головы к рулевому и мягким баритоном объявил курс:

— Зюйд-вест 70°.

«Терек» продолжал крейсировать. Встречались опять пароходы. На один из них, который направлялся в Шанхай, пересадили датчан. При осмотре другого парохода достали английскую газету. В ней вычитали телеграмму, оповещавшую мир, что какой-то русский крейсер коммерческого типа корсарствует у восточных берегов Японии. Нетрудно было догадаться, что это имелся в виду «Терек».

Командир Панферов, после потопления «Принцессы Марии», никак не мог успокоиться,— а вдруг и на самом деле окажется, что императрица состоит пайщицей акционерного общества. А тут еще появилась в печати такая телеграмма. Пора было подумать об окончании крейсерства. Но «Терек» неожиданно попал в полосу свирепого тайфуна. Все вокруг сразу изменилось. Казалось, Великий океан вздыбился и смешался с лохмотьями низко клубящихся туч. Весь простор заполнился серой мглой, подвижными буграми, крутящейся пеной и хлещущими, как горох, брызгами. Рев заглушал голоса людей, и, чтобы расслышали слова, приходилось кричать во всю мочь. Десятки тонн воды лезли на палубу крейсера, бурлили по ней шумными потоками, а он валился на тот или другой борт, словно стараясь стряхнуть с себя тяжесть. Кор-

пус судна вздрагивал, точно испытывал таранные удары. В это время никто не думал о ловле контрабанды. Часть людей находилась на мостике, а остальные забились во внутренние помещения и, задраив за собою люки, отсиживались там, как в осажденном форту. Двое суток их мотал тайфун, а потом, словно в награду им, наступила солнечная погода.

Через несколько дней «Терек» пересек экватор и попал в южное полушарие. Его путь лежал к Зондскому проливу, отделяющему Суматру от Явы. Днем палуба была заполнена людьми. Теперь взоры их не искали больше пароходов с контрабандой, а любовались красотами тропиков. Проходили мимо множества мелких островов. Под жарким небом, на сверкающей равнине вод, спокойно, без единой морщинки, словно разглаженной солнечными лучами, поднимались зеленые холмы как разбросанные изумруды. На более крупных островах виднелись горы, вершины которых походили на голубые испарения. Там, где берега Зондского архипелага были отлоги, подступали к самому морю, словно засматриваясь в него, кокосовые пальмы. Издали казалось, что они растут прямо из воды и, щеголяя нарядными кронами, плывут навстречу кораблю.

«Терек» отделился от эскадры 12 мая, а прибыл в Батавию, где бросил якорь, 10 июня. Почти целый месяц он пробыл в отдельном плавании. Голландцы не разрешили ему стоять больше двадцати четырех часов. Он должен был запастись топливом на семь дней, чтобы дойти до намеченного порта. Но половина времени ушла на поиски русского консула, который где-то был на именинах, и на приготовление к погрузке угля. Туземцы не стали на работу — не сошлись в цене. Командир Панферов пожадничал, и в этом была его ошибка. Он решил использовать силу личного состава. Усталая команда грузила уголь кое-как. Офицеры тоже не очень старались подгонять ее. Поэтому обеспечили себя топливом только дня на три. Конечно, более расторопный командир мог бы все равно выйти в море и там, встретившись с каким-нибудь пароходом, догрузиться за более дорогую цену углем. Но он этого не сделал. И «Тереку» пришлось разоружиться и ждать в нейтральном порту до конца войны.

Когда «Днепр», «Рион», «Кубань» и «Терек» отделились от эскадры и ушли в крейсерство, на нашем броненосце «Орел» много было о них разговору. Офицеры полагали, что адмирал Рожественский послал их в Сангарский или Лаперузов пролив, чтобы произвести демонстрацию. Эти четыре судна могли бы обстрелять неприятельский берег и поднять большой переполох в Японии. Возможно, что японский флот, как полагали дальше наши офицеры, двинулся бы к одному из проливов, считая, что это действуют главные наши силы. А тем временем 2-я эскадра свободно прошла бы Цусимский пролив.

На самом же деле на эти четыре крейсера были возложены другие задачи, и кончилось все предприятие полной бестолочью, характерной для всей нашей эскадры.

3. КТО СОРВАЛ ЯПОНСКИЙ ФЛАГ?

Броненосный крейсер «Адмирал Нахимов», как и другие наши корабли, прибыл в Цусимский пролив перегруженным. Помимо излишнего запаса угля, которого хватило бы на три тысячи миль экономического хода, он имел около тысячи тонн пресной воды, налитой в междудонное пространство. Так же обстояло дело с провизией, со смазочными материалами. Зачем все это понадобилось в таком огромном количестве? Как будто крейсер шел не на войну, а к Северному полюсу, где ничего нельзя было достать.

По случаю дня царского коронования команде было приказано переодеться в «первый срок». В одиннадцать часов просвистала дудка к вину и обеду. На верхнюю палубу вынесли ендову с ромом. Матросы выстроились в очередь за чаркой. В это время с разных сторон послышались возгласы:

— Дай пройти!..

Это означало, что на палубе появился старший офицер капитан 2-го ранга Гроссман. Он был близорук, никого из команды не узнавал. Случалось, что он судовые предметы не отличал от людей и властно приказывал:

— Дай пройти!

Матросы подметили это и каждый раз, как только он появлялся около них, повторяли эту фразу.

Теперь, держа в руке револьвер, он подошел к ендове и стал следить, чтобы баталер не выдал кому-нибудь лишней чарки. На крейсере дисциплина была расшатана. Гроссман не учел этого, как не учел и того, что он был не любим командой. Услышав возгласы матросов, он налился кровью и, подняв револьвер, заорал:

— Замолчите! Расстреляю!

Матросы ответили еще более усиленными выкриками, разнотонно повторяя одно и то же:

— Дай пройти!..

Шум голосов донесся до походной рубки. Командир крейсера капитан 1-го ранга Родионов вышел из рубки и, пройдя по продольному мостику, остановился против шкафута, где происходила раздача вина. Небольшой, сутулый, с порыжевшими от курения усами, он внимательно посмотрел на старшего офицера и прошамкал беззубым ртом:

— Владимир Александрович, потрудитесь подняться ко мне в рубку.

Вслед сконфуженно уходившему Гроссману матросы еще раз прокричали с хохотом:

— Дай пройти!

Команда начала обедать. Из кают-компании доносились звуки оркестра, перебиваемые криками «ура». Это офицеры выпивали шампанское во славу русского оружия.

Когда появились на горизонте главные неприятельские силы, управление крейсером перешло в боевую рубку. При первых раскатах орудийных выстрелов командир Родионов снял фуражку и, перекрестившись, произнес вслух:

— Господи, спаси нас.

До вечера, за время артиллерийского боя, крейсер получил до тридцати пробоин, но все они были надводные. Подверглись разрушению главным образом надстройки, шлюпки и разные приборы. Часть орудий вышла из строя. Пострадал и личный состав: человек двадцать были убиты и около пятидесяти ранены.

С заходом солнца командир Родионов распорядился:

— Приготовиться к минным атакам! Прожекторы поставить на место!

На день прожекторы были спрятаны в продольном коридоре. Теперь их извлекли наверх. Боевое освещение наладили как раз в тот момент, когда начались минные атаки. «Нахимов» замыкал собою боевую колонну. Может быть, поэтому на него так яростно нападали миноносцы. А он лучами прожектора только указывал им свое местопребывание и притягивал их к себе, как маяк ночных птиц.

Вдруг рулевой Аврамченко, здоровенный гвардеец, находившийся около боевой рубки, рявкнул, словно в трубу:

— Миноносец рядом! Справа! Режет наш курс!

Неприятельский миноносец тут же был уничтожен снарядом восьмидюймовой пушки, но свое назначение он выполнил. Крейсер подпрыгнул от взрыва. Сотрясение настолько было сильное, что сдвинулась с места боевая рубка, зазвенели стеклянные осколки полопавшихся иллюминаторов.

Никто не знал, где произошел взрыв. Некоторые матросы, находясь в кормовых отделениях, думали, что это случилось где-то рядом, около них, и, уходя, задраивали за собой двери. Бросились к выходным трапам машинная команда и кочегары. В боевой рубке, обращаясь ко всем, хрипло проговорил командир:

— Свистать всех наверх! Немедленно подвести под пробоину пластырь! Мы погибаем.

Но неизвестно было, куда попала мина. Люди метались взад и вперед, находясь под впечатлением, что они немедленно пойдут вместе с кораблем ко дну. С момента взрыва прошло минут десять в невероятной суматохе. Наконец послышалась дудка, а вслед за ней раздался голос старшего боцмана Немона:

— Пробоина справа в носовой части! Все наверх! Пластырь подводить!

Только теперь выяснилось, что миной был разрушен правый борт против шкиперского помещения. Оно и смежное с ним отделение динамомашин сразу наполнились водой. Электрическое освещение погасло. Люди оставляли свои посты и, выбегая наверх, задраивали за собой двери. Но и этой мерой не могли задержать бурлящие потоки. Двери были проржавлены,

резиновая прокладка оказалась никуда не годной, непроницаемые переборки под напором воды вздувались, как парус под ветром, сдавали и лопались. С ревом вода распространялась дальше, попадая в тросовые отделения, в малярную, в канатный ящик, в угольные ямы, в отделения мокрой провизии, в поперечный и продольный коридоры. Она заполняла минный и бомбовые погреба, крышки которых не могли быть задраены: этому мешал беспорядочно наваленный лес.

Нос крейсера стал погружаться в море, а корма подниматься на его поверхность. Ход уменьшился. Эскадра уходила от «Нахимова», оставляя его в одиночестве. Наладили электрическое освещение, взяв ток от кормовых динамомашин. Но сейчас же с мостика поступило распоряжение:

— Прекратить действие прожекторов и погасить все наружные огни!

Крейсер уклонился от общего курса влево и, уйдя от миноносцев, застопорил машины. Около сотни людей занялись подводкой пластыря под пробоину. Но так как в течение похода эскадры практических учений в этом деле не было, то и теперь никто не знал, как успешнее выполнить данное задание. Распоряжения начальства противоречили одно другому. Все бестолково суетились и галдели. Затруднение было и в том, что работали в темноте, при свежей погоде и что судно погрузилось носом и дало на правый борт крен, дошедший до восьми градусов. Кроме того, подводке пластыря мешал правый якорь. Он еще днем был сброшен снарядом со своего места и повис на заклинившемся в клюзе канате. Пришлось долго повозиться, чтобы отклепать канат, после чего якорь бухнулся в море. Здесь работой руководил старший офицер Гроссман. Он больше не ругался, он только просил продрогшим голосом:

— Братцы, дружнее, иначе мы утонем.

И матросы уже не кричали ему: «Дай пройти!» Все внимание людей было направлено к спасению корабля.

Пластырь, наконец, кое-как подвели, но, по-видимому, он не закрыл пробоины. Вода прибывала, не-

смотря на то, что ее усиленно откачивали из носового отсека пожарная, центробежная и циркуляционная помпы. Она начала затоплять жилую палубу.

Дали малый ход вперед.

На мостике собравшиеся офицеры обсуждали вопрос, каким курсом идти. Выяснилось, что крейсер, находясь в таком бедственном положении, не может ни догнать эскадры, ни достигнуть Владивостока. Поэтому только остается одно — приблизиться к какому-нибудь берегу и спасти людей, а судно затопить. Но командир твердо прошамкал:

— Курс — норд-ост 23°!

И перестал разговаривать.

Чтобы уменьшить крен судна, кочегары перетаскивали уголь с правого борта на левый.

Не успели люди опомниться, как раздалась команда:

— Прислуга, по орудиям!

Никто не сомневался, что опять начинаются минные атаки. Находившиеся наверху офицеры и матросы видели, как впереди, обрезая нос, двигались какие-то черные небольшие суда. Их было более двух десятков, и на каждом из них горел огонек. «Нахимов» приготовился к отражению минной атаки. Комендоры навели пушки на приближающиеся огоньки. Но кто-то радостно, словно объявляя людям награду, возвестил:

— Не стреляйте! Это рыбачьи суда!

Только теперь все поняли, что если бы это были миноносцы, то они, готовясь к атакам, не стали бы ходить с открытыми огнями.

Вскоре мысль людей переключилась на действительную опасность. Когда взошла луна, то под пробоину вместо второго пластыря с трудом подвели огромный парус. Но и этим не помогли крейсеру. Дифферент на нос все увеличивался. Вся передняя часть судна до тридцать шестого шпангоута была затоплена. Проржавевшая за двадцать лет плавания, эта переборка под напором воды стала гнуться, словно была картонная. Матросы, рискуя собою, ставили под нее упоры из деревянных брусьев, а она сочилась по швам, как ненадежная плотина, и звенела от водяных струй. До носового отделения это была последняя

преграда. Если она не выдержит, то произойдет взрыв котлов и крейсер немедленно пойдет ко дну.

По инициативе судового механика догадались дать задний ход и, повернувшись, пошли вперед не носом, а кормою. Этот маневр оказался удачным. Напор воды значительно уменьшился, и катастрофа на некоторое время была отсрочена.

Корма крейсера настолько приподнялась, что винты наполовину обнажились и хлопали по воде лопастями, словно гигантскими ладонями. Он стал плохо слушаться руля и мог дать ходу не больше трех узлов. На мостике офицеры доказывали командиру, что при таких условиях «Нахимов» не годен к дальнейшему плаванию и что нужно заботиться только о спасении людей. Родионов долго не соглашался изменить курс.

— Ну, хорошо,— с горечью прошамкал он.— Мы пойдем к корейскому берегу. Там при помощи водолазов справимся с пробоиной, а потом опять двинемся на север. Мы должны быть во Владивостоке.

Люди с нетерпением ждали, когда пройдет эта страшная ночь. Немногие из них могли уснуть. Все чувствовали себя на грани жизни и смерти. Поэтому с такой радостью встретили первые признаки рассвета. А когда показалось солнце, то увидели вершины каких-то гор. Никто не мог определить, чей был этот берег.

За ночь под напором воды разрушились ветхие продольные переборки, и вода постепенно заполнила собою погреба левого борта. На этот же борт команда перетащила много угля. Крен к утру уменьшился. Но зато вся носовая часть судна еще больше погрузилась в море. Командир, волнуясь, приказал:

— Держать к берегу!

— Есть,— ответил старший штурман лейтенант Клочковский.

Не доходя четырех миль до суши, смерили глубину — сорок две сажени. Застопорили машины. «Нахимов», весь израненный и одряхлевший от многолетних плаваний, послушно остановился, чтобы здесь навсегда исчезнуть с поверхности моря.

Командир Родинов, узнав, что перед ним возвышается северная оконечность острова Цусима, рассердился на штурмана:

— Я вам приказал вести корабль к корейскому берегу, а вы что сделали?

Лейтенант Клочковский, глядя сквозь очки на командира, смущенно ответил:

— Я точно старался выполнить ваше распоряжение, но после вчерашнего сотрясения корабля кто может поручиться за правильные показания компаса?

Приступили к спуску уцелевших шлюпок. Но приспособления для этого были испорчены, работа шла медленно. Когда на спущенный гребной катер начали переносить раненых, вдали, с севера, показался неприятельский миноносец «Сирануи».

Командир сейчас же распорядился:

— Открыть кингстоны! Приготовить крейсер к взрыву! Команде вооружиться спасательными средствами!

Вскоре заметили, что с юга приближается неприятельский вспомогательный крейсер «Садо-Мару», очевидно, вызванный по телеграфу миноносцем.

На «Нахимове» в минном погребе, где хранились капсюли гремучей ртути, сухой и влажный пироксилин, заложили подрывной патрон. Провода от него с двумя батареями Гринэ протянули на шестерку, на которой уже сидел с гребцами младший минный офицер мичман Михайлов. Шестерка, вытравливая провода, стала удаляться от крейсера. Мичман Михайлов хорошо запомнил слова командира:

— Я буду находиться на мостике судна. Следите за мною. Когда потребуется произвести взрыв, я помашу вам носовым платком.

— А как же сами вы? — испуганно спросил Михайлов, догадываясь, что командир хочет погибнуть вместе с кораблем.

— Это вас не касается,— шамкая, проворчал Родионов и строго нахмурил брови.

— Есть.

Михайлов со своей шестеркой остановился в трех кабельтовых от крейсера и, глядя на мостик «Нахимова», стал ждать условного сигнала.

Гребной катер, наполненный ранеными и возглавляемый старшим врачом, направился к берегу. Здоровые усаживались на баркасы. Те, для которых не хватало места на шлюпках, торопливо разбирали кой-

ки, спасательные круги и пояса. В нижних помещениях не осталось ни одного человека: там уже бурлила и клокотала вода, врываясь через открытые кингстоны и клапаны затопления.

Миноносец «Сирануи», приблизившись к «Нахимову» на восемь — десять кабельтовых, поднял сигнал по международному своду: «Предлагаю крейсер сдать и спустить кормовой флаг, в противном случае никого спасать не буду». Командир Родионов приказал ответить: «Ясно вижу до половины». И сейчас же крикнул, насколько хватило голоса:

— Спасайся, кто как может! Взрываю крейсер!

На палубе все были охвачены паникой. Люди бросались в море, словно перепуганные дети в объятия матери. Корабль, который до этого момента сохранял их жизни, теперь казался страшным чудовищем, и все старались скорее отплыть подальше от борта. Многие устремились к спущенному на воду минному катеру. Находясь под полными парами, он пытался уйти от них, но оказалось, что на нем во время боя заклинился руль, положенный на правый борт. Катер мог только кружиться на одном месте и давить плавающих людей. Пришлось застопорить машину. На него, не обращая внимания на крики и угрозы старшего офицера, полезли десятки мокрых тел. От перегруженности в разбитые иллюминаторы полилась вода, и катер пошел ко дну, увлекая за собой тех, кто находился в кубрике и машинном отделении.

«Садо-Мару», приближаясь к русскому крейсеру, на ходу спускал шлюпки.

На мостике «Нахимова» остались только два человека: Родионов и Клочковский. Этот штурман решил погибнуть вместе со своим командиром. С палубы последними прыгали за борт минеры и гальванеры. Им нечего было торопиться: зная, что судно тонет, они разъединили провода, приготовленные для его взрыва. Родионов, горячась, бегал по мостику и неистово кричал, пока на палубе не осталось ни одной живой души. Он снял фуражку и, глядя на солнце, торжественно перекрестился. Штурман Клочковский, согнувшись, крепко ухватился за поручни. Но взрыва на взмахи платка не последовало. Командир сгорбился и, качая головою, громко зарыдал.

С шестерки, к которой приближался миноносец «Сирануи», выбросили в море батареи и провода. На мачте ее взвилась белая матросская форменка. Такие же форменки были подняты и на других наших шлюпках.

«Садо-Мару» остановился в трех кабельтовых от «Нахимова» и стал подбирать плавающих людей на свои шлюпки. Одна из них пристала к борту погибающего корабля. На его палубу поднялся с несколькими своими матросами японский офицер. В это время Родионов и Клочковский скрывались под полуютом, следя за действиями непрошеных пришельцев. Японцы успели только поднять свой флаг и, убедившись, что воспользоваться крейсером нельзя, сошли в свою шлюпку. Командир и штурман подождали немного и, выскочив из своей засады, сорвали неприятельский флаг. Вскоре крейсер качнулся на правый борт, с ревом хлынули в него тысячи тонн воды, и как бы раздавленный непомерной тяжестью, он быстро пошел носом в пучину.

Родионов и Клочковский были глубоко затянуты водоворотом, но надетые на грудь спасательные пояса выбросили их обратно. Они увидели, что «Садо-Мару» и «Сирануи», подобрав всех русских, направились к показавшемуся на горизонте «Владимиру Мономаху». Двух пловцов, оставшихся с «Нахимова», только вечером спасли проходившие мимо японские рыбаки.

4. ПОД ПЕНИЕ ПЕТУХОВ

Утром 14 мая по сигналу адмирала Рожественского на крейсере «Владимир Мономах», как и на других кораблях, пробили боевую тревогу и зарядили орудия боевыми снарядами. Вскоре эскадра вступила в перестрелку с японскими разведочными судами. «Владимир Мономах», находясь в это время по другую сторону русской боевой колонны, огня по ним не открывал. Неприятельские разведчики удалились.

Командир крейсера капитан 1-го ранга Попов вышел из рубки на мостик, самодовольно покручивая черные усы. На его худощавом толстоносом лице радостно засияли карие глаза, из которых один сильно косил. Обращаясь к старшему артиллеристу лейтенан-

ту Нозикову, командир медленно заговорил, как бы вытягивая из себя каждое слово:

— Кажется, прогнали японцев. Больше они не посмеют тревожить нас. Мы без боя придем во Владивосток. Кстати, скажите, Николай Николаевич, ведь ваши шестидюймовые орудия не заряжены?

Лейтенант Нозиков, молодой, тонкий, подтянутый блондин, вежливо отчеканил:

— Заряжены, Владимир Александрович. Иначе и не могло быть. После боевой тревоги все орудия должны быть заряжены боевыми снарядами. В начале девятого часа я вам докладывал о полной готовности нашей артиллерии к действию.

Командир одним глазом смотрел на Нозикова, а другим косил, как будто нарочно в сторону, чтобы следить за горизонтом, и продолжал:

— Досадно. Как же мы теперь их разрядим? Японские крейсера едва ли к нам подойдут. Стрелять по ним не придется. Если ваши пушки заржавеют, то вы будете в этом виноваты.

— Разрядить их всегда можно, хотя бы выстрелив в «Идзуми». Вот он справа идет. Расстояние до него не больше пятидесяти кабельтовых. Он вполне доступен для наших шестидюймовых и стодвадцатимиллиметровых снарядов.

— Можно-то можно, но лучше не стрелять. Во всяком случае, на ночь чем-нибудь закройте дула орудий, чтобы они не ржавели. Так будет целесообразнее.

Командир направился в рубку. Нозиков с огорчением посмотрел на его длинную удаляющуюся спину. Другие офицеры, слышавшие этот разговор, иронически переглянулись.

Некоторые на крейсере уверяли, что когда-то Попов был неплохим моряком парусного флота. Но во время похода на Дальний Восток все убедились, что он как командир боевого корабля сильно отстал. В артиллерии, в минном и механическом деле он имел очень скудные познания. По-видимому, это смущало и его самого,— он боялся показываться на глаза начальству. Мягкий характером и не слишком требовательный, он редко прибегал к дисциплинарным взысканиям и ограничивался лишь выговорами. Ему до-

ставляло большое удовольствие посудачить в офицерской среде о недостатках других командиров, за что он и был прозван во флоте «Чиновницей». Больше всего он любил уют, тихую жизнь и глубоко верил в то, что если вовремя ложиться спать, то можно прожить до ста лет. Поэтому поздней ночью он не оставался на мостике. Пусть бушует буря, пусть нарастает другая какая-нибудь тревога — командир в десять часов уходил к себе в каюту, предварительно наказав своим помощникам:

— Если случится что-либо особенно важное, требующее моего распоряжения, то разбудите меня.

Но сон командира лишь в редких случаях нарушался его подчиненными. Не было надобности в этом — все равно его не могли поднять с постели. Он давал им какие-то указания, иногда не совсем вразумительные, перевертывался на другой бок и снова засыпал.

В канцелярии и судовой отчетности Попов был очень аккуратен и педантичен. Каждая копейка у него была на учете. Это был настоящий хозяйственник. Он по какой-то ошибке попал в военные люди и занял пост командира судна. Из него вышел бы хороший фермер. Недаром на всех остановках, где только можно было, он скупал кур. Он относился к ним с особой любовью и не давал их резать даже для кают-компании, хотя и знал, что офицерам иногда приходится питаться плохо. К приходу в Цусимский пролив на судне накопилось множество кур. Клетки с птицами ярусами стояли на полуюте, висели над полубаком на штангах, прикреплялись по сторонам на леерах между шлюпбалками. Военный корабль превратился в курятник.

И теперь, обуреваемые весенним приливом чувств, кудахтали куры, пели петухи.

Матросы смеялись:

— За что любит их командир? Курица — самая глупая птица на свете. Другая раскричится часа на два. Думаешь, бог знает что сотворит. А она всего только одно яйцо снесет.

После обеда эскадру продолжали сопровождать лишь неприятельские разведчики, держась от нее на большом расстоянии. На мостик поднялся подполков-

ник Маневский и, увидав вышедшего из рубки командира, заявил:

— Я готов к вашим услугам, Владимир Александрович. Хочу быть хоть чем-нибудь полезным в бою. Поэтому предлагаю себя в ваше распоряжение ординарцем.

Командир Попов ласково улыбнулся ему.

— Спасибо, Виталий Александрович. Очень рад. Но я думаю, что мне не придется воспользоваться вашим благородным порывом.

— Почему?

— Противник, как видно, едва ли посмеет вступить с нами в открытый бой.

— Такое заключение, по-моему, можно вывести только к вечеру.

Подполковник Маневский, занимая должность обер-аудитора в отряде адмирала Небогатова, плавал на крейсере «Владимир Мономах» и не принадлежал к судовому составу офицеров. Он не стоял на вахте и никакой ответственности за какую-либо материальную часть корабля не нес. Работа обер-аудитора заключалась лишь в том, чтобы следить за всеми юридическими делами отряда, разбираться в преступлениях, совершенных моряками, и определять, кого из провинившихся отдать под суд, а кого подвергнуть дисциплинарному взысканию. Если бы не лысина на голове, он выглядел бы моложе своих сорока лет. Среднего роста, плотный, он ходил легко и бодро. Спускающиеся с висков бакенбарды, густые брови, короткие усы и клинообразная бородка черными и правильными штрихами очерчивали его сытое, краснощекое лицо. Он имел особую страсть к казенным официальным бумагам. Замечая на какой-нибудь из них пятно или кляксу, он расстраивался и брезгливо морщил тонкий с горбинкой нос. Измятую официальную бумагу он сам осторожно разглаживал слегка нагретым утюгом и аккуратно подшивал ее к делу. Если же перед ним лежал рапорт, написанный хорошим, без помарок, почерком, то он улыбался ему, показывая белые зубы, и влюбленно смотрел на него, как на красивую женщину.

Накануне боя подполковник обратился к командиру:

— Скажите, Владимир Александрович, если вы выйдете из строя, кто вас будет замещать?

— Ясно, что старший офицер,— не задумываясь, ответил Попов.

— Совершенно правильно, но не ясно будет в дальнейшем. Может случиться, что и старший офицер окажется раненым или даже убитым. Кто тогда примет на себя роль командира? А между тем по смыслу морского устава эта честь должна принадлежать мне как старшему по чину среди остальных офицеров крейсера. Но об этом вам придется заранее объявить приказом по кораблю. Все должно быть официально оформлено. без этого, как без света, люди начинают действовать вслепую — каждый посвоему.

Маневский настоял на своем: фамилия обер-аудитора среди перечня заместителей командира значилась в приказе второй.

Когда эскадра вступила в бой с главными силами противника, старший артиллерист «Мономаха» лейтенант Нозиков приблизился к командиру:

— Разрешите, Владимир Александрович, открыть огонь по «Идзуми». Он является для нас самой подходящей целью. Расстояние до него не очень большое.

Командир Попов возразил:

— Как же мы можем начать стрельбу, если на это не было сигнала адмирала? Нам потом влетит за самовольность.

— Адмирал больше и не будет поднимать сигнала, так как вся эскадра уже сражается.

Командир упорствовал, Нозиков доказывал:

— Кстати, наступил удобный случай разрядить наши шестидюймовые орудия.

С такими доводами командир, наконец, согласился. Но лейтенант Нозиков обратился к нему с новой просьбой:

— Разрешите мне управлять огнем с верхнего мостика.

— Согласно морскому уставу, вы должны находиться во время сражения в боевой рубке.

— Я знаю это, но в то же время полагаю, что вы согласитесь со мною, если учтете, что из боевой рубки открыта лишь одна треть горизонта. Впереди фок-

мачта и клетки с курами. Справа и слева — минные катеры, баркасы и опять клетки с курами. Позади — дымовая труба, ростры, грот-мачта с большой площадкой для прожекторов, катеры, вельботы, шестерки, висящие на шлюпбалках, и опять клетки с курами. При таких условиях я не могу корректировать стрельбу, не видя падений своих снарядов.

Командир нехотя протянул:

— Вы всегда что-нибудь придумываете вопреки уставу. Ну, хорошо, находитесь на верхнем мостике. Только почаще докладывайте мне о результатах стрельбы.

До «Идзуми» измерили расстояние, проверили его пристрелкой. И только после этого открыли огонь всем правым бортом по неприятельскому крейсеру. В ответ полетели снаряды и со стороны противника.

Достаточно хлопнуть в ладоши, чтобы любую птицу привести в нервное состояние. А здесь бухали свои пушки, разрывались вокруг судна неприятельские снаряды. С курами началась истерика. Им никогда не приходилось переживать такого грохота. Они неистово кричали и в безумном порыве скрыться куда-нибудь от ужаса беспрестанно подпрыгивали, ударялись о крыши своего жилья, падали друг на друга, опрокидывались, размахивали крыльями и бились, как в судорогах. От клеток летели перья, носившиеся над палубой судна, словно большие хлопья снега. Шум крыльев и гомон птичьих голосов вместе с раскатами орудийных выстрелов заглушали командование начальства. Нельзя было разобрать слов. Офицеры и матросы, находившиеся на мостиках, на все лады проклинали кур:

— Чтоб им сдохнуть!

— Сбесились, окаянные!

С первых же русских выстрелов крейсер «Идзуми» начал терпеть поражение. Попадания приходились по его передней части. Он стал зарываться носом. Через пятнадцать минут неприятельский крейсер повернул вправо и, увеличив ход, стал удаляться. На короткое время он скрылся во мгле. Но вскоре снова увидели его. Он шел навстречу «Мономаху» в сорока кабельтовых. По нему опять открыли усиленный огонь. На этот раз корма «Идзуми» окуталась

дымом, и это заставило его покинуть поле сражения и направиться влево [42].

«Владимир Мономах» оставался целым. Неприятельские снаряды делали недолеты или перелеты, и только один из них попал в него. Командир Попов ликовал. Когда к нему приблизился старший артиллерист Нозиков, он, стараясь перекричать гомон все еще не успокоившихся кур, торжественно заговорил:

— А ведь ловко мы его разделали! Как задал стрекача! Полным ходом понесся от нас.

Командир не понимал, что он был тут ни при чем. Успех стрельбы главным образом зависел от лейтенанта Нозикова и от комендоров, воспитанных им. Этот образованный офицер хорошо знал свою специальность. Еще в 1903 году, плавая в учебно-артиллерийском отряде, он получил приз за искусное управление орудийным огнем и меткую стрельбу. Во время похода от Либавы до Цусимы все внимание его было обращено на то, чтобы держать в исправности артиллерийскую часть и лучше обучить своих подчиненных. Ему не приходилось прибегать к ругани и мордобитью. Комендоры, дальномерщики и прислуга подачи боевых припасов понимали его с одного слова. Выполняя свои непосредственные обязанности, он увлекался и военно-морской историей, изредка занимался и литературной работой [43]. Его характеру были свойственны две противоречивые черты — сентиментальность и воинственность. Он любил людей независимо от их расовых различий, любил их до слез — и в то же время с восторгом мог бы пустить ко дну неприятельский корабль, наполненный человеческими жизнями.

Командир Попов посмотрел вокруг. Ему показалось, что русская эскадра поворачивает на восток и расходится с японской. Он сказал:

— Сражение кончилось. Мы мирно пойдем во Владивосток. Ну, а как ваши шестидюймовые пушки? Надеюсь, что вы их разрядили в противника по нескольку раз? И больше не заряжали?

— Нет, они опять заряжены,— ответил Нозиков.— После сигнала «дробь» полагается...

Попов, рассердившись, перебил его:

— Как же это так? Я вам говорил, что не следует заряжать, а вы все-таки по-своему делаете. Ведь сражение кончилось.

— Напротив, оно только начинается.

Командир больше не стал с ним разговаривать.

Вскоре по сигналу адмирала Энквиста «Владимир Мономах» вступил в кильватер «Дмитрию Донскому» и открыл огонь по неприятельским крейсерам. Он стрелял довольно метко, но сам страдал мало. Японцы, стараясь сначала выбить лучшие русские корабли, не интересовались старым крейсером. И все же около четырех часов он только случайно спасся от гибели.

Разорвался снаряд у носового элеватора шестидюймовой артиллерии. Из элеватора вырвалось ярко-желтое пламя и, ослепляя, закудрявилось, как гребень волны. Это загорелся порох в погребе. Матросы, находившиеся внизу, заметались от ужаса. Только двоим из них удалось нырнуть в шахту, откуда они, ударяясь головами о скобы трапа, спешили выбраться наверх. Остальные были обречены на смерть. Некоторые прижались по углам и, закрыв руками лица, задыхались в атмосфере раскаленных газов. Трое, ближе стоявшие к элеватору, сразу же были охвачены огнем. Предстояло всем оставшимся в погребе заживо быть зажаренными. Еще один момент — и весь крейсер со страшным грохотом погрузился бы в морскую пучину. Но неожиданно со стен и потолка погреба брызнул искусственный дождь. Из угла, у самой палубы, забил могучий фонтан, разбрасывая широкие струи воды. Огонь погас. Жар спадал. Люди стали дышать свободнее. Через минуту-другую матросы, истерзанные, в обгорелых лохмотьях, с волдырями на коже, находясь по пояс в воде, двинулись к выходу из погреба. Выбравшись на батарейную палубу, они все пошли в перевязочный пункт, все еще не понимая, кому обязаны своим спасением.

На корабле во время сражения часто случается, когда избавление всего экипажа от гибели зависит от находчивости и смелости одного человека. На «Мономахе» таким человеком оказался трюмный старшина, заведующий затоплением патронных погребов по правому борту. Трюмный старшина в момент взрыва

неприятельского снаряда стоял вблизи злополучного элеватора, держа в руке большой ключ от клапанов затопления. Это был высокий и жилистый человек, молчаливый, с черными, как ночь, глазами. Вырвавшееся из элеватора пламя заставило его вздрогнуть, но он не растерялся и никуда не убежал, а сейчас же начал действовать. Клапаны затопления ему хорошо были известны. Несколькими энергичными поворотами ключа то в одном из них, то в другом он избавил от гибели крейсер и все его население, в том числе и себя.

До конца дневного боя «Мономах» понес незначительные повреждения. В левом борту зияла лишь одна пробоина. Взрывом снаряда разрушило обе каюты кондукторов. Наверху были повреждены некоторые шлюпки, перебиты переговорные трубы, уничтожены фонари Табулевича, порваны фалы. Крейсер отделался пустяками. Из его личного состава вышло из строя лишь несколько человек.

С наступлением ночи против «Мономаха» начались минные атаки. Он удачно от них отбивался. В начале девятого часа к нему приблизился какой-то миноносец. С крейсера, приняв его за противника, открыли по нему огонь. Миноносец показал свои позывные, и стрельба прекратилась. Это был «Громкий».

Когда он подошел к борту крейсера, то между командирами этих двух судов произошел такой разговор.

— Согласно приказу начальника эскадры я должен следовать за «Мономахом»,— твердо заявил капитан 2-го ранга Керн.

— Хорошо. Но если вы будете крутиться около крейсера, то я вас расстреляю из своих орудий,— вдруг раздраженно, чего с ним никогда не бывало, ответил капитан 1-го ранга Попов.

Керн выкрикнул на это:

— Попробуйте! Если хоть один ваш снаряд попадет в миноносец, то и сами вы никуда не уйдете с этого места. Я вас утоплю миной...

— Все эти разговоры излишни. Поговорим завтра. А сейчас я вам приказываю держаться на левой раковине крейсера!

— Есть!

Около девяти часов за кормою, по направлению правой раковины, наметились три низких силуэта. Это были миноносцы, но чьи? Догоняя крейсер, они шли сближающимся курсом. По ним открыли огонь. Один из них показал какие-то световые сигналы. На крейсере заколебались: одни уверяли, что это неприятельские миноносцы, другие утверждали, что — русские. Командир Попов, вероятно, не забыл угрозы Керна и, повысив голос, закричал:

— Что вы делаете? Зачем стреляете в свои миноносцы? Немедленно прекратить огонь! И вообще не открывать его без моего разрешения!

На шкафуте и на шканцах это приказание немедленно было исполнено, но с полуюта продолжали стрелять. Туда, сбежав с мостика, направился подполковник Маневский. Вскоре послышался его голос:

— Миноносцы русские... Командир запретил...

Миноносцы приближались к крейсеру. Теперь их было только два. Куда же девался третий? Только после догадались, что он отделился от других и ближе подошел к корме «Мономаха». Клетки с курами, стоявшие ярусами на полуюте, заслонили этот миноносец от человеческих взоров. Его увидели, когда он, вынырнув из-под кормы и очутившись справа, почти рядом с крейсером, дал на мгновение огненную вспышку. Раздались крики «банзай», от которых у каждого русского моряка, находившегося наверху, сжалось сердце и остановилось дыхание. Ночь, ветреная и бесприютная, взорвалась заревом и стала еще более мрачной. Раненный насмерть, крейсер сразу лишился освещения и беспомощно закачался над бездной. Потом начал крениться на правый борт.

Миноносец, пустивший мину, сейчас же был уничтожен носовыми орудиями.

Минуты через две-три на крейсере наладили электрическое освещение. Выяснилось, что пробоину он получил с правого борта, во вторую угольную яму, но своими ответвлениями она захватила первую и третью угольные ямы. В жилом помещении разошлась по швам броневая палуба, и от нее оторвались некоторые пилерсы. Переборка, граничившая с передней кочегаркой, выпучилась и дала трещины, пропу-

скавшие воду. Котел № 1 немедленно пришлось вывести из строя. Вентиляционные трубы, проходившие через угольные ямы, были также повреждены и начали пропускать воду в заднюю кочегарку.

На верхней палубе люди долго возились над тем, чтобы подвести пластырь под пробоину. Старания их оказались напрасными. Были пущены в работу все водоотливные средства, но крен «Мономаха» продолжал увеличиваться.

Вахтенный начальник лейтенант Мордвинов, будучи, как всегда, порядочно пьяным, громко произнес:

— Гуси Рим спасли, а эти проклятые куры крейсер погубили!

Командир на это ничего не ответил. Удрученный, возможно считающий себя виновником этого события, он молчал. Склянки давно отбили десять часов. Он устал, устал до изнеможения. И привычка вовремя ложиться спать брала верх. Наконец он заявил своим офицерам:

— Я пойду к себе в каюту. Если что-нибудь случится, доложите мне.

Когда он сошел с мостика, подполковник Маневский, обращаясь к своим коллегам, спросил:

— Что же это еще может случиться?

Кто-то подавленно ответил ему:

— Скоро начнем переселяться на морское дно.

Японцы продолжали преследовать крейсер. Но теперь, при отсутствии на мостике командира, старшему артиллеристу Нозикову уже никто не мешал. Даже в такой обстановке, когда подорванное судно захлебывалось водою, он сумел отбить еще пять минных атак и нанести противнику повреждения.

Положение крейсера все ухудшалось. Около двух часов ночи вода, проникая через угольные ямы, появилась в машине. Казалось, что старое судно, словно истлевший парус, расползается на части. Все котлы передней кочегарки из действия были выключены. Пока машины работали, решили использовать время на приближение к берегу, чтобы спасти экипаж. Повернули на запад, к корейским берегам.

Утром не сразу узнали, что перед людьми открылся остров Цусима. Крейсер, сопровождаемый контрминоносцем «Громкий», направился к берегу. Крен

в это время дошел до четырнадцати градусов. Мотыли правой машины работали в воде.

К этому же острову приближалось еще какое-то судно. Вскоре по его позывным узнали, что это был броненосец «Сисой Великий». С него просигналили лучами прожектора: «Прошу принять команду». На это «Владимир Мономах» ответил: «Через час сам пойду ко дну».

Командир «Мономаха» капитан 1-го ранга Попов был уже на мостике и распоряжался. Он был менее утомлен, чем его помощники,— ночью ему удалось несколько часов соснуть. Он приказал «Громкому» отправиться в распоряжение «Сисоя Великого».

Миноносец помчался по назначению. Когда он приблизился к «Сисою», тот в это время, имея задний ход, еле двигался к гористой полосе Цусимы. Накануне в дневном бою он получил в носовую часть несколько подводных пробоин. Форштевень его настолько погрузился в море, что вода дошла до передней башни. Избитый, обгорелый, с подведенными под пробоины пластырями, он имел такой вид, словно побывал в перевязочном пункте. Грузная корма великана, подорванная в ночных атаках миной, была приподнята. Он не шел, а барахтался, бурля винтами воду, как будто стремился вырваться на поверхность моря.

На горизонте показались неприятельские суда. Командир «Сисоя Великого» капитан 1-го ранга Озеров, надеясь на их помощь в спасении людей, отослал свой миноносец обратно к крейсеру «Громкий», развивая ход, густо задымил всеми четырьмя трубами.

К «Сисою» приближались три неприятельских вспомогательных крейсера — «Синано-Мару», «Ява-та-Мару» и «Тайнан-Мару». При них находился еще миноносец «Фубуки». Броненосец, не дожидаясь стрельбы со стороны японцев, предупредил их сигналом: «Тону и прошу помощи». Японцы запросили: сдается ли он? Капитан 1-го ранга Озеров приказал ответить им утвердительно. Спустя час к броненосцу подошла неприятельская шлюпка. Японцы, взойдя на палубу, первым делом подняли на гафеле свой флаг, но никак не могли спустить русского флага, разве-

вавшегося на фор-стеньге. Корабль, погибая, грустно покачивался под флагами двух враждующих держав. Японцы хотели взять его на буксир, но он не дался им: в девять часов утра «Сисой Великий», покинутый всеми, перевернулся и затонул в трех милях от берега. Русские офицеры и матросы перебрались на неприятельские корабли.

Часа через два «Владимир Мономах» остановился в четырех милях от острова и стал спускать уцелевшие шлюпки, чтобы переправить на берег команду. В это время на горизонте показался японский миноносец «Сирануи», а затем — вспомогательный крейсер «Садо-Мару».

«Владимир Мономах» стоял на одном месте, наполняясь водою. «Садо-Мару» произвел в него несколько выстрелов, но он не ответил на это. На спущенных с него шлюпках разместились около двухсот пятидесяти человек и направились к берегу. Приблизился еще неприятельский вспомогательный крейсер «Маншю-Мару».

При виде противника старший артиллерист Нозиков забеспокоился и скомандовал:

— Прислуга, по орудиям! Двадцать шесть кабельтовых!

Но командир рассердился и закричал:

— Не стрелять! Там могут быть русские, подобранные из воды. Спасаться! Я приказываю продолжать спасаться!

И, обращаясь к старшему артиллеристу, сказал строго официальным тоном:

— Лейтенант Нозиков! Я вам запрещаю стрелять. Да и снарядов у нас почти не осталось.

Команда, прыгая за борт, спасалась на плотах, анкерках, буях и пробковых поясах. «Садо-Мару» и «Маншю-Мару», приблизившись к русскому крейсеру, спустили шлюпки и стали подбирать людей. Одна из них пристала к борту «Мономаха». На его палубу поднялись японцы, чтобы овладеть им, но сейчас же убедились, что крейсер, наполненный водою, едва держится на поверхности моря. Они ограничились только тем, что взяли в плен командира Попова и старшего офицера Ермакова и направились к «Садо-Мару».

Плавающих людей продолжали спасать японские шлюпки и свой баркас № 2. На него вытащили из воды лейтенанта Нозикова. Этот баркас уже сделал один рейс и теперь вторично пристал к борту «Маншю-Мару». Пленные офицеры и матросы быстро поднялись на палубу неприятельского судна. На баркасе остались лишь лейтенант Нозиков и два матроса. Они не хотели выходить. К ним спустились два японских квартирмейстера с ружьями за плечами. Один из японцев крикнул по-русски:

— Марш на палубу!

Другой достал из-под кормовой банки какой-то сверток и стал развертывать его. Это оказался баркасный андреевский флаг. Японец успел только улыбнуться своей находке: Нозиков левой рукой выхватил у него флаг, а правой — обнажил свою саблю. На момент противник растерялся. Флаг вместе с пронзившей его саблей полетел в воду и затонул. Сейчас же и сам Нозиков, получивший в плечо удар ружейным прикладом, свалился на банку и стиснул от боли зубы. Потом его насильно втащили на палубу «Маншю-Мару».

Среди матросов, державшихся на воде, оказался и обер-аудитор подполковник Маневский. С посеревшим лицом, в пробковом спасательном поясе, он одной рукой выгребал, стараясь скорее отплыть от гибнущего крейсера, а другой — высоко поднял, словно напоказ, огромный черный портфель. Косые лучи солнца играли на никелированных углах и застежках портфеля. Какие документы хранились в нем? Отчеты о законченных и начатых судебных процессах и дисциплинарных взысканиях, касающихся команды.

Один из матросов посоветовал ему:

— Бросьте, ваше высокоблагородие, портфель. Без него удобнее будет вам плавать.

— Не могу — здесь официальные бумаги,— ответил обер-аудитор Маневский.

Послышались еще голоса:

— Разве чернильная душа расстанется с документами?

— Не слушайте их, ваше высокоблагородие, этих неучей. Что они понимают? Дома вам эти бумажки пригодятся для хозяйства.

Обер-аудитор оглядывался на тех, кто бросал ему злые реплики, и примечал их лица. Быть может, в его голове всплывали статьи военно-морского закона, определяющие наказания нижним чинам за оскорбление офицера. Но теперь он сам находился в бедственном положении и, ежась от холода, молчал. Он заботился лишь об одном — как бы сохранить портфель. Все рушилось: погибла 2-я эскадра, а вместе с нею погибли и последние надежды дальневосточной армии. России больше не на что было рассчитывать, чтобы одолеть противника. Но подполковник Маневский не понимал этого и все еще придавал значение своим пустяковым бумажкам. Качаясь на зыби, он крепко, как знамя, держал над головой портфель, олицетворяя собою бюрократическую власть Российской империи.

«Владимир Мономах», словно уменьшаясь ростом, осаживался в море. Вода дошла до его иллюминаторов. Он дрожал всем корпусом, теряя последнюю плавучесть. Из всего экипажа на нем теперь находились четыре матроса и один мичман. В пробковых поясах, готовые в любой момент прыгнуть за борт, они стояли на полуюте и ждали. Подошел свой баркас и снял их. На крейсере остались одни куры — невольные виновники его гибели. Они успокоились. На палубе было тихо. Куры мирно, как в деревне, разговаривали между собою на своем птичьем языке, тоже, видно, делясь впечатлениями о минувших ужасах боя.

Баркас, уходя, направился к «Маншю-Мару». Позади раздалось пение петуха. На баркасе все оглянулись. На миг крейсер выпрямился и стал тонуть, мрачно чернея на солнце краями бортов. На вызов первого петуха победоносно откликнулся его соперник, взяв нотой выше. Возбужденные радостью весны, они считали себя вне опасности и не подозревали, что это пение их будет последним. Куры не успели дослушать еще более залихватский и покоряющий голос третьего петуха: полное «кукареку» он не дотянул и оборвался на самом высоком переливе. От «Владимира Мономаха» оставались лишь его мачты, но и они уходили в глубину сияющего моря, увлекая за собою боевые стеньговые флаги.

5. ОДИН ПРОТИВ ТРЕХ

Миноносец «Громкий» был прикреплен к крейсеру «Олег», на мачте которого развевался флаг адмирала Энквиста. «Громкий» шел концевым во втором отделении миноносцев. Все люди по боевому расписанию были на своих местах, готовые сразиться с врагом, но вначале миноносцу просто нечего было делать. Подальше от японских выстрелов — вот какая была его «боевая задача» согласно инструкции. Он носился по морю, качаясь на волнах, дымя четырьмя трубами, и тогда казалось, что корабль подвешен к небу на черных лохматых канатах. Изредка, когда приближались к нему легкие неприятельские суда, он открывал по ним огонь. Конечно, его пять 47-миллиметровых пушек и одна 75-миллиметровая мало могли причинить вреда японцам. Иногда и около него поднимались столбы воды от разрывов неприятельских снарядов.

На мостике миноносца стояло несколько человек. Живым, проворным белокурым мальчиком казался, несмотря на свои двадцать шесть лет, сигнальщик Скородумов, следивший за горизонтом. От его острых серых глаз не могло ускользнуть ни одно движение неприятельских судов. Если он сразу не мог что-либо различить, то порывисто перегибался через поручни, как будто хотел рвануться вперед. Рулевой Плаксин сосредоточенно склонил скуластое лицо над компасом. Мичман Шелашников, облокотившись на штурманский столик, старательно вел на карте прокладку курса своего судна. Этот невзрачный и всегда скромный меланхолик «Моня», как его звали офицеры на корабле, грустил и сейчас. Может быть, он и в боевой обстановке не переставал вспоминать свою невесту, которая осталась в Петербурге.

Почти на целую голову возвышался над другими командир капитан 2-го ранга Георгий Федорович Керн. Он то и дело приставлял к своим карим глазам бинокль, обозревая сражение. Во всей его высокой и тонкой фигуре, немного сутуловатой, со впалой грудью, с резко обозначившимися сквозь китель лопатками, ничто не напоминало бравого офицера. Иногда, особенно в частных беседах, его смуглое,

с тонкими чертами лицо освещалось вдруг такой детски наивной улыбкой, которая заставляла окружающих забывать, что перед ними военный человек. Ходил он медленно, держа носки на разворот, и всегда казался истощенным, как после тяжелой болезни. Но в тщедушном теле командира скрывалась непоколебимая сила воли. Это хорошо знали и его подчиненные, привыкшие к тому, что он, скупой на слова, не любил повторять свои распоряжения.

Поход 2-й эскадры на Дальний Восток, плохо технически и организационно подготовленной и возглавляемой бездарным командованием, ему представлялся безуспешным. Это проскальзывало у него не раз в разговорах со своими офицерами. Однако с его стороны было сделано все, чтобы с честью выполнить долг воина. Ни на одном корабле эскадры команда не прошла такой боевой подготовки, как на миноносце «Громкий». Керна высоко ценили и его ближайшие помощники: старший офицер лейтенант Паскин, артиллерийский офицер мичман Потемкин, штурман Шелашников и судовой инженер-механик Сакс. Каждый из них как можно лучше старался выполнить свои обязанности в полном согласии с командиром. И добился он от своих подчиненных дружной спайки и высокой дисциплины, никогда и ни при каких обстоятельствах не повышая голоса. Всегда он говорил тихо, но с твердой уверенностью и так убедительно, что все его распоряжения выполнялись в точности.

Сигнальщик Скородумов, быстро повернувшись к командиру, доложил:

— Ваше высокоблагородие, в нашу сторону направляются японские крейсеры.

Керн направил на них бинокль и тотчас же приказал:

— Поднять сигнал «Олегу»: «Вижу японские крейсеры на SW 30°».

Как бы в ответ на этот сигнал флагманский корабль со своим отрядом крейсеров повернул в сторону противника и открыл по нему огонь. Транспорты и миноносцы были прикрыты. Люди повеселели. Но тут же раздался тревожный возглас:

— Человек за бортом!

Матросы увидели барахтающегося на волнах человека с взлохмаченной бородой. Сразу в нем все узнали машинного содержателя Папилова. По приказанию Керна дали ход назад. Пока возились с Папиловым, два крейсера — «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах» — почти вплотную сблизились с миноносцем. «Громкий» едва успел ускользнуть от серьезной аварии. Человек был спасен. Миноносец опять занял свое место в строю. Теперь с облегчением все окружили Папилова.

— Если бы не твоя лохматая швабра — быть бы тебе на дне,— пошутил кто-то из матросов.

А он стоял на палубе с открытым ртом, тяжело дыша и непонимающе таращил глаза. С его большой, обвисшей бороды и одежды ручьями стекала вода, образуя под ним лужу. На вопрос старшего офицера Паскина никто из команды не мог объяснить, как Папилов очутился за бортом. Происшествие это так и осталось загадкой для всех, не исключая и самого Папилова.

Из дневного боя «Громкий» вышел целым и невредимым, не было и потери в людях. Вечером на нем было уже известно, что Рожественский, будучи ранен, передал командование эскадрой адмиралу Небогатову. Вскоре на броненосце «Николай I» был поднят сигнал: «Курс норд-ост 23°». С наступлением темноты «Олег» со своим отрядом, развив большой ход, отделился от эскадры. О нем говорили, что он ушел неизвестно куда. Ночью «Громкий» пристроился к крейсеру «Владимир Мономах», держась на его левой раковине. Впереди шел «Дмитрий Донской», но через некоторое время он тоже где-то затерялся в темноте морских просторов. Оставшись одни; «Владимир Мономах» и «Громкий» продолжали выполнять приказ Небогатова и самостоятельно направились во Владивосток.

После дневного боя передышка длилась недолго. Через каких-нибудь полчаса уже начались минные атаки. Поддерживая крейсер артиллерийским и пулеметным огнем, «Громкий» сам бросался на японцев. Однажды с него заметили, как неприятельский двухтрубный миноносец, приблизившись с левого борта к крейсеру, выпустил в него мину. Катастрофа каза-

лась неизбежной. На мостике все оглянулись на командира Керна, а он быстро нагнулся над переговорной трубой и скомандовал в машину:

— Полный вперед!

Одновременно он дернул за ручку машинного телеграфа, повторяя то же приказание.

И «Громкий» ринулся наперерез страшному самодвижущемуся снаряду. Очевидно, у командира был такой план: пусть лучше он сам взлетит на воздух вместе со своим судном водоизмещением только в 350 тонн и с командой в 73 человека, чем погибнет крейсер водоизмещением в 5 593 тонны с населением более 600 человек. В темноте геройство Керна осталось незамеченным. На крейсере не знали, что маленькое судно идет на самопожертвование и готово своей грудью отстоять жизнь другого корабля, приняв на себя подводный удар. Зато на «Громком» тотчас разгадали поступок командира, и сердца моряков, ожидая взрыва, отсчитывали последние секунды своей жизни. К счастью, мина, поставленная на большое углубление, в расчете на низкую осадку крупного корабля, прошла под килем «Громкого». Она благополучно миновала и «Мономаха».

Дул пятибалльный ветер. Шумели волны. Гремели орудийные выстрелы, на мгновение освещая вспененную зыбь моря.

«Владимир Мономах» был подорван другой миной. Изувеченный корабль с креном на правый борт, потеряв надежду достигнуть Владивостока, свернул на запад. Связавший с ним свою судьбу «Громкий» сопровождал его до самого утра. Рассвело. Близко против носа корабля неприветливой громадой всплыли чужие берега острова Цусимы. А в стороне, далеко на северном горизонте, обозначились дымящиеся японские вспомогательные крейсеры и миноносцы. Командир крейсера капитан 1-го ранга Попов разрешил «Громкому» одному следовать во Владивосток.

Долго командир Керн не отнимал от глаз бинокля. Неприятельские суда приближались. Он уже различил три миноносца, и ему стало ясно намерение японцев: взять русских в кольцо. Опустив бинокль, Керн обратился к мичману Шелашникову:

— Всех господ офицеров ко мне.

Один за другим они через минуту уже появились на мостике. Старший офицер лейтенант Паскин, русый крепыш, среднего роста, с короткой шеей, уверенной походкой приблизился и вопросительно поднял на командира строгие брови над усталыми от бессонницы большими глазами. Командир, не дав ему ничего выговорить, предупредительно начал сам:

— Подождите, Александр Александрович. Вопрос касается всех.

Лейтенант Паскин, хорошо знавший своего командира, сразу догадался, что предстоит что-то важное.

— Есть,— ответил лейтенант и перевел свой взгляд на приближавшиеся суда. Но командир продолжал глядеть на профиль его удлиненного бритого лица с прямым красивым носом и короткими шелковистыми бачками, как будто заранее хотел угадать мнение первого своего помощника.

По трапу быстро взбежал, оборвав на полуфразе басовую ноту неоконченного мотива, молодой весельчак. Этот беззаботный мичман Потемкин при всяких обстоятельствах любил напевать про себя. Сейчас несколько сконфуженный — петь в такую минуту — он вытянулся перед командиром всем своим массивным корпусом.

Последним медленно вошел, одергивая замасленные полы темно-синей куртки, полный, упитанный судовой инженер-механик Сакс, в манерах которого не было заметно и тени военной выправки. Улыбаясь, он имел сейчас вид довольного жизнью человека: бой прошел, его кочегары и машинисты, котлы и машины целы и работают в полном порядке. Не зная, в чем дело, он увидел собравшихся около командира офицеров и по обыкновению сострил:

— Наш Папилов-то вчера так промочил свою бороду, что она до сих пор не обсохла.

Произошла минутная неловкость. Лицо командира было серьезно. Он оборвал остряка вопросом:

— Хватит ли нам угля до Владивостока?

— Да, если идти экономическим ходом — не больше двенадцати узлов.

— Против нас три миноносца. Прежде всего я хочу прорвать неприятельское кольцо. Поэтому нужно дать самый полный ход, хотя бы на два часа боя,

а там уже сбавим. Но драться будем до последней возможности. Высказывайтесь, господа.

Офицеры единодушно согласились.

Недалеко от них, сверкая в лучах солнца, взвились столбы воды. И тут же какими-то неподходящими к утренней тишине звуками докатились до миноносца и первые раскаты далеких выстрелов. Противник уже открыл огонь. На мостике остались командир и штурман Шелашников. Люди поспешно заняли свои места по боевому расписанию. Но и в такую грозную минуту обычный распорядок на корабле не нарушался. Судовой колокол отбивал склянки — было ровно восемь часов.

«Громкий» лег на курс норд-ост и, отстреливаясь, сразу развил полный ход до двадцати пяти узлов. Так начался первый бой. Противник не успел завершить окружения. За «Громким» гнались три миноносца. Скоро два из них стали заметно отставать, и бой превратился в дуэль уже только с одним миноносцем на расстоянии около двадцати кабельтовых. Противник стрелял из носовой 75-миллиметровой пушки. Ему отвечала только одна кормовая 47-миллиметровая. То и дело вокруг «Громкого» близко ложились снаряды. Командир Керн часто менял курс, мешая противнику пристреляться. В то же время он этим давал возможность мичману Потемкину каждый раз вводить в действие носовую 75-миллиметровую и две бортовые 47-миллиметровые пушки. Так продолжалось два часа. На одном из поворотов комендор Петр Капралов выстрелил из носового орудия. Прошло несколько секунд, и сигнальщик Скородумов возбужденно вскрикнул:

— Японец загорелся, ваше высокоблагородие!

— Вижу,— промолвил своим обычным тихим голосом командир Керн, не отнимая бинокля от глаз.

На верхней палубе послышались отдельные радостные возгласы, перешедшие в общее ликование. Неприятельский миноносец исчез за клубами черного дыма. Стрельба на минуту прекратилась. «Громкий» снова лег на норд-ост 23°. И вдруг одно кормовое орудие возобновило огонь: из-за дыма на повороте к берегу вновь показался уже не нос, а весь борт японского миноносца. И теперь хорошо было видно,

что на его носовой части разгорался пожар. Подбитый неприятель направлялся к острову Цусима, что-то телеграфируя по радио. Телеграфист на «Громком» Таранец мешал ему работой своего аппарата.

Неприятель скрылся. На «Громком» сыграли отбой. План Керна был выполнен блестяще: за два часа не было ни одного попадания в его корабль. Путь во Владивосток был свободен. Команда могла отдохнуть. Командир обходил корабль и благодарил всех за выполнение долга. Многие при его приближении не могли даже встать: по палубе вповалку раскинулись в разных позах машинисты и кочегары, сменившиеся после двадцатичасовой непрерывной боевой вахты у машин и котлов. От жары и переутомления некоторые лежали в обмороке. Их отливали водой.

Передышка длилась полчаса. Вернувшись на мостик, Керн снова заметил позади неприятельский миноносец и приказал пробить боевую тревогу. Может быть, это был тот же корабль, с которым уже сражались. Очевидно, он справился с пожаром и опять бросился в погоню. В это время «Громкий» проходил северную оконечность острова Цусимы и входил в Японское море. Около одиннадцати часов впереди справа показался второй миноносец, который намеревался пересечь курс «Громкого». Керн приказал развить самый полный ход. Задний миноносец стал отставать, а тот, что шел справа, сближался и открыл огонь. Предстоял бой с неравными силами. Нужно было решиться на что-то дерзкое, чтобы выйти из тяжелого положения. И командир Керн на это пошел. Специальность минера подсказала командиру мысль, что настал момент разрядить по неприятелю два уцелевших минных аппарата. Они были расположены на верхней палубе. По его распоряжению обе мины приготовили для стрельбы. «Громкий» сделал крутой поворот и устремился на противника, шедшего позади. Как после узнали, это был истребитель «Сирануи». Керн решил взорвать его, а потом уже вести артиллерийский поединок с другим миноносцем. Расстояние между «Сирануи» и «Громким» быстро сокращалось. Команда сознавала, что наступил решительный момент. Комендоры усилили огонь. Но

в эти минуты главная роль отводилась минерам, которые стояли наготове у своих аппаратов. Вдруг около них, сверкнув короткой молнией, закудрявился дым, как вихрь на пыльной дороге. От огня и дыма что-то грузное отделилось и полетело за борт. Старшего офицера Паскина оттолкнуло воздухом к кожуху у задней дымовой трубы. Оправившись, он бросился к месту взрыва. У аппарата лежали мертвыми минеры Абрамов и Телегин, а от минного кондуктора Безденежных осталась только фуражка, отброшенная к стойке бортового леера. Лейтенант Паскин поставил к аппаратам минеров Цепелева, Богорядцева и Рядзиевского. Неприятель приближался уже к траверзу. Расстояние до него не превышало двух кабельтовых. С мостика командир скомандовал выпустить мину из аппарата № 1. Но она едва выдвинулась и, задев хвостом за борт, свалилась в воду, как бревно.

— Утонула, подлая! — вскрикнул на мостике зоркий сигнальщик Скородумов и крепко выругался.

Командир, пристально следивший за действиями минеров, сжал кулаки и не то в ответ ему, не то для уяснения самому себе того, что произошло, сквозь зубы процедил:

— Порох плохо воспламенился — отсырел.

Вторая мина, выпущенная вдогонку противника, пошла правильно к цели. Уже ждали взрыва, но она, дойдя по поверхности моря почти до самой кормы, вдруг свернула в сторону, отброшенная бурлящими потоками от винтов.

В этой атаке все преимущества были на стороне «Громкого». Противник, очевидно, свои мины за прошлую ночь расстрелял, и его аппараты были закреплены по-походному. Но почему же он не уклонился от сближения и допустил «Громкого» на расстояние минного выстрела? «Сирануи» рисковал в один миг взлететь на воздух. Такое поведение японцев можно объяснить не чем иным, как только растерянностью и тактической оплошностью.

Расчет Керна на взрыв неприятельского миноносца не оправдался: помешала непредвиденная случайность. Все же ему нужны были нечеловеческие усилия и крепость нервов, чтобы не упасть духом и ни-

чем не выдать своего волнения. «Громкий» попал под перекрестный обстрел. С двух сторон несся на него ураган огня и железа, брызг и дыма. Это, однако, не парализовало воли командира. Крепче ухватившись за поручни, он следил, куда ложатся неприятельские снаряды, и, уклоняясь от них, маневрировал миноносцем.

Во время минной атаки при сближении на контркурсах японцы и русские понесли особенно тяжелые потери.

На «Громком» первый снаряд разорвался в машинном кубрике, проломил борт у ватерлинии и вывел из строя динамо-машину номер первый. Она тотчас остановилась. Водяная партия, руководимая лейтенантом Паскиным, поспешно заделывала пробоину пластырем. Едва работа была закончена, как ударом второго снаряда по тому же месту пластырь был вновь сорван. В пробоину хлынула вода. Скоро у «Громкого» образовался дифферент на нос. Вдруг все почувствовали, что миноносец как будто подпрыгнул и качнулся влево. Снаряд угодил в левую угольную яму. Навстречу судовому механику Саксу из кормовой кочегарки выползли со стоном ошпаренные кочегары. Оттуда слышался шипящий свист и валил густой пар. Среди кочегаров не было Боярова — он остался мертвым у топки. Пока выяснили, что у котла номер четвертый оказались перебитыми трубки, вышел из строя и котел номер третий: у него был пробит паровой коллектор.

Сакс приказал кочегарному квартирмейстеру Притводу:

— Вывести оба котла!

При двух оставшихся котлах носовой кочегарки «Громкий» сразу сбавил ход до семнадцати узлов. Теперь и второй миноносец приблизился к нему. Он вынужден был отбиваться на две стороны. С беспримерной храбростью матросы и офицеры вступили в неравную борьбу со стихией огня, воды и раскаленного железа. При уменьшившемся ходе им невозможно было отступать и неоткуда было ждать помощи.

Загорелись каюта командира и шкиперская. Через большую пробоину в кают-компании заливало водой

кормовой патронный погреб. С каждой минутой положение корабля ухудшалось. Снаряды поражали людей. Однако не только здоровые, но и раненые не покидали своего поста, и все от командира до матроса выполняли свой долг. Они продолжали, выбиваясь из сил, тушить пожары, заделывать пробоины, стрелять из пушек и пулеметов. А бедствиям не было видно конца. От новых пробоин совсем затопило оба патронных погреба — носовой и кормовой. Для сохранения патронов была пущена турбина от динамомашины номер второй, но она не успевала откачивать воду. Подача патронов к орудиям прекратилась. Комендоры достреливали последний запас их на верхней палубе. Занятый тушением пожаров старший офицер Паскин был очень удивлен тем, что стрельба из пушек все еще продолжается. По его расчетам, они должны были бы замолчать — о затоплении погребов он уже доложил командиру.

— Чем это они стреляют? — спрашивал он встречных матросов, проходя по жилой палубе к носовому патронному погребу. И то, что он там увидел, превзошло все его ожидания. Люди по очереди спускались в затопленный погреб, как в плавательный бассейн, и выныривали с патронами. Никто не давал такого распоряжения, и вообще это было неслыханное дело, едва ли когда-либо практиковавшееся в истории морских сражений. Подойдя ближе, Паскин с удивлением разглядел показавшуюся из воды голову минно-артиллерийского содержателя Антона Федорова, который с начала боя был при подаче боевых припасов. За ним вслед всплыл с патронами матрос Молоков. Приготовился к погружению и третий человек.

— Ну, скорей, швабра, тебе не привыкать по-вчерашнему купаться,— шутил над ним, пыхтя и отдуваясь, Антон Федоров. И голова бородача скрылась под водой. Паскин знал, что окунулся машинный содержатель Ефим Папилов.

Эта подача патронов из воды по инициативе самих матросов продлила огонь артиллерии и препятствовала неприятелю подойти ближе к «Громкому». Японцы так и не осмелились взять миноносец на абордаж и держались от него в пяти—восьми кабель-

товых. Неприятелю он порой казался добитым, но этот умирающий корабль вдруг оживал и больно огрызался. Дорого отдавали свою жизнь мужественные моряки. Было видно, как на «Сирануи» несколько раз русские снаряды сбивали боевой флаг, как сам миноносец загорался, выбрасывая пламя и дым, а иногда окутываясь паром, и как, наконец, он завертелся на месте, очевидно, лишившись рулевого управления.

В полдень на «Громком» был сбит стопорный клапан котла номер второй. Ошпаренные паром кочегары едва успели выскочить из кочегарки. Их отправили в носовой кубрик на перевязку, но единственный фельдшер был уже тяжело ранен в спину, с переломом позвоночника. Раненые сами перевязывали друг друга. Некоторое время кочегары не могли спуститься в носовую кочегарку, наполненную горячим паром. С опасностью для жизни они все-таки вскоре проникли туда и подняли пар в котле номер первый. Миноносец хотя и малым ходом, но продолжал двигаться вперед.

В начале первого часа на «Громком» остались в действии один котел, один пулемет, одна правая средняя 47-миллиметровая пушка, остальные пять были повреждены и замолчали. Число подводных пробоин увеличилось. Вода все прибывала, затопляя отсеки. Но ничто не устрашало людей, боровшихся за живучесть своего корабля. «Громкий» все еще шел. Единственная пушка и пулемет стреляли.

Паскин направился по верхней палубе для осмотра повреждений. Когда он на правом борту поравнялся с радиорубкой, расположенной на машинном кожухе, в ней раздался страшный треск. Тут же выскочил из нее человек, и Паскин увидел перед собой знакомую маленькую фигуру Таранца. Но курносое лицо радиста с выбитым глазом и оторванным ухом было неузнаваемо. Шатаясь и поднимая правую руку к изувеченной голове, он вытянулся и вскрикнул:

— Ваше благородие... я...— не окончив фразы, Таранец со стоном повалился на кожух.

Один из японских миноносцев стал подходить к «Громкому», очевидно намереваясь им овладеть.

Но японцы ошиблись. На мостике стоял непоколебимый Керн, который, как и вся его команда, был полон решимости бороться до конца. Командир знал, что каждый его офицер и матрос ненавидят врага. Желая причинить больше вреда противнику, он повернул «Громкого» на «Сирануи» с целью его протаранить. Тот, увидя решительный маневр Керна, отвернул от опасного положения и отступил. А «Громкому» не хватало хода, чтобы его настигнуть. На этом повороте грот-мачта вместе с андреевским боевым флагом полетела за борт. Командир приказал:

— Прочно пришить гвоздями стеньговый флаг на фок-мачте. Пусть противник не подумает, что мы сдаемся.

Сигнальщик Скородумов, всегда исполнительный и расторопный парень, скрылся внутри корабля и быстро вернулся с молотком и гвоздями. Захватив флаг, он подбежал к фок-мачте и, не задумываясь, начал карабкаться кверху, обхватывая мачту цепкими матросскими руками и ногами. На ожесточенную стрельбу неприятеля он не обращал внимания. С ловкостью акробата он взбирался все выше по стеньге до самого клотика. С мостика с тревогой смотрели на сигнальщика. Каждую секунду его могли ранить, и, падая с высоты, он разбился бы насмерть. А смельчак, словно в обнимку со смертью, на самой верхней части стеньги все-таки ухитрился выполнить задание. Над доблестным миноносцем снова развевался боевой флаг.

Люди «Громкого» продолжали сражаться.

Лейтенант Паскин знал свою дружную и стойкую команду, но и он, следя за действиями матросов, изумлялся их боевым качествам. Из истории войн в его памяти сохранилось много разных примеров, прославивших на весь мир русское оружие. Защищая свое отечество, русская армия и флот всегда проявляли удивительную храбрость. Сам народ, если только его не подводило бездарное начальство, никогда не склонял головы даже перед сильнейшим врагом. Это издавна признавали лучшие полководцы всех стран. Но как могло то же самое случиться и в сражении «Громкого» с противником? Паскину хорошо было известно, что русско-японская война, затеянная

царем и его сатрапами за концессии на реке Ялу, не была популярна в народе. И все же храбрость и мужество русских моряков со всей полнотой обнаружились и здесь. В неравном бою миноносец уже сильно пострадал от неприятельских снарядов. Однако его защитники держались с необыкновенным подъемом, с несокрушимой твердостью духа и преданностью своему кораблю. Казалось, что смерть товарищей не только не устрашала моряков, но еще больше придавала им силы и решимости. Здесь героями были все: минеры, комендоры, кочегары, машинисты, рулевые, сигнальщик, фельдшер, офицеры и сам командир.

До конца Керн оставался на командном мостике, являя собою высокий образец командира. Его ничто не устрашало: ни вдвое сильный враг, ни убыль в людях, ни бедственное положение корабля, с каждой минутой терявшего свою живучесть. Из семнадцати кочегаров уцелел только один. Теперь командир мог совершить лишь один последний подвиг. Он решил: не отдавать в руки врага даже этот разрушенный обломок, что до боя назывался миноносцем «Громкий». Мысль свою Керн выразил не сразу. Хладнокровно, словно собираясь пообедать, он обратился к старшему офицеру Паскину:

— А который теперь час?

— Половина первого,— ответил тот недоумевая. Этот разговор был так далек от того, что происходило у них на глазах. У него возникло естественное подозрение: в здравом ли уме его начальник? Паскин, впрочем, устыдился своего предположения. Размеренно, как на учении, Керн отчеканил распоряжение:

— Я решил утопить миноносец. Открыть кингстоны. Заделку пробоин прекратить. Выбросить за борт сигнальные и секретные книги, шифры и денежный ящик. Всем надеть спасательные нагрудники.

Паскин сбежал с мостика. Сигнальщик Скородумов привязывал к книгам крышку от горловины угольной ямы для потопления их. Мичман Потемкин с комендором Жижко и матросом Салейко выбивали обратно пробки из пробоин. Судовой механик Сакс с машинистами открывали кингстоны и клинкеты, пе-

рерубали трубы, чтобы вода свободно проникала из одного отсека в другой. Морякам больно было своими руками разрушать собственный корабль, но еще было бы больнее, если бы он достался врагу.

И когда все, что нужно для затопления миноносца, по приказу Керна, было сделано, команда вышла наверх. Здоровые люди из винтовок стреляли в приближающегося противника. Мичман Потемкин командовал действиями единственной пушки. Лейтенант Паскин направился к мостику. Но он не дошел до командира с докладом и упал на палубу, тяжело раненный в правую ногу. Навстречу ему подбежал штурман Шелашников и сделал ему перевязку. Но скоро Паскин получил второе ранение в левый бок, и его перенесли на ют. Оттуда, лежа, он продолжал давать советы мичману Потемкину и сноситься через него с командиром. А тот, видя, что миноносец осел на два фута и доживает последние минуты, наконец распорядился:

— Команде спасаться!

Спустили вельбот, но он оказался продырявленным осколками. За его борта держались раненые, а здоровые в спасательных нагрудниках бросались в воду.

Командир открыто продолжал стоять на мостике. На его глазах погибал родной корабль и гасли человеческие жизни. Что творилось в этот момент в душе Керна? Об этом никто и никогда не узнает, как нельзя узнать содержание письма в запечатанном конверте. Одно только можно сказать, что даже нависшая смерть над ним не могла смутить воли и разума командира. Верный лучшим боевым традициям великого русского народа, он по-прежнему был спокоен. Теперь у него была лишь одна забота — спасти людей. Рядом с ним на мостике задержались штурман Шелашников и рулевой Нестеровский. На юте к раненому лейтенанту Паскину подошел мичман Потемкин. Вдруг мостик опустел, словно там никого и не было. Не понимая, в чем дело, мичман Потемкин вбежал туда по трапу. На мостике лежали трое: убитые наповал рулевой Нестеровский, штурман Шелашников и еле живой командир Керн с вырванным боком. Смуглое лицо его еще больше потемнело. Вид-

но было, как исчезали в нем последние признаки жизни, но он, медленно закрывая глаза, словно от непомерной усталости, успел проговорить:

— Я умираю. Примите командование.

Это были его последние слова.

Комендор Капралов, как бы мстя врагу за командира, выстрелил последним патроном из единственной пушки и прыгнул за борт.

Лишь после того как «Громкий» окончательно замолчал, неприятельские миноносцы осмелились подойти к нему ближе. На них сыграли отбой, и две шлюпки направились к борту «Громкого». Из семидесяти трех человек его команды только двадцать один остались невредимыми. А остальные были убиты или ранены.

Японцы старались скрыть разрушения на своих кораблях и не пустили пленных во внутренние помещения. Но можно было судить, как велик был разгром, если наши моряки, подплывая, заметили только у одного «Сирануи» более двадцати пробоин. Вся его верхняя палуба, где разместили пленных, исковерканная и развороченная, была забрызгана кровью. Валялись бесформенные куски железа, зияли дыры и обгорелые обломки, как после пожара. «Сирануи» еле держался на воде. В таком же состоянии находился и другой неприятельский миноносец [44].

«Громкий», покачиваясь на морской зыби, кренился и продолжал глубже оседать в воду. Русские моряки не спускали глаз с боевого флага. А он вместе с мачтой клонился к морю и, развеваясь, как бы посылал прощальный привет тем, кто так самоотверженно его защищал. Миноносец, перевертываясь на правый борт, накрыл своим избитым корпусом, словно памятником, тела мертвецов. Прошла еще минута, и над исчезнувшим кораблем закружились чужие воды в стремительном водовороте.

Японцы жестоко обманулись в своих надеждах взять его живым. В их памяти надолго останется этот героический корабль, как грозное предупреждение на будущее время. А потомки русских моряков, любящих свою родину, будут учиться на нем непримиримости к врагам и восхищаться незабываемыми образами погибших, но не побежденных героев «Громкого».

6. ЧТО ВИДЕЛ СИГНАЛЬЩИК С «НАВАРИНА»

Эскадренный броненосец «Наварин» своим внешним обликом резко выделялся изо всей 2-й эскадры. Широкий корпусом, он имел четыре громадных трубы, расположенных квадратом, словно ножки опрокинутого стола. По этим трубам можно было с одного взгляда отличить его от других кораблей. Вид у него был грозный, но японцы, вероятно, хорошо знали, что даже его двенадцатидюймовые орудия, стрелявшие дымным порохом, своей дальнобойностью не превышали сорока пяти кабельтовых. Среди офицеров и матросов он назывался по-другому: «Блюдо с музыкой».

Командовал броненосцем старый и бывалый моряк пятидесяти четырех лет капитан 1-го ранга Фитингоф. Среднего роста, угловатый, молчаливый, с глазами неопределенного цвета, с разорванной ноздрей приплюснутого носа, он производил впечатление мрачного человека. Совершенно облысевшая голова его всегда была чем-то озабочена. Может быть, поэтому он мало уделял внимания своей внешности: форма сидела на нем мешковато, седая борода редко расчесывалась, шея обросла мелкими кудрявыми волосами, словно покрылась серым мхом. Познавший хорошие и плохие стороны жизни, он больше никогда ею не восторгался и никогда не приходил от нее в отчаяние. Психика его настолько устоялась, что никакими событиями нельзя было бы привести ее в волнение. По знанию морского дела, по числу совершенных им кампаний его давно должны бы произвести в адмиралы, но для этого он был слишком скромен. Он не лез на глаза к высшему начальству, никогда и никуда не просился, а служил там, куда его назначали.

Адмирал Рожественский не любил Фитингофа и дал ему прозвище: «Рваная ноздря».

В свою очередь, Фитингоф без всякой злобы, как бы отмечая только посторонний факт, отзывался о командующем: «Бездарный комедиант».

Во время боя сигнальщики больше, чем другие специалисты, знают о ходе событий. Они, вооруженные биноклями и подзорными трубами, следят за

движениями своих и неприятельских кораблей и сейчас же о всех важных случаях докладывают по начальству. Они принимают сигналы командующего и репетуют их. Если свой командир захочет сообщить о чем-либо адмиралу, то все равно без них не обойдешься. Находясь вблизи боевой рубки или внутри ее, куда стекаются все сведения, и слушая распоряжения начальства, они знают все, что происходит на собственном корабле.

Когда «Наварин», участвуя в дневном бою, окутывался пороховым дымом от собственных выстрелов, старший сигнальщик Иван Седов стоял у входа боевой рубки, так как за бронированными ее стенами и без него было тесно. Крупный и неповоротливый, он неторопливо приставлял бинокль к глазам в белесых ресницах и следил то за неприятелем, то за своими кораблями. Его толстомясое лицо, усеянное веснушками, как будто распухло от напряжения. Иногда он выходил на мостик, чтобы лучше следить за картиной боя. Он первый сообщил командиру:

— Ваше высокоблагородие, «Суворов» вышел из строя.

Фитингоф на это только буркнул:

— Так...

Вскоре толстомясое лицо Седова побледнело. Он крикнул в рубку:

— «Ослябя» гибнет!

Все офицеры заволновались, а командир опять произнес одно только слово:

— Так.

Невозмутимость и равнодушие командира действовали на Седова раздражающе.

От сильного взрыва с левого борта «Наварин» вильнул вправо. Сейчас же в рубку сообщили, что вода заливает отделение носового минного аппарата. Командир распорядился:

— Заделать пробоину!

Позднее, на одном из поворотов эскадры, Фитингоф увидел, как броненосец «Суворов» изнемогал от неприятельских снарядов. Командир приказал направить свой броненосец для защиты флагманского корабля. В это время «Наварин» получил в корму два крупных снаряда — с одного борта и с другого. Вся

офицерская кают-компания была разрушена и охвачена огнем. Напрасно встревожился Седов. Командир по-прежнему равнодушным голосом отдавал распоряжения, нисколько не изменяясь в лице, как будто оно окостенело. В боевую рубку пришло известие, что с пожаром справились, а пробоины, оказавшиеся у самой ватерлинии, забили мешками и паклей, матрацами и одеялами, хотя этими мерами только отчасти удалось остановить течь.

Были еще незначительные повреждения в верхних частях корабля. Кое-кто пострадал из личного состава. Операционный пункт принял семнадцать человек матросов и трех офицеров — лейтенанта Измайлова, мичманов Шолкунова и Лемишевского.

Командир вышел на мостик. Как раз в этот момент неприятельский снаряд ударил в площадку формарса. Сверху посыпались осколки и куски железа. Фитингоф сразу опустился на колени, а потом уселся на деревянный настил мостика, не издав ни одного стона. Только лысая голова, фуражка с которой слетела, стала бледной, как снег. Сквозь разорванные брюки виднелись раны на обеих ногах. Согнувшись, он поддерживал руками живот. Когда Седов подлетел к нему, он произнес:

— Так...

Сейчас же его окружили офицеры.

— Бруно Александрович, сильно вас задело? — спросил старший офицер капитан 2-го ранга Дуркин.

— Основательно. Кажется, порвало кишки,— ответил командир, не изменяя своего обычного тона, словно речь шла об отлетевшей с тужурки пуговице.

— Может быть, еще поправитесь,— попробовал его успокоить Дуркин.

Командир поднял голову, но тускнеющие глаза свои направил мимо старшего офицера, словно всматривался за пределы жизни.

— Нет, уж отжил на этом свете.

Когда его уложили на носилки, он, ни к кому не обращаясь, промолвил:

— Я знал, что погибну глупо.

Фитингофа снесли в операционный пункт, помещавшийся в жилой палубе.

Броненосцем стал командовать старший офицер Дуркин.

Приближалась ночь.

Эскадра по сигналу адмирала Небогатова развила ход до двенадцати—тринадцати узлов. «Наварин» не отставал от других судов и успешно отбивал минные атаки. На мостиках и верхней палубе стояли матросы, следя за ночным горизонтом. То и дело слышались тревожные голоса, предупреждающие о приближении противника. Изредка броненосец огненными вспышками взрывал сгустившуюся тьму.

Старший сигнальщик Седов был очень утомлен, хотел спать, но опасность заставляла его бодрствовать. Он все время находился около боевой рубки, почти не отрывая бинокля от глаз. Досадно было, что артиллерия могла пользоваться только дымным порохом и что после каждого выстрела неприятельский миноносец становился невидимым. В девятом часу на мостик прибежал какой-то человек и, столкнувшись впотьмах с Седовым, оторопело спросил:

— Где старший офицер?

Сигнальщик по голосу узнал старшего боцмана.

— В боевой рубке. А для чего он тебе?

Боцман, не ответив Седову, бросился в боевую рубку и торопливо выкрикнул:

— Позвольте, ваше высокоблагородие, доложить!

— В чем дело? — спросил капитан 2-го ранга Дуркин.

— Всю кают-компанию залило водой. Вероятно, от большого хода это случилось. Надо полагать — приспособления в пробоинах не выдержали давления воды.

Дуркин, не задумываясь, приказал:

— Задраить непроницаемые двери!

Боцман не уходил.

— Ну, что еще?

— Надо бы, ваше высокоблагородие, подвести пластыри под пробоины.

— Для этого пришлось бы остановиться и отстать от эскадры. Делай лучше то, что тебе приказано.

— Есть, ваше высокоблагородие! — ответил боцман и побежал вниз.

Вслед за ним по распоряжению старшего офицера отправился вахтенный начальник лейтенант Пухов. Через некоторое время он вернулся на мостик и доложил, что приказание исполнено. Вскоре заметили, что броненосец начинает отставать от эскадры. Старший офицер Дуркин, нагнувшись к переговорной трубе, закричал в машину:

— Полный ход! Дайте самый полный ход!

Он ругал кочегаров, проклинал механиков. Однако, несмотря на его решительный приказ, броненосец не мог поспевать за эскадрой. Передние суда удалялись. На мостик поступило донесение, что погружается корма. Через минуту сообщили из машинного отделения: в носовой кочегарке лопнула паровая магистраль, что заставило выключить из действия три котла. Скорость хода значительно уменьшилась.

Пока «Наварин» шел вместе с эскадрой, неприятельские атаки были мало успешны. Общими силами легче было от них обороняться. Если он почему-либо не замечал приближения миноносцев, то они не могли укрыться от других судов. Для него, стрелявшего дымным порохом, хуже всего было остаться в одиночестве.

Седов слышал, как старший офицер, разгорячившись, кричал в переговорную трубу срывающимся голосом:

— Немедленно исправить паровую трубу! Употребите для этого все средства! Слышите? Я приказываю... я арестую...

Японцы продолжали преследовать броненосец.

Старший артиллерист лейтенант Измайлов командовал:

— Стрелять сегментными снарядами!

Неприятельские миноносцы разделились на два отряда, зашли с обеих сторон «Наварина» и, держась немного впереди, направили на него лучи прожекторов. Этот маневр был предпринят, очевидно, для того, чтобы сбить с толку русских. Цель была достигнута. Офицеры и орудийная прислуга, сосредоточив все свое внимание по сторонам левого и правого бортов, не заметили, как один из миноносцев зашел с кормы. Его увидели лишь тогда, когда он оказался рядом с броненосцем.

— Миноносец под кормой! — вдруг закричали разом несколько человек.

Седов почувствовал, как площадка мостика дернулась из-под его ног,— он полетел кубарем. Ему показалось, что раздвинулось море и заревела сама бездна, потрясая ночь. Одновременно приподнялся броненосец и задрожал, как на рессорах. Какой-то промежуток времени старший сигнальщик лежал неподвижно. И только после того, как вскочил, он снова стал мыслить, различать предметы, слышать крики людей и грохот орудий. На его глазах мичман Верховский, схватив спасательный круг, бросился за борт, увлекая за собою и некоторых матросов.

— Стойте! Что вы делаете? Корабль еще плывет! — громко заорал рулевой Михайлов, стараясь успокоить людей.

— Не авралить! По орудиям! Комендоры, по орудиям! — размахивая руками, громко командовал старший офицер Дуркин.

Постепенно шум стал стихать. Пробили водяную тревогу. Начальству с трудом удалось установить кое-какой порядок и заставить людей занять свои места по судовому расписанию. Начали выяснять повреждения, причиненные миной. Разрушена подводная часть правого борта кормы, но руль и винты действовали исправно. С мостика было отдано распоряжение застопорить машины и подвести пластырь под пробоину.

Командира Фитингофа из операционного пункта перенесли в боевую рубку.

— Напрасно стараетесь,— слабо заговорил он, увидев вокруг себя офицеров.— Часа через два я все равно умру. Себя спасайте, а меня оставьте на корабле.

Седов, оправившись от первого потрясения, пошел на корму посмотреть, что там делается. Больше всего поразило его то, что он не увидел кормы: она по самую двенадцатидюймовую башню погрузилась в море. Волны с тяжелыми всплесками перекатывались через ют. И все же люди старались выручить свой броненосец из бедственного положения. Человек сорок матросов, управляемых несколькими офицерами, возились с двумя тяжелыми брезентовыми пластыря-

ми. При свете переносных электрических лампочек один брезент развернули и, осторожно шагая по заливаемой палубе, потащили к проломленному борту.

— Постарайтесь, братцы, иначе погибнем,— уговаривали офицеры своих подчиненных.

Но матросы и сами понимали это и работали, сколько хватало сил. Один из них сорвался за борт и заорал истошным голосом. В ту же минуту набежала сильная волна, подхватила брезент, а вместе с ним семь или восемь человек. За кормой раздались вопли утопающих. Уцелевшие ничем не могли помочь своим товарищам и безнадежно смотрели во тьму, откуда неслись исступленные крики.

Боцман разразился бранью:

— Ротозеи, черт бы вас подрал!.. Упустили брезент... Монахи, а не матросы.

Седов надоумил:

— Надо бросить им спасательные средства.

Моментально полетели в море койки с пробочными матрацами.

Снова взялись за работу. Но все старания оказались напрасными: смыло волнами еще несколько человек, а пробоина по-прежнему оставалась без подведенного пластыря. Опять начались минные атаки. Пришлось отказаться от предпринятого дела и дать ход вперед.

«Наварин», вздрогнув, словно выходя из задумчивости, двинулся с места и пошел лишь четырехузловым ходом, держа направление к корейскому берегу.

Седов вернулся на мостик и стал наблюдать за действиями японских миноносцев. Каждый раз, когда намечались в темноте их силуэты, замирало сердце. К несчастью, взрыв подорвал в команде всякую уверенность, людьми овладело отчаяние, стрелять стали плохо, почти не целясь, а многие покинули свои пушки. В снастях подвывал ветер, за бортами слышались всплески волн, действуя на душу, как похоронная музыка. Вокруг, угрожая смертью, носились миноносцы, и бесполезно было ждать откуда-либо помощи. Они становились все настойчивей, нападали на броненосец справа и слева, выпускали мины, стреляли из мелких орудий, пулеметов и даже ружей.

По-видимому, они решили во что бы то ни стало покончить с ним.

Седову осколком задело голову. Кровь полилась за ворот рубахи. Он побежал в операционный пункт на перевязку. Но только успел спуститься в жилую палубу, как раздался второй минный взрыв с правого борта, на середине корабля.

Через пробоину могучим напором хлынула внутрь судна вода, мешая свой рев с криками людей, и забурлила по палубам, попадая в кочегарку, пороховые погреба и другие отделения. Электрическое освещение выключилось. В непроглядном мраке метались матросы и офицеры, сталкивались друг с другом и разбивали головы. Многие, блуждая между переборками, не знали, как найти выход. Некоторые проваливались в люки и ломали себе кости. Нельзя было сделать и нескольких шагов, чтобы не попасть в какую-нибудь западню. Вопли отчаяния, подавляя разум, неслись из нижних и верхних помещений и со всех сторон. Казалось, кричал от боли сам корабль.

Седов, чувствуя сухость и горечь в горле, несколько раз падал, прежде чем добрался до выхода. Первый трап он пробежал быстро, а на втором столпилось столько людей, что невозможно было протискаться вперед. Каждый, напрягая последние силы, старался выбежать на верхнюю палубу скорее других. Толкаемые инстинктом самосохранения, все лезли друг на друга, давя и сбивая под ноги слабых, и бились, словно рыба в мотне невода, притоненного к берегу.

— О дьяволы, выходите! — кричали задние на передних, нажимая на них до боли в ребрах, били их по головам кулаками.

— Дайте дорогу! Меня пропустите! Я — офицер! — бешено приказывал кто-то, задыхаясь от навалившихся на него тел, но его никто не слушал.

Седов не мог пробиться к выходу. Казалось, что ему уже не спастись. Неожиданно дерзкая мысль мелькнула в его сознании. Он отступил шага два назад, сделал большой прыжок и, вскочив на плечи товарищей, начал быстро подниматься наверх, хватаясь за их головы. На верхних ступенях трапа его задержали чьи-то руки. Посыпались удары по лицу и бо-

кам, кто-то больно впился зубами в ногу. Собрав последние силы, Седов рванулся вперед с таким порывом, что заставил передние ряды раздвинуться, и сразу оказался на свободе. Он немедленно направился к боевой рубке.

На мостике Седов встретился с рулевым Михайловым, который снабдил его пробочным матрацем. Здесь суетились офицеры и матросы. Обвязывая себя матрацами или пробковыми нагрудниками, запасаясь спасательными кругами, все галдели и не слушали друг друга. Одни из начальствующих лиц предлагали подвести пластырь под новую пробоину, другие — пустить в действие турбины, полагая, что можно еще выкачать воду. Судовой священник, держа в правой руке крест, а в левой — матросскую койку, стоял на коленях и молился вслух темному небу. О спасении капитана 1-го ранга Фитингофа, который лежал в боевой рубке, никто уже не думал. Временно исполняющий обязанности командира Дуркин, приложив рупор к губам, старался перекричать сотни голосов, командуя:

— Приготовиться к спасению! Катера и шлюпки спустить!

«Наварин» кренился на правый борт постепенно. Времени было вполне достаточно, чтобы спустить на воду все паровые катеры, баркасы и шлюпки. Из семисот человек экипажа большинство могло бы на них разместиться. Но на корабле не было порядка. Над людьми, вместо командира, теперь властвовал ужас смерти. Он стер грани между офицерами и матросами, свел на нет чины, ордена, звание, благородное происхождение. Утратили силу все предписания дисциплинарного устава. Поэтому лишь часть команды бросилась приготовлять к спуску шлюпки, но и та, торопясь, делала это неумело. Кто-то перерезал тали, на которых висел паровой катер,— он упал в воду и утонул. Второй такой же катер спустили более осторожно, но на него бросилось столько людей, что и его постигла та же участь.

Седов, обвязав вокруг себя пробочный матрац, стоял на мостике рядом с рулевым Михайловым, готовый в любой момент броситься в море. Знобящая дрожь пробегала по спине от выкриков, доносившихся

с верхней палубы, куда изо всех люков поднимались люди и устремлялись в поиски спасательных средств. Разбирали койки, весла, доски, деревянные крышки от ящиков, анкерки.

«Наварин» еле держался на воде. Крен его достиг таких размеров, что с одного борта орудия спустились в воду, а с противоположного — торчали вверх. Об отражении минных атак нечего было и думать.

Японцы, по-видимому, знали о беспомощности броненосца. Один из миноносцев направился к его левому борту, уже не боясь выстрелов.

Матросы, увидев приближение противника, кричали:

— На нас идет!

— Бей его!

— Прыгай за борт!

Офицеры и матросы посыпались в море, словно сталкиваемые невидимой силой.

Миноносец подошел совсем близко. Было видно, как в его носовой части сверкнул огонек. Это была выпущена мина.

Седов, находясь у левого борта, ухватился за поручни мостика и напряг все тело. Прошли секунды, и вдруг Седов ослеп от пламени, на мгновение разодравшего ночь. Море поднялось выше мачт и сотнями тонн обрушилось на палубу, на мостик и на плечи сигнальщика. Он торопливо пополз на четвереньках по левому борту опрокидывающегося судна, стараясь скорее попасть на его днище. Он мельком увидел, как этим же бортом были накрыты две шлюпки, уже спущенные на воду и наполненные людьми. Броненосец, погружаясь и булькая, закружил волны и потянул за собою Седова. Но пробковый матрац выбросил его обратно.

Очутившись среди живой барахтающейся массы, он спешил отплыть от нее.

С потонувшего броненосца всплывали бревна, доски, деревянные ящики. За них хваталась команда. Но они, разбрасываемые волнами, многих калечили.

Неприятельские миноносцы, уходя, не спасли ни одного человека. Предстояло пережить ночь, страшную, бессмысленно жестокую, бесконечно долгую. Пережить ее надо было в воде, качаясь на волнах, плы-

вя без цели и без надежды. Над пловцами висела угрюмая тьма. Ни ум, ни отвага, ни другие личные качества человека не могли уже выручить его из беды. И люди, терзаемые страданиями, дрожали от холода, изнемогали, задыхались.

Когда рассвело, Седов оказался в соседстве не только с живыми товарищами, но и с мертвецами. Какой-то матрос, голова которого была расплющена бревнами, плавал на пробковом нагруднике. Некоторые затягивали вокруг себя матрацы слишком низко и, попав в воду, перевертывались вниз головой. То в одном месте, то в другом торчали над качающейся зыбью человеческие ноги. До войны начальство никогда не заботилось о том, чтобы научить свою команду, как нужно пользоваться спасательными средствами.

Не много радости принес народившийся день: кругом, кроме неба, очистившегося от облаков, и необозримого моря, блестевшего под косыми солнечными лучами, ничего не было видно. Около Седова в живых осталось человек тридцать. Они по возможности старались не отплывать далеко друг от друга.

Среди них был лейтенант Пухов, который высовывался из спасательного круга, словно из толстого обруча. Поодаль пять матросов держались за опрокинутый ящик из-под такелажа.

Часов в восемь увидели на горизонте какое-то приближающееся судно. Это оказался японский миноносец. Все обрадовались, ожидая от него спасения, и начали кричать ему. Но он прошел мимо в двух-трех кабельтовых от них. Японцы, удаляясь, смотрели на погибающих людей в бинокли. Русские моряки долго провожали обезумевшими глазами удаляющийся миноносец.

Один из матросов, державшийся на опоясанном матраце, сошел с ума. Он подплыл к лейтенанту Пухову и, вцепившись сзади в шею, начал топить его. Перепуганный офицер, захлебываясь, взмолился:

— Пусти! Что я тебе сделал?..

Матрос дико завизжал. Пухов беспомощно защищался. Седов пожалел лейтенанта, отличавшегося от других офицеров своей добротой, приблизился к нему и отбил его от матроса. Этот матрос тут же по-

гиб: волною опрокинуло его вниз головою. Одна нога у него была в сапоге, другая — босая, с кривыми пальцами. Он подергал в воздухе ногами и затих.

Недолго прожил и лейтенант Пухов: он странно замахал руками, как будто кого отгоняя, проговорил несколько бессвязных слов и беспомощно свесил голову.

Седов подплыл к такелажному ящику, за который держались пять матросов, и тоже ухватился за него. Товарищи по несчастью, усталые, с посиневшими лицами, с глазами, выкатившимися из орбит, хрипло взывали о спасении, хотя и видели, что вокруг не было никого, кто бы мог оказать им помощь. Одни из них ругались, другие молились.

Солнце медленно поднималось к полудню. Один за другим матросы срывались с ящика и тонули. Те, у которых были подвязаны матрацы или нагрудники, умирали от холода, но продолжали плавать, безмолвные, с искаженными лицами. Руки одного трупа так крепко застыли на шее другого, что волны не могли разъединить их.

Часам к четырем Седов остался один среди мертвецов, чувствуя, что и ему приходит конец. Две ночи, проведенные без сна, в напряженной работе и постоянном страхе за жизнь, окончательно надломили его сильный организм. Застывая от холода, он даже перестал ощущать страдания. Голова, мутная и тяжелая, словно налитая свинцом, склонялась на грудь, веки смыкались. Он делал усилия, чтобы не заснуть, и, не переставая надеяться на помощь, смотрел в зияющую пустоту морской шири. Над головой, издавая звуки, похожие то на пронзительные жалобы, то на хрипящий хохот, летали чайки. Одна из них, ослепительно-белая, села на торчащее из воды колено мертвеца и удивленно уставилась черными в красных ободках глазами на Седова, словно ожидая его гибели. Порою ему казалось, что качается солнце и опрокидывается небо, а сам он куда-то стремительно летит; то будто какое-то чудовище хватает его за ноги и тянет ко дну. Он метался, вернее делал слабые конвульсивные движения, сознавая, что жизнь от него уходит. И в то время, когда все силы были по-

трачены, когда в мозгу едва мерцала мысль, взор Седова случайно остановился на серой дымящейся точке. Приближаясь, она быстро увеличивалась, словно распухала. Сразу по-иному забилось сердце. Воздух, обжигая легкие, полыхнул нестерпимым жаром. В голове загудело, как будто заработали сотни турбин. Перед глазами рассыпался сноп разноцветных звезд, и в этом звездопаде бешено запрыгало огромное изумрудное солнце. И вдруг словно сменилась театральная декорация: до самого горизонта распахнулись луга. В зеленом просторе полей, по колеблющимся травам, густо дымя, шел «Наварин». Разве броненосец не утонул? И почему у него только три трубы? Седов старался вспомнить — и не мог. Стало страшно: броненосец, приближаясь, шел прямо на него. Он поднял руки, как будто защищаясь от наваждения, и захрипел:

– Спасите... Спасите...

Какие-то люди подхватили Седова, раздевали и ворочали его, а он искал глазами среди них своих товарищей с «Наварина» и не понимал, что находится на палубе японского миноносца [45].

7. УТРАЧЕННУЮ ЧЕСТЬ НЕ ВЕРНЕШЬ

Отрядом крейсеров 2-й эскадры командовал контр-адмирал Оскар Адольфович Энквист. Какими соображениями руководствовалось морское министерство, назначая его на такой ответственный пост, никому не было известно. Очевидно, выбор пал на него только потому, что он имел представительную внешность: коренастый, широкоплечий, с раскидистой седой бородой. Во время похода эскадры старик часто показывался на мостике в круглом белом шлеме, в белых брюках и в белом, похожем на просторную кофту кителе. Если бы не золотые пуговицы и не золотые погоны с черными орлами, никто из посторонних не мог бы признать в нем адмирала русского флота. Походкой, манерой держаться и говорить Энквист напоминал доброго помещика, любимого своими служащими и рабами за то, что он тихого нрава, ни во что не вмешивается и неумен. При таком бари-

не его крепостным жилось лучше, чем у соседних господ.

На 2-й эскадре его звали «Плантатор».

С 1895 по 1899 год он был командиром крейсера 1-го ранга «Герцог Эдинбургский». На этом учебном судне, ходившем под парусами, подготовлялись строевые квартирмейстеры. Таким образом, из Энквиста выработался типичный марсофлотец. Раньше он не только никогда не командовал отрядом боевых судов, но и не плавал на новейших броненосцах или крейсерах, снабженных усовершенствованной техникой. До русско-японской войны он служил градоначальником в городе Николаеве. Высшее начальство сняло его с этой должности и поручило ему вести корабли в бой, чтобы овладеть Японским морем и решить участь всей войны. Неуверенный, во всем сомневающийся, безвольный, он, когда отдавал какое-нибудь распоряжение своим помощникам, сейчас же вставлял свою любимую поговорку:

— А хорошо ли будет?

В таких случаях его всегда выручал старший флаг-офицер, лейтенант фон Ден, отвечая:

— Должно получиться отлично, ваше превосходительство.

Старший флаг-офицер, умный и выдержанный аристократ, пользовался во флоте большим влиянием. Энквист всегда соглашался со всеми его предложениями. Пока адмирал во время похода 2-й эскадры плавал на крейсерах «Алмаз» и «Нахимов», фактически командовал отрядом фон Ден.

Начиная с бухты Ван-Фонг, когда Энквист перенес свой флаг на «Олег», на все дела отряда стал сильно влиять командир этого крейсера капитан 1-го ранга Добротворский. Это был офицер громадного роста, сильный, с раздувшимся, как резиновый шар, лицом, буйно заросшим черной с проседью бородой. Властолюбивый и самоуверенный, он считал себя знатоком современного военно-морского дела и не терпел возражений. Фон Ден растерялся перед ним, а Энквист всецело подчинился ему. Молодые офицеры острили по этому поводу:

— Добротворский ворочает адмиральским мнением, как рулевой кораблем.

В молодости своей Добротворский был близок к революционным кружкам, но прошлые красные убеждения его постепенно бледнели, как выцветает с течением времени кумачовая материя. Он стал заботиться только о своей карьере. Но в то же время офицеры считали его либералом. Он никогда не был доволен установившимися морскими традициями и подвергал их жестокой критике. Но он был несправедлив, когда говорил о вверенном ему крейсере «Олег», отличавшемся хорошими морскими и боевыми качествами:

— Только глупая голова могла допустить такой тип судна. Он годен не для сражения, а для разведочной службы и уничтожения неприятельской торговли. Шестидюймовые орудия находятся или в броневых башнях, или в броневых казематах. Прекрасно! А борта корпуса совершенно не защищены броней. О подобных крейсерах можно сказать: руки в перчатках, а тело голое.

За свою наружность Добротворский получил во флоте прозвище «Слон».

Офицеры отряда крейсеров, говоря об Энквисте, смеялись:

— Наш Плантатор начал свое хозяйство с того, что завел себе Слона.

Совещаний с командирами крейсеров адмирал не устраивал. Да и о чем с ними можно было бы говорить? Голова его не была приспособлена для того, чтобы придумать или изобрести для них что-нибудь новое в смысле военном, а директив от командующего эскадрой он сам не имел. Поэтому корабли отряда посещались им лишь в исключительных случаях. При таких условиях никакой внутренней связи, необходимой для успеха дела, у Энквиста с отрядом не было. Он был популярен, как веселый анекдот.

Так тихо и скромно, никому не мешая, как не мешает икона с изображением покровительствующего морякам Николая-угодника, Энквист добрался со своим отрядом до Цусимского пролива.

По инструкции Рожественского, данной задолго до сражения, наши крейсеры при встрече с японским флотом должны были выполнять обязанности: «Изумруд» и «Жемчуг» охраняют свои броненосцы от мин-

ных атак, разведочный отряд — «Светлана» (под брейдвымпелом капитана 1-го ранга Шеина), «Урал» и «Алмаз» — защищают транспорты; «Олег» (под флагом контр-адмирала Энквиста), «Аврора», «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах» также защищают транспорты и в случае надобности действуют самостоятельно, помогая главным нашим силам. Но 13 мая Рожественский распорядился, чтобы «Донской» и «Мономах» состояли только при транспортах. В распоряжении Энквиста для самостоятельных действий остались всего два крейсера. Эти крейсеры и все остальные суда имели предписание держаться в бою на стороне броненосцев, противоположной противнику, вне перелетов его снарядов.

В день сражения, 14 мая, когда начали появляться на горизонте неприятельские разведочные корабли, Энквист находился на мостике. Смотря на них, адмирал обратился к своим помощникам:

— Конечно, нам следовало бы эти разведочные суда прогнать, а еще лучше — утопить их. Но хорошо ли будет, если мы это сделаем без приказания начальника эскадры?

Добротворский согласился с ним и добавил:

— Да, он, наверное, не одобрит такого действия. Может быть, у него имеются особые планы. Нам ничего не известно. Поэтому своим самостоятельным движением мы можем принести только вред его замыслам.

Когда слева появились главные силы противника, наши крейсеры и транспорты по сигналу Рожественского увеличили ход и перешли на правую сторону колонны броненосцев. Впереди транспортов стали «Олег» и «Аврора», в хвосте — разведочный отряд, слева — «Донской», справа — «Мономах». Началось сражение главных сил.

С востока приблизился кабельтовых на сорок японский легкий крейсер «Идзуми» и открыл стрельбу по транспортам. Но под действием русского огня он скоро удалился. Через полчаса с «Олега» увидели, что с юга направляются к транспортам, догоняя их, третий и четвертый боевые отряды противника. В состав этих отрядов входили бронепалубные крейсеры: «Касаги» (под флагом вице-адмирала Дева),

«Читозе», «Отава» и «Нийтака»; затем — «Нанива» (под флагом вице-адмирала Уриу), «Токачихо», «Акаси» и «Цусима». Они открыли огонь по нашим концевым транспортам и крейсерам.

— Надо выручать своих,— промолвил контр-адмирал Энквист.

Но Добротворский и без него уже сделал соответствующее распоряжение. «Олег» повернул в сторону японцев. За ним пошли «Аврора», «Донской» и «Мономах».

— А хорошо ли будет? — задал свой обычный вопрос Энквист.

— Это потом увидим,— недовольно ответил Добротворский.

С противником сражались на контркурсах, на расстоянии, не превышавшем тридцати кабельтовых. Здесь японские суда стреляли не так метко, как главные их силы. Вскоре противник повернул и продолжал бой на параллельных курсах. К месту сражения подошел пятый боевой отряд: «Ицукусима» (под флагом вице-адмирала Катаоко), «Чин-Иен», «Мацусима» и «Хасидате», а немного позже — шестой отряд: «Сума» (под флагом контр-адмирала Того-младшего), «Чиода», «Акицусима» и «Идзуми». Неприятельские силы удвоились. С этого момента русские стали нести жестокое поражение. Транспорты кучей шарахались во все стороны. Крейсеры, избегая столкновения с ними, все время меняли курс. Движения судов настолько были запутаны, что если бы их пути изобразить чертежами на бумаге, то получились бы удивительные узлы и петли.

Пока среди транспортов и крейсеров происходило смятение, колонна броненосцев значительно ушла вперед. В стороне от них плыл флагманский корабль «Суворов». Отзывчивый Энквист, увидев его, распорядился направить «Олега» и «Аврору» к нему на помощь. Это было первое решительное действие адмирала. Но когда сближались с «Суворовым», то заметили, что к нему подходят свои броненосцы. «Олег» и «Аврора» повернули обратно к транспортам. За этими двумя крейсерами увязались «Изумруд» и «Жемчуг», до сих пор находившиеся около броненосцев.

Четыре неприятельских боевых отряда, имея явное преимущество на своей стороне, энергично обстреливали русские транспорты и крейсеры. «Олег» и «Аврора» получили по нескольку пробоин у ватерлинии, и некоторые их отделения были затоплены водой. Особенно опасно было положение «Олега». В его правый борт попал неприятельский снаряд и перебил проволочные тросы подъемной тележки с боевыми патронами. Она с грохотом рухнула вниз. В патронном погребе начался пожар. Подносчики снарядов с воплем бросились из погреба к выходу. Наверху каждый был занят своим делом, никто и не подозревал, что крейсер повис над пропастью. Он мог в один момент взлететь на воздух; но его случайно спасли два человека. Рядом с горевшим погребом находился центральный боевой пост. Оттуда сквозь отверстия заклепок, выбитых в переборке, рулевой боцманмат Магдалинский заметил красные отблески. Он застыл от ужаса, понимая, что всем им грозит гибель. В следующую секунду, словно подброшенный вихрем, он ринулся в жилую палубу. Как будто ток высокого напряжения сотрясал его руки, державшие шланг. Хрипели стремительные струи воды, направленные на очаг огня. На помощь рулевому боцману прибежал с поста гальванер. Не замечая его, Магдалинский с исступлением косил водой огненные снопы пожара. Пламя утихало, из люка поднимались клубы пара. «Олег» был спасен от взрыва и продолжал стрельбу. Вернувшись на центральный пост, Магдалинский сказал гальванеру:

— Значит, живем еще.

В «Жемчуг» попало несколько случайных снарядов еще раньше, когда он находился около главных сил. «Светлана» села носом, но продолжала поддерживать огонь. Русские крейсеры, действуя разрозненно, без определенного плана, толпились на одном месте, как будто никогда и не были военными кораблями. Создавалось впечатление полной неразберихи. «Урал» навалился носом на корму «Жемчуга», помял ему лопасти правого винта и разломал заряженный минный аппарат. Мина упала в воду, но не взорвалась. Вскоре «Урал» был настолько поврежден сна-

рядами, что поднял сигнал о бедствии: «Имею пробоину, которую не могу заделать своими средствами». Спасением людей с этого судна занялись буксирные пароходы «Русь» и «Свирь» и транспорт «Анадырь». Японцы продолжали их обстреливать. В суматохе, под градом падающих снарядов, «Анадырь» протаранил борт «Руси», и она быстро погрузилась на дно. Ее экипаж успел перебраться на «Свирь». Плавучая мастерская «Камчатка», получив повреждение в рулевом приводе, лишилась способности управляться[46]. «Урал», раньше времени покинутый экипажем, еще более двух часов качался на волнах и не тонул. Если бы японцы знали это, они могли бы взять его на буксир и привести в свою ближайшую базу. Но они и не подозревали, что на нем не осталось ни одного человека. Этот крейсер был потоплен случайно проходившими мимо главными силами противника.

При таких условиях русские крейсеры и транспорты были обречены на гибель, если бы случайно не подошли к ним свои броненосцы. Главные силы противника потеряли их, и они, направляясь на юг, прошли между своими крейсерами и японскими. В это время существенно пострадал противник. «Касаги» под конвоем «Читозе» удалился с места сражения. Вышел из строя «Мацусима» и не мог присоединиться к своему отряду до темноты. Получили повреждения «Токачихо» и «Нанива».

Около шести часов японские крейсеры вышли из боя и скрылись в юго-западном направлении.

Русские броненосцы снова повернули на север и снова встретились с главными неприятельскими силами. Это был последний час артиллерийской дуэли. Позади своих броненосцев, слева, кабельтовых в тридцати, держались наши крейсеры. Не имея около себя противника, они успели оправиться и по сигналу Энквиста выстроились в кильватерную линию, по сторонам которой нелепо расположились транспорты. Слева, поодаль, собрались миноносцы. Один из них, «Безупречный», полным ходом пронесся к концевым броненосцам, держа на мачте сигнал: «Адмирал Рожественский передает командование адмиралу Небогатову. Идти во Владивосток». Этот сигнал отрепетовал «Олег» и другие крейсеры.

При заходе солнца, когда главные неприятельские силы удалялись к своим берегам, на горизонте показались отряды японских миноносцев. Наши броненосцы, теряя строй, бросились от них влево и пошли на юг. Крейсеры, миноносцы и транспорты тоже повернули на шестнадцать румбов и оказались впереди броненосцев. Быстро темнело. Начались минные атаки. Наступил момент, когда главные наши силы больше всего нуждались в помощи крейсеров. Если они днем не принесли никакой пользы ни транспортам, ни броненосцам, то хотя бы теперь должны были проявить себя. Но еще во время пути на Дальний Восток мы все, начиная с командующего эскадрой и кончая последним матросом, были уверены в том, что для нас опасны не столько артиллерийские бои, сколько минные атаки. Сказалось это и теперь. По распоряжению командира Добротворского, «Олег», находясь головным, дал полный ход. За флагманским кораблем могли поспеть только «Аврора» и «Жемчуг». Крейсеры «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах» и подбитая, с сильным дифферентом на нос «Светлана» быстро стали отставать. «Изумруд» вернулся к своим броненосцам. «Алмаз» помчался к японским берегам, рассчитывая, что вблизи них безопаснее следовать во Владивосток. В разные стороны направились миноносцы и транспорты. С наступлением темноты эскадра перестала существовать, разбившись на отдельные самостоятельные отряды и единицы.

«Олег» развил ход до восемнадцати узлов, оставляя позади себя грохот канонады. В темноте трудно было разобрать, кто в кого стреляет. По временам появлялись вблизи неприятельские миноносцы и пускали мины. Крейсер спасался от них перекладыванием руля с борта на борт.

Энквист беспокоился:

— Мы развили такой сильный ход, что можем разлучиться с броненосцами. Хорошо ли это будет?

Добротворский уверенно ответил:

— Иначе, ваше превосходительство, японцы нас взорвут. Мы должны принимать атаку не бортами, а кормой, чтобы струей и водоворотами отбрасывать мины. Этого требует морская тактика.

Адмирал согласился с ним и на время замолчал. А когда ночь перестала грохотать орудиями, он снова заговорил:

— Надо бы нам повернуть обратно. Как вы думаете?

Добротворский возразил:

— Мы можем встретиться со своими броненосцами. Ведь они идут позади одним с нами курсом. В темноте они примут нас за неприятеля. Достаточно нескольких снарядов, чтобы уничтожить наш картонный крейсер.

Однако адмирал не мог примириться с доводами командира и становился все настойчивее. Боевой приказ, гласивший, что все суда должны пробиваться во Владивосток, не выходил у него из головы. Командиру пришлось подчиниться ему. За вечер отряд крейсеров дважды пытался повернуть на север, но каждый раз натыкался на неприятельские миноносцы. Около девяти часов перед ним засверкали десятки разбросанных огней, принадлежавших, вероятно, рыбачьим судам.

— Вся японская эскадра преследует нас,— тревожно заговорили на мостике.

После этого твердо решили идти на юг. Но адмирал был недоволен таким решением и продолжал сокрушаться. Добротворский успокаивал его:

— Собственно говоря, зачем нам идти во Владивосток? Будучи еще в Камранге, я слышал, что он отрезан с суши японцами. Кроме того, в приказе Рожественского прямо сказано, что пробиваться на север мы должны только соединенными силами. Мы не имеем права нарушить этот приказ. Наконец, ваше превосходительство, вы сами видели, что эскадра повернула на юг. С гибелью нескольких броненосцев прорыв во Владивосток потерял всякий смысл. Очевидно, эскадра отступает в Шанхай, где остались шесть наших транспортов. А те корабли, которые вздумают самостоятельно пробиваться на север, будут уничтожены. Это для меня не подлежит никакому сомнению. А раз так, то лучше интернироваться в нейтральном порту, чем губить остатки нашего флота.

Энквист вздохнул и ничего не сказал.

Под утро «Олег» уменьшил ход до пятнадцати узлов. Минные атаки прекратились. Внутри крейсера происходили работы по заделыванию пробоин в корпусе и выкачиванию воды из помещений.

На рассвете 15 мая увидели, что с «Олегом» оказались лишь «Аврора» и «Жемчуг». На горизонте не замечалось ни одного дымка. Чтобы сэкономить уголь, убавили ход до десяти узлов.

Начали выяснять, сколько вышло из строя людей: на трех крейсерах убиты тридцать два и ранены сто тридцать два человека.

В полдень адмирал перенес свой флаг на «Аврору» и перевел туда свой штаб, состоявший из флагманского штурмана де Ливрона, старшего флаг-офицера фон Дена и младшего — Зарина, нескольких сигнальщиков и вестовых. Энквист решил взять крейсер под свое командование, так как командир «Авроры» капитан 1-го ранга Егорьев был убит, а заменивший его старший офицер Небольсин тяжело ранен.

В три часа легли на курс зюйд-вест 48° и пошли восьмиузловым ходом, направляясь в Шанхай.

Больше адмирал ни разу не задавал своего обычного вопроса: «А хорошо ли это будет?» Наоборот, он успокаивал себя и своих подчиненных:

— Возможно, что завтра эскадра догонит нас. Мы не идем, а ползем. А она, наверное, развила ход не меньше двенадцати узлов.

Утром 16 мая адмиралу доложили, что сзади, на горизонте, показался какой-то небольшой пароход. Вскоре выяснилось, что это идет в Шанхай «Свирь». Крейсерский отряд застопорил машины. Часов в девять утра пароход приблизился к «Авроре». Энквист, находясь на мостике, схватил рупор и, приложив его к губам, крикнул на «Свирь»:

— Капитан! Где наша эскадра и что с нею?

Ему громко и отчетливо ответил лейтенант Ширинский-Шахматов, снятый с погибшего «Урала»:

— Вам, ваше превосходительство, лучше знать, где наша эскадра!

Энквист беспомощно опустил рупор и покраснел. Он понял, что офицеры смотрят на него, как на дезертира, убежавшего с поля сражения. Смущенный, ни на кого не глядя, он тихо распорядился:

— Пусть «Свирь» идет в Шанхай и оттуда вышлет нам транспорт с углем. Мы направимся с отрядом в Манилу. Американские власти отнесутся к нам лучше, чем китайские: мы исправим повреждения, не разоружаясь.

Адмирал сошел с мостика и заперся в своей каюте.

Отряд крейсеров дал экономический ход и взял курс к Филиппинским островам.

Через трое суток, вечером, когда находились около Люцона, самого большого острова из Филиппинского архипелага, встретился немецкий пароход. Он сообщил сигналом, что видел русский вспомогательный крейсер «Днепр» в широте 19° нордовой и долготе 120° остовой. С «Авроры» поблагодарили пароход за данные сведения и продолжали путь.

20 мая завернули в порт Суал, но в нем не оказалось ни угля, ни провизии, ни мастерских. Порт был заброшен американцами. Пошли дальше. На следующий день в ста милях от Манилы открыли по курсу пять дымков. Потом показались суда, шедшие навстречу кильватерной колонной. Это были военные корабли. Неужели японцы догадались, куда направился отряд русских крейсеров, и решили истребить эти жалкие остатки 2-й эскадры?

Весть о приближении неприятеля моментально облетела весь экипаж «Авроры». Что могут поделать три избитых корабля против пяти? Бегством также нельзя спастись, потому что уголь на крейсерах был на исходе. У матросов и офицеров был такой вид, как будто их долго трепала тропическая малярия.

С того часа, как «Аврора» встретилась со «Свирью», адмирал Энквист все время проводил у себя в каюте. Он не знал, что неприятельскими минами были утоплены четыре русских корабля: «Владимир Мономах», «Адмирал Нахимов», «Сисой Великий» и «Наварин». Но ему, вероятно, приходила мысль, что от ночных атак часть эскадры, несомненно, погибла. А он бросил свои суда в самый критический момент и удрал, чтобы самому не подвергнуться опасности. Он изменил родине, наградившей его чинами и орденами. До Цусимы ему везло: попадались хорошие по-

мощники, благодаря которым он выдвигался вперед и считался в глазах высшей власти лучшим адмиралом. А тут судьба свела его с Добротворским. Это он во всем виноват. Энквист терзался в одиночестве, не выходя из своей каюты и ни с кем не разговаривая.

Когда ему доложили, что навстречу идет японская эскадра, он как будто обрадовался. Быстро и легко шагая, он поднялся на мостик. На седобородом похудевшем лице адмирала появилось незнакомое подчиненным выражение решимости. Он взял бинокль и посмотрел вперед. Надвигающаяся катастрофа не смутила его. Он молодцевато повернулся к своим помощникам и властно, чего никогда с ним не бывало, отдал распоряжение:

— Свистать всех наверх!

Полубак «Авроры» быстро заполнился людьми. Адмирал, не сходя с мостика, выступил перед ними с речью. Он говорил с таким вдохновением, какого никто от него не ожидал. С каждым словом, произнесенным им, вздрагивала его длинная седая борода. Матросы и офицеры, вслушиваясь в речь своего начальника, тоскливо оглядывались: не для них сияло утреннее небо и широко распласталось тропическое море, не для них волнисто протянулся в синюю даль остров Люцон, напоминающий о земле и безопасности. От сознания близости гибели обескровились их лица и помутнели глаза. Энквист же, несмотря на безнадежность положения, продолжал призывать всех к мужеству:

— Дерзкий враг преследует нас даже в нейтральных водах американских владений. Ну что же? Если нельзя избежать боя, то мы примем его, как подобает доблестным воинам. Умрем с честью за родину, но достанется от нас и японцам. Мы будем, не жалея себя, сражаться, пока не израсходуем все снаряды. Больше того! Мы сцепимся с кораблями неприятеля на абордаж! Да, на абордаж!

Последние слова он выкрикнул, вложив в них всю страсть наболевшей души, и для чего-то правой рукой описал в воздухе широкий полукруг.

Младший штурман мичман Эймонт негромко сострил:

— Слава тебе, представителю парусного флота.

Адмирал браво откинул голову и приказал:

— Бить боевую тревогу!

Под звуки горна и барабана люди разошлись по местам. Наступила напряженная тишина. Только на мостике офицеры, глядя на приближающиеся корабли, вполголоса разговаривали с адмиралом:

— Похожи на броненосные крейсеры, ваше превосходительство.

— Вероятно, сам Камимура идет на нас.

— Но почему же он не открывает огня?

Сигнальщик, находившийся для наблюдений на формарсе, неожиданно выкрикнул фальцетом, как молодой петух:

— Это не японцы идут!

Через минуту старший флаг-офицер фон Ден точно определил: навстречу шла американская эскадра под флагом вице-адмирала. На мостике заговорили громче. По всему кораблю, до самых нижних помещений, разлилась необыкновенная радость. На «Авроре» пробили отбой. Вместо ожидаемого сражения та и другая сторона обменялись орудийными салютами. Дружественная эскадра сделала поворот на шестнадцать румбов и пошла вместе с отрядом русских крейсеров, держась на их траверзе, но значительно мористее. Как впоследствии выяснилось, американцы, узнав из телеграфных сообщений, что к Филиппинам приблизились остатки русского флота, нарочно выслали две броненосца и три крейсера, чтобы взять их под свою защиту в случае появления японцев в нейтральных водах.

Один только Энквист не разделял общей радости. Он как-то сразу обмяк и нахмурился, опять превратившись из адмирала в Плантатора. Нетрудно было догадаться, что у него не хватало сил покончить с собою, но он честно приготовился подставить грудь под японские снаряды, надеясь этим вернуть утраченную честь. Ожидание не оправдалось. Вскоре он сошел вниз, чтобы в одиночестве переживать терзания нарушенной совести.

К вечеру отряд русских крейсеров, сопровождаемый американской эскадрой, вошел в Манильскую бухту и стал на якорь [47].

8. КОРАБЛЬ НЕ ПО НАЗНАЧЕНИЮ

Среди кораблей 2-й эскадры один особенно отличался красивой осанкой корпуса, роскошной отделкой внутренних помещений и чистотой. Это был крейсер 1-го ранга «Светлана». Она строилась на французской верфи и предназначалась исполнять роль вооруженной яхты для великого князя генерал-адмирала Алексея Александровича. Строители ее мало обращали внимания на то, чтобы она была сильной в боевом отношении. Им и в голову не приходило, что когда-нибудь ей придется участвовать в сражении. Поэтому главной их заботой было создать всякие удобства для высокого лица и его близких. И только после того как она лет шесть проплавала, ее стали в начале войны довооружать артиллерией. На ней уже имелось шесть шестидюймовых орудий. К ним прибавили еще четыре 75-миллиметровых пушки и четыре 47-миллиметровых и устроили для них погреба.

Несмотря на переоборудование, «Светлана» не превратилась в хорошее боевое судно. Она, включенная в состав 2-й эскадры, продолжала оставаться яхтой. На ней сохранились и все яхтинские традиции. Несколько тысяч миль прошли от родных берегов, а на этой трехтрубной красавице все надстройки на верхней палубе, внутренние лабиринты и роскошные каюты блистали безукоризненной чистотой. На это тратили матросы невероятные усилия. При погрузках угля пыль от него, облаком застилавшая корабль, каждый раз черной пудрой ложилась на фешенебельной отделке кают. Ничто не могло остановить начальство в требованиях наведения лоска — ни военное время, ни океанские штормы, ни трудности похода, ни тропическая жара. Каждый день на «Светлане» драили медные части, мыли переборки с мылом и содой, натирали палубы песком, скребли и подкрашивали разные части, словно готовились к высочайшему смотру. Особенно старались навести чистоту в великокняжеских каютах и салоне, отличавшихся великолепием отделки.

Матросы ворчали:

— Идем на войну, а точно горничные убираем здесь барские хоромы.

— Чтобы сдохнуть тому, для кого эти светелки понастроили.

По кораблю носился боцман Вешков, черноволосый крикун, среднего роста, с прямой походкой. Зычный голос его слышался то на носу, то на корме, то во внутренних помещениях судна. Он был неистощим в ругани и щедр на кулаки. Бил он только по голове, чтобы не оставлять никаких следов на теле, и удары его были рассчитаны на полсилу — иначе редкий матрос мог бы устоять перед ним.

Обходил судно и еще один человек в чине капитана 2-го ранга. Сухой и подобранный, он наблюдал за работой с такой заботливостью, точно находился в собственном имении. Матросы, еще издали завидев черную бородку, аксельбанты и сдвинутую на затылок фуражку, начинали усерднее работать. Они хорошо знали своего старшего офицера Зурова и сразу могли определить его настроение. Будучи чем-нибудь недоволен, он на ходу подковыривал большим оттопыренным пальцем правой руки воздух, словно кочедыком. Когда-то его назначали в гвардейский экипаж, но он отказался от блестящей карьеры. Ему хотелось быть настоящим моряком, а не «паточником», как называли приближенных к дворцовым сферам. И все же он, сын генерал-лейтенанта, не избавился от этих сфер, зачисленный в адъютанты к великому князю Алексею Александровичу. Но от этого у Зурова не пропала любовь к морю. Долг службы у него был на первом месте. Взыскательный к себе, готовый, если потребуется, умереть за свой флот, он требовал этого и от других. Он был убежден, что власть ему дана недаром, что все распоряжения его святы и нерушимы и что матросов, хотя бы совершивших малейший проступок, нельзя оставлять безнаказанными. Фамилии провинившихся матросов он записывал на белых, как снег, накрахмаленных манжетах, потом призывал «грешников» к себе и определял им наказания:

— Ты, чертова перечница, станешь под ружье на два часа. А ты, чертова перечница, сядешь в карцер на пять суток.

Вообще у Зурова на все выработались свои очень устойчивые взгляды, и в них он верил, как в таблицу умножения. Свой корабль он содержал в такой чисто-

те, что ни одна соринка не могла быть незамеченной, и за нее, за эту соринку, всегда кто-нибудь страдал.

Однажды во время стоянки у Мадагаскара «Светлану» посетил адмирал Рожественский. Он был поражен яхтинской опрятностью. Он уехал в полном восторге от приятных впечатлений. После этого по всей эскадре был разослан его приказ от 23 февраля 1905 г. за № 129:

«Предписываю старшим офицерам и старшим артиллеристам судов эскадры завтра, 24 февраля, собраться к 8 ч. 30 м. утра на крейсер 1-го ранга «Светлана» для изучения устройства защит от осколков и добавочного блиндирования элеваторов.

На крейсере «Светлана» устройства эти не только целесообразны, но и нарядны. А последнее чрезвычайно важно: из двух кораблей, снабженных одинаковыми средствами атаки и обороны и несущих одинаковую службу, нарядный несравненно сильнее заскорузлого, ибо нарядный подробно досмотрен своим личным составом и знаком ему в совершенстве, а заскорузлый, наверное, неведом большинству офицеров и команды.

Прошу командира крейсера 1-го ранга «Светлана» познакомить старших офицеров и с порядками, обеспечивающими приличный вид корабля».

На основании этого приказа офицеры побывали на «Светлане», осмотрели ее, выпили в кают-компании и разъехались по своим судам. Но и после этого ни на одном корабле порядки нисколько не изменились. А старший офицер броненосца «Орел» капитан 2-го ранга Сидоров, делясь впечатлениями со своими офицерами, ехидничал:

— Ничего особенного. Как она была яхтой, так и осталась таковой. У нас на броненосце защита надежнее устроена, но не так красива. Уличные девки тоже бывают нарядные. Значит ли это, что они лучше скромно одетых, но честных женщин?

Во время похода к «Светлане» прибавили еще одну бывшую яхту наместника Дальнего Востока адмирала Алексеева — крейсер 2-го ранга «Алмаз» и вспомогательный крейсер «Урал» и назвали все эти три судна разведочным отрядом. Других обязанностей они и не могли нести. «Алмаз» был вооружен

двенадцатью мелкокалиберными пушками. «Урал», переделанный из полупассажирского парохода во вспомогательный крейсер, был величиной почти равен броненосцу — десять тысяч пятьсот тонн водоизмещением. Но эта железная громада, издалека грозная по внешнему виду, имела всего лишь две шестидюймовых пушки. Это сводило к нулю боевое значение такого большого корабля, который мог быть только хорошей мишенью для неприятельских снарядов. Любой миноносец из 2-й эскадры, водоизмещением в тридцать раз меньше, был в боевом отношении более ценным, чем «Урал». Перед другими судами эскадры у него было единственное преимущество — это мощный беспроволочный телеграф, какого не было ни на одном корабле у японцев. Но и это преимущество Рожественский не использовал как следует, не разрешив ему перебивать телеграммы с разведочных японских судов.

Разведочный отряд возглавляла «Светлана». На ее мачте развевался брейд-вымпел капитана 1-го ранга Шеина. Но этому отряду ни разу не поручалось не только глубокой, но и вообще никакой разведки. Он держался от эскадры не дальше видимости флажных сигналов. Получалось, что подобные корабли были включены в состав 2-й эскадры только для счета, чтобы увеличить число ее вымпелов.

Так «Светлана», сохранив яхтинские традиции, дошла до Цусимы, чистенькая, сияющая блеском роскошных внутренних помещений. В день боя разведочный отряд, возглавляемый ею, казалось бы, больше всего должен был проявить себя. На нем лежала обязанность раньше других разглядеть противника и вовремя донести о нем. Так делали японцы, такое поручение дал бы разведочному отряду каждый разумный командующий эскадрой. А здесь вышло все наоборот. В восемь часов утра Рожественский распорядился, чтобы «Светлана», «Алмаз» и «Урал», выдвинутые на несколько кабельтовых вперед эскадры, были переведены в тыл, обеспеченный уже другими крейсерами. Нелепость такого распоряжения понималась всеми. Разведочный отряд не знал, что он должен будет делать во время боя. И только в двенадцать часов дня он получил по сигналу новый приказ

командующего — охранять транспорты. Это уже было полной несуразностью. На «Светлане» никто не ожидал такого задания, зная ничтожную силу своего отряда.

Может быть, поэтому командир крейсера капитан 1-го ранга Сергей Павлович Шеин, когда для эскадры приближался самый решающий момент, был так удручен. Правда, и раньше, во время похода, его лицо с широким носом, с круглой посеребренной бородой редко озарялось улыбкой. Высокий и мясистый, но какой-то рыхлый, словно отсыревший от морской влаги, он всегда был чем-то недоволен и смотрел на все исподлобья, как будто ему опостылел весь мир. Разговаривая со своими подчиненными, он тонким и плаксивым голосом растягивал слова, как дьячок, читающий заупокойную молитву. И даже рассердившись на матросов, он не кричал и не повышал тона, а уныло обзывал их неожиданными названиями разных предметов:

— Швартовочные бочки, лапша, чугунные кнехты, студень...

При этом казалось, что командир еле сдерживается, чтобы не разрыдаться.

Команда дала ему прозвище:

— Плакса.

А теперь, получив последнее распоряжение Рожественского, командир еще больше опустил поседевшую и удлиненную, как дыня, голову. Как опытный моряк, он прекрасно сознавал, что у него имеется под руками для охраны транспортов: две яхты и полупассажирский пароход. Но почему этого не понимает адмирал? К чему эта детская игра в кораблики перед лицом сильного врага? Все складывалось не так, как следовало бы при подготовке большого боя. Командир, шагая по мостику, глубоко задумался. Правая рука его вцепилась в бороду, как будто он сам себя, словно лошадь за узду, водил взад и вперед.

Взволновались и офицеры, узнав о новом задании разведочного отряда. Они собирались группами и обсуждали последнее решение адмирала. По этому поводу некоторые высказывались резко. Мичман граф Нирод, совсем еще юнец, с маленькими темно-русыми усиками, первый заговорил, краснея от застенчивости:

— Возложенные на нас обязанности, господа, мы, конечно, будем выполнять. Но согласитесь, что мы оказались в странном положении. Не только транспорты, но и самих себя, то есть свои корабли, едва ли нам удастся сохранить. Какие у нас для этого средства?

Лейтенант Толстой, неуклюжий человек на маленьких, как у детей, ножках, с выпуклыми рачьими глазами, с выпяченной нижней челюстью, злобно улыбнулся, показывая редкие, вперед торчащие, как у грызунов, зубы, и сказал:

— Да, Георгий Михайлович, вы правы. Вести бой нам не под силу. Мы можем только честно погибнуть.

— Наш Толстой скатился в безнадежный пессимизм,— подхватил лейтенант Солнцев, сверкая стеклами пенсне.— Значит, действительно дела наши плохи.

Старший штурман лейтенант Дьяконов, полный, с животиком и розовыми щеками, выдержанный и веселый человек, уговаривал тенорком:

— Не нужно заранее отчаиваться. Главное — относитесь ко всему спокойнее.

Вахтенный начальник лейтенант Вырубов мрачно молчал. На этого высокого и широкоплечего силача надеть бы кольчугу — он был бы вылитый старорусский витязь. Умный, но бесшабашный, он смотрел на всех жесткими глазами и производил впечатление человека, которому ничего не стоит выпить ведро водки и удавить руками любого своего недруга. Выслушав Дьяконова, он возразил:

— Нельзя быть спокойным, Владимир Владимирович, когда знаешь, что придется умирать по глупости командования. Я совершенно отказываюсь понимать, как наш отряд будет защищать транспорты. Единственное, что остается нам,— это стать между своими транспортами и японскими кораблями и принимать все их удары на себя, в то же время не причиняя им никакого вреда. Кстати, «Урал» — громадное судно и может служить хорошей мишенью для стрельбы. Где была логика в таком решении? Оно нас лишило главного козыря — быстроты и подвижности. Мы будем привязаны к транспортам, как обреченные на зарез быки к столбам.

— Господа офицеры, я прошу вас прекратить подобные разговоры,— услышав речь лейтенанта Вырубова, строго заметил старший офицер Зуров.— Неужели у вас нет других тем?

— Простите, Алексей Александрович, но разве я неверно осветил задачи разведочного отряда? — загорячился лейтанант Вырубов.

Зуров еще больше заломил фуражку на затылок, прикрывая ею широкую лысину, и сердито отрезал:

— Наша задача не критиковать распоряжения командования, а точно их выполнять. Обо всех наших недостатках поговорим после войны. Ораторствуйте на берегу сколько вам угодно, но только не под андреевским флагом и не в боевой обстановке.

С таким же настроением вступала в бой и команда. Но среди нее люди выражались осторожнее. На шкафуте собрались матросы разных специальностей. Комендор Фомов, подойдя к ним, сказал:

— Слыхали? Приказано нам — охранять транспорты. Что-нибудь думала эта голова?

— Думала, гадала, а соленую воду хлебать придется,— ответил машинист Шпеков.

Радиотелеграфист Смирнов, парень острый, как уксусная эссенция, промолвил:

— Ветками можно только мух отгонять, а против волков нужно иметь более действительное оружие.

При появлении главных сил на «Светлане» пробили боевую тревогу, и все разбежались по своим местам.

Она открыла огонь по неприятелю вместе с другими своими кораблями. Сначала неприятельский отряд, нападавший на русские транспорты, состоял только из четырех судов, а потом к ним присоединились еще двенадцать. Конечно, «Светлана», «Алмаз» и «Урал» сразу были бы раздавлены, если бы к ним не подоспел отряд адмирала Энквиста. На некоторое время спасали положение его четыре крейсера: «Олег», «Аврора», «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах». Все равно на стороне противника было огромнейшее преимущество. И все же «Светлана» долго оставалась невредимой. И только в три часа она получила удар, повлекший ее к дальнейшим бедствиям.

Перед этим командир на всякий случай приказал приготовить крейсер к взрыву. Минеры принесли в носовое минное отделение гальваническую батарею, провода и запалы. Они приспособили их через люк в погреб с пироксилином, которого было там около тонны. Здесь находились — заведующий бомбовыми погребами прапорщик по морской части Свербеев, радиотелеграфист Смирнов, два минера и четые машиниста. Не успели они разойтись, как крейсер сильно качнуло на правый борт. Это раздался залп своих батарей. И в тот же момент по всему минному отделению с грохотом блеснул ослепительный свет и зазвенели, ударяясь о железные переборки, осколки от разорвавшегося неприятельского снаряда. С левого борта в пробоину, которая оказалась ниже ватерлинии, хлынули, как из прорванной запруды, сильные потоки воды. Люди бросились к выходу, с трудом преодолевая ее напор. Радиотелеграфист Смирнов успел крикнуть в люк бомбового погреба:

— Спасайся! Скорее спасайся!

И сам тоже направился к трапу, по которому минеры уже взбирались наверх. В этот момент ему пришла мысль — задраить люки бомбовых погребов. Он ринулся назад. Но тут же донеслись до него крики людей, оставшихся там, внизу. Они все погибнут, если он задраит люки. Пришлось ему отказаться от своего намерения. Смелый и решительный, он, однако, в напряженной обстановке упустил из виду, что матросы могут выбраться из погребов по трубам элеваторов. Кроме него, в минном отделении оставался еще прапорщик Свербеев. Этот человек страдал болезнью ног, никак не мог добраться до трапа и, сшибленный водою, беспомощно барахтался в ней. А она, разливаясь, грозно бурлила, переливалась через комингсы и с ревом затопляла погреба. Ближняя динамо-машина работала уже в воде, с каким-то захлебывающимся и хрипящим клекотом разбрасывая брызги. Все это создавало такой шум, точно низвергался с огромнейшей высоты водопад. Прапорщик выбился из сил. Смирнов схватил его за воротник кителя и поволок к трапу. Наверху, опомнившись и еле выговаривая слова, Свербеев сказал:

— Спасибо за спасение. Если останусь жив, половину своего имения тебе откажу.

— Теперь некогда об этом думать,— сказал Смирнов и убежал в радиорубку.

Аварийная партия, спустившись вниз, приступила к работе. Сюда же прибежал и старший офицер Зуров. Ему доложили, что два человека не успели выскочить из погребов и остались там заживо погребенными. Но в это время было не до жалости. Наверху шла стрельба, а здесь люди бились за плавучесть судна и за жизнь всего экипажа. Была боязнь, что переборки не выдержат натиска воды. К ним начали приспосабливать упоры из деревянных брусьев. В этом деле больше других проявили себя два плотника — Василий Никулин и Адо Лепп. С исключительной энергией они пилили или рубили дерево, подкладывали под брусья куски досок, покрываясь таким обилием пота, словно только что выскочили из горячей бани. Вся эта работа происходила при тусклом свете фонарей. Дело в том, что все четыре динамо-машины были сосредоточены в одном месте — в носовой части судна. При постройке их нарочно расположили подальше от великокняжеских помещений, чтобы шумом динамо-машин не беспокоить августейшего пассажира. Это была дикая услужливость судостроителей. И случилось то, что можно было предвидеть заранее: все четыре динамо-машины, залитые водой, сразу вышли из строя. Весь корабль погрузился во мрак. Люди, в особенности те, которые находились в нижних отделениях, пережили жуткие минуты, прежде чем были зажжены фонари или свечи.

Переборки, подпертые брусьями, выдерживали напор воды, но она, как внутренний враг, просачивалась сквозь щели перекошенных дверей и там, где по бортам проходили трубы. Из жилой палубы ее выкачивали ручными помпами и черпали ведрами. А за железной переборкой, в носовой части судна, были залиты водою бомбовые погреба — два шестидюймовых, один 47-миллиметровый, один с пироксилином. И «Светлана», еще раньше перегруженная на тысячу тонн, приняла на себя новую тяжесть — около четырехсот тонн воды. Получился крен на левый борт и дифферент на нос. Левая шестидюймовая пушка не могла

больше стрелять. Крейсер потерял до пяти узлов хода.

Из разведочного отряда вышел из строя и был оставлен командой крейсер «Урал».

Началось какое-то месиво с транспортами, совершенно потерявшими строй, и в этом месиве, сражаясь, крутилась «Светлана». Но все люди у нее находились на своих местах, все честно исполняли свои обязанности. Часть команды была занята тем, что переносила снаряженные шестидюймовые патроны с кормы к носовым орудиям, давая им возможность продолжать стрельбу. Это делалось открыто, под огнем противника. Иногда неприятельские снаряды, пролетая близко над палубой, издавали такой гул, что некоторые матросы невольно нагибались, как будто они увертываются от удара, словно в кулачном бою. Седоволосый командир Шеин, пренебрегая опасностью, все время находился на мостике и, наблюдая за ними, плаксиво приказывал:

— Не кланяться японским снарядам!

Позднее «Светлана» получила еще несколько повреждений. На верхней палубе были разрушены коечные сетки, камбуз и шлюпки. Зияла большая дыра в борту на уровне батарейной палубы, против великокняжеской каюты. Вся дорогая отделка этого помещения была исковеркана осколками. Здесь возник пожар, но его быстро потушили. Этажом ниже была уничтожена каюта старшего судового механика. Пролом в борту оказался почти у самой ватерлинии, и в него, пока его не заделали, захлестывала вода.

Из людей в дневном сражении, кроме двух человек, оставшихся замурованными в погребе, никто больше не пострадал.

Наступающий сумрак оборвал артиллерийский бой.

9. ПОД ЗАЩИТОЙ НОЧИ

Ночью «Светлана», потеряв из виду броненосцы и транспорты, вступила в кильватер крейсерскому отряду адмирала Энквиста. Но этот отряд развил такой быстрый ход, что она, подбитая, с наполненными водой носовыми отделениями, не могла за ним поспеть.

Флагманский крейсер «Олег», уходя от нее, не дал ей никаких указаний относительно своего курса. Вскоре она осталась одна среди моря, во тьме. Выполняя последний приказ адмирала Небогатова, данный днем — курс норд-ост 23°, «Светлана» самостоятельно направилась во Владивосток.

Людям не угрожали больше неприятельские снаряды. Но и в ночной тишине беспокойство не покидало их: в жилой палубе продолжала разливаться вода. Остановиться, подвести пластырь под пробоину и по всем правилам заделать ее было опасно — начались минные атаки. Это дело отложили до утра. А пока пришлось ограничиться креплением переборок и кое-какими другими неполными мерами защиты от прорыва больших масс воды. Ее выкачивали ручными брандспойтами, вычерпывали ведрами, но она снова прибывала. А ничто не может так сильно тревожить и раздражать моряков, как всплески воды внутри корабля.

«Светлана» шла без огней. На мостике, выделяясь среди других людей своей высокой и сутуловатой фигурой, виднелся человек в кителе. В его руке как будто вспыхивал светлячок, на мгновение освещая одутловатое лицо с широким носом и круглую пепельную бороду. При таких вспышках коротко поблескивали его глаза. Это курил, бодрствуя, командир Шеин. Над ним больше не было никакого начальства. Он даже не знал, где находятся теперь его адмиралы. Беспроволочный телеграф не работал, и связь с русскими кораблями у него была окончательно прервана. Он был предоставлен самому себе и, как старый и опытный моряк, вполне понимал всю ответственность перед страной за свой корабль и людей.

Залпы отдаленной канонады и одиночные выстрелы все реже грохотали в морском просторе. Но чаще то в одной, то в другой стороне, сквозь ночную темь, протягивались длинные голубые лучи прожекторов. Шеин старался их обходить. Потом, спустя некоторое время, он опять ложился на прежний курс.

На мостике было темно и тихо. Прожекторы остались позади за кормой. Облокотясь на поручни, Шеин оглядывался на светлые полосы лучей, чертившие острые углы и параллели, на трубы, извергавшие гу-

стые и черные, как деготь, клубы дыма. Много лет проплавал он на судах, и это ночное зрелище ему было давно хорошо знакомо. Но сейчас, успокоенный тем, что крейсер невидим для патрулирующих судов противника, он засмотрелся на три дымящиеся трубы, как будто видел это первый раз в жизни. Даже человек, лишенный воображения, мог принять их то за три массивные колонны, подпирающие темное небо, то за три гигантские шланга, выбрасывающие скрученные фонтаны черной жидкости. Вдруг случилось то, чего никто не хотел на «Светлане». Из передней трубы вырвалось пламя, как из доменной печи. Перед глазами командира предстали озаренные мачты, шлюпки, палуба с пушками и дежурившими комендорами, часовой под кормовым флагом. Потом огненный дождь искр развеялся в воздухе. Это не входило в расчеты командира, старавшегося замаскироваться темнотой. Он рванулся от поручней и, смотря в упор на хорошо сложенного сухого человека среднего роста, начал упрекать его тонким, срывающимся на высоких нотах голосом:

— Мичман Картавцев, что же это такое? я предупреждал, чтобы не случилось подобного фейерверка. А у вас что получается на вахте? Немедленно прекратить эту неуместную иллюминацию.

— Есть,— ответил мягким голосом провинившийся вахтенный начальник и тотчас бросился к переговорной трубе.

Искры перестали сыпаться. Корпус корабля опять потонул во мраке.

На мостик быстро поднимался человек, напоминавший газетную карикатуру на типичного толстяка. Приблизившись к командиру, он остановился, широкий и круглый, точно копна сена. Его большая голова с открытым ртом, шумно вдыхавшим воздух от одышки, сливалась с шеей, как будто вросла в широкие плечи. Командир удивился, с какой расторопностью подходил к нему тучный полковник Петров. На корабле всем были известны вялость манер и флегматичность этого старшего судового инженер-механика. В тропиках, изнывая от жары, он беспрерывно пил воду и пластом лежал у машинных люков под рукавом парусиновой вентиляции, весь в прыщах,

а вестовой Васильев не успевал стирать с него полотенцем обильный пот. Сейчас в нем замечалась разительная перемена. Даже голос звучал, как у молодого человека.

— Сергей Павлович! Все трюмы я обследовал со своей командой. В кормовых отсеках воды нет, а в жилой палубе течи стало меньше. Машины работают исправно. Делаем сто пять оборотов.

— Отлично, Андрей Павлович,— ласково сказал командир, видимо довольный ретивостью, неожиданной для толстяка. Но тут же нотки досады послышались в голосе командира, когда он заговорил о другом:

— Все это так. Но вы срываете нашу тактику. Мы хоронимся в темноту, а ваша кочегарка искрами из труб с головой выдает нас японцам. Еще раз прошу вас, пожалуйста, накажите кочегарам строго-настрого, чтобы они не очень увлекались, шуруя в топках. Лучше не прибавлять больше ходу.

— Есть,— ответил Петров,— постараемся. О качестве угля я вам, Сергей Павлович, докладывал: его у нас сверх нормы, но очень мелкий, почти пыль.

Окончив разговор, инженер-механик заторопился в машинное отделение. Навстречу ему поднимался другой человек. По заломленной на самый затылок фуражке Шеин сразу узнал своего помощника — старшего офицера Зурова. Подходя к командиру, он отряхивался, отчего с его аксельбантов брызнули капли воды, а тот плаксиво заговорил:

— Алексей Есандрыч, что это вас так давно не видно? А я здесь ужасно расстроился. Из одной трубы вырвалось пламя и посыпались такие искры, что нас могли бы из Токио заметить. Где это вас так охатило?

— Очень затянулся водяной аврал, Сергей Павлович! Матросы работали замечательно. Даже и наш священник, отец Федор, от начала до конца выстоял на брандспойте. Ну, теперь, слава богу, жилую палубу осушили. А с рассветом и пластырь...

Зуров не докончил фразы и, дернув головой, насторожился. Из батарейной палубы донеслись звуки гармоники, и тут же человеческие голоса подхватили их и закачались, как на волнах.

Как на матушке на Неве-реке
На Васильевском славном острове,
Молодой матрос корабли снастил...

Стройно заливались тенора и вторили басы, сопровождаемые мажорными переборами гармоники. Выходило так, как будто «Светлана» не пережила ни дневного боя, ни водяной тревоги. Это было настолько неожиданно, что даже командир и старший офицер несколько секунд застыли на месте. Как люди, они отдались во власть первого непосредственного впечатления, вспоминая, быть может, в эту минуту красавицу Неву на далекой родине. Но как офицеры, они не могли допустить этой вольности на войне и позволить развлекаться пением, хоть звуки и трогали их замученные души.

— Ах, чертовы перечницы! С ума они сошли,— крикнул Зуров, бегом направившись к трапу.

Оставшись на мостике, командир еще минуту слушал родные напевы матросской песни. Она оборвалась сразу, как по команде, замолкла и гармоника. Дальше, полным контрастом к заглохшей мелодии, надсаживался раздраженный и отрывистый голос Зурова.

— Что это за безобразие! Разве была команда — «петь и веселиться»? Забыли, где вы находитесь? Это вам не Елагинские острова, а фронт.

Машинист Медков, первый запевала на корабле, попробовал оправдаться:

— Ваше высокоблагородие, для бодрости запели. Сквозь бой прорвались, воду откачали, от опасности избавились и идем во Владивосток — ближе к родине. Разрешите на радостях...

— Молчать! — перебил его старший офицер.— Каждую минуту ждем нападения. Я вас отучу нарушать дисциплину на войне.

Зуров откинул левую руку, как при гимнастике, и, согнув ее затем в локте, начал правой рукой чертить карандашом по накрахмаленной манжете. Она ему заменяла блокнот и была вся исписана фамилиями «грешников» — провинившихся матросов. Из хористов первым в список попал запевала-машинист Медков, вторым гармонист Шпеков. А дальше шли комендор Фомов, матросы Чуйко, Фадеев и маляр Беседин.

Зуров оглядывал вытянувшихся исполнителей песни и ворчал:

— Во Владивостоке узнаете, что за это бывает по законам военного времени. Там вы запоете на другой мотив. Здесь не трактир, а военный корабль, чертовы перечницы.

Зуров подковырнул воздух оттопыренным большим пальцем правой руки и вышел из батарейной палубы.

В это время на верхней палубе наводили мелкие пушки на неизвестный корабль, приближавшийся к «Светлане». В темноте его плохо было видно. Еще одно мгновение — и последовал бы залп, но тот успел показать световым семафором свои позывные. Это был контрминоносец «Быстрый». Он пристал к «Светлане» и не расставался с ней до утра.

10. КУРС НА БЕРЕГ

Контрминоносец «Быстрый» в дневном бою 14 мая не получил никаких повреждений. Не было на нем убыли и в личном составе. Наоборот, команда его увеличилась на десять человек, подобранных с погибшего броненосца «Ослябя». Все механизмы миноносца работали исправно.

Туманный рассвет 15 мая застал недремлющую вахту на своих местах. На мостике виднелись четыре фигуры. Трое из них стояли неподвижно: рулевой не отрывал глаз от компаса, а сигнальщик и вахтенный начальник напряженно вглядывались в сизую муть горизонта. Четвертый находился в движении. Порывистой походкой, босиком, прихрамывая на правую ногу с беспалой ступней, как бы меряя шагами расстояние между поручнями, расхаживал среднего роста человек с небольшой темно-русой бородкой и свисающими, как у моржа, усами. Одет он был в матросскую фланелевую рубаху с нашивками старшего строевого унтер-офицера, на груди его болталась, сверкая никелем, боцманская дудка. Вид его был неряшлив, но он, не стесняясь присутствием офицера, держался непринужденно. Это особенно было заметно по тому, как высоко он поднимал откинутый в

сторону согнутый локоть руки, когда поправлял пенсне в золотой оправе.

Заря, разгораясь, как бы приподнимала на горизонте тончайший газовый занавес. Видимость увеличивалась. Хромой человек, взглянув вдаль, слева по носу, вдруг остановился, чем-то заинтересованный. Указывая рукой и ни к кому не обращаясь, он сухо спросил:

— Что это — дым или облака?

Сигнальщик, глядя в бинокль, не оборачиваясь, ответил:

— Никак нет, скалы какие-то.

— Очевидно, это открылся остров Дажелет, Отто Оттович,— пояснил вахтенный начальник мичман Погожев, высокий и тонкий блондин.

— Черт возьми! Мало проскочили за ночь,— заволновался человек с боцманской дудкой и снова зашагал по мостику. Проходя мимо компаса, он похлопал рулевого по плечу и бросил ему отрывисто:

— Не вилять, дружок! Держи на курсе.

— Есть, держать на курсе.

Через несколько минут внимание всех на мостике привлекли четыре неприятельских корабля, появившиеся справа позади траверза. И тут же было замечено, что «Светлана» повернула влево. «Быстрый» последовал ее примеру. А человек с боцманской дудкой обратился к вахтенному начальнику мичману Погожеву:

— Владимир Дмитриевич! Справьтесь у механика об угле.

Тот козырнул и приник к переговорной трубе:

— Как — на исходе? Только на два часа хода? И машинное масло тоже? — переспрашивал в трубу мичман.

Хромой человек, не дождавшись окончания разговора мичмана с механиком, приказал сигнальщику:

— Просемафорить на «Светлану»: «Прошу масла и двадцать пять тонн угля». Немедленно.

В руках сигнальщика замелькали флажки. Со «Светланы» ответили — дадут, но только не сейчас, а позднее, когда отойдут от неприятеля. Это окончательно вывело из терпения хромого человека. Он раскричался, оглядывая входивших на мостик артил-

лерийского и минного офицеров и как бы жалуясь им:

— Видели, господа, как бесцеремонно с нами поступают аристократы с этой яхты? — он кивнул в сторону «Светланы». — Возмутительно! А если нам придется сражаться? Что мы будем делать без топлива?

Офицеры только молча пожали плечами, а тот быстро вытащил из кармана брюк золотые часы, поднес их к глазам и приказал:

— Распорядитесь о побудке остальной команды. Не беда, пусть сегодня десять минут не доспят.

— Есть,— ответил мичман Погожев.

Сейчас же в жилой палубе засвистели дудки. Послышались знакомые выкрики боцманмата Ивана Устинова. Люди на корабле забегали, разнося свои подвесные койки по местам. Скоро голоса, шум и топот ног прекратились, и все стихло. Команде дали чай.

— Видали, братцы, японцы-то опять начали показываться,— заговорил, отхлебывая горячий чай из кружки, трюмный машинист Бараненко. А сидевший с ним за одним столом в жилой палубе машинист Ефремов добавил, оглядываясь на другие столы:

— А Отто Оттовичу все равно. Сейчас видел его на мостике — опять ходит в матросской фланельке. А главное — с дудкой не расстается и носит ее на шее, как материнское благословение.

Среди матросов начался разговор о странностях человека с боцманской дудкой. И раньше в походе он вел себя так же, и это было любимой темой их для постоянных споров на баке и в жилой палубе. Команду до крайности интересовал этот удивительный человек, не похожий ни на одного моряка во всей эскадре Рожественского. А был это не кто иной, как командир миноносца лейтенант Отто Оттович Рихтер. Его часто можно было видеть в матросской форме с неизменной боцманской дудкой. Конечно, как командир, он требовал соблюдения дисциплины от матросов, но в личных отношениях искал с ними тесного сближения, необычайно просто держал себя с командой, стараясь ничем не отличаться от матросов. Вместе с ними он стирал свое белье. Были случаи, что и на берегу Рихтер гулял в матросской форме, сопровождаемый своим вестовым, и наравне с

ним отдавал честь встречавшимся офицерам. Нередко командир появлялся на баке, где его окружали матросы, свободные от вахты. Разговаривая со своими подчиненными, он умел каждого обласкать и ободрить. При этом и в манере выражаться Рихтер старался ничем не отличаться от них, широко пользуясь боцманским лексиконом. Это очень располагало к нему матросов. Такое разительное опрощенство командира особенно изумляло команду еще и потому, что им пришлось однажды видеть отца Рихтера, приезжавшего на миноносец,— генерал-адъютанта, начальника царской квартиры. От своих офицеров матросы знали и то, что их такой располагающий к себе и ничем не напоминающий аристократа командир Отто Оттович в детские годы воспитывался и играл вместе с Николаем Романовым, тогда еще наследником престола.

На панибратство командира с командой офицеры смотрели как на юродство. Они резко за глаза осуждали его за такое поведение, недостойное дворянского звания и несовместимое с офицерским чином. Но жаловаться по инстанциям на поведение Рихтера они не решались, зная, что в высших сферах ему, как сыну царедворца, всегда будет оказана поддержка. Офицеры «Быстрого» хорошо запомнили один характерный инцидент в походе. На стоянке в Носси-Бэ (Мадагаскар) Рихтер не подчинился старшему по чину и возрасту командиру миноносца «Бедовый» капитану 2-го ранга Баранову. На всякого другого за такой поступок и нарушение воинской дисциплины адмирал Рожественский со свойственной ему свирепостью наложил бы примерное взыскание вплоть до ареста. А по отношению к Рихтеру вместо этого Рожественский в приказе своем № 142, датированном в Носси-Бэ 27 февраля 1905 г., ограничился только резким осуждением его в следующих выражениях: «Я с сожалением убеждаюсь, что продолжительное командование миноносцами извратило его (Рихтера) понятия о службе». Поэтому офицеры молчали. А матросы по-разному относились к своему командиру. Одним он очень нравился, они считали его простым человеком, обожали, как благодетеля, и таких было большинство. Другие, шутя, высмеивали несвойствен-

ные командиру поступки, считая его просто чудаком, безвредным и неопасным. Но некоторые держались с ним настороженно. Особенно в этом смысле выделялся минный квартирмейстер Петр Галкин. Молчаливый вообще, он никогда не высказывал своего мнения о командире и только однажды, слушая споры о нем, не выдержал и выпалил:

— А по-моему — матросской формой он скрывает свое волчье нутро!

Эти слова огорошили поклонников Рихтера, которые набросились на Галкина с руганью. С тех пор он не ввязывался в такие разговоры.

На этот раз о командире было сказано только мимоходом. Всех занимал вопрос более серьезный — на миноносце нет топлива. И Галкин опять удивил всех, нарушив свое молчанье и неожиданно став теперь на сторону Рихтера:

— Командир прав. Напрасно «Светлана» отказала нам в выдаче угля. Людей хватило бы — погрузка угля заняла бы не более пятнадцати минут. За это время неприятель не успел бы подойти на выстрел.

Часа через полтора произошла встреча с противником. Два его крейсера — «Отава» и «Нийтака» — и контрминоносец «Муракумо» обрушили свой огонь на «Светлану», а позднее и на «Быстрый».

На стороне неприятеля было огромное преимущество в силе. «Быстрый» не мог оказать содействия «Светлане» и вынужден был отступить, но куда? Будь у него уголь в достаточном количестве, он пошел бы полным ходом своим курсом. Неприятельские крейсеры не могли бы за ним гнаться — во-первых, они были заняты «Светланой» и, во-вторых, не имели такого большого хода, каким обладал «Быстрый». Его стал бы преследовать только один японский контрминоносец «Муракумо». Без сражения, конечно, дело не обошлось бы, но силы уравнялись бы, и неизвестно, на чьей стороне была бы победа. А теперь «Быстрому» без угля ничего не оставалось, как направиться к корейскому берегу, спасти команду от ненужного расстрела и самому взорваться. В топки вместе с углем бросали деревянные изделия. В машине загорелись подшипники. Подшкипер Филиппов принес туда два пуда мыла, которым заменили сма-

зочное масло. Подшипники перестали гореть, но этим не избавили миноносец от обреченности. По распоряжению командира выбросили в море секретные книги, шифр, морские карты. За «Быстрым» гнались крейсер «Нийтака» и миноносец «Муракумо», а он, отстреливаясь, выпустил в них из обоих аппаратов мины, из которых ни одна не попала в цель. Корабль приготовили к взрыву. Для этого в кормовой бомбовый погреб принесли подрывной патрон и от него провели наверх бикфордов шнур. В последний момент с «Быстрого» полетели за борт пулеметы и замки от орудий. За полтора-два кабельтовых от берега он, наконец, носом сел на мель.

— Спустить обе шлюпки! — скомандовал командир Рихтер.

Шлюпки были парусиновые, маленькие. На них посадили четыре человека раненых, спасенных с броненосца «Ослябя», и кое-кого из кочегаров, особенно ослабевших от непомерной работы. Командир, собрав вокруг себя команду, объяснил ей:

— Остальным придется вплавь добираться до берега. Предварительно вооружитесь спасательными средствами. На берегу соберемся все вместе. А дальше посмотрим, что нужно делать,— либо пешком, либо на корейской джонке отправимся во Владивосток.

Матросы молча слушали своего командира. В последний раз они стояли на палубе родного и теперь беззащитного корабля. Противник приближался, и через несколько минут все будет кончено. Возможно, что в этот момент даже и отсталые из команды прозрели душой. Они совершили длинное путешествие, наполненное лишениями и страданиями, бессонными ночами и тревогой, героизмом и надеждами, чтобы закончилось все это таким бессмысленным финалом!

— А кто останется здесь взорвать судно? Может быть, охотник найдется? — стараясь быть спокойным, спросил командир, но в голосе его прозвучали тревожные нотки.

У одного из команды правая рука поднялась к фуражке.

— Разрешите, ваше благородие, мне это выполнить.

Командир с изумлением впился глазами в мрачноватое, простое и самое незаметное лицо. Перед ним вытянулся человек среднего роста, лет двадцати восьми. Для командира было полной неожиданностью, что именно Петр Галкин, а не кто-либо другой, вызвался охотником. Этот минный квартирмейстер за все время похода и в бою ничем особенным не отличался. Он принадлежал к категории тех людей, которые любое поручение, важное и пустяковое, выполняли с одинаковой добросовестностью. К ним не придерешься и ничего выдающегося от них не ждешь. Во всех отношениях Петр Галкин всегда казался человеком посредственным. Но сейчас командир понял, с кем он имеет дело. Командира и команду поражало еще и то, что Галкин заканчивал срок военной службы и осенью ему предстояло уйти на родину в запас флота.

— Сможешь ли ты обеспечить это задание? — спросил командир, продолжая испытующе разглядывать Галкина.

— Так точно, ваше благородие. Мне сподручнее это сделать. Не зря я учился на минного квартирмейстера. Может быть, бикфордов шнур отсырел. Все равно корабль будет взорван.

Он сказал это с такой твердостью, что нельзя было не поверить ему.

— Плавать, конечно, умеешь?

— Не учили, ваше благородие.

— Неужели в детстве не купался?

— Никак нет, в нашей деревне никакой речки не было. Но я приспособлю матрац или спасательный круг.

— Молодец! К награде представлю,— сказал командир, сам не веря тому, что этот человек сможет уцелеть после такой операции.

— Покорнейше благодарю, ваше благородие. А только я остаюсь здесь не из-за награды. У меня на уме одно, чтобы наш корабль не достался врагу. Ну, а если останусь жив, то воля ваша...

Противник пристрелялся. Снаряды его стали ложиться ближе. Один из них попал в корму и произвел небольшие разрушения.

Командир пожелал минному квартирмейстеру успеха и скомандовал:

— Все за борт!

А когда на корабле, кроме минного квартирмейстера, никого не осталось, он и сам, захватив с собой спасательный пояс, прыгнул в море.

По плавающим людям противник открыл огонь. Стреляли шрапнелью не только миноносец, но и крейсер «Нийтака». Было порядочное волнение. Одна из парусиновых шлюпок опрокинулась. Людей с нее спасали более сильные матросы. Командир Рихтер, держась на своем спасательном поясе, настолько ослаб, что еле выгребал. Матросы по очереди буксировали его к берегу. Наконец люди с радостью ощутили под ногами отмель. Падая и поднимаясь, они пешком старались скорее выбраться на берег, пенившийся от накатов прибоя. В воздухе рвались снаряды, тонко взвизгивала, разлетаясь, шрапнель. Кругом поверхность моря, осыпаемая свинцовым градом, сверкала брызгами,— как будто на ней, играя, заплескалась мелкая рыбешка, а впереди земля клубилась пылью, словно тысячи рук подбрасывали ее вверх. Некоторые из моряков, что были сильнее и лучше умели плавать, уже достигли берега. Вдруг позади, так близко, как будто это случилось совсем рядом, заревел железный взрыв. Все с дрожью оглянулись назад. «Быстрый» сразу погрузился в море. Над поверхностью воды виднелись только его трубы и носовая часть, опиравшаяся на мель. Черное облако дыма, смешанного с паром, крутясь и расширяясь, поплыло над морем и, казалось, уносило с собою последний вздох корабля.

11. ДО ПОСЛЕДНЕГО СНАРЯДА

Остаток ночи на «Светлане» прошел без особых тревог. Они начались утром, когда за нею погнались два крейсера — «Отава» и «Нийтака» и контрминоносец «Муракумо». Они шли кильватерным строем, держась на правой раковине.

Командир Шеин, со вчерашнего дня не сходивший с мостика, часто оглядывался на погоню и мрачнел.

По его распоряжению довели число оборотов машин до ста двадцати, но ход был не больше шестнадцати-семнадцати узлов. Это все, что могла дать израненная «Светлана», зарываясь носом в море.

В восемь часов на мостик поднялся старший офицер Зуров. У него был такой вид, какой бывает у человека, решившего для себя все вопросы и ни в чем не сомневающегося. Весь собранный, с заломленной, как и всегда, фуражкой на затылок, он доложил командиру:

— Сергей Павлович, по вашему приказанию все офицеры собрались на военный совет.

Шеин тихо протянул:

— Вы останетесь здесь, Алексей Есандрыч, вместо меня, а я пойду.

В кают-компании, где собрались офицеры, было полусумрачно. Электричество не горело. Свет проникал в помещение лишь через раскрытую дверь и щели задраенных полупортиков. Офицеры, ожидая командира, стояли молча. Тишина придавала мрачную торжественность переживаемым всеми минутам. Каждый без слов понимал общее настроение: гибель их родного корабля неизбежна.

В просвете двери показалась высокая фигура командира. Он сгорбился, как будто нес на своих широких плечах огромную тяжесть. Некоторые офицеры не видели его со вчерашнего дня. Для них особенно было заметно, как за одну только бессонную и тревожную ночь осунулось его лицо и стало серым, точно осыпанное дорожной пылью. Не торопясь, он подошел к столу, положил на него раскрытый военно-морской устав, выпрямился и засмотрелся на присутствующих. В его взгляде светилась и любовь к своим подчиненным, и надежда встретить в каждом из них героя, и жалость к молодежи, обреченной на гибель. Они, в свою очередь, вопросительно смотрели на него. Что он должен им сказать, чем поднять их дух перед боем с сильнейшим противником на подбитом и почти безоружном корабле? Он медлил, словно не решаясь открыть всю правду.

Наконец голос командира зазвучал спокойно и ровно:

— Всем вам, господа офицеры, ясно, какой для нас приближается ответственный момент. Я пробовал уйти, чтобы избежать неравного боя. Но малый ход, как видите, не позволяет нам это сделать. Против нас два крейсера, причем каждый из них в отдельности сильнее нашей «Светланы». А снарядов у нас на двадцать минут стрельбы. Исход сражения можно предсказать заранее — «Светлана» погибнет. Высказывайтесь, господа, теперь вы.

Все офицеры от младших и до старших выразили одно мнение: сражаться до последнего снаряда, а потом взорвать крейсер.

Минный офицер Воронец предупредил:

— Минный погреб со вчерашнего дня затоплен водой. Поэтому взорвать судно невозможно.

Трюмный механик Деркаченко внес другое предложение:

— В последний момент открыть кингстоны и двери непроницаемых переборок. В несколько минут крейсер пойдет на дно.

Командир, захватив с собою на совет военно-морской устав, может быть намеревался прочитать из него соответствующие к данному моменту статьи. Но теперь, выслушав всех, он увидел, что в этом не было никакой надобности. В заключительном слове он сказал кратко:

— В такую горькую минуту вы, господа офицеры, очень обрадовали меня своим единомыслием. Итак, решено: как только выйдут все снаряды, крейсер затопить.

В последний раз он оглядел лица своих подчиненных, точно прощался с ними, и добавил:

— А теперь по местам, господа офицеры. Боевая тревога!

Вернувшегося на мостик командира его старший помощник Зуров встретил словами:

— Догоняют нас японцы.

Шеин сообщил ему о решении совета.

— На «Светлане» и не могло быть другого решения,— уверенно отозвался Зуров.

Командир распорядился изменить курс. «Светлана» направилась к корейскому берегу. Остров Дажелет, скалы которого виднелись вдали, остался справа.

Расчеты Шеина сводились к тому, чтобы спасти команду, когда будет тонуть крейсер. Но японцы, очевидно, поняли этот маневр и, пользуясь преимуществом в ходе, старались отрезать «Светлану» от суши.

Проиграли боевую тревогу. Старший офицер мог быть в любом месте судна, только не на мостике. Такие правила установились на всех кораблях. Но этого не было на «Светлане». Так сложилось не потому, что командир не понимал своего дела или трусил. Нет. Он не мог обойтись без такой активной личности, каким был Зуров. Никто не мог так быстро и точно обеспечить выполнение приказа, как этот любитель порядка на судне. Пребывание его на мостике оправдывалось еще и тем, что он в любой момент мог заменить старшего артиллерийского офицера лейтенанта Баркова, вышедшего из правоведов и не пользовавшегося доверием командира.

Первый выстрел сделал комендор Мякотников из шестидюймового орудия на юте. Снаряд не долетел. Шеин приказал подождать стрелять. Расстояние до неприятеля сокращалось. Он шел параллельным курсом, стараясь выйти на левый траверз «Светланы». Спустя несколько минут она открыла огонь из ютовой и левой кормовой шестидюймовых пушек. Диферент на нос не давал возможности пользоваться левым шкафутным, помещенным на выступе, и носовым орудиями. В течение пятнадцати минут противник не отвечал. Очевидно, он надеялся, что «Светлана» сдастся в плен,— другого выхода из боя японцы не предвидели. Но этого не случилось. На борту «Светланы» не было ни одного человека, который бы, страшась вражеской силы, задумался о сдаче. Японцы, быть может, ждали, что вот-вот выстрелы с «Светланы» замолкнут, но она продолжала стрелять. Наконец с ее мостика заметили, как головной неприятельский корабль блеснул огненными точками, зарокотало эхо выстрелов, и вокруг бортов «Светланы» взметнулись водяные столбы.

«Светлана» часто меняла курс, не давая противнику пристреляться. Но он, имея преимущество в ходе, постепенно догонял ее. Дистанция стрельбы сокращалась, и все труднее становилось избегать японских ударов. Сначала в этом сражении принимал участие

только один неприятельский крейсер — «Отава», потом открыл огонь и второй — «Нийтака».

На «Светлане» кормовой группой артиллерии командовал лейтенант Арцыбашев. Для него была сделана защита из чугунных колосников. Но он не захотел пользоваться ею и стоял открыто, усатый, с таким бравым видом, словно находился на учении. Светло-русые кудри его колечками курчавились из-под флотской фуражки, лихо сдвинутой набекрень. С каким-то задорным восторгом он отдавал приказания о стрельбе, и его голубые глаза сияли, как у юноши. Хорошо работали комендоры, словно соперничая с ним в храбрости. Вдруг он взмахнул руками, словно хотел что-то поймать, и опрокинулся на палубу. От его раздробленной осколком головы протянулась по деревянному настилу красная струя.

Его сейчас же заменил мичман Картавцев. Стрельба не прекращалась. Комендор Мякотников, считавшийся лучшим наводчиком, согнувшись, приник к ютовому орудию, словно слился с ним в одно целое. Широкое лицо его сурово нахмурилось. Напряженным немигающим глазом он на этот раз дольше обычного наводил прицел в противника. Наконец дульная часть пушки сверкнула круглой молнией. А через несколько секунд все, кто находился на верхней палубе, увидели, как в середине японского крейсера «Отава» поднялся огненный столб и заклубился черный дым[48].

— Получай без сдачи! — выкрикнул сам Мякотников.

Но сдача все-таки последовала: раздался взрыв в командирской каюте, и тут же второй снаряд проломил борт у самой ватерлинии на шестьдесят восьмом шпангоуте. Внутрь крейсера начали захлестывать волны. Туда с группой матросов бросились старший офицер Зуров и трюмный механик Деркаченко. По их указанию пробоины забивались койками, деревом и мешками с углем. Одновременно два матроса, вися на концах, работали под градом осколков с наружной стороны борта. Когда с этим делом справились, доступ воды внутрь крейсера уменьшился. Но «Светлана» продолжала испытывать новые несчастья. Снаряд, разметав колосниковую защиту, пробил паровую трубу и вывел из строя левую машину. Пришлось разоб-

щить ее от правой машины. Ход крейсера еще убавился.

Снаряды были на исходе. С мостика было получено распоряжение — стрелять реже, но лучше целиться. Противник приближался. Попадания в «Светлану» участились. Один снаряд, пролетев через дымовую трубу, взорвался в средней кочегарке. Из людей никто оттуда не вышел. То в одном месте, то в другом раздавался лязгающий грохот металла. Дырявился корпус, калечились люди. Кроме того, против «Светланы», как бы на время объединившись, действовали еще две стихии — огонь и вода. Но матросы, защищая свой корабль, пока отважно справлялись с водяными и пожарными тревогами.

Командир Шеин понуро смотрел на весь этот кромешный ад, ожидая развязки. Он командовал кораблем из рубки, но его массивная фигура часто появлялась и на мостике. Увидя Зурова, он сказал:

— Алексей Есандрыч, пока мы живы, распорядитесь насчет секретных документов. С грузом их за борт. Легче нам будет умирать.

Старший офицер побежал выполнять поручение командира.

В это время что-то случилось с механизмом сирены: должно быть, осколком был сбит с нее клапан. Послышался, раздирая уши, несмолкаемый, поразительной силы рев. Он далеко оглашал морской простор, точно извещая о каком-то страшном бедствии. Казалось, что «Светлана» представляла собою живое существо и, предчувствуя приближение своей гибели, завыла в отчаянии. Над людьми, находящимися внизу и не знающими, что происходит наверху, повис ужас. Одни думали, что сдаются в плен, другие предполагали, что дают сигнал спасаться. И это продолжалось до тех пор, пока кто-то из машинистов не догадался разобщить пар, проведенный к механизму судовой сирены.

Замолчали оба орудия.

— Снарядов больше нет! — истошным голосом заорал комендор-наводчик Мякотников.

И вся артиллерийская прислуга разразилась бранью. В ярости матросы бросали на палубу свои фуражки. А Мякотников, чтобы обмануть противника,

начал стрелять уже холостыми патронами. Но и они скоро вышли. И только после этого он махнул рукой и, придавленный горем, ушел в нижние помещения.

В довершение всего испортилась вторая машина. «Светлана» остановилась. Один неприятельский крейсер, «Нийтака», погнался за контрминоносцем «Быстрый», а другой — «Отава» остался и, подойдя ближе к ней, бил с каким-то особым ожесточением по неподвижной и неотвечающей цели.

Командир Шеин приказал механикам:

— Пора топиться. У нас теперь один курс — на морское дно. Открыть кингстоны!

Встретившись с Зуровым, он спросил:

— Алексей Есандрыч, сколько у нас шлюпок уцелело?

— К сожалению, Сергей Павлович, остался невредим только один гребной катер,— ответил старший офицер.

— Распорядитесь, чтобы его немедленно спустили для спасения раненых.

Командир, повернувшись, остановил свой понурый, исподлобья, взгляд на молодом офицере, среднего роста, неуклюжем. Тот стоял у трапа и рачьими глазами смотрел на мостик. Шеин кивнул на него головою и добавил:

— Поручить это дело лейтенанту Толстому.

В кают-компании считали его бестолковым, но терпимым. Во время похода, стоя на вахте, никто так не кричал на матросов, как этот человек. Ругань его раздавалась на весь корабль. Начальство было уверено, что он ненавидит матросов. На самом же деле это была только маскировка перед офицерами. Он жил со своими подчиненными дружно и никогда их не наказывал.

Выслушав поручение старшего офицера, он с группой матросов засеменил на маленьких ножках к рострам. Катер пришлось спускать под грохот неприятельских выстрелов. Вдруг раздался взрыв снаряда. Шеин, Зуров и другие оглянулись: последний катер был разбит, а Толстой, распластанный на палубе, умирал от ран.

Крейсер, оседая в воду, уменьшался ростом и становился каким-то низкобортным. Это было заметно

для каждого на глаз. Но команды «спасаться» все еще не было, и все люди находились на своих местах. Зуров, получив разрешение командира, руководил, как хороший хозяин, разбором коек, спасательных кругов и пробочных поясов. В первую очередь этими спасательными средствами обеспечивали раненых, которых выносили уже наверх. И только после этого Шеин подал свою последнюю команду:

— Спасаться по способности.

Власть его над кораблем кончилась.

Из машинных и кочегарных отделений, из погребов и батарейной палубы, из всех нижних помещений люди полезли на верхнюю палубу. Оглядываясь кругом, они не узнавали своего судна: стеньги с обеих мачт были сбиты, свалилась задняя дымовая труба, валялись обломки от разбитых шлюпок, всюду торчали куски железа, как хворост и сучки после бурелома, дымились деревянные части и пахло гарью. А кругом продолжали еще падать неприятельские снаряды. Люди разбегались в разные стороны и выбирали удобные места для прыжка. На корабле только два человека никуда не торопились: командир и старший офицер.

— А вы как же, Сергей Павлович? — обратился Зуров к командиру.

— Я остаюсь здесь,— с угрюмой твердостью ответил Шеин.

— Я тоже.

И Зуров, попрощавшись с командиром, отправился в свой последний обход. Забота о «Светлане» не покидала его и в момент приближающейся гибели. Стойкий и организованный, он настолько был предан судовому делу, как будто и мыслил военно-морским уставом. И статьи этого устава определяли для Зурова правила поведения на корабле при всяких обстоятельствах. Несомненно, если бы кто на его глазах в эти минуты нарушил дисциплину, то, как и в обычное время, на манжете его левой руки появилась бы новая запись фамилии «грешника». Казалось, он хотел, чтобы его корабль и ко дну пошел в полном порядке.

Палуба пустела. По ней, разыскивая спасательные средства, метались последние фигуры в матросской форме. Они уже не обращали внимания на человека с адъютантскими аксельбантами, в заломленной на

затылок фуражке. Зато он следил за всеми. Увидев, что комендор Фомов обвязывает вокруг себя матрац слишком низко, он бросился к нему и закричал:

— Что ты делаешь, чертова перечница? Разве так нужно пользоваться матрацем? Смотри за борт — некоторые уже вверх ногами плавают.

Зуров отхватил ножом конец от фалы и прикрепил им матрац на груди комендора.

— Ну, с богом, — сказал Зуров, показывая за борт.

Фомов прыгнул в море.

Зуров спустился на батарейную палубу и заглянул в лазарет. Заметив там человека в белом халате, он строго спросил:

— А вы почему не спасаетесь?

К нему повернулось знакомое лицо с крупным носом, с густыми и всклокоченными темно-русыми волосами. Это был старший судовой врач Карлов. Он ответил:

— Только что унесли последних раненых. Я сейчас...

Взрыв заглушил его речь. Вокруг него все затрещало, и обломки лазарета завалили растерзанное тело старшего офицера. Пробиваясь сквозь дым, судовой врач убежал наверх.

Командир стоял на мостике, оглядывая в последний раз судно. Для чего-то он снял белые перчатки, помял их и снова надел. Глаза его внезапно расширились, заметив лежавшую на баке знакомую фигуру офицера. Голова его была накрыта тужуркой. Из-под нее торчала окровавленная култышка, оставшаяся от левой руки, а правая ухватилась за якорный канат. Все узнали в нем старшего штурмана. Очевидно, он решил не расставаться с крейсером. Командир Шеин, не отрывая взгляда от этого человека, произнес дрогнувшим голосом:

— Лейтенант Дьяконов...

И вдруг качнулся и, словно от ужаса, закрыл руками лицо. Белые перчатки его сразу стали красными. Казалось, что он заплакал кровавыми слезами. Матросы помогли командиру спуститься с мостика, а дальше он не хотел, чтобы его провожали, и сам медленно пошагал, направляясь к корме. Но тут же, раненный во второй раз, свалился замертво.

Несколько человек из рулевых и сигнальщиков бросились к своему непосредственному начальнику — штурману Дьяконову. Это был идеал моряка, преданного морскому делу, и любимец всей команды. Они не могли примириться с тем, чтобы этот человек остался на тонущем корабле. Несмотря на его протесты, он был обвязан пробочным матрацем и спущен за борт. Плавая, они и на воде не покидали его.

Многострадальная «Светлана», которую почти полтора часа расстреливал противник, кренилась на левый борт, через открытые кингстоны и продырявленный корпус она сама принимала в себя свою погибель — море. На ней остались только трупы. А те, кого во время боя пощадили снаряды, старались скорее отплыть от нее подальше. Но два живых существа и теперь не покидали ее: обезьянка Попо и старый мудрый попугай. Он находился в клетке, висевшей в кают-компании, и, наблюдая за моряками, с тревогой покидавшими крейсер, что-то сердито выкрикивал им на своем птичьем языке. А обезьянку Попо видели уже с воды. Она поднялась до самой верхушки обломанной фок-мачты и застыла там в ожидании своей участи. Прошли еще две-три минуты, и «Светлана», проваливаясь, исчезла с поверхности моря, как видение.

На сверкающих волнах остались только человеческие головы, широко разбросанные течением. В фуражках и обнаженные, они качались, как буйки, и взывали о помощи. Для моряков была единственная надежда — их спасет крейсер «Отава». Он полным ходом направился к ним, а они в свою очередь повертывали ему навстречу. Но каково же было разочарование, когда на свои вопли они услышали с его палубы торжествующие крики «банзай». В этом было что-то жестокое и бессердечное. А он врезался в гущу русских моряков и, не останавливаясь, пошел дальше. Многие из них были раздавлены его железным корпусом или разрезаны винтами. Так погибли квартирмейстер Соломенский, матрос Сироченко, священник Хандалеев, кок Егоров. С кормы удалявшегося судна один японец показал русским морякам патрон, высоко подняв его над головою, а другой — погрозил им кулаком.

Крейсер «Отава» скрылся совсем, как будто растаял в сияющей дали. Пловцы остались без всяких шансов на спасение. Над ними безучастно распростерлась голубая высь. Под весенним солнцем искрилось и нежилось зыбучее море. С одной стороны смутно намечались, словно дымясь, скалы острова Дажелет, а с другой — синели корейские берега. Это было все, что представлялось взорам покинутых людей. Жутью наполнились их сердца. Больше всех страдали кочегары и машинисты. Из своих жарких помещений они, разгоряченные и потные, бросались в холодную воду. Некоторые недолго выдерживали эту пытку и умирали, другие теряли рассудок. Находились и такие, которые, избавившись от спасательных средств, кончали самоубийством.

Прошло более двух часов, наполненных отчаянием и ужасом, прежде чем увидели приближающийся японский двухтрубный транспорт — «Америка-Мару». Он остановился и спустил три шлюпки. На них подбирали людей почти до вечера.

«Америка-Мару» с русскими пленными направился к своим берегам. Из экипажа «Светланы» недосчитали сто шестьдесят семь человек. Жизни этих защитников корабля поглотило море. А остальные ехали на борту неприятельского судна в чужую и неведомую страну. Но совесть их была спокойна. Не щадя себя, они, как могли, отбивались от сильнейшего врага. Теперь у них были другие переживания. В отважных сердцах русских моряков огнем и железом были запечатлены чувства безмерной ненависти к тем, чью жестокость они на себе испытали уже после боя, и к тем внутренним врагам, по чьей вине не досталась им победа.

12. ЧЕМУ ДИВИЛИСЬ ЯПОНЦЫ

Выбравшись на берег, моряки «Быстрого» устремились в глубь Корейского полуострова, в горы. За одной из них они укрылись и проверили команду. Нехватало трех человек, очевидно погибших в море во время спасания.

Стрельба прекратилась, и можно было отправиться дальше. Только теперь узнали от корейцев порази-

тельную новость, о которой русская эскадра не подозревала: по всему корейскому побережью были устроены наблюдательные посты, снабженные беспроволочными телеграфными станциями. От этих наблюдательных постов не могло ускользнуть ни одно движение на море. Конечно, и о русских моряках, загнанных обстоятельствами войны на берег, стало известно японцам. К вечеру их уже окружил десант, высаженный с крейсера «Нийтака». Усталым за два дня боя и не имевшим при себе оружия, им пришлось сдаться в плен.

Но и в плену их не покидало сознание честно выполненного долга: корабль был вовремя взорван. Воспоминание об этом доставляло всем радость. Выбравшись из воды на корейскую землю, они с облегчением издали наблюдали, как, боясь, очевидно, наткнуться на мель, тихо приближался к «Быстрому» неприятельский миноносец. Потом он совсем остановился, и от него отделилась шлюпка. Она направилась к видневшимся над водой развалинам корабля.

Русские моряки были уверены, что противник им не воспользуется. Это сознание еще больше объединяло команду с командиром. Здесь, на берегу, он остался таким же дружески расположенным к матросам. Теперь все они были перед ним в сборе. Командир ласково оглядывал своих спасителей. Это они, его подчиненные, помогли ему выплыть на сушу — без них он мог бы захлебнуться на морских волнах. Довольный преданностью своей команды и еще больше тем, что миноносец удачно взорван перед самым носом неприятеля, Рихтер приложил ладонь левой руки к сердцу и взволнованно обратился к матросам:

— Братцы, я никогда не забуду вас. Поход на Дальний Восток и вчерашний бой сроднили нас навеки. Считайте меня навсегда своим другом. Вернемся на родину, и я за боевые заслуги представлю вас к награде. Мало того, я лично прошу каждого из вас запросто заходить ко мне на квартиру в Петербурге, если будете в чем нуждаться. Помогу.

Матросы шумно благодарили командира, речь которого ободрила их [49].

Несмотря на пережитые за последние дни страдания, к некоторым впервые вернулось даже веселое на-

строение. Послышались язвительные шутки по адресу запоздавшего неприятеля.

— Хотели взять корабль, а придется только облизнуться,— сказал кто-то, улыбаясь.

— Все это хорошо, а что стало с Галкиным? — спросил машинист Ефремов.

Шутки сразу прекратились, лица нахмурились.

— Не иначе, как придется записать в поминание за упокой Петра,— со вздохом промолвил кочегар и перекрестился.

— Погоди креститься, может, он и жив еще.

— Нет, уцелеть никак невозможно.

— Да, а парень-то оказался какой!.. На верную гибель остался и всех выручил,— с восторгом отозвался подшкипер Филиппов.

Всем было жаль товарища, но имя Петра Галкина стало гордостью команды. И никто не знал, что в действительности с ним случилось. А дело было так. Оставшись один, Петр Галкин достал кусок пенькового троса, надел на себя спасательный пояс и прошел на корму. Взгляд его невольно устремился в сторону отплывающих людей: они были уже далеко и вне опасности от взрыва.

— Пора!

Квартирмейстер не узнал своего голоса, словно кто-то другой скомандовал ему.

Спустившись в жилую палубу, он остановился у приготовленного бикфордова шнура. В его руках уже вспыхнула спичка, но он ее быстро погасил. Вся его фигура застыла на месте. Голова была занята точными расчетами — сколько времени прогорит отрезок шнура до подрывного патрона? Восемь минут. Это больше чем достаточно, чтобы успеть скрыться. Только после этого был подожжен бикфордов шнур. Но Галкин задержался — правильно ли воспламенился шнур? Все было хорошо. Огонь уверенно шел к своей цели. Черный тонкий жгутик как будто уползал, извиваясь, в бомбовый погреб и постепенно укорачивался. Галкин не мог не сознавать, что, может быть, вместе с ним также укорачивается и срок его жизни, и зашагал на нос. Здесь он один конец пенькового троса прикрепил к леерной стойке, а другим опоясал себя. В таком связанном виде он спустился за борт, как

за блиндированное прикрытие, повис и стал ждать. Отсюда ему было видно, как некоторые из команды уже выходили из воды на берег. Удастся ли ему когда-нибудь встретиться опять с этими дорогими людьми? Они могут еще вернуться в Россию, а он... Слезы навернулись на глаза, а из груди вырвался громкий крик:

— Поклон родине!

Никто ему не ответил. Он слышал только знакомые всплески волн, ударявшихся о железные борта. Жидко дымили трубы, создавая впечатление, что судно стоит на якоре и ничто ему не угрожает. Квартирмейстер не испытывал страха, но он ежился от странного ощущения — у него, несмотря на солнечный день, почему-то очень озябла спина. Может быть, прошло только несколько минут, а ему казалось, что он висит над водою долгие и томительные часы. Возникла тревожная мысль — не погас ли бикфордов шнур? Но как бы в ответ ему, раздирая нутро корабля, раздался грохочущий треск. Над бортом с воем и свистом пронеслись куски железа. Самые тяжелые из них упали тут же около носа, обдав Галкина фонтаном воды. Ему показалось, что и сам он вместе с рванувшимся кораблем взлетел на воздух и рассыпался сверкающими брызгами. В следующее мгновение его стремительно закачало на тросе, ударяя о борт, и ему стало ясно, что он остался жив.

Все расчеты квартирмейстера на спасение оправдались. Увидя сохранившуюся носовую часть, он подумал, что и весь корабль, быть может, цел. Не во сне ли все это было? По тросу он торопливо поднялся на палубу и остался доволен своей работой: врагу могут достаться только груды развороченного железа. Больше ему здесь делать было нечего. Но переправляться на берег, чтобы догнать команду, Петр Галкин не спешил. Плавать он не умел, а на спасательный пояс не надеялся. Сказались на нем и последствия взрыва: от перенапряжения мускулы размякли, как вата, трудно было двинуться с места, шумело в голове и очень хотелось пить.

К поднимавшемуся над водой носу «Быстрого» пристала неприятельская шлюпка. Японцы возбужденно с гортанным визгом заговорили что-то на сво-

ем языке. На их желтых и черноглазых лицах выражалась досада, как у охотника, упустившего свою добычу, и они в ярости замахали кулаками. То, что они увидели, раздражало их и удивляло: на носовом кнехте взорванного судна сидел человек, курил папиросу и, глядя на них, скромно улыбался. Но даже и у рассвирепевшего противника не поднялась рука покончить с этим героем,— квартирмейстер Галкин был взят в плен [50].

13. «БЛЕСТЯЩИЙ» МЕДЛЕННО ПОГРУЖАЕТСЯ

Поход на Дальний Восток был особенно тяжел для миноносцев 2-й эскадры. Каждый из них имел личный состав в семьдесят с лишком человек. Люди ютились в тесных помещениях и, за отсутствием рефрижераторов, в редких случаях пользовались свежим мясом. При небольшом сравнительно волнении, мало отражавшемся на крупных кораблях, миноносцы так качались, что нельзя было приготовить горячую пищу. Иногда это продолжалось неделю и больше, вынуждая офицеров и команду питаться одними консервами и сухарями. Еще больше ухудшалась жизнь во время шторма. Все люки наглухо закрывались, и все же во внутренние помещения проникала вода. От мокрого платья шло испарение. Нечем было дышать. Миноносцы уже не качались, а прыгали и колотились среди разъяренных волн. У людей было ощущение, что они находятся в закупоренной бочке, беспрерывно поднимаемой и сбрасываемой с большой высоты. Нужно было иметь необыкновенное терпение, чтобы выносить всю тяжесть такого плавания.

С большим напряжением миноносцы шли вперед. Иногда их тащили на буксирах транспорты. Так или иначе, но эти маленькие кораблики, к удивлению всего мира, преодолели огромное пространство и прибыли на театр военных действий. Их личный состав проявил изумительный героизм. А что требовалось от них дальше? Командующий эскадрой не воспользовался ими как боевыми единицами флота.

«Блестящий» и «Бодрый», как и другие русские эскадренные миноносцы, не отдавали себе ясного отчета о своей роли в бою. В полдень, перед генеральным сражением, по сигналу Рожественского первому

было приказано находиться при крейсере «Олег», второму — при крейсере «Светлана». Зачем, для какой цели? Каждому миноносцу приходилось решать этот вопрос по-своему.

Командовал «Блестящим» капитан 2-го ранга Шамов. Он стоял на мостике и, держась за поручни, бросал быстрые взгляды то на неприятельские корабли, то на свои крейсеры. В чертах его округлого скуластого лица с небрежно торчащими русыми усами не было ничего типично барского. Всем своим внешним обликом этот коренастый блондин был похож на смекалистого и серьезного землероба, почему-то нарядившегося в офицерскую форму. Никакого намека на аристократический лоск в нем не было. Может быть, поэтому и не везло ему по службе, несмотря на то что он и дело свое знал и служил честно, и с командой обходился хорошо. В начале сражения на нем лежала одна забота — держаться подальше от падающих японских снарядов. Около ног его, нервничая от орудийного грохота, крутились две собаки: маленький, суетливый, с крючковатым хвостом Бобик — подарок детей — и здоровенный, с огромной мордой сенбернар Банзай, купленный щенком во время войны. Командир посмотрел на них и наставительно сказал:

— Эй вы, воины, ведите себя приличнее.

Вдруг стоящим на мостике показалось, что с треском отвалилось все днище миноносца. Некоторые из офицеров и матросов упали. Командир только подпрыгнул, но удержался на ногах и странно закрутил головою. Обе собаки сначала испуганно взвизгнули, а потом, не видя врага, яростно залаяли в пространство: одна обрывистым басом, другая звенящим, словно колокольчик, подголоском. «Блестящий» на мгновение наполнился огнем и, окутанный дымом, свернул в сторону, но продолжал держаться на воде. Во многих местах продырявилась верхняя палуба. Казалось, не газы и осколки, а какой-то незримый многорукий озорник поджег штурманскую рубку, выбросил из стола шлюпочную книгу и вахтенный журнал, листы которых полетели за борт, как стая белых птиц, перебил машинный телеграф и рулевой привод к паровому штурвалу, испортил водоотливную турбину, вывел из строя паровой котел и безжалостно изувечил несколь-

ко человек. Кто-то из них отчаянно завопил. Кочегар Ковалев, которому оторвало ногу, ползал по палубе, кружась, словно что-то разыскивая, и озабоченно кричал:

— Помогите мне, братцы! Куда она делась?.. Я здесь стоял.

Все это произошло оттого, что неприятельский девятидюймовый снаряд, предназначенный для крейсеров, случайно попал в левый борт миноносца. В жилой палубе от взрыва этого снаряда воспламенились два ящика с 47-миллиметровыми патронами.

По приказанию командира пробили сразу две тревоги — пожарную и водяную. С огнем скоро справились, но ничего не могли поделать с пробоиной. Наложенный на нее пластырь от быстрого хода оторвался. Вода, врываясь внутрь миноносца, быстро заполняла его носовую половину. Рулевых перевели на ручной штурвал. «Блестящий» направился к месту гибели броненосца «Ослябя» и вместе с другими миноносцами стал подбирать из воды людей. Это было в три часа дня. Бросая концы за борт, удалось поднять на палубу только восемь человек. Неприятельские крейсеры, приближаясь, открыли по спасающим судам частый огонь. «Блестящий» направился к своей эскадре.

Командир Шамов в это время стоял на корме у ручного штурвала. Вокруг миноносца падали неприятельские снаряды. Шамов, увидев лишних людей на палубе, крикнул им:

— Ребята, без дела не шататься наверху. Зря может убить или ранить.

Потом он сказал мичману Ломану:

— Я поднимусь на мостик. Буду следить, как бы нам не наткнуться на плавающие мины. А вы оставайтесь здесь.

Ломан, рослый и плечистый шатен, ответил:

— Есть!

Шамов обычной проворной походкой пошел вдоль правого борта, сопровождаемый двумя собаками. За ним последовал легко раненный мичман Зубов, непоседливый и стремительный юноша. Банзай и Бобик, привлеченные незнакомым запахом шимозы, обнюхивали на ходу разбитые места палубы. Против второй

дымовой трубы с командиром встретился боцман Фомин. Крепкий телом, великолепно исполнявший свои обязанности, он никогда не унывал, но на этот раз его смуглое лицо было чем-то обеспокоено.

— Ну что, Француз, как дела? — спросил Шамов, который всегда при обращении почему-то называл так боцмана, хотя в нем ничего французского не было.

— Дела неважные, ваше высокоблагородие. Никак не можем справиться с пробоиной. Придется, видно, с морского дна пузыри пускать.

Командир остановился, удивленно глядя на боцмана.

— От тебя ли я это слышу, Француз? Ты, бывая даже пьяным, ловко выкручивался из самых критических положений. Не к лицу тебе голову вешать раньше времени.

— Да как же, ваше высокоблагородие! Все меры приняли. Воду выкачивают брандспойтами, вычерпывают ведрами, а она все прибывает. Носовая переборка еле выдерживает ее давление. Сейчас под переборку ставим упоры. Я использовал для этого сходни и шлюпочные мачты.

— Мобилизуй себе в помощь еще часть команды. Ты сам знаешь, что нужно делать. Иди.

Фомин побежал от него, но не успел сделать и десяти шагов, как покатился кубарем к кочегарному кожуху. На этот раз снаряд попал в правый борт и разорвался в угольной яме. Котел № 2 вышел из строя. Из пробитой трубы вспомогательного пара с ревом повалил горячий туман, заглушая неистовые вопли ошпаренного кочегара Концевича. Боцман Фомин, не задетый ни одним осколком, торопливо вскочил и огляделся. Первое, что бросилось ему в глаза,— это пробитая во многих местах палуба и опрокинутые на ней люди. Кочегар Ермолин еле ворочался, оторванная кисть его руки была заброшена на кожух. Помощник сигнальщика, матрос Сиренков, был разорван почти пополам вдоль туловища. Оба они только что стояли у 47-миллиметровой пушки. Недалеко от них неподвижно лежали командир Шамов, Банзай и Бобик, а на них, как будто играя, навалился раненый в ногу мичман Зубов. Мичман поднялся и побрел к фельдшеру на перевязку. Командир и две его собаки лежали

на палубе мертвыми. Около них собрались матросы. Для команды Шамов был исключительно хорошим начальником, и каждый, глядя на него, выражал свое горе:

— Не дыхнул бедняга.

— Где уж тут дышать. Голову и грудь пронзило.

— Дельный был командир. Пропадать нам без него.

Подошел командирский вестовой и, покачав головой, промолвил:

— Барина жалко — ничего худого о нем не скажешь. А насчет собак — слава богу, что их убило. Больно пакостили много. Надоело убирать за ними.

Занятые командиром, лишь немногие обратили внимание еще на одного человека. Осколками этого же снаряда был тяжело ранен единственный штатный сигнальщик, латыш Визуль. Он хотел бежать на перевязку, но кто-то из офицеров приказал ему сообщить сигналом адмиралу Энквисту о смерти командира. И молчаливый Визуль, зная, что, кроме него, никто из матросов не может этого выполнить, бросился к ящику с флагами и начал их набирать. В ноге у него глубоко засел горячий осколок, на одной руке недоставало пальца, на другой — была пробита ладонь. Боль заставила его стиснуть зубы, искривила лицо, на фалах, при помощи которых он поднял флаги к рее мачты, остались следы крови. Однако задание им было выполнено, и лишь после этого, он, бледный, шатаясь и хромая, направился к фельдшеру.

В командование миноносцем вступил старший офицер, мичман Ломан.

Вскоре «Блестящий» вышел из сферы огня и присоединился к своим крейсерам. Около них он держался до самого вечера. А когда показалась неприятельская минная флотилия, крейсеры развили такой быстрый ход, что он не мог за ними поспеть. «Блестящий» остался один, искалеченный, в окружении тьмы и моря. При большом диференте на нос корма его приподнялась, лопасти винтов едва достигали воды. Корабль лишился главного преимущества — скорости и превратился из прежнего рысака в жалкую клячу. Вода стала проникать в кочегарное отделение. На том месте, где разорвался первый снаряд, получился изгиб

в корпусе, и все с ужасом ждали того момента, когда носовая половина его отвалится. Люди измучились в борьбе за плавучесть корабля. Кочегар Жучко, окончательно изверившись в спасении, залез в угольную яму и улегся там. Увидев хозяина трюмных отсеков Романюка, он упавшим голосом пожаловался ему:

— Нет у меня больше сил работать. Закрой меня. Вместе с миноносцем пойду на дно.

Романюк едва уговорил его вылезти из ямы.

Мичман Ломан, посоветовавшись с другими офицерами, направил миноносец в Шанхай.

В начале одиннадцатого часа ночи позади справа во мгле обрисовался силуэт небольшого судна. На «Блестящем» люди встревожились и на всякий случай навели на него пушки. Но в ту же минуту тревога сменилась радостью: по световым опознавательным сигналам установили, что позади следует русский миноносец «Бодрый». В ответ ему сообщили название своего миноносца и пошли рядом с ним.

Заместитель командира «Блестящего», мичман Ломан, сказал своим офицерам:

— Опасность для нас значительно уменьшилась. От противника мы уходим. А если будем тонуть, то нас подберет «Бодрый».

Один из офицеров, знавший хорошо характер командира «Бодрого», высказал свои сомнения:

— А не удерет от нас Иванов? От этого человека всего можно ожидать. Если его миноносец меньше поврежден, то он не захочет за нами плестись.

— Не посмеет он этого сделать. В нем слишком много трусости. И в морской карте его познания слабоваты. Он никогда не ходил самостоятельно, а все норовил за кем-нибудь увязаться.

На «Блестящем» продолжали выкачивать воду, но она все прибывала, поднимаясь в носовой кочегарке выше площадки. В эту ночь офицеры и команда не могли заснуть ни на одну минуту. И все настолько были обессилены работой, что едва могли передвигаться. С рассветом боцман Фомин доложил командиру:

— Кончается наше плавание, ваше благородие. Не миновать беды. Миноносец от зыби разламывается, как пряник.

Мичман Ломан осмотрел миноносец и, еще раз посовещавшись с офицерами, в 4 часа 30 минут утра распорядился просемафорить на «Бодрый»: «Миноносец тонет, примите нас к себе».

Два миноносца через полчаса сошлись борт с бортом и начали пришвартовываться друг к другу. Командир «Бодрого», капитан 2-го ранга Иванов, полнотелый старик с окладистой седой бородой, стоя на мостике в такой величественной позе, словно был адмиралом, важно спросил:

— А где же Сергей Александрович Шамов? Почему его не видать?

Мичман Ломан ответил:

— Наш командир лежит на юте мертвым.

— Жаль, очень жаль. Друзьями мы с ним были. Ну, вот что: у меня мало угля.

— Мы вам свой передадим.

С «Блестящего» сначала перевели на «Бодрый» раненых, а потом стали перегружать уголь и более ценные вещи — секстан, хронометры, приборы беспроволочного телеграфа, пулеметы, ружья, машинные материалы, вахтенные журналы. Из продуктов взяли только несколько голов сахару. Остальная провизия была затоплена водой.

В разгар работы к командиру Иванову подбежал радиотелеграфист Попонин и торопливо доложил:

— Ваше высокоблагородие, на нашей станции получаются какие-то знаки. Разобрать ничего нельзя. Очевидно, японцы переговариваются.

Вскоре заметили на горизонте дым неизвестного судна. Заподозрив в нем противника, немедленно прекратили работу. Успели перегрузить лишь тридцать мешков угля. Людям было приказано скорее перебираться на «Бодрый». На «Блестящем» осталось только несколько человек, чтобы ускорить его потопление. По распоряжению мичмана Ломана хозяин трюмных отсеков Романюк и один из машинистов открыли кингстоны, иллюминаторы. Внутренние помещения миноносца, наполняясь водою, заклокотали, зашумели, словно кипящие посудины на огне. Тем временем боцман Фомин принайтовил мертвого Шамова и обоих его четвероногих друзей, Банзая и Бобика, к орудийной тумбе, чтобы они не всплыли на съедение аку-

лам. Снятое с командира обручальное кольцо он вручил мичману Ломану для передачи семье покойного. Миноносец, покинутый всеми, медленно погружался, и теперь уже никто не мог бы вернуть его к жизни.

«Бодрый», отдав швартовы, в шесть часов отошел от борта и, взяв курс на запад, тронулся вперед. С каждой минутой ход его увеличивался, за кормою сильнее вздувались белопенные буруны. Люди с «Блестящего» и радовались, удаляясь от опасности, и в то же время переживали печаль, оглядывась на свой погибающий миноносец. А он постепенно уменьшался, как будто таял в утренних лучах солнца, и, наконец, совсем исчез с поверхности моря.

На горизонте не было видно ни одного дымка. Море разливно сверкало. Измученная команда могла отдохнуть.

14. В ДРЕЙФЕ

Командир «Бодрого» капитан 2-го ранга Иванов, разговорившись с офицерами «Блестящего», начал делиться с ними впечатлениями о сражении:

— Бились мы отлично. Правда, мы, по-видимому, понесли поражение, но досталось и японцам. Они потеряли два броненосца — один двухтрубный, другой трехтрубный. Один из них был головным. Надо полагать, что это погиб флагманский корабль, погиб вместе с адмиралом Того. На двух или трех неприятельских броненосцах возникали пожары. Одно какое-то судно отстало от эскадры и сильно накренилось. К нему вплотную подошел «Владимир Мономах» и докончил его. Кроме того, было замечено, что из восьми неприятельских крейсеров три вышли из строя и тоже, вероятно, утонули.

Один из офицеров с «Блестящего» вежливо возразил:

— А у нас осталось иное впечатление — японцы нисколько не пострадали от нашего огня.

— Плохо вы наблюдали, милостивые государи. Я собственными глазами видел, как гибли неприятельские корабли[51].

Командир Иванов продолжал рассказывать о потерях японского флота, но ему никто не верил. И сре-

ди своих офицеров он не пользовался авторитетом: они не могли получить от него какие-либо познания по военно-морским вопросам. Он обладал зычным хриповатым голосом, много шумел, иногда без всякого повода, глядя на подчиненных бессмысленными серыми глазами. В противоположность Шамову, он не ладил и с матросами. И они не любили его, отзывались о нем всегда с насмешкой:

— В нем только и есть одно — борода на две стороны, значит, никому не должен.

Неоднократно у него бывали столкновения с командой из-за пищи. Матросы заявляли ему претензии, а он ругал их последними словами и в заключение добавлял:

— Вы у меня, негодяи, вот где сидите.

И показывал рукою на свою толстую шею, сплошь пораженную фурункулами.

Провинившемуся матросу обычно грозил:

— Зад твой, воля моя — драть буду!

Во время сражения миноносец «Бодрый», руководимый таким командиром, был для эскадры так же бесполезен, как бесполезна бородавка на теле. «Бодрый» не сделал по японцам ни одного выстрела. Даже в спасании людей ему не пришлось принять участия. Только однажды случайно заметили с него плавающего в море человека, взывавшего о помощи. Миноносец решил спасти его, и началась суматоха. Утопающему бросали концы снастей, но все неудачно. Командир Иванов нервничал и, сбивая с толку своих помощников, хрипел:

— Ход назад! Стоп машина! Вперед! Право руля! Лево руля!

Трюмный квартирмейстер Волков, наблюдая за бестолковыми действиями командира, сказал:

— Ну и послал же нам господь бог чадушку с бородой.

Машинный квартирмейстер Пинаев добавил:

— Сухопутный моряк.

Прежде чем подняли на борт пловца, миноносец прокружился около него целых полчаса. Спасенный был невысокого роста, толстый, круглый, как откормленный кабан. В одном нижнем белье, с которого ручьями стекала вода, с болтавшимся на ремне финским

пожом, он сейчас походил на пирата, побывавшего за бортом из-за неудачного нападения на судно. На момент он грузно повис на руках матросов. Все тело его судорожно дергалось от порывистого дыхания, на широком побледневшем лице с остановившимися голубыми глазами и раскрытым ртом было такое выражение, как будто этого человека только что вытащили из петли. Казалось, что он доживает последние минуты. Но он, к удивлению всех, неожиданно выпрямился, огляделся и заулыбался посиневшими губами. Из расспросов выяснилось, что это был вольнонаемный рулевой с погибшего буксирного парохода «Русь», родом из Ревеля, по национальности эстонец. Когда пароход «Русь» был всеми покинут, он один оставался на своем посту: стоял в рубке у руля и ждал команды. Но командовать было уже некому. Судно через пробоину наливалось водою, кренилось. Эстонец в тревоге оглядывался, а потом выскочил на мостик и, убедившись, что ни одного человека, кроме него, на «Руси» не осталось, бросился в море. Часа полтора он плавал в одиночестве, качаясь на волнах, и лишь случайно «Бодрый», подобрав, избавил его от смерти. Он переоделся в сухое платье, получил от баталера Игнатьева чарку рома и, спустившись в унтер-офицерскую каюту, крепко заснул.

«Бодрый» дал полный ход, направляясь к своим крейсерам. Спустя несколько минут небольшой неприятельский снаряд попал в щит 47-миллиметровой пушки и разорвался. Кочегар Бельков свалился мертвым, комендор Царев застонал от тяжелых ран; слегка были задеты осколками еще четыре матроса. В припасенном ящике с 47-миллиметровыми патронами воспламенился бездымный порох, угрожая взрывом, но минный квартирмейстер Руднев схватил голыми руками горящую массу и, обжигаясь, выбросил ее за борт. Осколками исковеркало трубу для подачи 75-миллиметровых снарядов и пробило верхнюю палубу. Но вскоре все повреждения были исправлены. Однако командир Иванов самостоятельно решил выйти из сражения.

15 мая, приняв команду с затопленного «Блестящего», «Бодрый» шел бесперебойно, держа курс на Шанхай, и до самого вечера ни с кем не встретился.

С нетерпением ждали ночи, а когда наступила она, людей опять охватило беспокойство. Им все мерещились огни справа, слева, впереди. «Бодрый», боясь наткнуться на японцев, сворачивал со своего пути в разные стороны. На следующий день началось сомнение в правильности курса — его часто меняли. К этому прибавилось новое осложнение: стоявшая с утра благоприятная погода к полудню начала портиться. Быстро падал барометр. Южный ветер, усиливаясь, постепенно дошел до десяти баллов. Запенилось Китайское море, вспухая буграми и забавляясь корабликом в триста пятьдесят тонн водоизмещением, как лев с мышонком. Угрожала опасность, что «Бодрый», лишенный достаточного груза в трюмах, может легко перевернуться на волне вверх килем. Чтобы увеличить остойчивость судна, спустили четыре бортовых пушки в угольные ямы. Кроме того, пришлось поставить миноносец носом против ветра и, борясь со штормом, удерживаться на месте действием машин.

— Как же это так? — спрашивал у проходивших матросов баталер Игнатьев.— Ну-ка японцы подвернутся, а у нас пушки в угольной яме?

— Страхов много, а смерть одна,— ответил ему, махнув рукой, комендор Ключегорский.

К Шанхаю больше не продвигались, а между тем кочегарки съедали последние остатки топлива. Под парами остались только два котла вместо четырех. Для корабля наступал тот момент, которого больше всего боялись моряки. Не было пробито никакой тревоги — ни боевой, ни пожарной, ни водяной, но весь экипаж, от командира до матроса, заметался, словно всем объявили о немедленной гибели. К полуночи весь уголь был истреблен. По судну торопливо забегали люди с топорами и ломами, разыскивая дерево. То в одном месте, то в другом раздавался треск ломаемых сооружений. К топкам несли стеллажи продовольственных погребов, решетчатые люки, командные рундуки и коечные сетки, обеденные столы, сходни, доски для погрузки, отделку жилых помещений, паклю, масло,— все, что могло гореть. Но и этого хватило ненадолго. Добавили две шлюпки: двойку и восьмерку. Это было последнее топливо. Пары в котлах прекратились. Трубы перестали дымиться, не бы-

ло больше слышно ритмических вздохов машин, корабль повертывало ветром, как всплывший труп кита, и несло в неизвестность.

— Лотовые на лот! — с дрожью в голосе закричал командир Иванов, едва удерживаясь на ногах от усилившейся качки.

Смерили глубину — она оказалась настолько большой, что нельзя было стать на якорь.

В эту ночь люди прощались с жизнью. А утром 17 мая ветер стал стихать. По счислению определили свое местонахождение в море: до шанхайского маяка «Шавейшан», к которому держали курс, оставалось еще около девяноста миль.

«Бодрый» оказался во власти моря. Приспособили и в 10 часов 40 минут подняли на нем паруса, сшитые из тентов и матросских коек,— кливер, фок- и грот-марселя. Но миноносец не держался на курсе и медленно поворачивался носом то в одну сторону, то в другую. Ставший на вахту мичман Давыдов заглянул в вахтенный журнал и, прочитав запись предыдущего офицера, улыбнулся углами губ:

— Это называется — на ходу под парусами! Так громко величается наше верчение на месте. Следовало бы записать — карусель под парусами, или танец на волнах.

Море становилось мельче. Решили продвигаться ближе к цели, пользуясь приливным течением и бросая якорь во время отлива. Однако успех от этого был ничтожный. Корабль уподобился обезноженному человеку, пытающемуся на одних только руках проползти огромное расстояние. Впереди до самого берега тянулась отмель. Это было и хорошо и плохо: она давала возможность становиться на якорь во время отлива и хотя медленно, но сокращать расстояние; она же и ухудшала положение миноносца, потому что в этой полосе моря, боясь аварий, не ходили большие пароходы и нельзя было рассчитывать на постороннюю помощь. Ползком надвинулся, холмисто расстилаясь по зыби, туман, серый и густой, как вата. Он тоже играл действенную роль, скрывая миноносец не только от японцев, но и от нейтральных судов. В довершение всего продукты и пресная вода были на исходе.

На миноносце, экипаж которого удвоился, было тесно. Туман, скрывающий солнце, был теплый, как пар в бане, и действовал на всех расслабляюще. Двое тяжело раненных умерли, трупы их выбросили за борт. Пресная вода, случайно сохранившаяся в одном котле, была мутная, со ржавчиной, невкусная. Но и ее выдавали только по два стакана на человека в сутки под строгим контролем хозяина трюмных отсеков Волкова. У этого котла, чтобы кто-нибудь не украл драгоценной влаги, день и ночь стояли часовые. Баталер Игнатьев, раздражаясь, ворчал:

— Хотел бы я знать, в каком месте у нашего командира Иванова спрятан разум? Ведь должен он был соображать. До назначенного места мы все равно не дойдем. Значит, нужно было оставить хоть немного угля для опреснителя.

— Да, работай теперь у нас опреснитель, мы бы не нуждались в пресной воде,— отозвались матросы.

— Не командир, а шляпа, да еще дырявая.

Убавили в два раза и порции продуктов. Вместо свежего хлеба люди получили по нескольку ржаных сухариков. Обед приготовлялся из соленой забортной воды и мясных консервов. Чтобы не умереть раньше времени, его съедали, морщась и делая над собою усилие, съедали с таким же отвращением, с каким больные принимают противные лекарства. И все понимали, что это еще не самое худшее. Миноносец «Бодрый», пользуясь приливным течением, приближался к желанной земле чрезвычайно медленно — от пяти до семи миль в сутки. Если не подвернется посторонняя помощь, то люди совсем останутся без пищи и питья. Будущее рисовалось не менее страшным, чем сражение при Цусиме.

Матросы с «Блестящего» вспоминали своего командира:

— Вот наш Шамов — это был настоящий моряк. Он знал море, как собственную квартиру. Будь он на «Бодром» — у него хватило бы и этого угля. Это вам не Иванов, который путался в море, как крученый баран. С нашим командиром мы давно уже были бы в Шанхае.

В ответ на это команда «Бодрого» могла сравнить с Шамовым только одного своего офицера:

— Был и у нас штурман — мичман Гернет. Жаль, что его перевели на крейсер «Дмитрий Донской». Таких штурманов редко найдешь. Он провел бы «Бодрого» прямо в Шанхай, как по рельсам.

Прошел день, второй. Положение «Бодрого» нисколько не изменилось. Люди устали тосковать и отчаиваться. Вся их работа заключалась только в том, что по утрам, как и в обычное время, окатывали палубу и во время отлива выбирали вручную якорь. Невольно хотелось забыть о своем бедствии и чем-нибудь развлечься. Многие из команды старательно шутили. Но все сразу приумолкли, когда заговорил боцман Фомин:

— Плыли мы Средиземным морем. Остановились у острова Крит. Наш командир отправился в гости к Иванову. Принял тот его хорошо. И даже приказал выдать по чарке рому гребцам нашего вельбота, а мне предложил разделить компанию с его боцманом Урупой. Засиделись мы долго. Вдруг в первом часу ночи слышим крики. Оказалось — два командира не сошлись мнениями насчет войны. Шамов доказывал, что война начата зря. Оголтелые авантюристы из верхов нас посылают на убой. Иванов — на дыбы. «Мы, говорит, оба служим его императорскому величеству, и ты не смеешь при мне так выражаться. Вон с моего корабля!» Смотрю — рвет с груди моего командира медаль и, словно окурок, швыряет ее за борт. Что тут стало с Шамовым — передать невозможно. От злобы его всего передернуло — он стиснул зубы и затрясся. И в ту же секунду туша Иванова отшатнулась от увесистой затрещины. Началась форменная драка. Наш командир, не помня себя, завопил: «Француз! Бей и ты Иванова!» Что делать? Схватил я своего командира в охапку и скорее на вельбот. Иванов выхватил револьвер и хотел стрелять. Но боцман Урупа обезоружил его, за что получил несколько оплеух. Направляемся мы на вельботе к своему миноносцу. Шамов успокоился и говорит мне: «Скажи, Француз, почему ты не исполнил моего приказания и не бил Иванова?» Я ответил: «Не мог этого сделать, ваше высокоблагородие. Я обладаю большой силой и мог бы с одного удара убить человека. И тогда мне пропадать за него?» Шамов подумал и

сказал: «Ты вполне прав, Француз. Убить его следовало бы, но таскать из-за него цепи на каторге — не стоит он того». Впоследствии оба командира помирились и опять бывали друг у друга в гостях.

Матросы «Бодрого», посмеявшись, упрекнули Фомина:

— Разок-другой надо бы трахнуть Иванова. Конечно, не до смерти, а так себе, чтобы искры посыпались у него из глаз, как от динамомашины. В суматохе он все равно не заметил бы, от кого получил подарок.

Не успел кончить Фомин, как начал рассказывать минный квартирмейстер Бугорков:

— Тут упомянули о динамомашине. Я вспомнил один случай. Спрашивает адмирал Рожественский у одного минного машиниста, какой он губернии? А тот привык иметь дело с электричеством, возьми да и ответь ему: «Пензенской, ваше электричество». Рассвирепел Рожественский и давай кулаком по темени вразумлять минного машиниста: «Я, говорит, тебе не динамомашина, а адмирал флота его императорского величества. Запомни раз навсегда: меня величают ваше превосходительство, а не электричество».

Некоторые матросы коротали вынужденный досуг на заблудившемся судне воспоминаниями детства, проведенного в далеких глухих деревнях среди лесов и степей родины, рассказывали о тех своих близких, которые сейчас томятся разлукой с ними.

Иногда машинист Котов появлялся на верхней палубе с гармошкой. Окруженный матросами, он умело наигрывал на ней, а кочегар Попов подпевал ему. Оба они получали за это по лишнему стакану пресной воды. Высокий тенор Попова залихватски извивался на верхах, напевно вплетаясь в игру гармоники. Боль и удаль звучали в трогательной мелодии, разгонявшей черные мысли матросов о грозящей смерти. Одинокий корабль, покачиваясь в непроглядном тумане, на время как будто оживал, и тогда всем казалось, что, в сущности, не все еще потеряно,— жизнь продолжается. Солист команды, кочегар Попов, был рослый парень, пропорционально сложен, с правильными чертами лица, обрамленного кудрявой бородкой. Зная много песен, грустных и веселых, он

всегда пел их без устали, с подъемом. Матросы отзывались о нем восторженно:

— Сам красив, а поет в два раза красивее.

— Запой такой человек весной в тенистом саду — что это будет? Замолчат все соловьи. Будут слушать только Попова.

Гнетущей тяжестью давили на сердце недавние впечатления Цусимского боя. Но люди, словно сговорившись между собою, старались не вспоминать о нем, как о скверном случае в их жизни. Теперь офицеров и команду больше всего занимал Шанхай, куда все стремились скорее попасть. Невидимый и далекий, он рисовался в воображении необыкновенным городом. Недаром моряки всех стран называют его азиатским Парижем. В кают-компании каждый делился тем, что знал о нем. Но этот город контрастов, город ослепительной роскоши и классической нищеты мало кого интересовал своим социальным или политическим лицом. Голод и жажда заставили офицеров все разговоры свести на ресторанные темы — чем там кормят? Собеседники, с блестящими глазами фанатиков еды, изощрялись друг перед другом в перечислении изысканных блюд и тонких напитков. Меню воображаемых пиршеств в рассказах заканчивалось феерическими сладостями Востока и Запада — тортами, петифурами, морожеными, тропическими фруктами, черным кофе с душистыми ликерами мировых марок. Можно было подумать, что здесь собрались не офицеры, а гастрономы или официанты и наперебой читают ресторанный прейскурант, расхваливая перед кем-то кушанья и вина.

— Довольно растравлять самих себя тем, чего у нас нет под руками! — взмолился, наконец, мичман Зубов, на ранах которого повязки не менялись со дня боя — не было чистой марли.

Некоторые попробовали перевести разговор на другую тему. Но желудок не переставал напоминать о себе. Слывший на корабле за чревоугодника, командир Иванов, хватаясь за живот, первый вернулся к прерванной беседе:

— Добраться бы до Шанхая! Заберусь в самый лучший ресторан и два дня не выйду.

Он подмигнул офицерам и добавил:

— Потом уже займемся и экзотикой. Я слышал, что в этом современном Вавилоне найдешь все, что хочет восточная и западная душа.

Один из молодых собеседников, корчась от желудочной пустоты, прошептал:

— Давно мне хотелось попасть в волнующую Азию.

— Один бы только стакан зеленого чаю! Больше ничего мне не надо! — не удержавшись, высказал свое заветное желание и мичман Зубов.

Из угла кто-то перебил:

— В Шанхае можно найти фрукты и ягоды всего мира, от брусники до ананасов. И даже есть какой-то особый сказочный фрукт «драконов глаз» с ароматом розы. Вот бы отведать!

— К черту «драконов глаз»! Сейчас я бы, не поморщась, съел китайское крысиное рагу или лепешки из саранчи,— раздался тоскующий голос.

И опять все начинали смаковать разные выдуманные яства и напитки. От таких разговоров еще больше разгорались голод и жажда. Лица некоторых судорожно передергивались от схваток в пустых желудках. Слушая других, один из мичманов бережливо прикладывался иссохшими губами к стакану, отхлебывая из него по нескольку капель живительного чая. Вдруг он испуганно ахнул, и в тот же момент раздался звенящий треск. Все оглянулись. Мичман, бледный и потрясенный, молча стоял и смотрел себе под ноги, где по палубе разлился чай и валялись осколки стекла. Все догадались, что он сам, волнуясь и жестикулируя, нечаянно столкнул со стола свою полдневную порцию чая.

О том же, но по-своему, рассуждали и матросы. Но их вкусовые фантазии были проще и естественнее. Властно прорывались у некоторых мечты о покупной любви.

— Будь у нас уголь, то через каких-нибудь три часа мы уже пришвартовались бы к трактирным столикам.

— А там — что твоей душеньке угодно.

— Распотешились бы так, что вся жизнь показалась бы сплошной каруселью.

С каждым днем затянувшегося дрейфа Шанхай все больше овладевал мыслями офицеров и команды и манил их к себе, как Мекка правоверных мусульман.

Но корабль, то бросая якорь, то крутясь под самодельными парусами, слишком медленно подвигался к цели их желаний.

Из кают-компании доносилась в тишине фраза, распеваемая то одним, то другим голосом:

Тонн бы двадцать — двадцать пять угля.

Эту фразу также нараспев начали повторять матросы, потом они придумали к ней конец. Кто-нибудь из команды подавал возглас, подражая дьякону, читающему ектенью:

Тонн бы двадцать — двадцать пять угля.

Матросы хором подхватывали:

Господи, подай, приплывем в Шанхай.

Эти невразумительные слова, распеваемые на церковный мотив, стали навязчивыми и воспринимались надломленной психикой команды, как прилипчивая болезнь.

Команда «Бодрого» и перебравшиеся на него матросы с «Блестящего» первое время как бы слились с начальством в одном желании скорее попасть на твердую землю. Но по мере того как рейс миноносца затягивался, между теми и другими начинался разрыв. С каждым днем он все углублялся. Матросы относились к офицерскому составу все враждебнее, выходили из повиновения. Иногда с их стороны раздавались угрозы. Начальство поняло, что все это может кончиться плохо, и распорядилось снести все винтовки в кают-компанию. А в ночь на 20 мая, когда «Бодрый», убрав паруса, стоял на якоре (глубина восемнадцать сажен) и рядом ничего нельзя было разглядеть от тумана, командир Иванов призвал к себе минного квартирмейстера Сергея Руднева и ласково с ним заговорил:

— Вот в чем дело, голубчик. Нас неожиданно могут настигнуть японцы. А я не отдам им своего миноносца. Лучше пусть он на воздух взлетит. Поэтому на всякий случай нужно приготовить миноносец к

взрыву. Займись сейчас же этим делом. Проведи провода из патронного погреба в кают-компанию и приспособь мне кнопку. Как только покажется противник, я нажму на кнопку, чтобы исполнить наш последний долг. Ну, действуй.

— Есть, ваше высокоблагородие.

Руднев истолковал мотивы командира по-своему и, покончив с работой, рассказал по секрету об этом своему другу, трюмному квартирмейстеру Волкову.

— А теперь сообрази, для чего он это затеял,— добавил Руднев.

— Ну? — спросил Волков, сдерживая свое волнение.

— Боятся офицеры, а больше всего сам командир, что мы их за борт выбросим. А японцы тут вовсе ни при чем. Да разве такой трусливый командир будет взрывать свое судно? Но ведь и я не лыком шит. Провода я провел и кнопку сделал, а ток соединить он все равно не сможет.

— Молодец, друг! — похвалил Волков.— Правильно сделал. И команда скажет тебе спасибо.

К утру 20 мая туман исчез, как мутный сон. Заголубело безоблачное небо, расширился горизонт. Морская поверхность, по которой сверкающей рябью рассыпался легкий ветер, стала похожа на синий шелк, расшитый золотом солнечных бликов. Безбрежный простор наполнился блеском ослепительных красок. Появились чайки, обрадовав невольных скитальцев вестью о близости земли. Но «Бодрый», укачивая команду, по-прежнему находился в своем жутком дрейфе. Ничего не изменилось к лучшему. От недостатка пищи и пресной воды, от бессонных ночей и горьких дум люди похудели, стали вялыми, словно внезапно пришла к ним дряхлая старость. И все же они не переставали провалившимися глазами следить за горизонтом.

— Смотрите! Смотрите! Что это такое? — не то радостно, не то тревожно выкрикнул один из матросов, показывая рукой в сияющую даль.

Головы людей сразу повернулись по направлению руки. Выкрики повторились другими на разные голоса. На горизонте, приближаясь, вырастали два белых бездымных пятна. Проходили напряженные минуты,

высказывались всевозможные предположения, пока ясно, как на акварели, не увидели надутые паруса. Это были две китайские джонки. Подгоняемые легким ветром, они, казалось, держали курс прямо на миноносец, неся исстрадавшимся морякам избавление. Но вскоре с тревогой заметили, что джонки идут мимо. На «Бодром» подняли сигнал бедствия. С палубы, с грот-мачты, с мостика матросы взмахами рук и фуражек старались подозвать их к себе, а они не обращали на это внимания. Кто-то громко проголосил:

— Манза... Манза...

И тогда все матросы и офицеры, не исключая и самого командира, подхватили это слово и хоть не понимали, что оно значит, но как можно громче выкрикивали его на все лады. Это было похоже на разноголосый вопль горя и отчаяния, как будто в эту минуту у каждого человека на миноносце отнимали жизнь. Но джонки на сигнал и крики никак не отзывались. Комендор Смолин обратился к командиру с просьбой:

— Разрешите, ваше высокоблагородие, спустить вельбот. Мы сейчас же одну джонку захватим на дрова. Раз они не хотят помочь нам по чести, то и нам нечего с ними церемониться.

Командир Иванов сказал:

— Мы не пираты. Нельзя этого делать. Скорее бить рынду.

Учащенно и тревожно зазвонил судовой колокол. Прогремели два холостых выстрела из кормовой пушки. Не помогло и это. Джонки, удаляясь на вест, медленно скрылись в просторе моря.

На «Бодром» угомонились, но не надолго. В небольшие промежутки времени один за другим показались еще два парусника. Но и они, несмотря на сигналы, крик и холостые выстрелы с застывшего на якоре миноносца, не приблизились к нему и без ответа ушли своим путем. Русский андреевский флаг, очевидно, устрашал китайцев.

В предыдущие дни для камбуза, чтобы приготовить обед, жгли изоляцию кочегарных переборок от нагревания и сдирали щепу с обшивки бортов. Но теперь и это подобралось. Матросы взяли из кают-компании три стула и передали их коку Назарову.

— Жги! А завтра офицерский диван пойдет на топку.

В полдень, взяв солнечную высоту, определили свое место в море — до маяка «Шавейшан» осталось шестьдесят пять миль. Потребуется около десяти благоприятных дней, чтобы преодолеть, пользуясь только приливным течением, такое пространство. За это время многие из команды будут выброшены за борт. Но может разразиться такая встречная буря, под напором которой миноносец не удержится даже на двух якорях,— он будет отброшен от берега на несколько десятков миль. Тогда в лучшем случае, получив о нем сведения от китайцев, японцы разыщут и возьмут в плен оставшуюся в живых часть команды, в худшем — мертвый корабль с мертвым экипажем будет долго носиться в морских просторах. Об этом теперь говорили матросы. Один из них сделал вывод:

— Как видно, без людоедства не обойтись.

— Да, по жребию будем есть друг друга,— мрачно добавил другой.

От этой страшной мысли, переглянувшись, матросы замолчали, и в зловещей тишине раздался громкий голос минера Осадченко:

— Зачем по жребию? С командира начнем! Через него мы все страдаем. Изо всех офицеров он самый жирный. Его первого изрубим на котлеты.

— Правильно! — раздраженно отозвались другие голоса.— А дальше пойдут еще кое-кто без всякого жребия!

Командир Иванов, услышав это, побледнел и молча спустился в кают-компанию.

С этого дня решили выдавать пресной воды по одному стакану на человека.

К вечеру засвежел ветер, заходили волны. Миноносец, качаясь, скрежетал канатом и едва удерживался на якоре. Команда была в отчаянии. Офицеры, боясь нападения, заперлись в кают-компании и перестали выходить на верхнюю палубу. Матросы были предоставлены самим себе и что хотели, то и делали. Одни из них по своей доброй воле следили за горизонтом, другие, точно чем-то отравленные, сонно сидели или валялись в помещениях, некоторые бесцельно, как лунатики, бродили по кораблю. Иногда кто-нибудь спрашивал:

— За что пропадаем?

Этого было достаточно, чтобы стегнуть, словно бичом, по нервам команды. Начинался крик, сопровождаемый отъявленной руганью. Проклиная всех царей и богов, угрожали кают-компании. Но на длительную ярость у истощенных людей не хватало энергии — злоба спадала, и наступало затишье. И опять можно было услышать мирный, как в деревенской церкви, возглас:

Тонн бы двадцать — двадцать пять угля.

В ответ по-нищенски, нудно тянули голоса:

Господи, подай, приплывем в Шанхай.

Говорили о пище и питье, как о чем-то недостижимом; стонали и бредили тяжело раненные.

Все это было настолько ненормально, как будто люди находились не на военном корабле, а на эстраде и разыгрывали нелепый спектакль.

Боцман «Бодрого» заболел. Его место занял боцман с «Блестящего», Фомин, твердый и решительный человек. Он же выполнял роль и вахтенного начальника. Теперь все распоряжения по кораблю исходили только от Фомина. Он подбадривал людей, уговаривал их потерпеть еще сутки. Ночью, вступив на вахту, он без ведома командира приказал поднять на мачте два красных фонаря. Излучая красный свет, они бросали в бурную тьму сигнал, что корабль терпит бедствие, они безмолвно взывали о помощи. Усиливался ветер, ревела ночь, вселяя в душу безнадежность. Море обдавало миноносец потоками шипящей воды. Но многие из матросов, не обращая внимания на это, не уходили с верхней палубы и, промокшие, всматривались во все стороны горизонта. Прохаживаясь по мостику, напрягал свое зрение и боцман Фомин. Под завывание ветра и всплески волн он думал о завтрашнем дне. Если погода успокоится, то он вместе с мичманом Ломаном или с мичманом Зубовым и пятью гребцами отправится на вельботе в далекий и рискованный путь искать спасения для корабля и для самого себя. К отплытию у него уже были приготовлены бочка воды и мешок сухарей. Целый день он провозился над запайкой банок из-под парафина

и прилаживанием их под сиденья вельбота, чтобы этим увеличить его плавучесть.

А теперь Фомин чувствовал себя усталым. Чтобы сохранить силы для следующего дня, он в десять часов сдал свою вахту минному квартирмейстеру Бугоркову, а сам здесь же, на мостике, завернувшись в брезент, улегся спать. Но не успел он сомкнуть глаза, как услышал знакомый голос:

— Вставай, Иван Абрамович! На горизонте — огонек!

Фомин быстро вскочил. Перед ним стоял Бугорков. Оба они пристально посмотрели вдаль, откуда приближался белый огонек. Увидели его и другие матросы и с радостью оповещали об этом друг друга. Бугорков, спустившись в кают-компанию, взбудоражил новостью офицеров. Командир Иванов, направляясь вслед за мичманами к мостику, боязливо оглядывался — не обман ли это со стороны матросов, замысливших его убить. Но когда увидел отличительные огни неизвестного судна (изумрудный и рубиновый), он взволнованно откашлялся, как артист, прочищающий свое горло. Все матросы, исключая тяжело раненных, заполнили верхнюю палубу. Слышался глухой говор. Из него можно было понять лишь одно — чей бы корабль ни приблизился к «Бодрому», но наступает конец мучительной жизни. С мостика командир Иванов зычно командовал:

— Зарядить орудия! Приготовить минные аппараты! Пустить ракеты! Зажечь фальшфееры!

Суматоха на палубе сопровождалась бестолковыми выкриками.

«Бодрый» сначала озарился фальшфеерами, а потом с него одна за другой взвились ракеты, пущенные комендором Ключегорским; рассыпаясь искрами, они прорезали тьму, как две огненные змеи.

Во мраке выступали очертания приближающегося корабля. С миноносца, радуясь, разглядели небольшой коммерческий пароход. Оттуда кто-то в мегафон прокричал по-английски. Но из русских офицеров никто не знал английского языка. Ответили по-русски:

— Миноносец русский... Авария... Гибнем...

То же самое повторили по-французски. Но это не помогло. Переговоры шли впустую — люди не пони-

мали друг друга. Что делать? Как скорее растолковать англичанам, что спасение людей «Бодрого» зависит только от них? Офицеры растерянно суетились на мостике и беспомощно хватались за головы, с палубы доносился ропот встревоженной команды. Все боялись, что англичане могут рассердиться и уйти.

В этот момент матросы вспомнили, что на миноносце находился спасенный с «Руси» рулевой, странный эстонец. В предыдущие дни, когда команда так волновалась, он один ни во что не вмешивался и держался особняком, совершенно спокойно, словно попал к себе домой. Пробовали с ним разговаривать, но он отмалчивался и невозмутимо разгуливал по палубе, как турист. От него узнали лишь одно, что до войны он много плавал на иностранных коммерческих судах. А такие моряки обычно говорят по-английски. Несколько человек обратились к эстонцу. Предположения их оправдались. Он неторопливо поднялся на мостик и взял в руки мегафон. Офицеры и матросы, затаив дыхание, услышали непонятные слова, произнесенные эстонцем. С парохода что-то ответили ему. Он пояснил по-русски, обращаясь к командиру Иванову:

— Английский пароход «Квейлин». Идет в Шанхай. Спрашивает, в чем дело.

Командир приказал эстонцу:

— Спроси, может ли он снабдить нас углем? Скажи — у нас нет ни продуктов, ни пресной воды. Мы погибаем.

Волны мешали пароходу подойти ближе к «Бодрому»: они могли столкнуться. Эстонец стоял на мостике и, напрягая всю силу легких, старался перекричать шум ветра и моря. С парохода «Квейлин» доносились только обрывки английских фраз. Разговор затянулся, нетерпение на миноносце усиливалось. Более ста человек окружили мостик, подняли головы вверх, вытянули шеи, ловили и произносили про себя каждое слово, хотя и не понимали его смысла. Случайно спасенный ими эстонец неожиданно превратился в героя и теперь выручал их из бедственного положения. Застыв на месте, все смотрели на него с такой надеждой, с какой подсудимые смотрят на своего защитника, и с нетерпением, с дрожью в сердце ждали решения своей участи. Наконец он объявил, что пароход

не может дать угля, но он станет поблизости на якорь, а завтра с рассветом возьмет «Бодрого» на буксир.

Заворочались офицеры и команда, закачали головами. На время забыли о голоде и жажде. Оживленным говором наполнилась палуба. Многие из команды подходили к эстонцу, жали ему руки, а он только молча улыбался на это и стремился скорее спуститься в нижнее помещение.

Утром «Квейлин» взял «Бодрого» на буксир и потащил за собой.

15. ЧЕЛОВЕК, ВОЗВРАЩЕННЫЙ МОГИЛОЙ

Эскадренный броненосец «Бородино», так же как и «Орел», вступил в состав 2-й эскадры прямо с постройки. Он начал свою жизнь раньше времени, не успев избавиться от многих недостатков в механизмах. Поэтому в походе на нем то и дело случались разные неполадки с рулем, машинами и котлами. На поворотах он часто выходил из строя, угрожая соседним кораблям столкновением. На нем неоднократно наблюдалась потеря большого количества пресной воды, предназначенной для питания котлов. Кроме того, броненосец оказался чрезвычайно валким, особенно когда шел, перегруженный углем. Во время шторма он так ложился на тот или другой борт, что старые и бывалые моряки, качая головами, говорили:

— Не миновать беды.

«Бородино» почти ежедневно получал выговоры сигналами. В глазах адмирала Рожественского это был самый неисправный корабль во всей эскадре. Раздражало командующего и то, что командир броненосца капитан 1-го ранга Серебренников был самостоятельным офицером, и то, что в молодости своей он, как и командир «Орла», был захвачен революционными идеями и даже сидел в тюрьме.

— Безмозглый нигилист. Ему командовать только чухонской лайбой, а не броненосцем,— говорил о нем адмирал.

Совсем иначе относилась к своему командиру команда. Он понимал ее, умел подойти к ней по-человечески, вникал в ее нужды. Не в пример другим ко-

раблям, матросы его были и одеты лучше и накормлены более сытно. На библиотеку для них, уходя из России, он потратил не только экономические суммы, но и доложил из своих собственных денег. Он сам раздавал им газеты, какие получались во время плавания. А в той мрачной жизни, какая царила на всей эскадре, и этого было достаточно, чтобы овладеть любовью команды. Поэтому и служба на «Бородине» была налажена лучше, чем на других кораблях.[52]

В день сражения при Цусиме, после обеда, когда на горизонте появились главные неприятельские силы, команда «Бородина» была собрана на шканцах. Командир Серебренников произнес краткую речь, призывая всех поддержать честь корабля. В числе других матросов находился здесь и марсовой Семен Ющин. Уроженец Тамбовской губернии, выросший в глухих лесах Темниковского уезда, он выделялся среди остальных товарищей своей плотной, словно литой, фигурой с могучей грудью и широкими плечами. Большие и густые усы, склеенные для красоты мылом, устрашающе торчали в стороны, как две острые пики. Это был малограмотный, но сообразительный и лихой матрос. Слушая командира, он смотрел на него так, как смотрит верующий человек на чудотворную икону.

После речи ударили боевую тревогу.

Марсовой Ющин бегом направился в носовой каземат, где по боевому расписанию он должен был выполнять обязанности второго номера при 75-миллиметровой пушке. Здесь собрались двенадцать матросов, кондуктор Чепакин и поручик граф Беннигсен. Этот поручик, командуя носовым казематом, приказал согласно распоряжению из боевой рубки наводить орудия на головной неприятельский броненосец, когда тот появился на левом траверзе.

Броненосец содрогнулся от выстрелов.

Неприятельский огонь был сосредоточен главным образом на флагманских кораблях. На «Бородино» как будто не обращали внимания. В первый час боя он имел мало повреждений. Несколько снарядов попало в верхнюю часть корабля. Вспыхнули пожары, но их скоро удалось потушить.

Ющин работал с увлечением, совсем не думая о смерти. И само сражение уж не казалось ему таким

страшным, каким представлялось раньше. Настроенный патриотически, он заботился лишь о том, чтобы нанести больше вреда японцам. Разгоряченное лицо его покрылось по́том.

Неожиданно стрельба прекратилась. Ющин выпрямился и тут только заметил, что «Бородино» выкатился из строя вправо и шел в одиночестве. «Что-то случилось с рулевым приводом,— подумал марсовой,— вероятно, заклинился штурвал в боевой рубке». Минут через пятнадцать повреждения были исправлены. Когда броненосец поворачивал, чтобы вступить на свое место, Ющин выглянул в орудийный порт. Сбоку боевой колонны, кабельтовых в десяти, горел «Ослябя», зарывшийся носом в море по самые клюзы. Увидел это и командир каземата Беннигсен, отметивший как бы про себя:

— Недолго продержится на воде.

— Бить их нужно, ваше благородие, японцев-то! — словно пьяный, заорал вдруг Ющин.

Но поручик Беннигсен ничего не ответил,— раздались крики матросов, стоявших на голосовой передаче:

— Носильщики, бегом на боевую рубку!

Сверху в носовой каземат спустился матрос. Лицо у него раздулось и почернело, с одной щеки до самого уха была содрана кожа. Мотая головой, он выкрикивал:

— О дьяволы, дьяволы!

Ющин, полагая, что этот матрос разыскивает перевязочный пункт и не может найти, хотел отвести раненого туда, но тот оттолкнул его:

— Отстань!

И торопливо полез наверх.

В носовом каземате вскоре узнали от носильщиков подробности о боевой рубке. Оказалось, что у ее входа разорвался снаряд крупного калибра, разрушивший весь мостик. Старший штурман Чайковский и младший штурман де Ливрон были разорваны. Старший минер, лейтенант Геркен, был отнесен в операционный пункт в бессознательном состоянии. Старший артиллерист лейтенант Завалишин сам спустился с мостика, но из его распоротого живота вывалились внутренности,— он упал и через несколько минут умер.

Были убиты телефонисты и рулевые. У командира Серебренникова оторвало кисть правой руки. Командовать судном он больше не мог, и его отправили в операционный пункт.

Боевая рубка с артиллерийскими приборами, со штурвалом, с машинным телеграфом, с переговорными трубами окончательно вышла из строя. Управление кораблем перешло в центральный пост. За командира вступил в командование старший офицер капитан 2-го ранга Макаров.

Выходили из строя орудия и люди, разрушались приборы, увеличивалось число пробоин в бортах. Управлять броненосцем из центрального поста оказалось делом очень трудным. Чтобы следить за боем и принимать соответствующие меры, командир должен был находиться или в батарейной палубе, или в одной из орудийных башен. Свои распоряжения он отдавал голосом по переговорной трубе в центральный пост, расположенный на самом днище корабля, а оттуда эти распоряжения, повторенные другим офицером, уже поступали в остальные части корабля. Стрельба орудий, взрывы неприятельских снарядов, выкрики трюмно-пожарного дивизиона, вопли раненых — все это мешало правильному командованию. Путали слова, переспрашивали. Каждый вновь вступающий в обязанности командира быстро выходил из строя. Пока на его место приискивали кого-либо другого из начальствующих лиц, командование броненосцем обрывалось.

Один за другим вышли из строя «Суворов» и «Александр III». За головного остался «Бородино». Отстреливаясь, он шел вперед, едва управляемый оставшимися в живых мичманами. По палубам пронеслись крики:

— Минная атака!

Семен Ющин из носового каземата увидел на горизонте несколько миноносцев. По ним открыли учащенную стрельбу. Они скоро удалились, не причинив эскадре вреда.

Японцы два раза теряли из виду русские суда. В шестом часу, во время второго перерыва боя, «Бородино» немного оправился. Здоровые начали подниматься из нижних помещений наверх. В носовом ка-

земате собралось несколько человек. Пришел с перевязки и поручик Беннигсен, который незадолго до этого был тяжело ранен, и, обращаясь к матросам, спросил:

— Ну как, братцы, дела?

— Никуда, ваше благородие, не годятся,— ответил ему Ющин.— Если еще раз нападут японцы, то доконают нас.

Поручик покачал головою и сказал:

— Да, я не ожидал, что они будут так сражаться.

Потом выглянул в орудийный порт.

— А где же «Суворов» и «Александр»?

Ему объяснили, что оба эти корабля вышли из строя с большими разрушениями в верхних частях и с пожарами и что дальнейшая судьба неизвестна.

Поручик вздохнул:

— Эх, сунулись мы, неучи, воевать!

«Бородино» имел небольшой крен на правый борт. Кто-то кричал, чтобы тащили на срез пластырь. Где была пробоина и каких размеров, Ющин не знал. Он принялся за починку своей пушки, заклиненной осколком. Пока он возился с нею, с правого борта показались шесть неприятельских кораблей. В носовом каземате сразу все замолчали, предчувствуя, что приближается конец.

Снова завязался бой.

Эскадру вел «Бородино».

Японцы и на этот раз применили к русским первоначальную свою тактику — бить по головному кораблю. До сих пор «Бородино», несмотря на повреждения и большие потери в людях, держался стойко. На нем еще действовала кормовая двенадцатидюймовая башня и три шестидюймовые башни правого борта. Подводных пробоин корабль, по-видимому, не имел. Но теперь, под залпами шести неприятельских кораблей, энергия его быстро истощалась. Казалось, на него обрушивались удары тысячепудовых молотов. Он запылал, как деревенская изба. Дым, смешанный с газами, проникал во все верхние отделения.

Семен Ющин, работая у 75-миллиметровой пушки, задыхался вонючими газами. Из глаз катились слезы, что-то царапало в горле. Почти каждую минуту внутри судна раздавались взрывы.

Поручик Беннигсен крикнул своим подчиненным:

— Бесполезно стрелять из мелкой артиллерии. Надо уйти под прикрытие.

Беннигсен вдруг ухватился одной рукой за грудь и завопил:

— Ай-ай!.. Горячо, горячо!..

Потом закружился, словно в нелепом танце, и грохнулся на палубу.

В ту же минуту прибежал сверху сигнальщик, оторопелый, в разорванной фланелевой рубахе, с лицом, покрытым пятнами крови.

— Где офицеры? — оглядываясь, заорал он.

— Вон один лежит мертвый,— ответили ему.— А что?

— Наверху из строевого начальства не осталось ни одного человека. Ищем по всем отделениям и никого не находим. Либо убиты, либо ранены. Некому стало командовать кораблем.

Сигнальщик убежал в сторону кормы.

Броненосец «Бородино», содрогаясь от взрывов неприятельских снарядов, продолжал идти вперед. По-видимому, он управлялся только матросами. Огонь его постепенно слабел. Куда он держал курс? Неизвестно. Пока на нем исправно работали машины, он просто шел по тому румбу, на какой случайно был повернут. А вся эскадра при наличии оставшихся в живых многих капитанов 1-го ранга и трех адмиралов плелась за ним, как за вожаком. Вероятно, так же было и в то время, когда вел ее «Александр III». И все это произошло потому, что перед боем был приказ Рожественского: если выходит из строя головное судно, то эскадру ведет следующий мателот.

Все матросы, находившиеся в носовом каземате, спустились вместе с кондуктором Чепакиным на один этаж ниже, под броневую палубу. Там было несколько человек раненых, уже получивших медицинскую помощь в операционном пункте. Марсовой Ющин спросил у них:

— Ну как командир?

Ему ответили:

— Лежит. Все расспрашивает, как идет бой. А сам командовать не может. Много крови потерял.

— А где старший офицер Макаров?

— Он тоже, говорят, ранен был, но только в операционный пункт не приходил совсем. И никто не знает, где он находится.

Кондуктор Чепакин ошалело крутился и, ругаясь, возбужденно говорил:

— Ну на что это похоже? У нас не осталось ни одного строевого офицера. Некому командовать кораблем. Что теперь делать? Придется, видно, смываться на тот свет. Японцы больше всего жарят по нашему судну, потому что оно идет головным. «Бородино» настолько уже избит, что пора бы ему пристроиться в хвосте эскадры и хоть немножко отдохнуть. А начни мы сейчас повертывать, вся эскадра повернет за нами.

Над головою раздались крики:

— Все наверх! Спасайся...

Люди бросились к трапу. Через полминуты кондуктор Чепакин, марсовой Ющин и другие матросы снова очутились в носовом каземате. Все заметались, загалдели, не понимая, что произошло на судне и откуда угрожает бедствие. Корабль шел вперед и слабо отстреливался. Вдруг с грохотом ослепила вздвоенная молния. Ющин перевернулся в воздухе и ударился о палубу. Ему показалось, что опрокинулось судно. Он даже не понял, что его, находившегося в момент взрыва снаряда за броневой переборкой, не задело ни одним осколком. Он вскочил и с ужасом увидел на палубе, недалеко от своих ног, чью-то оторванную голову. «Не моя ли это?» — подумал Ющин и вскинул вверх руки, чтобы пощупать свою голову. В носовом каземате остались в живых только он и кондуктор Чепакин. Сквозь дым увидели, что пушки были разбиты или вылетели из цапф и что огонь, разгораясь, подбирался к патронам, поднятым из погреба. Кондуктор начал выбрасывать их за борт, а Ющину приказал:

— Пробеги до кормы, зови людей. Нам вдвоем не справиться с пожаром. Вон из элеватора пошел дым...

Ющин направился к корме, но туда не так легко было пробраться. На каждом шагу встречались разрушения, валялись куски железа, опрокинутые и разорванные на части переборки. Проломы были не только в бортах, но и в палубе. Все внутреннее обо-

рудование превратилось в кучу обломков. Среди этого хаоса валялись изувеченные трупы. Ющин бросился дальше, но ему преградили путь развалины офицерских кают и бушующее пламя. Полыхало жаром и разъедало дымом глаза. Кругом настолько все изменилось, что Ющин не мог даже понять, куда он попал. Он остановился перед люком с поломанным трапом и увидел под собою батарейную палубу. Хотел было спуститься вниз, но не решился. Вокруг него не было ни одного живого человека, и никто не тушил пожаров. Очевидно, панический страх загнал людей в нижние помещения. Но ему представилось, что он уцелел один на всем корабле, который шел вперед, неизвестно куда, никем не управляемый. От такой мысли Ющин содрогнулся. Он выскочил на срез и хотел подняться на верхнюю палубу. Зачем? Он и сам того не знал. Смеркалось. Крен на правый борт увеличился. Верхние части броненосца были разгромлены еще больше, чем нижние. Мачты оказались изломанными, такелаж порван, дымовые трубы еле держались, шлюпки развалились, задний мостик опрокинулся. Вся кормовая половина была охвачена огнем. А вокруг не переставали падать снаряды, поднимая взрывами водяные смерчи. За кормою сквозь брызги виднелся «Орел», весь окутанный дымом, а за ним держали в кильватер еще какие-то корабли. И непонятно было, почему это вся эскадра тянется за умирающим броненосцем «Бородино».

Гонимый ужасом, Ющин бросился обратно в носовой каземат, чтобы сообщить обо всем кондуктору Чепакину. Но когда он добежал туда, кондуктора на месте уже не было. Вдруг броненосец весь затрясся от попавшего в него неприятельского залпа и стал быстро валиться на правый борт. Ющин в этот момент находился около орудийного порта и успел ухватиться за какую-то трубу.

Что произошло с ним дальше, об этом у него осталось смутное представление. Броненосец опрокинулся, а он, смятый и оглушенный ревущими потоками, все еще находился внутри его, в носовом каземате. Ющин одной рукой разорвал на себе все платье и, нащупав ногой орудийный порт, нырнул в него. А может быть, последние действия его были совсем не такие. Но

верно было то, что какое-то неопределенное время, показавшееся ему невероятно длительным, он находился под водою на большой глубине, захлебывался и кружился. Не было сомнения и в том, что на поверхность моря он всплыл голым. Только на ногах оставались сапоги, потому что они были тесны и не удалось их стащить.

Все, что испытал Ющин в какую-нибудь минуту или две, подействовало на него настолько ошеломляюще, что ему даже не было страшно. Открыв глаза, он увидел свой корабль, плавающий вверх килем. Работали, бурля воду, оба винта. Над поверхностью моря, среди вздымающихся волн, то в одном месте, то в другом показывались матросские головы. А человек десять забрались на громадное днище судна и, размахивая руками, что-то кричали. Один из них снял с себя нательную рубаху и, придерживаясь за боковой киль, протянул ее Ющину:

— Семен, хватайся за нателку и выбирайся к нам.

Ющин ухватился было за рукав, но ударила волна, и в сжатом кулаке его осталась лишь часть материи. Он снова окунулся в воду. Броненосец быстро уходил от него. Чтобы не попасть под работающие в корме лопасти, он начал отплывать в сторону. Под руки ему попался шлюпочный рангоут, с которым он решил не расставаться до самой смерти.

Ющин не видел, как утонул его броненосец, а все свое внимание сосредоточил на других кораблях, взывая к ним о помощи. В сгущавшихся сумерках, весь в огне, как чудовищный факел, прошел мимо «Орел», осыпаемый взрывающимся металлом. Грохотало небо, потрясая простор, ревело море, расцвечиваясь огненными фонтанами, качались волны с прилипшими к ним клочьями дыма. Казалось, наступил час гибели всего мира. «Николай I», увеличив ход, намеревался, видимо, обогнать переднее судно, чтобы стать во главе эскадры. Главные неприятельские силы прекратили огонь. Но русские корабли продолжали стрелять — вероятно, по японским миноносцам. Поочередно, один за другим, проходили мимо Ющина остатки разбитой эскадры: «Апраксин», «Сенявин», «Ушаков», «Сисой Великий», «Наварин». Он кричал им, он называл каждое судно поименно, а они все уходили от него. Поря-

дочно отстав от эскадры, шел крейсер «Нахимов». Сзади него уже не было видно ни одного судна. Ющин, барахтаясь в волнах, заметался, напряг все свои силы готовый выпрыгнуть из воды и бегом помчаться в сторону последней надежды. «Нахимов» как будто услышал его голос и повернул к нему, но через минуту корма крейсера начала уходить, сверкая гакабортным огоньком.

— Проклятые! Чтоб вам всем очутиться на морском дне!..— кричал и безумствовал Ющин.

Он в отчаянии зажмурился. Закружилась голова. Почудилось, что он проваливается в пропасть. Он упустил было рангоут из рук, но тут же опомнился и, открыв глаза, снова ухватился за него. Наступил мрак. Где кончалось море и где начиналась тьма, ничего нельзя было разобрать. Изредка даль сверкала орудийными вспышками, но и это скоро прекратилось. Прислушался — ни одного человеческого голоса. Значит, Ющин остался один среди грозного моря, под черным небом ночи. Минуты ли проходили, или часы он не имел представления о времени. Он продолжал мучиться в неравной борьбе со стихией. Волны поднимали его вверх, швыряли вниз, ударяли в лицо, злорадно хохотали в уши, вырывали из рук рангоут, опрокидывали тело, давили грудь, перекатывались через голову. Иногда казалось, что это напала на него разъяренная толпа и перебрасывала пинками из стороны в сторону. Он захлебывался горько-соленой водой, откашливался, кричал и ловил моменты, чтобы наполнить грудь свежим воздухом. Он давно перестал ощущать разбухшие в сапогах ноги, словно они совсем отвалились. Коченело тело, изматывались последние силы, путалось сознание...

Неожиданно Ющин увидел, как черная даль засверкала молниями орудий, прорезалась лучами прожекторов, и послышались удары, от которых содрогалась ночь. Неужели эскадра повернула обратно? Багровые вспышки приближались. Вскоре мимо Ющина, в двух-трех кабельтовых от него, по взрытой поверхности моря в беспорядке проползли какие-то бесформенные тени. Он задергался, завопил, а черные тени, грохоча раскатами артиллерийского огня, уходили от него все дальше, в темную страшную неизвестность [53].

ЭПИЛОГ

Восемь с половиной месяцев мы пробыли в плену и, наконец, дождались того счастливого дня, когда оставили кумамотские лагеря. Мы были перевезены по железной дороге в портовый город Нагасаки, где уже поджидал нас пароход Добровольного флота «Владимир», пришвартованный к стенке. Наш эшелон сразу же разместился в его просторных, специально приспособленных для перевозки войск трюмах. Но пароход простоял в порту еще несколько дней, принимая живой груз до установленной нормы. Пассажирами были главным образом матросы и десятка два морских и сухопутных офицеров.

Россию мы оставили 2 октября 1904 года, а возвращались на родину в конце января 1906 года.

Царское правительство, чтобы задобрить нас, выдало нам во время нашей стоянки в Нагасаки береговое жалованье и морское довольствие за девять месяцев. Время, проведенное в плену, нам сочли за плавание. Каждый из нас располагал значительной суммой денег. На пароходе получили дубленые полушубки, валенки и папахи. Если не считать кормежки, это был последний и окончательный расчет с казной. Мы впервые почувствовали себя более или менее свободными людьми.

Город Нагасаки расположился на берегу длинной и широкой бухты, живописно изрезанной причудливыми фиордами и окруженной горными хребтами. У входа в нее, защищая ее от морских ветров, ощетинился пиниями крутоярый остров Катабоко. К городу примыкали громадные постройки доков и судостроительных верфей. Бухта шумела человеческими голосами, лязгала работающими лебедками, дымила многочисленными трубами коммерческих кораблей. Между крупными океанскими пароходами, стоявшими под

флагами разных наций, проворно шныряли маленькие японские лодки — фуне. Каждая из них блестела крытой лакированной каюткой, каждая щеголяла приставным носом и была похожа на водоплавающую птицу с вытянутой шеей.

Против города, на северо-западной стороне Нагасакской бухты, среди скалистых взгорьев заросла зеленью деревня Иноса, хорошо известная русскому флоту. За много лет до войны русское правительство сняло здесь в аренду участок земли, на котором были устроены шлюпочный сарай, поделочные мастерские, госпиталь. Над этими постройками господствовало морское собрание, обслуживаемое экономкой Амацусан. В нем были бильярдная и богатая библиотека, внутренние стены его украшались портретами адмиралов и офицеров. На одном из холмов возвышалось двухэтажное здание под названием: «Гостиница Нева». В западном конце селения расположено кладбище для русских моряков. Офицеры называли Иноса русской деревней. Кто из них не мечтал попасть в нее! Там происходили азартные игры в карты и бесшабашные кутежи. Все это, конечно, давало японцам исключительный материал для изучения нашей организации военно-морского дела и нравов тех, с кем им предстояло в будущем воевать.

От каменной пристани, ступени которой спускались прямо в воду, город начинался европейскими гостиницами и ресторанами. Здесь, на широких улицах, наряду с японцами, наряженными в национальные костюмы — кимоно,— встречались англичане, немцы, французы, русские, китайцы, негры. Слышался разноязычный говор. А дальше, за европейским кварталом, плотно прижались друг к другу японские домики, деревянные, легкие, не больше как в два этажа, причем верхний этаж приспособлен для жилья, нижний — для торговли. Передние стены магазинов на день раздвинуты, и можно, не читая вывесок, видеть, чем в них торгуют: черепаховыми изделиями, узорчатыми веерами, изящным японским фарфором, разноцветными шелками. Создавалось такое впечатление, как будто гуляешь не по узким улицам, а в павильоне, и рассматриваешь выставку японской кустарной и фабричной продукции. Некоторые дома и храмы раз-

бежались по горным склонам и зеленеющим холмам, придавая городу декоративный вид.

Рестораны, чайные домики и вертепы звенели японской или европейской музыкой. На ее волнующие звуки, возбуждаясь обманчивой радостью, шли иностранные моряки, прибывшие сюда из-за далеких морей и океанов, загорелые, обвеянные ветрами всех географических широт.

Меня удивляли японцы. Я не встречал опечаленных и угрюмых лиц ни у мужчин, ни у женщин. Казалось, что они всегда жизнерадостны, словно всем им живется отлично и все они довольны и государственным строем, и самими собою, и своим социальным положением. На самом же деле японское население живет в большой бедности, но искусно скрывает это. Точно так же ошибочно было бы предположить, судя по их чрезмерной вежливости и любезности, выработанной веками, что они представляют собою самый мирный народ на свете.

Я с жадностью всматривался в разнобойную жизнь города, а мои мысли всецело были заняты одной японкой, той, что осталась в Кумамота.

Находясь в лагерях для пленных, я познакомился с японским переводчиком. Он великолепно говорил по-русски и очень любил нашу литературу. Мы иногда часами разговаривали о произведениях русских классиков и современных писателей. Это и сблизило нас. Он стал меня приглашать в город Кумамота к себе на квартиру. У него была сестра Иосие, девушка двадцати лет, маленькая, статная, с матово-нежным лицом и загадочным взглядом черных лучистых глаз. Любовь не считается ни с расовым различием, ни с войной; она развивается по своим собственным законам. Иосие, встречаясь со мной, сначала настораживалась, как птица при виде приближающегося охотника, но после нескольких свиданий у нас началось взаимное тяготение друг к другу. Я разговаривал с нею при помощи ее брата. А когда выяснилось, что она немного говорит по-английски, взялся и я за изучение этого языка. Первые слова и фразы, усвоенные мною, были, конечно, приветственные и, конечно, о любви. Но иногда, разгораясь и желая выразить свои чувства полнее, я говорил ей по-русски.

— О милая Иосие! На севере, за Полярным кругом, длится ночь три месяца. И когда человек после такого продолжительного времени увидит на несколько минут только золотой кусочек солнца, он приходит в невероятный восторг. Но с каждым днем небесное светило поднимается все выше, излучается все ярче. Такое же впечатление пережил и я, встретив тебя на своем жизненном пути.

Я подбирал для нее самые поэтические слова, какие только знал. Она, конечно, не понимала их смысла. Она только улыбалась маленьким ртом с пухлыми губами, блестя белизной мелких и немного кривых зубов. И призывно мерцали ее черные глаза, наискось подтянутые к вискам. Не понимал и я ее, когда она, откинув назад черноволосую голову с пышной прической, что-то быстро начинала говорить. Японцы не имеют в своем языке буквы «л» и заменяют ее буквой «р». Поэтому и Иосие, произнося мое имя «Алеша», говорила «Ареша». Но это почему-то особенно мило звучало в ее устах.

Брат Иосие не препятствовал нашей любви. А когда я ему сообщил, что хочу жениться на его сестре, он согласился и на это. Может быть, тут сыграло роль то обстоятельство, что она была сиротой. В Россию мне, как политическому преступнику, нельзя было возвращаться. При помощи эмигранта-народовольца доктора Русселя я с такой милой подругой устрою свою жизнь. Я основательно изучу английский язык, поступлю матросом на коммерческий корабль, и мне снова будет доступна родина для политической работы. Так рисовалось будущее, а молодость, опьяненная иллюзией счастья, не рассуждает о преградах, пока не ударится лбом о каменную стену.

Поздней осенью из России пришло в Японию известие об амнистии политическим преступникам. Это повернуло мою судьбу в другую сторону: я мог вернуться на родину. После долгих колебаний я решил расстаться с Иосие.

В последний день перед отъездом я пришел к ней проститься. Она встретила меня сияющей улыбкой и показалась мне особенно привлекательной в синем шелковом кимано, с широким узорчатым бантом на спине. Я заранее запасся фразами из японского

и английского самоучителей и с трудом объяснил ей, что уезжаю в Россию, а так как там революция, то не могу ее взять с собою. Вздрогнули ее узкие плечи, она взмахнула широкими рукавами кимоно, словно хотела вспорхнуть, но осталась на месте. На черные блестящие глаза, как занавески, опустились веки с бахромой густых ресниц, скрывая в узких щелях навернувшиеся слезы. Вдруг она повернулась ко мне и, заговорив что-то по-японски, быть может, проклиная нашу первую встречу, смотрела на меня то умоляюще, то с ненавистью. Потом бросилась ко мне на шею.

— Ареша! — прозвучал ее гортанный голос, обжигая сердце.

Маленькая и легкая, она была сильна своей улыбкой, лучистыми глазами и всем своим обликом. Она опутала мою волю, как лианы дерево. Наше прощание превратилось в невыносимую муку. Уходя от нее, я словно оборвал живую ткань в своей груди.

Теперь я находился от Иосие далеко, на шумных улицах Нагасаки, а в моем сознании все еще звучала не допетая до конца песня любви.

Неожиданно к нам на пароход «Владимир» заявился инженер Васильев. Он поселился в каюте. Мы часто встречались с ним: то мы приходили к нему, то он спускался к нам в трюм. С жадностью мы слушали, когда он рассказывал о том, что за последнее время происходит в России.

Однажды вечером мы засиделись у него в каюте. Речь зашла об адмиралах. Он виделся с Рожественским.

— Ну, как поживает герой Цусимского боя? — спросил боцман Воеводин, раскрасневшись от выпитого чая.

Васильев оживленно заговорил:

— Вылечился от ранений, но остался все таким же суровым, каким был раньше. И вот что удивительно: он убежден, что во время Цусимского боя нас подстерегала и английская эскадра, будто бы стоявшая у Вейхайвея. Ей было дано задание — быть наготове и в случае нашей победы над японцами напасть на нас в море.

— Неужели это могло быть? — удивился я, вопросительно глядя в лицо рассказчика.

— Такая глупость простительна гальюнщику, а не адмиралу,— иронически улыбаясь, ответил Васильев.[54]

Он пододвинул к нам печенье и продолжал:

— Между прочим, у меня с ним вышло столкновение. До адмирала дошел слух, что я читаю перед офицерами разоблачающие доклады о Цусиме. Через своих штабных чинов он хотел было переманить меня на свою сторону и приголубить, но это ему не удалось. Я не явился к нему. Адмирал затаил против меня злобу. А когда один из офицеров донес ему, что я знаком с доктором Русселем и получаю от него революционную литературу, Рожественский вызвал меня к себе уже официально. Я пришел к нему в штатском платье. Мой независимый вид сразу вызвал в нем приступ раздражения. Он даже не мог говорить. Только пригрозил мне крепостью, если я вернусь в Петербург.

— Очевидно, Рожественский думает выйти сухим даже из такой глубокой воды, как Японское море,— вставил я.

— Вот именно,— засмеялся Васильев.— Меня-то он не испугал, но многие из морских офицеров все еще побаиваются его. Для запугивания их очень остроумный маневр придумал приверженец адмирала капитан второго ранга Семенов. Он усиленно распространял слух среди пленных офицеров, что Рожественский опять будет начальником Главного морского штаба. Все это делалось для того, чтобы никто не посмел разоблачать действия командующего эскадрой...

Из дальнейшей беседы с Васильевым выяснилось, что если бы 2-я эскадра достигла Владивостока, то Рожественский отказался бы командовать ею, считая себя больным. Об этом он задолго до Цусимского сражения сообщил телеграммой в морское министерство. На его место был назначен вице-адмирал Бирилев. Это был очередной ставленник царского трона. Он должен был продолжить дело Рожественского и со славой добыть победу империи на востоке. С такой установкой он 12 мая покидал столицу. Весь державный Петербург собрался на вокзале и с боль-

шой помпезностью провожал Бирилева со штабом на Дальний Восток. Из Петербурга и Кронштадта на Знаменскую площадь и на платформу вокзала стеклась масса моряков, адмиралов, капитанов, молодых офицеров. Тут же присутствовали великосветские и морские дамы. Бирилев был бодр и энергичен на вид, он оживленно прощался с нарядной сановной публикой, исступленно ему кричавшей: «Ура!» Дамы подносили адмиралу роскошные букеты цветов, некоторые из них его благословляли иконами. На глазах провожавших выступали патриотические слезы умиления. Всеобщие пожелания победы хором неслись вслед поезду, отходящему в дальнюю дорогу за славой. В то время когда мы переживали страшную катастрофу при острове Цусима, новый командующий вместе со своим штабом мчался во Владивосток. В салон-вагоне адмирал мечтал, как перед Золотым Рогом на горизонте появятся победоносные корабли вверенных ему морских сил. Он прикидывал в уме, сколько из тридцати восьми вымпелов 2-й эскадры останется в его распоряжении. Бирилеву мерещилось, как он, вступив в командование 2-й эскадрой, будет громить японцев на море, а это даст возможность и нашим сухопутным войскам перейти в наступление. И сколько новых орденов прибавится к той обширной коллекции, какую он уже имел на своей груди! Может быть, в его мечтах уже сверкала и золотая сабля, какую подарит ему царь за блестящую победу. Слава о нем как о гениальном флотоводце прогремит на весь мир. Но каково же было его разочарование, когда вместо эскадры прибыли во Владивосток только три судна: миноносцы «Грозный» и «Бравый» и ничего не стоящий в боевом отношении, переделанный из бывшей яхты наместника Алексеева крейсер 2-го ранга «Алмаз». Бирилеву пришлось срочно возвратиться на экспрессе в Петербург.

Васильев в заключение добавил:

— Вы все знаете, как слаба была наша эскадра в своей материальной части. Ответственность за это должен был нести вместе с другими воротилами и Бирилев. Но его не отдали под суд. Мало того, этот морской жук ухитрился пролезть в морские министры. Так могло случиться только в условиях русской действительности.

Перед самым отходом «Владимира» инженер Васильев через вестового вызвал меня к себе в каюту. Когда я пришел к нему, он спешно укладывал свои вещи в чемодан. Я спросил:

— В чем дело, Владимир Полиевктович? Куда вы так торопитесь?

— Положение изменилось. Придется мне расстаться с вами. Дело в том, что офицеры получают прогонные деньги здесь, в Нагасаках. Каждому из нас предоставлено право возвращаться на родину самостоятельно. Многие выбрали себе водный маршрут — Индийским океаном. Воспользовался и я этим случаем. Я прямо из Японии пароходом махну через Тихий океан в Северную Америку. Потом пересеку Атлантику. Таким образом завершится мой путь вокруг земного шара.

— Подвезло вам! — воскликнул я.

Васильев, передавая мне клочок бумаги, исписанный его твердым почерком, сказал:

— Вот вам адрес моего отца. Передайте его надежным товарищам и от них возьмите для меня адреса. Пишите. Мы не должны терять друг друга из виду. А теперь идите и соберите в трюме товарищей. Я только получу расчет и сейчас же спущусь к вам.

— Есть.

Все было сделано, как наказал Васильев. Мы собрались на одной из палуб носового трюма. Из орловской команды были кочегар Бакланов, машинный квартирмейстер Громов, машинист Цунаев, трюмный старшина Осип Федоров, фельдфебель Мурзин, боцман Воеводин, гальванеры Штарев, Голубев, Альференко и много других. Инженер Васильев сообщил нам последние новости о России, почерпнутые им из английских газет. Потом на основании фактов начал рисовать перед нами картину событий, происходивших на родине. Все это очень волновало нас. Я смотрел на него и удивлялся, как все на нем было великолепно прилажено: и темно-синий костюм, и белый накрахмаленный воротничок с черным галстуком, повязанным бантиком, и начищенные до блеска желтые ботинки. Такой же аккуратностью он отличался во всех своих мыслях и поступках. Каждая его фраза была четкая и ясная, словно он читал ее по книге. Загово-

рив о Цусимском сражении, он главным образом старался вскрыть причины нашего поражения. Эти причины давно были мне известны. Подытоженные и закрепленные в памяти, они стояли перед глазами, словно напечатанные жирным шрифтом на бумаге.

Русская эскадра была почти в два раза слабее японского флота. Но не в этом только была основная причина ее гибели. Из русской военно-морской истории можно было бы привести бесчисленные примеры того, когда технически слабые и малочисленные отряды русских моряков все-таки наносили поражение противнику. Но я ограничусь лишь одним малоизвестным случаем, характеризующим русских моряков. 23 июня 1773 года в морском бою у Балаклавы два русских корабля «Карона» и «Таганрог», вооруженные тридцатью двумя пушками, наголову разбили турецкий флот, состоявший из двух больших кораблей по пятьдесят две пушки в каждом и двух шебек с пятьюдесятью пушками. Русскими командовал голландец — капитан 1-го ранга Иоган Генрих ван-Кинсберген. Восторгаясь храбростью русских моряков, он оставил в своих мемуарах знаменательную запись:

«С такими молодцами я бы самого дьявола выгнал из ада».

При Цусиме было не мало отважных и опытных командиров, но их ценная инициатива никак не была использована, хуже того — она была связана бездарным командованием. И вообще наша эскадра была совершенно не подготовлена к серьезному бою. Только безумное правительство могло послать ее в такой дальний путь навстречу сильнейшему врагу.

Организация службы у нас никуда не годилась.

Не говоря уже о том, что наша эскадра состояла из разнотипных судов, представлявших собою смесь музейных редкостей, мы новейшие и быстроходные корабли поставили в одну колонну со старыми и тихоходными и тем самым уменьшили их скорость до девяти узлов.

Перегруженные, наши броненосцы настолько ушли бронированными частями в воду, что перестали быть броненосцами, а неубранные с них шлюпки и дерево, деревянная отделка кают и мебель служили пищей для пожаров, причинивших нам много бедствий.

Взятые с собою ненужные транспорты только стесняли движение боевых судов.

У японцев в каждой башне, в каждом каземате имелся дальномер, а у нас их только было по два на корабль. И вся наша артиллерия с плохо воспламеняющимися трубками, с неразрывающимися снарядами, с неверными таблицами, с негодными башнями, с плохо оборудованными и неосвоенными оптическими прицелами, с необученными комендорами была совершенно безвредна для противника [55].

Спайка между верхами и низами наладилась кое-как лишь перед самым боем, вызванная общей опасностью, а до этого весь организм эскадры разъедался острой классовой ненавистью, которую точно не замечало начальство.

Для прорыва во Владивосток ни в коем случае нельзя было идти Корейским проливом, где у японцев были расположены главные базы для морских сил.

Эскадра, приближаясь к острову Цусима, не предпринимала никаких разведок и совершенно игнорировала противника, словно мы шли на парад.

Не только командиры судов, но и младшие флагманы, контр-адмиралы не были заранее осведомлены о стратегической и тактической обстановке предстоящего боя. Никто из начальников не знал, какие оперативные планы были разработаны командующим эскадрой Рожественским, а многие даже сомневались, имелись ли вообще у него какие-либо планы. Это был исключительный случай в истории морских войн [56].

Выяснилось еще и то, что в продолжение пяти с половиной часов дневного боя, когда решалась участь сторон, никто из адмиралов эскадрой не командовал. Ею руководили случайные офицеры, оставшиеся неизвестными, а иногда и матросы.

Достаточно было одной из перечисленных причин, чтобы привести 2-ю эскадру к поражению. Все же, вместе взятые, они привели ее к полному разгрому. Многим матросам все это стало известно сейчас же после сражения. Но теперь от инженера Васильева мы узнали о новых фактах. Больше всего он удивил нас сравнительной таблицей артиллерийского огня:

— Вот какое число выстрелов делала та и другая сторона в одну минуту: русская эскадра — сто трид-

цать четыре, японская эскадра — триста шестьдесят. Выбрасывала металла в одну минуту русская эскадра — двадцать тысяч фунтов, японская эскадра — пятьдесят три тысячи фунтов. Что же касается взрывчатого вещества, каким начинялись снаряды, то разница получается почти невероятная. Русский двенадцатидюймовый снаряд заключал в себе пятнадцать фунтов пироксилина, японский такой же снаряд — сто пять фунтов шимозы. Русская эскадра выбрасывала взрывчатого вещества в одну минуту пятьсот фунтов, японская — семь тысяч пятьсот фунтов. Но и это, товарищи, не все. Сама шимоза как взрывчатое вещество значительно сильнее пироксилина.

Васильев окинул своих слушателей взглядом, как бы проверяя, какое впечатление произвели на них сообщенные данные, и продолжал:

— Какие же, товарищи, мы должны сделать из этого выводы? Самодержавная Россия с ее феодальными порядками, с ее глубочайшими язвами деспотического строя не выдержала экзамена на поле брани. Она слишком для этого одряхлела. Кто виноват в нашем поражении? Виновата вся государственная система. Ведь Цусима для нас оказалась не только в Корейском проливе. Нет, ее в достаточной степени испытали и на сухопутных фронтах. Может быть, не так ярко, но Цусима проявлялась и на железных дорогах, и на заводах, и в кораблестроении, и в области просвещения, и во всей нашей придавленной и бестолковой жизни. Но пусть Япония не очень бряцает оружием. Она победила не трудовой народ, а его разложившееся и всем опостылевшее правительство. Второй такой победы она не дождется, если у власти станут представители другого класса. А пока что Япония сыграла нам только на руку. Она открыла глаза на действительность даже самым малограмотным людям. Наше счастье в том, что солдаты повернули свои штыки и ружья в обратную сторону — против тех, кто послал их на бессмысленную смерть. Война закончилась революцией. Нас, переживших Цусиму, ничем больше не устрашишь...

Загудел пароход, давая знать, что готов к отходу.

Васильев не мог больше говорить и, взяв от меня адреса товарищей, полез по трапу, сопровождаемый

аплодисментами сотен людей. Спустя несколько минут он с чемоданом в руке вышел из своей каюты на верхнюю палубу. Едва он успел сойти на стенку гавани, как начали отдавать швартовы.

Пароход «Владимир» вышел в открытое море и взял курс на Владивосток. Крепчал северный ветер, вспенивая, как молодую брагу, волны. Серыми бесформенными стаями неслись на юг облака.

Я в одиночестве долго стоял на юте. Несмотря на стужу, мне не хотелось уходить вниз. В последний раз я смотрел на удаляющиеся возвышенности Нагасаки. Быть может, никогда уже больше мне не придется побывать в этой стране вечной зелени, цветущих хризантем, танцующих гейш, в стране настолько же улыбчивой, насколько и загадочной.

Угасал день. Берега Японии теряли свои очертания, сливаясь с дымчатым небосклоном. Далеко позади нас заботливо вспыхивал проблесковый маяк.

Прозябший, я спустился в твиндек, в шум человеческих голосов. Разговаривали о семьях и любовницах, о войне и революции. Весело наигрывала гармошка, звуки которой сопровождались чьим-то залихватским посвистом. Несколько человек пели частушки.

Поодаль от певцов и гармониста обособленно сгрудилась большая группа матросов. Они тесно навалились друг на друга и старались ближе придвинуться к флотскому унтер-офицеру. Опираясь на костыль, он что-то рассказывал им, а слушатели, вытягивая шеи, казалось, ловили каждое его слово. Некоторые из них кому-то угрожали.

Я подошел к этой группе. Теперь мне хорошо был виден говоривший, высокий горбоносый человек лет двадцати семи, с деревяшкой вместо левой ноги. Огромное тело его было тощее и жилистое, но в нем чувствовались крупные и крепкие кости. Вся его фигура ходила ходуном, то порываясь вперед, как бы наступая на слушателей, то откидываясь назад. Он был сильно возбужден. Большие серые глаза его в густых ресницах были воспалены и, оглядывая людей, катались, как блестящие шары. Звучно и резко, как удары колотушки, чеканил он свою речь:

— Вот как все обернулось. Заклятые враги стали на защиту русских адмиралов и офицеров. Живо стакнулись...

Кто-то перебил его:

— А что у тебя с ногой? Снарядом, что ли, оторвало?

— Да нет, только осколком сильно кость повредило. Из-за ноги я и попал к вам на «Владимир». Нас, больных, вместе с порт-артурцами раньше всех начали возвращать из плена. Посадили на пароход «Воронеж». А тут и произошла заворошка с адмиралом Рожественским, чтобы его черт подрал с головы до пяток. И началось то, о чем я вам рассказывал. А я еще сильнее заболел, и меня направили в русский морской госпиталь, что находится в Нагасаках. Полноги отхватили. Здесь еще двое с «Воронежа» едут со мною. Они тоже в госпитале со мною были.

Инвалид меня очень заинтересовал, и я в тот же вечер встретился с ним наедине. Он назвался строевым квартирмейстером Кузнецовым. С большим вниманием я выслушал его рассказ о том, как он стал революционером. До войны и в самом начале ее Кузнецов был исполнительным и надежным унтер-офицером. На него не действовали ни речи агитаторов, ни запрещенная литература, распространяемая среди матросов подпольщиками. Его сделали революционером адмиралы и генералы, виновники поражения наших войск и флота. А он, как патриот родины, страдая от военных неудач, пришел к убеждению, что высшее командование не сумело направить героизм русских матросов и солдат к победам. Это до крайности его возмущало. Негодуя на верхушку, он постепенно дошел до ярой ненависти против всего царского режима.

К нам подошли двое его товарищей, которые вместе с ним задержались в госпитале и теперь ехали на «Владимире». Я перевел разговор на другую тему и с нетерпением начал всех троих расспрашивать об удивительном событии на пароходе «Воронеж». То, что они рассказали, впоследствии подтвердили мне и некоторые революционно настроенные офицеры. Из бесед с этими офицерами я выяснил и другие факты, какие не могли быть известны матросам. В общем,

очевидцы восстановили передо мною событие на «Воронеже» со всеми подробностями.

После ратификации мирного договора между Россией и Японией адмиралу Рожественскому и всем пленным командирам кораблей было дано через французского консула разрешение из Петербурга: «возвращаться по способности». Они могли, не дожидаясь русских судов, выехать немедленно на любом иностранном пароходе кружным путем через Европу. Но, боясь всесветного позора и корреспондентов иностранных газет, адмирал отказался воспользоваться этим разрешением. Он ждал до тех пор, пока в Токио не приехала для приема пленных комиссия, возглавляемая генерал-майором Даниловым. Эта комиссия проследовала через город Киото, где находился Рожественский и чины его штаба, и не только не заехала, но даже никак не адресовалась к ним — ни по почте, ни по телеграфу. Адмирал был возмущен таким пренебрежением и сильно нервничал. И все же пришлось ему обратиться к Данилову с просьбой — отправить его во Владивосток с первым русским пароходом. Просьба была уважена. Рожественский со своим штабом, адмирал Вирен с флаг-офицером и один из сухопутных генералов сели на прибывший в Кобе пароход Добровольного флота «Воронеж». На этом же пароходе возвращались из плена человек пятьдесят офицеров и около двух с половиной тысяч нижних чинов. Тут были матросы и солдаты. 3 ноября «Воронеж» вышел из Кобе.

В трюмах парохода было тесно и душно. Люди поднимались на верхнюю палубу и располагались на ней от носа до кормы. Даже довольно свежий норд-ост не мог их разогнать. Здесь дышалось легко, а главное — радостно было сознавать, что кончилось длительное томление плена. Казалось, что первое время у всех было только одно желание — скорее попасть в русский порт. Из огромнейшей трубы вываливались клубы черного дыма, под кормою напряженно вращались гребные винты, сокращая расстояние до родной земли.

Адмирал Рожественский чувствовал себя бодро. Его раны, полученные в Цусимском бою, заживали, спаленная борода отросла. Обласканный в плену те-

леграммой царя, он возвращался в Россию с надеждой, что ему опять предоставят высокий пост начальника Главного морского штаба.

Надев штатское пальто и шелковую шапочку, какую носят профессора, он вышел погулять на полуют. Но здесь и началось то, о чем говорил квартирмейстер Кузнецов. Раньше, до Цусимы, матросы и солдаты при виде адмирала моментально вскочили бы и, вытянувшись в струнку, замерли бы на месте. А теперь одни небрежно стояли, другие сидели в вольных позах, некоторые валялись на палубе. Ни один из них не отдал ему чести и не проявил никаких признаков боязни, точно это был такой же нижний чин, как и все остальные.

Рожественский сразу потерял хорошее настроение, вскипел и, потрясая кулаками, так заорал, как будто много лет был погонщиком гуртов:

— Убрать отсюда этот грязный сброд! Сейчас же, немедленно! Чтобы ни одной скотины не было здесь!..

И, не дожидаясь судового начальства, он сам бросился на тех, кто сидел или лежал на палубе, и стал их расталкивать пинками. Адмирал проделал это с такой верой в свое могущество, как будто не было в его жизни ни Гулльского инцидента, ни Цусимы, ни позорной сдачи в плен врагу без единого выстрела. По-видимому, несмотря на революцию и полный свой провал как командующего, он сознавал себя все тем же властным начальником, каким был раньше. Для матросов и солдат это было совершенно неожиданно и, может быть, поэтому подействовало на них ошеломляюще. Беспорядочной толпой они хлынули к носу, моментально очистив весь полуют. А когда на крик адмирала явились судовые офицеры, он, глядя на них исподлобья, буркнул:

— Слюнтяи, а не начальники. Распустились с революцией.

И ушел к себе в каюту, которую уступил для него командир судна капитан 2-го ранга Шишмарев.

Возможно, что после этого случая Рожественский был доволен собой. Его власть, возымевшая такое действие на массы, еще не утратила своей силы. Но он не предполагал, что люди за время войны и плена изменились и что не каждый раз ему удастся достиг-

нуть такого эффекта. В Порт-Артуре матросы и солдаты узнали, с каким тупоумием, дрожа за свои жизни, управляло ими высшее командование. Адмирал Алексеев, генерал Стессель и другие царские ставленники не воевали, а только порочили славу русского оружия! Это по их вине пала крепость и погибли корабли. По их вине десятки тысяч товарищей, бесплодно сражаясь, остались на вечный покой на морском дне и в братских могилах. По их вине торжествует враг. Матросы и солдаты узнали все и про самого Рожественского. А за время пребывания в плену революционеры и нелегальная литература еще больше пробудили их сознание.

Весть о поступке Рожественского разнеслась по всему кораблю. Люди в трюмах заволновались. А вечером, когда стали раздавать ужин, все повалили на верхнюю палубу. Каша оказалась из прогорклой крупы. Эшелон не притронулся к ней. Поднялся шум, послышались угрозы по адресу начальства. Среди нижних чинов нашлись ораторы, которые, взбираясь на возвышения, произносили речи. Командир парохода капитан 2-го ранга Шишмарев едва успокоил людей, обещав выдать им другой ужин. Считая дело улаженным, он ушел к себе на мостик. Но массу волновал уже другой вопрос — посерьезнее, чем каша. К командиру пришел на мостик делегат от эшелона и заговорил о революции. А потом он потребовал, чтобы Рожественский больше не смел так обращаться с нижними чинами.

Вечером, боясь в темноте проходить через Симоносекский пролив, пароход стал на якорь у его входа.

Поздно ночью, опираясь на тяжелый костыль, шел по верхней палубе квартирмейстер Кузнецов. Его сопровождали человек десять матросов и солдат. Левую ногу он держал на весу: раненная и недолеченная, она за последние дни загноилась и стала чернеть.

— Ты смелее держись, а мы будем поблизости. В случае чего — весь эшелон станет за тебя,— наказывали ему товарищи.

— Не сомневайтесь. Всю правду преподнесу ему, как бифштекс на серебряном блюде,— уверенно ответил Кузнецов.

— Вот, вот. И горчицей погуще смажь.

Товарищи остались на палубе, а он один направился к капитанской каюте. Дверь оказалась незапертой. Квартирмейстер, войдя в помещение, остановился у порога, тяжело дыша, словно он прошел длинный путь и сильно устал. Адмирал, раздетый, лежал на койке и читал какую-то книгу. Он повернул голову в сторону двери и, окинув инвалида подозрительным взглядом, спросил:

— Что тебе нужно?

— Поговорить с вами хочу,— твердо отчеканил Кузнецов.

— О чем?

— Насчет вашего безобразия.

Такой оскорбительный ответ да еще от нижнего чина адмирал услышал первый раз в жизни. Он дернулся и, точно подброшенный пружиной, уселся на койке. Сначала его лицо выразило крайнее удивление, потом оно побагровело. Словно чем-то подавившись, он прошипел кривым ртом:

— Повешу на рее...

Кузнецов сделал шаг вперед и, вызывающе глядя в глаза адмирала, заговорил еще более решительно:

— Потише, ваше превосходительство, на повороте, а то можете опрокинуться и свою башку разбить.

Можно было бы ожидать, что адмирал ринется на этого дерзкого человека и сокрушит его на месте. Но произошло нечто похожее на чудо: он остался на месте, словно придавленный тяжелым взглядом квартирмейстера. С полуюта Рожественскому удалось разогнать сотню людей, а здесь только перед одним инвалидом в жутком изумлении застыли его черные глаза и отвалилась нижняя челюсть.

Кузнецов еще сделал шаг вперед и загромыхал:

— По какому праву вы били людей на палубе? Или здесь, на пароходе, легче бить своих, чем в бою японцев? Трус!.. Опоганили весь флот, опозорили родину и до сих пор не бросились от стыда за борт!.. Я пришел сказать вам, чтобы вы убирались с «Воронежа»! Этого требует весь эшелон!

Адмирал слушал квартирмейстера молча, точно роли их переменились.

На выкрики Кузнецова сбежались офицеры. Они с трудом уговорили его оставить в покое адмирала.

Уходя из каюты, он резко сказал, точно обращаясь к своему подчиненному:

— Не забудьте, ваше превосходительство, мои слова [57].

Офицеры чувствовали себя на пароходе хуже, чем в японском плену. Только пятеро из них были вооружены револьверами. После этой ночи они посменно дежурили у капитанской каюты, охраняя адмирала. Им было досадно, что тринадцать винтовок, о которых ничего не знали матросы и солдаты, были спрятаны в упакованном виде. Но пронести их пришлось бы через жилые трюмы, а это при такой обстановке было делать рискованно.

Утром, когда снимались с якоря, капитан 2-го ранга Шишмарев получил от генерала Данилова секретное предписание: во Владивостоке военное восстание, поэтому пароход задержать до особого распоряжения. Его перевели в Модзи и подняли на нем карантинный флаг. Эшелону объяснили, что в Кобе появилась чума и, чтобы не завезти ее в Россию, придется стоять здесь на якоре до тех пор, пока не убедятся в отсутствии этой заразы на «Воронеже». Но вести о восстании во Владивостоке все же дошли до нижних чинов, дошли через торговцев, шлюпки которых приставали к борту. На судне волнение усилилось. Спустя несколько часов «Воронеж» снялся с якоря и направился в Нагасаки. Адмиралы и офицеры почему-то решили, что в этом порту будет безопаснее стоять.

Командиру Шишмареву было известно, что на пароходе приготовлено красное знамя, перед которым еще в Хамадере матросы и солдаты дали клятву верности революции. Он умышленно повел судно вблизи островов. Офицерам было сообщено, что если вспыхнет восстание, то «Воронеж» выбросится на скалы.

В нагасакском порту пароход задержался на неопределенное время. Это еще больше взбудоражило эшелон. С того момента как у Рожественского произошло столкновение с людьми, гнев их не переставал разгораться. А складывающаяся обстановка только способствовала этому, как способствует ветер пожару.

В первые дни пребывания Рожественского на пароходе около его каюты играл оркестр музыкантов. Во время завтрака, обеда и ужина исполнялись мар-

ши, польки, вальсы. Под звуки музыки приятнее было кушать. На флагманском корабле «Суворов», который остался на морском дне с девятьюстами человеческих жизней, адмирал редко садился за еду без духового оркестра. Флагманские чины позаботились, чтобы так же было и теперь на «Воронеже». Но наступило такое утро, когда адмирал завтракал уже без музыки. Рожественский хмурился, капризничал, недовольный пищей. И вдруг раздались звуки оркестра, но не около каюты, а где-то дальше, а главное — заиграли марсельезу. Рожественский не знал, что музыканты перенесли свою эстраду на бак.

— Это еще что за новость! — багровея, сказал адмирал и отбросил вилку и нож, зазвеневшие на палубе.

— Народ повлиял на музыкантов, ваше превосходительство,— ответил прислуживавший ему постоянный его вестовой Петр Пучков.

— Убери эту гадость с моих глаз! — показывая на тарелки, точно в них заключалось главное зло, резко приказал Рожественский вестовому.

С этого утра бак превратился в самую веселую часть корабля. Здесь выступали то музыканты, то хор певчих, исполняя революционные песни. В то же время на палубах и в трюмах происходили митинги и выносились по отношению к начальству резкие резолюции. Потом бывшие пленные организовали исполнительный комитет, который постепенно начал забирать власть в свои руки. Боясь, что судовая команда может испортить механизмы и этим задержать отправку людей на родину, он выделил из своей среды надежных судовых специалистов. Они посменно день и ночь дежурили на станции электрического освещения, в машинном отделении, в штурманской рубке и в других частях корабля. Наконец представители исполнительного комитета заявили командиру:

— Довольно морочить нам головы чумой. Мы требуем, чтобы завтра же сняться с якоря. Если это не будет сделано, то оба адмирала и все их приближенные полетят за борт. А пароход мы сами поведем во Владивосток.

Рожественский больше не показывался на палубе. Но ему все время доносили о действиях эшелона. По-

сле той ночи, когда у него в каюте побывал Кузнецов, он и сам убедился, что на корабле создалось положение более серьезное, чем можно было ожидать. Конфликт обострялся, и теперь была лишь одна забота — как избежать опасности. Матросы и солдаты становились все смелее в своих требованиях, а исполнительный комитет во всеуслышание заявлял о готовности к решительным действиям. Против адмирала были 2500 человек нижних чинов, а на его стороне находились только офицеры. Но и среди них начали выявляться люди, сочувствующие исполнительному комитету. Все это очень раздражало генерала. Сначала от бессильной злобы он рычал и сжимал кулаки, а потом притих в каком-то оцепенении и отсиживался в каюте, как барсук в норе. Наконец в адмиральской голове созрела мысль. Он поделился ею с флаг-капитаном Клапье-де-Колонг, капитаном 2-го ранга Семеновым и другими чинами своего штаба. Решение его всеми было одобрено. Он призвал к себе в каюту командира Шишмарева и, задыхаясь от приступов бешенства, заговорил:

— Дольше терпеть этого нельзя. Дайте знать в Нагасаки Стеману: эшелон взбунтовался. Комитет грозит выбросить нас за борт. Пусть Стеман от моего имени попросит у японцев вооруженную силу. Пора раздавить эту крамолу.

— Есть, ваше превосходительство.

Капитан 1-го ранга Стеман, как член комиссии от морского ведомства по приему пленных, находился в русском морском госпитале. Его обращение к японским властям, очевидно, имело полный успех. Вечером на «Воронеж» приехал из Нагасаки полицмейстер. При встрече с Рожественским и чинами его штаба он был чрезвычайно любезен. Свою необычную миссию он выполнял с каким-то особым упоением. Для японцев это был неожиданный случай. Разбитый и опозоренный при Цусиме, русский адмирал не только не затаил желания отомстить японцам, а поступил как раз наоборот, прося у них, как у друзей, вооруженную помощь. Выходило так, что он доверяет врагу больше, чем своим нижним чинам. В самых изысканных выражениях, объясняясь на английском языке, полицмейстер успокаивал разгневанного адмирала:

— Императорская полиция гарантирует вам полную безопасность. Губернатор вызывает из Сасебо военные суда, а из лагеря — войска. А пока для порядка срочно займет пароход наша полиция.

— Сколько? — взволнованно осведомился Рожественский.

— Семьдесят человек,— ответил полицмейстер.

— Мало,— разочарованно заметил Рожественский и нахмурился.

Японец, глядя на него, сузил веки и поспешно заговорил:

— Будьте уверены, адмирал. Пока вы находитесь в водах императорской Японии, мы никому не позволим тронуть вас. Мятежники пройдут к вам только через трупы полицейских.

Капитан 2-го ранга Семенов вставил:

— Ваше превосходительство, насколько я понял господина полицмейстера, эта мера только временная. А в случае надобности — японцы могут войска прислать.

Полицмейстер поклонился Семенову с церемонным приседанием.

— Да, вы правильно поняли меня. У нас хватит силы. Если потребуется, мы уничтожим весь ваш бунтующий эшелон.

Полицмейстер торжествующе заулыбался. Его начали угощать вином. Только через час он вышел на палубу и, пошатываясь, направился к трапу.

На следующий день японские полицейские заняли полуют, спардек и рубку. В скором времени прибыли четыре миноносца и, откинув крышки минных аппаратов, начали крейсировать вокруг парохода. В любой момент он мог быть взорван и пущен ко дну со всем его населением.

Матросы и солдаты возмущались:

— Нас предали врагам.

— Это все Рожественский придумал.

— Он эскадру свою бросил, удрал с поля сражения и сдался японцам. А теперь призвал их к себе на помощь.

— Беглый адмирал.

Больше всех распалился квартирмейстер Кузнецов, выкрикивая:

— Братцы мои! Да что же это такое делается на свете? Русские и японские власти были врагами. А как пришлось давить нашего брата, они сразу снюхались. За свое благополучие наши адмиралы и генералы готовы отдать врагам не только нас, но и половину России. Эх, выродки рода человеческого!..

Он повысил голос и, дрожа от ярости, почти завопил:

— А вы, господа японцы, обрадовались? Наш горе-адмирал обратился к вам за помощью, и вы рады стараться? Но запомните: придет время — может быть, придется опять с нами воевать. Тогда у нас будут настоящие командиры. Не такая шваль, как Рожественский. Мы заставим вас копать рылом хрен в огороде.

Товарищи насильно увели Кузнецова с палубы вниз.

На баке не слышно стало музыки, перестали петь и революционные песни. Пароход был под русским флагом, но верхняя палуба, где разместились японцы, стала для эшелона чужой. Матросы и солдаты спустились в нижние помещения. Теперь уже там, в глубине судовых трюмов, кипели человеческие страсти: продолжались митинги. Наверху как будто было все спокойно. Но начальство чувствовало себя примерно так же, как могут чувствовать себя люди, находясь на крыше горящего здания. Ночью некоторые из офицеров сбежали с парохода. С полуюта они по концам спускались в японские ялики и перебирались на берег.

Еще через день на «Воронеж» прибыли генерал Данилов и его адъютант капитан Алексеев. Оба были одеты в военную форму. Генерал, полнотелый, с большими свисающими усами, важно прошел в офицерские каюты. Сначала он о чем-то беседовал с Рожественским, а потом распорядился вызвать на верхнюю палубу нижних чинов. На его приветствие они ответили слабо и как-то нехотя. Он спросил их о претензии, и сразу раздалось столько голосов с жалобами, что ничего нельзя было разобрать. Тогда генерал предложил эшелону выбрать своих представителей от разных частей. Он удалился на полуют и каждого представителя допрашивал отдельно, а напоследок — всех вместе. Наперебой они заявили одно и то же:

— У нас, ваше превосходительство, не было бы никакого бунта. Все через адмирала Рожественского вышло. Он бил команду пинками.

— Мало того, он японскую полицию вызвал на пароход. А потом миноносцы начали угрожать нам.

В числе выбранных представителей находился и квартирмейстер Кузнецов. У него был вид суровый, какой бывает у человека, убежденного в своей правоте. Морщась от боли в левой ноге, он долго молчал и, наконец, мрачно спросил:

— Ваше превосходительство, в Россию тоже позовут наших врагов усмирять революцию?

Генерал покраснел:

— Этого никогда не может быть. Мы уж как-нибудь без японцев обойдемся.

— Спасибо вам на добром слове. И просим вас — уберите с парохода адмирала Рожественского. Не хотим мы ехать вместе с ним. Отправьте нас на родину без него, и больше не будет никакого волнения.

На пароходе генерал Данилов пробыл более трех часов. Он требовал выдать зачинщиков и давал честное слово, что они не будут отданы под суд. Дело кончилось тем, что весь этот эшелон был переведен на два парохода — «Киев» и «Тамбов», а на «Воронеж» назначили новый эшелон. Адмиралы Рожественский и Вирен отправились во Владивосток на маленьком транспорте «Якут».

Так правящие круги двух империй, враги на поле брани, вдруг при восстании на «Воронеже» побратались и образовали общий фронт против матросов и солдат. Это понял Кузнецов и его более сознательные товарищи. Для них стало ясно, что в случае надобности русское самодержавие не постыдится позвать японцев, чтобы помочь удушить не только кучку пленных, но и весь революционный народ.

На второй день под натиском тайфуна разъярилось море. Пароход «Владимир» то врезывался в горы наваливающихся на него волн, распарывая их своим острым форштевнем, то становился на дыбы, как бы намереваясь сделать безумный прыжок в пространство. На палубу летели брызги и клочья пены. Напряженно визжали снасти. Под небом, загромож-

денным клубящимися тучами, среди колыхающейся водной шири, пароход, дымя толстой трубой, упорно шел вперед, в седую и взлохмаченную даль. Барометр все падал. Значит, это были только первые приступы разыгрывающегося тайфуна. Но уже чувствовалась его неисчерпаемая сила, сказывались его удары, сотрясавшие хрупкий корпус судна.

Когда с капитанского мостика сообщили, что проходим мимо острова Цусимы, почти все матросы вышли на верхнюю палубу. Они оглядывались, жадно искали что-то тревожными глазами, но ничего не видели на поверхности бушующего моря, словно никогда и не было здесь сражения. Кто-то сдернул фуражку, и тут же, точно по команде, все, как один, взмахнули руками, и головы обнажились. Так, в молчании, бледные, мрачные, простояли минуту-две, слушая многоголосый рев тайфуна, плакавшего над братским кладбищем.

Начались речи. Выступали матросы и говорили, как умели. Это были другие люди, не те, какими я знал их, когда мы отправились на войну. На палубе корабля, этого одинокого странника морей и океанов никогда еще не звучали так смело слова, как на этот раз.

Гальванер Голубев вытащил из кармана потрепанную тетрадь, потряс ею в воздухе и заявил:

— Вот она! В ней все записано и про японский флот и про наш. Тут одни факты...

Я знал, о чем он будет говорить. Эти же факты отмечены и в моих записках. Обычно в сражениях бывает так, что одна сторона, уничтожая другую, в то же время и сама несет какой-то урон, иногда очень значительный. В морском же бою с японцами получилось иначе. Наши моряки и при Цусиме сражались с былой отвагой и храбростью. На некоторых даже полузатопленных кораблях, окруженных превосходными силами врага, комендоры стреляли до последнего снаряда. Но целым рядом причин, приведенных мною раньше, мы были поставлены в такое положение, что уже никакой героизм не мог нас спасти от бедствия. Порочная система управления и снаряжения царского флота снизила потери японцев на море.

Вот какие повреждения нанесли мы противнику.

Броненосец «Микаса», на котором держал свой флаг командующий эскадрой адмирал Того, получил более тридцати наших крупных снарядов. У него были пробиты трубы, палубы, повреждено много орудий и разбиты казематы. На нем насчитывалось убитыми и ранеными шесть офицеров, один кондуктор и сто шесть нижних чинов. Крейсер «Нанива» получил пробоину у ватерлинии и вышел из строя. Крейсер «Касаги», которому снарядом пробило борт ниже ватерлинии, вынужден был, ввиду большой прибыли воды, уйти в залив Абурадани. Все эти три корабля безусловно были бы потоплены, если бы мы имели полноценные снаряды. Были серьезные попадания в броненосцы: «Сикисима», «Фудзи» и «Асахи». Пострадали в бою и крейсеры: «Ниссин», «Кассуга», «Идзуми», «Адзума», «Якумо», «Асама», «Читозе», «Акаси», «Цусима». Авизо «Чихая» получил от нашего снаряда течь в угольной яме и удалился с поля сражения. Около двух десятков истребителей и миноносцев настолько были повреждены, что некоторые вышли из боя, а три из них потоплены. Все это мы знали, как знали и то, какие потери японцы понесли при блокаде Порт-Артура. Там из списка их флота выбыли два первоклассных броненосца — «Ясима» и «Хатсусе», два крейсера — «Иосино» и «Такасаго» и десять небольших судов. За весь период войны и коммерческий неприятельский флот убавился на тридцать пять пароходов. Но вместо этой потери японцы подняли в Порт-Артуре и захватили в плен пятьдесят девять наших пароходов. А военный их флот, уничтожив 1-ю и 2-ю наши эскадры, не только не уменьшился, а увеличился. Недавно, месяца три назад, японский император устроил в Токийском заливе смотр своему флоту, в состав которого вошли наши корабли. Из 1-й нашей эскадры были следующие суда под японским флагом, поднятые противником в Порт-Артуре: броненосцы — «Ретвизан», «Пересвет», «Победа» и «Полтава»; крейсеры — «Паллада», «Варяг» и «Баян»; истребители — «Сильный» и захваченный в Чифу «Решительный»; минные крейсеры — «Гайдамак» и «Посадник». На том же смотру были представлены и суда нашей 2-й эскадры: броненосцы — «Николай I», «Орел», «Апраксин» и «Сенявин» и истребитель «Бедовый»,

Гальванер Голубев, читая свою потрепанную тетрадь, напоминал собою сурового судью, обвиняющего царское правительство в чудовищных преступлениях. Все эти цифры наших потерь давно были нам известны, но теперь, среди моря, на виду печального для нас острова Цусима, действовали на всех слушателей потрясающе. Сам Голубев был бледен, голос его дрожал. Наконец, подняв руки, словно показывая народу страшные улики, он стал выкрикивать:

— Разве это была война? Японцы истребляли нас, как зверобой истребляет беззащитных тюленей на льдах... И мы будем терпеть такое правительство?..

Пароход «Владимир» зачерпнул носом десятки тонн воды. Бурлящими потоками она покатилась по верхней палубе, смачивая ноги людей. Но все матросы, вслушиваясь в речи своих товарищей, остались, словно пришитые, на месте. Офицеры, находясь на капитанском мостике, боязливо посматривали на загадочно-угрюмые лица бывших рабов.

Каждый из нас знал, что под нами, в этом пляшущем море, погребена почти вся 2-я эскадра, кроме кораблей, сдавшихся в плен или разбежавшихся по нейтральным портам. Здесь, в колыхающемся братском кладбище, на морском дне, осталось более пяти тысяч наших моряков, кости которых омывают соленые воды.

На середину палубы вышел кочегар Бакланов и, поднявшись на закрытый люк, крепко расставил толстые ноги. Его лицо с упрямым подбородком, окропленное солеными брызгами моря, выражало суровую уверенность в своей силе. Он басисто загремел:

— Дорогие цусимцы! Вы сами видели, как здесь гибли наши товарищи. За что они приняли смертную казнь? Кто в этом виноват? Теперь нам известно, где скрываются главные преступники. Я не знаю, как вы, а я буду рвать им головы. Я не уймусь до тех пор, пока в моей груди будет биться сердце. Мы все будем воевать, но только не за корейские дрова, а за нашу будущую, лучшую жизнь. Двинемся на внутренних врагов. Как японцы топили здесь наши корабли, так и мы утопим в крови весь царский строй...

— Правильно! — гаркнуло несколько человек.

— Все сметем к чертовой матери! — возбужденно подхватили другие голоса.

Кочегар Бакланов продолжал:

— Будем выкорчевывать по всей нашей стране всех прежних заправил, как выкорчевывают пни в лесу...

Ревел простор. Качался пароход, черпая бортами воду, и вокруг него, словно от взрывов, вздымались рваные громады волн. Все было в стремительном движении. Передвигались и люди на уходившей из-под ног палубе и, поднимая кулаки, бросали в воздух грозные слова.

Мы знали, что весть о Цусиме прокатилась по всей стране, вызывая потоки слез и горя. Содрогнулась Россия. Через месяц после гибели эскадры, как бы в ответ на это, броненосец «Потемкин» прорезал воды Черного моря под красным флагом. Восстали моряки на крейсере «Очаков», в кронштадтских и севастопольских экипажах. Поднялись рабочие на заводах и фабриках. Началось аграрное движение, запылали помещичьи усадьбы. Царь, спасая трон, вынужден был объявить манифест о конституции. Но народ скоро понял, что это был обман. Улицы Москвы обросли баррикадами. И по всей России, словно тайфун в Японском море, поднимались и буйствовали кровавые шквалы.

Все вычитанное из газет о родине у меня связывалось с тем, что происходило сейчас на палубе, захлестываемой волнами. Это было так ново, настолько необычно, что дрожь пронизывала сердце. Я всматривался в лица товарищей, вслушивался в их речи, и мне казалось, что и минувшая война и разливающаяся, как вешние воды, революция являются только прелюдией к еще более грозным событиям.

Остров Цусима, заросший лесами и огражденный подводными рифами и скалами, оставался от нас слева. Его не было видно за крутящейся мглой. Он только угадывался и рисовался в воображении многогорбым чудовищем, этот безмолвный свидетель разыгравшейся здесь трагедий. На нем высоко взметнулся каменный пик, голый и раздвоенный, называемый по лоции «Ослиные уши». Отныне этот остров с «Ослиными ушами» будет вечным памятником навсегда обесславленного царского режима, мрака и молчания.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Стр. 6. Это был, как выяснилось после боя, японский вспомогательный крейсер «Синано-Мару», находившийся в ночной разведке. Перед рассветом он натолкнулся на одно наше госпитальное судно, привлеченный его яркими огнями. Спустя некоторое время была открыта японцами и вся наша эскадра. Командир названного разведочного крейсера, капитан 2-го ранга Нарикава, сейчас же телеграфировал адмиралу Того: «Враг в квадрате № 203 и, по-видимому, идет в Восточный пролив».

Стр. 12. Адмирал Рожественский потом, в следственной комиссии показывал, что «Урал» просил у него разрешения помешать японцам телеграфировать не 14 мая, а 13-го. «Я,— говорит он дальше,— не разрешил «Уралу» этой попытки потому, что имел основание сомневаться, что эскадра открыта». («Русско-японская война», книга 3-я, выпуск IV, с. 21).

Если бы это было действительно 13 мая, то распоряжение адмирала имело бы смысл. Но в том-то и беда, что такой случай произошел 14 мая, когда нас уже сопровождали японские разведчики. Так значится в моих личных записях. То же самое подтверждают офицеры с «Орла». Вот что лейтенант Славинский написал в своем донесении: «Около половины девятого утра (14 мая) «Урал» сигналом просил разрешения адмирала помешать телеграфировать японским разведчикам, но на «Суворове» было поднято в ответ: «Не мешать». («Русско-японская война», книга 3-я, выпуск I, с. 55). То же самое написал и мичман Щербачев (в той же книге, с. 64). Даже такой преданный адмиралу человек, как капитан 2-го ранга Семенов, вынужден был в следственной комиссии показать, что это было именно 14 мая утром («Русско-японская война», книга 3-я, выпуск IV, с. 97). Но в своей книге «Расплата», где автор постоянно заявляет о точности своих записей, он об этом умалчивает.

Благодаря тому, что мы не мешали японским разведчикам телеграфировать, адмирал Того знал о нашей эскадре все, что нужно было знать командующему морскими силами. В рапорте о бое 14 мая вот как он отзывался о своей разведке: «Несмотря на густую дымку, ограничивающую видимость горизонта всего пятью милями, полученные донесения позволили мне, находясь в нескольких десятках миль, иметь ясное представление о положении неприятеля. Таким образом, еще не видя его, я уже знал, что неприятельский флот состоит из всех судов 2-й и 3-й эскадр; что их сопровождают семь транспортов; что суда неприятеля идут в строе двух кильватерных колонн»... («Описание военных действий на море в 37—38 гг. Мейдзи», с. 178).

Стр. 14. Любопытно отметить, что в октябрьские дни того же года петербургский градоначальник генерал Трепов в борьбе с восставшими русскими рабочими поступил как раз наоборот, издав знаменитый приказ: «Патронов не жалеть!»

Стр. 19. См. приложенные в конце книги чертежи — фиг. 1.

Стр. 19. Для чего же все-таки был проделан этот нелепый

маневр? В штабе Рожественского лишь задним числом придумали объяснение. Вот что говорит приверженец адмирала, капитан 2-го ранга В. Семенов, в своей книге «Бой при Цусиме» (изд. Вольфа, 1911 г., с. 25—26):

«Подозревая план японцев — пройти у нас под носом и набросать плавучих мин (как они это сделали 28 июля),— адмирал решил развернуть первый отряд фронтом вправо, чтобы угрозой огня пяти лучших своих броненосцев отогнать неприятеля.

С этой целью первый броненосный отряд сначала повернул «последовательно» вправо на восемь румбов (90°), а затем должен был повернуть на восемь румбов влево «все вдруг». Первая половина маневра удалась прекрасно, но на второй вышло недоразумение с сигналом: «Александр» пошел в кильватер «Суворову», а «Бородино» и «Орел», уже начавшие ворочать «вдруг», вообразили, что ошиблись, отвернули и пошли за «Александром». В результате вместо фронта первый отряд оказался в кильватерной колонне, параллельной колонне из второго и третьего отрядов и несколько выдвинутой вперед».

Абсурдность версии, выдвинутой Семеновым, ясна сама по себе и притянута лишь для оправдания действий Рожественского. У нас на броненосце точно разобрали сигнал командующего. Это официально доказано свидетельскими показаниями лейтенанта Славинского и мичмана Щербачева. Кроме того, трудно допустить, чтобы «Александр» ошибся. Не говоря уже о том, что на нем были исправные сигнальщики, он находился ближе всех к флагманскому кораблю и, следовательно, лучше других видел поднятый на нем сигнал. Но допустим, что Семенов прав: «Александр» ошибся и, вместо того, чтобы повернуть «вдруг», пошел за «Суворовым». Что из этого следует? Маневр был затеян не для забавы, а изменял всю боевую ситуацию. Значит, к этому нужно было бы отнестись с сугубой серьезностью и, пользуясь отсутствием главных сил противника, немедленно исправить допущенную ошибку. Что же, однако, помешало Рожественскому перестроить первый отряд в строй фронта?

Стр. 25. См. приложенные в конце книги чертежи — фиг. 2 и 3.

Стр. 38. См. приложенные в конце книги чертежи — фиг. 4.

Стр. 50. По поводу того, как адмирал и его штаб держались во время боя, флаг-офицер, лейтенант Кржижановский, в своем донесении показывает немного по-иному:

«2 часа. Все начали держать головы ниже брони, взглядывая на неприятеля ежеминутно...»

«2 часа 20 минут. Повернули на четыре румба вправо. Адмирал продолжает сидеть... Адмирал ранен в голову...»

«2 часа 40 минут. Прямо с носа ударил снаряд в рубку; осколком вторично ранило адмирала в ноги. Меня сбросило с рельсов для передвигания дальномеров, на которых я сидел, на палубу, сорвало чехол с фуражки... Сидящий передо мною на корточках командир был ранен в голову...» («Русско-японская война», изд. Морского генерального штаба, книга 3-я, выпуск 1, с. 34—35).

Стр. 123. Это был миноносец «Безупречный», потом про-

павший без вести. Он оказался единственным из всех кораблей 2-й эскадры, о судьбе которого русским морякам, участникам Цусимского боя, ничего не было известно.

Командир крейсера «Олег», при котором «Безупречный» находился по боевому расписанию, сообщил о нем только то, что он в начале боя получил повреждение. Что с ним было дальше — об этом русские узнали впоследствии из японских источников. В «Описании военных действий на море в 37—38 гг. Мейдзи» на с. 154 указывается, что на рассвете 15 мая крейсер «Читосе» и миноносец «Ариакс» настигли шедший во Владивосток неизвестный русский миноносец и открыли по нему огонь. Когда подбитый в бою миноносец, потеряв управление, начал тонуть, японские корабли ушли от него в сторону острова Дажелет, не желая подбирать с воды геройских защитников русского корабля. Расстрелянный, но не сдавшийся в плен миноносец оказался «Безупречным».

Стр. 134. Интересна дальнейшая судьба В. Ф. Бабушкина. Спустя несколько лет после русско-японской войны он окончательно выздоровел от своих тяжелых ран. К нему вернулась прежняя физическая сила. Он стал профессиональным борцом. В качестве борца он выступал не только на русской, но и на заграничной арене. В 1924 году ему захотелось поехать в свою деревню Заструги, Вятско-Полянского района. Там, в собственном доме, он был убит своим подручным из револьвера. Этого подручного будто бы подкупили соперники Бабушкина. Родственник Василия Федоровича, некий Н. Бабушкин, сообщает о нем такие детали: «В. Ф. Бабушкин весил 10 пудов 27 фунтов. Громадный собою, ходил очень быстро, даже успевал за бегущей лошадью».

Стр. 135. Такой сдачей в плен японцам четырех броненосцев был очень разгневан царь. Экипажи этих судов еще не вернулись из плена, а он без предварительного дознания лишил их воинского звания. Впрочем, в отношении нижних чинов постановление это было потом отменено.

В ноябре 1906 года бывший контр-адмирал Небогатов и бывшие его офицеры, за исключением тяжело раненных, предстали в качестве обвиняемых перед особым присутствием военно-морского суда Кронштадтского порта. Это громкое дело разбиралось в Петербурге, в Крюковских казармах. На суде вопреки желанию правительства выяснились все ужасающие недочеты российского императорского флота. Больше всех занимался разоблачением флота сам Небогатов и за это жестоко поплатился. Он был приговорен к смертной казни, но по ходатайству суда ее заменили ему заточением в крепости на десять лет. Такому же наказанию подверглись и командиры броненосцев «Николай I», «Апраксин» и «Сенявин». Старшие офицеры этих судов, а также и флаг-капитан Кросс были приговорены на несколько месяцев к заключению в крепости. Остальные офицеры были оправданы.

Что же касается броненосца «Орел», то суд признал, что он находился в таких бедственных условиях, когда сдача в плен разрешается военно-морским уставом, а посему вынес постановление: считать временно командовавшего судном Шведе и прочих офицеров в сдаче не виновными.

Адмирал Небогатов из крепости был освобожден досрочно, дожил до революции и умер в Москве в 1922 году.

Стр. 146. В 1906 году царь наградил барона Ферзена за храбрость золотым оружием.

Стр. 146. Эта маленькая книжечка имеется в моем цусимском архиве.

Стр. 193. Когда я писал вторую книгу «Цусимы», бывший младший штурман «Орла» Л. В. Ларионов передал в мое распоряжение толстую, переписанную на машинке книгу «Процесс адмирала Небогатова». Этот материал фигурировал на суде как не подлежащий оглашению. В нем напечатаны первоначальные показания адмирала Небогатова, офицеров и матросов. Здесь же имеется и мое показание (т. IV, л. 33, свидетель 124, крестьянин Новиков), о котором я совершенно забыл. Упомянув мимоходом о сдаче корабля, я главным образом обрушился на Бурнашева, забравшего себе судовую кассу. Я заявил: «Относительно ревизора должен сказать, что это прямо жулик. Он обвешивал команду на сахаре, на мясе...»

Дальше идет длинный перечень его уголовных преступлений, с ссылкой на свидетелей и на официальные документы. В заключение добавил: «Говорят, Бурнашев спрятал себе в карман пакет командира с тысячью пятьюстами фунтов стерлингов, предназначенных для сестры г-на Юнга. Видели это Кожевников и Семенов».

Что у командира были деньги, это видно из его писем, посылаемых с пути родной сестре, вдове Софии Викторовне Вострособлиной. Он мечтал после войны выйти в отставку, поэтому берег каждую копейку. Да и сам Бурнашев в своем показании признался, что он взял командирских денег четыреста рублей. В 1933 году я запросил Софию Викторовну, получила ли она что-нибудь от брата через ревизора. Она письмом мне ответила, что Бурнашев доставил ей шкатулку, а в ней были ордена, несколько мельхиоровых ложечек и старые карманные часы, но денег — ни копейки.

Лейтенант Бурнашев в своем показании (т. II, л. 336, подсудимый 19); желая подорвать к моим словам доверие, написал:

«Младший баталер Новиков за несколько дней до ухода «Орла» был назначен с «Минина» с самой плохой аттестацией и с уведомлением, что он, Новиков, находится под жандармским наблюдением. Новикова хорошо знает капитан 2-го ранга Шведе и все офицеры броненосца. Он агитировал против офицеров и окончательно открыл себя, когда у него было конфисковано письмо в редакцию «Русь», в отдел фонда народного образования. Баталер Новиков с первых же дней был мною отстранен от обязанности, так как с вахты было замечено, что при выдаче вина он давал больше положенного».

В показании Бурнашева сказано все верно, за исключением последней фразы. Я был отстранён от обязанности, но не с первых дней моего пребывания на «Орле», а во время стоянки у Мадагаскара, и не на все время, а лишь на одну неделю — отстранен за то, что при обыске у меня нашли дневники

и записи, рисующие наш поход в неприглядном виде. Об этом подробнее рассказано мною в первой книге «Цусимы».

Стр. 219. Все письма нашего командира, которые он посылал с пути своей родной сестре Софии Викторовне Востросаблиной, дышали безнадежностью. Он не верил в успех похода 2-й эскадры. Но в одном из них, датированном 5 января 1905 года, он написал в шутливом тоне: «Наш бывший морской агент Иван Иванович Номото, которого ты видела у меня на «Славянке», теперь командует крейсером и сражается против нас. Вот было бы недурно этого шельмеца забрать в плен...» Юнг ошибся: капитан 1-го ранга Номото командовал не крейсером, а броненосцем «Асахи». И нужно было так случиться, что Николай Викторович сам попал в плен, попал вместе со своим судном именно к Номото.

Стр. 219. Если бы остатки русской эскадры после дневного боя 14 мая не стремились прорваться на север, то значительно уменьшилось бы торжество противника. Об этом любопытные строки имеются в книге «Великое сражение Японского моря», перевод В. Л. Семенова, изд. Вольфа, 1911 г., с. 29—30:

«План действия на 28-е (15-е) был приблизительно тот же, что и для предыдущего дня...»

«Счастье благоприятствовало нашим разведчикам, и скоро стали получаться известия, что там-то одно судно, там-то два, а там-то несколько идут вместе, так что военные действия, обещавшие быть такой тяжелой работой, на самом деле оказались очень легким делом...»

«Наша эскадра ожидала движения подходившего неприятеля, который как бы сам шел в поставленные нами для него сети...»

• Стр. 255. Вот что показал старший офицер Блохин в следственной комиссии: «Достойно замечания то обстоятельство, что в миноносец, который был неподвижен, в каких-нибудь тридцати саженях от неподвижного же крейсера, попали только по шестому выстрелу из современной шестидюймовой пушки Кане, снабженной оптическим прицелом Перепелкина» («Русско-японская война», книга 3-я, выпуск IV, с. 425).

Стр. 263. В показании капитана 2-го ранга Семенова, какое он давал следственной комиссии, имеются такие строчки: «Я пополз обратно и, добравшись до дивана, лег на него в полном изнеможении».

Стр. 274. В цитированной раньше книге «Русско-японская война» на с. 431 по поводу бунта имеется скромное признание старшего офицера Блохина: «Я должен был спуститься с мостика и, не брезгуя никакими средствами, заставить людей вернуться в погреб».

Стр. 275. Командир Лебедев умер в больнице в Сасебо.

Стр. 281. Разгром 2-й эскадры в корне поколебал доверие русского народа к царю, но сам царь, однако, и после этого не изменил своего отношения к адмиралу-неудачнику, не лишил Рожественского своего прежнего расположения. Об этом говорит следующая телеграмма, посланная царем через четыре дня после боя: «Токио. Генерал-адъютанту Рожественскому. От души благодарю вас и всех чинов эскадры, которые честно исполнили свой долг в бою, за самоотверженную их службу России

и мне. Волею всевышнего не суждено было увенчать ваш подвиг успехом, но беззаветным мужеством вашим отечество всегда будет гордиться. Желаю вам скорого выздоровления, и да утешит вас всех господь. Николай. 28 мая 1905 г.». Так за Цусиму Рожественского благодарил монарх, а вся страна проклинала. Но впоследствии, когда в 1906 году адмирал вернулся из плена в Россию, под давлением общественного мнения он был отдан под суд. На суде он держал себя рыцарем, страстно защищал своих помощников, всю вину брал на себя и признавался:

«Прежде чем переименовать здесь все собранные против меня улики, я считаю долгом установить, что, очнувшись от обморока, в котором я был перегружен на «Буйный», я уже не впадал в беспамятство до сегодня. Свидетели, показывавшие, что я бредил, ошибались...»

И еще он сказал в заключительном слове:

«Целым рядом свидетельских показаний неоспоримо установлено, что «Бедовый» сдан потому, что так приказал адмирал, который в ту пору несомненно был в полном сознании...»

Он был оправдан. Его не могли осудить: он слишком много знал о закулисной стороне нашего флота, знал, будучи начальником Главного морского штаба, о разных темных делах судостроения, в которых были замешаны и высочайшие особы. А ведь революция тогда не была еще подавлена окончательно. Кроме того, существовала Дума. Вот почему обвинительная речь прокурора, генерала Вогака, в отношении Рожественского превратилась в защитительную.

Клапье-де-Колонга, Филипповского, Леонтьева и Баранова приговорили к увольнению со службы. Остальные офицеры были оправданы.

Кстати, нужно еще упомянуть об исторической ошибке. Капитан 2-го ранга Семенов, вернувшись из плена, опубликовал в прогрессивной газете «Русь» свои записки «Расплата». Вскоре они вышли под тем же заглавием отдельной книгой. В этих записках он сетует на штабных чинов, говоря, что они все скрывали от него и что он находился на корабле почти как пассажир.

Но тут Семенов, как обычно, схитрил, чтобы придать своей книге характер объективности. Конечно, он знал обо всем больше, чем нужно, ибо адмирал считал его своим другом. В дальнейшем он выгораживает и Рожественского, и штаб, и самого себя. Благодаря тому, что «Расплата» первоначально печаталась в «Руси», и все другие передовые газеты того времени отнеслись к Рожественскому более или менее снисходительно, считая его чуть ли не своим человеком, тогда как консервативная пресса, наоборот, яро нападала на него. А на самом деле это был на редкость реакционный адмирал. Когда эскадра стояла у Мадагаскара, вот что он писал своей жене в письме от 20 февраля 1905 года, опубликованном впоследствии в журнале «Море» (1911 г., № 6, с. 52):

«...а что за безобразия творятся у вас в Петербурге и в весях Европейской России. Миндальничанье во время войны до добра не доведет. Это именно пора, в которую следует держать все в кулаках и кулаки самые — в полной готовности к действию, а у вас все головы потеряли и бобы разводят. Теперь

именно надо войском все задушить и всем вольностям конец положить: запретить стачки самые благонамеренные и душить без милосердия главарей».

В отставке Рожественский безвыездно вел замкнутую жизнь в Петербурге и был привязан к своей квартире, как пугающийся ясного света филин к своему дуплу. «Я — черный ворон»,— мрачно повторял адмирал слова сумасшедшего мельника из оперы «Русалка». Мания величия не покидала Рожественского, продолжавшего презирать людей, пока жизнь его внезапно не оборвалась. В ночь под 1 января 1910 года у него на квартире в тесном кругу готовилась традиционная пирушка. По-праздничному был сервирован стол, но бокал хозяина так и не поднялся навстречу новому году. За игрой в карты с гостями «черный ворон» Цусимы по-адмиральски разволновался, задергался, посинел и, свалившись со стула, сразу умер.

Стр. 306. В ленинградском военно-морском архиве фонд № 417, дело по описи № 81 — «Олдгамия», сохранился этот документ, который был представлен в главный морской штаб Трегубовым при донесении о плавании. Содержание его следующее: «Прапорщику Трегубову, командиру погибшего призового судна «Олдгамия». Рапорт. Доношу Вашему благородию, что Ваше снаряжение считаю постыдным и преждевременным бегством от вверенных Вам людей, не согласующимся с долгом чести, а есть позорный инстинкт самосохранения, есть ни на чем не основанное превышение власти, и, кроме того, не служащее на пользу и спасение людей в смысле некомпетенции прапорщика Зайончковского в морском деле и считаю его [приказ] одним из тех бессмысленных распоряжений, основанных на личных отношениях, неоднократно сделанных Вами. Прапорщик Владимир Потапов, 22 июня 1905 года».

Стр. 321. Кроме «Орла», при 2-й эскадре было еще другое госпитальное судно «Кострома». Оно также одновременно было захвачено японским вспомогательным крейсером «Садо-Мару». Но через полмесяца оно было отпущено на основании правил Красного Креста в морской войне, установленных на Гаагской международной конференции. Эти правила японцами не были применены в отношении «Орла».

Стр. 353. В английской газете «The Japan Daily Mail», издававшейся в Иокогаме, от 31 мая 1905 года было напечатано: «Крейсер Идзуми» (прежде «Эсмеральда», 2950 тонн) был тяжело поврежден и должен был покинуть поле сражения».

Стр. 353. Впоследствии Н. Нозиков написал следующие книги: «Поход 2-й эскадры Тихого океана», изд. Морского генерального штаба, 1914 г.; «На кораблях Крузенштерна», изд. «Молодой гвардии», 1930 г.; «Кругосветное путешествие «Литке», изд. МТП, 1933 г.

Стр. 376. Вот что сами японцы пишут о сражении с «Громким»: «Неприятель храбро сражался; когда нашим отрядом был сбит его флаг, он немедленно поднял его снова, затем он ловко выпустил мину, которую «Сирануи» с трудом избежал; снаряды его ложились хорошо, и в «Сирануи» попало свыше 20 штук, так что, не будучи в состоянии пользоваться правой машиной и рулевым приводом, он не мог свободно управляться и очутился в невыгодном положении, принужденный сражаться, вертясь

на одном месте. На «Сирануи» уже более 4 раз меняли боевой флаг...» («Описание военных действий на море в 37—38 гг. Мейдзи». Составлено Морским генеральным штабом в Токио. Том IV, с. 158—159.)

Стр. 389. Как впоследствии выяснилось, из семисот человек команды «Наварина» спаслись, кроме Седова, еще двое: кочегар Порфирий Тарасович Деркач и комендор Степан Дмитриевич Кузьмин. После гибели броненосца они оба вместе продержались на воде четырнадцать часов, плавая на крышке ящика. Точно такие же ужасы, как и Седов, пережили на волнах Деркач и Кузьмин. В полубессознательном состоянии их подобрал английский пароход и сдал в Тянь-Цзине русскому консулу. Эти герои Цусимы живы и сейчас: П. Т. Деркач — ветеринар колхоза «Молодой хлебороб» Винницкой области, УССР, С. Д. Кузьмин — работник лесокомбината «Заветы Ильича» в городе Кинешме.

Стр. 395. О судьбе трех транспортов, которых безуспешно защищали крейсеры, можно сказать кратко. Транспорт «Иртыш» вышел из боя 14 мая с большими повреждениями и с креном в девять градусов. Он хотел было направиться во Владивосток, держась японского берега, но через пробоины принял столько воды, что не мог продолжать свой путь. На второй день вечером он близ японского города Хамада затонул. Весь экипаж с него был свезен на берег. Транспорты «Анадырь» и «Корея», отстав от эскадры, шли до девяти часов утра 15 мая вместе, а потом разошлись в разные стороны. Первый ушел в Россию с заходом на Мадагаскар, второй 17 мая пришел в Шанхай, где и был интернирован.

Стр. 401. Русским крейсерам все же пришлось разоружиться. Впоследствии правительство не знало, как отнестись к адмиралу Энквисту и его офицерам: не то их отдать под суд за то, что они не выполнили боевого приказа, не то наградить их за то, что они спасли три судна. На них просто махнули рукой.

Энквист вскоре вышел в отставку, поселился в тихой Гатчине и совершенно не появлялся на людях. Он даже не присутствовал на похоронах своей жены. Тоска черным облаком заслонила от него жизнь. Он постепенно хирел, и медицина, не зная его болезни, не могла помочь ему. У него появилась слезоточивость, словно он таял, как снеговая фигура в оттепель. В 1911 году останки его бренного тела свезли на Кронштадтское кладбище.

Стр. 427. В японской книге «Описание военных действий на море в 37—38 гг. Мейдзи» на с. 156 говорится: «В «Отава» также попало два снаряда, причем были убиты мичман Миязака и 4 нижних чина и ранены старший лейтенант Исикава, ревизор Номура, 19 нижних чинов и 2 нестроевых».

Стр. 434. На следующий год моряки «Быстрого» вернулись из японского плена на родину, где прокатилась широкая волна революционных событий. Вероятно, многие из матросов «Быстрого» узнали о том, что произошло в 1906 году в Эстонии. Там подавляли революцию особые карательные отряды. Эти отряды были сформированы из матросов, осужденных за уголовные преступления и набранных из тюрем и дисциплинарных батальонов. Царской властью им было обещано полное помилование, если

они постараются разделаться с революционерами. И они, находясь под угрозой, действительно постарались, заливая землю кровью рабочих и крестьян.

Но едва ли кто из команды «Быстрого», рассеянной по родным городам и селам, узнал о том, что один из этих страшных карательных отрядов возглавлял когда-то любимый их командир, уже произведенный в капитаны 2-го ранга — Отто Оттович Рихтер.

Стр. 437. В книге «Описание военных действий на море в 37—38 гг. Мейдзи», изданной Морским генеральным штабом в Токио, на с. 157, в заключение о «Быстром» сказано следующее: «С неприятельского миноносца был взят в плен один оставшийся на миноносце унтер-офицер, но само судно уже к дальнейшей службе не годилось».

Стр. 444. Командир «Бодрого» Иванов и впоследствии непоколебимо придерживался точно таких же взглядов о размерах потерь японского флота при Цусиме и даже выразил их документально, хоть и несколько иными словами, в своем официальном донесении (см. Русско-японская война, выпуск 2, с. 215—216).

Стр. 462. Читателю уже известно, как безнадежно смотрели на поход эскадры командир броненосца «Орел» Юнг и командир броненосца «Александр III» Бухвостов (см. первую и вторую части). С такими же мрачными настроениями плыл к Цусиме и командир броненосца «Бородино» капитан I-го ранга Серебренников. С Мадагаскара он послал 28 февраля 1905 года в Петербург письмо, в котором выражался очень откровенно: «Говорят, что мы скоро уходим во Владивосток. Наверно, неправда. Идти туда после падения Артура, идти в том составе, что мы имеем, нельзя, бессмысленно; да мы, я в этом уверен, и не пойдем, даже соединившись с 3-м отрядом. После сдачи Мукдена, что принесли нам сегодня французские телеграммы, идти мы не можем; этого не должно быть, в противном случае это будет роковая ошибка...» (См. издание в. к. А. М. «Военные флоты», 1906 г., с. 66, приложения.)

Стр. 470. В час ночи японский миноносец подобрал в море голого человека. Это оказался марсовой Семен Ющин. Впоследствии выяснилось, что из девятисот человек экипажа броненосца «Бородино» спасся только он один.

Стр. 476. Более полугода спустя после боя эту дикую мысль Рожественский не постеснялся выразить даже в печати, возражая на статьи Кладо: «...адмирал союзного японцам английского флота, сосредоточивший свои силы у Вейхайвея, в ожидании приказа истребить русский флот, если бы эта конечная цель Англии оказалась не под силу японцам». («Из письма в редакцию», газета «Новое время» от 21 декабря 1905 г., № 10693.)

Стр. 480. Почему наши снаряды не разрывались? После Цусимского боя этот вопрос многих интересовал, и все были убеждены, что главное зло заключалось в снарядных трубках. Эту версию усиленно проводило морское министерство. На самом же деле причина была другая. Вот какое объяснение дал по этому поводу знаток военно-морского дела, наш знаменитый академик А. Н. Крылов:

«Кому-то из артиллерийского начальства пришло в голову, что для снарядов 2-й эскадры необходимо повысить процент влажности пироксилина. Этот инициатор исходил из тех соображений, что эскадра много времени проведет в тропиках, проверять снаряды будет некогда и могут появиться на кораблях самовозгорания пироксилина. Нормальная влажность пироксилина в снарядах считалась десять—двенадцать процентов. Для снарядов же 2-й эскадры установили тридцать процентов. Установили и снабдили такими снарядами эскадру. Что же получилось? Если какой-нибудь из них изредка попадал в цель, то при ударе взрывались пироксилиновые шашки запального стакана снарядной трубки, но пироксилин, помещавшийся в самом снаряде, не взрывался из-за своей тридцатипроцентной влажности. Все это выяснилось в 1906 году при обстреле с эскадренного броненосца «Слава» взбунтовавшейся крепости Свеаборг. Броненосец «Слава», достраиваясь, не успел попасть в состав 2-й эскадры, но был снабжен снарядами, изготовленными для этой эскадры. При обстреле со «Славы» крепости на броненосце не видели взрывов своих снарядов. Когда крепость все же была взята и артиллеристы съехали на берег, то они нашли свои снаряды в крепости почти совершенно целыми. Только некоторые из них были без дна, а другие слегка развороченными. Об этом тогда было приказано молчать».

Стр. 480. В следственной комиссии контр-адмирал Небогатов показал: «Никакого плана боя или указаний относительно ведения его не было; вообще, какие намерения имел Рожественский — это было для меня неизвестно». («Действия флота», документы, книга 3-я, выпуск IV, с. 50.)

Из показаний контр-адмирала Энквиста: «О предстоящих военных операциях во время нашего перехода вопрос не возбуждался: как я, так и мои командиры не были посвящены в планы командующего. Мнения нашего также не спрашивалось... Я совершенно не знал, куда мы направляемся и с каким расчетом» (там же, с. 62).

Из показаний флаг-капитана штаба командующего эскадрой, капитана 1-го ранга Клапье-де-Колонга: «Я был занят механической работой — проводить в жизнь все приказания и распоряжения адмирала, а их было так много, что я не имел возможности задумываться над планами, если бы таковые и были» (там же, с. 79).

А вот что сам Рожественский показал: «Собрания же флагманов для обсуждения детально разработанного плана сражения не было, потому что не было и самой разработки» (там же, с. 16).

Стр. 488. Капитан 2-го ранга Семенов в своей книге «Цена крови» на странице 136 весь этот инцидент старается представить в ином виде, опорочивая революцию в лице пьяного солдата:

«4 ноября.— Около 3 ч. ночи вахтенный недоглядел или просто заснул, в каюту к адмиралу ворвался пьяный солдат, требовавший, чтобы немедленно было приказано выдать им водки. «Мы кровь проливали (так-вас-растак). Должны чувствовать и уважать! Опять же — свобода!..» Адмирал лежал перед ним на койке, совершенно беззащитный. По счастью, вахтенный услышал шум; прибежали люди, нахала вывели, но... арестовать его не могли: он немедленно скрылся в полупьяной толпе, поджидавшей его на баке».

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СУДОВ ПЕРВОЙ ТИХООКЕАНСКОЙ ЭСКАДРЫ

№ по порядку	Имена судов и год спуска		Водоизмещение в тоннах	Скорость в узлах	Артиллерия						Минные аппараты	Судьба каждого судна
					12″	10″	8″	6″	120 мм	мало-калиб.		Погибшие отмечены +
	ЭСКАДРЕННЫЕ БРОНЕНОСЦЫ											
1	«Петропавловск»	1894	11 400	16,5	4	-	-	12	-	38	5	+ 31 марта 1904 года под Порт-Артуром
2	«Полтава»	1894	11 000	16	4	-	-	12	-	40	6	+ в Порт-Артуре
3	«Севастополь»	1895	11 800	16	4	-	-	12	-	40	6	+ в Порт-Артуре
4	«Пересвет»	1898	12 700	18,5	-	4	-	11	-	48	5	+ в Порт-Артуре
5	«Победа»	1900	12 700	18,5	-	4	-	11	-	49	5	+ в Порт-Артуре
6	«Ретвизан»	1900	12 900	18	4	-	-	12	-	52	6	+ в Порт-Артуре
7	«Цесаревич»	1901	13 200	18,5	4	-	-	12	-	40	6	Разоружен в Киао-Чау 29 июля 1904 года
	КРЕЙСЕРЫ 1-го РАНГА											
1	«Варяг»	1899	6 500	23	-	-	-	12	-	22	5	+ 27 января 1904 года в Чемульпо
2	«Рюрик»	1892	11 700	18,5	-	-	4	16	6	12	6	+ 1 августа 1904 года в Японском море
3	«Баян»	1900	7 700	22	-	-	2	8	-	27	5	+ в Порт-Артуре
4	«Паллада»	1899	6 800	19	-	-	-	8	-	32	3	+ в Порт-Артуре
5	«Аскольд»	1900	5 900	23,5	-	-	-	12	-	22	6	Разоружен в Шанхае

6	«Богатырь»	1901	6 680	24	-	-	-	12	-	30	4	Остались во Владивостоке
7	«Россия»	1896	13 700	19,5	-	-	4	16	-	57	5	
8	«Громобой»	1899	13 900	20	-	-	4	16	-	48	4	
9	«Диана»	1899	6 700	19	-	-	-	8	-	32	3	Разоружен в Сайгоне 1 июля 1904 года
	КРЕЙСЕРЫ 2-го РАНГА											
1	«Новик»	1900	3 100	25	-	-	-	-	6	8	5	+ 7 августа 1904 года в Корсаковском порту
2	«Боярин»	1901	3 200	22	-	-	-	-	6	11	2	+ в Талиенване
	МИННЫЕ КРЕЙСЕРЫ											
1	«Всадник»	1893	410	20	-	-	-	-	-	9	2	+ в Порт-Артуре
2	«Гайдамак»	1893	435	20	-	-	-	-	-	9	2	
	МОРЕХОДНЫЕ КАНОНЕРСКИЕ ЛОДКИ											
1	«Кореец»	1886	1 300	13	-	-	2	1	-	10	1	+ 27 января 1904 года в Чемульпо
2	«Манджур»	1886	1 400	13	-	-	2	1	-	10	1	Разоружен в Шанхае
3	«Сивуч»	1884	1 100	10,5	по одной старой 9″ пушке			1	-	11	-	+ в Порт-Артуре
4	«Бобр»	1885	1 200	11				1	-	11	-	
5	«Гиляк»	1897	1 300	11,5	-	-	-	-	1	9	-	
6	«Гремящий»	1892	1 700	13	по одной 9″ пушке			1	-	14	2	
7	«Отважный»	1900	1 900	13				1	-	14	2	
	КЛИПЕРЫ											
1	«Джигит»	1873	1 334	12	-	-	-	2	-	15	-	+ в Порт-Артуре
2	«Разбойник»	1878	1 786	13,2	-	-	-	2	-	15	-	
3	«Забияка»	1878	1 236	14,2	-	-	-	2	-	15	-	

№ по порядку	Имена судов и год спуска		Водоизмещение в тоннах	Скорость в узлах	Артиллерия 12″	10″	8″	6″	120 мм	мало-калиб.	Минные аппараты	Судьба каждого судна. Погибшие отмечены +
	ЭСКАДРЕННЫЕ МИНОНОСЦЫ											
1	«Кондор»	1902	250	27,5	—	—	—	—	—	4	2	+ в Порт-Артуре
2	«Рачительный»	1902										+ в Порт-Артуре
3	«Разящий»	1901	240	27	—	—	—	—	—	4	2	Прорвался в Чифу
4	«Расторопный»	1901										
5	«Решительный»	1901										Захвачен японцами в Чифу, куда он пришел после боя 28 июля
6	«Сильный»	1901										+ в Порт-Артуре
7	«Сердитый»	1901										Прорвались 18 декабря в Чифу
8	«Смелый»	1901	240	26,5	—	—	—	—	—	4	2	в Киао-Чау
9	«Сторожевой»	1901			—	—	—	—	—	—	—	+ в Порт-Артуре
10	«Стерегущий»	1901			—	—	—	—	—	—	—	+ в Порт-Артуре
11	«Скорый»	1901			—	—	—	—	—	—	—	Прорвался в Чифу 18 декабря

12	«Страшный»	1901	240	26,5	-	-	-	-	-	4	2	+ в Порт-Артуре
13	«Стройный»	1901										
14	«Статный»	1901										Прорвался накануне сдачи Порт-Артура 18 декабря 1904 года со знаменами в Чифу, где разоружился
15	«Боевой»	1899	344	27	-	-	-	-	-	6	2	+ в Порт-Артуре
16	«Бдительный»	1899										?
17	«Беспощадный»	1899										Разоружились в Киао-Чау после боя 28 июля
18	«Бесстрашный»	1899										
19	«Бесшумный»	1899										
20	«Бойкий»	1902	350	26	-	-	-	-	-	6	2	Прорвался 18 декабря в Киао-Чау
21	«Бурный»	1902	350	26	-	-	-	-	-	-	-	+ близ Шантунга
22	«Лейтенант Бураков»	1902	250	30	-	-	-	-	-	4	2	+ в бухте Тахэ
23	«Внимательный»	1900	312	26	-	-	-	-	-	6	2	+ Выскочил на камни у острова Мурчжан
24	«Властный»	1900	312	26	-	-	-	-	-	6	2	Прорвался 18 декабря в Чифу
25	«Грозовой»	1900										После боя 28 июля прошел в Шанхай
26	«Внушительный»	1900	310	26	-	-	-	-	-	6	2	+ в Порт-Артуре
27	«Выносливый»	1900	312	26	-	-	-	-	-	6	2	

№ по порядку	Имена судов и год спуска		Водоизмещение в тоннах	Скорость в узлах	Артиллерия						Минные аппараты	Судьба каждого судна
					12″	10″	8″	6″	120 мм	малокалиб.		Погибшие отмечены +
	МИНОНОСЦЫ											
	№№ 201, 202, 203		77	18	-	-	-	-	-	2	2	Остались во Владивостоке
	205, 206	1887	120	19	-	-	-	-	-	2	2	
	209, 210, 211	1898	120	18,5	-	-	-	-	-	2	2	
	МИННЫЕ ЗАГРАДИТЕЛИ											
1	«Енисей»	1898	4 700	17,5	-	-	-	-	-	12	-	+ в Порт-Артуре
2	«Амур»	1898										
	ТРАНСПОРТЫ											
1	«Алеут»	1886	730	12	-	-	-	-	-	8	-	Остались во Владивостоке
2	«Камчадал»	1896	300	11,5	-	-	-	-	-	2	-	
3	«Тунгуз»	1892	700	12	-	-	-	-	-	4	-	
4	«Якут»	1892	867	12	-	-	-	-	-	4	-	
	ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ КРЕЙСЕРЫ											
1	«Ангара»	1898	11 200	19,5	-	-	-	-	-	-	-	+ в Порт-Артуре
2	«Лена»	1895	12 600	19,5	-	-	-	-	-	-	-	Разоружен в Сан-Франциско

Кроме того: пароходов	10	+ в Порт-Артуре
паровых катеров	8	
землечерпательных судов . . .	12	

СПИСОК СУДОВ ВТОРОЙ ТИХООКЕАНСКОЙ ЭСКАДРЫ

№ по порядку	Имена судов и год спуска		Водоизмещение в тоннах	Скорость в узлах	Артиллерия 12"	10"	9"	8"	6"	120 мм	малокалиб.	Минные аппараты	Примечание
	ЭСКАДРЕННЫЕ БРОНЕНОСЦЫ												
1	«Князь Суворов»	1902	13 516	18	4	-	-	-	12	-	42	4	Броненосцы эти были проектированы по 13516 тонн водоизмещения, но вследствие перегрузки каждый из них перед боем имел 15 275 тонн водоизмещения
2	«Имп. Александр III»	1901	13 516	18	4	-	-	-	12	-	42	4	
3	«Бородино»	1901	13 516	18	4	-	-	-	12	-	42	4	
4	«Орел»	1902	13 516	18	4	-	-	-	12	-	42	4	
5	«Ослябя»	1898	12 674	18	-	4	-	-	11	-	46	5	
6	«Сисой Великий»	1894	10 400	16	4	-	-	-	6	-	30	6	
7	«Наварин»	1891	10 206	15	4	-	-	-	8	-	32	6	Вооружены старой артиллерией
8	«Имп. Николай I»		9 672	14,8	2	-	4	-	8	-	20	5	
9	«Адм. Нахимов»	1885	8 524	16,7	-	-	-	8	10	-	18	3	
	БРОНЕНОСЦЫ БЕРЕГОВОЙ ОБОРОНЫ												
1	«Генерал-адмирал Апраксин»	1896	4 126	16	-	3	-	-	-	4	24	4	—
2	«Адм. Ушаков»	1893	4 648	16	-	4	-	-	-	4	26	4	—
3	«Адм. Синявин»	1894	4 126	16	-	4	-	-	-	4	26	4	—

№ по порядку	Имена судов и год спуска		Водоизмещение в тоннах	Скорость в узлах	Артиллерия							Минные аппараты	Примечание
					12″	10″	9″	8″	6″	120 мм	мало-калиб.		
	КРЕЙСЕРЫ 1-го РАНГА												
1	«Олег»	1903	675	23	-	-	-	-	12	-	22	2	—
2	«Аврора»	1900	6 731	20	-	-	-	-	8	-	32	3	—
3	«Светлана»	1898	3 727	21	-	-	-	-	6	-	13	-	—
4	«Дмитрий Донской»	1885	6 200	16,5	-	-	-	-	6	4	34	5	—
5	«Владимир Мономах»	1882	5 593	15,5	-	-	-	-	6	6	26	3	—
	КРЕЙСЕРЫ 2-го РАНГА												
1	«Жемчуг»	1903	3 106	24	-	-	-	-	-	8	6	5	—
2	«Изумруд»	1903	3 106	24	-	-	-	-	-	8	6	5	—
3	«Алмаз»	1903	3 285	19	-	-	-	-	-	-	12	-	—
	ЭСКАДРЕННЫЕ МИНОНОСЦЫ												
1	«Бедовый»	1902											
2	«Блестящий»	1902											
3	«Безупречный»	1902											
4	«Бодрый»	1902											
5	«Буйный»	1902	350	26	-	-	-	-	-	-	6	2	—
6	«Быстрый»	1902											
7	«Бравый»	1902											
8	«Громкий»	1903											
9	«Грозный»	1903											

	ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ КРЕЙСЕРЫ												
1	«Урал»	1890	10 500	19	(быв. герм. пар. „Мария-Терезия" 55 ф. длины)						2	14	
2	«Днепр»	1894	9 460	19	—	—	—	—	—	—	7	14	Отделились от эскадры и отправились в крейсерство
3	«Рион»	1892	12 500	19	—	—	—	—	—	—	8	14	
4	«Кубань»	1900	12 000	18,5	—	—	—	—	—	—	2	14	
5	«Терек»	1880	10 000	19	(быв. герм. пар. „Колумбия")						2	12	
	ТРАНСПОРТЫ												
1	«Камчатка»		7 207	12	—	—	—	—	—	—	8	—	—
2	«Анадырь»		12 000	13	—	—	—	—	—	—	8	—	—
3	«Иртыш»		15 000	10,5	(быв. герм. пар. „Бельгия")						8	—	—
4	«Корея»	1899	6 163	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	БУКСИРНЫЕ ПАРОХОДЫ												
1	«Русь»		1 202	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	«Свирь»		Очень малого водоизмещения		—	—	—	—	—	—	—	—	—
	ГОСПИТАЛЬНЫЕ СУДА												
1	«Орел»	1889	8 175	19,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	«Кострома»	1888	6 960	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—

СПИСОК СУДОВ ЯПОНСКОГО ФЛОТА

№ по порядку	Имена судов и год спуска		Водоизмещение в тоннах	Скорость в узлах	Артиллерия 12″	10″	8″	6″	120 мм	мало-калиб.	Минные аппараты	Судьба каждого судна. Погибшие отмечены +
	ЭСКАДРЕННЫЕ БРОНЕНОСЦЫ											
1	«Фусо»	1877	3 800	13	-	4	-	11	4	15	3	—
2	«Чин-Иен»	1822	7 300	14	4	-	-	4	-	10	3	—
3	«Фудзи»	1896	12 600	18	4	-	-	10	-	14	5	—
4	«Ясима»	1896	12 500	18,5	4	-	-	10	-	14	5	+ при Порт-Артуре
5	«Сикисима»	1898	15 100	18	4	-	-	14	-	32	4	
6	«Хатсусе»	1897	15 200	19	4	-	-	14	-	32	4	+ при Порт-Артуре
7	«Асахи»	1899	15 400	18,5	4	-	-	14	-	32	4	—
8	«Микаса»	1900	15 400	18,5	4	-	-	14	-	32	4	—
	БОЛЬШИЕ (БРОНЕНОСНЫЕ) КРЕЙСЕРЫ											
1	«Ицукусима»	1889	4 300	16	по 1—12,6	-	-	-	12	12	4	—
2	«Мацусима»	1890										
3	«Хасидате»	1892										
4	«Асама»	1898	9 900	21,5	-	-	4	14	-	19	5	—
5	«Токива»	1898										
6	«Якумо»	1899	9 800	20	-	-	4	12	-	19	5	—
7	«Идзумо»	1899	9 900	20,5	-	-	4	14	-	19	4	—
8	«Ивате»	1899										
9	«Адзума»	1899	9 500	20	-		4	12	-	19	5	—
10	«Ниссин»	1903	7 700	20,5	-		4	14	-	16	4	—
11	«Кассуга»	1903	7 700	20	-	1	2	14	-	16	4	—

	МАЛЫЕ (легкие) КРЕЙСЕРЫ											
1	«Идзуми»	1883	3 200	17	-	-	-	4	6	6	3	—
2	«Нанива»	1885	3 700	18	-	-	-	8	-	6	4	—
3	«Токачихо»	1885	3 700	18	-	-	-	10	-	6	4	—
4	«Чиода»	1900	2 400	19	-	-	-	10	-	15	3	—
5	«Акицусима»	1892	3 200	19	-	-	-	4	6	10	4	—
6	«Иосино»	1892	4 200	22,5	-	-	-	6	8	12	5	+ при столкновении с крейсером «Кассуга»
7	«Сума»	1895	2 700	20	-	-	-	4	6	12	2	—
8	«Кассаги»	1898	5 000	22,5	-	-	2	-	10	17	6	—
9	«Читосе»	1898	4 800	20	-	-	2	-	10	17	6	—
10	«Такасаго»	1897	4 200	22,5	-	-	2	-	10	17	6	+ при Порт-Артуре
11	«Акаси»	1897	2 800	19,5	-	-	-	2	6	12	2	—
12	«Цусима»	1903	3 400	20	-	-	-	6	-	14	-	—
13	«Нийтака»	1903	3 400	20	-	-	-	6	-	14	-	—
14	«Отава»	1903	3 000	21	-	-	-	2	6	6	-	—
	АВИЗО											
1	«Тацута»	1894	900	21	-	-	-	-	2	4	5	—
2	«Чихая»	1900	1 300	21,5	-	-	-	-	2	10	5	—
3	«Ясама»	1889	1 600	20	-	-	-	-	3	8	2	—
	МИННЫЙ ТРАНСПОРТ											
1	«Тиохаши»	1883	4 100	12,5	-	-	-	-	2	4	-	—
	КАНОНЕРСКИЕ ЛОДКИ											
1	«Сако»	1866	600	7,5								—
2	«Чинхоку»	1879	450	8	Несколько небольших скорострельных и револьверных пушек							—
3	«Чиннан»	1879										—
4	«Чинсей»	1879										—
5	«Чинто»	1879										—
6	«Чимпан»	1881	450	8								—
7	«Чунхиу»	1881										—

№ по порядку	Имена судов и год спуска		Водоизмещение в тоннах	Скорость в узлах	Артиллерия 12"	10"	8"	6"	120 мм	малокалиб.	Минные аппараты	Судьба каждого судна. Погибшие отмечены +
	КАНОНЕРСКИЕ ЛОДКИ											
8	«Амаги»	1887	900	10	-	-	-	-	4	6	-	—
9	«Иваки»	1878	700	10	-	-	-	1	1	2	-	—
10	«Цукусши»	1881	1 400	14	-	2	-	-	4	3	-	—
11	«Акаги»	1886	622	10	-	-	-	-	4	6	-	—
12	«Майя»	1886	622	10	-	-	-	2	-	4	-	—
13	«Чокот»	1887	622	10	-	-	1	-	2	-	-	—
14	«Атаго»	1887	622	10	-	-	1	-	1	-	-	—
15	«Хейен»	1887	2 200	10	-	1	-	2	-	5	-	+ под Порт-Артуром
16	«Осима»	1897	640	13	-	-	-	-	4	6	-	—
17	«Удзи»	1900	600	12	-	-	-	-	2	6	-	—
	СУДА БЕРЕГОВОЙ ОБОРОНЫ											
1	«Цукуба»	1851—1871	2 000	8	VIII — 6", 3; III — малокалиб.							—
2	«Каймон»	1882	1 400	12	II—6"; 7; VI—120 мм; I—малок.							+28 июня от русской мины
3	«Терниу»	1878	1 500	12	I—6", 7; I—6"; IV—120 мм; I мал.							—
4	«Кондо»	1877	2 300	13	II—6", 7; VI—6"; IV—малок.							—
5	«Хийей»	1877	2 300	13	То же самое							—
6	«Сайен»	1883	2 500	15	II—8", 3; I—6"; VII — малок.							+ под Порт-Артуром
7	«Кацураги»	1885	1 500	12	По II—6",7; V—120 мм; V—малок.							—
8	«Ямато»	1885	1 500	12								—
9	«Мусаси»	1886	1 500	12								—
10	«Такао»	1883	1 800	15	IV—6"; I—120 мм, V—малок.							—

	ЭСКАДРЕННЫЕ МИНОНОСЦЫ				
1	«Акебоно»				—
2	«Иказучи»				—
3	«Иназума»	311	31		—
4	«Сазанами»				—
5	«Оборо»				—
6	«Муракумо»				—
7	«Синономе»				—
8	«Сирануи»				—
9	«Югири»	279	30		—
10	«Кагеро»			Боевое вооружение: по II — минных аппарата по I—75 мм и по V—57 мм	—
11	«Усугомо»				—
12	«Сиракумо»				—
13	«Акашиво»	381	31		—
14	«Акатуки»				—
15	«Касуми»				—
16	«Харусаме»				—
17	«Хайатори»	381	29		—
18	«Асагири»				—
19	«Мурасаме»				—
20	«Фубуки»				—
	МИНОНОСЦЫ				
1	«Фукурия»		20		—
2	«Котака»	152	19	См. ниже	—
3	«Сиратако»		20		—
4	«Хайабуза»				—
5	«Кассаги»	152	29		—
6	«Маназуру»			Боевое вооружение: по II—III минных аппарата и по I—III малокалиберн. пушке	—
7	«Чидори»				—
8	«Аотака»				—
9	«Хата»				—

№ по порядку	Имена судов и год спуска	Водоизмещение в тоннах	Скорость в узлах	Артиллерия 12"	10"	8"	6"	120 мм	мало-калиб.	Минные аппараты	Судьба каждого судна. Погибшие отмечены +
10	«Хибари»										—
11	«Кари»										—
12	«Кидджи»			Боевое вооружение:							—
13	«Цубане»			по II—III минных аппарата							—
14	«Камоне»			и по I—III малокалиберн.							—
15	«Саги»	152	29	пушке							—
16	«Узура»										—
17	«Хаситака»										—
18	«Оторн»										—
19	«Араре»										—
20	«Арнаке»										—
	МИНОНОСКИ										
	Построенные до 1895 года—25 штук										—
	Построенные после 1895 года — 45 штук	50	15	Боевое вооружение: по II—III минных аппарата							—
	Из них 20 по	80	20	и по I—III малокалиберн. пушке							—
	10 »	50	20								—
	15 »	110	24								—
	СУДА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ КРЕЙСЕРЫ										
1	«Тайчу-Мару»	—	—	См. ниже							—
2	«Америка-Мару»	—	—								—

3	«Садо-Мару»	—	—	Все они представляли собою пароходы водоизмещением 4 500—7 500 тонн, со скоростью хода около 17 миль в час. Вооружены они были II—76 мм, II—57 мм и IV—47 мм пушками	—
4	«Синано-Мару»	—	—		—
5	«Маншю-Мару»	—	—		—
6	«Явата-Мару»	—	—		—
7	«Тайнан-Мару»	—	—		—
8	«Кумано-Мару»	—	—		—
9	«Никко-Мару»	—	—		—
10	«Кассуга-Мару»	—	—		—
11	«Дайнин-Мару»	—	—		—
12	«Хайджо-Мару»	—	—		—
13	«Кейджо-Мару»	—	—		—
14	«Ехиме-Мару»	—	—		—
15	«Кориу-Мару»	—	—		—
16	«Токасака-Мару»	—	—		—
17	«Мукогава-Мару»	—	—		—

№ по порядку	Имена судов и год спуска	Водоизмещение в тоннах	Скорость в узлах	Артиллерия 12"	10"	8"	6"	120 мм	малокалиб.	Минные аппараты	Примечание
18	«№ 5 Увадзима-Мару»	—	—	См. выше							—
19	«Кайджо-Мару»	—	—								—
20	«Фусоо-Мару»	—	—								—
21	«Кианто-Мару»	—	—								—
22	«Мийке-Мару»	—	—								—
23	«Кобе-Мару»	—	—								—
24	«Сейкио-Мару»	—	—								—
25	«Гонконг-Мару»	—	—								—
26	«Нихон-Мару»	—	—								—
27	«Бинга-Мару»	—	—								—
	ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ КАНОНЕРСКИЕ ЛОДКИ										
1	«Увадзима-Мару»	—	—	По 600 тонн, скорость — 10 миль в час II—76", IV—мелкокалиберн.							—
2	«Син-ю-Мару»	—	—								—
3	«Сагива-Мару»	—	—								—
	ГОСПИТАЛЬНЫЕ СУДА										
1	«Хакуй-Мару»	—	—	1900 г., по 2 600 тонн, со скоростью 13,5 мили в час							—
2	«Казай-Мару»	—	—								—

СЛОВАРЬ ВОЕННО-МОРСКИХ ТЕРМИНОВ

Абордаж — свалка или сцепка судов борт о борт для рукопашного боя. Тактический прием времен парусного флота.

Авангард — корабли, выдвинутые от главных сил в сторону противника.

Аванпорт — часть водного пространства порта или гавани, предназначенная для стоянки судов, ожидающих очереди входа в самый порт для погрузки или разгрузки у причальной линии средствами порта. При большом скоплении судов в порту погрузка и разгрузка их производятся и в аванпорте при помощи лихтеров, шаланд и других плавучих средств.

Авария — значительное повреждение самого корабля или его боевых или технических средств.

Авизо — судно при эскадре, предназначенное для посыльной и разведывательной службы.

Аврал — работа на корабле, в которой принимает участие одновременно весь личный состав или значительная его часть.

Адмирал — лицо высшего начальствующего состава флота. В России адмиральских чинов было три: адмирал, вице-адмирал и контр-адмирал. В большинстве других государств число адмиральских чинов такое же, но в Англии их четыре, а во Франции — два.

Адмиральский флаг — флаг, поднимаемый на мачте корабля, на котором находится адмирал.

Амбразура — отверстие в башне или в орудийном щите для выхода дульной части орудия наружу.

Анкерок — бочонок в одно, два, три ведра и больше; употребляется для вина, уксуса и пр., а также для водяного балласта на шлюпках.

Армада — в переводе с испанского: флоты, эскадры. Слово это получило известность со времен обозначения им экспедиции короля Филиппа II в Англию в 1588 году, названной им «Непобедимой армадой». Экспедиция, как известно, закончилась полным разгромом испанцев. В современном понимании армада стала нарицательным именем — так называют теперь всякую плохо организованную и слабо обученную эскадру (соединение, флот).

Архипелаг — район моря, заключающий в себе множество островов.

Арьергард — корабли, прикрывающие флот или эскадру сзади во время походного движения.

Ахтерлюк — погреб на судне для хранения мокрой провизии, а также вина и уксуса.

Ахтерштевень — вертикальный брус, образующий кормовую оконечность киля судна. К ахтерштевню подвешивается руль.

Бак — передняя часть палубы от оконечности судна до фок-мачты.

Балл — число, обозначающее силу ветра или волны по какой-нибудь шкале. По принятой у нас шкале Бофорта сила ветра обозначается от 0 (полный штиль) до 12 (ураганный ветер) баллов, а волны — от 0 до 9.

Банка — 1) мель в море среди глубокого места; 2) поперечная доска в шлюпке, служащая сиденьем для гребцов.

Баркас — самое большое гребное судно для перевозки людей и грузов.

Баталер — кондуктор или унтер-офицер хозяйственной специальности, заведующий денежным, пищевым и вещевым довольствием.

Батарейная палуба — следующая из палуб, идущих ниже верхней; на ней устанавливается средняя артиллерия.

Беседка для патронов служит для подачи патронов из патронных погребов к пушкам. В патронных погребах снаряды и патроны, хранящиеся подвешенными на рельсах и особых металлических беседках, подкатываются к элеватору, поднимаются в нем вместе с беседкой в орудийную башню или могут быть подвезены к любой пушке батареи.

Бимс — брусья, или стальные балки, положенные поперек корабля на концы шпангоутов и служащие основанием палубы, а также для поперечного крепления корпуса судна.

Бить склянки — бить в судовой колокол положенное число склянок (см. это слово).

Боевая рубка — надежно бронированное помещение, где сосредоточено во время боя все управление кораблем.

Боевой коэффициент — см. коэффициент.

Боевой фонарь — см. прожектор.

Бом-брам-рей — четвертый снизу рей на мачте.

Бомбовый погреб — помещение на судне для хранения снарядов.

Бон — плавучее заграждение из бревен, бочек или железных ящиков, связанных между собою цепями или тросом; служит для защиты места стоянки флота от нападения неприятельских миноносцев, подводных лодок и быстроходных катеров.

Боцман — старший над всеми матросами и унтер-офицерами; заведует всеми работами по морской части и содержанием корабля в чистоте.

Боцманмат — старший строевой унтер-офицер в царском флоте.

Брам-стеньга — Стеньга является продолжением мачты, а брам-стеньга — продолжением стеньги.

Брандвахта — судно на рейде или в гавани, наблюдающее за входящими судами.

Брандер — судно, предназначенное для закупорки неприятельских баз путем затопления его на входных фарватерах.

Брейд-вымпел — широкий вымпел; поднимался на судах в знак присутствия лиц императорской фамилии, морского министра, главного командира порта или начальника отряда судов, не имеющего адмиральского чина.

Бриз — ветер, дующий с берега в море и с моря на берег; в первом случае называется береговым бризом, а во втором — морским.

Броненосец — корабль, защищенный толстой бортовой и палубной бронею, вооруженный мощной артиллерией и несколькими минными (торпедными) аппаратами.

Броня — стальные плиты особой выделки, которые прикрепляются к бортам броненосцев для защиты от неприятельских снарядов.

Буксир — 1) трос, при помощи которого буксируют судно; 2) пароход, служащий для буксировки судна.

Бухта — 1) небольшой залив; 2) трос или снасть, свернутая цилиндром, кругом или восьмеркой.

Ванты — проволочные или пеньковые снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются с боков и сзади мачты, стеньги и брам-стеньги.

Ватерлиния — грузовая черта, по которую судно углубляется в воду.

Вахта — особый вид дежурства на судне, для несения которого выделяется часть личного состава. Вахтами также называются определенные промежутки времени суток, в течение которых несется эта служба одной сменой. В этом смысле сутки на военных судах обычно делятся на пять следующих вахт: 1) с полудня до 6 часов вечера, 2) с 6 часов вечера до полуночи, 3) с полуночи до 4 часов утра, 4) с 4 часов до 8 часов утра и 5) с 8 часов утра до полудня. Люди, сменившиеся с вахты, называются подвахтенными.

Вахтенный журнал — шнуровая книга, в которую заносятся все события из жизни корабля и лиц, на нем плавающих, случаи сношений с другими кораблями и вообще все обстоятельства плавания: курс, направление и сила ветра, ход, крен, температура воды и воздуха, состояние погоды, моря и неба, число оборотов машины и т. д. Журнал подписывается вахтенным начальником.

Вахтенный начальник — офицер, правящий вахтой; ему подчинена вся вахтенная команда. Вахтенный начальник за все время своей вахты отвечает за безопасность корабля, за содержание его в постоянной исправности, за соблюдение порядка, за исполнение всех приказаний командира и старшего офицера (помощника командира судна).

Вельбот — легкая пяти-шестивесельная распашная шлюпка; смотря по тому, для какой цели служит, получает название адмиральского, капитанского или спасательного вельбота.

Верфь — место постройки судов на берегу моря, озера или реки.

Верхняя палуба — верхний помост, или пол на корабле; носовая часть ее называется баком, затем следует шкафут, потом — шканцы и, наконец, самая кормовая часть верхней палубы называется ютом.

Вест — запад.

Вестовой — денщик на кораблях царского флота.

Водоизмещение — объем воды, вытесняемой судном. Вес этого объема равен весу судна.

Ворса — куски пенькового троса (веревки), распущенные на пряди и каболки.

Вымпел — длинный узкий флаг с косицами, поднимаемый на брам-стеньге; поднимается на кораблях с начала кампании и спускается с окончанием ее.

Гавань — часть рейда, огражденная естественно или искусственно от ветра и волнения и представляющая удобную стоянку для судов.

Гак — железный или стальной крюк.

Гакаборт — верхняя часть на кормовой оконечности судна.

Гакабортный огонь — белый огонь, который держат на гакаборте.

Галерники — каторжане, отбывавшие свое наказание в старые времена на галерных (гребных) судах; работали на веслах; галерников иногда приковывали к своим рабочим местам.

Гальванер — специалист, назначаемый для обслуживания артиллерийской электротехники.

Гальюн — отхожее место на корабле.

Гафель — наклонное рангоутное дерево, одним своим концом упирающееся в мачту сзади; на другом конце на ходу поднимается кормовой флаг.

Гордень — снасть, проходящая через один одношкивный блок.

Горловина — круглое или овальное отверстие, служащее для доступа в трюмы, цистерны и т. п.; закрывается водонепроницаемой крышкой.

Грот-мачта — вторая от носа мачта.

Гюйс — особый флаг, который поднимается на носу военного корабля 1-го и 2-го ранга, стоящего на якоре.

Дальномер —прибор для измерения расстояния.

Двойное дно, или внутреннее, делается почти на всех военных судах и на больших коммерческих пароходах; служит для предохранения от последствий днищевых пробоин, а также с целью увеличить крепость корпуса. Пространство между внутренним дном и наружным называется междудонным и подразделяется непроницаемыми продольными и поперечными перегородками на отсеки, которые остаются порожними или используются для хранения пресной воды, нефти и пр.

Девиация — отклонение компаса, происходящее от влияния на него корабельного железа.

Десант — высадка военных частей или морского отряда на берег для военных действий на побережье.

Диспозиция — план расположения кораблей для стоянки на рейде.

Дифферент — разность углубления носа и кормы.

Док — бассейн, который может быть осушен; в него вводятся суда для починки. Бывают и плавучие доки.

Дрейф — отклонение движущегося корабля от намеченного пути под влиянием ветра, течения, сильной волны и напора льдов.

Лечь в дрейф — расположить паруса таким образом, чтобы от действия ветра на один из них судно шло вперед, а от действия его на другие — пятилось назад, вследствие чего судно держится почти на месте.

Дробь-атака — сигнал, который играли на горне и барабане для приготовления корабля к отражению атаки миноносцев.

Дробь-тревога — сигнал, который играли перед учением по боевому расписанию.

Дудка — свисток, которым подаются с вахты сигналы. Дать дудку — передать по кораблю распоряжение вахтенного начальника, предварив его сигналом на судне; было присвоено боцманам и строевым унтер-офицерам.

Ендова — медная посуда с носиком; в ендове выносили водку наверх для раздачи команде.

Есть — слово, заменяющее во флоте ответы: хорошо, слушаю, понял.

Жвака-галс — кусок цепи той же толщины, что и якорный канат. Жвака-галс крепится за обух, вделанный в корпус корабля скобою, называемою жвакагалсовою.

Заблокировать — прекратить морские сообщения противника или изолировать его морские силы в какой-либо базе морского театра.

Задраить — плотно закрыть.

Зюйд — юг.

Иллюминатор — круглое окошко с толстым стеклом на корабле.

Индикаторная площадка — площадка между верхними частями паровых цилиндров главной машины.

Кабельтов — $^1/_{10}$ часть морской мили, равняется 185,3 метра; в море небольшие расстояния измеряют кабельтовыми.

Каболка — пеньковая нить.

Каземат — бронированное помещение в борту; в нем ставят пушки среднего калибра.

Казенная часть пушки. — Орудие по наружной своей поверхности делится на две части: дульную часть — от переднего среза орудия до цапф и казенную часть — от цапф до заднего среза. Цапфами называют приливы с боков орудия, которыми оно ложится на станок.

Казенник — задняя часть орудия, навинченная на кожух орудия.

Калибр — диаметр канала орудия.

Камбуз — корабельная кухня.

Канат — 1) якорная цепь, 2) трос более тринадцати дюймов в обхвате.

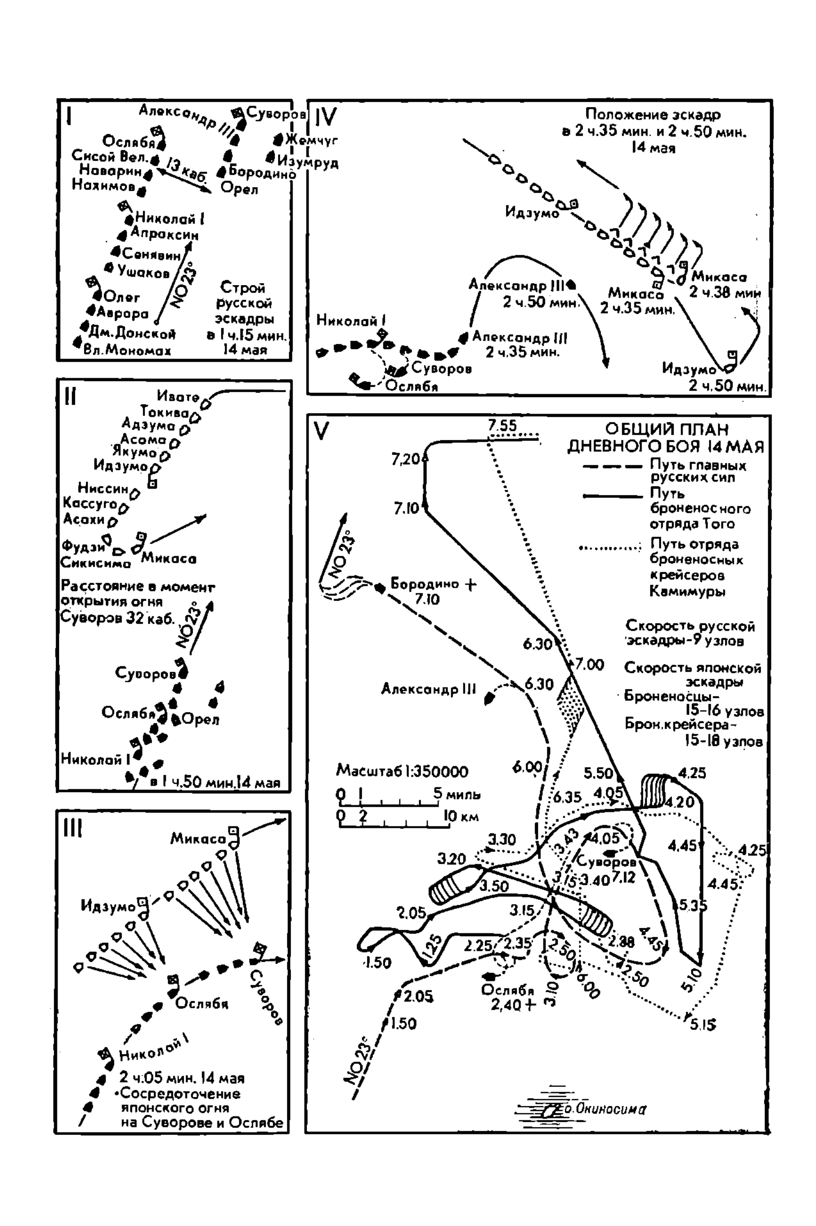
Канонерка или канонерская лодка — корабль небольшого размера для действия у берегов и в реках, имеющий артиллерию среднего калибра.

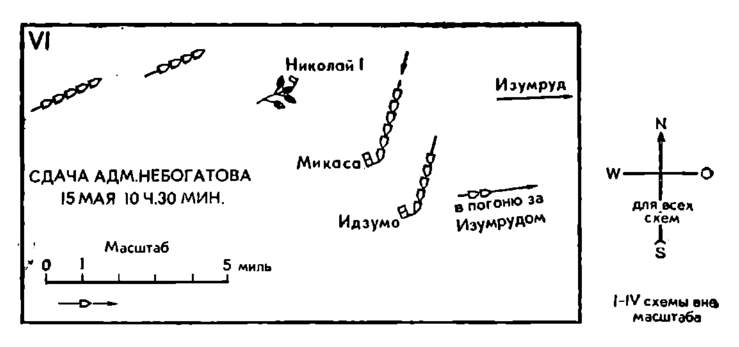
Капитан 1-го ранга и капитан 2-го ранга — чины старшего командного состава царского флота, или иначе — штаб-офицерские чины; следующие за ними — адмиральские чины.

Капрал — воинское звание в некоторых иностранных армиях, соответствовавшее русскому ефрейтору. В русском флоте «капрал» — кличка унтер-офицеров.

Катер — десяти-шестнадцативесельная шлюпка легкой постройки.

Катер минный — небольшое паровое судно, вооруженное торпедным аппаратом. Прообраз современных миноносцев.

I
Александр III
Суворов
Ослябя
Жемчуг
Сисой Вел.
Изумруд
Наварин
13 каб.
Бородино
Нахимов
Орел
Николай I
Апраксин
Сенявин
Ушаков
NO23°
Олег
Аврора
Дм. Донской
Вл. Мономах
Строй русской эскадры в 1 ч.15 мин. 14 мая
IV
Положение эскадр в 2 ч.35 мин. и 2 ч.50 мин. 14 мая
Идзумо
Микаса 2 ч.38 мин
Александр III 2 ч.50 мин.
Микаса 2 ч.35 мин.
Николай I
Александр III 2 ч.35 мин.
Суворов
Ослябя
Идзумо 2 ч.50 мин.
II
Ивате
Токива
Адзума
Асома
Якумо
Идзумо
Ниссин
Кассуго
Асахи
Фудзи
Сикисима
Микаса
Расстояние в момент открытия огня Суворов 32 каб.
NO23°
Суворов
Ослябя
Орел
Николай I
в 1 ч.50 мин.14 мая
III
Микаса
Идзумо
Ослябя
Суворов
Николай I
2 ч.05 мин. 14 мая
•Сосредоточение японского огня на Суворове и Ослябе
V
ОБЩИЙ ПЛАН ДНЕВНОГО БОЯ 14 МАЯ
Путь главных русских сил
Путь броненосного отряда Того
Путь отряда броненосных крейсеров Камимуры
Скорость русской эскадры-9 узлов
Скорость японской эскадры
Броненосцы-15-16 узлов
Брон.крейсера-15-18 узлов
Масштаб 1:350000
0 1 5 миль
0 2 10 км
NO23°
Бородино + 7.10
Александр III
Суворов 7.12
Ослябя 2,40 +
о. Окиносима
7.55
7,20
7.10
6.30
7.00
6.30
6.00
5.50
4.25
6.35
4.05
4.20
3.30
3.43
4.05
4.45
4.25
3.20
3.15
3.40
4.45
3.50
5.35
2.05
3.15
2.38
4.45
1.25
2.25
2.35
2.50
2.50
5.10
1.50
3.10
6.00
2.05
5.15
1.50
NO23°

VII

129 к востоку от Гринвича 130 131 132 133

38

Я П О Н С К О Е

М О Р Е

К О Р Е Я

Я П О Н И Я

Дм. Донской

Бедовый

о. Дажелет (Мацу)

Быстрый

Светлана

Николай I
Орел
Апраксин
Сенявин

Ушаков

Буйный

о-ва Оки

Громкий

Безупречный

Иртыш

ФУЗАН

Западный пр.

Сисой Великий

Вл. Мономах

Наварин

Бородино

Нахимов

Александр III

Суворов

Урал

о. Цусима

Ослябя

Камчатка

Русь

о. Окиносима

ХАМАДА

о. Нипон (Хандо, Хонсю)

СИМОНОСЕКИ

Корейский

Восточный (Цусимский)

о. Ики

Блестящий

о. Киу-Сиу (Кюсю)

САСЕБО

о-ва Гото

КУМАМОТО

НАГАСАКИ

37 36 35 34 33

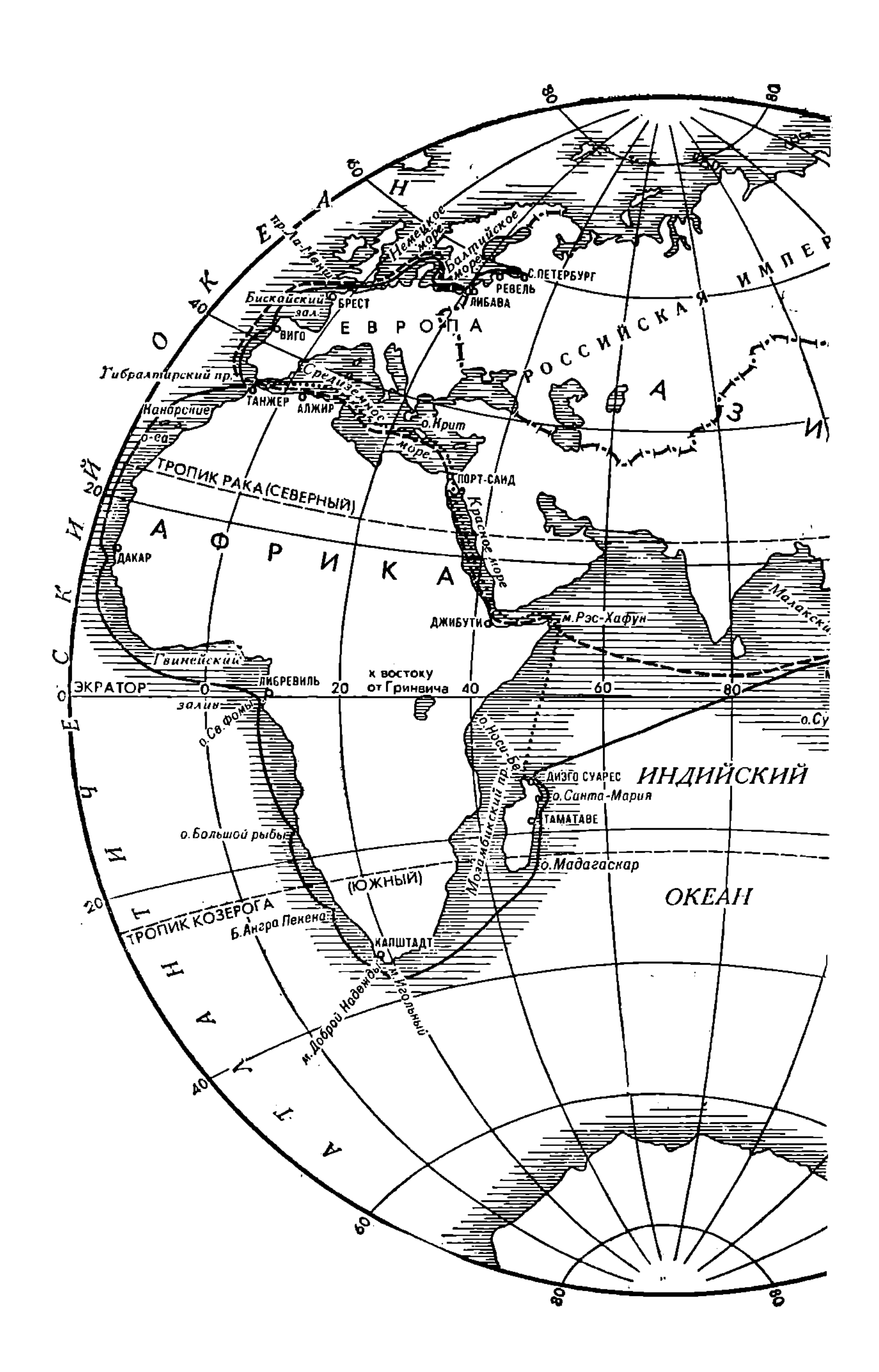
МЕСТА ГИБЕЛИ (▲) И СДАЧИ (Ч) РУССКИХ СУДОВ

(за время боев 14-15 мая)

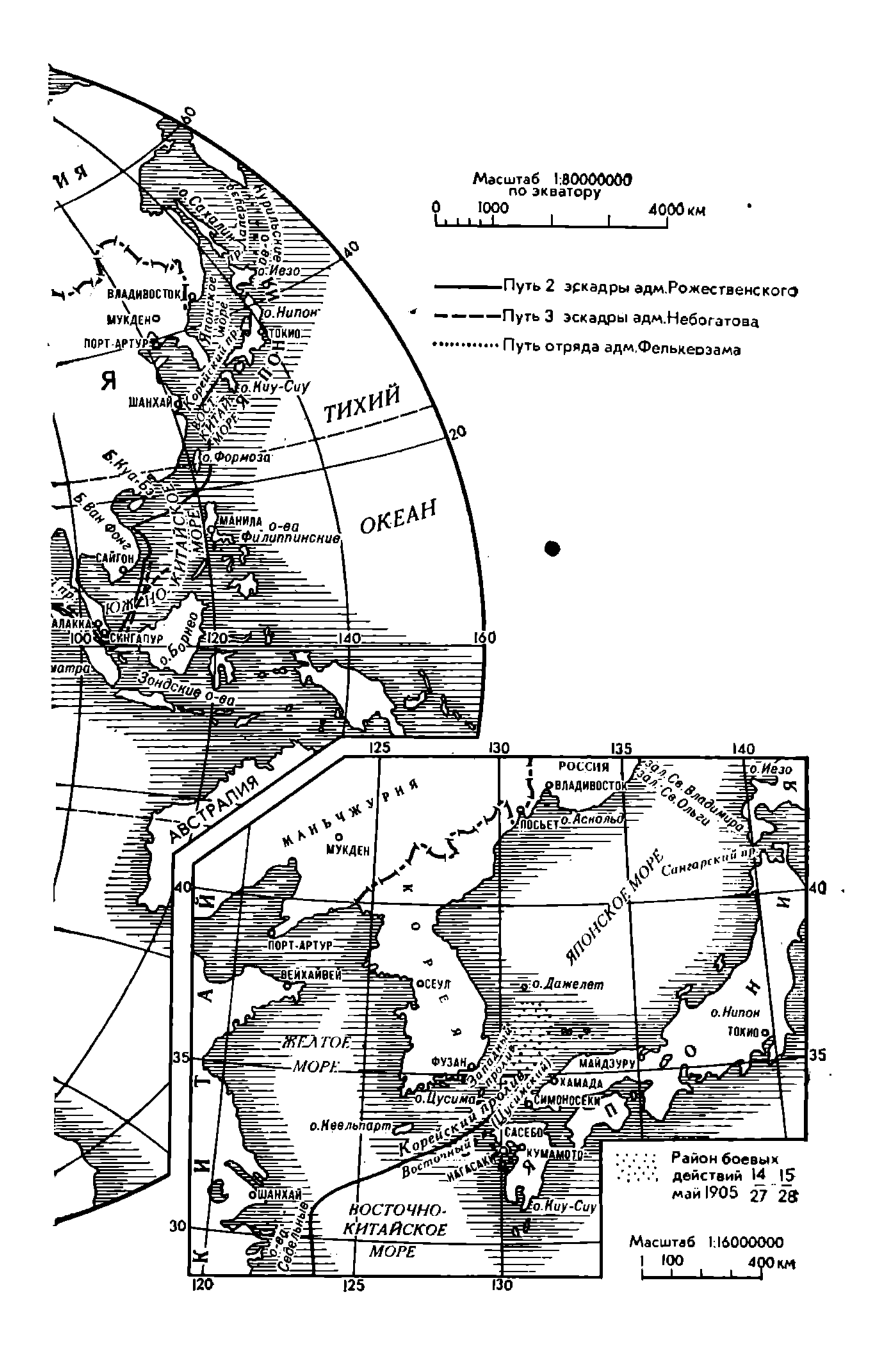
Масштаб 1:3500000

0 10 50 миль

0 20 100 км

О К Е А Н
Ч Е С К И Й
А Т Л А Н Т И
пр. Ла-Манш
Немецкое море
Балтийское море
С.ПЕТЕРБУРГ
РЕВЕЛЬ
ЛИБАВА
Бискайский зал.
БРЕСТ
ВИГО
ЕВРОПА
РОССИЙСКАЯ ИМПЕР
А З И
Гибралтарский пр.
ТАНЖЕР
АЛЖИР
Средиземное море
о. Крит
Канарские о-ва
ТРОПИК РАКА (СЕВЕРНЫЙ)
ПОРТ-САИД
А Ф Р И К А
Красное море
ДАКАР
ДЖИБУТИ
м. Рэс-Хафун
Малакск
Гвинейский залив
ЭКВАТОР
ЛИБРЕВИЛЬ
к востоку от Гринвича
о. Св. Фомы
о. Носи-Бе
ДИЭГО СУАРЕС
ИНДИЙСКИЙ
о. Санта-Мария
ТАМАТАВЕ
о. Большой рыбы
Мозамбикский пр.
о. Мадагаскар
(ЮЖНЫЙ)
ТРОПИК КОЗЕРОГА
ОКЕАН
Б. Ангра Пекена
КАПШТАДТ
м. Доброй Надежды
м. Игольный
о. Су
0
20
40
60
80

Масштаб 1:80000000
по экватору
0 1000 4000 км
Путь 2 эскадры адм.Рожественского
Путь 3 эскадры адм.Небогатова
Путь отряда адм.Фелькерзама
о.Сахалин
пр.Лаперуза
Курильские о-ва
о.Иезо
о.Нипон
ТОКИО
ВЛАДИВОСТОК
МУКДЕН
ПОРТ-АРТУР
Японское море
Корейский пр.
ШАНХАЙ
о.Киу-Сиу
ВОСТ.-КИТАЙСКОЕ МОРЕ
ТИХИЙ
ОКЕАН
о.Формоза
Б.Куа-Бэ
Б.Ван Фонг
МАНИЛА
о-ва Филиппинские
САЙГОН
ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ
о.Борнео
СИНГАПУР
Зондские о-ва
АВСТРАЛИЯ
РОССИЯ
ВЛАДИВОСТОК
зал.Св.Владимира
зал.Св.Ольги
о.Иезо
ПОСЬЕТ
о.Аскольд
МАНЬЧЖУРИЯ
МУКДЕН
Сангарский пр.
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
ПОРТ-АРТУР
ВЕЙХАЙВЕЙ
КОРЕЯ
СЕУЛ
о.Дажелет
о.Нипон
ТОКИО
ЖЕЛТОЕ МОРЕ
ФУЗАН
Западный проход
МАЙДЗУРУ
ХАМАДА
о.Цусима
СИМОНОСЕКИ
о.Квельпарт
Корейский пролив (Цусимский)
САСЕБО
Восточный
НАГАСАКИ
КУМАМОТО
Район боевых действий 14/27 15/28 май 1905
ШАНХАЙ
о-ва Седельные
ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ
о.Киу-Сиу
Масштаб 1:16000000
100 400 км
КИТАЙ
ЯПОНИЯ

Катер паровой — небольшое паровое судно, поднимаемое на борт военных кораблей.

Каюта — комната на корабле.

Кают-компания — большая каюта для общего пользования командного состава.

Квартирмейстер — первое унтер-офицерское звание.

Киль — продольный брус, идущий посредине вдоль днища судна по всей его длине и служащий основанием корпуса корабля или шлюпки.

Кильватер — см. строй.

Кингстон — всякий клапан в подводной части, служащий для доступа забортной воды внутрь корабля.

Кливер — косой треугольный парус, ставящийся впереди фок-мачты.

Клинкет — задвижной клапан; служит для перепускания воды в трюме из одного отделения в другое.

Клотик — кружок со шкивами на верхушке мачты или флагштока.

Клюз — сквозное отверстие в борту для пропускания якорного каната.

Клюз-сак — железная крышка, задраивающая клюз, чтобы при сильной волне через него не проникала вода на палубу.

Кнехт — вертикальные металлические брусья, прикрепленные болтами к палубе. Кнехты служат для закрепления швартовых или буксирных концов.

Коечные сетки — особые лари на верхней палубе корабля, в которые укладываются койки.

Кожух — предохранительная металлическая покрышка механизмов или их частей.

Кок — корабельный повар, готовящий пищу для команды.

Кокор — цилиндрический мешок с порохом; служит для подачи зарядов из крюйт-камеры к орудиям.

Комендор — матрос-артиллерист.

Комингс — порог вокруг люка, препятствующий стоку воды с палубы внутрь корабля.

Кондрики — наплечные галунные или тесемочные нашивки, которые носили унтер-офицеры.

Кондуктор — промежуточное звание между офицером и унтер-офицером. На кораблях — ближайшие помощники офицеров-специалистов.

Конец — всякая свободная снасть небольшой длины.

Контр-галсом, или *контр-курсом*, означает, что корабли идут встречными курсами.

Коордонат — см. повороты.

Кортик — ручное оружие вроде небольшого кинжала, присвоенное начальствующему составу флота.

Коэффициенты боевые — числа, выражающие условно боевые качества военных кораблей по отношению к другим кораблям того же типа.

Крамбол — на парусных судах — деревянный брус, прикрепленный к скуле судна; служит для подъема якоря; на современных судах заменен железной балкой. Выражение «на правый крамбол» или на «левый крамбол» определяет положение предмета, видимого с судна по направлению на крамбол.

Крейсер — корабль, обладающий достаточной мореходностью, значительной скоростью хода, вооружением и районом действия; выполняет разведывательную и дозорную службу, несет охранение конвоируемых транспортов в море, ставит мины заграждения, участвует в крейсерско-набеговых операциях и т. п.

Крен — наклонение корабля набок от вертикального положения.

Крюйт-камера — корабельный погреб, в котором хранится порох; обыкновенно устраивается в подводной части судна.

Кубрик — 1) четвертая палуба на корабле, считая с верхней; 2) жилое помещение команды.

Курс — направление движения судна относительно стран света или относительно ветра.

Лавировать — идти на парусном судне переменными курсами (по ломаной линии).

Лаг — прибор для измерения скорости судна и пройденного расстояния.

Лайба — простая большая финская лодка с одной или с двумя мачтами, на каждой из которых по одному парусу. Раньше эти лодки употреблялись в окрестностях Петербурга для перевозки дров, сена и т. п.

Лебедка — машина для подъема тяжестей.

Леер — туго натянутая веревка, у которой оба конца закреплены; в частности, леером называют тонкий стальной трос, протянутый в два или три ряда между стойками по борту судна или на мостиках для ограждения открытых мест.

Лейтенант — второй офицерский чин в царском флоте.

Линейный корабль — крупный артиллерийский корабль, имеющий основным назначением в бою наносить противнику мощные артиллерийские удары и оказывать наиболее упорное сопротивление его действиям.

Лопатить палубу — отжимать резиновой лопатой воду с мокрой палубы.

Лот — прибор для измерения глубин моря.

Лоция — часть науки кораблевождения. Она занимается подробным изучением морей и океанов и служит руководством, как располагать по ним курсы судна, минуя все опасности и применяясь к господствующим ветрам, течениям и другим местным условиям, и как совершать плавание по ним в кратчайший срок. Для этого в настоящее время в лоции описаны моря и океаны всего света, а также окружающие их берега и берега бесчисленных островов; почти везде изучены глубины, а опасные места обставлены предостерегательными знаками. Для всех морей составлены карты в том или ином масштабе. Все описания морей носят название *руководств для плавания*, или *лоций*, и вместе с картами составляют главные пособия для плаваний.

Люк — отверстие в палубе, служащее для схода вниз.

Магистральная паровая труба — главная паровая труба, принимающая пар от всех котлов на корабле.

Мамеринец — приспособление у артиллерийских башен, предохраняющее от попадания в зазор между броневой частью баш-

ни и палубой воды и мусора; заводится на время похода, когда ожидается свежая погода.

Марс — площадка на мачте.

Марсель — парус, который ставится между марса-реем и нижним реем.

Марсовые — матросы — специалисты по такелажным работам; на парусных судах — матросы, работающие на марсе.

Марсофлот — опытный моряк, знающий и любящий морское дело парусного периода; в настоящее время «марсофлот» произносится в ироническом смысле.

Мателот — соседний в строю корабль.

Маяк — искусственное сооружение, служащее для определения места судна при плавании вблизи берегов. Обыкновенно маяк представляет собой башню, на которой ночью зажигается огонь. На отмелях, идущих далеко от берега, или на банках, ставят с этой же целью особые суда с фонарями, называемые плавучими маяками.

Мегафон — большой рупор, служащий для передачи приказаний и разговоров на большом расстоянии.

Миля морская — мера длины на море, равная 1,85 километра.

Мина самодвижущаяся — стальной сигарообразный снаряд длиной 5—8 метров и диаметром 45—55 сантиметров; одно из главных орудий военно-морского флота; выбрасывается в воду (выстреливается) в сторону противника с корабля из специального торпедного аппарата. В воде торпеда идет на некоторой глубине собственным ходом при помощи помещенного в ней двигателя, вращающего гребные винты. Двигатель торпеды работает сжатым воздухом. При столкновении торпеды с кораблем взрывается расположенный в головной части торпеды снаряд, начиненный взрывчатым веществом.

Мина заграждения — металлический шар, начиненный взрывчатым веществом; ставится в воду на якоре на путях движения судов. При прикосновении корабля к мине она взрывается и разрушает подводную часть его корпуса.

Минер — рядовой специалист по минной части.

Миноносец — быстроходное военное судно, вооруженное торпедными аппаратами.

Минный крейсер — термин устаревший; раньше минными крейсерами называли относительно большие миноносцы.

Мичман — первый офицерский чин в царском флоте.

Мол — портовое сооружение в виде выдающейся в море стенки, упирающейся одним концом в берег и служащей для ограждения порта от волнений в море и от течений.

Мостик — легкая возвышенная надстройка над верхней палубой, защищенная от волны и ветра. На так называемом ходовом мостике сосредоточиваются все приборы, необходимые для управления судном на ходу.

Муссон — периодический ветер, изменяющий свое направление в зависимости от времени года. Муссоны наблюдаются главным образом в тропическом поясе.

Навигация — отдел науки кораблевождения. В ней указываются способы определения точного местонахождения корабля при плавании в виду берегов и приближенного места нахождения

в открытом море. Так же называется сезон, в который продолжается плавание в известном море.

Надраивать — начищать.

Найтовить — связывать веревкой, закреплять предметы.

Нактоуз — деревянный шкафик, на который устанавливается компас.

Нок — оконечность всякого горизонтального или наклонного дерева.

Норд — север.

Нория — бесконечная цепь с подаваемыми патронами из патронных погребов к пушкам.

Обер-аудитор — офицер, или военно-морской чиновник, производящий предварительные следствия по делам, возникающим на эскадре, а равно и ведущий переписку флагмана по судебным и дисциплинарным делам, вопросам юридическим и международного права.

Опреснитель — аппарат, служащий для опреснения забортной соленой воды.

Оптический прицел — прибор, служащий для наводки орудия на цель. Главная часть оптического прицела — зрительная труба.

Орудийный порт — окно в борту судна для орудия.

Осадка — углубление корабля, измеряемое в футах или в метрических мерах.

Ост — восток.

Остойчивость — способность корабля плавать в равновесии (в прямом положении) и легко возвращаться в состояние равновесия, когда он выведен из него какой-либо силой.

Отличительные огни. — Все суда, как паровые, так и парусные, на ходу в ночное время должны нести на правой стороне зеленый огонь, на левой — красный огонь.

Отсеки — отдельные помещения внутри судна, разграниченные особыми перегородками вдоль и поперек судна. Этим корабль в значительной мере обеспечивается от потопления в случае получения пробоины. Переборки отсека не позволяют воде распространяться по всему судну.

Отшвартоваться — прикрепить судно к берегу или пристани с помощью швартовых.

Пал — чугунная, каменная, деревянная тумба или несколько свай, скрепленных между собою, за которые заводятся швартовы.

Парусник — 1) так сокращенно называют парусное судно, плавающее исключительно под парусами; 2) мастеровой, который шьет паруса.

Пассаты — ветры, дующие с довольно постоянной силой трехчетырех баллов; направление их не сохраняется всегда постоянным, но изменяется в тесных, однако, пределах.

Перлинь — веревка или трос толщиною от четырех до шести дюймов в обхвате.

Пирога — длинный и узкий челн, выдолбленный или выжженный из древесного ствола.

Планширь — деревянный брус с округленными кромками, ограничивающий фальшборт в верхней его части.

Пластырь — особо изготовленный парусиновый ковер, который подводится под пробоину и давлением воды прижимается к ней; служит приспособлением для временной заделки пробоины.

Плутонг — группа орудий, имеющих одинаковый угол обстрела и объединенных в одном месте под командой одного начальника — плутонгового командира.

Повороты производятся по сигналам с флагманского корабля для перестроения эскадры из одного строя в другой (см. строй) и для изменения направления ее движения; выполняются они либо последовательно — корабли эскадры следуют движению головного, то есть идут как бы по его следу, либо все вдруг — каждый на своем месте, либо описывают коордонат — дугу вправо или влево.

Подшкипер — содержатель корабельного имущества (унтерофицер) по морской части.

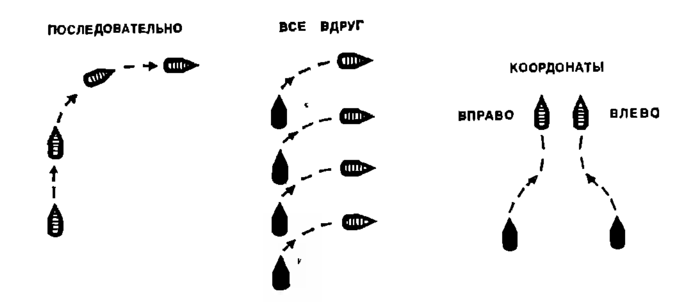
Полупортики — ставни пушечного порта.

Порт — место, имеющее рейд или гавань для судов, а равно располагающее всем необходимым для ремонта и снабжения судов для плавания и для выполнения перегрузочных операций.

Прожектор — осветительный прибор, дающий узкий пучок сильного света; приспособлен для направления лучей на относительно далекое расстояние и в любом направлении.

Пушечный порт — см. орудийный порт.

ПРИМЕРНЫЕ ПОВОРОТЫ

Радиорубка — помещение на судне, в котором помещаются радиопередатчики и радиоприемники.

Раковина — свес в кормовой части судна; в настоящее время не делается, но слово остается в употреблении для обозначения направления предмета, видимого с судна приблизительно на четыре румба позади траверза (см. румб и траверз).

Рангоут — мачты, стеньги, реи и прочее дерево.

Рандеву — место встречи или соединения судов.

Ратьеровский фонарь (фонарь Ратьера) — фонарь особого устройства для ведения переговоров ночью, скрытно от противника.

Ревизор — офицер, заведующий хозяйственной частью корабля.

Рей — поперечное дерево на мачте.

Рейд — водное пространство у берегов, представляющее собой удобную стоянку для судов, защищенную от ветров и волнения.

Рекогносцировка — разведывание обстановки, осмотр местности.

Реляция — донесение о военных происшествиях.

Репетичный корабль — корабль, который репетует сигналы.

Репетовать — повторять сигналы.

Рефрижератор — холодильник.

Риф — коса, отмель, или банка с твердым грунтом.

Ростры — возвышение над верхней палубой, на котором помещают баркасы и другие шлюпки.

Румб — направление от центра видимого горизонта к точкам его окружности. Из множества румбов 32 носят особое название. Под словом «румб» подразумевается также величина между двумя смежными румбами, и в этом смысле считают, что один румб равен 11 градусам 15 минутам. Если говорят, что корабль повернул на 4 румба вправо, это значит, что он повернул на 45 градусов вправо.

Рундук — закрытые нары, в которых хранятся личные вещи команды.

Рында, бить рынду — условный сигнал, который бьют в судовой колокол во время тумана.

Салинг — вторая снизу площадка на мачте.

Салют — приветствие, отдаваемое холостым выстрелом из орудий.

Семафор — система переговоров на близком расстоянии при помощи ручных флажков.

Световой семафор — система переговоров на близком расстоянии ночью при помощи двух ручных фонарей (электролампочек).

Сегментный снаряд — особого устройства артиллерийский снаряд, применявшийся для поражения целей осколками сверху.

Секстант — ручной астрономический инструмент, которым пользуются моряки для определения местонахождения судна в море.

Сепаратор — прибор, отделяющий от пара увлеченную им воду.

Сигнал — условный знак для передачи на отдаленное расстояние приказов, распоряжений, донесений и т. п.

Сигнальщик — матрос-специалист, обслуживающий оптические средства связи и наблюдения на корабле.

Склянки — получасовой промежуток времени, обозначаемый одним ударом в судовой колокол. Количество склянок показывает время. Счет их начинается с полудня. Восемь склянок обозначают четыре часа. Через каждые четыре часа счет начинается снова.

Спардек — навесная палуба, расположенная в середине судна.

Стаксель — косой парус, поднимаемый по лееру.

Старший офицер — первый помощник командира.

Стать лагом — стать бортом к волне или к другому судну.

Стеллажи — полки в патронных погребах и в крюйт-камерах, на которых хранятся снаряды, патроны и футляры с порохом.

Стеньга — дерево, служащее продолжением мачты.

Стеньговый флаг — флаг, поднимаемый на стеньге.

Створ — положение, при котором два или несколько предметов находятся в одной вертикальной плоскости с глазом наблюдателя.

Стрела Темперлея — особое устройство, служащее для погрузок угля.

Строй. — Для удобства управления соединением или эскадрой в походе и в сражении корабли ходят в строю. Смотря по расположению судов, строи бывают: строй одной кильватерной колонны — корабли идут друг за другом, гуськом; строй пеленга — корабли идут уступами влево или вправо; строй фронта — корабли идут шеренгой, рядом друг с другом; строй клина, образуемый из двух строев пеленга.

СТРОЙ

Строп — большое кольцо из троса, концы которого сплеснены (связаны); им охватывается груз при подъеме талями.

Табулевича фонарь — фонарь особого устройства для сигнализации.

Такелаж — общее наименование всех снастей на мачтах, стрелах и пр.

Тали — снасть, основанная между блоками для выигрыша в силе тяги.

Таран — выступ высокой подводной части судна для удара в неприятельский корабль с целью пробить ему подводную часть.

Твиндек — на коммерческих судах палуба, расположенная ниже верхней.

Тент — парусина, растягиваемая над верхней палубой и мостиками для защиты личного состава от солнечных лучей, а также и от нагревания самой палубы. Для защиты от дождя ставятся дождевые тенты из более плотной парусины.

Топ — верх, вершина вертикального рангоутного дерева, например, мачты, стеньги.

Топовый огонь — белый огонь, поднимаемый на ходу паровыми судами на фок-мачте или впереди ее; освещает горизонт

прямо по носу, вправо и влево от него на десять румбов. Видимость его должна быть не менее пяти миль, или девяти километров.

Торпеда — см. мина самодвижущаяся.

Траверз — 1) направление под прямым углом к курсу судна; 2) на корабле — поперечная броневая перегородка для защиты от осколков.

Травить — перепускать снасть, то есть давать ей слабину.

Траектория — линия, описываемая центром тяжести снаряда при его полете в воздухе после выстрела.

Трал — средство борьбы с минами, имеющее назначением обнаруживать и уничтожать минные заграждения.

Транспорт — вспомогательное судно, предназначенное для перевозки войск, съестных и военных припасов, запасов каменного угля, нефти, воды и т. п. для действующего флота.

Трап — лестница на корабле.

Трос — общее наименование веревок.

Трюм — внутреннее помещение на судне, лежащее ниже самой нижней палубы. На военных кораблях трюм — шестая сверху палуба.

Турбины водоотливные — мощные насосы лопастного типа; служат для быстрого откачивания воды; производительность достигает 500 тонн в час.

Узел — единица длины в морском деле: расстояние, проходимое судном за 0,5 минуты времени. Длину (условную) узла считают равной 48 футам. Следовательно, сколько узлов судно проходит за 0,5 минуты, столько морских миль оно проходит в час.

Фал — 1) снасть, служащая для подъема некоторых рангоутных деревьев и парусов; 2) веревка, на которой поднимается флаг, гюйс и флажные сигналы.

Фалреп — трос (веревка), заменяющий поручни у входного трапа.

Фалрепный — матрос, посылаемый с вахты подать фалреп.

Фарватер — свободный проход между опасными местами, обставленный предостерегательными знаками, или определенный путь для плавания судов.

Фитиль — особый проселитренный жгут для прикуривания на баке у кадки с водой; шуточное матросское название выговора от начальства.

Флагман — командующий соединением военных кораблей. Корабль, на котором имеет пребывание флагман, поднимает на мачте особый отличительный флаг.

Флагманский корабль — судно, на котором флагман держит свой флаг.

Флаг-капитан — штаб-офицер, состоящий при адмирале: ему подчинены все чины штаба; начальник штаба.

Флаг-офицер — обер-офицер, состоящий при начальнике соединения и выполняющий адъютантские обязанности.

Флагманские специалисты — инженер-механик, корабельный инженер, артиллерист, минер, штурман, доктор и др., состоящие при штабе начальника эскадры.

Флагшток — древко (шток, стойка), на котором поднимается кормовой флаг.

Фланг — левый или правый бок колонны судов.

Фок-мачта — передняя мачта на судне.

Фок-рей — нижний рей фок-мачты.

Форменка — белая полотняная матросская рубашка с синим воротником.

Форштевень — продолжение киля в передней оконечности судна.

Фрегат — трехмачтовое парусное военное судно, имевшее одну закрытую батарею.

Ходовая рубка — рубка, из которой управляют кораблем во время похода.

Холодильник — прибор, служащий для сгущения отработанного пара в воду.

Хронометр — переносные пружинные часы, отличающиеся весьма точным ходом

Цапфы — приливы в качающейся обойме орудия, которыми при помощи вкладных подцапфников оно соединяется с вертлюгом (вращающейся частью станка).

Целик — подвижная часть прицела пушек, перемещается вправо и влево, чтобы ввести поправку на движение цели, свой ход и боковой ветер.

Цилиндры высокого, среднего и низкого давления.— Если на корабле главная поршневая машина имеет три паровых цилиндра и пар последовательно проходит через первый, второй и третий цилиндры, то машина называется тройного расширения. Первый цилиндр, куда попадает пар из котла, называется цилиндром высокого давления, второй — цилиндром среднего давления и третий — цилиндром низкого давления. Если цилиндр низкого давления получается слишком большого диаметра, то объем его разбивают на два равных и ставят два цилиндра низкого давления; таким образом машина тройного расширения может иметь четыре цилиндра.

Циркуляция — кривая, по которой движется центр тяжести корабля при отклонении руля.

Цистерна — специальное хранилище на судах для пресной воды, масла, вина и т. п.

Швартов — канат для прикрепления судна к пристани, к другому судну и т. п.

Широта — координата; вместе с долготой служит для определения положения точки на земной поверхности. Широта — угол между плоскостью экватора и отвесной линией, проходящей через данную точку; измеряется от экватора к полюсам в пределах от 0 градусов до 90 градусов (северная и южная широта).

Шканцы — часть верхней палубы от грот-мачты до бизань-мачты. На двухмачтовых кораблях район шканцев определялся приказом по морскому ведомству; в царском флоте — главное почетное место на корабле.

Шкафут — часть верхней палубы между фок- и грот-мачтами.

Шквал — внезапно налетевший ветер большей или меньшей силы.

Штерт — тонкий короткий тросовый конец.

Шланг — гибкая труба из водонепроницаемой материи или резины; применяется для подводки жидкости или газа под давлением.

Шлюп — небольшое трехмачтовое парусное судно с одной открытой батареей.

Шлюпка — лодка.

Шлюпбалка — вращающаяся железная балка. Шлюпбалки устанавливаются попарно на борту корабля для подъема и спуска шлюпок.

Шпангоут — ребро корпуса корабля.

Шпиль — особый ворот, устанавливаемый на судах для выхаживания якорного каната, тяги перлиней и других работ.

Штандарт — флаг главы государства.

Штиль — безветрие.

Шторм — по шкале Бофорта — ветер в 9 баллов, скоростью в 18,3—21,5 метра в секунду, или примерно 45 морских миль в час.

Шторм-трап — тросовая переносная подвесная лестница.

Штурвал — механическое устройство, с помощью которого перекладывают руль.

Штурман — кораблеводитель, помощник командира по вождению корабля в море.

Штуртрос — передача от штурвала к румпелю.

Шхеры — островной берег; морское побережье, густо усеянное островками с тесными проливами.

Эволюция — маневр, производимый находящимися в строю кораблями для изменения курса, соединения расстояния между кораблями, построения в другой строй и т. п.

Экипаж — команда корабля; то же — морская часть на берегу.

Элеватор — подъемное приспособление для подачи снарядов и зарядов из погребов к орудиям.

Эллинг — место постройки кораблей на берегу, устроенное скатом.

Эскадра — соединение кораблей различных классов, подчиненное одному начальнику и выделяемое для самостоятельных действий в море.

Эшелон — отряд или небольшое соединение судов разных классов.

Юнга — молодой матрос, мальчик.

Ют — часть верхней палубы на корме корабля.

Якорное место — место, удобное для стоянки судов.

Яхта — всякое судно, как паровое, так и парусное, приспособленное для морских прогулок.

СОДЕРЖАНИЕ

ЦУСИМА

КНИГА ВТОРАЯ
«БОЙ»

Часть первая
ПОД ПЕРВЫМ УДАРОМ

1. Противник на горизонте 5
2. Встреча с главными силами 17
3. Первая кровь 25
4. Караван смерти 32
5. «Орел» в огне 39
6. 38 вымпелов без власти 45
7. Дальше от борта! 57

Часть вторая
НА КУРСЕ НОРД-ОСТ 23°

1. Есть... лейтенант Гирс! 71
2. Боевой день на «Орле» кончился 85
3. У нас триста пробоин 97
4. Нас окружает неприятель 112
5. Тягостная глава 121
6. Перед врагами герой, а на свободе растерялся 136
7. Люди боевых традиций 150
8. «Ушаков» в действии 164
9. Трагедия от недолетов 174
10. Я расстаюсь с «Орлом» 183
11. На японском броненосце «Асахи» 204
12. Неожиданная доблесть 209
13. Правда, которой не хотелось верить 214

Часть третья

ГЛАВНАЯ ОПОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

1. Представительное ничтожество 221
2. «Буйный» спасает флагмана 227
3. Крейсер «Дмитрий Донской» в верных руках 239
4. Штаб мечтает о плене 245
5. Команда «Буйного» перебирается на крейсер 253
6. Флагман не оправдал царских надежд 259
7. Молодая отвага старого крейсера 266
8. Сасебо вместо Владивостока 275
9. Мы все умрем, но не сдадимся 282

Часть четвертая

ОСКОЛКИ ЭСКАДРЫ

1. К чему приводит оплошность 287
2. Необходимая глава 321
3. Кто сорвал японский флаг? 339
4. Под пение петухов 347
5. Один против трех 362
6. Что видел сигнальщик с «Наварина» 377
7. Утраченную честь не вернешь 389
8. Корабль не по назначению 402
9. Под защитой ночи 411
10. Курс на берег 416
11. До последнего снаряда 423
12. Чему дивились японцы 433
13. «Блестящий» медленно погружается 437
14. В дрейфе 444
15. Человек, возвращенный могилой 461
Эпилог 471
Примечания 498

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список судов 1-й Тихоокеанской эскадры 508
Список судов 2-й Тихоокеанской эскадры 513
Список судов японского флота 516
Словарь военно-морских терминов. Схемы Цусимского боя
Карта-схема похода 2-й Тихоокеанской эскадры 523

Новиков-Прибой А. С.

Н 73 Цусима. В 2-х книгах. Кн. 2-я / Ил. А. З. Иткина.— М.: Правда, 1984.— 544 с., ил.

Роман известного русского советского писателя А. С. Новикова-Прибоя (1877—1944) «Цусима» рассказывает о событиях русско-японской войны 1905 года.

Н $\frac{4702010200 - 730}{080(02) - 84}$ 730 — 84 84 Р 7

Алексей Силыч НОВИКОВ-ПРИБОЙ

ЦУСИМА

КНИГА ВТОРАЯ

Редактор Н. Н. Ермолаева

Оформление художника Ю. К. Бажанова

Художественный редактор Е. М. Борисова

Технический редактор В. С. Пашкова

ИБ 730

Сдано в набор 19.01.84. Подписано к печати 04.09.84.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 28,56. Ус. кр.-отт. 28,56. Уч.-изд. л. 29,15.
Тираж 500 000 экз. (1-й завод: 1—150 000).
Заказ № 5127. Цена 2 р. 90 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865. ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии изд-ва «Советское Зауралье»,
640 627. г. Курган, ул. Карла Маркса, 106.